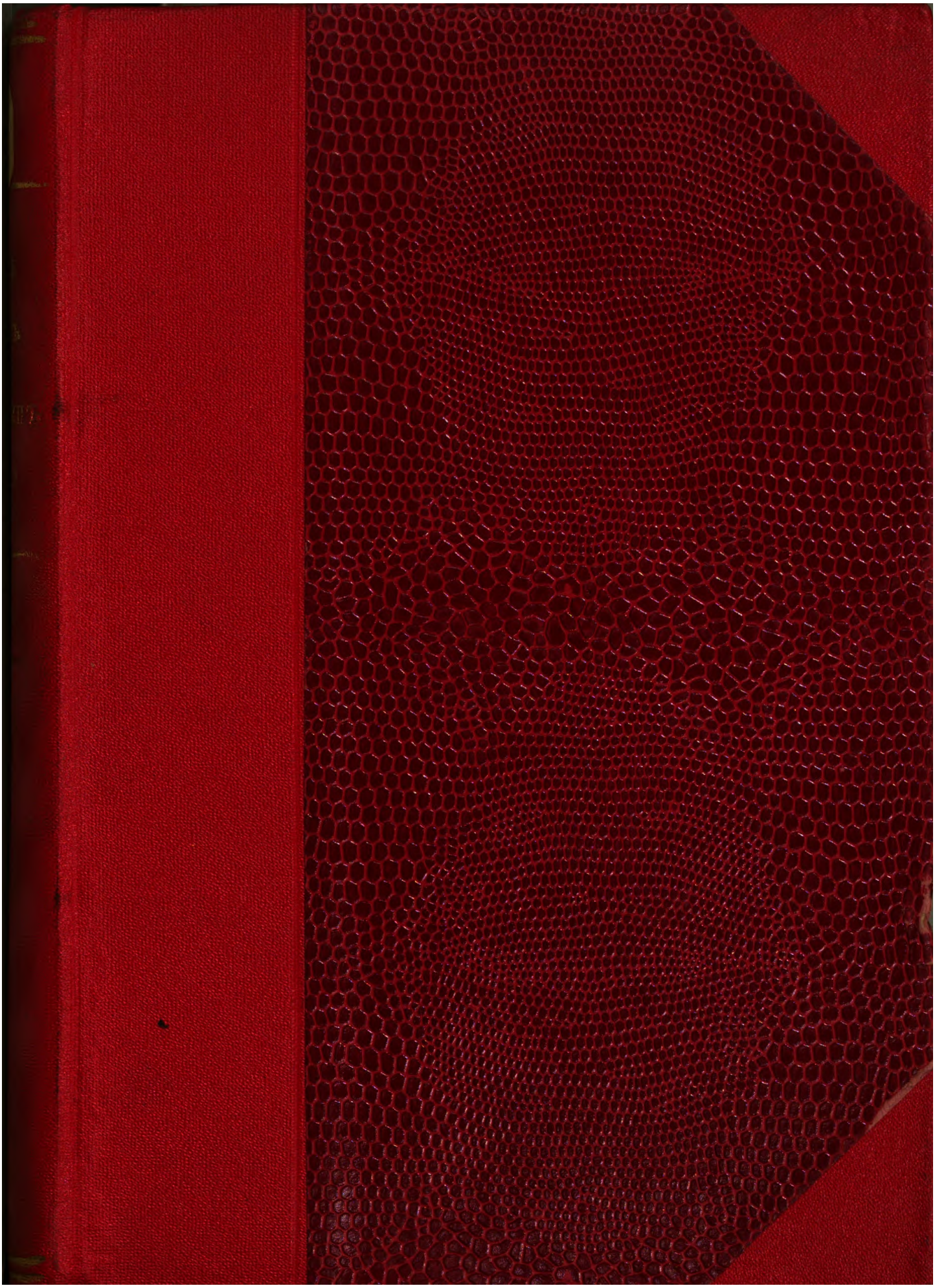

Slav 4353.62.17

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Графъ Е. Л. Салiасъ.

ШЕМЯКИНЪ СУД

ИСТОРИКО-БЫТОВОЙ РОМАНЪ.

Изданіе А. А. Петровича.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ф. Смирнова, Б. Дмитровка, домъ Чукси
1910.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
NOV 16 1965

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНЯЗЬЯ ТАТЕВЫ.

I.

Рано утромъ, въ сильный ноябрьскій морозъ на дворъ богатой усадьбы въѣхалъ „штафетъ изъ губерніи“, то-есть верховой гонецъ изъ главнаго города намѣстничества, съ казеннымъ пакетомъ на имя княгини Арины Саввишны Татевой.

Княгиня, прочитавъ посланіе, приказала позвать сына, и пожилой, на видъ даже старый, князь тотчасъ-же явился къ матери, которая, своимъ видомъ казалась его сестрой. Князь Антонъ Семеновичъ, войдя, не сѣлъ, а сталъ передъ матерью.

— Отъ намѣстника... Переливанье изъ пустого въ порожнее...—сказала княгиня.—На вотъ... Прочти и отвѣтствуй...

Намѣстникъ увѣдомлялъ княгиню, что ввиду наступающей первой годовщины восшествія на престолъ государя императора „губернія единогласнымъ усердіемъ предполагаетъ торжествовать“, а посему княгиня со всей своей фамиліей приглашается прибыть въ городъ для „персональнаго бытія во всемъ ономъ“, а равно желательно и ея „причастіе иждивеніемъ и лептой, наравнѣ съ прочими дворянами, на предметъ всѣхъ сопряженныхъ съ празднествами расходовъ“.

— Что-же прикажете?—спросилъ князь, дочитавъ письмо.

— Отвѣтствуй, что пріѣхать я не располагаю,—сурово заговорила княгиня,—и прилагаю отъ себя полъ-ста рублей...

— Не маловато-ли, маменька? Вы не такъ, бываетъ...

— Молчи! И этого много... Да разъясни этому остолопу, что я по сю пору еще оплакиваю великую монархиню и въ годовщину ея кончины у насъ въ храмѣ будетъ совершаться трехдневное души ея поминовеніе и заупокойное служеніе, а въ „Симеоновѣ“ и на селѣ будетъ все по-христіански благопристойно и тихо, а не ликованіе.

— Простите, маменька,—отозвался князь.—Я опасаюсь... Звѣревъ изъ всѣхъ правителей добрѣйшій, но простоватъ и...

— Не пой! Дѣлай, что приказываютъ.

— Не вышло бы бѣды... Вдругъ сей отвѣтъ покажется ему дерзновеннымъ, да отрапортуетъ онъ... Новый государь, сказываютъ, входитъ зачастую лично въ самомалѣйшія мелочи и бываетъ изъ-за малаго дѣла въ большомъ гнѣвѣ... Избави Боже, если да вдругъ...

— Да ты съ какой ноги нынче всталъ? съ ослиной?—воскликнула княгиня.—Ступай и скрипи перомъ, благо грамотѣй. Буду я, изволишь видѣть, ликовать, что Великая Екатерина годъ какъ скончалась. Это имъ, дуракамъ да подлецамъ, въ пору, а не мнѣ...

— Маменька, вы изволили не такъ предложеніе намѣстника себѣ изобразить. Онъ не...

— Ну, буде! Иди и строчи!—приказала княгиня.

Въ домѣ уже знали о событіи, и всѣ оживились...

Чрезъ часъ „штафетъ“ съѣзжалъ со двора, увозя отвѣтъ князя со вложенными пятьюдесятью рублями, а князь разсказывалъ все дѣтямъ—какъ и что.

Въ усадьбѣ, отстоявшей верстъ на семьдесятъ отъ губернскаго города и на триста верстъ отъ Москвы, жизнь шла однообразно, уныло, какъ-бы въ полной глуши оренбургскихъ степей или Новороссіи, и малѣйшій случай вызывалъ оживленіе обитателей.

Впрочемъ, не одна вотчина князей Татевыхъ, но и вообще все намѣстничество считалось глухимъ, какъ если-бы было за тысячу верстъ отъ первопрестольной столицы. Уѣздныхъ городовъ было мало, притомъ въ числѣ ихъ былъ только одинъ старый городъ. Всѣ остальные были административно созданные центры, ради раздѣленія намѣстничества на уѣзды.

Главный губернскій городъ существовалъ около полутораста лѣтъ. Дворянъ старинныхъ родовъ было въ намѣстничествѣ довольно много, но, по большей части, средней руки. Богатыхъ помѣщиковъ было не болѣе трехъ-четырехъ.

Самымъ богатымъ былъ князь Татевъ, и его вотчина „Старая Сѣчь“ была хорошо извѣстна даже за предѣлами намѣстничества, отчасти потому, что имѣніе было очень благоустроенное, красивое, настоящая княжеская вотчина, настоящее старинное дворянское гнѣздо, отчасти, потому что съ ней соединялось историческое событіе, о которомъ говорило и названіе „Сѣчь“.

Существовало преданіе, что на мѣстѣ, гдѣ стояла усадьба было страшное побоище русскихъ, кто говорилъ, съ татарами, а кто увѣрялъ, что съ поляками, и что на этомъ мѣстѣ погибло многое множество враговъ.

Усадьба была совершенно новая. Большой, просторный каменный барскій домъ, каменныя службы, большая и красивая церковь противъ дома,—все было дѣломъ рукъ княгини. И не даромъ старуха шутила, что она могла-бы переименовать имѣніе и, по примѣру великаго императора, назвать его въ свою честь—Санктъ-Ариненсбургъ.

Въ этомъ строительствѣ, или, вѣрнѣе, созданіи усадьбы, сказался отчасти характеръ княгини Арины Саввишны. Всякая другая на мѣстѣ княгини стала-бы перестраивать, подновлять усадьбу; она-же рѣшила сразу бросить старое мѣсто и перенести все на другое, болѣе возвышенное и красивое. Оставаясь въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, въ старой усадьбѣ, она, не спѣша, строила новую въ полуверстѣ разстоянія.

Объ одномъ только не подумала княгиня, а когда спохватилась, то было поздно, такъ какъ домъ и службы, совсѣмъ выведенные, уже накрывались крышей: княгиня забыла, что въ новой усадьбѣ не будетъ полустолѣтняго тѣнистаго сада. Тотчасъ-же, конечно, приступила она къ посадкѣ деревьевъ.

Съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ, и новый садъ уже мало чѣмъ уступалъ старому. Но, если на мѣстѣ старой усадьбы былъ десятокъ великолѣпныхъ вѣковыхъ дубовъ, то липовыя аллеи, достаточно прожившія на свѣтѣ, были теперь уже съ изъяномъ и не могли, конечно, равняться съ такими-же липовыми аллеями новаго сада.

Усадьба была, конечно, самая богатая во всемъ намѣстничествѣ. За все время, что единственный сынъ княгини былъ мальчуганомъ, а затѣмъ служилъ въ гвардіи, Арина Саввишна всѣ доходы употребляла на созданіе новаго княжескаго гнѣзда. И если молодой князь нѣсколько нуждался въ Петербургѣ, а товарищи его называли княгиню старой скрягой, то самъ онъ утѣшался мыслью, что его мать не копитъ зря деньги, а занимается строительствомъ.

Барскій домъ, обширный, красивый, съ колоннами со стороны двора и съ большой террасой со стороны сада, былъ копіей одного изъ домовъ окрестностей Петербурга и былъ выстроенъ по рисункамъ и планамъ, присланнымъ изъ столицы. Строилъ все жившій въ усадьбѣ архитекторъ, называвшій себя ученикомъ знаменитаго Растрелли. Если это было его выдумкой, то, во всякомъ случаѣ, онъ былъ человѣкъ талантливый и знающій свое дѣло. Усадебный домъ, а равно и храмъ, могли бы съ честью красоваться хотя-бы и среди улицъ столицы.

Единственно, что отчасти смущало тогда княгиню,—была большая затрата, которую она сдѣлала, хотя, конечно, наличныхъ денегъ все-таки хватило. Талантливый строитель самъ увлекся своей задачей и хватилъ черезъ край; но теперь кня-

гиня была рада, что не пожалѣла денегъ на „Симеоново“, какъ назвала она новую усадьбу въ честь покойнаго мужа.

Существованіе этой новой усадьбы имѣло большое значеніе въ жизни княгини. Это было ея созданіе и ея чадо, которое она любила болѣе всего на свѣтѣ. Размышляя, она мысленно соглашалась, что „Симеоново“ она любитъ, какъ-бы какое живое существо, и болѣе всѣхъ тѣхъ близкихъ живыхъ людей, которые ее окружаютъ.

Если-бы какой-либо таинственный духъ предсталъ предъ ней и далъ ей на выборъ: или смерть единственнаго сына, смерть двухъ внуковъ, или истребленіе пожаромъ, а то инымъ какимъ бѣдствіемъ, всей усадьбы, то княгиня, не колеблясь ни единаго мгновенія, рѣшила-бы вопросъ въ пользу своего чада—„Симеонова“.

II.

Большой домъ былъ, однако, полонъ. Княжеская семья была многочисленна да, кромѣ того, было еще три семьи приживальщиковъ, какъ и у всѣхъ богатыхъ дворянъ.

На второмъ этажѣ, въ который вела большая, красивая лѣстница прямо въ залу, вся правая сторона дома состояла изъ парадныхъ комнатъ: гостиныхъ, диванной и, наконецъ, портретной, гдѣ было около десятка семейныхъ портретовъ князей и княгинь Татевыхъ, а въ концѣ дома двѣ комнаты самой старой княгины Арины Саввишны. Совсѣмъ старухой ее назвать все-таки было отчасти мудрено, а между тѣмъ въ домѣ были уже два маленькихъ мальчика и дѣвочка, которымъ она приходилась прабабушкой.

Въ противоположной сторонѣ—лѣвой—жилъ князь Татевъ, сынъ княгини Арины Саввишны, тоже въ двухъ комнатахъ въ концѣ корридора. Около него въ нѣсколькихъ комнатахъ помѣщалась семья его старшаго сына Семена Антоновича съ женой Маѳой, женщиной подъ тридцать лѣтъ, когда-то красивой, но теперь старообразной. Она приходилась дальней родственницей знаменитому князю Таврическому, такъ какъ ея отецъ—покойный генералъ Сарматовъ — былъ двоюроднымъ братомъ племянницъ Потемкина — Энгельгардтъ. Только на основаніи этого обстоятельства князь Татевъ и женился или, вѣрнѣе, былъ ожененъ бабушкой на дворянкѣ-безприданницѣ.

Князь съ женой, дѣти, нянюшки и мамушки занимали конечно, нѣсколько просторныхъ комнатъ.

Выше, въ мезонинѣ, помѣщались тоже князья и княжны Татевы. Тутъ тоже по двумъ сторонамъ корридора было два отдѣленія: направо жили два князя, два внука Арины Саввишны: Гавріилъ, двадцати слишкомъ лѣтъ, и его братъ Ра-

фаилъ, еще отрокъ. Ихъ княгиня-бабушка называла „мои архангелы“. Имена эти она сама же выбрала и дала имъ при крещеніи. Былъ и третій—Михаилъ, которому теперь было бы уже лѣтъ двадцать пять, но еще въ раннемъ дѣтствѣ онъ умеръ отъ оспы.

По другую сторону корридора жили со своими мамушками двѣ княжны: Арина Антоновна и Екатерина Антоновна, наеченная этимъ именемъ въ честь великой императрицы, которую особенно глубоко и искренно почитала княгиня.

Старшей княжнѣ Аришѣ, умной, но некрасивой, было почти двадцать лѣтъ, младшей — недавно минуло семнадцать. По увѣренію бабушки, а равно и по мнѣнію дворовыхъ, княжны уже почитались старыми дѣвицами и, если не перезрѣлыми, то все-таки „засидѣвшимися въ дѣвкахъ“.

Обѣ княжны виноваты въ этомъ не были. Младшая была красива, а за обѣими было, конечно, скоплено большое приданое — чтобы не обижать братьевъ — изъ доходовъ, которые откладывала княгиня. Женихи въ намѣстничествѣ, конечно, тоже водились и, конечно, уже не разъ, въ особенности къ младшей, Катюшѣ, разные молодцы-дворяне черезъ своихъ родителей или родственниковъ засылали сватовъ и свахъ. Виновата была, если дѣвушки еще не были замужемъ, сама бабушка Арина Саввишна. Когда еще всѣ дѣти сына были малы, она рѣшила, что всѣ они женятся и выйдутъ замужъ по старшинству въ свой законный чередъ. Такъ какъ сыновья были старше, а дочери моложе, за исключеніемъ одного отрока Рафаила, или, какъ звали его въ домѣ, „Рафушки“, то предположеніе княгини можно было осуществить.

Старшій, Семенъ, котораго, по строгому приказанію княгини, звали всѣ „Симеонъ“, былъ уже женатъ, и теперь приходилось женить Гавріила, которому недавно минуло двадцать два года. А пока онъ не будетъ женатъ, по непреложному рѣшенію княгини, ея двухъ внучекъ выдать замужъ было нельзя—это было бы не по-дворянски.

— Дворянство — великое дѣло! — говорила княгиня постоянно.

Впрочемъ, ввиду того, что недавно пришлось отказать очень выгодному жениху, молодому человѣку, который уже года два былъ влюбленъ въ Аришу и нравился не только ей, а главное, нравился самой ея бабушкѣ, она, княгиня, имѣя его въ виду и желая выдать за него Аришу, не говоря никому ни слова, порѣшила непремѣнно, во что-бы то ни стало, скорѣе женить внука «Гаврика».

Это было тоже немудрено. Невѣсты въ намѣстничествѣ тоже водились, и были даже двѣ, которыхъ княгиня «особливо» предпочитала. Одна была молодая дѣвушка, сирота, которую она искренно полюбила, и дѣло ладилось, но благодаря строп-

тивому нраву княгини, вдругъ разстроилось. Она поссорилась съ названной матерью дѣвушки, призрѣвшей и воспитавшей ее, какъ родную дочь, генеральшей, съ которой княгиня была уже давно въ хорошихъ отношеніяхъ.

Другая невѣста нравилась княгинѣ только потому, что была удивительно молчалива и уже совсѣмъ круглая сирота, безъ единаго близкаго человѣка, и никакихъ съ ней свойственниковъ нажить было нельзя. Когда-то была на примѣтѣ у княгини и еще одна невѣста для Гаврика, писаная красавица, дѣвица Абдуррамančикова, — но это было давно. Теперь же князья Татевы и маіоръ Абдуррамančиковъ были злѣйшіе враги, были «на ножахъ».

Если мезонинъ былъ веселымъ царствомъ молодежи, то въ нижнемъ этажѣ жили угрюмые приживальщики: двѣ семьи бѣдныхъ дворянъ и одинъ пожилой человѣкъ, капитанъ въ отставкѣ. Приживальщики эти попали къ княгинѣ совершенно случайно. Первыхъ, семью Комаровыхъ, она приняла и поселила въ домѣ уже давно, вслѣдствіе того, что они якобы приходились ея дальней родней, но затѣмъ, спустя лѣтъ пять-шесть, явилась другая семья приживальщиковъ, уже прямо зря, или на основаніи шутливой прихоти. Фамилія этой семьи была — Блохины. Когда дѣло зашло о томъ, чтобы ихъ взять въ домъ,—княгиня Арина Саввишна подумала и рѣшила:

— Ужъ коли послала намъ судьба Комаровыхъ, то Блохиныхъ взять надо. Если появятся впредь какіе Пчелкины, Таракановы или Мухины, то, стало быть, такова судьба и воля Божья. И я напередъ обѣщаюсь и ихъ принять.

Однако, судьба таковыхъ не послала, но, спустя года два, явился инвалидъ, капитанъ Осокинъ. Когда-то князь Антонъ Семеновичъ зналъ капитана; тогда онъ былъ человѣкомъ со средствами, но его разорила картежная игра, и онъ явился къ старому знакомому за помощью. Князь сталъ хлопотать и просить мать взять капитана Осокина нахлѣбникомъ.

Чтобы расположить мать,—князь заявилъ, что у нихъ Комаровы, стало быть, отъ комара, Блохины—отъ блохи, а капитанъ будетъ отъ осы. — Княгиня отвѣтила сыну, что онъ безграмотный, какой былъ, такой и остался. Осокинъ происходитъ не отъ осы, а отъ осоки, что совсѣмъ разное и неподходящее. Но ввиду того, что тихій, скромный, добродушный и удивительный искусникъ играть въ бирюльки капитанъ понравился княгинѣ, онъ былъ взятъ „на хлѣба“.

У всѣхъ приживальщиковъ внизу были порядочныя квартиры, въ особенности у Блохиныхъ, у которыхъ были уже теперь взрослыя дѣти.

Въ другой части нижняго этажа жилъ дворецкій, заслуженный человѣкъ, который исполнялъ свою должность уже болѣе двадцати лѣтъ и котораго знало въ лицо все нашествіи-

чество. И только господа — княгиня и князь Антонъ Семеновичъ — звали дворецкаго Иваномъ, всѣ остальные — князья, княжны, а равно и гости, являвшіеся въ усадьбу, звали его не иначе, какъ Иванъ Спиридоновичъ. Дворецкій былъ, кромѣ того, извѣстенъ тѣмъ, что у него была одна рука длиннѣе другой; поэтому присутствуя всегда за столомъ, онъ не служилъ, не подавалъ тарелокъ или блюдъ, а только стоялъ, заложивъ руки за спину и держа правой длинной рукой лѣвую короткую. Когда-же съ нимъ говорили, что-либо ему приказывали или спрашивали, онъ имѣлъ право отвѣчать, не вытягивая рукъ по швамъ, а оставляя ихъ за спиной.

Сынъ Ивана Спиридоновича, ровесникъ князя Гаврика, былъ и его лучшимъ пріятелемъ. Княгиня тоже любила этого Захарку и настолько, что мечтала его женить особенно: отпустить на волю, записать въ купцы и женить на богатой купчихѣ.

Въ лучшей квартиркѣ-особнякѣ, красиво обставленной, жилъ уже давно, лѣтъ съ пятнадцать, домашній докторъ. Послѣ болѣзни и смерти внука Михаила, который умеръ только потому, что во-время не спохватились, княгиня, похоронивъ его, тотчасъ же рѣшила имѣть въ усадьбѣ своего врача и, конечно, не русскаго, такъ какъ таковыхъ почти и не было. Все, что было врачей въ Москвѣ, были иностранцы: нѣмцы, шведы, итальянцы и поляки. Княгинѣ рекомендовали изъ столицы молодого врача, очень искуснаго, уроженца города Кракова, по имени Янковича. Докторъ былъ теперь другомъ всей семьи.

Въ томъ же нижнемъ этажѣ, но совершенно отдѣльно, было нѣсколько комнатъ для пріѣзжающихъ гостей. Бывали сосѣди, гостившіе у княгини по цѣлымъ недѣлямъ.

Предъ домомъ былъ большой садъ съ длинными и широкими аллеями, которыя расчищались и зимой, за исключеніемъ одной, гдѣ была высокая ледяная гора. Съ другой стороны, примыкая къ усадебному двору, былъ другой садъ, но безъ аллей. Красивая церковь, съ четвероугольной колокольней въ нѣсколько ярусовъ, возвышалась въ глубинѣ двора между обоими садами. Въѣздъ во дворъ къ барскому дому шелъ тоже между этими двумя садами, а съ большой дороги къ этому въѣзду вели огромныя каменныя, почти монументальныя ворота съ двумя львами по бокамъ. Ворота были буквальной копіей съ какихъ-то знаменитыхъ столичныхъ воротъ, но какихъ именно—княгиня забыла, и теперь никто не зналъ.

Про ворота сосѣди-дворяне шутили, что два льва на дворѣ стерегутъ львицу въ домѣ, но что оба звѣря куда добрѣе и безопаснѣе третьяго...

У львовъ былъ свой слуга. Парень Агаѳонъ, совсѣмъ глуповатый, неспособный ни на какую работу, косоглазый, слу-

жившій для всѣхъ въ качествѣ шута для остротъ и продѣлокъ, былъ приставленъ къ каменнымъ звѣрямъ, чтобы лѣтомъ сметать съ нихъ пыль и даже обмывать, а зимой очищать отъ снѣга. Агаѳона звали въ усадьбѣ: „звѣриная мамка“.

III.

Княгиня Арина Саввишна была, конечно, „знатный“ человѣкъ во всемъ намѣстничествѣ. Всѣ ее знали, но никто не любилъ.

Ей казалось на видъ за пятьдесятъ лѣтъ, но въ дѣйствительности было около семидесяти. Это была женщина высокая, полная, даже отчасти грузная. Характерной чертой княгини, конечно, тоже хорошо извѣстной во всемъ намѣстничествѣ, было то, что она не только родилась въ одинъ годъ съ покойной императрицей Екатериной Алексѣевной, но даже и въ лицѣ имѣла нѣчто общее съ ней. Быть можетъ, теперь, подъ старость, сходство это утратилось, но въ домѣ на стѣнѣ гостиной, гдѣ висѣлъ большой портретъ императрицы, а рядомъ съ нимъ таковой-же большой портретъ княгини, когда ей было лѣтъ тридцать, въ глаза бросалось удивительное сходство обѣихъ. Разумѣется, злые языки увѣряли, что это сходство было когда-то умышленное, было живописцу заказано, но были, конечно, еще живы люди, помнившіе, что княгиня, очень красивая женщина въ молодости, дѣйствительно, походила внѣшностью на красавицу-императрицу.

Княгиня была рожденная Бетрищева, москвичка. Когда-то, въ царствованіе императрицы Елизаветы, она жила съ матерью вдвоемъ скромно, одиноко, безъ родни и съ самыми маленькими средствами, такъ какъ у госпожи Бетрищевой было крошечное подмосковное имѣніе въ 25 душъ крестьянъ.

Если пожилая Бетрищева, давно овдовѣвшая, больная, какъ-бы угнетенная и жизнью, и обстоятельствами, была самая скромная и даже робкая женщина, то, напротивъ, ея дочь, единственная, оставшаяся въ живыхъ отъ четверыхъ дѣтей, была чрезвычайно смѣлая и бойкая дѣвушка.

Когда ей минуло только тринадцать лѣтъ, кругъ знакомыхъ ихъ увеличился. Молоденькая Ариша сама заводила знакомыхъ и друзей, и, если мать безвыходно сидѣла и лежала, и не двигалась далѣе маленькаго садика нанимаемой квартиры у Красныхъ воротъ, то Ариша бывала постоянно въ гостяхъ.

Будучи всегда съ дѣтства хорошенькой, къ четырнадцати и пятнадцати годамъ Ариша становилась почти красавицей.

Ростомъ и сложеніемъ она въ цетырнадцать лѣтъ казалась уже семнадцатилѣтней.

Молодая дѣвушка, бывая постоянно у своихъ знакомыхъ на разныхъ вечеринкахъ, уже начинала имѣть обожателей. Многіе молодые люди Москвы изъ зажиточныхъ семей ухаживали за ней. Однажды сынъ генерала, жившаго въ Москвѣ на покоѣ, посватался за нее, предлагая руку, сердце и довольно большое состояніе. Больная вдова была, конечно, обрадована обстоятельствомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крайне удивлена, даже поражена, когда ея Ариша объяснила, что за этого молодого человѣка она не пойдетъ, хотя онъ — сынъ генерала, что ей это нисколько не лестно, такъ какъ состояніе у него сравнительно маленькое, а она надѣется выйти замужъ гораздо, не въ примѣръ лучше.

И слова, принятыя вдовой за бредъ и прихотничество избалованнаго ребенка, оказались, однако, чуть не предсказаніемъ. Не прошло года, какъ Ариша у однихъ изъ знакомыхъ познакомилась съ проѣзжимъ черезъ Москву княземъ Татевымъ. Знакомство и сближеніе, окончившееся свадьбой, было для всѣхъ чѣмъ-то удивительнымъ и заставило много о себѣ говорить.

Не только весь кругъ знакомыхъ былъ удивленъ быстротой, съ которой все совершилось, но, казалось, и самъ князь Татевъ, будучи объявленнымъ женихомъ, имѣлъ видъ человѣка не только удивленнаго, но какъ будто и растерявшагося.

Князь Семенъ Андреевичъ былъ человѣкъ одинокій, потерявшій давно родныхъ и имѣвшій только сестру, вышедшую давно замужъ и жившую на краю свѣта, около Азовскаго моря. Пріѣхалъ онъ въ Москву на нѣсколько дней, чтобы проѣздомъ повидать одного стариннаго друга покойнаго отца.

Оказалось, что этотъ человѣкъ — уже тоже покойникъ, и князь собирался выѣзжать въ свое имѣніе. Но случайно, на маленькомъ вечерѣ, онъ встрѣтился съ молодой дѣвушкой, которой еще не минуло шестнадцати лѣтъ, но которой казалось, однако, гораздо болѣе. Она понравилась князю, но настолько, насколько нравились и многія иныя дѣвицы, которыхъ онъ видалъ въ Петербургѣ, а теперь видѣлъ въ Москвѣ. На другой или третій день онъ, по просьбѣ молодой дѣвушки, явился представиться ея матери, и намѣреваясь пробыть въ гостяхъ съ полчаса, пробылъ отъ полудня до сумерекъ. Онъ былъ приглашенъ и на другой день и намѣревался пробыть часъ или полтора, но пробылъ опять съ полудня почти до полуночи. И, наконецъ, какъ-то поневолѣ онъ отложилъ свой отъѣздъ.

Если-бы былъ посторонній свидѣтель завязавшихся отношеній между молоденькой Бетрищевой и княземъ Семеномъ Татевымъ, то конечно, онъ тотчасъ-же уразумѣлъ-бы, въ чемъ секретъ. Онъ увидѣлъ-бы, что молодая дѣвушка очень умна, шустра, большая кокетка и при этомъ рѣшительная и настойчивая по характеру, а молодой князь совершенно наоборотъ,— добрый, ограниченный, совершенно мягкій и податливый человѣкъ, въ которомъ вполнѣ отсутствовала воля. Еще недавно, въ Петербургѣ, онъ былъ въ полной власти какой-то пожилой женщины, вертѣвшей имъ, какъ ей хотѣлось, и, если-бы она вдругъ не умерла, то Богъ знаетъ, что могло-бы случиться. Молодой князь могъ жениться на женщинѣ-вдовѣ, которая была лѣтъ на двадцать старше его. И тотчасъ-же послѣ нея онъ снова подпалъ подъ полное вліяніе своего дядьки Лукьяныча, который изъ него, какъ говорится, веревочки вилъ.

Лукьянычу, конечно, было не на руку, чтобы молодой князь женился помимо его вѣдома и участія, но дядька, въ Москвѣ немножко прихварывавшій, просто проморгалъ все нежданно случившееся.

Впрочемъ, надо сказать, что молодая Ариша Бетрищева такъ быстро овладѣла княземъ, что, когда черезъ нѣсколько дней дядька спохватился, чтобы уѣзжать и захватить своего „князиньку“, было уже поздно. Князь былъ уже объявленъ женихомъ, а, между тѣмъ, самъ былъ нѣсколько озадаченъ. Онъ себя спрашивалъ, когда-же, собственно, онъ сдѣлалъ предложеніе молодой дѣвушкѣ или ея матери?

Все какъ-то само собою вышло. Онъ понималъ только одно, что Ариша послѣ бесѣды наединѣ въ маленькомъ садикѣ при ихъ квартирѣ вдругъ сказала ему:

— Если вы рѣшаетесь взять меня въ жены, то я совершенно счастлива и буду васъ любить и почитать всю мою жизнь до гроба. Но прежде всего сейчасъ-же надо идти къ маменькѣ и просить ея благословенія.

Князь Семенъ Андреевичъ оторопѣлъ, хотѣлъ объяснить молодой дѣвушкѣ, что дѣло это настолько важное, роковое, что надо, конечно, подумать, надо-бы и т. д. Пока онъ собирался заговорить объ этомъ, Ариша вела его уже къ матери. А черезъ нѣсколько мгновеній женщина, обливаясь слезами радости, цѣловала его, а затѣмъ сказала, обращаясь къ нему и къ дочери:

— Ну, благослови васъ Господь, поцѣлуйтесь!

Впрочемъ, не прошло трехъ-четырехъ дней, какъ князь уже считалъ себя счастливымъ и былъ дѣйствительно увлеченъ свой нежданно пріобрѣтенной невѣстой. Между тѣмъ, онъ настолько мало ожидалъ, что нѣчто подобное можетъ съ нимъ случиться, что почти всѣ его вещи, платье и бѣлье уже ушли

впередъ въ имѣніе и приходилось теперь послать гонца, чтобы вернуть подводы назадъ въ Москву.

Разумѣется, умная и сильная волей дѣвица Ариша Бетрищева, сдѣлавшись княгиней Татевой и матерью, стала, дѣйствительно, энергичной женщиной вообще, такой дворянкой-помѣщицей, какихъ не только не было во всемъ намѣстничествѣ, но, вѣроятно, было немного и на Руси. Знакомые ея говорили, что она—„настоящая“ княгиня и что подобныхъ ей они не знавали. Въ Москвѣ, гдѣ Татевы живали, наѣзжая, молодая княгиня бывала „душой общества“.

Первый ребенокъ княгини—сынъ—прожилъ всего два года, второй ребенокъ—тоже сынъ—нѣсколько разъ опасно болѣлъ, однако-же остался въ живыхъ. Послѣ его рожденія въ продолженіе еще трехъ или четырехъ лѣтъ замужества дѣтей у княгини не родилось, а затѣмъ она нежданно овдовѣла. Князь Семенъ Андреевичъ простудился, пролежалъ около недѣли въ бреду и умеръ, не приходя въ сознаніе и не простясь съ женой.

Вдова-княгиня съ единственнымъ сыномъ осталась на безвыѣздное житье въ вотчинѣ. Около полутора года она жила совершенно замкнутой жизнью, никого не принимала, изрѣдка отлучалась не надолго и по близости, путешествуя на богомолье въ монастыри и въ пустыни.

Когда сталъ истекать третій годъ ея вдовства, случилось въ вотчинѣ нѣчто особенное. Вдова сняла трауръ, стала къ себѣ звать гостей, стала сама выѣзжать. Все это приписывали вліянію вновь появившагося въ вотчинѣ учителя и воспитателя маленькаго князя.

Человѣкъ лѣтъ тридцати, очень красивый, съ совершенно русской фамиліей и совершенно не русскимъ типомъ лица, смахивавшій на итальянца, дѣйствительно, перемѣнилъ образъ жизни вдовы-княгини.

Дворяне-сосѣди не преминули начать пересуды. Все, что они говорили, было похоже на правду, но доказать эту правду не было никакой возможности. Даже дворня въ усадьбѣ, старавшаяся всячески догадаться, насколько важная особа этотъ учитель—ничего не достигла.

Воспитатель былъ настолько скроменъ, сдержанъ, почтителенъ къ княгинѣ Аринѣ Саввишнѣ, настолько ласковъ со всѣми и вѣжливъ съ гостями, наконецъ, настолько стушевался, какъ-бы даже умышленно держалъ себя на послѣднемъ мѣстѣ, что нельзя было доказать что-либо предосудительное.

Пребываніе учителя въ вотчинѣ продолжалось около четырехъ лѣтъ, а затѣмъ онъ выѣхалъ и болѣе не возвращался. Отъѣздъ его изъ усадьбы произошелъ такъ неожиданно, что чутью всѣхъ обывателей показалось, что въ этомъ отъѣздѣ есть нѣчто особенное и все произошло не спроста. Но что

именно произошло—никто не зналъ. Одновременно съ отъѣздомъ учителя одна молоденькая горничная, красавица, была изгнана изъ дома на скотный дворъ ходить за свиньями. Чѣмъ она провинилась—тоже было неизвѣстно.

Княгиня снова стала нѣсколько угрюмѣе, посѣщенія сосѣдей снова прекратились. Она никого не звала и сама перестала ѣздить въ гости. Затѣмъ она вдругъ собралась, поручила сына ближайшимъ дворовымъ и, главнымъ образомъ, старику Лукьянычу, дядькѣ покойнаго мужа, который былъ еще живъ, хотя очень дряхлъ, а сама съ одной горничной выѣхала въ Москву.

Отсутствіе княгини продолжалось мѣсяца два, затѣмъ она вернулась и была, какъ показалось всѣмъ, болѣе бодра, оживлена, болѣе ласкова, ликомъ свѣтлѣе. По пріѣздѣ она тотчасъ нашла, что въ вотчинѣ и во всѣхъ приписныхъ деревняхъ много безпорядковъ, но всѣмъ казалось, что она придирается. За что ни бралась княгиня, вездѣ видѣла она безпорядокъ. Посердившись, она заявила, что такъ дѣло итти не ожетъ, что нуженъ главный управитель всѣмъ имѣніемъ, что і—женщинѣ—мудрено управиться. И затѣмъ княгиня стала просить знакомыхъ найти ей управителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала писать въ Москву и Петербургъ старымъ знакомымъ, прося о томъ-[illegible].

Всѣхъ,—и многихъ, кого присылали къ княгинѣ на выборъ, она находила неподходящими. Наконецъ, однажды появился управляющій, присланный изъ Москвы, тотчасъ-же былъ взятъ княгиней и вступилъ въ должность. Два обстоятельства удивили обывателей: первое, что новый главный управитель былъ изъ дворянъ, а второе, что онъ удивительно смахивалъ внѣшностью на прежняго, вдругъ уѣхавшаго или изгнаннаго учителя.

Пребываніе въ вотчинѣ дворянина-управителя продолжалось лѣтъ пять, но затѣмъ ему былъ назначенъ въ помощники крестьянинъ Власъ, извѣстный въ околодкѣ своей красотой и силой. Чрезъ полгода управитель былъ отправленъ, а Власъ замѣнилъ его и назывался „главный бурмистръ“.

IV.

Около полудня молодой дворовый, Захаръ, сынъ дворецкаго, вышелъ изъ дому и направился къ высокому столбу, стоявшему у ограды сада, длиною выше всѣхъ зданій и выше самаго господскаго дома. Кончикъ столба былъ далеко виденъ. Повсюду кругомъ даже тридцатилѣтнія деревья не могли скрыть его верхушки отъ глазъ крестьянъ на селѣ и отъ проѣзжихъ по большой дорогѣ, шедшей черезъ усадьбу.

Захаръ приблизился къ столбу, раскрылъ деревянный ящикъ, придѣланный около него, досталъ флагъ изъ кумача, аршина въ полтора величиной, и, прицѣпивъ его къ висѣвшей веревочкѣ, быстро, привычной рукой, поднялъ красный кусокъ на самую макушку.

Дѣлалось это всегда Захаромъ и всегда въ полдень по особо-важной причинѣ. И если, съ одной стороны, появленіе краснаго флага возвѣщало всѣмъ обывателямъ, что на небѣ ровно полдень, если многимъ это помогало въ распредѣленіи своихъ занятій и работъ, то поводъ къ поднятію флага былъ совершенно иной. Красный кусокъ матеріи, трепетавшій отъ вѣтра на верхушкѣ высокаго столба, какъ бы приказывалъ всѣмъ, не только людямъ, но и животнымъ, всѣмъ, помимо птицъ, помимо вьющихся лѣтомъ кругомъ усадьбы ласточекъ и стрижей, притихнуть часа на полтора, на два, до тѣхъ поръ, пока онъ—флагъ—не исчезнетъ снова.

Завелось оно давно, происходило во всѣ времена года, и теперь не только люди въ домѣ и во всей усадьбѣ, не только крестьяне на селѣ, но даже и знакомые, гости, всѣ знали, что значитъ красный флагъ, и вели себя сообразно съ обстоятельствомъ. Даже дворовыя собаки и огромные и злые псы на скотномъ дворѣ, малороссійскія овчарки, и тѣ будто знали, когда флагъ вывѣшенъ, потому что переставали басисто, гулко, на всю окрестность, лаять и ворчать. Уже давно, много-много лѣтъ скотники и скотницы, завидя красный флагъ, грозились псамъ и говорили:

— Ну, смотри вы теперь! Бѣды изъ-за васъ не наживи!

И умные псы, положительно, кончили тѣмъ, что всѣ поняли, тѣмъ паче, что флагъ былъ ясно видимъ со скотнаго двора. А сколько разъ имъ разныя руки человѣческія на этотъ флагъ указывали, а иногда изъ-за этого флага ихъ нещадно сѣкли. Поневолѣ уразумѣешь, что значитъ красное живое пятнышко на небѣ.

Вывѣшиваніе большого флага означало, что барыня Арина Саввишна прилегла отдохнуть, а такъ какъ у старухи, почивавшей съ девяти вечера до семи—восьми утра, дневной сонъ былъ плохъ, спала она или дремала очень чутко, то малѣйшій звукъ будилъ ее. И каждый разъ, что появлялся флагъ, а княгиня прикладывалась одѣтая на постель, все во всей усадьбѣ затихало настолько, что казалось волшебствомъ.

Въ продолженіе полутора или двухъ часовъ, пока флагъ не бывалъ снова спущенъ тѣмъ-же Захаромъ, все замирало. Казалось, за это время никто даже у себя не сморкался и не чихалъ, не только не шумѣлъ.

На этотъ разъ не прошло четверти часа, что красный кумачъ затрепеталъ надъ усадьбой подъ легкимъ морознымъ вѣ-

теркомъ, въ домѣ, въ одномъ этажѣ съ отдыхающей княгиней, послышалось что-то, какіе-то визгливые, протяжные звуки.

Всѣ въ домѣ прислушивались и всѣ догадались. Въ комнатахъ старшаго женатаго князя Семена Антоновича взвылъ и завывалъ его старшій сынъ—девятилѣтній Саввушка.

Мальчикъ довольно часто, будто на-смѣхъ, начиналъ капризничать и вопить именно въ тѣ часы, когда его прабабушка „прикладывалась“ на отдыхъ, а въ домѣ все изъ-за флага замирало. Онъ былъ любимцемъ княгини, былъ избалованъ ею, родными и всѣми, а поэтому для него былъ „законъ не писанъ“. Саввушка одинъ въ домѣ не боялся общей повелительницы и одинъ имѣлъ право отгрызаться и говорить старухѣ сердито:

— Пьяваись, пьябабуська, надоѣя ты мнѣ, какъ гойкая ѣдька!

Отецъ съ трудомъ справлялся еще кой-какъ съ баловникомъ, но мать свою ребенокъ въ грошъ не ставилъ, а мамушекъ и горничныхъ просто билъ, чѣмъ попало. Всѣ для него были: „горькая рѣдька“ и „провались“.

Молодая княгиня Марфа была, впрочемъ, такимъ страннымъ существомъ, что на нее въ домѣ и въ усадьбѣ никто не обращалъ вниманія. Тише и боязливѣе ея не было на свѣтѣ женщины. Она даже почти не говорила, и княгиня-бабушка давно прозвала ее „наша нѣмая“.

На этотъ разъ Саввушка, передравшись изъ-за игрушки съ сестрой Антониной, или „Антошей“, и съ маленькимъ братишкой Сеней, ревѣлъ такъ отчаянно, что его одѣли, закутали съ головой и вывели гулять на дворъ подальше отъ дома. Княгиня Катюшка и князь Рафушка, его тетка и дядя, вышли съ нимъ на прогулку и, показывая на флагъ, говорили:

— Вѣдь, видишь ротъ... А орешь...

— Напьевать! Пьяваитесь!—злостно отзывался ребенокъ.

— Оставьте его, барышня!—заявила нянюшка.—Сказываю—съ нимъ, даже приди самъ салтанъ турецкій, и то не сговорится.

— Онъ въ прабабушку нашу уродился,—замѣтилъ юный Рафушка, повторяя всегдашнія слова всей семьи Татевыхъ.

— Что? Проваживаете по двору ревуна?—спросилъ подойдя, молодой малый, садовникъ Терентій, и присоединился къ гуляющимъ, не какъ дворовый, а якобы равный господамъ.

Прошло около часа послѣ того, что Захаръ поднялъ флагъ, когда на краю села показался возокъ тройкой. У коренника подъ дугой заливался валдайскій колокольчикъ, пристяжныя, попрыгивая и встряхивая головами, звенѣли бубенчиками на всю окрестность.

Едва возокъ проѣхалъ половину села, какъ какой-то крестьянинъ, выскочивъ изъ своей избы, бросился къ проѣзжимъ и

сталъ передъ тройкой, размахнувъ руками, очевидно, останавливал. Когда возокъ сталъ, онъ приблизился и, увидя въ возкѣ барыню съ бариномъ, сказалъ:

— Матушка барыня, простите! Гляньте-ка! Вонъ, вишь, вывѣшено!

Барыня поглядѣла въ окно по направленію руки крестьянина и ахнула.

— Какимъ-же это способомъ? —воскликнула она.—Стало быть, еще близко къ полдню. Спасибо тебѣ, голубчикъ!—прибавила она мужику.—Что-жъ теперь дѣлать, Павлуша?

— Первое дѣло, маменька, подвязывать колоколъ, а съ бубенцами ничего не подѣлаешь!—сказалъ молодой человѣкъ.

Крестьянинъ подержалъ лошадей, кучеръ, соскочивъ съ козелъ, подвязалъ колокольчикъ, а затѣмъ доложилъ:

— А какъ-же быть, барыня, съ бубенцами?

— Что-же дѣлать! Съ ними ничего нельзя. Ступай шагомъ да смотри, чтобы пристяжки головами не трясли.

Кучеръ, ухмыляясь, почесалъ за затылкомъ и, влѣзая снова на козлы, проговорилъ:

— Какъ-же съ конями быть? Нешто въ ихъ головы влѣешь? Хошь не хошь, а будутъ встряхивать.

— Ну, ступай шажкомъ!

И тихо, едва-едва двигаясь, возокъ продолжалъ приближаться къ усадьбѣ; но здѣсь пріѣзжіе, хорошо знавшіе давно, что означаетъ поднятый флагъ, рѣшили, что въѣзжать во дворъ немыслимо. Вдобавокъ они пріѣхали на этотъ разъ, какъ нарочно, съ очень серьезнымъ дѣломъ, съ важнѣйшимъ намѣреніемъ. Разбудить Арину Саввишну бубенцами, а потомъ заговорить объ этомъ своемъ дѣлѣ — было бы полнымъ безуміемъ.

Остановивъ возокъ, женщина, уже пожилая, и молодой человѣкъ, ея сынъ, вышли изъ экипажа, а кучеру приказали тихо, „распретихонечко“ ѣхать на конный дворъ.

Но едва только женщина съ сыномъ миновали ворота между двумя садами—нижнимъ и верхнимъ, чтобы пѣшкомъ войти въ усадьбу, какъ за оградой нижняго сада послышались веселые голоса. Женщина даже удивилась. Хотя отсюда и далеко было до господскаго дома, хотя и была отдыхавшая княгиня за нѣсколькими стѣнами и двойными рамами, тѣмъ не менѣе, все-таки представлялось неосторожнымъ болтать и охотать въ такіе часы.

Приглядѣвшись сквозь ограду и оголенные прутья кустовъ, женщина увидѣла и узнала молоденькую княжну Катюшу, ея младшаго брата, маленькаго племянника съ нянней и молодца изъ дворни. Всѣ они, забавляясь, играли въ снѣжки. Женщина окликнула молоденькую дѣвушку, и та тотчасъ-же, въ со-

провожденіи брата, обѣжавши ограду, выскочила въ калитку, расцѣловалась съ пріѣзжей и спросила удивленно:

— Какъ-же это вы, Анна Павловна, въ эту пору?

— Часы, родная моя, врутъ, видно, у насъ. Выѣхали мы по расчету, что пріѣдемъ прямо къ столу. И, вотъ, смотри, чуть было не накуралесили! Спасибо мужику на деревнѣ. Онъ указалъ на шестъ. А то-бы такъ и влетѣли при колоколахъ и при всякомъ трезвонѣ. Вотъ-бы досталось мнѣ на орѣхи отъ бабушки!

— Да,—громко разсмѣялся Терентій, стоя за оградой сада,—такъ ужъ досталось-бы, барыня! Что другое, а это—бѣда!

— Встанетъ бабушка, не отдохнувъ,—прибавила Катерина,—такъ ужъ до слѣдующаго дня ходи всѣ ушки на макушкѣ, чтобы не ошпариться около бабушки.

— Знаю, знаю, красавица моя! Кому говоришь! Давно знаю. Ну, какъ у васъ? Что?

— Ничего, Анна Павловна. Все—славу Богу! Всѣ здоровы!—отвѣтилъ за сестру молоденькій князь.

— А ты, Рафушка, все хорошѣешь!—сказала пріѣзжая.

Дѣйствительно, отрокъ-князь, съ совершенно женскимъ личикомъ, былъ чрезвычайно красивъ. Князя Рафаила вся усадьба и все село, обожавшія его, иначе не называли, какъ „нашъ ангельчикъ и ангелочекъ“. И названіе было не [illegible]ходящее. Въ бѣломъ, румяненькомъ личикѣ съ нѣжными [illegible]тами и въ его кудрявой свѣтловолосой головкѣ, а въ осо[illegible]ности въ большихъ кроткихъ темно-синихъ глазахъ, было что-то особенное. Съ него, конечно, можно было-бы легко срисовать икону ангела. Но, помимо прелестнаго лица, Рафушка и правомъ, сердцемъ, добротою былъ тоже исключеніемъ въ семьѣ. Немудрено поэтому, что онъ былъ всеобщимъ идоломъ и родныхъ, и крѣпостныхъ.

V.

По совѣту Катюши, чтобы „подальше отъ грѣха“, было рѣшено, что пріѣзжіе не войдутъ въ домъ, пока флагъ не спустятъ со столба. Это произошло вскорѣ-же...

Вѣроятно, злющій Саввушка былъ услышанъ прабабушкой, когда она собралась отдыхать, и поэтому она поднялась раньше обыкновеннаго. Появленіе гостей подняло въ домѣ на ноги почти всѣхъ, въ особенности молодежь. Молодые князь Гавріилъ и княжна Арина тотчасъ спустились изъ своихъ комнатъ и вышли въ залу. Вообще весь домъ, просидѣвшій осторожно и тихо, пока висѣлъ флагъ, теперь сразу будто ожилъ. Такъ бывало всегда.

Въ появленіи гостей, однако, любопытнаго было мало. Пріѣхала лишь сосѣдка-помѣщица Сакмарина съ сыномъ. Пріѣздъ этотъ могъ только интересовать одну Аришу, да и то до извѣстной степени и по особой причинѣ. Князь Гавріилъ, быстро выйдя изъ своей комнаты, изъ вѣжливости прошелъ въ переднюю навстрѣчу, такъ какъ встрѣчать гостей было отчасти его обязанностью. Старшій братъ его, Симеонъ, въ качествѣ женатаго человѣка, встрѣчалъ только особливо важныхъ гостей, а младшій Рафаилъ считался еще ребенкомъ.

Сакмарины тотчасъ-же были проведены въ ту половину нижняго этажа, гдѣ были комнаты для пріѣзжающихъ гостей. Пріѣхавъ за шестьдесятъ верстъ изъ своего имѣнія, Анна Павловна Сакмарина занялась своимъ туалетомъ подробно и степенно, а ея сынъ Павелъ тотчасъ-же прошелъ къ Гавріилу, съ которымъ былъ наиболѣе друженъ.

Видъ у Сакмарина былъ настолько необычный, не то радостный, не то таинственный, что молодой князь былъ удивленъ и тотчасъ-же спросилъ у него:

— Что съ тобой? Ты какъ-то особо поглядываешь.

Сакмаринъ, смущаясь, объяснилъ пріятелю, что онъ пріѣхалъ съ матерью по важному дѣлу, но что это — большая тайна и онъ не имѣетъ права ничего объяснить.

— Случилось что-нибудь?—спросилъ Гавріилъ.

— Нѣтъ, не случилось, а должно случиться.

— Такъ какъ-же ты знаешь впередъ, что должно случиться?

— Знаю. За этимъ мы съ матушкой пріѣхали. Важное дѣло, Гаврикъ.

Князь сталъ разспрашивать пріятеля довольно искусно и послѣ нѣсколькихъ отвѣтовъ молодого человѣка уже догадался, въ чемъ дѣло.

— Хочешь, я тебѣ скажу, зачѣмъ вы пріѣхали и какое такое твое дѣло?—сказалъ онъ, смѣясь.

— Ты знать не можешь.

— Ну, такъ слушай! Пріѣхали вы за тѣмъ, что твоя матушка, Анна Павловна, будетъ тебя сватать.

— Правда!—смущаясь, отвѣтилъ Сакмаринъ. — Ты догадался.

— Нешто мудрено догадаться? Ужъ сколько времени это тянется. Только, Павлуша, долженъ я тебѣ сказать такое, что тебя опечалитъ... Дѣло это если и удастся, то затянется, а почему—я тебѣ сказать не могу.

Между тѣмъ, Сакмарина, окончивъ свой туалетъ, послала доложить о себѣ князю Антону Семеновичу, что желаетъ видѣть его на-единѣ. Такъ какъ сосѣдка и давнишняя знакомая по пріѣздѣ всегда отправлялась прямо на половину княгини, то князь Антонъ Семеновичъ былъ даже озадаченъ этимъ до-

кладомъ. Онъ сидѣлъ за пяльцами, вышивая коверъ въ церковь, что было его любимымъ занятіемъ.

— Ну, что же, скажи, — приказалъ онъ человѣку, — какъ Аннѣ Павловнѣ будетъ угодно: хочетъ, пусть пожалуетъ сюда ко мнѣ, а желаетъ, я сойду къ ней.

Когда человѣкъ ушелъ, князь всталъ изъ-за пялецъ и началъ размышлять, ходя по комнатѣ, зачѣмъ сосѣдка желаетъ его видѣть. Такого никогда не бывало. Попросить взаймы денегъ? Это уже случалось нѣсколько разъ. Сакмарина брала небольшія суммы и всегда аккуратно возвращала ихъ. Но, вѣдь, и по этому дѣлу надо обратиться къ княгинѣ, а не къ нему.

Черезъ нѣсколько минутъ гостья появилась у князя и, въ свою очередь, удивила его своимъ видомъ, какъ ея сынъ удивилъ Гавріила.

— Я нарочито къ вамъ, князь, по особливо-важному, важнѣйшему дѣлу. Прошу васъ меня выслушать и сердечно, прямо отвѣчать! Такъ сущую правду и отвѣтить безо всякихъ околичностей. По душѣ отвѣтствуйте!

— Слушаю-съ!—отозвался князь.—Мы съ вами такъ давно знакомы и даже въ дружествѣ состоимъ, что между нами не можетъ быть никакихъ околичностей, недосказокъ и утаекъ. На все, что вы изволите мнѣ сказать теперь, я отвѣчу вамъ одну только сущую правду.

— Такъ, вотъ-съ, выслушайте! Вамъ извѣстно, что я уже давно волей Божьей овдовѣла и что у меня единственный сынъ, въ коемъ все мое земное благосостояніе и благополучіе, а потому...

Сакмарина повела длиннѣйшую, подробнѣйшую рѣчь. Все, что она говорила, князь зналъ уже давнымъ-давно, но слушалъ внимательно и невольно мысленно себя спрашивалъ:

„Да куда-же она ведетъ“?

Замѣтивъ, наконецъ, что женщина какъ-бы мысленно или словесно вертится все „вокругъ да около“, будто не рѣшаясь приступить къ сути дѣла, князь не выдержалъ и выговорилъ:

— Вотъ что, Анна Павловна, все это я знаю такъ-же, какъ уже давно люблю и уважаю васъ, равно какъ и Павла Петровича; поэтому прошу васъ, не стѣсняясь никакими околичностями, прямо сказать мнѣ, что вы желаете?

И Сакмарина, долго не рѣшавшаяся коснуться сути дѣла и произнести роковыя слова, сразу, въ двухъ короткихъ фразахъ выразила, какъ-бы выпалила, что она за своего [illegible] просить чести — предлагаетъ руку и сердце своего Пав[illegible] и княжнѣ Аринѣ Антоновнѣ.

Князь встрепенулся и даже привскочилъ на своемъ м[illegible]

— Ахъ, какъ-же вы это, Анна Павловна? Какъ же это можно?—отчасти взволнованно вымолвилъ князь. — Сколько лѣтъ мы съ вами въ близкихъ отношеніяхъ — и вы этакое вдругъ... извините, этакое неосторожное совершаете? Какъ-же это вы?

Сакмарина удивленно глядѣла на князя.

— Какъ это можно! Какъ это можно! И вамъ-то! Столько лѣтъ знакомы! Вотъ что я вамъ скажу. Вотъ что... Одно спасеніе!—заговорилъ князь, озираясь, какъ-бы ища кругомъ себя что-нибудь.—Вотъ что: возьмите слова свои назадъ, ничего вы мнѣ не говорили и ничего я не знаю.

— Какъ-же мнѣ это понимать?—отчасти уже робко произнесла Сакмарина.

— Ничего я не знаю и ничего не слыхалъ. Какъ говорятъ: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. Не то все пойдетъ вкривь и насторону. Матушка оскорбится, да и права будетъ.

— Ахъ, поняла, поняла! — воскликнула Сакмарина, встрепенувшись, какъ отъ удара по головѣ.

— Какъ-же, помилуйте, не понять! Какъ-же вы не знаете?

— Мнѣ, стало быть, слѣдовало, князь, прежде всего заговорить съ княгиней?

— Разумѣется! Вы знаете, что я во всемъ повинуюсь матушкѣ. Какъ она что укажетъ, такъ тому и быть.

— Конечно-съ! Но, извините, въ такомъ дѣлѣ я полагала, что вы, какъ родитель княжны Арины Антоновны...

— Вѣрно-съ, вѣрно-съ. Но все-таки... Я — родитель Аришинъ, но матушка-княгиня — моя родительница. Сало-быть, она—глава въ домѣ, и вамъ это извѣстно должно быть лучше всѣхъ другихъ.

— Ну, извините, простите! Стало быть, я къ ней обращусь.

— Непремѣнно! И, главное, Анна Павловна, ни единымъ словомъ не обмолвитесь, что якобы со мной говорили. А я ужъ, грѣшный человѣкъ, буду изображать, когда матушка со мной заговоритъ, что я въ первый разъ слышу.

— Такъ по-вашему я и поступлю, князь. Но все-таки соблаговолите мнѣ сказать: вы, какъ родитель, какой отвѣтъ мнѣ дадите? Могу ли я разсчитывать, что вы сами не имѣете ничего противъ моего Павлуши? Могу-ли я разсчитывать на васъ?

— Ни, ни! Никакого отвѣта я вамъ не дамъ! И не могу дать. Какъ матушка порѣшитъ, такъ и будетъ, а мое вмѣшательство только можетъ все на худо повернуть. Получите вы согласіе ея, то о моемъ нечего безпокоиться. Я всю мою жизнь привыкъ повиноваться моей родительницѣ, которой всѣмъ обязанъ, не только рожденіемъ моимъ на свѣтъ, но и моимъ счастьемъ супружескимъ и даже точнымъ, истиннымъ разумѣ-

ніемъ всѣхъ дѣлъ. И я готовъ жизнью моей ей жертвовать, животъ положить за родительницу. Вы, можетъ быть, помните, что, когда злодѣй и воръ, нашъ сосѣдъ, маіоръ Абдурраманчиковъ, оскорбилъ маменьку — я собрался съ нимъ на поединокъ выйти?

— Какъ-же! Помню! Всѣмъ извѣстно...—отвѣчала гостья.

— Такъ вотъ, Анна Павловна, ступайте къ маменькѣ, объяснитесь и помните, не обмолвитесь, что и были у меня. А если кто изъ людей проболтается, мы что-нибудь выдумаемъ. Скажемъ, что вы приходили ко мнѣ на счетъ вышиванія, поглядѣть, что я дѣлаю, какъ уже когда-то разъ было. Такъ вотъ-съ, давай Богъ вамъ удачи! Но все-таки считаю долгомъ васъ предупредить, что въ этомъ важномъ дѣлѣ есть маленькая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно важная помѣха или загвоздка: и рада будетъ матушка согласиться, такъ какъ она васъ любитъ и уважаетъ, и Павелъ Петровичъ ей въ качествѣ молодого человѣка нравится, но ей помѣщаетъ нѣкоторое обстоятельство. Если все это устроится, то нѣсколько затянется.

И, говоря это, князь, конечно, не подозрѣвалъ, что его сынъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ выразился буквально такъ-же.

Женщина удивилась и оторопѣла еще болѣе, чѣмъ ея сынъ.

— Какая помѣха? Что-же такое?

— Этого, Анна Павловна, я вамъ сказать не могу. Секрета тутъ особливаго нѣтъ, но пускай матушка сама вамъ скажетъ это, а я не смѣю и не долженъ, такъ сказать, забѣгать впередъ. Но вы не смущайтесь! Повторю, эта помѣха устранимая, дѣло сладится, и только одно, что можетъ случиться, будетъ нѣкоторая оттяжка, можетъ быть, и на годъ, и на два...

— Что вы?!—ахнула Сакмарина.

— Да! А можетъ и на три мѣсяца до лѣта, — это никому неизвѣстно. Одинъ Господь Богъ знаетъ.

— Да что-же это такое?

— Не могу вамъ, Анна Павловна сказать! Повторяю, не слѣдуетъ мнѣ про это объявлять. Матушка вамъ сама прямо скажетъ. Дѣло простое, обычное, законное, дѣло людское и особливо дворянское. Многіе сему закону или правилу не слѣдуютъ, а матушка ко всѣмъ дворянскимъ обычаямъ стародавнимъ, какъ къ священнымъ, имѣетъ особую склонность. Ну, а вы знаете, что матушка въ своихъ поступленіяхъ женщина твердая, которую никакія силы земныя не заставятъ поступить противу ея собственнаго разумѣнія. У матушки семи пятницъ въ недѣлю никогда не бываетъ.

— Да вѣстимо! Оно всѣмъ вѣстимо!—проговорила Сакмарина и подумама про себя:

„Недаромъ Арину Саввишну во всемъ намѣстничествѣ „кремневой“ называютъ, а многіе и „стѣной“ зовутъ. А васъ, всю семью, да и насъ, вашихъ пріятелей, всѣхъ горохомъ величаютъ“.

И Сакмарина задумалась, сидя передъ княземъ. Она думала о томъ, что ей теперь приходится быть именно въ такомъ положеніи, то-есть какъ-бы наглядно изображать изъ себя горошину, которая будетъ щелкать и отпрыгивать отъ изображающей стѣну княгини.

Князь прервалъ раздумье гости словами:

— Простите, Анна Павловна... А лучше-бы вамъ отъ меня уходить, пока еще маменька не хватилась.

— Правда, правда ваша!.. — встрепенулась Сакмарина и вышла.

VI.

Съ первыхъ дней существованія князя Антона Семеновича всѣ обстоятельства, повидимому, сложились и слагались такъ, что онъ долженъ былъ-бы стать самымъ счастливымъ человѣкомъ. А, между тѣмъ, въ первыя же годы жизни, въ раннемъ дѣтствѣ, на его дѣтскомъ хорошенькомъ личкѣ замѣчался отпечатокъ, если не настоящей печали или унынія, то, во всякомъ случаѣ, какая-то неестественная его возрасту серьезность, робкая осмотрительность. Казалось, что ребенокъ былъ постоянно насторожѣ, опасаясь чего-то, неясно сознаваемаго.

Онъ былъ единственнымъ ребенкомъ очень богатаго человѣка, единственнымъ наслѣдникомъ и продолжателемъ древняго рода русскихъ князей. Его мать, нежданно потерявшая перваго ребенка, тоже сына, напуганная этимъ, особенно внимательно относилась ко второму. Уходъ за маленькимъ княземъ былъ особенно тщателенъ. Бѣда могла быть лишь въ томъ, что онъ былъ, какъ говоритъ пословица, „у семи нянекъ“.

Когда прошло лѣтъ пять-шесть послѣ его рожденія и другихъ дѣтей не родилось, княгиня пришла къ убѣжденію, что Антоша—ея послѣдній и, стало быть, единственный ребенокъ. Она окружила его еще большимъ попеченіемъ.

Когда случилось Антошѣ прихворнуть слегка, все, что было въ намѣстничествѣ врачей, съѣзжалось въ усадьбу. Какимъ образомъ врачи и даже знахари всего округа, хлопотавшіе около слегка хворающаго ребенка, ни разу его не уморили, было, конечно, промысломъ Провидѣнія или особой, вполнѣ удивительной случайностью. Счастливая звѣзда, судьба или Господь Богъ!

Однажды, когда ребенокъ, дѣйствительно, серьезно заболѣлъ, и у него оказалась такъ называемая „огневица“, то-есть сильный жаръ и воспаленіе чего-то въ тѣлѣ,—его начали пичкать, чѣмъ только можно. Врачи, вызванные со всѣхъ сторонъ, слетѣлись какъ воронье, и сивклитъ ихъ измышялъ и старательно предоставлялъ всѣ средства къ отправкѣ ребенка на тотъ свѣтъ.

Такъ какъ болѣзнь не поддавалась лѣченію, иначе говоря, выздоровленію мѣшала масса всякихъ пойлъ, которыя стряпались въ усадьбѣ докторами, то главная нянюшка и любимица княгини, Еремѣевна, конечно, обожавшая питомца, взялась за умъ... Тайно ото всѣхъ, отъ князя да и отъ самой княгини, она обратилась къ знахарю, знаменитому и извѣстному во всемъ намѣстничествѣ, жившему верстъ за двадцать отъ „Симеонова„.

Знахарь, по имени Евсѣичъ, явился тоже тайкомъ, пробрался къ нянюшкѣ подъ видомъ родственника, собирающаго на храмъ Божій, и осмотрѣлъ больного ребенка. Онъ далъ какое-то питье, привезенное съ собой въ двухъ бутыляхъ, и приказалъ ребенка не кутать, такъ какъ ему и безъ того жарко, а держать его всегда почти голенькимъ. Сдѣлать это было мудрено. Еремѣевна объяснила, что и князь, и княгиня постоянно бываютъ въ спальнѣ, и если княгиня увидитъ сына не закутаннымъ, то разгнѣвается такъ, что вся усадьба ходуномъ пойдетъ. Обсудивъ этотъ вопросъ и какъ съ дѣломъ быть, Евсѣичъ посовѣтовалъ нянюшкѣ тайно, конечно, отъ княгини выносить ребенка на воздухъ, несмотря на зимнее время и сильные морозы.

— Постарайся,—сказалъ онъ,—разика два въ день выносить его на холодъ, почти раздѣтаго, чтобы его вѣтеркомъ обдуло.

Еремѣевна исполнила приказаніе знахаря буквально. Раза два и даже три ранехонько утромъ или среди глубокой ночи, когда княгиня спала, она выносила раздѣтаго ребенка на морозъ и стояла по двѣ, по три минуты, пока на ощупь не замѣчала, что жаръ у него сильно спадалъ. Когда она убѣждалась, что ребенка уже „обдуло“, она входила въ домъ.

Можно подумать, что, если-бы княгиня узнала, какъ нянюшка лѣчитъ ея единственнаго сына, она сослала-бы женщину въ Сибирь, но позднѣе оказалось, что и сама она смотрѣла на врачеваніе по-нянюшкиному.

Такъ какъ при помощи врачей всего намѣстничества и при помощи знаменитаго Евсѣича было сдѣлано въ полномъ смыслѣ все возможное, чтобы уморить младенца, то онъ, по прихоти судьбы, вдругъ оправился и сталъ быстро выздоравливать.

Но года черезъ два послѣ этого самъ князь Семенъ Андреевичъ заболѣлъ и, хотя въ усадьбѣ не появился весь синклитъ всѣхъ врачей, но, тѣмъ не менѣе, все-таки князя принялись лѣчить четыре человѣка. Оказалось, что у него все та-же болѣзнь—огневица. Разумѣется, у всѣхъ болѣвшихъ на Руси на десять человѣкъ у девяти бывала всегда эта огневица. Слѣдствіе принималось за причину...

Нѣсколько дней князь былъ въ полузабытьѣ, а затѣмъ уже въ бреду. Старуха Еремѣевна рѣшилась и созналась княгинѣ, какъ удалось ей вылѣчить маленькаго Антошу, благодаря знахарю. Княгиня ахнула, удивилась и сначала пришла въ недоумѣніе, но затѣмъ, благодаря краснорѣчію нянюшки, рѣшилась послать за тѣмъ-же знахаремъ.

Когда посланецъ явился назадъ съ извѣстіемъ, что знаменитый знахарь выписанъ въ столицу къ какому-то хворающему князю, княгиня сильно смутилась. Она уже не расчитывала на помощь врачей и съ часу на часъ ожидала этого знахаря и его помощи.

Князю казалось все хуже... Дѣлать было нечего. Оставалось только одно—то, что совѣтовала Еремѣевна, и то, во что поневолѣ должна была увѣровать княгиня. Надо было точно такъ-же, какъ малютку Антона, и самого князя не кутать, а оставлять въ постели такъ, чтобы его обдувало вѣеркомъ, и, наконецъ, вынести его на улицу.

Время было не зимнее, морозовъ не было, была туманная и сырая осень, но на дворѣ было все-таки довольно свѣжо. Несмотря на краснорѣчіе всѣхъ докторовъ и ихъ отчаянные протесты, князя, находившагося въ полномъ забытьѣ, немножко пріодѣли, перенесли изъ постели на кресло, а въ немъ вынесли на террасу.

Дулъ свѣжій вѣтеръ. Погода, такъ сказать, благопріятствовала. Въ одну минуту жаръ у больного уменьшился, его „обдуло“ наилучшимъ образомъ... Однако, болѣзнь была, вѣроятно, гораздо серьезнѣе, чѣмъ у маленькаго князька, потому что даже и обдуваніе не помогло. Черезъ два дня князь Семенъ Андреевичъ, не приходя въ сезнаніе, покончилъ свое существованіе.

Княгиня была поражена, опечалена, такъ какъ любила мужа, насколько могла и умѣла. Она почему-то никогда и не думала ни одного мгновенія въ жизни, что ей придется такъ рано овдовѣть. Однако, черезъ нѣсколько времени послѣ смерти мужа Арина Саввишна была уже совершенно утѣшена, спокойна и жила такъ-же, какъ и прежде.

Несмотря на это, у княгини явилась теперь новая сильнѣйшая забота, удручавшая ее. Ей внезапно пришло нѣчто на умъ и совершенно простое, но это нѣчто перепугало ее,

стало гнетомъ, и она изумлялась, что оно раньше не пришло ей на умъ.

Когда-то въ Москвѣ, юной дѣвицей выйдя замужъ за князя Татева и изъ бѣдной дѣвушки сдѣлавшись богатой княгиней, она рѣшила, что на всю жизнь земную устроилась, какъ никто изъ ея пріятельницъ. Теперь явилось вдругъ простое соображеніе, которое, будто воплотившись въ какой-то страшный призракъ, пугаломъ стояло предъ ней и день, и ночь...

Соображеніе заключалось въ томъ, что у нея одинъ ребенокъ, который, несмотря на уходъ и всяческія попеченія, все-таки слабъ здоровьемъ. Если этотъ ребенокъ вдругъ умретъ, какъ умеръ первый? Что тогда произойдетъ?!. Почти погибель ея самой! Все состояніе, всѣ вотчины князей Татевыхъ перейдутъ тогда къ какимъ-то дальнимъ родственникамъ, которыхъ она только одинъ разъ мелькомъ видѣла: къ какимъ-то дворянамъ Алябьевымъ, троюроднымъ братьямъ покойнаго князя. И тогда княгиню Арину Саввишну, бездѣтную вдову, попросятъ, конечно, выѣхать на всѣ четыре стороны съ седьмой, закономъ полагаемой, частью. По закону она получитъ такую часть, на доходъ съ которой ей можно будетъ только существовать безбѣдно, вести сѣренькую жизнь и во всякомъ случаѣ поселиться въ какой-нибудь маленькой квартиркѣ въ Москвѣ. Если-же сынъ Антоша будетъ живъ, то она, конечно, постарается его женить, какъ можно ранѣе, чтобы у него были дѣти и побольше дѣтей. И, пока будетъ существовать на свѣтѣ хоть одинъ Татевъ или одна Татева, мальчикъ или дѣвочка, княгиня останется фактической владѣлицей всего состоянія; при наличности внуковъ—все равно, если сынъ вдругъ и умретъ.

Разумѣется, съ той минуты, какъ явилось у Арины Саввишны это соображеніе, она окружила сына еще большимъ попеченіемъ. Теперь уже при малѣйшей хворости онъ могъ быть непремѣнно залѣченъ. На счастье княгини, сынъ, подрастая, становился крѣпче, здоровѣе на видъ, и она, наконецъ, перестала безпокоиться о своей судьбѣ, то-есть о потерѣ состоянія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, она начала постройку новой усадьбы и въ очень широкихъ размѣрахъ. Деньги якобы на постройку шли большія. Собственно, въ дѣйствительности княгиня надумалась при этихъ расходахъ крупную часть ихъ тайно откладывать. Подъ ея кроватью стоялъ небольшой кованый сундучекъ, въ которомъ копились и накоплялись деньги. Это было на случай смерти сына и перехода состоянія въ чужія руки.

VII.

Стройка усадьбы началась и продолжалась почти въ отсутствіе князя Антона. Такъ какъ онъ, какъ и всѣ дворянскіе недоросли, былъ записанъ въ полкъ гвардіи еще въ дѣтствѣ, то пришло, наконецъ, время отправляться въ Петербургъ отбывать дворянскую повинность. Княгиня сама поѣхала съ сыномъ, и онъ надѣлъ преображенскій мундиръ на ея глазахъ. Она наняла квартиру, купила обстановку и устроила все такъ, какъ подобало князю Татеву—богачу.

У рядового преображенскаго полка былъ на Литейной цѣлый домъ, въ которомъ могло-бы помѣститься большое семейство. При немъ осталось въ услуженіи болѣе дюжины дворовыхъ, мужиковъ и женщинъ, своя ключница, свои прачки и судомойки, конечно, свой дворецкій, лакеи, кучеръ, а также форрейторы. На конюшнѣ было десять лошадей—и почти самыхъ красивыхъ во всей столицѣ.

Съ полковымъ начальствомъ княгиня сразу подружилась, и, когда уѣзжала обратно въ вотчину, то ей обѣщали, что пятнадцатилѣтній рядовой, князь Татевъ, долго въ солдатахъ не останется. И, дѣйствительно, менѣе чѣмъ черезъ годъ князь былъ уже капраломъ.

Каждое лѣто князь Антонъ получалъ отпускъ, пріѣзжалъ гостить къ матери и каждый разъ дивился новымъ возведеннымъ постройкамъ. Усадьба росла и становилась настоящей княжеской усадьбой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, видъ у молодого капрала былъ такой, что княгиня съ удовольствіемъ соображала, что сундучекъ подъ кроватью, пожалуй, будетъ ей и не нуженъ. Состояніе останется у нея. И она рѣшила при первой-же возможности устроить, чтобы сынъ вышелъ изъ полка и пріѣхалъ жить въ вотчину. Но это, конечно, было крайне мудрено ввиду обязательства дворянъ служить.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Скончалась императрица Елизавета Петровна, вступилъ на престолъ императоръ Петръ Ѳеодоровичъ, и все дворянство, по крайнѣй мѣрѣ не малая часть его, было обрадовано новымъ императорскимъ указомъ или милостью, именуемой „о вольности дворянской“. Всякій желавшій могъ подать въ отставку. И тотчасъ-же молодой князь сталъ собираться выйти въ отставку и пріѣхать домой.

Въ его сборахъ прошло очень много времени... Но вдругъ совершилось въ Петербургѣ нѣчто ожиданное многими, но ужъ, конечно, совершенно неожиданное преображенцемъ, княземъ Татевымъ... Совершился іюньскій переворотъ въ пользу императрицы Екатерины Алексѣевны. Преображенскій полкъ

при этомъ, благодаря преображенцу Алексѣю Орлову и его нѣсколькимъ друзьямъ, сыгралъ видную роль.

Князь Татевъ, немногимъ теперь моложе офицера Орлова, благодаря своему состоянію и обстановкѣ, былъ съ нимъ въ очень близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Все, что зналъ Орловъ, онъ держалъ, однако, втайнѣ отъ молодого друга, такъ какъ зналъ хорошо, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

Князю Татеву довѣриться было-бы, конечно, неосторожно; слишкомъ онъ былъ наивенъ и простъ. Но положиться на князя было возможно. Взявъ съ него честное слово, что въ данныхъ обстоятельствахъ онъ будетъ поступать извѣстнымъ образомъ, какъ заранѣе обѣщаетъ, можно было быть въ немъ увѣреннымъ вполнѣ.

И вотъ князь Антонъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, затѣмъ цѣлый май и цѣлый іюнь часто обѣщалъ товарищу, преображенцу Орлову, въ случаѣ чего, дѣйствовать „извѣстнымъ образомъ“. Но этого мало... Орлову часто надобились деньги, конечно, взаймы, и онъ просилъ ихъ у Татева. Князю Антону, получавшему сравнительно много отъ матери, было совершенно некуда дѣвать деньги. Онъ поневолѣ копилъ ихъ. Въ полку и вообще въ гвардіи была страшно развита картежная игра. Проигрывались и выигрывались ежедневно огромныя суммы; были всяческія офицерскія затѣи: трата денегъ по разнымъ „гербергамъ“, или трактирамъ, ристалища въ перегонки за красавицами-шведками. Кто опередитъ, кто побѣдитъ и кто отобьетъ себѣ! На это ухлопывали тоже огромныя деньги тѣ, у кого онѣ были, да и тѣ, у кого ихъ не было. Князь Антонъ держался ото всего этого всегда въ сторонѣ. Понемногу у него само собой образовалась крупная по тому времени сумма денегъ, о которой онъ почему-то, однако, ни слова не писалъ и не говорилъ матери.

Всю весну этотъ пріятель Орловъ постоянно сообщалъ другу-князю, что серьезное „государственное“ дѣло все ладится, но что деньги — и большія — нужны по-зарѣзъ. Сидя однажды въ маѣ мѣсяцѣ у пріятеля, Орловъ съ отчаяніемъ заявилъ, что нужны десять тысячъ и что деньги эти нужно достать во что-бы то ни стало, а между тѣмъ до сихъ поръ это не удается.

Князь Татевъ, у котораго Орловъ часто просилъ и бралъ взаймы, понималъ отлично, что товарищу такія большія деньги нужны, конечно, не на картежъ и не на шведокъ, и былъ почему-то увѣренъ, что деньги эти тотъ обязательно возвратитъ. Довольно долго проколебавшись, онъ въ началѣ іюня предложилъ и отдалъ Орлову все, что накопилось у него въ его сундучкѣ, почти такомъ-же, какъ и у его матери. Судьба хотѣла, чтобы и мать, и сынъ копили тайкомъ другъ отъ друга да вдобавокъ еще въ совершенно похожихъ сундучкахъ.

Наступилъ, наконецъ, Петровъ день. Преображенецъ князь Татевъ ахнулъ такъ-же, какъ ахнулъ и весь Петербургъ. Но два слова, сказанныя ему Орловымъ и офицеромъ Пассекомъ, заставили его понять, что это—отчасти его дѣло, даже дѣло его рукъ. Онъ тоже участникъ, тоже подготовитель!.. Ему сказали, что его помощь имѣетъ во всемъ этомъ большое значеніе. И за то скоро онъ будетъ вознагражденъ съ лихвой.

Когда преображенскій полкъ по тревогѣ выступилъ изъ казармъ, направляясь на Дворцовую площадь, сразу прошелъ слухъ, что полкъ пойдетъ въ Гатчину противъ нѣмецкихъ рейтаровъ императора. Во время движенія по петербургскимъ улицамъ, когда преображенецъ и командиръ роты Воейковъ, встрѣтивъ своихъ, бросился на нихъ верхомъ, разгоняя нагайкой и крича, что они—бунтовщики, два офицера, нѣсколько нижнихъ чиновъ, а вмѣстѣ съ ними пуще всѣхъ, отчаяннѣе всѣхъ, сержантъ князь Татевъ—бросились на него, крича:

— Да здравствуетъ государыня Екатерина Алексѣевна!

Они бросились на ротнаго командира такъ люто, что заставили его даже спасаться на лошади въ рѣчку Фонтанку.

Все это видѣлъ офицеръ Пассекъ и по пути на Дворцовую площадь приблизился къ князю Антону, хлопнулъ его по плечу и крикнулъ:

— Ну, князь, спасибо! Даю тебѣ слово, что все это будетъ завтра-же извѣстно государынѣ и такъ даромъ тебѣ не пройдетъ.

— За что-же?—не понялъ князь Антонъ.—Я въ ея пользу дѣйствовалъ...

— Ну, вотъ, поэтому даромъ и не пройдетъ! Быть тебѣ офицеромъ! Голову отдаю на отсѣченіе!

Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ дней, когда императрица уже была совершенно спокойна, когда Петръ Ѳеодоровичъ былъ уже въ Ропшѣ, а въ Петербургѣ наступила тишина, такъ какъ буря стихла, возникли и забѣгали вѣсти и слухи о наградахъ, а затѣмъ и подтвердились вскорѣ. Были награды важныя, огромныя, почти невѣроятныя. Были и маленькія, но важныя для тѣхъ, кто ихъ получилъ.

Князь Антонъ Татевъ надѣлъ офицерскій мундиръ и былъ самый счастливый человѣкъ на свѣтѣ. Одинъ изъ его дворовыхъ—самый умный и шустрый малый, сѣвъ, по его приказанію, на одну изъ лучшихъ лошадей конюшни, полетѣлъ гонцомъ въ дальніе края за тысячу верстъ къ матери княгинѣ объявить ей о радости.

Такимъ образомъ, благодаря великолѣпному коню и молодцу-гонцу, княгиня Арина Саввишна въ своей глуши узнала одна изъ первыхъ въ числѣ дворянъ-помѣщиковъ о воцареніи новой императрицы. Но при этомъ, какъ многіе, если не всѣ дворяне всей Россіи, княгиня ждала наступленія смутныхъ

временъ, давала нѣмецкой принцессѣ, вступившей на престолъ въ качествѣ самодержицы, годъ—полтора правленія, но никакъ не долѣе.

Поэтому, благодаря „вольности дворянской", пока еще не отмѣненной новой императрицей, которая отмѣняла многіе указы Петра Ѳеодоровича, княгиня пожелала скорѣе воспользоваться льготой и тотчасъ заставить сына выйти въ отставку.

Князь Антонъ, еще недавно собиравшійся тоже поселиться въ вотчинѣ, теперь думалъ иначе. У него явилось честолюбіе. Бесѣды съ пріятелями; дружба съ Алексѣемъ Орловымъ, который сталъ прямо чуть не вельможей, несмотря на свои года,—все заставляло князя Антона желать обождать и отложить отставку.

Въ началѣ осени онъ пріѣхалъ къ матери и насказалъ ей много новаго, невѣроятнаго, и краснорѣчиво убѣдилъ княгиню, что новая царица вступила на престолъ крѣпко, на долгіе годы, что, судя по ея коронованію въ Москвѣ, она уже теперь столь-же любима, сколь была покойная Елизавета Петровна.

Прошло еще почти два года... И за это время князь Антонъ вполнѣ разочаровался въ своихъ друзьяхъ и, въ особенности, въ дружбѣ Орлова, уже графа. Теперь онъ какъ-будто былъ имъ всѣмъ не нуженъ. Всѣ они стали важными людьми. Недавно простые поручики—они были въ чинахъ, занимали важныя должности. Онъ одинъ оставался попрежнему простымъ преображенскимъ офицеромъ.

Съ того дня, какъ Алексѣй Орловъ возвратилъ ему взятыя имъ взаймы деньги, онъ, видимо, охладѣлъ къ князю. Однажды Татевъ объяснилъ пріятелю, что имѣетъ намѣреніе выйти въ отставку и ѣхать къ матери. Онъ ожидалъ, что Орловъ будетъ отсовѣтовать ему, будетъ толковать о службѣ царицѣ, о повышеніяхъ и отличіяхъ. Князь, хотя и былъ простоватъ, а все-таки въ данномъ случаѣ тонко лукавилъ. Но послѣдствіе этой бесѣды было неожиданное. Орловъ отозвался, что князь, уйдя изъ полка и уѣхавъ изъ Петербурга къ себѣ въ глушь, поступитъ чрезвычайно умно.

— Что тебѣ тутъ дѣлать?—сказалъ онъ.—Нечего тебѣ выслуживаться! Ты—богатый человѣкъ. Ступай домой, женись и живи себѣ въ полное удовольствіе. Будешь уходить, я похлопочу, чтобы тебѣ дали слѣдующій чинъ.

Разумѣется, князь Антонъ понялъ, что, дѣйствительно, не зачѣмъ оставаться. И черезъ два года послѣ своего „подвига", какъ онъ называлъ свою стычку съ офицеромъ Воейковымъ, князь подалъ въ отставку, или какъ говорилось, „абшидъ".

VIII.

Пока Сакмарина бесѣдовала съ княземъ, ея сынъ, добрый и простоватый малый, уже проболтался о томъ, зачѣмъ они съ матерью пріѣхали. Чрезъ полчаса уже весь домъ зналъ... Но многіе покачивали головами.

— Ничего изъ этого не выйдетъ!—говорилось въ домѣ.

Сакмарина, между тѣмъ, смущенная своей бесѣдой съ княземъ, выйдя отъ него, вмѣсто того, чтобы отправляться прямо къ княгинѣ, вернулась внизъ въ свои комнаты, чтобы собраться съ мыслями. Она, уже давно знавшая княгиню, относилась къ ней всегда, какъ, впрочемъ, почти всѣ, съ нѣкоторымъ особымъ уваженіемъ, переходившимъ въ страхъ и боязнь. Только тѣ не побаивались княгини, которымъ не было до нея никакого дѣла. Но эти люди обращались съ ней осторожно, во избѣжаніе срама для себя. Всѣ помнили, какъ по приказу княгини, нѣсколько разъ случалось, что семьи почтенныхъ дворянъ гостившихъ у нея въ домѣ, были ни за что, ни про что вдругъ приглашены собраться и никогда болѣе порога дома впредь не переступать. А чѣмъ именно провинились эти гости—оставалось тайной для всѣхъ, не только для дворянъ намѣстничества, но и въ усадьбѣ для семьи, даже для самого князя Антона Симеоновича.

Пробывъ у себя около получаса, собравшись съ мыслями и съ духомъ, Анна Павловна послала доложить княгинѣ о себѣ. Человѣкъ вернулся, говоря:

— Княгиня приказали сказать, что онѣ знаютъ о вашемъ прибытіи, давно уже ожидаютъ васъ и удивляются, почему вы замѣшкались.

Въ отвѣтъ на это Сакмарина подумала:

„Плохо дѣло! Первый блинъ да комомъ! Уже не отложить-ли мнѣ? Въ другой разъ пріѣду“...

И она направилась въ аппартаменты княгини нѣсколько тревожная. Однако, когда Сакмарина вошла въ маленькую угловую комнату, которую княгиня называла своей конуркой, она сразу посмѣлѣла. Она тотчасъ увидала, что княгиня находится въ томъ особо хорошемъ расположеніи духа, которое бывало съ ней рѣдко, а въ послѣднее время все рѣже.

Сакмарина мысленно какъ-бы ожила. Пріѣхать со своимъ важнымъ дѣломъ въ такой день и часъ, когда княгиня въ духѣ, показалось ей счастливымъ предзнаменованіемъ, особой удачей, рѣдкимъ случаемъ, выпавшимъ по волѣ Божьей.

— Здравствуй, Павловна,– сказала княгиня, имѣвшая обыкновеніе всѣхъ своихъ знакомыхъ называть только по отчеству, какъ-бы умышленно приравнивая ихъ къ своимъ холопамъ, которыхъ звала такъ-же.

— Здравствуйте, матушка Арина Саввишна, — отвѣтила гостья.

— Что же это ты, Павловна, меня томишь? — ласково заговорила княгиня.—Вотъ уже которое время доложено мнѣ, что ты пріѣхала, а я все у моря погоды жду.

— Спасибо вамъ, княгиня, за такую ласковую встрѣчу! Виновата, я зашла къ князю на минуточку насчетъ его вышиванія да и задержалась. Виновата!

— Подумаешь, спѣхъ какой! Могла бы его вышиваніе и послѣ да и завтра поглядѣть. Ну, да Богъ съ тобой! Разсказывай, что и какъ, что новенькаго? Не имѣешь-ли вѣстей изъ города, не слыхала-ли чего о пакостницѣ намѣстницѣ? О Рожѣ Ериковнѣ?

— Ничего не знаю! Никого изъ города не видала. Да, что-же, матушка, по всѣмъ вѣроятіямъ, все то-же: безчинствуетъ эта Роза, или Рожа, лихоимствуетъ, срамитъ и пріятеля, нашего правителя. Авось-то, Богъ дастъ, скоро дойдетъ слухъ обо всемъ до новаго императора. Не надо забывать, надо помнить, что нынѣ—не старушка-царица, а молодой императоръ, всюду око свое закидывающій, всякое дѣло лично вершащій. Теперь порядки, вѣдь, другіе пошли. А эта Роза Эриховна грабительствуетъ...

— Ну, Павловна, это—вздоръ! Это только поначалу такъ, а потомъ вернется все къ старому да и заживутъ всѣ тихо да смирно. Царица Екатерина Алексѣевна была великая монархиня, такая была, какихъ, свѣтъ стоялъ и будетъ стоять, а не было и не будетъ. Вы здѣсь, въ этой трущобѣ, ничего такого не понимаете. Вступи теперь три императора вмѣсто одного, и все-таки они того не сдѣлаютъ, что сотворила великая монархиня Екатерина Вторая,—увлеклась княгиня, обожавшая императрицу Екатерину II-ю.—Ты знаешь, что я уже, вотъ, годовъ двадцать сподрядъ, а то и поболѣ дѣлаю? Знаешь, что я помолившись утромъ, творю?

— Какъ-же не знать, княгиня... знаю!

— Да, Павловна, больше двадцати годовъ. Какъ Богу помолюсь, такъ вотъ къ ней подойду, — княгиня указала пальцемъ на небольшой портретъ императрицы, висѣвшій на стѣнѣ,—подойду и ей въ поясъ. А то земной отвѣшу. Да, ино бываетъ, не токмо въ поясъ, а дѣлаю нижайшій поклонъ и пальцами землю трогаю. Какъ прослышу, бывало, про какое особо важное ея дѣяніе, то и по три поклона отвѣшу.

Анна Павловна дала княгинѣ высказать все, что та хотѣла, и, когда наступила небольшая пауза, она собралась съ духомъ, мысленно перекрестилась, вспомнила и про молитву: „Помяни Господи царя Давида и всю кротость его“, и, наконецъ, вымолвила роковыя слова:

матушка, ваше сіятельство, къ вамъ на этотъ разъ
имъ, многозначительнымъ дѣломъ, и душевнымъ, и
ъ, и первой важности.

И Анна Павловна начала говорить и начала еще пуще путаться и размазывать, еще пуще вертѣться вокругъ да около, чѣмъ тогда, когда говорила съ княземъ. Но княгиня была не князь Антонъ и послѣ двухъ — трехъ десятковъ словъ вымолвила:

— Стой, Павловна! Что-же это ты колоброднишь. Я ни единаго слова не поняла. Ты меня бабьимъ помоломъ не мучай, не люблю я этого. Коли есть дѣло, такъ къ дѣлу и иди! Есть что сказать, такъ прямо россійскими словами и скажи. А это что-же? туда да сюда, фу-ты, ну-ты и ни алтына, ни гроша, ни даже слова живого какого... одно тараторье!.. Ты, кажется, Павловна, знаешь, что я тараторье, особливо бабье, смерть не люблю.

И княгиня слегка сморщила брови. Казалось, что ея прекрасное расположеніе духа начинаетъ ее покидать. Сакмарина даже немного смутилась.

„Дура я пѣтая"! — подумала она. — „Не воспользовалась, пока она въ радостномъ состояніи находилась. Сама все напортила, а теперь на попятный надо".

— Дозвольте, княгиня,—выговорила она робко, — мнѣ о семъ важнѣйшемъ сердечномъ дѣлѣ доложить вамъ завтра...

— Завтра? А почему-же это завтра?

Сакмарина не знала, что отвѣчать.

— Да что ты, Христосъ съ тобой! Начала о дѣлѣ, начала разводить разные турусы, а теперь до завтра откладываешь. Нѣтъ, ужъ, голубушка, выкладывай! Да! И вотъ какъ: прямо сразу калачи на столъ мечи, въ полной видимости. Отвѣчай въ немногихъ словахъ, съ какимъ дѣломъ пожаловала?

— Я, княгиня, хотѣла просить васъ, въ качествѣ давнишняго вашего ко мнѣ благоволенія... — начала Сакмарина, —въ качествѣ благоволенія...

— Да не путай, мать моя, говори сразу!

Сакмарина снова начала что-то путать, но княгиня уже сморщила брови еще сильнѣе.

— Тебѣ я говорю? Или замолчи, или говори, какое твое дѣло! Ну?! Денегъ тебѣ нужно, такъ говори сколько. Я тебѣ повѣрю, сколько хочешь.

— Нѣтъ, какія деньги.

— Такъ сказывай! —громче, рѣзко и чуть не сердито произнесла княгиня.

Анна Павловна рѣшилась и поступила, какъ человѣкъ, собирающійся окунуться въ холодную воду и, попробовавши рукой и ногой и видя, что вода —чистый ледъ, сразу, перекрестясь, кидается со всего маху съ головой. Въ четырехъ или

пяти словахъ объяснила она, что отъ имени сына проситъ согласія княгини на его бракъ съ княжной Ариной.

И произнеся роковыя слова, Анна Павловна такъ-же точно, какъ человѣкъ, бросившійся сразу въ холодную воду, задохнулась, запыхтѣла и осталась, глупо разиня ротъ. Она такъ испугалась своихъ словъ, что, казалось, рѣзкій и рѣшительный отказъ княгини уже не могъ ее перепугать.

— Выдать мнѣ Аришу за твоего Павла? — спросила княгиня, умышленно дѣлая удивленное лицо.

Сакмарина что-то пробормотала, но что именно—она сама положительно не разобрала и не знала.

— Чтобы была Арина Антоновна Сакмарина, рожденная княжна Татева? — протяжно проговорила княгиня, ухмыляясь.

И она стала чесать двумя пальцами затылокъ.

— Стало быть, по закону Божьему выйдетъ эдакъ... — отвѣтила гостья.

— Полагаешь, Павловна, что ты меня удивила? Эхъ, ты, тетеря!.. Я давно смѣкаю, давно запримѣтила, куда ты, здѣсь бываючи, глаза закидываешь. Ну, вотъ тебѣ мой и отвѣтъ: у Ариши три жениха мною намѣченные, и твой Павлуша будетъ четвертый... Изъ всѣхъ четырехъ я, обсудивъ все, выбираю четвертаго... да. Обрадовалась, тетеря?

Дѣйствительно, Сакмарина, дотолѣ уныло и тревожно глядѣвшая, вдругъ вспыхнула, и лицо ея просіяло.

— Но не спѣши радоваться,—продолжала Арина Саввишна:—отъ меня ничего не зависитъ...

— Отъ кого-же тогда, матушка княгиня? — изумилась и снова встревожилась Сакмарина.

— Отъ Господа Бога, Павловна.

— Да съ... это точно... все—Богъ... Но, если вы, княгиня, пожелаете чего всѣмъ сердцемъ, то...

— То и Господь безпремѣнно повелитъ? Такъ что-ль?

И княгиня весело и самодовольно разсмѣялась.

— Ужъ грѣхъ-ли, нѣтъ-ли—эдакъ разсуждать, — отвѣтила гостья, подобострастно ухмыляясь—а только это—правда.

— Ну, ладно, увидимъ!.. Мое слово получила и имѣешь... Но только все-таки изъ этого всего, пожалуй, ничего покуда не выйдетъ.

Сакмарина снова пріуныла. Княгиня „сама“ сказала теперь то-же, что говорилъ и князь, то-же, что говорили и всѣ въ домѣ.

„Но что-же это такое“?—думалось озадаченной женщинѣ-

IX.

Появленіе старыхъ знакомыхъ, сосѣдки съ сыномъ, а главное, пріятеля молодежи Павлуши, да къ тому-же еще слухи, съ какой особой цѣлью, съ какимъ важнѣйшимъ дѣломъ гости пріѣхали—оживили и развеселили князей и княженъ.

Въ тотъ-же день, тотчасъ послѣ обѣда, загодя до раннихъ сумерекъ зимнихъ, цѣлая большая гурьба, буйная, не только шумная, отправилась на ледяныя горы.

Мѣсто, гдѣ всегда каталась княжеся семья, а равно и молодежь изъ дворовыхъ людей, называлось по праву „горы", а не просто „гора". Дѣло въ томъ, что около усадьбы, которую когда-то выстроила Арина Саввишна на возвышенномъ мѣстѣ, былъ пологій спускъ къ длинной овражинѣ, касающейся краемъ къ небольшой рѣкѣ. Съ одной стороны дома былъ насажденный княгиней большой садъ съ аллеями изъ липъ и изъ березъ, а по другую сторону всей усадьбы по спуску появился за года, какъ бы само собою, другой садъ съ небольшими еще деревьями, но съ густой чащей орѣшника, сирени, акаціи и всякихъ иныхъ кустовъ. Большой садъ назывался „верхнимъ", а второй—не меньше размѣрами и только безъ аллей—назывался „нижнимъ".

Катанье, которое устраивалось зимою въ усадьбѣ „Симеоново", было извѣстно, даже славилось во всемъ намѣстничествѣ.

Да и было чему славиться. Такого катанья не было и не могло быть нигдѣ, ни въ городахъ, ни въ усадьбахъ всего намѣстничества, такъ какъ въ „Симеоновѣ" сама природа или мѣстоположеніе все сдѣлали и все произвели на-диво.

Въ верхнемъ саду на главной широкой липовой аллеѣ, въ самой глубинѣ ея, сооружалась, то-есть, насыпалась высокая гора... Снѣгъ свозился десятками подводъ, и верхушка горы, гдѣ устраивалась просторная площадка, почти равнялась съ макушками тридцатилѣтнихъ липъ. Къ площадкѣ, конечно, вела деревянная лѣстница, а салазки, санки и лубки поднимались по веревкѣ на колесѣ быстро и легко. Это приспособленіе было дѣломъ или изобрѣтеніемъ всеобщаго любимца, домашняго доктора Янковича.

Большой и крутой спускъ горы кончался на половинѣ длинной аллеи. Въ концѣ же ея была каменная ограда, отдѣлявшая садъ отъ двора. Но зимой эта ограда или стѣна, исчезала. Къ ней съ обѣихъ сторонъ подсыпался снѣгъ и въ аллеѣ, и во дворѣ, отчего появлялась вторая маленькая ледяная гора съ подъемомъ и спускомъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ кончался этотъ небольшой искусственный спускъ, посреди ровнаго двора, начиналась настоящая

природная покатость, пологая, но длинная, тянувшаяся чрезъ весь нижній садъ до овражины, а изъ нея былъ снова короткій, но крутой уступъ прямо на рѣку.

Нѣтъ ничего мудренаго поэтому, что въ „Симеоновѣ“ катальщики съ горъ летали, какъ птицы, и улетали чуть не за версту отъ мѣста отправленія. Возвращались всѣ назадъ въ верхній садъ и къ лѣстницѣ, конечно, не пѣшкомъ, а на лошадяхъ... Пока господа, гости и дворовая молодежь летали внизъ съ горъ, между полемъ и верхнимъ садомъ по большой дорогѣ скакали взадъ и впередъ, чередуясь, двое просторныхъ саней-розвальней, запряженныхъ тройками. Въ нихъ помѣщались заразъ до восьми и десяти человѣкъ вмѣстѣ съ ихъ салазками или лубками. Если изъ сада въ поле и на рѣку скакала тройка лихо, то всегда мирно, слегка лишь нарушая тишину бубенцами и скрипомъ полозьевъ—но встрѣчная тройка, скакавшая съ рѣки въ усадьбу, казалась иной разъ несущимся смерчемъ, бурей или дьявольскимъ навожденіемъ — настолько гулко и далеко на всю окрестность разносились молодые голоса, крики, хохотъ, пѣнье, визгъ...

Каталось всегда много народа заразъ. Было обычаемъ брать съ собой молодыхъ горничныхъ и „сѣнныхъ“, даже дѣвченокъ „побѣгушекъ“ или поднянекъ, и равно молодыхъ слугъ, комнатныхъ, кухонныхъ, садовыхъ и другихъ, взрослыхъ молодцовъ и отроковъ. Всѣ раздѣлялись на пары, кто съ кѣмъ хотѣлъ, и мѣнялись лишь изрѣдка, не больше, какъ на два или три „маха“, то-есть, спуска или поѣздки.

Съ минуты начала катанья съ горъ въ малой гурьбѣ или иной разъ и въ очень большой кучѣ катальщиковъ не было ни князей и княженъ, ни дворянъ, ни хозяевъ, ни гостей, ни нахлѣбниковъ, ни дворовыхъ. Были одни равноправные, веселящіеся, спорящіе, иногда даже вступающіе почти въ драку... Слышалось подчасъ:

— Ваня, голубчикъ, Богомъ прошу, уступи на одинъ махъ...

Это говорилъ одинъ изъ князей или дворянъ-гостей, обращаясь къ парню „подбуфетному“ или поваренку.

— Не дамъ!... Куда лѣзешь! Не дозволю... Такъ те шаркну, что безъ салазокъ на рѣку улетишь!

И это кричалъ дворовый или парень „садовый“, налѣзая на какого-либо изъ господъ, своихъ и пріѣзжихъ, защищая свое право на лубокъ или свою очередь „на махъ“, или не уступая той подружки, которую на этотъ разъ каталъ съ горъ.

Обидѣться и пожаловаться отцу или бабушкѣ на кого-либо за что-либо никогда молодымъ Татевымъ и на умъ не приходило. Всѣ-бы осудили... и въ усадьбѣ, и на селѣ.

Однажды одинъ поваренокъ Кузька прибилъ на горахъ всеобщаго любимца—князя Рафаила, вѣчно тихаго. Всѣ ах-

нули и вступились... Но, разсудивъ дѣло, тоже всѣ, и господа, и слуги, порѣшили, что Кузька правъ, а Рафушка виноватъ, хотя и безъ умысла.

Катались всѣ, смотря по своей опытности и искусству управлять, всегда парами, но одни на простыхъ салазкахъ, другіе на санкахъ съ желѣзными подрѣзами, а третьи—искусники—на лубкахъ; такъ какъ лубокъ бываетъ мастерски облитъ и замороженъ на особый ладъ, и исподней частью, соприкасавшейся съ горой, узображалъ тоже замѣчательно гладкую ледяную поверхность, чуть не глаже и чище любого зеркала, то, разумѣется, ледъ по льду скользилъ съ страшной головокружительной быстротой... Это было не скатыванье себя внизъ, не спусканье, а именно, какъ именовалось, „махъ“.

Первый искусникъ „готовить“ или мастерить лубокъ, а равно и руководить имъ, былъ молодецъ Терентій. Ему было разрѣшено самой княгиней не только катать съ горъ ея внучку Катюшу, но даже нѣчто особое: дозволялось на передкѣ лубка класть три пудовика, что вмѣстѣ съ нимъ и съ княжной доводило вѣсъ до восьми пудовъ на крошечномъ лубкѣ его изобрѣтенія.

Катюша никогда никому Терентія не уступала, да и самъ парень не любилъ кататься съ другими. Однажды пріѣзжая гостья-дѣвица вымолила у княжны одинъ „махъ“ на лубкѣ Терентія... И много было смѣха послѣ этого... Когда лубокъ спускался молніей уже на третьей горѣ, чрезъ нижній садъ, гостья-барышня, сидѣвшая предъ Терентіемъ, вдругъ «закатилась», то-есть, прислонилась къ нему спиной и такъ на него налегла, что молодецъ долженъ былъ держать ее лѣвой рукой и кое-какъ править одной правой... При остановкѣ на рѣчкѣ оказалось, что барышня была въ обморокѣ, лицомъ бѣлѣе окружающаго снѣга и совершенно безъ чувствъ.

— Задохнулась!—объяснили всѣ, смѣясь до-упаду.

Случаи подобные бывали изрѣдка съ непривычными и съ робкими. Но были, однако, за пятнацать лѣтъ существованія горъ три случая много хуже: трое, разбившихся на смерть, убитыхъ на мѣстѣ!.. Двое, не умѣя править, „смахнули“ вонъ изъ колеи, или вылетѣли набокъ съ ледяной дороги, и убились: одинъ о стѣну дома, другой—въ саду о стволъ дерева... третій „замотался“ и „заерзалъ“ по горѣ, мотаясь справа налѣво, и былъ поэтому настигнутъ слѣдующей парой и „сбритъ“ съ горы на сторону... Пару отнесли домой безъ чувствъ, а неудачника, „ерзавшаго“ и „сбритаго“, снесли прямо на столъ, а со стола въ гробъ и на кладбище.

— Вотъ такъ махъ!—шутили каждый разъ симеоновцы.— Изъ верхняго-то сада и прямехонько сразу въ рай или къ чертямъ на сковородку. Вотъ такъ горы у насъ!

На этотъ разъ было тоже буйное веселье и оживленье. Болѣе всего потѣшались дворовые тѣмъ, что молодого барина Сакмарина катала, какъ дѣвицу, сама княжна Арина Антоновна, изображавшая молодца-кательщика.

Только, чуръ, не убей!—молилъ Павлуша.

— Дай срокъ...—отвѣчала княжна. — Когда убью, тогда и разговаривай!

X.

Въ дѣло женитьбы своихъ сыновей и замужества дочерей князь Антонъ Семеновичъ далъ себѣ слово совсѣмъ не вмѣшиваться, и совсѣмъ не изъ боязни матери...

Свято чтя память покойной жены, съ которой прожилъ онъ „душа въ душу“ болѣе тридцати лѣтъ, князь зналъ, что въ выборѣ подруги жизни и своимъ счастьемъ супружескимъ онъ былъ всецѣло обязанъ матери. Если бы не Арина Саввишна, то, Богъ вѣсть, какая была-бы у него жена. Когда вначалѣ зимы 1765 года князь Антонъ взялъ „абшидъ“ и явился въ вотчину, княгиня была вполнѣ счастлива. Тотчасъ же, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, заговорила она о женитьбѣ. Невѣста была ею уже давно, болѣе года, найдена и, конечно, уже не разъ вмѣстѣ со своими родителями бывала княгиней приглашаема въ „Симеоново“ на смотрины, чтобы ближе узнать ея нравъ.

Князь Антонъ еще совсѣмъ юный, при заявленіи матери о бракѣ и невѣстѣ, сильно смутился, и первымъ его вопросомъ было.

— Маменька, какъ она изъ себя? Стара?

— Что ты? Ума рѣшился? Ей шестнадцать лѣтъ еще не минуло. Старинная дворянка Палаузова.

— Не дурнорожа?

— Вотъ этого, голубчикъ, сказать не могу! Это обстоятельство особое!—отвѣтила лукаво княгиня. — Что касается лика человѣческаго, то нѣтъ того лика, о которомъ бы всѣ были одного согласнаго сужденія. Кто кому какъ на глаза кажетъ: что мужчина, что женщина. Есть дурнорожіе, которые многимъ нравятся до страсти, есть распрекрасивые, которые совсѣмъ не нравятся. Я твою невѣсту почитаю изъ себя пригожей. Ну, а вотъ другіе, многіе, говорятъ, что она съ грѣхомъ пополамъ. А есть и такіе, которые говорятъ, что она и совсѣмъ никакого человѣческаго подобія не имѣетъ.

Князь Антонъ, конечно, при послѣднихъ словахъ оробѣлъ, сильно смутился, опечалился и нѣсколько дней ходилъ, какъ пришибленный. Благодаря своему нраву, онъ до сихъ поръ еще не былъ занятъ ни одной женщиной, сторонясь ото всѣхъ. И

только одна дѣвушка въ Петербургѣ, въ его кварталѣ, по сосѣдству, дочь священника его прихода, нравилась ему въ продолженіе болѣе года. Но и съ ней онъ знакомъ лично не былъ, а только изрѣдка любовался ею, да и то не иначе, какъ въ церкви за обѣднями и всенощными. Въ это время онъ усердно посѣщалъ храмъ Божій, не пропускалъ ни одной службы. Даже всѣ товарищи дивились на него и совѣтовали, шутя, итти въ монахи, такъ какъ князь Антонъ ни единымъ словомъ не обмолвился въ полку, почему онъ такъ усердно посѣщаетъ церковныя службы. Становился онъ всегда на правой сторонѣ, недалеко отъ клироса, недалеко отъ своего предмета, поглядывалъ на него, вздыхалъ, по вечерамъ отъ тоски мечталъ и часто, конечно, видѣлъ его во снѣ. Но далѣе дѣло не шло и не могло итти.

Такимъ образомъ, совершенно юный и чистый сердцемъ князь Антонъ, при вопросѣ о бракѣ, несмотря на свою простоту, сообразилъ, что вся его жизнь, все будущее существованіе, все счастье жизни будетъ зависѣть отъ той, которую выбрала его мать.

Онъ сталъ наводить справки стороной о барышнѣ Палаузовой и въ одну недѣлю времени былъ сбитъ съ толку. И дворовые въ усадьбѣ, и кое-кто изъ сосѣдей,—всѣ были разнаго мнѣнія. Были такіе, которые увѣряли князя, что дѣвица Палаузова—писаная красота, а затѣмъ другіе тутъ же объявляли князю Антону, что его мать—женщина прихотливая, чудная: „Можно ли сыну-князю и богачу избрать такую дѣвицу въ супруги?!“ И они объяснили, что родитель ея — не совсѣмъ русскій человѣкъ по происхожденію, дѣвица вся уродилась въ отца: черномазая, длинная, тощая, чистый чортъ въ дѣвичьемъ платьѣ!

Кончилось тѣмъ, что князь не вѣрилъ тѣмъ, кто восхвалялъ избранницу матери, а вѣрилъ всей душой тѣмъ, кто сравнивалъ будущую его жену съ „чистымъ чортомъ“.

Такъ какъ княгиня уже написала родителямъ невѣсты, что сынъ ея, благодареніе Богу, получилъ абшидъ и находится въ усадьбѣ и что пора приступить къ тому, о чемъ между ними немало было говорено, въ усадьбѣ стали ожидать прибытія семьи Палаузовыхъ.

Были люди, которые думали, что князь Антонъ Семеновичъ будетъ вообще глядѣть невѣстъ и что за первой явятся и другія, и будетъ смотръ дѣвицъ намѣстничества, который можетъ затянуться и на цѣлый годъ; можетъ-быть, и изъ другихъ городовъ поѣдутъ невѣсты, можетъ и изъ столицы пріѣдутъ. Но большинство сосѣдей-дворянъ и большинство обитателей усадьбъ, хорошо и близко знавшіе княгиню Арину Саввишну, понимали, что молодой князь женится именно на

барышнѣ Палаузовой и никакихъ смотринъ другихъ дѣвицъ не будетъ.

Чѣмъ ближе подходилъ день, въ который Палаузовы должны были пріѣхать въ имѣніе, тѣмъ болѣе смущался молодой князь и ходилъ повѣся носъ. Уныніе его доходило до послѣднихъ предѣловъ. Мысль — воспротивиться матери, отказаться отъ ея избранницы, просить не губить его, ему и на умъ не приходила.

Ему только смутно казалось, что, если-бы былъ кто-либо по близости: другъ, родственникъ, пожилой человѣкъ, то онъ, конечно, попросилъ-бы его за себя заступиться, помочь „разговорить“ мать. Но одинъ одинехонекъ онъ не могъ ничего сдѣлать: это былъ не ротный командиръ, на котораго онъ прикрикнулъ и котораго загналъ въ рѣчку.

Несмотря на долгое отсутствіе изъ дому и самостоятельное существованіе въ Петербургѣ, князь, какъ только пріѣхалъ и переступилъ порогъ дома, такъ тотчасъ-же попалъ подъ вліяніе матери и боялся ея точно такъ же, какъ когда-то въ дѣтствѣ. И теперь единственное, что мелькало у него въ головѣ, было нѣчто, нежданно пришедшее на умъ: въ случаѣ, если дѣвица Палаузова—„чистый чортъ“, заявить матери, что онъ не считаетъ себя способнымъ на бракъ, на семейную жизнь и желаетъ постричься и итти въ монастырь.

„Да, ужъ лучше въ монахи!“—рѣшилъ князь, уныло бродя по комнатамъ большого дома.

Наконецъ, однажды, когда онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, на дворѣ усадьбы раздался звонъ колокольчика и бубенцовъ, и появился большой экипажъ шестерней. Изъ экипажа вышелъ пожилой человѣкъ, пожилая женщина, потомъ еще какая-то низкая и толстая фигура,—молодая или старая—разобрать было нельзя, но съ пухлымъ, одутловатымъ лицомъ.

Князь Антонъ оробѣлъ отъ этого одутловатаго лица, но затѣмъ вспомнилъ: „Худая... тощая... Стало быть, это — не она“...

Но въ то мгновеніе, пока онъ думалъ, изъ экипажа появилась третья женская фигура, тоже укутанная, съ платкомъ на головѣ... И князь опять ахнулъ и даже перекрестился... Это ужъ, навѣрное, была она!... Темнокожее лицо мелькнуло въ его глазахъ... Онъ могъ-бы хорошо разсмотрѣть ее, но отъ страха у него зарябило въ глазахъ. И эта третья женская фигура, какъ нельзя болѣе, подходила къ тому, что онъ зналъ.

„Черномазая, тощая, чистый чортъ!“

Отойдя отъ окошка, онъ опустился среди огромнаго дивана, сѣлъ, понурился, положилъ локти на колѣни, уперся лицомъ къ ладони и готовъ былъ заплакать. Преображенскій офицеръ, совершившій даже подвигъ, видно, остался тѣмъ-же недорослемъ, круто-воспитаннымъ, и тѣмъ-же робкимъ, какимъ

былъ въ дѣтствѣ. Двѣ горькія слезы выступили изъ глазъ на ладони. Онъ зналъ, что за нимъ сейчасъ пришлетъ мать съ приказомъ пріодѣться и явиться въ гостиную.

„Зачѣмъ“?..—думалось молодому человѣку.—„Зачѣмъ?! На казнь, понятно. Прямо!.. Вотъ этакъ ведутъ человѣка на казнь, на помостъ и рубятъ ему голову. Да, пожалуй, это и хуже! Семи смертей не бывать, а одной не миновать. Отхватили голову — и конецъ! А тутъ присудятъ на мытарство на всю жизнь... Да неужели-же нельзя воспротивиться?“—спрашивалъ онъ себя и въ отвѣтъ моталъ головой.—„Убѣжать?!. Да, это можно! Вотъ сейчасъ поглядѣть, увидать этого чорта чумазаго, а затѣмъ кушакъ и шапку—и бежать! Куда?!. Да тамъ видно будетъ! Лишь-бы только отсюда спастись. Пропаду на цѣлый годъ, буду гонцовъ посылать, просить маменьку не губить, можетъ и смилуется“...

И молодой человѣкъ, пріободрившись, поднялся, вытеръ себѣ лицо, какъ можно суше, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и рѣшительно заявилъ вслухъ:

— Бѣжать!.. Вотъ, сейчасъ увижу, и сейчасъ-же сюда за шапку! Деньги у меня есть — тутъ рублей тридцать есть... и бѣжать! Покуда на село къ Савелью, онъ укроетъ, а ночью лошадку — и дальше... Куда?! Тамъ видно будетъ! Нѣтъ, не могу я такъ отдать себя на казнь!..

Наконецъ, въ комнату вошелъ человѣкъ и отъ имени княгини позвалъ его въ гостиную. Князь Антонъ двинулся, ничего не чувствуя, ничего не видя и, конечно, не будучи въ состояніи слышать то, что будутъ ему говорить. Обстоятельства напустили на него какой-то дурманъ, но, войдя въ гостиную, онъ ожилъ: въ ней была одна княгиня.

— Ну, Антонъ... знаешь, что пріѣхали? Сейчасъ будутъ... У меня они уже побывали, но теперь отправились въ свои комнаты принарядиться.

И Арина Саввишна начала поучительно говорить, втолковывая сыну, что такое собственно „бракъ“, но князь, страшно взволнованный, да еще въ чаду или въ дурманѣ, не слыхалъ или не понималъ ни слова. Онъ пришелъ въ себя лишь отъ движенія и жеста матери.

— Во-какъ,—выговорила княгиня рѣзко.—А твой покойный родитель былъ клюквенный кисель. И ужъ, конечно, былъ для меня неподходящимъ супругомъ. А, вотъ, вышла замужъ! Да никто и не неволилъ. Сама захотѣла! сама себя скрутила! Во-какъ!

Княгиня протянула руку, сжавъ кулакъ, и двинула имъ такъ, какъ если-бы хотѣла треснуть по опущенной головѣ сына.

— Да! И ничего, прожила съ нимъ! Будь онъ живъ, и теперь жили-бы въ ладу. Бракъ—дѣло священное! Какъ кого

съ кѣмъ въ церкви обвѣнчали, такъ сейчасъ благодать Божья тутъ и является, и счастье, и все такое. Кабы ты, вотъ, не былъ въ полку въ Петербургѣ да не наслушался разныхъ глупостей отъ товарищей, то и не думалъ-бы, и не говорилъ-бы теперь всякую чепуху.

„Что-же я такое сказалъ?“ — думалось князю. — „Снаушничалъ развѣ кто и донесъ?“

Можетъ быть, княгиня проговорила-бы еще очень долго, какъ съ ней часто случалось, когда она начинала „отчитывать“ человѣка, но за дверями гостиной раздались шаги.

Сердце замерло у князя Антона.

Появился пожилой человѣкъ, котораго онъ уже видѣлъ выходящимъ изъ экипажа, благообразный, добролицый. За нимъ появилась маленькая толстая женщина, за ними—„она“.

Князь поднялся съ мѣста и стоялъ истуканомъ. Вѣроятно, онъ былъ пораженъ настолько, что лишился сознанія. Гости приблизились вплотную къ нему... Мать его что-то говорила... Они тоже говорили, обращаясь всѣ къ нему... Онъ стоялъ, не отрывая глазъ отъ той, которую давно уже прозвалъ „чистымъ чортомъ“, и, наконецъ, съ трудомъ придя въ себя пролепеталъ:

— Что прикажете?

Всѣ сѣли разговаривая, но князь только минутъ черезъ пять, шесть вполнѣ пришелъ въ себя... Лицо его вспыхнуло, зарумянилось, глаза засіяли, и, улыбаясь счастливой улыбкой, онъ радостно поглядывалъ на всѣхъ растерянным взоромъ.

Дѣло всей его жизни было рѣшено сразу. Дѣвица Палаузова, „на его глаза“, была красавица. Мало того! въ ней было что-то, напомнившее князю его петербургскій предметъ! Это было прямо чудо или навожденіе!

„Господи! Да что-же это такое?!“—мысленно восклицалъ князь, чувствуя, что онъ сейчасъ или съ ума сойдетъ, или совсѣмъ помретъ.

XI.

И само собою произошло то, что князь Антонъ, помимо слѣпого повиновенія матери во всемъ, въ дѣлѣ устроенія судьбы своихъ дѣтей наиболѣе полагался на нее и ея «великое разумѣніе».

Арина Саввишна, съ своей стороны, всегда рѣшавшая всякое важное, а равно и самое пустое дѣло сама и безповоротно, считала, что ей „Богъ велитъ“ быть верховнымъ судіей всей семьи, начиная отъ сына и кончая послѣднимъ младенцемъ-правнукомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, княгиня любила во многомъ, если не во всемъ, подражать обожаемой ею монархинѣ, кото-

рую никогда не видѣла, но которую, тѣмъ не менѣе, положительно боготворила мысленно. Зная, что великая государыня въ значительныхъ вопросахъ по части государскихъ дѣлъ созывала ближайшихъ къ себѣ особъ на совѣщаніе, княгиня дѣлала то же. Поэтому, поразмысливъ теперь, Арина Саввишна на третій-же день по пріѣздѣ Сакмариныхъ заявила холодно и строго сыну:

— Распорядись, Антонъ, приказать всѣмъ чадамъ и домочадцамъ собраться въ портретную, а затѣмъ мнѣ доложить!

Князь Антонъ Семеновичъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ-же, выйдя отъ матери, распорядился.

Всѣ въ домѣ тоже догадались, о чемъ будетъ рѣчь и зачѣмъ собираетъ бабушка «судилище», какъ шутила одна изъ княженъ, шустрая Катюша.

— Знаю зачѣмъ!—шутилъ и Рафушка.—Поставятъ среди портретной маленькій красненькій диванчикъ. разложатъ меня и будутъ сѣчь, а бабушка будетъ считать. И дадутъ мнѣ сто ударовъ плетьми или кошками.

— Полно тебѣ, егоза!—усовѣщевала брата Ариша.—Добьешься ты своими прибаутками, что и впрямь бабушка велитъ тебя высѣчь и если не въ портретной, то въ другомъ какомъ мѣстѣ.

Черезъ полчаса князь Антонъ Семеновичъ, три сына, двѣ дочери, а равно и приживальщики—Комаровы, Блохины, старикъ Осокинъ, и проѣзжіе гости—Сакмарина съ сыномъ,—всѣ собрались въ портретной и разсѣлись. Кто сидѣлъ угрюмый и серьезный, а кто тайкомъ хихикалъ. Пуще всѣхъ шалила Катюша, пока отецъ не прикрикнулъ на нее.

Дворецкій, Иванъ Спиридоновичъ, явившись въ портретную, съ руками неизмѣнно за спиной, спросилъ у князя, можно-ли докладывать.

— Поди доложи, — нѣсколько торжественно произнесъ князь:—что всѣ мы ожидаемъ княгиню-матушку, всѣ въ сборѣ.

Княгиня вошла минутъ черезъ десять тихо и торжественно. При ея появленіи всѣ встали съ мѣстъ. Сѣвъ одна на срединѣ большого дивана, она оглядѣла всѣхъ ласково. Видно было, что она совершенно довольна всѣмъ происходящимъ.

Твердо заговоривъ при общемъ глубокомъ молчаніи, княгиня только разъяснила, что любезнѣйшій сосѣдъ, сынъ любезнѣйшей Анны Павловны, дѣлаетъ честь, предлагая руку и сердцѣ внучкѣ ея, княжнѣ Аринѣ Антоновнѣ, и что она, бабушка, радостно привѣтствуетъ сіе событіе и готова бы хоть сейчасъ играть свадьбу... Но дѣло это по обстоятельствамъ невозможно или-же затруднительно. И вотъ надо обсудить все... Она дала себѣ клятву, какъ всей семьѣ давно то извѣстно, что ея внуки и внучки женятся и выйдутъ замужъ по старшинству, по своимъ годамъ. Такимъ образомъ, такъ какъ

старшій внукъ ея уже женатъ, теперь, чтобы внукъ Гаврикъ женился, если не прежде, то, по крайней мѣрѣ, одновременно, днемъ—двумя ранѣе, чѣмъ будетъ вѣнчаться его сестра Ариша. И вотъ въ разсужденіе всѣхъ обстоятельствъ княгиня проситъ всѣхъ:

— Даже тебя, глупую,—прибавила она, обращаясь къ Катюшѣ,—даже васъ, людей чужихъ, но подъ единымъ съ нами кровомъ обрѣтающихся и въ наши всѣ семейныя обстоятельства вступающихся. Надо рѣшить дѣло, надо, чтобы Гаврику нашлась невѣста... и немедленно! Таковое,—помолчавъ мгновеніе, продолжала княгиня,—дѣло возможное! Ужъ давно намѣтила я для Гаврика хорошую дѣвицу, пригожую, умную, душевную, но изъ-за прихотничества и артачества чванливой женщины все это разстроилось. Бѣдная сирота должна повиноваться чужой ей женщинѣ, ее воспитавшей. И вотъ теперь нужно, чтобы генеральша Бокъ явилась у меня просить прощенія. Я-же, изъ любви къ Гаврику, заранѣе обѣщаюсь всѣ ея вины ей отпустить, Богъ съ ней совсѣмъ! Будь она родная мать Машеньки, я-бы никогда на такой бракъ не согласилась, потому что въ домѣ была-бы строптивая теща у моего внука, чего я допустить не могу. А прогонять родную мать моей новой внучки, невѣстки сына, я тоже не могу. Но, благодаря Бога, Машенька не связана родствомъ съ генеральшей, а только благодарностью. Ну, такъ вотъ и рѣшайте вы, мириться-ли мнѣ и простить генеральшу, чтобы была у Гаврика жена и чтобы тѣмъ самымъ, не отлагая дѣла далеко, можно было намъ отпраздновать на одной недѣли двѣ свадьбы—сначала Гаврика съ Машенькой Чупруновой, а затѣмъ и Ариши съ Павлушей Сакмаринымъ. Ну, отвѣтствуй за всѣхъ ты, Антонъ!—обратилась княгиня къ сыну.—Ты долженъ знать, какъ всѣ они думаютъ.

Князь всталъ съ мѣста и отвѣтилъ:

— Какъ прикажете, княгиня-матушка! Ваше желаніе есть для насъ для всѣхъ законъ. Мнѣ-же извѣстно, что здѣсь Машеньку полюбили и очень сожалѣли, изъ-за строптивости генеральши вышелъ разладъ.

— Ну, а ты, Гаврикъ, что скажешь?—обратилась княгиня къ внуку.

Молодой князь сидѣлъ на самомъ дальнемъ мѣстѣ отъ бабушки, и теперь всѣ обернулись на него и смотрѣли, какъ предъ тѣмъ смотрѣли, не сморгнувъ, въ лицо и даже на губы говорившей бабушки, и всѣ одинаково — отъ самого князя Антона Семеновича до отрока Рафушки—удивились.

Гаврикъ былъ необычно блѣденъ. Когда бабушка обратилась къ нему, онъ поднялся съ мѣста, хотѣлъ что-то отвѣчать, но не могъ. Его будто душило.

— Что-же ты? Что съ тобой?—нѣсколько сурово произнесла Арина Саввишна.

Послѣ паузы и полной тишины при полномъ удивленіи всѣхъ присутствующихъ, княгиня снова произнесла уже рѣзко:

— Отвѣчай-же! О тебѣ рѣчь! Ты—главная персона. Тебя женить хотятъ—не меня!

— Какъ, бабушка, вы прикажете!—произнесъ Гаврикъ глухо и совершенно дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Вѣдь, ты всѣмъ сердцемъ привязанъ къ Машенькѣ Чупруновой?—спросила княгиня.

— Точно такъ!—прошепталъ Гаврикъ.

— И давно уже привязанъ къ ней, я это знаю! Стало-быть, ты долженъ быть радъ моему рѣшенію.

— Точно такъ!—снова прошепталъ молодой человѣкъ.

— Ну, такъ вотъ,—обратилась княгиня ко всѣмъ,—пускай Симеонъ, какъ старшій послѣ отца, ѣдетъ къ генеральшѣ и заявляетъ ей, что я готова ее простить. А заартачится дурашная баба, я ужъ тутъ не причемъ. Тогда надо искать Гаврику другую невѣсту. А покуда мы ее не найдемъ, ты меня, мать моя,—обернулась княгиня къ Сакмариной,—извини и оставайся съ моимъ обѣщаніемъ. А обѣщаніе мое въ томъ, что, какъ только я Гаврика женю, такъ тотчасъ же Ариша будетъ женой твоего сына. А до тѣхъ поръ не взыщи! Теперь мое дѣло—сторона, а дѣйствуйте вы: и ты, Антонъ, да и ты, Анна Павловна. Уломайте генеральшу, чтобы пріѣзжала сюда просить прощенія. И, какъ только я ее прощу, такъ сейчасъ-же у насъ въ домѣ будутъ два жениха и двѣ невѣсты. Ну, вотъ все.

Княгиня поднялась и такъ-же тихо и торжественно, какъ прежде, вышла изъ портретной. Едва она скрылась за дверями своихъ комнатъ, какъ всѣ встрепенулись и весело заговорили.

Сакмарина тотчасъ обратилась къ князю съ мольбой:

— Помогите! Теперь все отъ васъ зависитъ. Уломайте генеральшу...

Княжна Катюша, смѣясь, спросила, обращаясь ко всѣмъ:

— Какъ же теперь? Ариша и Павелъ Петровичъ—женихъ съ невѣстой или нѣтъ?

— Вѣстимо, нѣтъ,—сказалъ князь Семенъ.—Все гадательно осталось—выгоритъ, нѣтъ-ли?

Однако, Ариша и Сакмаринъ уже сошлись, отошли къ окну и о чемъ-то шептались. Для нихъ двухъ давно рѣшенное предложеніе руки и сердца было не новостью, а условное согласіе княгини подавало теперь надежду. Ариша боялась, что бабушка прямо откажетъ, не объясняя причинъ.

Одинъ изъ всей семьи, князь Гавріилъ, былъ сумраченъ, очевидно, взволнованъ всѣмъ происшедшимъ и тотчасъ-же

послѣ ухода бабушки незамѣтно выскользнулъ изъ портретной, не сказавъ никому ни слова. Князь Антонъ Семеновичъ собрался было сказать что-то сыну и крайне удивился его исчезновенію.

Чрезъ часъ на селѣ во дворъ мужика Алехи быстро явился кто-то чуть не бѣгомъ и окликнулъ хозяина, а затѣмъ приказалъ:

— Скорѣе, Алеха! Запрягай!

Это былъ князь Гавріилъ.

Мужикъ, замѣтивъ волненіе на лицѣ и въ голосѣ князя, полюбопытствовалъ узнать, не случилось-ли чего новаго.

— Такое, Алеха, стряслось, что мнѣ хоть въ петлю полѣзай!— отчаянно воскликнулъ Гаврикъ.

Чрезъ четверть часа крестьянская лошадь была уже впряжена въ розвальни, а чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого молодой князь уже мчался вскачь по большой дорогѣ и нещадно погонялъ возжами и кнутомъ.

Куда онъ мчался—конечно, не въ первый разъ — мужикъ не зналъ.

— Узнается это все,—ворчалъ онъ,—и будетъ мнѣ отвѣтъ лютый предъ господами. Потайное—завсегда бѣдовое...

XII.

На другой-же день вечеромъ князъ Антонъ Семеновичъ по приказу матери позвалъ къ себѣ на совѣтъ домашняго врача и друга, Феликса Яковлевича Янковича. Онъ предложилъ доктору взять на себя важное дѣло и исполнить трудное порученіе: поѣхать къ генеральше Бокъ и убѣдить ее явиться въ „Симеоново“ мириться къ княгиней ради счастья ея пріемной дочери. Такой человѣкъ, какъ докторъ, по мнѣнію князя, могъ это „успѣшно учинить“.

Феликсъ Яковлевичъ, дѣйствительно, былъ мастеръ на всѣ руки. Явясь когда-то въ „Симеоново“, онъ сначала очень не понравился княгинѣ Аринѣ Саввишнѣ. Многое худое нашла она въ немъ—даже и то, что онъ странно „стрѣлялъ глазами“, что, по ея мнѣнію, врачу, хотя и молодому, не подобало вовсе. Однако, докторъ остался и понемногу сумѣлъ заставить всѣхъ себя любить, въ томъ числѣ и княгиню.

Это былъ человѣкъ сорока лѣтъ, не русскій, но какой національности—было не совсѣмъ вѣрно извѣстно. Докторъ говорилъ, что онъ—дворянинъ, шляхтичъ, уроженецъ Кракова, а, между тѣмъ, лицомъ онъ смахивалъ на итальянца. Если-бы онъ не былъ, какъ подобало по времени, тщательно обритъ, то у него, безъ сомнѣнія, были-бы черная, какъ смоль, курчавая борода и такіе-же усы.

Теперь, помимо того, что Яковичъ всѣхъ лечилъ, онъ сумѣлъ такъ поставить себя въ домѣ, что всѣ призывали его на совѣтъ, всякій по своему дѣлу—и важному, и пустому. И если княгиня Арина Саввишна иногда приказывала позвать себѣ „Феликсу“, какъ называла она въ шутку любимца-доктора, для того, чтобы переговорить съ нимъ о своемъ серьезномъ дѣлѣ, то и князь Антонъ Семеновичъ и его сыновья пользовались его совѣтами, и даже Катюша съ пяти-шестилѣтняго возраста обращалась къ „Фелисынькѣ“, чтобы узнать, напримѣръ: въ какой колеръ приказать окрасить ея лошадку, то-есть палку, на которой она ѣздила верхомъ по саду.

Случалось Феликсу Яковлевичу быть и посредникомъ, улаживать кое-что въ домѣ, примирять поссорившихся. Прежде онъ бывалъ всегда примирителемъ подравшихся дѣтей, теперь случалось ему являться примирителемъ и посредникомъ въ дѣлахъ болѣе серьезныхъ.

Когда вскорѣ послѣ его появленія въ домѣ дѣло зашло о женитьбѣ старшаго князя Семена Антоновича, и молодой человѣкъ упрямо упирался, готовъ былъ ослушаться, конечно, не отца, а бабушки, Феликсъ Яковлевичъ уговорилъ его, и все устроилъ.

Съ тѣхъ поръ княгиня особенно жаловала доктора.

Были люди въ намѣстничествѣ, которые, вѣроятно, по злобѣ къ гордой княгинѣ, думали и увѣряли другихъ, что „у старой Татихи сѣдина въ косу, а бѣсъ въ ребро“, что въ ея прошломъ были и „водились вдовьи грѣшки“, а поэтому и теперь, надо думать, докторъ-полякъ справляетъ „двѣ должности“.

Разумѣется, всюду были эти говоры и пересуды, но опять случилось то же, что когда-то... Говорить, подозрѣвать и сплетничать было можно, а доказать было ничего нельзя. И то, что смахивало на правду, поневолѣ людьми благоразумными и справедливыми принималось, какъ сплетня и клевета.

Во всякомъ случаѣ, два явленія совпали вмѣстѣ... Когда княгиня обратила „гнѣвъ на милость“ по отношенію къ домашнему доктору, главный бурмистръ Власъ сталъ менѣе полноправенъ и властенъ въ управленіи вотчинныхъ дѣлъ. А затѣмъ вскорѣ онъ былъ отставленъ отъ должности. Княгиня стала управлять якобы сама чрезъ сына. Однако, Власъ съ семьей продолжалъ пользоваться особой благосклонностью и барыни, и всей княжей семьи. Сынъ его, Терентій, двадцатидвухлѣтній красавецъ, весь въ отца, хотя и числился главнымъ садовникомъ, но былъ теперь въ домѣ на особыхъ правахъ полудвороваго, полу-приживальщика, полу-товарища и пріятеля князей и княженъ. Онъ былъ близокъ съ ними съ дѣтства, а опала его отца не могла повліять на его отношенія съ господами.

Однако, во всей усадьбѣ, помимо самой княгини, только одинъ Власъ зналъ и мысленно говорилъ:

„Не будь дохтура, я-бы еще оставался главнымъ бурмистромъ и заправлялъ всѣмъ“.

Но Власъ былъ рѣдко умная голова, человѣкъ-самородокъ въ смыслѣ твердаго разума и яснаго пониманая всего окружающаго, всѣхъ „человѣческихъ передѣловъ“. А его голова—была могилой для всякой тайны.

Феликсъ Яковлевичъ былъ почти таковымъ-же человѣкомъ. Его голова или его душа были тоже для всѣхъ — потемки. Быть можетъ, за это общее обоимъ качество княгиня и приблизила ихъ къ себѣ поочереди.

Разумѣется, въ день совѣщанія съ семьей княгиня сама приказала Янковичу взяться за дѣло, а сыну приказала предложить доктору якобы отъ себя съѣздить къ генеральшѣ.

Янковичъ слегка „поломался“ съ княземъ, справлялся даже, какъ посмотритъ княгиня на то, что „онъ не въ свое докторское дѣло вмѣшивается“, но, успокоенный и убѣжденный княземъ, согласился.

Чрезъ трое сутокъ Янковичъ, ѣздившій въ имѣніе генеральши Бокъ, уже вернулся и объявилъ объ успѣхѣ, полномъ и безусловномъ. Генеральша Авдотья Евдокимовна обѣщалась на дняхъ пріѣхать въ „Симеоново“ и встрѣтиться съ княгиней, „какъ ни въ чемъ не бывало“, какъ еслибы никогда никакой ссоры, никакого разрыва между ними обѣими не было.

— Спасибо, умница вы, Феликсъ Яковлевичъ! — сказала княгиня доктору при всей семьѣ.—Не знаю я, какъ и чѣмъ благодарить васъ.

— Выжига, ты у меня, Фелиска,—сказала она ему вечеромъ у себя, наединѣ.—Всякое смастерить умѣешь. Выжига!

Между тѣмъ, князю Антону Семеновичу докторъ объяснилъ все на особый ладъ и просилъ его все доложить княгинѣ отъ себя. Конечно, князь никакой комедіи не видѣлъ... На утро онъ вошелъ къ матери тихо, степенно, какъ всегда, бережно ступая по полу и по коврику спальни. Казалось, что онъ чувствовалъ извѣстное уваженіе не только къ своей родительницѣ, но и ко всему, что ее окружало; не только къ ея вещамъ и предметамъ, но къ стѣнамъ, къ потолку, къ полу ея комнаты.

— Маменька, я къ вамъ...—произнесъ онъ не только почтительно, но на этотъ разъ даже нѣсколько робко.

— Вижу,—буркнула княгиня.

— Надо мнѣ вамъ доложить дѣло, чтобы вы...

— Чтобы порѣшить... Понятно!

— Точно такъ-съ.

— Ну...

— Изволите видѣть, оно, стало быть, происхожденье свое получило изъ того, что...

— Кто оно? Что оно? — тихо, но холодно отозвалась княгиня.

— Чего изволите?—спросилъ князь.

— Поѣхали! Какъ завсегда...

Княгиня вздохнула, какъ-бы говоря самой себѣ: „Что съ дуракомъ? Пускай ужъ лучше самъ, какъ знаетъ".

— Ну, говори, пой!—сказала она.

— Что-съ?

— Зачѣмъ пришелъ—то и сказывай. Всѣ старанія приложу понять. Пой! Ну!..

— Феликсъ Яковлевичъ вчера мнѣ говорилъ, что Авдотья Евдокимовна всѣмъ происхожденьемъ огорчена и очень-бы хотѣла.. хочетъ у васъ прощенія просить, все запамятовать.

— Ну, что-жъ?.. Знаю, вѣдь... Богъ съ ней. Пускай проситъ прощеніе. Единъ Богъ безъ грѣха...

— Дозвольте ей, маменька!

— Пускай!.. Увидимъ!

— Она пріѣдетъ, если дозволите, и все такое пояснитъ, что вы не такъ поняли, какъ было дѣло, и что она...

— Это она вретъ, бестія... И съ эгимъ пущай не ѣздитъ. Только прогоню... хуже будетъ.

— Но, маменька, посудите...

— Полно! Пускай пріѣзжаетъ и прощенья проситъ. И я прощу... Единъ Богъ безъ грѣха. А если она турусы заведетъ, что я не поняла ея артачества, упрямства и ея глупства, какъ слѣдуетъ, а измыслила якобы чего и не было, то я ее огорошу, обругаю и выгоню... Хуже будетъ! Пускай идетъ съ простой повинной...

— Она такъ и желаетъ, но она, говоритъ Феликсъ Яковлевичъ, желаетъ тоже объяснить вамъ...

— Допускаю... Богъ съ ней! Она—дура... А, вѣдь, недаромъ говорятъ: „Блажени нищіе духомъ, яко тѣхъ. какъ лежачаго, бить не полагается". Но объяснить ей себѣ ничего не позволю.

— Какъ-же тогда быть, маменька? Феликсъ Яковлевичъ говоритъ, что...

— Ну, буде, надоѣлъ... Ступай!

— Я хотѣлъ только...

— Уходи, отчаянный! Уходи!—воскликнула княгиня якобы сердито, но, когда князь вышелъ, она улыбнулась и забормотала себѣ что-то подъ носъ.

Чрезъ нѣсколько дней было еще большее движеніе и веселье въ домѣ. Пріѣхала генеральша Авдотья Евдокимовна Бокъ съ воспитанницей Машей Чупруновой. Обѣ были, собственно, старыя знакомыя и близкіе люди для всѣхъ. Дѣвушка-

сирота была большой и давнишней пріятельницей княжны Ариши. Генеральшу, умную и добрую женщину, тоже всѣ— отъ князя-отца и до Рафушки—равно любили. А, между тѣмъ, Бокъ и Маша перестали бывать въ „Симеоновѣ“ и даже не видались съ друзьями.

Ссора произошла изъ-за пустяковъ... Виновата была, безспорно, сама генеральша, потому что никогда не могла удержаться, чтобы не противорѣчить княгинѣ. А таковое въ „Симеоновѣ“ всѣми почиталось невѣроятнымъ дѣломъ и почти проступкомъ. Княгиня постоянно ссорилась съ генеральшей, „дулась“ на нее, но затѣмъ, конечно, опять примирялась.

Но однажды внезапно разразилась гроза. Всѣ сидѣли на террасѣ въ тихій лѣтній вечеръ, а разговоръ зашелъ о „вдовьей долѣ“, то-есть объ участи вдовъ, скучной, трудной, горькой. Княгиня стала доказывать, что плохо быть вдовой—„слова нѣтъ“, но надо имѣть въ себѣ силу, свою бабью силу. Не надо „нюни распускать“ и плакаться людямъ, и „казанскую сироту изъ себя корчить“; надо твердо нести вдовій крестъ, воспитывать дѣтей, коли они есть, заниматься дѣломъ, управлять имѣніями и во всемъ стараться замѣнить утерянаго мужа. Генеральша, тоже вдова, но бездѣтная, стала объяснять, что все дѣло въ сердцѣ. У кого оно мягкое, а у кого оно—камень... Она привела въ примѣръ себя, говоря, что послѣ кончины мужа пять лѣтъ была „сама не своя“, сначала топиться, а потомъ постригаться въ монастырь собиралась и съ великимъ трудомъ и „настояніемъ душевнымъ“ обрѣла сравнительный покой. Этому много помогло появленіе въ ея домѣ воспитанницы, пріемной дочери, Машеньки.

Бесѣда шла мирно... Генеральша почти не противорѣчила княгинѣ, даже уступила ей, что никому чужое сердце не видно и какое оно—„мякоть ими камень“—знать нельзя.

Но вдругъ послѣ какихъ-то словъ генеральши насчетъ „вдовьихъ утѣшителей“, нѣсколько словъ, которыхъ одни не слыхали, а другіе не поняли, княгиня вымолвила глухимъ голосомъ:

— Отвѣчу я вамъ, что ты, мать моя, судишь не какъ генеральша, а какъ пономариха... Хуже того! Моя скотница Анфиса такого, умретъ, не сбрехнетъ...

Генеральша оторопѣла отъ изумленія и не отвѣтила, не зная, что и сказать на нежданное оскорбленье, а княгиня тотчасъ поднялась и ушла къ себѣ.

Чрезъ полчаса она вызвала сына и приказала:

— Скажи Авдотьѣ, чтобы она сейчасъ съѣзжала отъ насъ и болѣе ко мнѣ ни ногой.

Князь ахнулъ и сталъ уговаривать мать, но княгиня пуще разгнѣвалась. Князь сталъ доказывать матери, что помимо несправедливости ея къ генеральшѣ, есть и другое обстоятельство.

— На дворѣ темь, зги не видно. Какъ-же генеральша въ эдакую тьму кромѣшную поѣдетъ по проселку въ своемъ огромномъ рыдванѣ? Можетъ убиться до смерти, сковырнувшись гдѣ въ оврагъ.

Княгиня согласилась и рѣшила:

— Но завтра, чуть свѣтъ, чтобы съѣзжала со двора. А не то прикажу холопамъ силой посадить въ рыдванъ!

На утро генеральша выѣхала рано изъ „Симеонова“ и, дорогой вспоминая разговоръ на террасѣ, размышляла про себя:

„Не вѣрила я! Николи не вѣрила! Многимъ въ намѣстничествѣ за нее глаза царапала, когда на нее кивали. А теперь повѣрю, что мнѣ правду сказывали, потому что только на ворѣ шапка горитъ“.

Такъ прошло полгода. Княгиня иногда жалѣла, что не видится съ умной женщиной и пріятной собесѣдницей. Иногда она спрашивала себя:

„Не почудился-ли мнѣ зря этотъ камушекъ въ мой огородъ?“

Вдобавокъ она любила Машу и намѣтила ее въ жены внуку Гаврику, хотя и не говорила объ этомъ.

Наконецъ, теперь, по милости Янковича и благодаря все-таки незлобію самой генеральши, все устроилось, и звонкій веселый голосокъ сироты Маши снова раздавался въ домѣ, а сама Авдотья Евдокимовна показывала князю Антону новый „крестъ“ шерстью по канвѣ.

— Вотъ такъ крестъ!—дивился и радовался князь, обожавшій вышиванье.

— Голландскій, князь. Есть такое государство въ Нѣмеціи, за морями... Вотъ печки „голландки“ тоже оттудова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ ожидали на утро новаго торжественнаго засѣданія въ портретной и заявленія княгини о выборѣ Машеньки въ жены Гаврику.

— Вотъ ахнетъ генеральша!—шептали въ усадьбѣ.—Будетъ у насъ княгиня Марья Никаноровна.

На утро никакого семейнаго засѣданія и заявленія княгини не произошло. Она только переговорила съ генеральшей наединѣ... Но за обѣдомъ было нѣчто, всѣхъ смутившее. За столъ не явился князь Гаврикъ и былъ невѣдомо гдѣ.

Послѣ обѣда, едва только всѣ вышли изъ столовой, поднялся въ домѣ всеобщій переполохъ. И было отчего! Лакей доложилъ князю Антону Семеновичу, что пріѣхалъ человѣкъ, вродѣ конторщика, изъ сосѣдняго имѣнія „Кутъ“ отъ барина Абдурраманчикова и проситъ князя допустить его до себя для личнаго объясненія по важному дѣлу.

Князь смутился и не зналъ, какъ поступить. Разумѣется, прежде всего надо было просить дозволенія у матери. Онъ тотчасъ-же прошелъ къ княгинѣ, заявилъ ей о странномъ и

дерзкомъ появленіи посланца отъ врага-сосѣда и просилъ указанія, какъ ему быть.

Княгиня сначала тоже, видимо, смутилась, а затѣмъ разгнѣвалась на сына, удивляясь, какъ могъ онъ прійти къ ней съ такимъ глупымъ вопросомъ.

— Понятно!—воскликнула она.—Понятно, что надо безо всякихъ околичностей приказать посланцу чрезъ лакея съѣзжать живехонько со двора, по-добру, по-здорову и свезти „Персиду“ нашъ отвѣтъ, что ни ты, князь, ни я, княгиня, ни нынѣ, ни присно, ни во вѣки вѣковъ, ни въ какія сношенія съ маіоромъ входить не станемъ.

— Слушаю-съ,—сказалъ князь и хотѣлъ выйти.

— Стой!—крикнула сердито Арина Саввишна.—Нѣтъ, холопы все переврутъ. Выйди самъ въ прихожую и скажи ему все это толково, чтобы онъ своему персидскому барину все это отъ тебя передалъ.

Князь вышелъ, княгиня осталась у себя и, хотя была сердита отъ дерзости сосѣда, тѣмъ не менѣе, тотчасъ-же успокоилась, начала улыбаться насмѣшливо и покачивать головою.

— Вѣдь, вотъ, русскіе дворяне много скромнѣе. А вотъ этакіе,—размышляла она вслухъ,—какой дерзостью обладаютъ! Да и не дворянинъ онъ даже, а Богъ его знаетъ кто такой... Басурманъ, выходецъ невѣдомо какихъ краевъ, кто говоритъ изъ Персіи, а кто увѣряетъ, что изъ крымскихъ татаръ.

Размышленія княгини были прерваны появленіемъ князя. Но онъ не вошелъ, а влетѣлъ или вкатился въ комнату матери... Это быстрое, почти безцеремонное, непочтительное появленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и растерянный видъ сына уже не разгнѣвали, а отчасти испугали Арину Саввишну.

— Маменька! Маменька!—закричалъ князь.—Невѣроятное приключеніе! Сами возьмитесь! Я ничего не понимаю! Невѣроятное оно и оскорбительное! и противозаконное! и совсѣмъ не слыхано, не видано!

— Да что ты, глупая голова, говори скорѣй!—вскрикнула княгиня.

— Гаврюша запертъ, хотя и въ домѣ, а все-таки якобы въ чуланѣ! Подумайте.

Княгиня, ничего не понимая, засыпала сына вопросами и только съ трудомъ добилась отъ него, что посланецъ врага-сосѣда привезъ извѣстіе, что маіоръ Абдурраманчиковъ накрылъ молодого князя Гаврилу у себя на селѣ, не то въ домѣ, арестовалъ и заперъ въ усадьбѣ, считая плѣнникомъ. Онъ требовалъ, чтобы самъ князь Антонъ Семеновичъ пріѣхалъ за сыномъ, дабы объясниться съ нимъ подробно обо всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ невѣроятнаго происшествія. Въ чемъ заключалось невѣроятное происшествіе—посланецъ не зналъ или же, судя по его хитро-улыбающемуся лицу, онъ зналъ все,

но объяснять что-либо ему было не приказано. Между тѣмъ, въ домѣ все уже стало извѣстно.

Разумѣется, во всей усадьбѣ начался переполохъ. Все поднялось на ноги. Не только всѣ дворовые были поражены приключеніемъ съ молодымъ княземъ, но даже обѣ княжны вдругъ явились непрошенныя къ бабушкѣ и принялись плакать, какъ если-бы братъ Гаврикъ былъ убитъ. Тревога въ домѣ началась такая, что обыватели, казалось, забыли свое обычное почтеніе и свою обычную боязнь къ старой княгинѣ. И вслѣдъ за княжнами въ аппартаменты княгини вошли двѣ приживалки, а за ними показалась и фигура перепуганнаго дворецкаго Ивана Спиридоновича.

Княгиня, какъ бы вдругъ придя въ себя, поднялась съ мѣста и однимъ грознымъ восклицаніемъ: „Ну!“—выгнала всѣхъ вонъ кромѣ сына.

Пораздумавъ нѣсколько минутъ, княгиня рѣшила, что надо все-таки посланца прогнать со двора съ тѣми же словами: передать Абдурраманчикову, что съ нимъ ни въ какія сношенія входить не желаютъ. Но затѣмъ, когда князь снова собирался выйти изъ комнаты, Арина Саввишна снова крикнула сыну:

— Погоди! Не спѣши! То еле двигаешься, то вдругъ на тебя бѣсова прыть нападаетъ!

И затѣмъ она, очевидно, вполнѣ смущенная совершенно невѣроятнымъ приключеніемъ, такимъ дѣломъ, которое сразу и не одолѣть разумомъ, стала размышлять и говорить, но не съ сыномъ, а какъ бы сама съ собой:

— Вѣдь, не видано и не слыхано! Какой помѣщикъ можетъ сосѣда-помѣщика, да еще князя, заарестовать, запереть и не отпускать? Да и какъ Гаврикъ попалъ къ нему въ вотчину? Какъ онъ очутился тамъ, невѣдомо зачѣмъ? И, вѣдь не ближній конецъ! Необходимо разъяснить все непремѣнно толково. Слышишь? Переспроси ты, какъ слѣдъ, опять этого гонца его.

— Маменька, я вамъ докладывалъ три раза, — отвѣтилъ князь отчасти нетерпѣливо отъ крайняго волненія. — Онъ ни на что не отвѣчаетъ, сказываетъ только, что Абдурраманчиковъ требуетъ меня для объясненій. А что, какъ, зачѣмъ и почему?—ни на что не отвѣчаетъ! Говоритъ: запертъ Гаврикъ—и конецъ! А за что и почему, говоритъ, не знаю.

— Что же тутъ будешь дѣлать?—развела руками княгиня.—Надо будетъ кого-нибудь послать къ этому Персиду для объясненія. Конечно, не тебѣ ѣхать... Много чести! А вмѣстѣ съ тѣмъ надо, понятно, и жаловаться. Надо тебѣ самому прямо къ намѣстнику. Конечно, еще бы лучше внуку Симеону взять съ собой человѣкъ двадцать холоповъ да заняться, хотя бы цѣлую недѣльку, выслѣживать самого „Персида“, захватить

его и привезти сюда. Гаврикъ бы тамъ у него сидѣлъ, запертой, а „Персидъ“ бы у насъ сидѣлъ запертой. Это бы еще лучше было!

И княгиня замолчала и думала: „Какую я чепуху понесла, огородъ горожу!“

— Такъ какъ же прикажете?—рѣшился, наконецъ, спросить князь, собственно получившій нѣсколько разныхъ приказаній.

Княгиня молчала, раздумывала. Сынъ не рѣшался снова повторить вопросъ. Наконецъ, Арина Саввишна вздохнула и уже сдавленнымъ голосомъ, который означалъ въ ней сильное внутреннее волненіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и рѣшимость, произнесла:

— Поди скажи дураку-гонцу, что матушка моя, княгиня Татева, ни въ какіе переговоры и разговоры съ твоимъ персидскимъ бариномъ, и мы всѣ тоже подобно ей—вступать не будемъ... ни нынѣ, ни присно, ни во-вѣки вѣковъ.

И, когда князь уже выходилъ изъ комнаты, княгиня прибавила:

— Скажи ему тоже, что выѣдешь тотчасъ въ губернію жаловаться самому намѣстнику!

Князь вышелъ въ прихожую и передалъ посланцу сосѣда слова матери буквально. Молодой малый, по виду конторщикъ, отвѣтилъ:

— Мнѣ баринъ приказалъ, если я получу отъ васъ несогласный отвѣтъ, то, уѣзжая, прибавить, что князь Гавріилъ Антоновичъ будетъ у насъ сидѣть взаперти до тѣхъ поръ, покуда вы не пріѣдете самолично объясниться обо всемъ происхожденіи дѣла.

— Ну, ладно! Ступай! — крикнулъ князь, стараясь быть гнѣвнымъ и строгимъ. Но и гнѣвъ, и строгость такъ мало шли къ лицу добродушнаго Антона Семеновича, что конторщикъ поневолѣ чуть замѣтно улыбнулся.

Будучи въ крайнемъ волненіи, князь снова отправился къ матери, безсознательно надѣясь, что она его успокоитъ, потому что она со своимъ твердымъ разумомъ скоро все себѣ уяснитъ и найдетъ утѣшеніе. Но князь ошибся. Арина Саввишна не захотѣла даже разговаривать и сидѣла суровая и глубоко задумчивая. Гнѣвъ еще прошелъ, сказывалась одна тревога.

Между тѣмъ, наверху было тоже тревожное совѣщаніе. Обѣ княжны и старшій братъ и ихъ, а равно Сакмарина съ сыномъ и генеральша съ воспитанницей, собрались въ комнатѣ гостиной двухъ сестеръ-княженъ и обсуждали странное, совершенно непонятное происшествіе. И всѣ пришли къ заключенію, что, пожалуй, теперь и бабушка „спасуетъ“, ударитъ лицомъ въ грязь.

— Тутъ гордостью да горделивыми рѣчами ничего не возьмешь!—рѣшила генеральша.—Тутъ дѣйствовать надо.

— Ты когда-то въ дружбѣ былъ съ Петромъ Романовичемъ,—сказала Ариша брату.—Ты бы теперь хоть чрезъ него, стороной, что-нибудь узналъ...

— Что ты, Господь съ тобой!—отвѣтилъ князь Семенъ.—Не вызывать же мнѣ его сюда. Да и не поѣдетъ.—И, на вопросъ генеральши, онъ объяснилъ:—Петръ Романовичъ—сынъ злодѣя маіора.

А въ тѣ же самыя минуты юный Рафушка сидѣлъ у своей невѣстки княгини Марфы, которую страстно любилъ и къ которой пришелъ поговорить теперь о братѣ. Вѣчно молчаливая, „нѣмая" княгиня, помимо мужа и дѣтей, рѣшалась разговаривать только съ любимцемъ отрокомъ. Поговоривъ, затѣмъ помолчавъ, юный князь вдругъ заплакалъ, а затѣмъ началъ судорожно рыдать...

— Что ты? Что ты? Глупый! Съ чего?—спросила княгиня кротко.—Не съ чего! Еще невѣдомо, какъ все...

— Жаль мнѣ его!—всхлипнулъ Рафушка.

— Гаврика?

— Да. Жалко, жалко!.. Бѣдный онъ...

— Полно, глупый! Маіоръ все-таки ничего худого съ Гаврикомъ сотворить не можетъ... долженъ освободить.

— Знаю, знаю... Не отъ того я... не объ этомъ... Жалко мнѣ его...

— Такъ почему же жалко-то?

— Не скажу, Марфушенька. Не могу сказать!..

И Рафушка еще пуще залился слезами...

Весь день до поздней ночи прошелъ необычно уныло.

Вся семья, а равно и всѣ дворовые, были крайне встревожены происшествіемъ. Чѣмъ больше всѣ въ усадьбѣ размышляли, тѣмъ менѣе могли понять: „Какое это дѣло? Совсѣмъ пустое, одно нахальство сосѣда или важнѣющее дѣло?!"

XIV.

Прошли еще цѣлые сутки въ разрѣшеніи сугубо важнаго вопроса, кому ѣхать въ имѣніе „Кутъ" къ Абдурраманчикову: самому князю или сыну его старшему Семену?

И княгиня послѣ долгихъ размышленій на второй день вечеромъ рѣшила, что ѣхать къ Абдурраманчикову самому князю — много чести, что ему надо ѣхать въ городъ къ намѣстнику, а старшему внуку ѣхать немедленно освобождать брата.

Неслыханная дерзость „Персида" такъ разгнѣвала Арину Саввишну, что она даже, всегда здоровая и бодрая, немножко за ночь прихворнула и поднялась на другой день позже обыкновеннаго. Она чувствовала, что въ ней положительно гдѣ-то

подъ ложкой что-то кипитъ и бурлитъ. Ей казалось, что если-бы Абдурраманчиковъ очутился вдругъ въ ея усадьбѣ, она бы созвала своихъ холоповъ и, не взирая на срамъ, приказала-бы разложить и высѣчь его среди столовой или гостиной въ ея собственномъ присутствіи.

Враждебныя отношенія съ сосѣдомъ длились уже давно... Когда-то онъ посмѣлъ выкрасть у нея ея собственную крѣпостную холопку, а она ничего не смогла устроить не только въ отмщеніе и наказаніе сосѣда, но даже и для возстановленія своихъ законныхъ правъ. И вотъ, очевидно, зазнавшійся вслѣдствіе этого врагъ теперь уже посмѣлъ сдѣлать нѣчто невиданное и неслыханное—заарестовать и запереть у себя ея внука, князя Татева. Вѣдь не на порубкѣ же лѣса онъ его поймалъ?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, княгиню озадачивалъ и тревожилъ другой вопросъ, который казался главнымъ: „какимъ образомъ внукъ Гаврикъ очутился по близости усадьбы Абдурраманчикова?“ На утро этотъ вопросъ нѣсколько выяснился. Княгинѣ доложили, что мужикъ Алеха проболтался о чемъ-то касающемся дѣла.

Алеха былъ вызванъ къ князю, допрошенъ и передалъ, что молодой князь Гавріилъ Антоновичъ уже, почитай, цѣлый годъ, начавъ съ прошлаго лѣта, потомъ по осени, а затѣмъ и зимой разъ, а то и два раза въ недѣлю, тайкомъ, осѣдлавъ лошадь или запрягши маленькія саночки, уѣзжалъ изъ вотчины, куда—невѣдомо, и возвращается часа черезъ два. При этомъ онъ крѣпко-накрѣпко приказывалъ мужику никому ни за что не сказывать объ этомъ. Разумѣется, теперь Алеха жаловался, что, если самъ князь оказался у Абдурраманчикова, то и лошадь его съ розвальнями пропала и, стало быть, тоже находится у сосѣда-помѣщика.

Княгиня, выслушавъ объясненіе сына, рѣшила, что все, узнанное отъ мужика,—вздоръ. Внукъ, можетъ быть, дѣйствительно, ѣздилъ куда-нибудь тайкомъ на мужицкой лошади и скрывалъ это ото всѣхъ, но, чтобы онъ въ продолженіи болѣе полугода ѣздилъ всегда въ имѣніе Абдурраманчикова, — это было полной безсмыслицей, по ея мнѣнію.

На третій день послѣ обѣда былъ назначенъ молебенъ и отъѣздъ. На дворѣ уже стояли два возка: большой и маленькій. Въ первомъ былъ шестерикъ красивыхъ лошадей съ форейторомъ вереди, не ради, конечно, тяжести экипажа, а ради дворянскаго гонора. Князь никогда, ни зимой, ни лѣтомъ не выѣзжалъ иначе, какъ шестерикомъ цугомъ или шестерикомъ при четверкѣ въ дышлѣ и парѣ на выносъ. Другой возокъ, маленькій, былъ запряженъ тройкой.

Всѣ въ домѣ готовились итти въ большой залъ и всѣ были, казалось, еще болѣе смущены, всѣ будто теперь чуяли, что начинается съ врагомъ-сосѣдомъ что то такое гораздо болѣе важное, нежели похищеніе крѣпостной дворовой дѣвушки.

XV.

Ровно въ три часа вся семья, гости и приживальщики уже собрались въ залѣ и стояли въ ожиданіи выхода княгини къ молебну. Священникъ, дьяконъ и причтъ уже явились и готовились. Въ углу залы былъ накрытъ бѣлой скатертью столъ, на которомъ сіяли три большихъ образа въ старинныхъ окладахъ. Наконецъ, княгиня появилась суровая и, окинувъ всѣхъ гнѣвнымъ взоромъ, сказала князю Антону Семеновичу, будто продолжая рѣчь:

— Стряхни ты съ себя, брось, говорю, свое убожество' вспомни хоть разъ-то въ жизни, что ты—князь Татевъ, столбовой старинный дворянинъ. Твои дѣдушки да бабушки невѣдомо когда уже на свѣтѣ живали. Самъ ты знаешь, что, когда царь московскій Казань бралъ, то князь Татевъ отличился: собственноручно полсотни татаръ изрубилъ! А ты блоху боишься словить, какъ-бы не укусила.

„Ну, пойдетъ теперь всѣхъ поочереди отчитывать“,—подумала генеральша, — „или на одномъ на комъ весь гнѣвъ сорветъ—маіорову колотушку отколотитъ на другомъ!“

— А ты ужъ поплачь, Симеона Антоновна, — обернулась княгиня ко внуку. — Какже! Вѣдь, онъ тебя тамъ у себя высѣчь можетъ. Такой, какъ ты, дастся, приметъ полста розогъ и поблагодаритъ еще за ученье.

Духовенство стояло около стола съ иконами, всѣ стали полукругомъ по залѣ, а впереди всѣхъ поставили кресло для Арины Саввишны, такъ какъ она не могла болѣе нѣсколькихъ минутъ стоять на ногахъ. У себя въ спальнѣ ей случалось стоять по часу, но она это скрывала, и всѣ считали, что она на ноги слаба.

Княгиня уже собиралась сѣсть въ кресло и приказать начинать молебенъ, когда, окинувъ снова всѣхъ взглядомъ, увидѣла у дверей пришедшихъ тоже помолиться дворовыхъ, человѣкъ до двадцати. Въ числѣ другихъ стоялъ и „звѣриная мамка“—дурачекъ Агаѳонъ, и, невѣдомо почему, глупо ухмылялся. У него одного во всей залѣ было веселое лицо.

— Выгнать его вонъ!—выговорила княгиня.

Никто не понялъ, о комъ идетъ рѣчь, но самъ Агаѳонъ, увидя глаза барыни, сверкнувшіе прямо на него, быстро юркнулъ въ толпу и въ двери.

Наконецъ, приступили къ напутственному молебну, который длился довольно долго, такъ какъ княгиня не любила и не позволяла „гнать“ церковныя службы, и главное, запрещала своему духовенству „молоть и сыпать“...

— На что это похоже?—говорила она:—„Помилуй насъ!“ А у васъ: „поминосъ, поминосъ!..“ „Господи помилуй!“ А у васъ: „оспоми, оспоми!“

Когда молебенъ кончился и священникъ съ дьячкомъ и пономарь ушли, а приживальщики и дворовые тоже разошлись, семья и гости перешли въ гостиную и разсѣлись тихо и молча по кресламъ. Княгиня какъ всегда, сѣла одна на диванъ.

Четырнадцать человѣкъ, считая двухъ дѣтей, правнучекъ княгини, посидѣвъ минутъ пять въ полномъ гробовомъ молчаніи и опустивъ глаза, а не глядя по сторонамъ и не переглядываясь — какъ разъ на-всегда было княгиней строго указано—всѣ по знаку ея поднялись.

Князь Антонъ Семеновичъ подошелъ къ матери. Она перекрестила его трижды, медленно кладя три сложенныхъ пальца на лобъ, на животъ и на оба плеча. Затѣмъ, давъ поцѣловать себя трижды и давъ поцѣловать руку, сама перекрестилась.

— Ну, слушай! — заговорила княгиня. — Въ послѣдній! Утѣшь ты меня на старости лѣтъ! Богомъ прошу я тебя, сынъ, будь ты человѣкомъ, у коего взрослые, большіе сыновья. Хоть разъ то въ жизни наберись смѣлости! Эхъ, Господи! Творецъ Милостивый! Будь я мужчина, да я весь губернскій городъ, все намѣстничество разорила-бы.. камня на камнѣ не оставила-бы, сама намѣстника заарестовала-бы, самое его наперстницу, пройдоху Розу, запрягла-бы въ розвальни да не ней по городу проѣхалась-бы. Ну, говори: будешь смѣлъ или будешь передъ намѣстникомъ вилять, нюни да пузыри разводить да слюни пускать? Стыдно мнѣ это тебѣ при твоихъ-же дѣтяхъ и внукахъ, и при чужихъ людяхъ сказывать. Вонъ, поди, и Саввушка, и Антониночка и тѣ понимаютъ, что ихъ прабабушка ихъ дѣдушку уму-разуму учитъ. Да что-же дѣлать! Ну, Богъ съ тобой! Добрый путь! Помни одно: первое—ты князь Татевъ! второе—дѣло твое правое! третье—въ бѣдѣ находится твой родной сынъ!

Затѣмъ княгиня точно такъ-же перекрестила внука Симеона, расцѣловалась съ нимъ и снова заговорила:

— Твое дѣло, Сеня, простое! Этотъ „Персидъ“ — не начальство какое. Говори съ нимъ безстрашно, а главное, не забудь сказать, что я клятву дала, если въ намѣстничествѣ дѣло это неслыханное затянутъ или противъ насъ обратятъ такъ же, какъ обдѣлали они, кляузники, покражу моей холопки, то мы соберемъ своихъ крестьянъ до двухъ и трехсотъ

человѣкъ съ топорами и вилами и прямо войной пойдемъ на его „Кутъ“, и прямо-таки, какъ на войнѣ, приступомъ возьмемъ усадьбу, все разоримъ, Гаврика освободимъ, а у него худетъ полный разгромъ. Потомъ пускай, разоренный, судится. Такъ-то прежде бывало на Руси! И вотъ мы на старый образецъ поступимъ, коли законовъ нѣту! Дѣло будетъ проще, чѣмъ черезъ разныхъ беззаконниковъ-стрекулистовъ тягаться. Отпуститъ онъ Гаврика—слава Богу! Заупрямится и не отпуститъ,—то не смѣй ты назадъ пріѣзжать ко мнѣ безъ подробнаго доклада и объясненія, какимъ случаемъ Гаврикъ попалъ къ нему въ лапы и за что онъ его заарестовалъ? Это—главное, это — сущая суть! Обвиняй онъ Гаврика въ томъ, что тотъ у него въ лѣсу дерево рубилъ или поджигалъ, что-ли, на деревнѣ, тогда онъ якобы правъ будетъ на мои глаза, хоть и совретъ. А, можетъ быть, просто пройдоха и дерзновенецъ прямо тебѣ объяснитъ, что прихотничаетъ—ну, тогда я ему себя покажу! Тоже поприхотничаю, на свой образецъ: Ну, Богъ съ тобой! Въ добрый путь!

Черезъ нѣсколько минутъ вся семья была у окошекъ столовой и прихожей и глядѣла, какъ со двора сначала выѣхалъ возокъ шестерикомъ въ губернскій городъ, а за нимъ вслѣдъ выѣхалъ маленькій возокъ тройкой. Въ продолженіе верстъ четырехъ они должны были слѣдовать одинъ за другимъ, а затѣмъ разъѣхаться.

Когда путешественники достигли небольшого лѣса, гдѣ съ большой дороги былъ поворотъ въ имѣніе Абдурраманчикова, оба возка поравнялись и стали. Князь Антонъ Семеновичъ высунулся изъ своего окна. Князь Семенъ сдѣлалъ то-же. И отецъ сказалъ сыну, слегка подражая голосомъ своей матери:

— Ну, Сеня, ты съ нимъ не валандайся! Дѣйствуй начистоту! Грозися! Какъ сказала матушка, такъ мы и сдѣлаемъ. Если я ничего не добьюсь у намѣстника, то вернусь, и мы прямо-таки походомъ пойдемъ, якобы съ войскомъ, на его „Кутъ“ и разнесемъ всю его усадьбу. Подбодрись и дѣйствуй!

Молодой князь выслушалъ отца и подумалъ про себя:

„Да, сказать легко! А если меня нѣкая роба беретъ съ этимъ персидскимъ чортомъ, то, вѣдь, и тебѣ, батюшка, не сладко на душѣ—тоже робѣешь!“

Экипажи разъѣхались каждый своей дорогой. Возокъ и шестерикъ двинулись не шибко, а ровно, такъ какъ впереди предстояло съ отдыхомъ всего около семидесяти верстъ.

Молодой князь на самой лучшей тройкѣ изо всѣхъ разъѣздныхъ коней лихо полетѣлъ по хорошей морозной дорогѣ. Онъ былъ у маіора въ послѣдній разъ въ гостяхъ уже много лѣтъ назадъ. Когда-то Абдурраманчиковъ любилъ его болѣе всѣхъ остальныхъ молодыхъ князей, когда-то часто онъ много разсказывалъ ему про свои подвиги молодости.

И теперь, дорогой, князь Семенъ, вспоминая эти росказни, смущался еще болѣе. Хорошо бывало считаться пріятнымъ собесѣдникомъ этого „Персида“, а теперь являться къ нему въ качествѣ врага, являться ради крупнаго объясненія по поводу его дерзкаго самоуправства было, конечно, далеко не безопасно.

Къ тому-же маіоръ былъ прытокъ мыслями и рѣчами, а князь Семенъ, подобно отцу, всегда искалъ словъ, которыя были ему нужны и лазилъ за ними, какъ сказывается, въ карманъ.

Кромѣ того, все дѣло представлялось князю Семену неяснымъ и страннымъ. Маіоръ, по его мнѣнію, былъ не только не дуракъ, но и очень уменъ и хитеръ; могъ онъ заарестовать такъ Гаврика только за что-либо особливо-важное.

XVI.

Село „Кутъ“ было въ десяти-двѣнадцати верстахъ отъ вотчины князей Татевыхъ. Небольшая усадьба помѣщика средней руки была въ такомъ порядкѣ, что служила примѣромъ для другихъ болѣе богатыхъ помѣщиковъ.

Имѣніе принадлежало бывшему офицеру-полупотѣшнаго Гатчинскаго рейтарскаго полка, который давнымъ-давно тому назадъ завелъ и любилъ императоръ Петръ III. Это гатчинское небольшое войско, какъ извѣстно, состояло сплошь изъ нѣмцевъ разныхъ германскихъ государствъ. Но въ числѣ ихъ было и нѣсколько датчанъ, шведовъ и нѣсколько иноземцевъ почти неизвѣстнаго или темнаго происхожденія.

Среди послѣднихъ былъ офицеръ съ фамиліей Абдурраманчиковъ. Не только никто не зналъ, но и самъ онъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, откуда онъ. Его считали выходцемъ изъ Персіи, изъ Турціи и просто родомъ изъ крымскихъ татаръ. Если онъ былъ изъ крымцевъ, то, конечно, прадѣды его были все-таки настоящіе турки. Абдурраманчиковъ зналъ вѣрно только то, что его ребенкомъ вывезъ откуда-то издалека русскій богачъ-помѣщикъ въ качествѣ воспитанника для того, чтобы онъ игралъ съ его собственными дѣтьми. Когда-же мальчикъ выросъ, когда ему минуло шестнадцать лѣтъ, онъ былъ отданъ въ одинъ изъ петербургскихъ полковъ рядовымъ.

Юноша былъ умный, хитрый, предпріимчивый, отличался той энергіей, подвижностью и крайнимъ честолюбіемъ, которыя не могли остаться безъ результатовъ. Дѣйствительно, когда сформировалось гатчинское, или голштинское, войско цесаревича Петра Ѳеодоровича, гдѣ всѣ офицеры были чуть не пріятелями будущаго императора, хитрый Абдурраманчиковъ тотчасъ сообразилъ, что надо быть въ этихъ войскахъ

Онъ воспользовался тѣмъ, что въ числѣ офицеровъ были иноземцы не западнаго, а восточнаго происхожденія, и сталъ хлопотать о переводѣ его въ конный рейтарскій полкъ. Предварительно молодой человѣкъ прилежно занялся нѣмецкимъ языкомъ и сталъ учиться ѣздить верхомъ. Когда онъ былъ представленъ цесаревичу, то былъ тотчасъ-же принятъ.

Петра Ѳеодоровича удивило и обрадовало то обстоятельство, что молодой турокъ или персъ добровольно выучился и изрядно объяснялся по-нѣмецки.

Такъ какъ войско это было наполовину игрушечное, или потѣшное, и производство въ немъ зависѣло отъ каприза Петра Ѳеодоровича, то за два съ половиной или три года службы красивый Абдурраманчиковъ, черный, какъ смоль, среди рыжеватыхъ нѣмцевъ и датчанъ, лихой наѣзникъ, хорошій рубака на эспадронахъ, сдѣлался однимъ изъ любимцевъ цесаревича. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ быстро получилъ сподрядъ нѣсколько чиновъ и уже былъ „ротмейстеромъ“, имѣя только лѣтъ двадцать пять отъ роду.

При этомъ, конечно, Абдурраманчиковъ мечталъ, что, когда цесаревичъ станетъ императоромъ, то онъ перестанетъ быть простымъ рейтаромъ, а будетъ въ числѣ сановныхъ людей. Когда Петръ Ѳеодоровичъ вступилъ на престолъ, Абдурраманчиковъ тотчасъ получилъ еще чинъ, а черезъ три мѣсяца снова былъ произведенъ и сталъ уже премьеръ-маіоромъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ хорошо извѣстенъ въ Петербургѣ, хотя на особый ладъ. Во всѣхъ скандалахъ, которые производили гатчинскіе офицеры, или голштинцы, избалованные государемъ, Абдурраманчиковъ игралъ всегда видную ролъ. Офицеры всѣхъ гвардейскихъ полковъ побаивались его, потому что онъ былъ столько-же силенъ физически, сколько силенъ своимъ положеніемъ.

Что-бы ни случилось, какую-бы возмутительную исторію онъ ни сочинилъ, разумѣется, онъ всегда оставался правъ. Однажды онъ попалъ, наконецъ, въ засаду, въ руки невѣдомыхъ людей, конечно, враговъ, былъ избитъ, долго прохворалъ, но поднялся и сталъ еще отчаяннѣе. Государю уже пришлось раза два журить любимца, усовѣщевать и просить вести себя тише.

Въ тѣ дни, когда совершился переворотъ въ пользу императрицы, Абдурраманчиковъ изо всѣхъ голштинскихъ офицеровъ дѣйствовалъ всѣхъ энергичнѣе. Будучи хорошо извѣстенъ и даже близокъ фельдмаршалу Миниху, онъ случайно оказался въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, которые въ послѣднія мгновенья уговаривали государя спасаться на границу и искать заступничества у прусскаго короля.

По вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II въ числѣ пяти-шести человѣкъ, привезенныхъ вмѣстѣ съ Петромъ

Ѳеодоровичемъ въ Ропшу, былъ Абдурраманчиковъ. Разумѣется, черезъ мѣсяца два бывшій гатчинскій рейтаръ былъ уже сосланъ и очутился въ Сибири.

Лѣтъ пятнадцать прожилъ онъ въ трущобѣ забытый, но такъ какъ въ этой глуши онъ женился на дочери крупнаго чиновника, назначеннаго изъ Петербурга, то при помощи тестя онъ началъ о себѣ хлопотать и былъ, наконецъ, прощенъ. Въ приданое за женой онъ получилъ небольшое имѣніе и тотчасъ-же переселился въ него съ двумя маленькими дѣтьми.

Живя здѣсь въ сосѣдствѣ съ князьями Татевыми, Абдурраманчиковъ былъ сначала въ очень хорошихъ отношеніяхъ не только съ княземъ Антономъ Семеновичемъ, но и съ самой княгиней. Арина Саввишна полюбила сосѣда за то, что онъ былъ очень недуренъ, „хватъ“, рѣчистъ и „сказчикъ“. Съ Абдурраманчиковымъ можно было пріятно провести время. Многое и многое зналъ онъ, да и черезъ многое самъ прошелъ. Юношество и молодость, проведенныя въ столицѣ, вдобавокъ служба въ гатчинскомъ войскѣ, близость съ важными людьми, окружавшими наслѣдника престола, а потомъ императора—все сдѣлало изъ него человѣка, какихъ въ намѣстничествѣ было, конечно, немного.

Княгиня Арина Саввишна особенно полюбила дочь Абдурраманчикова — Елизавету, за то, что она была умненькая, а главное, за то, что она была чрезвычайно красивый ребенокъ и съ каждымъ годомъ становилась все красивѣе. Княгиня рѣшила, неизвѣстно на какомъ основаніи, что Абдурраманчиковъ не крымецъ и не турокъ, а персіянинъ, и поэтому, ради ласки и шутки звала хорошенькую дѣвочку „Персидкой“. При этомъ она благосклонно взирала на обожаніе дѣвочки своимъ внукомъ Гаврикомъ. Это была неразлучная пара.

Хорошія отношенія между сосѣдями продолжались довольно долго, но затѣмъ произошли, по милости „Персида“, ссора и полный разрывъ. Абдурраманчиковъ былъ во всемъ этомъ дѣлѣ, конечно, не правъ, но, если-бы не крутой нравъ княгини Арины Саввишны, то дѣло не дошло-бы до озлобленія и разрыва, такъ какъ все обстоятельство, по мнѣнію общихъ знакомыхъ, не стоило выѣденнаго яйца.

Абдурраманчиковъ, уже давно вдовый, былъ извѣстенъ въ намѣстничествѣ тѣмъ, что покупалъ у помѣщиковъ молодыхъ крестьянокъ, иногда дворовыхъ дѣвушекъ. Дворяне-помѣщики знали отлично, съ какой цѣлью совершались эти покупки. Шутили, что Абдурраманчиковъ, какъ настоящій восточный человѣкъ, имѣетъ часто пополняемый гаремъ.

Въ дѣйствительности этого, конечно, ве было. Всякая красивая молодуха, покупаемая имъ, черезъ годъ, два, три выдавалась имъ замужъ за кого нибудь изъ его крѣпостныхъ.

Отказа при его желаніи купить дѣвушку никогда не бывало, такъ какъ Абдурраманчиковъ, собственно человѣкъ не очень богатый, ради удовлетворенія прихоти, давалъ сравнительно большія, иногда огромныя деньги.

XVII.

Лѣтъ съ пять-шесть назадъ, бывая часто у князей Татевыхъ, Абдурраманчиковъ замѣтилъ въ числѣ княжескихъ дворовыхъ очень молоденькую дѣвушку, именемъ Ѳедосью. Онъ зналъ ее еще ребенкомъ и уже давно мысленно предсказывалъ, что дѣвочка сдѣлается красавицей.

Предсказаніе его исполнилось. Ѳедоська, будучи русской крестьянкой, была, казалось, родомъ изъ той-же страны, откуда происходилъ самъ Абдурраманчиковъ. Съ черной, какъ смоль, косой, темнокожая, съ черными глазами и тонкими бровями и рѣсницами, какія были во всемъ намѣстничествѣ только у двоихъ: у самого Абдурраманчикова и у его дочери „Лисаветъ", какъ онъ называлъ ее, основываясь на томъ, что такимъ образомъ именовала себя покойная императрица.

Разумѣется, маіоръ предложилъ княгинѣ купить Ѳедоську, назначая ее якобы въ горничныя къ своей дочери. Княгиня на его предложеніе разсмѣялась, ничего не отвѣтила и, когда онъ возобновилъ разговоръ о куплѣ, только шутила, посмѣивалась и, наконецъ, однажды сказала:

— Нѣтъ, сударь ты мой, поставщицей на твой гаремъ княгиня Татева не будетъ! Хоть сто давай, хоть двѣсти, хоть триста рублей, а ни Ѳедоськи, ни какой другой дѣвки или бабы изъ моей вотчины ты не получишь.

И, разумѣется, нашла коса на камень.

Упряма была Арина Саввишна, упрямъ и прихотливъ былъ тоже Абдурраманчиковъ. Дѣйствительно, онъ сталъ набавлять цѣну и дошелъ до неслыханной суммы, за которую, конечно, ни одна дѣвченка въ Россіи не была никогда продана. Онъ предлагалъ княгинѣ триста рублей и около пяти десятинъ земли, которая клиномъ врѣзывалась во владѣніе Татевыхъ.

Предложеніе было почти безумное. Даже князь Антонъ Семеновичъ, призванный ради забавы на совѣтъ, сказалъ матери, что онъ-бы рѣшился согласиться. Дѣвченка Ѳедоська стоила по времени и по мѣсту какихъ-нибудь пять рублей, а, взявъ во вниманіе ея красоту, ни на что собственно для дворянина-помѣщика ненужную, можно оцѣнить ее въ десять рублей. Получить-же за нее триста рублей и нѣсколько отличныхъ десятинъ да еще клинъ сосѣда—отличное дѣло, выгодное.

Княгиня отвѣчала сыну, что заранѣе ожидала,что онъ разсудитъ дѣло „по-дурацки“, что, еслибы Абдурраманчиковъ покупалъ дѣвушку дѣйствительно въ услуженіе своимъ дѣтямъ, то она, по сосѣдству и дружеству, даромъ отдала бы ее, но продавать Ѳедоську для пополненія гарема „Персида“,—князьямъ Татевымъ не приличествуетъ.

Разумѣется, князь вполнѣ согласился съ послѣднимъ обстоятельствомъ.

Абдурраманчиковъ послѣ рѣшительнаго отказа княгини сталъ бывать рѣже, а потомъ пропалъ на цѣлыхъ два мѣсяца, сказываясь больнымъ. Наконецъ, княгинѣ доложили, что дѣвченка Ѳедоська „пропала безъ вѣсти“ и пропадаетъ уже третій день.

Не только сама княгиня, но и докладывавшая ей ея „барская барыня“,—Анна Аѳанасьевна для всѣхъ и Анютка для княгини,—подозрѣвали, были увѣрены въ томъ, куда именно исчезла Ѳедоська. А затѣмъ всѣ господа, всѣ дворовые, вся усадьба, все село,—всѣ рѣшили единогласно, что Ѳедоську „выкралъ“ сосѣдъ Абдурраманчиковъ.

Вскорѣ послѣ исчезновенія дѣвушки маіоръ пріѣхалъ въ гости къ княгинѣ, повидался со всѣми, объяснялъ, что хворалъ, и былъ въ обращеніи со всѣми „какъ ни въ чемъ не бывало“. Однако, княгиня не вышла къ гостю, а когда прошелъ часъ послѣ его прибытія, она позвала сына и приказала ему передать Абдурраманчикову: „Немедленно возвратить Ѳедоську или, тотчасъ-же выѣхавъ, никогда болѣе не переступать порога ихъ дома“.

Абдурраманчиковъ отвѣчалъ князю божбой, что онъ въ первый разъ слышитъ о таковомъ и что подозрѣніе это его оскорбляетъ, что онъ даже проситъ князя вмѣстѣ со старшимъ сыномъ пріѣхать къ нему, обыскать всю его усадьбу, всѣ мышиныя норки.

Князь повѣрилъ сосѣду, доложилъ матери, но княгиня отвѣчала тѣмъ-же приказомъ Абдурраманчикову немедленно выѣхать изъ дому. Было-ли что извѣстно княгинѣ черезъ людей, которыхъ она подсылала въ усадьбу сосѣда, или подозрѣнія ея основывались на догадкѣ, но, тѣмъ не менѣе, женщина судила объ этомъ дѣлѣ, какъ если-бы знала все навѣрняка.

Абдурраманчиковъ, видимо, обиженный, тотчасъ уѣхалъ. Черезъ нѣсколько дней князю донесли, что Ѳедоська уже не скрытно, а явно живетъ въ усадьбѣ маіора въ услуженіи у молоденькой барышни.

Поступокъ сосѣда, то-есть самовольное присвоеніе крѣпостной холопки, былъ дѣяніемъ, конечно, караемымъ закономъ, Это было вмѣстѣ и воровство, и самоуправство.

Разумѣется, княгиня начала дѣло. Князь отправился въ губернскій городъ подавать жалобу, требовать возвращенія крѣ-

постной дѣвушки. Абдурраманчиковъ поѣхалъ, съ своей стороны, хлопотать. Началось ябедническое, кляузное дѣло между сосѣдями и, разумѣется, затянулось. Оба вернулись, чтобы ждать, что выйдетъ.

Князь Татевъ, по приказу матери, посылалъ подачки разнымъ чиновникамъ, судейскимъ крючкамъ, но дѣло все-таки не налаживалось, а затягивалось безъ конца.

Черезъ годъ все дѣло представляло собой какой-то дремучій лѣсъ. Были бумаги, въ которыхъ доказывалось, что Ѳедоська никогда не была крѣпостной, а „приписной“ князя Татева, что она—„крымка“, привезенная кѣмъ-то въ усадьбу князя еще ребенкомъ, и, слѣдовательно, вольная и не принадлежитъ никому. Въ бумагахъ ссылались даже на документы, которые оказались въ рукахъ дѣвушки.

Когда въ городъ были посланы княземъ дядя, братъ и другіе родственники Ѳедоськи для очной ставки, то молодая дѣвушка рѣшительно, смѣло, не сморгнувъ, объяснила, что они ей не родня. Она объяснила, что хорошо помнитъ, какъ родилась въ такихъ мѣстахъ, гдѣ высокія горы и большущая рѣка, которую называютъ „моремъ-океаномъ“.

Княгиня, конечно, сердилась, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и недоумѣвала, какимъ образомъ, не смотря на траты ихъ, людей богатыхъ, сравнительно совсѣмъ небогатый Абдурраманчиковъ имѣетъ въ городѣ среди крючковъ и стрекулистовъ очевидный перевѣсъ и успѣхъ. Она не знала, что упрямый да и прихотливый Абдурраманчиковъ, не жалѣя денегъ ради своей прихоти, платилъ вдвое больше ихъ.

Прошло года три, и все рѣшилось совершенно особенно... Такъ какъ во всемъ дѣлѣ нашла коса на камень, то затупилась коса и исцарапался камень... и остались сами по себѣ. Ѳедоська очутилась въ губернскомъ городѣ, вольная, мѣщанка, родомъ изъ Крыма и съ документами, совершенно правильными и законными, въ доказательство.

Княгиня убѣдилась, что Абдурраманчиковъ, очевидно, уже сбылъ дѣвушку съ рукъ, забылъ и думать о ней и только изъ упрямства не захотѣлъ ей возвратить ея холопку. Ѳедоська, чрезвычайно красивая, еще болѣе шустрая, чѣмъ была прежде, вслѣдствіе, конечно, процесса изъ-за нея и вслѣдствіе сношенія со всякими чиновниками и властями, уже совершенно не походила на крѣпостную дѣвушку изъ глуши деревни. Въ губернскомъ городѣ у нея вскорѣ-же оказались друзья и покровители. Одѣвалась она не хуже барынь-дворянокъ, обитавшихъ въ городѣ, а, главное, никто никогда не видалъ ея на улицѣ пѣшкомъ.

Послѣ дѣла изъ-за „выкраденной“ дѣвченки, конечно, явилось само собою много другихъ мелкихъ столкновеній между врагами-сосѣдями. Было дѣло и о межѣ. Абдурраманчиковъ

обвинялъ княгиню въ томъ, что она приказала мошеннически переставить межевые знаки и украла у него семь десятинъ.

Затѣмъ княгиня обвиняла въ городѣ сосѣда, что онъ самолично со своими крестьянами занимается порубкой въ ея лѣсу на хуторѣ, граничащемъ съ его имѣніемъ. Были, конечно, и драки между крестьянами сосѣдей, такъ какъ вражда господъ перешла во вражду холоповъ.

И въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ война не прекращалась. Дворовые въ княжескомъ домѣ, ссорясь и бранясь, называли другъ друга „Абдурраманчикомъ“, что стало въ усадьбѣ прямо обиднымъ наименованіемъ.

XVIII.

Въѣхавъ во дворъ усадьбы „Кутъ“, князь Семенъ увидалъ близъ дверей конюшни три фигуры, одѣтыхъ по-барски, которыя быстро скрылись. Такъ какъ онъ былъ отчасти близорукъ, то не узналъ никого, но догадался, что это—молодые Абдурраманчиковы. Но кто-же третій?

То обстоятельство, что ни сынъ, ни дочь маіора не сочли возможнымъ ему поклониться, предвѣщало мало хорошаго.

Вступивъ въ столовую и дожидаясь, пока человѣкъ докладывалъ барину объ его пріѣздѣ, князь, котораго бабушка звала часто „Семеона Антоновна“, чувствовалъ, что онъ еще болѣе оробѣлъ и окончательно будетъ не въ состояніи исполнить порученіе. Каждое мгновеніе ожидалъ онъ, что увидитъ предъ собой гордо настроенную, умышленно нахальную фигуру очень пожилого, почти уже стараго годами маіора, но отчасти моложаваго внѣшностью. Князь будто уже слышалъ, въ ушахъ его уже будто звенѣлъ рѣзкій, нѣсколько хриповатый голосъ маіора. Онъ уже видѣлъ его упрямые, насмѣшливые глаза, его машистыя, рѣшительныя движенія рукъ... И вдругъ нежданно ему пришло на умъ: „Вѣдь, онъ даже и избить можетъ“...

Наконецъ, появился лакей и заявилъ, что баринъ проситъ князя пожаловать въ его кабинетъ и приказалъ сказать: „Очень-де радъ чести повидаться!“

Князь Семенъ прошелъ нѣсколько комнатъ и, наконецъ, въ дверяхъ послѣдней увидѣлъ рослую и широкоплечую фигуру Абдурраманчикова въ длинномъ голубомъ бархатномъ сюртукѣ и съ такой-же голубой ермолкой на головѣ. Это былъ всегдашній домашній костюмъ маіора.

И съ перваго же мгновенія князь удивился. Хозяинъ двинулся къ нему, добродушно улыбаясь, ласково глядя... Протянувъ обѣ руки молодому человѣку, онъ трижды расцѣловался съ нимъ, потомъ положилъ руку ему на плечо, какъ бы обнялъ, и повелъ въ слѣдующую комнату.

— Ужъ какъ я радъ! Какъ я радъ!—заговорилъ Абдурраманчиковъ.—Какъ давно не видались! Какъ давно злобствуемъ мы, сосѣди, другъ на друга! И изъ-за пустяка! И все-то ваша бабушка! Кремень баба! Такой кремень, прямо сказать: жерновъ! Мелетъ, да не зерно, а все мелетъ: и людей мелетъ, и обстоятельства мелетъ. Что она изъ васъ изо всѣхъ надѣлала? Изъ сына красну-дѣвицу сотворила, а не мужчину; васъ—внучатъ, тоже на извѣстный ладъ поѣдомъ ѣстъ! Вы всѣ тише воды, ниже травы, словечка сказать не смѣете? высморкаться или кашлянуть безъ ея разрѣшенія не можете! Какая-же это жизнь? Ну, да Богъ съ ней! Радъ я, что пріѣхали. Чѣмъ мнѣ васъ угостить? Хотите варенья, печенья, браги, или откушать моднаго кофе? Онъ у меня прямо изъ Питера. Или съѣстного покушать чего? Шашлыкомъ васъ угощу. Помните, вы его любили? Шашлыкъ у меня такой, какого во всей Россіи другого нѣтъ. Самъ обучалъ новаго повара дѣлать его. Да вы это знаете. Ну, что-же вы помалкиваете, князь, чего хмуритесь? Я радъ радехонекъ видѣть васъ у себя, а вы косо поглядываете. Поясните, что вы?

И Абдурраманчиковъ два раза легко хлопнулъ молодого князя по колѣну. Семенъ нѣсколько пріободрился, но, однако, еще болѣе запутался и уже совершенно не зналъ, съ чего ему начать. Онъ былъ озадаченъ тѣмъ, что Абдурраманчиковъ принялъ его такъ, какъ если-бы ничего никогда не произошло между ними, не только страннаго дѣла съ братомъ, но даже и тяжбы изъ-за дворовой дѣвченки. Однако, князь Семенъ собрался съ духомъ и выговорилъ, насколько умѣлъ, холоднѣе:

— Я къ вамъ, Романъ Романовичъ, сами знаете почему... Вмѣсто родителя являюсь, чтобы заявить... — Онъ запнулся, стараясь приготовить фразу, сказать: „Какъ вы рѣшились и даже, вѣрнѣе, осмѣлились арестовать моего брата". Но, заговоривъ, Семенъ произнесъ:—я пріѣхалъ узнать, что приключилось съ братомъ Гаврикомъ?

Абдурраманчиковъ, весело и даже добродушно разсмѣялся:

— Ничего особеннаго! И ничего худого, Семенъ... Охъ, виноватъ! по указу бабушкину, вы—Симеонъ! Ничего, Симеонъ Антоновичъ. Все слава Богу обстоитъ! Вашъ братецъ виноватъ, сугубо виноватъ, а я въ моемъ правѣ! И всякій судъ, не токмо намѣстническій или судейскій, или уголовный, палатскій, но и питерскій судъ, царскій судъ, императорскій—и тотъ меня обѣлитъ и мои права священныя признаетъ.

— Позвольте, Романъ Романовичъ! Вы брата моего, князя Татева, взрослаго человѣка,—какъ сами приказали намъ черезъ посланца объяснить—арестовали и заперли у себя.

Маіоръ разсмѣялся.

— Пожалуй, коли хотите, арестовалъ. Ну, а запирать — ей Богу, не запиралъ. Изъ усадьбы я его не выпускаю, а по двору мы съ нимъ сегодня вмѣстѣ гуляли, морозцемъ подышать, побесѣдовать и посмѣяться объ его приключеніи. Замѣтьте—„приключеніи“, а не „злоключеніи“. Даже я сказалъ-бы „доброключеніи“, да такого россійскаго слова нѣтъ. Да-съ, это есть доброключеніе или благоключеніе. И если вы, вашъ батюшка и ваша бабушка удивлены и оскорблены, то потому собственно, что ничего не знаете, не знаете, въ чемъ дѣло. Такъ вотъ-съ! Прежде всего скажите, чѣмъ мнѣ васъ угощать?.. Шашлыку? кофею? печенья?..

— Ничего не надо! Очень вамъ благодаренъ! Я пріѣхалъ по дѣлу и вотъ только о дѣлѣ желаю съ вами бесѣдовать. Я желаю взять брата и съ нимъ возвращаться домой.

— Не, не, не! Іохъ! Іохъ - какъ говорятъ крымцы, „Іохъ“ это значитъ — „нѣтъ“. Братца вы не получите и къ себѣ не отвезете. Вашъ братецъ у меня—„каптивъ“, это—такое заморское слово, нѣмецкое или французское, — чортъ его знаетъ! Означаетъ оно—полоненный, узникъ, заточникъ. Да-съ! И не только сегодня онъ съ вами не уѣдетъ, а будетъ у меня здѣсь, въ усадьбѣ, пребывать, на полной свободѣ гулять, со мной за столомъ кушать, всякія удовольствія имѣть до тѣхъ поръ, пока не случится нѣчто крайне важное. А что - я вамъ не скажу теперь. Когда вотъ это великое, важное, съ добраго соглашенія вашей бабушки и вашего родителя наладится и совершится, тогда князь Гавріилъ Антоновичъ или совсѣмъ на всю жизнь останется здѣсь, или пойдетъ къ себѣ,—какъ тамъ будетъ ему угодно.

— Но, однако, позвольте, Романъ Романовичъ, это будетъ дѣло еще болѣе важное, чѣмъ то, что было о вашемъ самовольномъ дѣйствіи съ нашей холопкой Ѳедоськой.

— Да-съ, это дѣло болѣе важное!—отозвался суровѣе Абдурраманчиковъ.—Тамъ шло дѣло о крестьянской дѣвкѣ-холопа тутъ дѣло идетъ о дѣвицѣ-дворянкѣ.

— Какъ-же это о дѣвицѣ-дворянкѣ?—изумился и нѣсколько кѣ, вытаращилъ глаза князь Семенъ.

— Да-съ! Нутка, князь, не упрямьтесь, дайте мнѣ прежде всего васъ угостить, хоть-бы кофеемъ, а тамъ будемъ объясняться.

— Но, Романъ Романовичъ, посудите, до угощеній-ли, когда...—началъ было Семенъ.

— Всепокорнѣйше прошу!

— Я даже не понимаю вашего неподходящаго желанія...

— Честью прошу! — уже сурово, почти грозно произнесъ маіоръ.

— Ну, что-же... — выговорилъ князь, разводя руками. — Извольте... Выпью кофею, но...

— Ну, вотъ, спасибо! — воскликнулъ Абдурраманчиковъ, тотчасъ просіявъ отъ удовольствія. — Посидите минуточку. Я пойду скажу хозяйкѣ, чтобы сама сварила кофей. А помните вы ее? Хозяйку мою?

Князь не понималъ, про кого рѣчь идетъ.

„Вѣдь не Ѳедоська-же?“—думалъ онъ.

— Вы ее знавали щеночкомъ. А теперь она, князь, истинная царевна красота. Всѣ такъ сказываютъ. Да я и самъ вижу. Моя Елисаветъ Романовна — первая красавица въ намѣстничествѣ. Сожалѣю, что вы у меня не совсѣмъ гость, и дорогой гость, а хотите быть лишь развѣдчикомъ и переговорщикомъ, какъ на войнѣ вотъ бываетъ. Жаль! А то повидались-бы съ дѣтьми! Ну-съ, обождите.

Маіоръ вышелъ, прошелъ двѣ комнаты и, перейдя корридоръ, окликнулъ:

— Лисаветъ!

Одна изъ дверей растворилась, и высокая, стройная, очень смуглая молодая дѣвушка появилась на порогѣ со словами:

— Что прикажете, батюшка?..

— Уломалъ его. Кофею выпьетъ... Сдѣлай поскорѣе! — сказалъ Абдурраманчиковъ.—А гдѣ Петруша и Гаврикъ?

— Тутъ, у меня. Мы сейчасъ со двора. Видѣли, какъ онъ въѣхалъ, и убѣжали въ конюшню, да не успѣли, и онъ насъ видѣлъ,—усмѣхнулась дѣвушка, и матовое чернобровое лицо ея, будто озаренное большими угольными глазами, стало еще красивѣе. Мало походила она на русскую дворянку, а казалась чистокровной цыганкой. И вѣрно прозвала ее княгиня Татева „Персидкой“.

Маіоръ двинулся и, войдя въ комнату дочери, нашелъ въ ней сына и Гаврика. Сынъ его, тоже высокій и стройный, и тоже красивый молодой человѣкъ, казался таковымъ на первый взглядъ, но затѣмъ лицо его вскорѣ будто прискучивало и не нравилось. Такіе-же глаза, какъ и у сестры, были, однако, безъ блеска, казались стеклянными, низкій и узкій лобъ и большой горбатый носъ придавали грубое, какое-то животное выраженіе лицу... Щеки, подбородокъ и верхняя губа отливали темной синевой... Не брейся онъ тщательно или отпусти, какъ крестьянинъ, бороду, лица-бы не было: остались-бы одни глаза и носъ среди черной гущины волосъ.

— Зачинается, Гаврикъ! зачинается! — сказалъ маіоръ,— первая уступочка есть! Хоть и не родитель твой пріѣхалъ, а братъ, но все-же уступочка. Да полно ты, полно! Говорю я тебѣ, не мятися духомъ!

Внѣшній видъ князя Гавріила и его тревожно-сумрачное лицо заставили Абдурраманчикова сказать это.

— Повидаемся мы?—спросилъ Гаврикъ.

— Не знаю. Полагаю, что лучше до другого раза отложить. Да я все лучше смогу живописать, чѣмъ ты... Гдѣ тебѣ! Ну, а потребуетъ, будь на всякій случай готовъ. Но смотри, не напутай и не робѣй. Онъ тебѣ—не Арина Саввишна!

XIX.

Чрезъ полчаса хозяинъ, угостивъ гостя рѣдкимъ заморскимъ питьемъ, сидѣлъ противъ него въ креслѣ, близко наклонясь, и поучительно, какъ-бы втолковывая, говорилъ:

— Примѣромъ лучше объясниться, и вы лучше поймете. Вы—тоже отецъ, но у васъ еще махонькія дѣтки. Но раскиньте мыслями, представьте себѣ, что вамъ полста лѣтъ, а вашей Антонинѣ двадцать, и она—красавица... Ну, а вы, родитель, отъ нея безъ души, — обожаете ее, боготворите, нѣжите. И вотъ-съ ваша Антонина Симеоновна—какъ велитъ сказывать княгиня, чтобы всѣ ломали себѣ языкъ—уже давно завидная невѣста въ намѣстничествѣ. Вы ее собираетесь благоприлично, какъ можно лучше, замужъ выдать. Но вдругъ вы узнаете, что сосѣдъ вашъ... ну, хоть возьмемъ, что-ли, Торбина, Соловьева или Рубакова, или какого другого нашего помѣщика... возьмемъ какого молодого дворянина... вы узнаете, что онъ влюбился въ вашу дочь тайкомъ безъ вашаго вѣдома. Она-же, ваша дочка Антонина, да не теперешняя,—поймите меня,—а вотъ когда ей будетъ двадцать лѣтъ, вотъ эта самая двадцатилѣтняя Антонина безъ вашего родительскаго вѣдома тоже влюбилась въ сего молодого дворянина. И вотъ-съ они затѣяли тайно видаться. Да такъ и видаются чуть не цѣлый годъ И этотъ самый дворянинъ, ни больше, ни меньше, собрался выкрасть вашу дочь, такъ-же, какъ я выкралъ у васъ вашу дѣвку Ѳедоську. Только Ѳедоська-то была вольная, вами неправильно въ крѣпость записанная, но все-таки была простая татарка и все-таки по урожденію та-же холопка. А тутъ дѣло идетъ о дѣвицѣ-дворянкѣ, объ единственной дочери того-же дворянина, какъ и вы, и даже, какъ вы знаете, такого-же князя, какъ и вы... Если я—не князь Абдурраманчиковъ, то опять таки, какъ вы знаете, только по той причинѣ, что не царствовалъ великій государь Петръ Ѳедоровичъ, а воцарилась вдругъ чуждая Россіи нѣмецкая принцесса, — теперь эдакъ сказывать можно! И теперь, когда царствуетъ вновь императоръ, то, можетъ быть, я и опять начну свои хлопоты и ходатайства, и стану такой-же князь Абдурраманчиковъ, какой вы князь Татевъ.

Между тѣмъ, пока маіоръ говорилъ, князь Семенъ совершенно запутался и окончательно ничего не понималъ. Мгновеніями ему казалось, что хозяинъ шутитъ съ нимъ, какъ

бывало прежде. Онъ любилъ своими росказнями запутывать слушателя, а затѣмъ, когда разъяснялъ дѣло, то заставлялъ смѣяться.

Теперь онъ тоже какъ-будто завелъ какую-то канитель, какое-то совершенно къ дѣлу не идущее повѣствованіе. Зачѣмъ онъ взялъ въ примѣръ маленькую дѣвочку князя, Антонину, объявилъ ей двадцать лѣтъ, разсказалъ какую то исторію о любви? Князь Семенъ не могъ разобраться рѣшительно ни въ чемъ.

— Я не понимаю и не понялъ ничего!—выговорилъ онъ, наконецъ, рѣшительно и отчасти даже нетерпѣливо.

— Скажите мнѣ, Симеонъ Антоновичъ, что бы вы сдѣлали съ молодымъ дворяниномъ, если-бы накрыли его съ вашей дочерью-дѣвицей и узнали, что оный дворянинъ собирается выкрасть ее такъ-же, какъ я выкралъ Ѳедоську, и собирается сдѣлать изъ нея—дворянки—свою наложницу? Что бы вы сдѣлали? Молчите? Не знаете? Такъ я вамъ скажу! Вы, ну, положимъ, не вы, а я или другой кто, настоящій твердый мужъ и правый родитель, взялъ-бы да и застрѣлилъ сего дворянина на мѣстѣ, какъ зайца или, правильнѣе сказать, какъ волка, который залѣзъ въ овчарню и бѣдную овцу рѣжетъ; да какую овцу-то, родную, единокровную, единственную!

И, говоря это, Абдурраманчиковъ преобразился. Лицо его стало суровое, сумрачное, слова звенѣли рѣзче, и во всей его фигурѣ была такая рѣшимость, что было очевидно, что этотъ человѣкъ способенъ застрѣлить другого такъ-же легко, какъ щелкнуть пальцемъ. Но ввиду молчанія гостя, ввиду того, что на лицѣ его отражалось недоумѣніе, полное непониманіе того, о чемъ собственно идетъ рѣчь, Абдурраманчиковъ снова перемѣнился въ лицѣ. Оно сдѣлалось добродушнѣе, онъ началъ смѣяться, а затѣмъ хлопнулъ князя рукой по колѣнкѣ.

— Эхъ, вы! Вотъ бабушка то васъ заѣла! У каждаго-то изъ васъ душу съѣла и разумъ съѣла! Если не разумъ самый, такъ прыткость разума. Да, всѣхъ-то она васъ искалѣчила! Одинъ вотъ развѣ вашъ Рафаилъ или, какъ вы его зовете, ужъ и позабылъ, по правдѣ...

— Рафушка!—подсказалъ князь.

— Да! Да! Одинъ вотъ Рафушка ничего, какъ я его помню, шустрый мальчуганъ. Да и его бабушка понемногу заѣстъ!.. Какъ подрастетъ, станетъ молодымъ человѣкомъ, она начнетъ его тесать и всего обтешетъ, и тоже искалѣчитъ. Ну съ, такъ вотъ! Вы мнѣ все-таки не отвѣчали, что бы вы сдѣлали, кабы накрыли вашу взрослую дочь съ молодымъ дворяниномъ, который покушался на ея дѣвичью и на вашу дворянскую честь?

— Такъ неужели-же братъ Гаврикъ?..—сталъ догадываться князь и прибавилъ:—признаться, не вѣрю или. . не такъ васъ понялъ...

— Нѣтъ, поняли, поняли, дорогой мой! И вотъ коли, поняли, вотъ вы и разсудите! Накрывши вашего братца Гаврика съ моей дочерью Лизунькой, я ее въ наказаніе заперъ на сутки въ чуланъ; тамъ бѣдняжка и ночевала, спала на досчатомъ полу. Только вымыть его почище приказалъ я передъ тѣмъ. Но затѣмъ сегодня ее уже и выпустилъ. Да она и не виновата! Она—дѣвица-простота! А что влюбилась, такъ на то дѣвицы и на свѣтъ родятся—влюбляться! А виноватъ въ этихъ дѣлахъ всегда мужчина, и виноватъ, конечно, вашъ братецъ. Онъ прямо—лиходѣй! И хоть не похожъ онъ на такового, а поступленіе его было таково—лиходѣйское или злодѣйское.

— Вы мнѣ объясните, Романъ Романовичъ,—заговорилъ взволнованно князь Семенъ,—какъ же все это произошло? Вѣдь, уразумѣть нельзя, что все это такое? Вѣдь, у насъ никто этого ничего даже не знаетъ.

— Понятно, что никто не знаетъ, какъ и я ничего не зналъ. Гавріилъ Антоновичъ и моя Лисаветъ Романовна дѣйствовали не какъ молодые люди, а якобы старые, опытные, хитроумные. Шутка сказать, видались они тайкомъ все лѣто и видались осенью въ лѣсу, якобы ходя за ягодами да за грибами. Каждый отъ себя являлся. И ни одна-то моя дѣвка дворовая, ни одинъ холопъ никогда ничего не запримѣтили,—вотъ вы что скажите! А пришла зима, молодежь стала инако видаться. Не люби я свою дочь да не будь она дворянка и дочь офицера гвардіи, я-бы, понятно, ее прежде всего высѣкъ. Но я считаю, что все-таки-же не она во всемъ виновна, а виновенъ вашъ братецъ. Ну, вотъ теперь онъ за поруганіе моей чести и долженъ заплатить. А какая уплата должна быть, я полагаю, понятно. Полагаю, что, если вы у бабушки вашей спросите, какого я требую вознагражденія, то она сама догадается.

— Это все совсѣмъ невѣроятно!—выговорилъ князь.—Это все кажется мнѣ сочинительствомъ вашимъ. Если бы это было такъ, то Гаврикъ хотя бы со мной когда поговорилъ, проболтался бы, а ни я, никто никогда отъ него ни единаго слова не слыхалъ объ Елизаветѣ Романовнѣ. И мы, по правдѣ сказать, и думать забыли, что у васъ есть дочь-дѣвица.

— То то, да! Вы думать забыли, а Гавріилъ Антоновичъ хорошо помнилъ. И прежде-то они въ дружествѣ бывали, маленькими, когда я еще хлѣбъ-соль водилъ съ вами, а теперь, изволите видѣть, изъ дружества дѣтскаго уже произошло совсѣмъ иное, что законы должны вѣдать. Ну, вотъ-съ, я все вамъ пояснилъ! Больше мнѣ и сказать нечего. Желаете, можете тотчасъ возвращаться во свояси, домой, и объяснить все бабушкѣ и родителю съ моихъ словъ, а не повѣрятъ мнѣ они, то опять пріѣзжайте ко мнѣ сюда, и я васъ оставлю побесѣдовать съ вашимъ братцемъ наединѣ. Тогда вы не будете, по

крайней мѣрѣ, сомнѣваться, что все, вами услышанное отъ меня, есть мое сочинительство. Онъ самъ вамъ все толкомъ разскажетъ, а равно и удивитъ васъ, и такъ удивитъ, что вы, всѣ Татевы, недѣлю, двѣ, три будете ходить въ удивленіи. Да-съ! И знаете, какъ онъ васъ удивитъ, чѣмъ? Тѣмъ, что вы предложите ему ѣхать домой, а я разрѣшеніе дамъ, а онъ отвѣтитъ: „Не хочу! Хочу оставаться въ „Кутѣ!“ Да-съ! Бывали на свѣтѣ разныя дивы, есть они, да и впредь всегда будутъ! И впредь-то будутъ еще такія дивы, какихъ прежде не бывало.

Послѣ наступившаго долгаго молчанія, князь, наконецъ, выговорилъ съ отчаяніемъ:

— Что же я доложу бабушкѣ?!

— А такъ и доложите! Конецъ — дѣлу вѣнецъ, говоритъ пословица. А тутъ въ нашемъ дѣлѣ—вѣнецъ будетъ и конецъ. И вѣнчанье приведетъ къ пиру, дружеству прежнему и къ счастію новому.

— Бабушка лучше умретъ, а на эдакое не пойдетъ.

— Ну, такъ пускай умираетъ!—совершенно серьезно выговорилъ Абдурраманчиковъ.

— Какъ же такъ?!..

— Да просто... Да и пора ей... Не ради ея годовъ, а ради того, что буде ей васъ всѣхъ кушать поѣдомъ. Вы безъ нея счастливѣе будете... Ну-съ, такъ вотъ! Я васъ болѣе не задерживаю... Темнота скоро будетъ полная, небо облачно, а до луны еще далече.

Князь Семенъ поднялся какъ-то нерѣшительно. Онъ теперь будто боялся ѣхать домой.

„Да еще и родитель въ отсутствіи!“ — думалось ему:— „самъ иди, докладывайй ей!“

Когда князь снова садился въ свой возокъ, Абдурраманчиковы, братъ и сестра, перебѣжали въ столовую, чтобы поглядѣть на него въ окошко. Изъ-за нихъ украдкой, прячась за ихъ спинами, глядѣлъ и Гаврикъ. Воспользовавшись мгновеньемъ, когда Петръ Абдурраманчиковъ припалъ лицомъ и большимъ носомъ къ самому стеклу, стараясь лучше разглядѣть своего бывшаго друга дѣтства и юношества, котораго не видалъ много лѣтъ, Гаврикъ тихонько нагнулся къ Елизаветѣ и три раза поцѣловалъ ее въ шею подъ косой. Дѣвушка будто не замѣтила ничего, разсмѣялась и повела слегка плечомъ.

Между тѣмъ, сзади въ дверяхъ уже стоялъ отецъ и все видѣлъ. Онъ усмѣхнулся и снова вышелъ... Строго воспретить подобное онъ не хотѣлъ, а разрѣшить тоже не могъ; оставалось закрывать глаза.

— Время не теряютъ,—проговорилъ онъ.—Да. А что будетъ? Дѣло мудреное! совсѣмъ мудреное! Придется здѣсь вѣнчать безъ сватовъ, безъ посаженныхъ и безъ гостей, и даже

безъ единаго человѣка изъ его родни. Ахъ, Арина!.. Ахъ, ты, Татиха!.. Чисто стѣна каменная! Ну, да и на эдакое ломъ и кирка выдуманы.

Затѣмъ маіоръ снова вошелъ и, остановясь въ дверяхъ, окликнулъ молодежь:

— Идите ко мнѣ! Давайте, я вамъ все разскажу!

Чрезъ нѣсколько минутъ маіоръ, сидя у себя, уже подробно разсказывалъ свою бесѣду съ Семеномъ Антоновичемъ и описывалъ очень смѣшно его растерянный видъ, изображалъ его лицо, его голосъ.

— Да! Главное-то я и позабылъ!—воскликнулъ онъ вдругъ.— Когда я вернулся отъ васъ, заказавъ кофе, онъ мнѣ, собравшись съ духомъ, тутъ одинъ сидючи, выпалилъ, что, если я Гаврика не отпущу, то онъ пойдетъ сюда на усадьбу войной, съ ратію изъ дворовыхъ, съ вилами и съ... метлами, что-ли... И всю усадьбу мою они разорятъ.

— Что же вы ему?—спросила Елизавета.

— До слезъ смѣялся... такъ что даже и онъ самъ началъ своей глупости ухмыляться.

— Ну, а Антонъ Семеновичъ что можетъ въ городѣ сдѣлать?—спросилъ Петръ.

— Ничего, понятно... Такія дѣла закону или намѣстнику вѣдать не приходится. Гаврикъ совершеннолѣтній. Да и самъ скажетъ: „Меня молъ, не неволятъ, самъ желаю бракосочетаться!“ А вотъ что, Петръ, придется собраться и тебѣ въ губернію и тоже хлопотать. Но мы на Звѣрева, на его Ѳому всевластнаго и на его распровсевластную Розу, или Рожу,— плюнемъ. Съ другого хода и крылечка войдемъ. Я тебѣ толково все разъясню. Завтра или послѣзавтра увидимъ уже, выѣзжать-ли.

— Знаю! знаю, какое крылечко!—воскликнулъ Петръ, догадавшись вдругъ.

Поздно ночью, когда весь домъ уже спалъ, въ корридорѣ, въ полной темнотѣ, стояли и шептались двѣ фигуры и цѣловались безъ конца.

Это повторялось каждую ночь.

XX.

Князь по дорогѣ „въ губернію“ все вспоминалъ напутствіе матери, чтобы придать себѣ болѣе бодрости. Даже взятіе Казани помянулъ онъ не разъ, какъ бы укрѣпляясь семейнымъ преданіемъ объ отвагѣ прадѣда.

По пріѣздѣ въ городъ они остановился въ самомъ большомъ и лучшемъ постояломъ дворѣ. Хотя въ городѣ появился недавно новый постоялый дворъ подъ новымъ названіемъ „го-

стиницы", но большинство дворянъ намѣстничества останавливалось попрежнему, по старой памяти, у „Данилы Иваныча". На нѣсколько сотъ верстъ кругомъ города всѣ дворяне давно знали и всѣ дружелюбно относились къ этому Данилѣ Ивановичу—содержателю старинѣйшаго постоялаго двора въ центрѣ города.

Теперь, являясь поневолѣ съ дѣломъ, съ жалобой, князь Татевъ, конечно, сожалѣлъ, что ранѣе близко не сошелся съ самимъ намѣстникомъ. Онъ видѣлъ этого мѣстнаго властителя только одинъ разъ, рѣшивъ проѣздомъ черезъ городъ посѣтить его и представиться. Это было два года назадъ на Святой недѣлѣ. Князь, принятый тогда намѣстникомъ, нашелъ у него многолюдное общество, пробылъ очень не долго и не успѣлъ даже сказать двухъ словъ съ начальникомъ.

Намѣстникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Серафимъ Ефимовичъ Звѣревъ, былъ назначенъ сравнительно недавно, менѣе трехъ лѣтъ. Звѣревъ былъ человѣкъ добрый, скромный, не только не гордый, но даже черезчуръ любезный; тѣмъ не менѣе, все намѣстничество уже давно рѣшило, что худшаго начальства и не бывало, такъ какъ начальникъ, властитель, фактически не существовалъ совсѣмъ.

Это мнѣніе, общее, было совершенно правильное. Причины, по которымъ добрый и собственно хорошій человѣкъ былъ никуда не годенъ, какъ правитель, были совершенно особенныя. Властительницей края была нѣкая Роза, ни физически, ни нравственно на розу—цвѣтокъ—не похожая.

Князь, какъ и всякій дворянинъ округа, приблизительно зналъ, какъ взяться вообще за дѣло, такъ какъ зналъ всю подноготную „губерніи" по разсказамъ друзей и знакомыхъ. Но теперь, когда приходилось самому хлопотать, онъ затруднялся, хорошенько не зная, съ какого конца взяться. А концовъ этихъ въ намѣстничествѣ или, вѣрнѣе, кругомъ особы самого намѣстника, было много.

Князь зналъ и помнилъ хорошо, что въ то время, когда онъ былъ сержантомъ и офицеромъ Преображенскаго полка, въ Семеновскомъ полку былъ капитанъ Звѣревъ. Князь встрѣчался съ нимъ изрѣдка, но знакомъ почти не былъ, такъ какъ между ними была слишкомъ большая разница лѣтъ. Князю было лѣтъ восемнадцать, семеновцу Звѣреву было на видъ тридцать пять, а въ дѣйствительности, можетъ быть и болѣе.

Когда же, вскорѣ послѣ назначенія Звѣрева, князь явился къ нему представиться, какъ новому начальнику, ему не удалось напомнить, что когда-то они были одновременно въ гвардіи.

Князь имѣлъ полное основаніе надѣяться, что Звѣревъ приметъ его любезно и сдѣлаетъ все отъ него зависящее. Впрочемъ, онъ зналъ давно по слухамъ, что новый намѣст-

никъ самъ по себѣ совершенно ничего не значитъ. Повидавъ тотчасъ же по пріѣздѣ двухъ старыхъ знакомыхъ—подгородныхъ дворянъ-помѣщиковъ, князь узналъ отъ нихъ то, что зналъ и прежде.

Ему посовѣтовали прежде всего явиться и объясниться, конечно, съ самимъ намѣстникомъ, но нисколько не полагаться на него, а взяться съ того конца, съ котораго было легче всего добиться до сути, то-есть до успѣха.

Князь, желая удивить знакомыхъ тѣмъ, что знаетъ, гдѣ раки зимуютъ, хотя и сидитъ безвыѣздно въ вотчинѣ, и знаетъ какъ взяться, заявилъ, что, побывавъ у намѣстника, онъ прямо отъ него отправится къ Ѳомѣ Ѳомичу. Но на это дворяне, къ удивленію и отчасти испугу князя, ухмыляясь, заявляли почти одними и тѣми-же словами, что въ послѣдніе года два много воды утекло, говоря: „Что былъ Ѳома Ѳомичъ и что сталъ—большая разница“!

На другой день, въ девять часовъ утра, князь надѣлъ дворянскій мундиръ и отправился въ томъ-же возкѣ, но четверней цугомъ.

Намѣстникъ, квартира его, а равно и канцелярія, помѣщались въ очень большомъ старинномъ дворянскомъ домѣ, который ужъ нѣсколько лѣтъ подрядъ нанимала казна. Это былъ лучшій домъ въ городѣ, на высокомъ мѣстѣ, надъ рѣкой. За свою жизнь князь Антонъ Семеновичъ не разъ бывалъ въ этомъ домѣ у разныхъ намѣстниковъ. Съ однимъ изъ нихъ, лѣтъ пятнадцать назадъ, онъ былъ даже въ дружескихъ отношеніяхъ.

Войдя въ большую залу, князь нашелъ человѣкъ пять, явившихся тоже въ качествѣ не гостей, а просителей.

Когда Звѣреву доложили о прибытіи новаго посѣтителя, онъ тотчасъ-же не въ очередь принялъ его, усадилъ и предложилъ табаку изъ табакерки, на которой въ рамочкѣ изъ алмазовъ была живопись: портретъ Великой императрицы въ мундирѣ Семеновскаго полка.

Князь отказался, заявивъ, что не нюхаетъ. Звѣревъ, взявъ щепоть табаку, протянулъ къ нему руку съ табакеркой и заявилъ какъ бы вскользь:

— А вотъ-съ, кстати—сокровище мое! Берегу, какъ зеницу ока! Великая государыня, въ Бозѣ почивающая, саморучно изволила меня наградить!

Князь, слышавшій это отъ Звѣрева въ первый разъ, зналъ, однако, что это была неизмѣнная похвальба намѣстника съ каждымъ человѣкомъ, котораго онъ принималъ въ первый разъ. При этомъ всѣмъ было хорошо извѣстно, что табакерка съ портретомъ императрицы никогда не была дана Звѣреву въ награду, а что онъ просто самъ завелъ ее. Такіе подарки

изъ царскихъ рукъ имѣли только крупные сановники, сподвижники монархини.

Князь заявилъ, что является по серьезному дѣлу, вопіющему и ябедническому дѣлу: жаловаться на преступное дѣяніе давнишняго врага-сосѣда, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ находится во враждѣ. Но, прежде чѣмъ приступить къ объясненію самаго дѣла, князь попросилъ позволенія напомнить объ ихъ прежнемъ давнишнемъ знакомствѣ. Тогда онъ былъ преображенцемъ, а Звѣревъ семеновцемъ.

Звѣревъ при этомъ напоминаніи оживился.

— Какъ-же, помню, помню! Отлично помню! Но неужели-же это были вы? Признаюсь, не зналъ этого! Помню, былъ князь Татевъ, про него даже много шумѣли, то-есть про васъ собственно шумѣли... въ тѣ приснопамятные дни, іюньскіе. Помнится мнѣ, что-то такое вы отличились, и государыня, едва вступившая на престолъ, обратила на васъ свое монаршее вниманіе... Но что собственно—не помню!

Князь вкратцѣ, но съ особымъ удовольствіемъ, разсказалъ о своемъ подвигѣ, то-есть о томъ, какъ бросился на своего ротнаго командира и далъ ему окрикъ, а затѣмъ загналъ въ рѣчку.

— Вотъ, вотъ, что-то такое!—сказалъ Звѣревъ.

Вспомнивъ старое время, помянувъ его добромъ, нѣсколько воодушевившись при воспоминаніи давно прошедшаго, собесѣдники заговорили иначе, какъ-будто давно были знакомы.

— Да, доброе время, хорошее время,—сказалъ Звѣревъ,—молодое! Вы-то тогда были совсѣмъ птенцомъ... Что-же вамъ было? Лѣтъ пятнадцать, шестнадцать? И мнѣ было немного, совсѣмъ мало, всего-то тридцать, а теперь-то ужъ шестой десятокъ къ концу идетъ... Умирать пора! А не хочется!—прибавилъ онъ смѣясь.

Затѣмъ, воспользовавшись паузой, минутой, когда Звѣревъ, вспоминая о Петербургѣ, вдругъ о чемъ-то призадумался, князь заговорилъ о дѣлѣ.

— Такъ вотъ, государь мой, Серафимъ Ефимовичъ, я къ вамъ съ жалобой.

И онъ сталъ разсказывать о своемъ дѣлѣ, но, чтобы пояснить теперешнее преступное дѣяніе сосѣда Абдурраманчикова, князь, конечно, началъ издалека и разсказалъ, съ какихъ поръ и почему начались между нимъ и сосѣдомъ вражда, тяжбы и затѣмъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ крупныя и мелкія стычки.

Едва только князь началъ изложеніе своего дѣла, какъ Серафимъ Ефимовичъ преобразился. И выраженіе лица у него было другое, и позу свою въ креслѣ онъ перемѣнилъ. Онъ сидѣлъ важнѣе, глядѣлъ угрюмѣе. Теперь не было уже двухъ бывшихъ гвардейскихъ офицеровъ, разговаривающихъ запро-

сто, а былъ намѣстникъ-властитель и былъ простой дворянинъ, хотя князь и богачъ.

Когда Антонъ Семеновичъ изложилъ все подробно и сказать было уже нечего, то Звѣревъ вздохнулъ, снова досталъ табакерку, снова нюхнулъ два раза и, плотно набивъ ноздри табакомъ, потянулъ его въ себя.

— Такъ какъ-же-съ? — выговорилъ онъ. — Почему-же это все такъ? Какое-же онъ право по закону имѣлъ захватить вашего сына и держать взаперти?

— Вотъ въ этомъ-то все и дѣло, ваше превосходительство! Это съ его стороны прямое беззаконіе! И простого чужого холопа нельзя такъ захватить, а ужъ дворянина и, сугубо, сына мѣстнаго помѣщика преступно подвергать какъ-бы заточенію.

— Но зачѣмъ онъ такъ поступилъ?

— Этого не знаю!

— Такъ извольте видѣть, князь, прежде чѣмъ начинать самое дѣло, вамъ необходимо знать причины, побудившія Абдурраманчикова на такой поступокъ или проступокъ.

— Извините, ваше превосходительство, это будетъ ужъ ваше дѣло — правительское.

Звѣревъ промычалъ что-то, не выговорилъ ни слова и затѣмъ, помолчавъ, произнесъ именно то, чего князь и ждалъ:

— Надо вамъ будетъ повидать правителя дѣлъ, коего вы, быть можетъ, знаете.

— Какъ же не знать, помилуйте! Давнымъ-давно знаю! Да и кто-же не знаетъ Ѳому Ѳомича? Сколько лѣтъ, вѣдь, онъ въ управленіи.

— Да, да. давно! Страшно давно. А потому—что полезный и усердный слуга всѣхъ намѣстниковъ. Я особенно былъ счастливъ при моемъ назначеніи сюда, зная какой правитель дѣлъ будетъ у меня: опытный, умный, усердный! А ужъ законы знаетъ такъ, что и въ Петербургѣ другого такого не найдешь. Такъ вотъ вамъ все-таки не мѣшаетъ поговорить съ нимъ. Я, конечно, болѣе или менѣе приму во вниманіе то, что скажетъ Ѳома Ѳомичъ.

„Это мы и безъ тебя знаемъ“!—подумалъ про себя князь.— „Какъ Ѳома Ѳомичъ рѣшитъ, такъ и будетъ“.

И онъ прибавилъ:

— Я именно и имѣлъ намѣреніе, объяснивъ все вашему превосходительству, повидать по вашему приказанію г. Галушу и отчасти объяснить тоже и ему все дѣло.

— Да, да, конечно! И вотъ онъ мнѣ доложитъ, и тогда видно будетъ. Онъ доложитъ съ приложеніемъ всякихъ законовъ, которые мнѣ, военному человѣку, знать нельзя въ такой степени, какъ онъ знаетъ. Онъ даже законы, изданные царемъ Ярославомъ Мудрымъ, и тѣ знаетъ чуть не наизустъ.

Да-съ! — самодовольно улыбнулся Звѣревъ.—Слыхали-ли вы про нихъ, князь?

Князь мысленно повторилъ:

„Царь Ярославъ Мудрый“...

И тотчасъ онъ рѣшилъ, что про такого царя отродясь не слыхивалъ.

— Нѣтъ-съ, виноватъ, Серафимъ Ефимовичъ, я тоже, какъ и вы, скажу: тоже былъ воиномъ, а потомъ по хозяйству всю жизнь занимался,—гдѣ же мнѣ знать такое?

— Такъ вотъ! — произнесъ Звѣревъ, вставая и какъ-бы отпуская гостя-просителя. — Повидайтесь съ Ѳомой Ѳомичемъ.

— Могу ли я надѣяться, ваше превосходительство, что вы защитите меня отъ дерзкаго врага?—спросилъ князь.

— Конечно, если ваше дѣло правое, а оно какъ будто и правое, но все-таки Абдурраманчикова надо выслушать. Вы, какъ родитель, не можете знать, а вмѣстѣ съ тѣмъ, простите, можете и уменьшать умышленно какую-либо вину вашего сына. Я всячески готовъ вамъ служить, но правосудіе выше всего: выше людей и выше самого монарха, какъ говорила Великая государыня. Повидайтесь съ Ѳомой Ѳомичемъ, онъ все это мнѣ изложитъ. Затѣмъ мы разслѣдуемъ. И все дѣло станетъ совсѣмъ, какъ на ладони—видимое и понятное. Про Абдурраманчикова я, понятно, уже слыхалъ, недаромъ онъ изъ какихъ-то турокъ или персовъ, человѣкъ крутого нрава. Знаю я его лично и, признаюсь, не одобряю. Онъ даже со мной, начальникомъ края, держался не вполнѣ такъ, какъ подобаетъ.

— Онъ прямо разбойникъ, ваше превосходительство, на всякія злодѣйства, на убійство способенъ.

— Да, пожалуй! Но все-таки повидайтесь съ Ѳомой Ѳомичемъ!—повторилъ Звѣревъ свой припѣвъ и, проводивъ гостя, сталъ размышлять про себя:

„Еще-бы лучше, кабы Розочка стояла за тебя. А вдругъ она станетъ за Абдурраманчикова? Что мнѣ тогда дѣлать, если ты правъ? Авось тебя надоумятъ пріятели къ Розочкѣ явиться, представиться и ее задобрить!“

Серафимъ Ефимовичъ Звѣревъ былъ собственно добрѣйшей души человѣкъ и, если-бы не его „грѣхъ“, не его „бѣсъ въ ребро“ и страстная привязанность къ энергичней и строптивой Розѣ Эриховнѣ, его возлюбленной, то, пожалуй, его ни въ чемъ упрекнуть было-бы нельзя.

Какъ намѣстникъ, онъ былъ человѣкъ мягкій... Даже былъ честный и не корыстолюбивый. Взятки и всякіе незаконные въ губерніи поборы шли мимо его рукъ и кармановъ. Онъ зналъ о лихоимствѣ кругомъ себя, но зналъ тоже, что у „Розочки“ въ этомъ противозаконіи „рыльце въ пушку“, и не

могъ, не смѣлъ противодѣйствовать. Да, кромѣ того, его останавливало одно соображеніе, что по всей Руси Великой, и Малой, и Бѣлой, и Новой, и въ Сибирныхъ предѣлахъ происходитъ то-же самое и даже худшее.

— У меня богатые откупаются или благодарствуютъ, а не зря даютъ,—утѣшался Серафимъ Ефимовичъ.—А въ иныхъ намѣстничествахъ нищихъ и убогихъ грабятъ. Хоть безъ хлѣба сиди, а плати! И не въ благодарность, а такъ... за то, что на глаза попался.

Намѣстникъ тайно, подспудно собиралъ все-таки свѣдѣнія о своей Розѣ, даже о томъ, что говорятъ дворяне и какъ относятся къ ней. Для этого у него былъ довѣренный преданный человѣкъ, молодой чиновникъ, по фамиліи Горстъ. И этотъ любимецъ постоянно докладывалъ намѣстнику, что Розу Эриховну всѣ въ намѣстничествѣ очень уважаютъ, а насчетъ ея нѣкоторыхъ „пользъ“ много очень преувеличено...

XXI.

Ѳома Ѳомичъ Галуша былъ самымъ извѣстнымъ человѣкомъ во всемъ округѣ и, конечно, далеко за предѣлами намѣстничества. Трудно было-бы найти человѣка, который-бы не зналъ его. Даже въ глухихъ деревняхъ, если не молодежь, то старики-мужики знали, что есть такая важная особа, всевластный человѣкъ, нѣкій „Ѳома Ѳомичъ“, и что все, что только на свѣтѣ творится, зависитъ отъ Ѳомы Ѳомича. Нѣкоторые крестьяне попростоватѣе вполнѣ вѣрили, что, если что и въ Первопрестольной творится въ судахъ, то и тамъ оно творится руками Ѳомы Ѳомича.

Главной причиной этой извѣстности было то обстоятельство, что Галуша былъ на службѣ въ намѣстническомъ правленіи съ юношескихъ лѣтъ. Начавъ съ должности писца, затѣмъ сдѣлавшись письмоводителемъ, затѣмъ засѣдателемъ, умный, дѣятельный, трудолюбивый и „законникъ“ чиновникъ, настойчиво двигаясь впередъ понемножку, исподволь сдѣлался правителемъ дѣлъ намѣстническаго правленія, когда ему минуло сорокъ лѣтъ. Теперь ему было шестьдесятъ, и, слѣдовательно, уже двадцать лѣтъ какъ всѣ дѣла намѣстничества шли черезъ его руки.

Много за это время перемѣнилось въ городѣ всякихъ начальствующихъ лицъ, но много прошло предъ глазами Галуши и намѣстниковъ, его прямыхъ начальниковъ. Были и умные, и совсѣмъ глупые, и добрые люди, и злые, и вполнѣ честные, и настоящіе грабители.

Почему-то долго на своемъ посту ни одинъ намѣстникъ не оставался. Одни, дѣлая карьеру, шли дальше, поднимались выше, другіе получали отставку, кто за простоуміе, кто за неправедное поступленіе.

Не разъ за это время и Ѳома Ѳомичъ погибалъ.

Иные намѣстники, недовольные имъ почему-либо, собирались „спустить“ его. Погибая, Галуша, конечно, не бездѣйствовалъ, отважно и умѣло боролся. Раза три въ жизни случилось Галушѣ недѣли по двѣ, по три сидѣть дома, не бывая уже въ правленіи, считая себя окончательно погибшимъ, то-есть отставленнымъ, и при этомъ безъ всякой вины. Но затѣмъ обстоятельства такъ счастливо слагались, что намѣстникъ, рѣзко прогнавшій его, просилъ явиться на совѣтъ, а черезъ нѣсколько времени просилъ оставаться на службѣ.

Замѣчательнѣе всего было то обстоятельство, что при отсутствіи Галуши, когда онъ временно бывалъ въ опалѣ и наканунѣ отставки, въ управленіи начиналось нѣчто особенное—полная путаница и „неразбериха“. Всѣ чиновники—и старые, и молодые—будто угорѣвъ, „мыкались и тыкались“, по выраженію ихъ самихъ, и чуть не ежедневно забѣгали къ нему на квартиру съ просьбой разсудить, разъяснить, указать, сослаться... А главное — „сослаться“, то-есть основать рѣшеніе на соотвѣтствующей статьѣ закона.

Законы были, конечно, для всѣхъ самымъ дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ живутъ лишь дикіе звѣри, водится лѣшій и творится всякое невообразимое, не только грабительства и убійства, но и сатанинское навожденіе. А, между тѣмъ, въ этомъ дремучемъ лѣсу Ѳома Ѳомичъ находился или разгуливалъ какъ-бы по какому расчищенному собственными руками палисаднику, гдѣ не было ни звѣрей лютыхъ, ни чертей, а были лишь одни цвѣточки и ягодки, и всякіе плоды земные.

Понятно, что тѣ намѣстники, которые по разнымъ причинамъ хотѣли избавиться отъ Галуши, кончали тѣмъ, что призывали его вновь на помощь, чтобы спасти себя-же самихъ вмѣстѣ съ управленіемъ отъ полной гибели.

Впрочемъ, въ послѣднія десять лѣтъ Галуша уже не боялся за себя при перемѣнѣ личности намѣстника. Такъ-ли, сякъ-ли, а онъ уже былъ извѣстенъ въ Петербургѣ. Сама императрица знала, что въ одномъ изъ крупныхъ россійскихъ городовъ существуетъ настоящій намѣстникъ—именемъ Галуша, и что въ это намѣстничество можно назначать хотя-бы младенца и что всѣмъ завѣдываетъ, все ведетъ твердой, опытной и умѣлой рукой честный человѣкъ, не замаранный взяткой.

Разумѣется, зная „правленскія происхожденія“, какъ никто, Ѳома Ѳомичъ зналъ въ лицо всѣхъ обитателей намѣстничества—дворянъ, купцовъ и зажиточныхъ мѣщанъ. При этомъ всѣ его одинаково любили и уважали, потому что онъ былъ со всѣми

одинаково привѣтливъ, а въ дѣлахъ былъ справедливъ настолько, насколько позволяли ему его начальники.

Когда въ губерніи появлялся начальникъ-звѣрь или грабитель, Галушѣ приходилось плохо. Надо было всячески отстраняться отъ дѣлъ, оберегать себя и пережидать... Приходилось „вилять“.

Однако, было на-лицо одно явленіе, было нѣчто все-таки странное и не вполнѣ объяснимое.

Правитель дѣлъ намѣстническаго правленія, человѣкъ безупречной честности, началъ службу, не имѣя ни копейки за душой. Годамъ къ тридцати, получая скромное содержаніе, онъ все-таки сумѣлъ купить себѣ небольшой домикъ въ переулкѣ по-близости отъ канцеляріи.

Женился онъ по любви, не взявъ за невѣстой „ни кола, ни двора, ни тына, ни алтына!..“ Пошли родиться дѣти, и теперь ихъ было ни болѣе, ни менѣе, какъ одиннадцать человѣкъ: шесть сыновей и пять дочерей. Надо было чѣмъ прокормиться да и одѣться и обуться. А изъ дочерей теперь четыре были уже замужемъ и своимъ мужьямъ принесли кое-что въ приданое.

Домикъ, когда-то купленный, преобразился постепенно въ большой домъ. Три сосѣднихъ владѣнья были въ разное время тоже куплены Галушей; дворъ и садъ съ аллеями, посаженными когда-то имъ самимъ и дѣтьми, были большіе. И теперь домъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ красивыхъ въ городѣ, цѣлой усадьбой.

Сдѣлать все это, откладывая отъ небольшого жалованья, было невозможно. Разумѣется, всякій понималъ, что это было сдѣлано на доходы, но на особые доходы, правильные, не грабительствомъ нажитые, а полученные „доброхотно“ за оказанную помощь. И если у Галуши было теперь состояніе, то оно было, по выраженію обывателей, не ябедническое, лихоимное, вымогательское, а „благодарственное“.

Наживъ состояніе за сорокъ лѣтъ службы, Ѳома Ѳомичъ, дѣйствительно, ни разу никого не обидѣлъ, а поэтому и самъ особенно не скрывалъ, что получалъ подарки. Дѣло было простое, обычное и по времени вполнѣ законное.

Если-же хитрому малороссу случалось иногда вспоминать кое-что худое про себя, что всегда держалъ онъ втайнѣ, не повѣряя даже женѣ и старшимъ дѣтямъ, то оно было нѣчто совершенно иное, до наживы не касающееся.

Галушѣ случалось не разъ при иномъ намѣстникѣ, съ которымъ ужиться бывало трудно, тайными, подспудными и искусными средствами и путями очень умѣло и ловко дѣйствовать въ такомъ духѣ, чтобы „спустить“ начальника, помочь ему „сломать себѣ шею“ и получить, не прося, „абшидъ“.

Случалось равно Галушѣ спихивать съ мѣста и другихъ чиновниковъ до предсѣдателя какой-нибудь палаты включительно. И только однажды раскаялся онъ въ своемъ дѣяніи. Подкузьмивъ, подставивъ ножку управляющему соляными приказомъ и добившись, что тотъ былъ прогнанъ со службы, Ѳома Ѳомичъ въ первый и единственный разъ въ жизни опечалился, прихворнулъ, сталъ чаще въ церковь ходить и три раза за этотъ годъ поговѣлъ и исповѣдывался. Уволенный по его милости управляющій соляными сборами съ отчаянія повѣсился, и добрый Галуша, конечно, обвинялъ себя въ этой смерти.

Разумѣется, теперь такъ-же, какъ и прежде, Ѳома Ѳомичъ былъ первымъ лицомъ въ намѣстничествѣ, но уже во мнѣніи только нѣкоторыхъ обывателей, а не въ дѣйствительности. Прослуживъ сорокъ лѣтъ и управляя краемъ двадцать лѣтъ, Галуша дожилъ до того, что уже не имѣлъ прежняго значенія. Онъ зналъ это хорошо самъ, когда намѣстничество еще этого не знало, и собирался снова отстоять себя и подкузьмить Звѣрева, „спустить“ его...

Но вдругъ скончалась великая императрица, которой онъ былъ, если не лично, то, по репутаціи, извѣстенъ, и Галуша, горько оплакивая монархиню, которую никогда не видалъ, сталъ чуять, что времена перемѣнятся и что, вѣроятно, и до него скоро чередъ дойдетъ, и онъ самъ перестанетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ столько лѣтъ. Гдѣ-же тутъ мечтать о „спускѣ“ Звѣрева?

Потерялъ Ѳома Ѳомичъ свое прежнее значеніе совершенно на особый ладъ, самый нежданный.

Когда былъ назначенъ Звѣревъ, то при его появленіи Галуша, послѣ первой-же съ нимъ бесѣды, пріободрился. Онъ увидѣлъ предъ собой хорошаго и добраго человѣка, безъ тѣни энергіи и воли, при полномъ невѣдѣніи дѣлъ и законовъ. Звѣревъ, казалось, родился на свѣтъ за тѣмъ, чтобы имъ не только руководили, а играли какъ мячикомъ. А управленіе ему представлялось алхиміей и астрологіей.

Галуша, благодаря такому новому назначенію, пріободрился и радовался, что положительно должность его снова, навѣрное, останется за нимъ на столько времени, на сколько останется въ намѣстничествѣ Звѣревъ.

Но радостное настроеніе правителя дѣлъ продолжалось лишь съ мѣсяцъ. Онъ зналъ, что намѣстникъ поручилъ двумъ молоденькимъ чиновникамъ канцеляріи искать приличную квартиру въ городѣ. Затѣмъ, когда она была найдена, приказалъ имъ заняться отдѣлкой заново всей квартиры. Для кого и для чего—никто не зналъ. Недоумѣвалъ и Галуша.

Когда на второй мѣсяцъ по пріѣздѣ намѣстника и вступленіи его въ должность квартира была совершенно готова, Галуша взволновался при извѣстіи, достигшемъ до него и рано

обѣжавшемъ въ два три дня всѣхъ обывателей—отъ богатыхъ и важныхъ дворянъ до бѣднѣйшихъ мѣщанъ. Даже въ кабакахъ толковалось о томъ, что за слухъ пробѣжалъ по городу, по всѣмъ улицамъ и закоулкамъ... Даже пришлось, наконецъ, нѣкоторыхъ посѣтителей этихъ кабаковъ взять на „съѣзжую“, однихъ продержать взаперти нѣсколько часовъ, а другихъ примѣрно наказать розгами за то, что они „плодили разговоры“.

Вѣсть, всполошившая всѣхъ, была, собственно, простая. Всполошило всѣхъ не какое-либо событіе или дѣяніе, или явленіе, а ихъ собственная догадка. Въ городъ въѣхала, прямо проѣхала на заготовленную чиновниками квартиру и поселилась съ нѣсколькими людьми—лакеями, горничными, кучерами—уже немолодая, но очень видная собой барыня.

И, если это обстоятельство подняло на ноги весь городъ, заставляя „плодить“ разговоры, то на третій день волненіе усилилось, такъ какъ узналось, что каждый вечеръ, часовъ около шести, является къ ней въ гости неизмѣнно самъ намѣстникъ и остается у новой обывательницы до полуночи.

На это были доказательства. Многіе сами видѣли какъ намѣстникъ возвращался около полуночи къ себѣ въ домъ, видѣли, потому что не ложились спать, какъ обыкновенно часовъ въ десять, а караулили на главной улицѣ, гуляя и ѣздя, чтобы самолично навѣрное узнать важнѣйшее событіе.

И, если всѣ сначала смущались, волновались, судили и пересуживали, то ничего, однако, не предчувствовали. Единственный человѣкъ, который сразу все понялъ, самъ себѣ объснилъ, все предвидѣніемъ угадалъ, „раскусилъ“ и тотчасъ-же пріунылъ—былъ Ѳома Ѳомичъ.

На вопросъ жены и старшаго сына, почему онъ уныло поглядываетъ, Ѳома Ѳомичъ, не любившій говорить въ семьѣ о государскихъ дѣлахъ, не выдержалъ и отвѣтилъ:

— Да, повѣсишь носъ, когда неожиданное стряхнется на тебя, какъ снѣгъ на голову. Негаданно пріѣхалъ къ намъ въ городъ намѣстникъ, а я думалъ, что онъ уже давно тутъ.

И, такъ какъ ни жена, ни сынъ не поняли словъ и намека, то Ѳома Ѳомичъ послѣ недолгаго молчанія прибавилъ:

— Нечего вамъ и думать объ этомъ! Не вашего разума это дѣло! Такъ у меня, поневолѣ, съ языка сорвалось. Да! Что теперь я буду дѣлать—не знаю. Двадцать лѣтъ зналъ, въ какихъ обстоятельствахъ какъ повернуться и какъ увернуться, а теперь не знаю, совсѣмъ не знаю. Со всякими-то я умѣлъ ладить, а быть правителемъ дѣлъ у намѣстницы не приходилось. Вести дѣла государскія подъ началомъ и подъ юбками у бабы—не приходилось.

— Какая намѣстница?!..— воскликнулъ сынъ.

— А вотъ та, голубчикъ, что—прахъ ее возьми!--въѣхала въ городъ. Зовутъ ее Розой, ну, а на сей цвѣтъ мало она походитъ! Полагаю, что ей лучше-бы было именоваться Рожей, Да еще кабы наша, русская, православная, а то еретичка, и сказываютъ, альбиноска.

— Альбиноска!—ахнула жена Ѳомы Ѳомича, сильно испугавшись.—Что-же это?

— А чортъ его знаетъ что это!—злобно отозвался онъ.

Галуша самъ не зналъ, конечно, что такое альбиноска и, конечно, зналъ навѣрное, что прибывшая на жительство въ городъ, вслѣдъ за вновь назначеннымъ намѣстникомъ, была родомъ просто шведка, которыми Питеръ „кишмя кишитъ“.

Дѣйствительно, за все царствованіе трехъ императрицъ—Анны, Елизаветы и Екатерины, шведки въ Петербургѣ не только не переводились, но все росли каличествомъ. Если при Биронѣ было двѣ-три знаменитыя въ столицѣ „прелестницы“ на полста мало извѣстныхъ, то при Орловыхъ, Потемкинѣ и другихъ вельможахъ было уже до дюжины знаменитыхъ бѣловолосыхъ красавицъ на двѣсти и болѣе „негоціантокъ“, торговавшихъ своей красотой.

Роза Шкильдъ пріѣхала въ Петербургъ двадцати лѣтъ, а теперь ей было за сорокъ. Поэтому она уже успѣла и отлично выучиться по-русски, и плотно набить карманы русскими рублями. Звѣрева знала она уже пять лѣтъ, терпѣла его и обирала, сколько могла, собираясь бросить... Но вдругъ ея глупый и плюгавый „Серафимчикъ“ былъ назначенъ намѣстникомъ. Конечно, Роза Эриховна поняла, что не время его бросать, а время самое настоящее, чтобы удвоить свой съ трудомъ заработанный и сколоченный капиталъ. И, конечно, она съ радостью поѣхала за нимъ съ береговъ Невы въ глушь.

Но вмѣстѣ съ собой Роза Эриховна захватила и молодого петербургскаго чиновника, хотя вышло такъ, что Звѣревъ самъ, а не она, пожелалъ перевести чиновника изъ столицы и сената въ свое управленіе намѣстничества. Но вскорѣ-же весь городъ зналъ то, чего Звѣревъ никогда не зналъ. Горстъ и госпожа Шкильдъ звали его: „нашъ дохлый Серафимчикъ“!

XXII.

Князь Антонъ Семеновичъ былъ отчасти доволенъ тѣмъ, что ничего не узналъ рѣшительнаго отъ самого намѣстника, что тотъ не согласился, но и не отказалъ. Слѣдовательно, все дѣло находится въ рукахъ того, кто давно—истинный правитель намѣстничества. „Спасибо и за это“!—думалъ князь.

Онъ хорошо помнилъ то время, когда намѣстникомъ былъ истинный изувѣръ и грабитель, генералъ-поручикъ Ингельбергъ, и когда безобразное дѣло по поводу выкраденной у него холопки было рѣшено въ пользу сутяжника и ябедника сосѣда. Въ то время Ѳома Ѳомичъ, несмотря на свое желаніе помочь князю повернуть дѣло законнымъ образомъ, ничего не смогъ. За это время Галуша изъ-за князя чуть даже не пострадалъ и чуть не лишился своего мѣста. Разумѣется, отношенія князя и Ѳомы Ѳомича остались хорошія. Теперь было основаніе положительно надѣяться на помощь истиннаго негласнаго намѣстника, если онъ попрежнему въ силѣ.

Прямо отъ Звѣрева князь прошелъ въ канцелярію, повидаться съ правителемъ дѣлъ. Галуша былъ сильно занятъ какимъ-то спѣшнымъ дѣломъ и отсылкой гонца съ бумагами въ Петербургъ. Перемолвившись нѣсколькими словами, князь объяснилъ, что является въ губернію снова по дѣлу и снова по милости того-же сосѣда-врага.

Ѳома Ѳомичъ извинился недосугомъ и попросилъ князя пріѣхать къ нему въ сумерки, чтобы на досугѣ дома побесѣдовать обстоятельно.

Часовъ въ шесть князь былъ уже въ гостяхъ у Галуши. Рѣдко бывая въ городѣ и давно не бывавъ въ этой квартирѣ, князь удивился перемѣнѣ. Домъ правителя сталъ еще красивѣе и обширнѣе, а деревья въ саду, теперь оголенныя, были много выше.

Внутри, въ комнатахъ, князь нашелъ тоже не малую перемѣну. Мебель была другая, очевидно пріѣхавшая изъ столицы, и на стѣнахъ гостиной онъ увидѣлъ двѣ большія картины масляными красками. Въ угловой комнатѣ, рабочей, гдѣ занимался Ѳома Ѳомичъ дѣлами по вечерамъ, многое тоже перемѣнилось, а главное, что бросилось въ глаза князю, былъ большой портретъ покойной великой императрицы, не хуже того, что висѣлъ у нихъ въ Симеоновѣ. Галуша завелъ этотъ портретъ, выписавъ изъ Петербурга и заплативъ большія деньги въ тѣ дни, когда узналъ, что монархиня узнала объ его существованіи и дѣятельности, хорошо извѣстной всѣмъ и каждому, и назвала его шутя „истиннымъ, долголѣтнимъ правителемъ намѣстничества“.

Князь началъ объясненіе своего дѣла слѣдующими словами:

— Ну-съ, достоуважаемый Ѳома Ѳомичъ, помогите! Все дѣло въ вашихъ рукахъ. Серафимъ Ефимовичъ прямо ссылается на васъ, что вы все мое дѣло ему разъясните по закону. И, какъ вы посудите, такъ и онъ посудитъ. Дѣло у меня опять-таки съ тѣмъ-же извергомъ-сосѣдомъ, и опять-таки онъ-же началъ нападеніе, а я долженъ опять только защищаться. Но теперь дѣло идетъ уже не о крѣпостной горничной—о родномъ сынѣ.

— Что вы?!—ахнулъ Галуша, когда князь кончилъ эти слова.

— Да-съ! Оказался онъ тогда правъ, беззаконно выкралъ и присвоилъ себѣ чужую холопку, потомъ сдѣлалъ изъ нея вольную съ помощью всякихъ подлоговъ, какъ вамъ это хорошо извѣстно, и вотъ, набравшись тогда смѣлости, теперь уже началъ дѣло еще сугубо дерзостное, такое, что не часто и въ мірѣ случается.

Когда князь разсказалъ Галушѣ далеко не сложное дѣло, по которому пріѣхалъ жаловаться, Ѳома Ѳомичъ, къ его удивленію, сдѣлалъ ему тотъ-же вопросъ, что и намѣстникъ.

— Но за что именно, князь, счелъ возможнымъ Абдурраманчиковъ заарестовать у себя молодого князя?

— Это мнѣ неизвѣстно.

— Вотъ то-то и бѣда! Какъ же мы будемъ судить дѣло? Вѣдь, что-нибудь вашъ сынъ да продѣлалъ, чтобы навлечь на себя вражду Абдурраманчикова и подвигнуть его на такое самоуправство? Конечно, мы попросимъ его сюда пріѣхать, начнемъ дѣло и выяснимъ все, но только, не зная отъ него самого, на какомъ основаніи онъ такъ поступилъ, я впередъ не могу ничего сказать вамъ, не могу обнадежить васъ, что вы правы. Разудите сами, вѣдь что-нибудь да сдѣлалъ молодой князь? Вѣдь, не у васъ-же изъ усадьбы Абдурраманчиковъ выкралъ молодого человѣка, какъ прежде выкралъ горничную? Очевидно, что князь попалъ ему въ лапы гдѣ-нибудь по близости отъ его усадьбы. Абдурраманчиковъ—человѣкъ, словъ нѣтъ, дерзкій, самоувѣренный, но, простите меня за откровенность, по-моему, онъ—человѣкъ не злой и, во всякомъ случаѣ, человѣкъ умный. Похищеніе у васъ дѣвченки было его простой, хотя, конечно, беззаконной прихотью; оправдать того нельзя было, но понять можно. Теперешнее заарестованіе молодого князя, пока мы подробно не узнаемъ, въ чемъ дѣло, объяснить совершенно невозможно. Очень я опасаюсь, что какъ-бы на этотъ разъ Абдурраманчиковъ не былъ и не оказался въ нѣкоторомъ смыслѣ въ своемъ правѣ.

— Что вы, помилуйте, Ѳома Ѳомичъ!—воскликнулъ князь.— Какое-же право имѣетъ дворянинъ брать другого какъ-бы въ полонъ, будто на войнѣ, да еще подвергать заключенію?

— Не знаю! Не знаемъ мы оба. Повторяю, князь: пока не вызовемъ сюда Абдурраманчикова и не услышимъ, что онъ намъ скажетъ, до тѣхъ поръ мы съ вами не можемъ знать, кто въ правѣ: вы-ли, онъ-ли?

Довольно долго проговоривъ все о томъ-же, говоря и повторяя почти одно и то-же, собесѣдники не пришли, конечно, ни къ какому заключенію, кромѣ того, что надо вызвать маіора и услыхать, что онъ скажетъ.

Когда князь, нѣсколько угрюмый и озадаченный, ожидавшій большого успѣха отъ своего посѣщенія, сталъ собираться уѣзжать, Ѳома Ѳомичъ выговорилъ:

— Ну-съ, а теперь позвольте! Все-таки считаю долгомъ вамъ нѣчто сообщить по старому знакомству и, смѣю выразиться, по старой дружбѣ. Но только, князь, то, что я буду говорить, Богомъ прошу васъ, чтобы оставалось между нами. Я—человѣкъ семейный, старый, небогатый, нахожусь, какъ и всю жизнь находился, въ полной зависимости отъ его превосходительства г. намѣстника. Теперь я доволенъ, слава Богу, все обстоитъ ни шатко, ни валко. Послѣ всѣхъ тѣхъ намѣстниковъ, которыхъ я перевидалъ здѣсь, съ Серафимомъ Ефимовичемъ, можно сказать, живешь, какъ у Христа за пазухой, при томъ условіи, чтобы изъ этой пазухи головы очень не высовывать, а то получишь по башкѣ и затрещину такую здоровую, что голова отвалится. Такъ вотъ-съ я вамъ дамъ, по старой памяти и дружбѣ, совѣтъ и указаніе. Вы поступите, какъ знаете, но о томъ, что я вамъ посовѣтую, никому ни слова.

Князь, конечно, обѣщался.

— Выслушайте! Есть здѣсь намѣстникъ—человѣкъ, власть имѣющій и большую, какъ и прежде. Черное можетъ онъ сдѣлать бѣлымъ, а бѣлое—чернымъ. Это завсегда такъ было и завсегда такъ будетъ. Есть и правитель дѣлъ его, намѣстническихъ, вашъ покорнѣйшій слуга, всей душой расположенный къ вамъ, который за всю жизнь старался бѣлаго чернымъ не дѣлать и неправеднаго праведнымъ тоже не дѣлать—по собственной волѣ, такъ какъ я, вы сами знаете, человѣкъ сердечный и не безчестный. Въ прошломъ ябедномъ дѣлѣ вашемъ съ этимъ Абдурраманчиковымъ я ничего въ помощь вамъ придумать не могъ, и вы, будучи правы, если не остались виноваты, то остались не причемъ. Такъ вотъ-съ! Хоть теперь намѣстникъ сидитъ и не такой идолъ, какъ Ингельбергъ, каменный истуканъ да и грабитель, а сидитъ человѣкъ добрый и человѣкъ честный,—давай Богъ побольше такихъ намѣстниковъ, какъ Серафимъ Ефимовичъ, — но изволите видѣть, во всякомъ дѣлѣ есть загвоздка. Таковая есть и теперь въ вашемъ дѣлѣ.

— Что именно?—нѣсколько смутился князь.—Какая-же загвоздка?

— Въ самомъ-то дѣлѣ ея нѣтъ. А вотъ какъ къ этому дѣлу приступить, есть такая загвоздка. Удивляюсь, что вы сами не догадались, и ничего, повидимому, не знаете. Вы мало бываете у насъ въ губерніи,то-есть въ городѣ. Кабы чаще къ намъ наѣзжали, было-бы лучше, знели-бы хоть и не всю подноготную, но все-таки въ случаѣ чего знали-бы, какъ изловчиться, знали-бы, гдѣ какія двери есть, гдѣ входъ и выходъ. А вы,

вотъ я вижу, пріѣхали будто-бы прямо изъ Петербурга или изъ какого чужестраннаго королевства. Были у властителя здѣшнихъ мѣстъ, предполагая, что вся сила въ немъ. Предположеніе ваше правильное. Вотъ пожаловали вы потомъ, дѣлая ему честь, и къ правителю дѣлъ намѣстническихъ. А теперь собираетесь во-свояси, на постоялый дворъ, полагая, что все обстоитъ, какъ слѣдуетъ. Анъ, простите, князь! Вы начали не съ того конца. Прежде чѣмъ быть у его превосходительства и прежде чѣмъ быть вотъ здѣсь, вамъ слѣдовало повидать того, отъ кого въ здѣшнемъ краѣ все въ зависимости.

Князь вытаращилъ глаза, видимо, ничего не понимая.

— Кто такая Роза Эриховна Шкильдъ, слыхали вы?

— Знаю, Ѳома Ѳомичъ, но что-же общаго?..—началъ было князь.

— Позвольте... Госпожа Шкильдъ—дама умная и красивая, и зрѣлая, а намѣстникъ,—между нами, князь,—старый хрычъ, падкій на женскій полъ. И вотъ-съ, какъ всякій недоросль, юнецъ, такъ равно и хрычъ, у женщины въ расцвѣтѣ силъ, здоровья и прелестей, всегда будетъ на побѣгушкахъ, всегда будетъ изображать собаченку. И я только удивляюсь, какъ вы сего не знали, что нашъ Серафимъ Ефимовичъ у Розы Эриховны не только что въ полномъ послушаніи, а прямо, какъ собаченка, поноску носитъ.

Ѳома Ѳомичъ тихо разсмѣялся, взялъ карандашъ со стола и продолжалъ:

— Вотъ, глядите, такимъ способомъ! Тьфу, тьфу!..

И, поднявъ руку, онъ замахнулся, будто собираясь бросить карандашъ въ уголъ комнаты.

— И вотъ-съ она плюнетъ да заброситъ, а Серафимъ Ефимовичъ со всѣхъ своихъ ногъ кидается, ищетъ и приноситъ. За это его по головкѣ гладятъ, кусочекъ сахару даютъ завалящійся,—вы, полагаю, понимаете, какой сахаръ?—въ его годы всякому такому человѣкъ радъ-радехонекъ. За малѣйшую ласку онъ съ соборной колокольни спрыгнуть согласится, потому что зѣло старъ, а разумомъ прытокъ никогда не бывалъ. Поняли вы теперь, съ чего вамъ слѣдовало начать, кого прежде всѣхъ видѣть, кого просить?

Князь, уже нѣсколько мгновеній сидѣвшій задумчивый и даже озабоченный, развелъ руками.

— Тогда,—проговорилъ онъ,—все пропало!

— Какъ пропало?!—воскликнулъ Галуша.

— Пропало! Коли все въ рукахъ этой нѣмки...

— Шведка она, князь.

— Ну, шведка, чухонка. Знавалъ и я ихъ въ Питерѣ! Чортъ ее возьми, кто она такая! Будь хоть камчадалка! Но если, говорю, все въ ея власти, то быть моему сыну, князю

Татеву, крѣпостнымъ человѣкомъ Абдурраманчикова. — Ѳома Ѳомичъ снова разсмѣялся своимъ тихимъ смѣхомъ.—Да-съ! Не смѣйтесь надъ моими словами! Когда-то мою крѣпостную, россійскую деревенскую дѣвку, сдѣлали вы крымской татаркой и вольной...

— Не я, князь!

— Ну, не вы, а все-таки у васъ здѣсь, въ намѣстничествѣ. Ну, какъ теперь вы и сына моего сдѣлаете крѣпостнымъ, дворовымъ г. маіора Абдурраманчикова. И документы такіе найдутся, что онъ—сынъ его конюха, родился у него близъ конюшни. Ужъ коли вамъ документовъ не стряпать, такъ кому-же тогда?

— Успокойтесь, князь,—холодно замѣтилъ Галуша,—и говорите дѣло! Почему-же, по-вашему, все пропало?

— А потому, Ѳома Ѳомичъ, что я, князь Татевъ, къ какой-то шелудивой чухонкѣ, полюбовницѣ намѣстника, на поклонъ не поѣду! А если-бы я и позволилъ самъ себѣ такое поруганіе моего дворянскаго достоинства ради любви къ сыну, такъ моя родительница, княгиня, меня до этого не допуститъ или же, несмотря на мои годы, изъ дому выгонитъ и на глаза къ себѣ не пуститъ.

— Да-а!—протянулъ Галуша.—Если такъ разсуждать, то, правда, дѣло обстоитъ не въ казистомъ видѣ,—и Галуша вздохнулъ, развелъ руками и заговорилъ:—что-же? Не могу я, по совѣсти, васъ порицать. Вы правильно разсуждаете. Кабы вотъ всѣ-то здѣсь такъ разсуждали, какъ князь Татевъ, то, пожалуй, Роза Эриховна давно-бы хвостъ поджала. А она его, голубчика, распустила такъ, что просто, можно сказать, на все намѣстничество... Да-съ! Все намѣстничество наше прикрыто отъ солнышка и находится въ тѣни подъ ея пушистымъ хвостомъ.

Ѳома Ѳомичъ положилъ руку на колѣни князя и выговорилъ шопотомъ, какъ если-бы боялся, что стѣны его рабочей комнаты услышатъ:

— Нѣтъ, князь, разносчика, который, къ примѣру, яблочками моченными или „рязанками“ торгуетъ, двѣ гривны въ недѣлю зарабатываетъ, который-бы ежегодно къ празднику Рождества и къ празднику святыя Пасхи не снесъ Розѣ Эриховнѣ сколько можетъ. Большой окладъ у намѣстника отъ щедротъ царя, а окладъ, который Роза Эриховна сама себѣ положила и по всѣмъ здѣшнимъ душамъ разложила, будетъ почище. Недаромъ она собирается въ сосѣднемъ намѣстничествѣ большое имѣніе покупать, душъ, сказываютъ, даже шестьсотъ. И не за деньгами дѣло стало! Дѣло стало за тѣмъ, что она не русская, владѣть православными крестьянами не можетъ. Чтобы стать помѣщицей, надо замужъ выйти, надо жениха найти, да чтобы

онъ былъ россійскимъ дворяниномъ. И она уже отыскиваетъ такого и безпремѣнно найдетъ! Да и давай Богъ! Авось тогда съ супругомъ въ свою вотчину уѣдетъ и наше намѣстничество отъ себя избавитъ.

XXIII.

— Вотъ тебѣ и Роза! —повторялъ князь, вернувшись къ себѣ на постоялый дворъ.

Теперь онъ понялъ и всѣ намеки пріятелей дворянъ о томъ, что Ѳома Ѳомичъ теперь совсѣмъ не то—что былъ.

„Сколько намѣстниковъ въ рукахъ, даже въ ежевыхъ рукавицахъ держалъ“,—разсуждалъ князь, — „а вотъ нарвался, и его самого прелестница-намѣстница въ бараній рогъ согнула. И неужто нѣту такой статьи закона, чтобы у властителей не бывать любовницамъ? Удивительно! Надо маменькѣ отписать и ея приказанія испросить“.

И на другой день князь Антонъ Семеновичъ занялся исключительно тяжелымъ и мудренымъ дѣломъ.

Онъ всталъ ранехонько и прежде всего отправился къ ранней обѣднѣ. Вернувшись, онъ напился кофе, что позволялъ себѣ изрѣдка, какъ лакомство или для укрѣпленія силъ въ случаѣ какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ. А таковыя обстоятельства были теперь на-лицо.

Князь долженъ былъ посвятить весь день на самую непривычную для себя и утомительную работу, какая только для него существовала: ему приходилось написать два большихъ посланія и въ обоихъ писаніяхъ изложить дѣло, которое вдругъ свалилось на голову.

Одно письмо было къ матери съ изложеніемъ послѣдствій его посѣщенія намѣстника и Галуши. Конечно, въ этомъ письмѣ князь объяснялъ матери обстоятельство, которое княгиня лишь до извѣстной степени знала, то-есть о значеніи въ управленіи г-жи Шкильдъ.

Передавая матери совѣтъ, полученный отъ Ѳомы Ѳомича, князь просилъ указанія, какъ дѣйствовать, прибавляя отъ себя, чтобы не попасть въ бѣду, что онъ, конечно, впередъ знаетъ, какъ княгиня рѣшитъ вопросъ, и понимаетъ всю невозможность для него, князя, Татева, ѣхать съ поклономъ къ какой-то намѣстнической „прелестницѣ“.

Второе письмо было и длиннѣе, и гораздо мудренѣе.

Князь писалъ другу своему съ юношества, который былъ теперь уже въ чинахъ и пользовался высокимъ общественнымъ положеніемъ въ Петербургѣ. Это былъ сановникъ, нѣкто Остужевъ, когда-то такой же сержантъ и такой же офицеръ Преображенскаго полка, какимъ былъ и князь. Благодаря тому,

что тотъ же Алексѣй Орловъ отнесся къ Остужеву иначе, чѣмъ къ Татеву, онъ не вышелъ въ отставку, пользовался расположеніемъ самой государыни и былъ теперь генералъ-поручикомъ.

Дружескія отношенія между княземъ и прежнимъ товарищемъ оставались попрежнему, и они разъ и два въ годъ, большею частью на праздникахъ, переписывались ради пожеланія другъ другу благополучно и радостно провести праздники. Раза два случилось, что князь обращался къ пріятелю съ важной просьбой, и каждый разъ безъ всякаго исключенія просьба была уважена.

Конечно, теперь княгиня, провожая сына въ городъ, напомнила ему о томъ, что прежде всего слѣдуетъ написать Остужеву и просить его черезъ своихъ пріятелей въ Петербургѣ настоять на правомъ разсужденіи дѣла мѣстнымъ намѣстникомъ.

Въ письмѣ къ Остужеву князь изложилъ подробно свою давнишнюю вражду съ сосѣдомъ Абдурраманчиковымъ и его послѣднее самоуправство съ молодымъ княземъ—вторымъ его сыномъ.

За первымъ письмомъ къ матери князь просидѣлъ часа три, хотя письмо было небольшое. Зато письмо въ Петербургъ, начатое послѣ полудня, поздно вечеромъ было еще не дописано.

Нѣсколько уставъ съ непривычки къ такой работѣ, князь рѣшилъ отложить сочинительство и отправился къ старому другу, нѣкоему Рубакову, чтобы разгуляться, а главное, освѣжить голову. Писаніе, а равно и чтеніе, производили на князя Антона Семеновича особое дѣйствіе.

— Ровно какъ угаръ,—объяснялъ онъ всѣмъ,—когда вотъ разсуютъ холопы вьюшки по печамъ раньше времени.

Дѣйствительно, князь, бывало, первый всегда замѣтитъ чадъ и угаръ, и у него перваго затрещитъ голова. Отъ чтенія и въ особенности отъ писанія у него поднималась точно такая же, даже сугубая боль въ головѣ.

Пріѣхавъ къ сверстнику и другу Рубакову, помѣщику дальняго уѣзда, проводившему зиму въ городѣ, но съ которымъ князь видѣлся сравнительно рѣдко, онъ нашелъ въ домѣ маленькое общество, даже вечеринку. Пожилые люди играли въ карты, въ шашки, въ бирюльки, молодежь прыгала и веселилась въ залѣ, играя въ жмурки и въ фанты.

Князь, нѣсколько засидѣвшійся въ усадьбѣ, обрадовался, очутившись среди довольно многолюднаго общества, и угаръ отъ писанія сразу прошелъ. На вопросъ хозяина, какимъ образомъ онъ очутился въ городѣ, князь откровенно объяснилъ все и даже передалъ про совѣтъ, полученный отъ Галуши: посѣтить всѣмъ „знатную“ барыню, а равно передалъ, что

пишетъ подробное письмо другу въ Петербургъ, человѣку сановному.

Рубаковъ, какъ истинный старинный другъ, принялъ все дѣло близко къ сердцу, тотчасъ же увелъ князя къ себѣ въ дальнюю комнату, заставилъ повторить все подробнѣе, а затѣмъ высказался рѣшительно.

— Первымъ дѣломъ, — сказалъ онъ, — заканчивай скорѣй свое писательство! Почтою посылать, самъ ты знаешь, дѣло плохое. Маленькія письма доходятъ, если въ нихъ какая пустяковина, а большіе, толстые пакеты, дѣловые, завсегда пропадаютъ. Сдашь ты здѣсь на почту пакетище, сейчасъ какой-нибудь почтовый чиновникъ побѣжитъ, обо всемъ доложитъ намѣстнику, и письмо, вмѣсто Петербурга, благополучно достигнетъ до ящика письменнаго стола Серафима Ефимовича. А если ты въ немъ говоришь что-либо лишнее или прохаживаешься на его-же счетъ, то тебѣ-же будетъ хуже. А уйдетъ отсюда твое письмо благополучно, то по дорогѣ или въ самомъ Петербургѣ вдругъ свернетъ оно съ дороги на проселокъ и, вмѣсто твоего пріятеля генералъ-поручика, попадетъ въ руки какому другому генералу. И опять невѣдомо, что выйдетъ: или ничего, все, какъ въ воду, канетъ, или бѣда какая будетъ. Собственнаго гонца послать, какъ ты сказываешь, не въ примѣръ лучше. Но твой гонецъ, какого коня ему ни дай, ужъ, конечно, больше сорока верстъ въ день не уѣдетъ. Будетъ гнать, загонитъ трехъ лошадей по пути. Коли дашь ему денегъ на покупку ихъ, то верстъ все-таки по полусотнѣ будетъ дѣлать, а не болѣе. Разсуди же, когда твое письмо дойдетъ до Петербурга?

И Рубаковъ предложилъ князю на другой же день пораньше доставить къ нему посланіе его, ручаясь, что оно дойдетъ до Петербурга вѣрно и въ собственныя руки къ его пріятелю-сановнику по той простой причинѣ, что старшій сынъ его долженъ былъ тотчасъ выѣзжать по своему дѣлу въ Петербургъ.

— Это на твое счастье, братецъ! — сказалъ Рубаковъ. — За аккуратность сына отвѣтствую головой. А вотъ другое — поважнѣе... Какъ тебѣ быть со шведкой, лженамѣстницей? Мы ее здѣсь такъ называемъ. Это самая Роза Эриховна всю власть въ себѣ сосредоточиваетъ. Возсѣла, какъ вотъ Лжедмитрій какой да и Тушинскій воръ. Никакое дѣло, малое и большое, мимо нея не идетъ. Это все хорошо тебѣ, домосѣду, не знать, а мы, что ни случись, прежде всего отправляемся къ ней. И, любезнѣйшій другъ, не съ пустыми руками, хотя, конечно, и не съ деньгами, ассигнаціями или червончиками-лобанчиками. Избави Богъ! Этакого нахала, если не въ окошко по лѣтнему времени выкинутъ, то ужъ въ двери-то онъ у нея вылетитъ и ступени лѣстницы кверху тормашкой пересчитаетъ. Дама

она строгая, строжайшая и отважнѣйшая. Да и почему не быть въ ней отвагѣ, коли ей море по колѣна—наше намѣстничеѣкое море? А вотъ ты знаешь, на Дворянской улицѣ есть у насъ магазинъ большой, какихъ мало въ столицахъ, — г. Гершельмана. У него водятся сережки да брошки, да разные браслетики и перстенечки по тысячѣ рублей штука и больше. Понялъ ты меня, Антонъ Семеновичъ?

Но князь безпомощно развелъ руками, такъ какъ совѣтъ друга, одинаковый съ совѣтомъ Ѳомы Ѳомича, смутилъ его еще болѣе.

— Понимать я понимаю,—заявилъ онъ, — но княгиня-матушка? Какъ по-твоему, она посудитъ? Она скажетъ, что такое посѣщеніе съ подаркомъ есть надъ самимъ собой надругательство.

— Эхъ, другъ ты мой! — отозвался Рубаковъ. — Былъ у меня пріятель—ученый человѣкъ, латинскій языкъ зналъ и зачастую мнѣ всякія латинскія пословицы и поговорки говаривалъ, и на нашъ россійскій языкъ переводилъ. Нѣкоторыя я даже записалъ, ужъ очень умныя, такія умныя, что совершенно непонятно, какимъ образомъ до Рождества Христова люди могли такъ разумно разсуждать. И вотъ я знаю одну такую пословицу: „времена мѣняются, а съ ними мѣняются и человѣки“, или должны что-ли, мѣняться, долженствуютъ. Были мы съ тобой молоды и были въ гвардіи—были одни времена; а теперь мы съ тобой старики, и времена-то стали тоже постарше, чтоли. Были мы съ тобой здоровые и сильные, а стали похуже, послабѣй; ну, и времена тоже стали похуже: коли не слабѣе, то поскуднѣе. Вотъ много лѣтъ живемъ мы на свѣтѣ, а было ли когда, чтобы въ нашей губерніи всѣмъ заправляла баба да еще шведка? А вотъ теперь таковая править! И самъ Ѳома Ѳомичъ кругомъ нея на карачкахъ ползаетъ. Полагаю, что княгиня Арина Саввишна—женщина мудрѣйшая и отвѣтитъ тебѣ то-же, что и я говорю. Ступай къ Розѣ Эриховнѣ съ посѣщеніемъ, представься, скажи что много о ней наслышавшись – что будетъ правдой — и что желаешь имѣть честь познакомиться,—что будетъ неправдой: ибо какая же тутъ честь? скорѣе безчестье. А затѣмъ, побывавши разика два, спроси въ разговорѣ, любитъ ли она драгоцѣнныя вещи? Поводомъ послужитъ тебѣ то, что у нея толстыя и жирныя лапищи унизаны перстнями и браслетами; говорятъ, она и спитъ съ ними. Роза Эриковна, или Эриховна, или Розга Шариковна, или Роска Персиковна, или Рожа, не знаю какъ... мало ли, какъ ее у насъ зовутъ!—прозвищъ съ полсотни наберется!.. и вотъ она отвѣтитъ тебѣ, что очень всякія такія украшенія любитъ. Тогда заѣзжай къ Гершельману, захвати съ собой, сколько можешь. Коли дѣло у тебя бѣдовое, кровное, родное, такъ захвати всю тыщу рублей, выбери, что получше, да ей и от-

везти. Вотъ тогда твой Абдурраманчиковъ долженъ будетъ или всѣ двѣ тысячи рублей Гершельману свезти, или ему карачунъ будетъ. Вотъ тебѣ мой дружескій совѣтъ, а покуда давай скорѣй письмо: сынъ выѣзжаетъ завтра безпремѣнно.

Разумѣется, на другой день Антовъ Семеновичъ съ утра снова сѣлъ за твое посланіе въ Петербургъ, а около полудня уже окончилъ его и отослалъ Рубакову въ большомъ конвертѣ, запечатанномъ огромной гербовой печатью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, еще наканунѣ князь послалъ верхового домой съ письмомъ къ матери. Вечеромъ, почти черезъ сутки, посланецъ уже вернулся и привезъ отъ княгини маленькое письмо съ каракулями въ нѣсколько строкъ. Княгиня отвѣчала сыну, что разрѣшаетъ ему посѣтить „паскудницу-прелестницу“, просить ея помощи, но держать себя съ ней по-княжески, чтобы знала „подлая тварь“, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Князь нѣсколько разъ перечиталъ совсѣмъ безграмотное и коротенькое письмо матери и затруднялся, какъ исполнить приказанія ея? Онъ зналъ хорошо, что значило на языкѣ княгини „держать себя по-княжески“. Дѣло въ томъ, что держать себя такъ со шведкой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добиться толку, то-есть ея дружелюбнаго отношенія къ дѣлу, — было невозможно.

— Вотъ маменька завсегда такъ! — уныло сказалъ себѣ князь.—По ея, иди, къ примѣру, къ человѣку денегъ просить взаймы и начинай прямо съ плюхи ему, а потомъ дивися, что дѣло не сладилось! Все-таки маменька, прости меня Господи, баба женскаго пола. Въ дѣлѣ о Ѳедоськѣ все упрямствомъ и гордостью испортила, а, вѣдь, теперь не Ѳедоська... теперь родной сынъ, ея внукъ, въ бѣдѣ. Что, если Персидъ его въ чуланѣ содержитъ и не кормитъ?.. О, Господи! до чего дожили!

XXIV.

Въ „Симеоновѣ“ жизнь снова какъ бы вошла въ свою обычную колею. Княжая семья—какъ и всѣ люди-человѣки—привыкла къ новому положенію или новой бѣдѣ, то-есть къ отсутствію захваченнаго въ плѣнъ брата. Къ тому же имѣлись вѣсти изъ „Кута“ стороною, что князь Гавріилъ Антоновичъ не содержится строго, какъ врагъ, а живетъ въ домѣ маіора, какъ свой человѣкъ и даже не гость, а будто родной...

Всѣ обрадовались, и одна княгиня еще пуще разгнѣвалась. Она поняла давно, что сосѣдъ, дерзкій, но умный человѣкъ, ничего-бы не посмѣлъ предпринять, если-бы не согласіе и „сообщничество воровское“ самого Гаврика.

И теперь Арина Саввишна была возмущена противъ строптиваго внука болѣе, чѣмъ противъ маіора.

„Онъ—чужой человѣкъ. Что-же? И давнишній врагъ... А этотъ—свой, родной, да еще вдобавокъ щенокъ... а вдругъ посмѣлъ эдакое“?...

Когда возвратившійся изъ „Кута“ внукъ Семенъ доложилъ бабушкѣ все, что узналъ, онъ былъ увѣренъ, что она ничему не повѣритъ, приметъ все за сочинительство маіора Абдурраманчикова, но, къ его удивленію, бабушка ахнула, подумала и сказала:

— Вотъ оно. Вѣрно! Такъ... Когда еще они ѣзжали къ намъ сюда, помню, что Гаврика съ Лизаветой, бывало, водой не разольешь; все вмѣстѣ, день деньской. А былъ-то онъ уже съ пониманіемъ, она только была дѣвченкой. Такъ! Вѣрно! Застряло у него съ тѣхъ поръ... Ну, что-же? Маіоръ подладилъ дѣло такъ, какъ будто и правъ. Посмотримъ. Но я лучше шествовать буду на похоронахъ Гавріила, чѣмъ на эдакой свадьбѣ! Говорю вамъ: Персидкѣ не бывать княгиней Татевой, покуда я жива и Антонъ живъ.

Княгиня поняла тоже отлично, что лицедѣй и хитрецъ маіоръ только корчитъ, изображаетъ изъ себя оскорбленнаго въ своей родительской чести дворянина и отца.

— Ничего не было такого!—объясняла она Сакмариной и Бокъ:—ну, видались... ну, цѣловались... но никогда Гаврикъ не собирался ее выкрадывать. И самъ онъ, Персидъ поганый, все зналъ, все самъ устраивалъ... А когда узналъ Гаврикъ, что я собралась его женить на Машенькѣ, то и бросился къ любезной и къ отцу ея за помощью... Вотъ вмѣстѣ эту комедь и выдумали... Безчестье... заарестованье... вознагражденье... Всякій дуракъ пойметъ это!

И если княгиня гнѣвалась сильно на „щенка“, который посмѣлъ итти противъ нея, своей бабки, когда даже отецъ его ей повинуется, то еще болѣе злобствовала Арина Саввишна на сына.

Сначала князь Антонъ Семеновичъ „не откликался никакимъ голосомъ“ изъ города и не давалъ никакого извѣстія, какъ идетъ дѣло. А затѣмъ онъ написалъ ей письмо, по мнѣнію княгини, совсѣмъ „отмѣнно полоумное“, якобы это Рафушка поѣхалъ въ намѣстничество и оттуда пишетъ о своихъ „ребячьихъ поступленьяхъ, благо безъ няньки выпустили изъ дому“!

Такъ судила и объясняла пріятельницамъ княгиня, и, когда обѣ женщины пробовали заступиться за князя, она раздражалась и начинала „непристойно княжескому и дворянскому званію поносить сына“,—какъ судила и говорила генеральша послѣ вспышекъ гнѣва Арины Саввишны.

А между тѣмъ женщина, собственно уже старуха да еще и семидесятилѣтняя, скрытно отъ всѣхъ мучилась и страдала, почти не спала по ночамъ и чувствовала, что слабѣетъ... Да и было отчего!

Ее, княгиню Татеву, въ ея годы, унижали и оскорбляли теперь такъ, какъ никогда. Она уже давно увѣровала, что ея слово—законъ, ибо всѣ ея опасаются... Одинъ-то разъ въ жизни посмѣлъ съ ней тягаться сосѣдъ „Персидъ“ и одолѣлъ... Но это вышло случайно... А теперь тотъ-же выходецъ изъ басурманскихъ предѣловъ снова напалъ на нее и оскорбилъ еще пуще, насмѣялся...

Но это еще куда ни шло... Онъ дерзостный, но чужой... А каково дожить до того, что родной внукъ, еще щенокъ, смѣетъ тягаться съ ней?!.

Иногда озлобленіе и чувство обиды кровной и ноющей въ сердце доходили до того, что княгиня начинала уже собираться сама въ „губернію“, то-есть въ городъ къ намѣстнику. И при этомъ она думала, что рѣшится даже познакомиться съ пройдохой и поганой бабой—Розой.

— Срамъ! Но зато съ Рожей „Персида“ раздавлю! — утѣшалась она.

Кончилось тѣмъ, что Арина Саввишна вдругъ призвала старшаго внука и объяснила ему, что онъ долженъ „слетать“ въ городъ, чтобы повидать отца, узнать все подробно и ее успокоить.

— Но сидѣть тамъ не смѣй, чтобы меня томить. Слетай соколомъ!—сказала она.

Князь Семенъ тотчасъ-же собрался и выѣхалъ...

И въ тотъ-же день случилось въ усадьбѣ своего рода происшествіе, хотя простое, но удивившее всѣхъ, а главное,—снова „растревожившее“ княгиню, то-есть оскорбившее ее кровно.

Тотчасъ послѣ отъѣзда брата княжна Ариша неожиданно сильно разсердилась на дурака Агаѳона за то, что онъ, перебѣгая уже въ сумерки корридоръ, налетѣлъ съ маху на нее, хватилъ ее своей башкой въ голову и сбилъ оглушительнымъ ударомъ съ ногъ.

Ариша, помочивъ голову водой и ощупавъ надъ бровью здоровую шишку, тотчасъ пошла жаловаться бабушкѣ. Княгинѣ было, вѣроятно, въ эти дни совсѣмъ не до пустяковъ или-же она посудила случай по-своему и не нашла вины въ дѣяніи Агаѳона.

— Дуракъ онъ, да и косой, да и въ темнотѣ. Что-же съ этакого спрашивать?—сказала она внучкѣ. — До свадьбы заживетъ.

Ариша, совсѣмъ не ожидавшая такого рѣшенія дѣла, разсердилась уже и на бабушку, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сочла такое рѣшеніе для себя обиднымъ.

Она вспыхнула и, не выдержавъ, рѣшилась. Выйдя отъ бабушки, она встрѣтила случайно Ивана Спиридоновича и сгоряча сказала, чтобы онъ, по приказу княгини, распорядился:

— Дать Агаѳону двадцать розогъ за то, чтобы въ темнотѣ не швырялся!

Дворецкій сейчасъ-же распорядился, и, какъ бывало всегда, на конюшнѣ чрезъ полчаса Агаѳонъ уже получилъ назначенную порцію.

Разговоровъ въ усадьбѣ о такомъ пустомъ дѣлѣ, разумѣется, не было никакихъ. Постоянно наказывали на конюшнѣ и дворовыхъ, и крестьянъ, иногда по десяти человѣкъ заразъ, давая и по сто розогъ...

Но существовалъ обычай, издавна установленный, что наказанный долженъ былъ „благодарствовать за ученье“. Прежде всякій наказанный являлся къ барынѣ-княгинѣ или допускался въ ея аппартаменты, или просто ждалъ въ передней ея выхода, чтобы, упавъ въ ноги, благодарить. Иногда княгиня, забывъ, чѣмъ провинился рабъ и сколько „получилъ“, переспрашивала наказаннаго и говорила:

— Ну, помни! Вдругорядь еще больше получишь. Да я и не люблю, чтобы ученье даромъ пропадало. Если по малости дѣлый десятокъ разовъ нейметъ человѣка, то надо это толченье бросить и сразу до полусмерти отодрать. Тогда однимъ разомъ обученъ будетъ.

И бывало сплошь и рядомъ, что иной крѣпостной, нѣсколько разъ „получившій по малости“, то-есть по двадцати пяти и пятидесяти розогъ, ввиду того, что его „нейметъ“, наказывался жестоко, истязался... заболѣвалъ, иногда и умиралъ.

Въ „Симеоновѣ“, однако, сравнительно съ другими усадьбами и помѣщиками было еще ничего... За годъ бывало не болѣе двухъ жестоко наказанныхъ.

За послѣднее время княгиня почему-то рѣже прибѣгала къ розгамъ: или прощала, или прямо сдавала человѣка въ солдаты, а то ссылала въ Сибирь. Разумѣется, дворовые не очень рады были этой перемѣнѣ, такъ какъ розги были не наказаньемъ, а ученьемъ, а солдатство или ссылка были погибелью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наказанные на конюшнѣ перестали приходить къ княгинѣ и, лишь случайно встрѣтивъ ее, сами считали долгомъ, по-старому, благодарить.

Княжнѣ Аришѣ, самовольно распорядившейси съ Агаѳономъ, на умъ не пришло, что Агаѳонъ, бывающій въ домѣ, можетъ увидѣть бабушку и можетъ поступить по-старому обычаю.

Какъ на грѣхъ, такъ и вышло...

Княгинѣ вдругъ захотѣлось въ сумерки перетащить огромный шкафъ съ фарфоромъ изъ одной комнаты въ другую, и Иванъ Спиридоновичъ кликнулъ четырехъ человѣкъ дворовыхъ изъ прихожей.

— Ну, ты косой чортъ, благо силенъ,—сказалъ дворецкій, замѣтивъ наказаннаго парня,—иди тоже подсобить.

Агаѳонъ повиновался но, едва войдя къ барынѣ и завидя ее, тотчасъ повалился въ ноги и стукнулъ лбомъ въ полъ.

— Что ты?—удивилась княгиня.

— За ученье, матушка, спасибо тебѣ!

— Какое ученье?

— На конюшнѣ, матушка. Много благодарствую.

— Тебя наказывали?

— Какъ-же... какъ-же... Спасибо! Двадцать пять получилъ...

И Агаѳонъ, уже стоя на ногахъ, поклонился въ поясъ.

— Что врешь? Да еще самой княгинѣ!—вступился Иванъ Спиридоновичъ строго.—Двадцать, а не двадцать пять.

— Виноватъ... И то всѣ двадцать...—согласился Агаѳонъ, для котораго двадцать, семьдесятъ, сорокъ — вообще всякое число—представлялось чѣмъ-то туманнымъ.

Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что сорокъ больше, чѣмъ шестьдесятъ. „Сорокъ“ звучало для него какъ-то многознаменательнѣе...

А княгиня, между тѣмъ, стояла изумленная и почти розиня ротъ.

— Что такое?—вымолвила она, наконецъ.—Когда? за что его наказали? Кто посмѣлъ?

— По вашему приказанію, ваше сіятельство! — заявилъ дворецкій.

— Какъ по моему!.. Что ты? Очумѣлъ? Когда?

И княгиня взволновалась, такъ какъ тотчасъ-же поняла, что произошло нѣчто чрезвычайно важное, почти невѣроятное.

— Тебѣ приказала? Я приказала?..

— Княжна Арина Антоновна ваше приказаніе передала. Я распорядился...

— Вонъ отсюда!.. Всѣ!.. — вскрикнула княгиня... прибавила грозно дворецкому:—Аришу!.. Зови княжну!

Ариша пришла и, сильно струхнувшая, повинилась бабушкѣ, что была зла на Агафона и рѣшилась его поучить по собственной волѣ.

Княгиня ни слова не отвѣтила и задумалась, потомъ, посидѣвъ, выговорила глухо:

— Ступай къ себѣ... Не смѣй внизъ сходить! Покуда не прищлю, не позову—сиди у себя!

Ариша вышла, удивляясь, что легко отдѣлалась, но чрезъ часъ она ахнула, узнавъ чрезъ сестру, что просидитъ навер-

ху у себя вплоть до своего бракосочетанія. А когда оно произойдетъ—было еще совершенно неизвѣстно, такъ какъ Гаврикъ долженъ былъ вѣнчаться прежде нея съ Машей, а онъ заарестованъ Абдурраманчиковымъ. И, разумѣется, Ариша начала горько плакать...

Между тѣмъ, княгиня была поражена происшедшимъ, то-есть самовольствомъ внучки. Она все сообразила и разсудила на особый ладъ.

— Что-же это? Заживо меня похоронили! и родные внуки! Гаврюшка невѣсту самъ себѣ выбралъ, Аришка моихъ холоповъ сама поретъ... Чего еще ждать? Рафушка еще придетъ и меня по щекамъ бить начнетъ...

Было мгновеніе, что княгиня рѣшила было для примѣра наказать внучку розгами. Но затѣмъ, подумавъ, она отказалась отъ мысли.

— Въ намѣстничествѣ узнается. Кричать, черти, будутъ .. Скажутъ, невѣсту высѣкла. Да и Павлушка разобидится, скажетъ, поротая нареченная его. Ну, пусть сидитъ наверху!..

Однако, простой случай самоуправства внучки сильно подѣйствовалъ на расположеніе духа Арины Саввишны. Всѣ боялись, всякъ за себя, и „приступиться не смѣли“ къ ней цѣлыхъ два дня.

На третій день утромъ явился князь Семенъ съ вѣстями отъ отца и разсказами о городѣ. Всѣ обрадовались, что онъ „разговоритъ“ бабушку. Пріѣхавъ, онъ, конечно, прямо прошелъ къ ней...

Однако, вѣсти, привезенныя внукомъ, были далеко не радостныя, скорѣе—ни то, ни се... Такъ опредѣлила дѣло княгиня. Семенъ передалъ бабушкѣ отъ отца, что намѣстникъ и правитель дѣлъ, повидимому, совершенно готовы дѣйствовать въ его пользу. Но дѣйствовать еще не приходилось, такъ какъ Абдурраманчиковъ, несмотря на вызовъ, въ городъ еще не явился и даже не отвѣтилъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь объяснилъ бабушкѣ, что отецъ ничего не зналъ о требованіи маіора брака Гаврика съ его дочерью, такъ какъ три слова въ письмѣ княгини не разобралъ и прочелъ совсѣмъ иначе.

— Что-жъ, онъ читать разучился?—воскликнула княгиня.

Разумѣется, внукъ не посмѣлъ замѣтить, что бабушкины безграмотныя каракули разобрать мудрено, а бываетъ,—и совсѣмъ невозможно.

Затѣмъ Семенъ толково передалъ со словъ отца содержаніе его письма къ особѣ и другу въ Петербургѣ. Княгиня осталась вполнѣ довольна и содержаніемъ, и умѣлой передачей.

— Ничего! Ты у меня все-таки не совсѣмъ пентюхъ, — сказала она и погладила внука по головѣ, какъ маленькаго ребенка.

Таковое бывало рѣдко. Князь Семенъ былъ даже гордъ лаской бабушки.

— Ну, ступай, отдохни съ дороги! И я прилягу.

Князь Семенъ отправился къ женѣ и дѣтямъ, которыя у себя нетерпѣливо ожидали его, какъ если бы онъ долго былъ въ отсутствіи. Перецѣловавъ всѣхъ своихъ сотни разъ, Семенъ пошелъ наверхъ къ сестрамъ и къ Рафушкѣ... и имъ разсказалъ онъ всякое о своей поѣздкѣ, о городѣ, о знакомыхъ.

Всѣ слушали, разиня ротъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ никто ни единымъ словомъ не обмолвился о бѣдѣ съ Аришей. Всѣ рѣшили, пускай жена его ему скажетъ. А княгиня Марѳа, „немая", боялась и рѣшила: „пускай сама бабушка скажетъ"!

Однако повидавшись со всей семьей, князь замѣтилъ самъ на всѣхъ лицахъ что-то особенное. Какъ будто всѣ знали и думали что-то такое, что было ему неизвѣстно. Что касается сестры Арины, то Семенъ былъ даже нѣсколько озадаченъ. Онъ не могъ понять, какимъ образомъ заарестованіе брата Абдурраманчиковымъ, — а другихъ причинъ, собственно, не было,—могло такъ отразиться на ней. Ариша казалась похудѣвшей, съ унылымъ выраженіемъ лица.

XXV.

Всѣ терпѣливо дождались времени, когда Захарка, поднявшій флагъ, снова его опустилъ, такъ какъ главная горничная объявила ему, что княгиня поднялась съ постели и перешла въ свое кресло. Вскорѣ послѣ этого всѣ собрались въ столовую, затѣмъ вышла княгиня, и всѣ сѣли за столъ.

Такъ какъ Арина Саввишна, обыкновенно плохо дремавшая передъ обѣдомъ, на этотъ разъ заснула и выспалась крѣпко, то была въ хорошемъ расположеніи духа. Едва сѣли за столъ, какъ она, шутя, заявила, что, кабы въ ея власти, она-бы и третью парочку жениха съ невѣстой устроила.

— Найдися сейчасъ хорошій молодецъ для Катюши, мы-бы три свадьбы отпраздновали,—сказала она и, обратясь къ внучкѣ, прибавила;—нутка, Каточекъ, ты у меня молодецъ, недаромъ за парня, инъ бываетъ, проходишь, возьмись-ка, а я помогу! Нельзя-ли намъ раздобыть сейчасъ жениха?

— Коли вы, бабушка, пожелаете, — смѣло отозвалась Катюша, — такъ, понятно, найдется, только я-бы желала обождать!

— Вотъ какъ!

— Да, бабушка! Я вотъ погляжу, какъ Ариша будетъ супружествовать; коли хорошо, то и я приду васъ просить меня скорѣй замужъ выдавать.

— Ну, ну, ты не дѣвичьи рѣчи ведешь! Ужъ больно шустра!—строго отозвалась княгиня.

И послѣ недолгой паузы Арина Саввишна заговорила поучительно:

— Думы думать о женихѣ дѣвицѣ не возбраняется, но разсуждать за кого ей итти, выбирать мужа—и грѣхъ предъ родителями, и срамъ предъ людьми. Эдакая дѣвица—казакъ, запорожецъ!..

А я-то сама? Я то? съ княземъ моимъ въ Москвѣ?"—подумала она и внутренно усмѣхнулась.

— Всякимъ брачнымъ сочетаніемъ руководительствуютъ родители или ихъ замѣстители, — вотъ какъ генеральша съ Машенькой,—продолжала княгиня „переливать изъ пустого въ порожнее", какъ думали теперь про-себя всѣ ея слушатели.— Да. Пріѣдетъ вотъ въ домъ, къ примѣру, женихъ или невѣста, какъ вотъ Павлуша или Машенька теперь здѣсь... И, покуда молодецъ и дѣвица не станутъ нареченными, то и виду никакого не должны показывать, хотя не только ихъ родителямъ, но и имъ самимъ все хорошо извѣстно. Дѣло старшихъ все разсудить, какъ и что, и когда. А дѣло дѣтей покоряться, не разсуждая, и, прежде всего помалкивать. Зато ихъ долгъ желать отъ всей души и всего сердца и стараться, чтобы другъ дружкѣ приглянуться. Поймите вы тоже, какъ я вамъ сказывала не разъ, что ликъ человѣческій—плевое дѣло. Что красавица, что красавецъ, что худорожіе—все одно; всѣ по образу и подобію Божію. Чтобы быть женой да мужемъ, красоты не требуется; требуется здоровьѣ. А вы всѣ, мои внуки, слава Богу, никогда не хворали. Что мало иной похожъ на Бову-королевича, а иная на царевну Миликтрису, то уже на взыщи. Что дѣлать! А главная сила въ томъ, чтобы не засѣсть вашей сестрѣ въ дѣвкахъ, а выйти безпремѣнно замужъ, за кого-бы ни было!

„Хотя за чорта!" — подумала про себя княжна Катюша и невольно глубоко вздохнула.

— Чего вздыхаешь? - сурово спросила княгиня.

— Бабушка, всю жизнь свою прожить съ супругомъ, который тебѣ на подошелъ...

— Полно врать, „не подошелъ!" Дай ему прійти сюда, тогда и разсуждай! Онъ еще и не входилъ, а она ужъ болтаетъ о томъ, что не подошелъ! Прямо дура!

И затѣмъ послѣ паузы княгиня еще угрюмѣе произнесла:

— Не подойдетъ, такъ я „подведу!" А ты мнѣ — внука! Въ заповѣдяхъ Божьихъ, знаешь, что писано? Чти отца твоего и матерь твою... и бабушку твою, и дѣдушку всѣмъ своимъ сердцемъ. А не будешь чтить, какъ подобаетъ, то сейчасъ и погибнешь. Такъ и сказано: долговѣченъ, молъ, не будешь, сейчасъ помрешь! Ты заповѣдь-то эту не знаешь?

— Знаю, бабушка! Пятая!—отозвалась Катюша и мысленно прибавила: „Только про тебя-то въ ней ничего нѣтъ!“

— То-то, пятая! Ты по ней вотъ и поступай теперь. „Не подошелъ!“—проговорила княгиня какъ-бы себѣ самой.—Почемъ ты знаешь? Можетъ, твой покойный дѣдушка тоже мнѣ не очень подошелъ? Я была дѣвица-огонь. Бой-дѣвица! Всѣ семь степныхъ вѣтровъ меня подхватывали да по воздухамъ носили! Прыгала козой, пѣла соловьемъ, плясала такъ, что старыхъ людей морозъ по кожѣ пробиралъ. Да вотъ и тебя, коли соберусь, единымъ мигомъ повѣнчаю!

— Прикажите мнѣ, княгиня, — вдругъ вступилась генеральша Бокъ, — я отлучусь на недѣльку, а пріѣду обратно свахой.

— Вотъ какъ? Прытка больно, ваше превосходительство!—отвѣтила княгиня сухо.

— Даю вамъ слово, все устрою. Есть у меня и не одинъ, а два на примѣтѣ. И того, и другого не боюсь вамъ представить, увѣрена, что они оба вамъ понравятся.

— Почему-же ты это думаешь, мать моя, и даже увѣрена такъ въ себѣ? Ты любишь окрошку?

— Чего-съ?—не поняла генеральша.

— Окрошку, говорю, любишь?

— Нѣтъ, княгиня, вы знаете.

— Блины любишь?

— Нѣтъ!—отвѣтила генеральша, продолжая удивляться.

— Жару лѣтомъ любишь?

— Нѣтъ! Я въ жару помираю...

Всѣ сидѣвшіе за столомъ, тоже нѣсколько удивленные, глядѣли то на княгиню, то на гостью, ничего не понимая, какимъ образомъ разговоръ изъ серьезнаго перешелъ на пустой. И, кромѣ того, княжна Катюша насмѣшливо поглядывала на брата Семена, и глаза ея говорили только что пріѣхавшему брату:

„Начинается! Еще вчера на волоскѣ висѣло. И вотъ пошло было за здравіе, а съѣхало за упокой. Вотъ сейчасъ пальба и пойдетъ.

Но князь Семенъ уже догадался, въ чемъ дѣло, и выговорилъ, стараясь придать голосу веселый оттѣнокъ:

— Такъ точно, бабушка! Правда ваша истинная.

Княгиня искоса глянула на внука, неувѣренная въ томъ, что онъ знаетъ, что говоритъ.

— Да-съ, да-съ, правда! Такое вотъ въ жизни очень много значитъ.

— А ты что, голова, понялъ-то?—обернулась въ его сторону Арина Саввишна, покачивая головой.

— Понялъ, бабушка! Отмѣнно понялъ! Вы вотъ окрошку да блины жалуете, а самыми жаркими лѣтними днями очень

довольны. Вотъ, стало-быть, выходитъ, кто какъ что судитъ. Даже самые пустяки, не только что важное.

— Скажи на милость!—удивилась княгиня.—Ты, видно, недаромъ въ городѣ побывалъ, навострился!

И она снова веселѣе улыбнулась.

— Правда. Догадался! Такъ вотъ, ваше превосходительство,—снова повернулась княгиня къ генеральшѣ,—поняли и вы теперь, что, коли мы можемъ быть съ вами разнаго мнѣнія насчетъ окрошки или жаренаго гуся или какого хотя-бы цвѣточка, то какъ-же мы съ вами сойдемся въ разсужденіи относительнаго молодого человѣка, долженствующаго быть мужемъ моей внучки? Ваши два молодца,—самые якобы хорошіе на все намѣстничество, станемъ даже говорить, на всю Россійскую Имперію,—на мои глаза могутъ оказаться... тьфу!—вотъ чѣмъ!

— Да, это—правда,—отвѣтила сухо генеральша.—Я, вѣдь, позабыла, что на ваше сіятельство угодить и самъ Господь Богъ не можетъ. Пробовалъ—да не смогъ!

— Я ужъ это отъ васъ, ваше превосходительство, не разъ слыхала и вамъ всегда отвѣтствовала, что чѣмъ человѣкъ глупѣе, тѣмъ онъ легче угождается, тѣмъ легче всѣмъ на него потрафитъ. А я дурой никогда не была.

— Да и я, простите, никогда въ дурахъ не состояла!—отвѣтила генеральша.—И вырядить меня въ оныя трудно.

— Да я васъ и не выряжаю!—Это вы другихъ, нѣтъ-нѣтъ, да стараетесь... Ну, да что!—махнула рукой княгиня и, обратясь къ внуку, прибавила:—разскажи намъ что-нибудь про губернію? Ну, что тамъ дворяне, олухи, обалдуи? Все ѣздятъ въ гости?

— Точно такъ, бабушка!

— Такъ-таки и ѣздятъ? Всякій день? Дома не сидится?—разсмѣялась княгиня.

— Нѣтъ, бабушка.

— То одни къ другимъ въ гости, то другіе къ третьимъ, а третьи къ четвертымъ? Такъ, вѣдь?

— Такъ бабушка!

— Такъ и гоняютъ изъ улицы въ улицу?

— Точно такъ-съ!—однозвучно отвѣчалъ князь и улыбался.

— И сидятъ за полночь?

Князь Семенъ, улыбаясь, промолчалъ.

— Отвѣчай, коль тебя спрашиваютъ!

— Сидятъ, бабушка. Какъ сами изволите знать. Все то-же...

— И въ карты играютъ?

— Играютъ, бабушка!

Княгиня разсмѣялась презрительно, покачала головой, потомъ сложила руку въ кулакъ, слегка хлопнула по столу и выговорила со вздохомъ:

— Господи Боже, Царь небесный! И будь это моя воля, и что-бы я это съ ними сдѣлала! Даже себѣ изобразить не могу! Будь это я намѣстникъ—и то-бы кое-что сдѣлала. А будь это я царица, да чтобы я надѣлала!

— Да, ужъ будь вы царицей,—раздался голосъ генеральши,—вы-бы управили Россійской Имперіей!

— Да ужъ, матушка-генеральша, управила-бы!

— То-то, управили-бы...—заволновалась Бокъ.

— То-то, то-то, управила-бы ..

— То-то и я говорю. Управили-бы почище, чѣмъ Великая Екатерина Алексѣевна.

— Да, почище. Она на олуховъ зѣло добра была. У меня-бы пожалуй, голубушка моя, Россія-то очутилась въ Сибири, а Сибирь-то въ Россіи. А болтуны всякіе и упрямые артачки, тѣ-бы у меня очутились въ мѣшкѣ и въ самомъ морѣ-океанѣ. А ужъ вотъ этихъ олуховъ Царя небеснаго—губернскихъ дворянъ, которые шатаются отъ зари до зари изъ дома въ домъ, да сидятъ за полночь и только и знаютъ, что одинъ картежъ, изъ нихъ армію собрала бы и послала-бы ихъ воевать съ крымцами или съ турками.

— Крымцевъ, княгиня, ужъ завоевали!—отозвалась генеральша, продолжая волноваться.

— Знаю, мать моя! Не учи!

И затѣмъ, какъ-будто снова вспомнивъ, что она обѣщала себѣ долготерпѣніе по отношенію къ строптивой гостьѣ, княгиня снова махнула рукой въ сторону, гдѣ сидѣла генеральша, и снова обернулась къ внуку, и стала его разспрашивать насчетъ нѣкоторыхъ своихъ давнишнихъ знакомыхъ, которые изрѣдка бывали у нихъ въ гостяхъ. Она вспомнила, что сынъ писалъ ей, съ кѣмъ послалъ свое письмо въ Петербургъ, и теперь вдругъ выговорила:

— Ну, а что онъ? Какъ? Рубаковъ?

— Ничего... Постарѣлъ малость, бабушка.

— Ну, а сынокъ его, второй... Мой любимецъ.

— Ничего-съ! Я его мелькомъ видѣлъ.

— Вѣдь, ему теперь ужъ много лѣтъ?

— Лѣтъ двадцать съ хвостикомъ.

— Помню его хорошо! Давно не былъ онъ у насъ. Какъ его звать? Ванькой, кажется?

— Иваномъ, бабушка,

— Слушай-ка ты, Каточекъ, — обернулась княгиня къ внучкѣ:—помнишь ты Рубакова Ваньку?

— Плохо помню, бабушка! Кажется, косой и курносый!

— Нѣтъ, нѣтъ, что ты!—отозвался Семенъ.

— Хромъ на одну ногу!—прибавила Катюша.

— И опять вздоръ! Откуда ты берешь это?

— Одна рука длиннѣе другой! Вотъ какъ у Ивана Спиридоновича!—продолжала дѣвушка.

— Да, ты вотъ что!—догадался князь, понявъ, что сестра, какъ бывало иногда, „шалитъ словами“.

Обѣдъ уже приближался къ концу, когда вдругъ среди молчанія, наступившаго, благодаря молчаливости и задумчивости княгини, раздался голосъ генеральши, обратившейся къ ней очень рѣзко:

— А я къ вамъ съ просьбой, ваше сіятельство, отъ себя, отъ Машеньки и отъ всѣхъ вашихъ внуковъ и даже правнуковъ.

Всѣ присутствующіе, ничего генеральшѣ не поручавшіе, уставились на нее удивленными глазами. Княгиня замѣтила это, равно замѣтила странный оттѣнокъ голоса гостьи, какъ если-бы она сдерживалась отъ гнѣва.

„Разобидѣлась и придирается!“—подумала княгиня.—„Этого, сударушка, никому не позволю“.

И она спросила тихо:

— Какая такая просьба?

— Простите Аришу. Ей, какъ взрослой дѣвицѣ да еще невѣстѣ, совсѣмъ не приличествуетъ сидѣть взаперти, когда женихъ въ домѣ.

— А-а? Вотъ что...—ворчнула княгиня.—Ну, такъ я вамъ, вашему превосходительству, доложу, что въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ... а тѣмъ паче, если монастырь первостатейный и знатный, а непрошенный уставщикъ—птичка-невеличка, по-просту сказать,—мелкота!

— Впервой слышу это!—раздражительно смѣясь, воскликнула Бокъ. — Чудеса! Вдова генералъ-поручика — мелкота... Охъ, шутница же вы!.. Мертвыхъ разсмѣшить можете, княгинюшка!

Лицо княгини начало темнѣть... Всѣ сидящіе за столомъ оторопѣли и притихли. Очевидно, гроза надвигалась.

— Генераломъ всякій капралъ и сержантъ можетъ стать,—заговорила княгиня,—только тяни лямку. Бываютъ генералы и изъ инородцевъ съ чудными прозвищами... Будто побочные, а не истинные... Генералы съ боку-припека, госпожа генеральша Бокъ.

Всѣ встрепенулись и внутренно ахнули отъ „острословія“ бабушки.

— А невѣстой Ариша ничьей еще покуда не состоитъ,—продолжала княгиня.—Одни разговоры нельзя почесть какъ бы обыскомъ или обрученьемъ. Точно тоже скажу и про Гаврика... И онъ еще не женихъ...

— Это я знаю... и его перестала таковымъ и считать... Онъ въ захватѣ, въ чуланѣ, на хлѣбѣ и на водѣ у вашего сосѣда, у великой птицы, маіора, который, кому хочетъ, тому носъ и утретъ.

— Мнѣ никто никогда носа не...—начала княгиня глухимъ голосомъ, но расходившаяся Бокъ перебила ее:

— Утирали, княгиня, утирали!..

Наступило гробовое молчаніе на мгновенье.

— Ну, что же съ вами подѣлаешь? — раздался тотъ же сдавленный гнѣвомъ голосъ княгини.—Горбатаго могила исправитъ... Иныхъ учить—что мертвыхъ лѣчить! — и, обратясь къ дворецкому, она прибавила: — Иванъ Спиридоновичъ! Генеральша Бокъ и ея побочная дочка отъѣзжаютъ. Прикажи скорѣе закладывать ихъ лошадей и...

— Машенька! поди доклади въ чемоданы достальное,— перебила княгиню генеральша. — Мы живо княгиня. Съ утра все уложено. Наскучило чуланнаго жениха высиживать.

И, не дожидаясь, чтобы хозяйка поднялась съ своего мѣста, Бокъ отодвинулась и встала изъ-за стола... Всѣ были болѣе грустны, чѣмъ смущены. Машенька встала за матерью, обливаясь слезами. У Катюши тоже были слезы на глазахъ. Рафушка, румяный, даже красный, какъ ракъ, тяжело дышалъ, глядя на невѣстку Марѳу, но глаза его заблистали радостью. И только одна „нѣмая“ княгиня Марѳа знала, чѣмъ счастливъ отрокъ.

Генеральша въ сопровожденіи воспитанницы вышла изъ комнаты, но княгиня, хотя обѣдъ кончился, продолжала сидѣть... И всѣ притихнувъ, сидѣли въ ожиданіи, на комъ изъ нихъ сейчасъ „отколотится“ колотушка, полученная бабушкой.

— Но вдругъ княгиня засмѣялась, качая головой, и выговорила:

— Вотъ и пускай въ домъ всякую шушеру, дворянокъ, прозывающихся: бокъ, бедро, поясница, а то и просто...

И княгиня выпалила самое грубое наименованіе части человѣческаго тѣла.

Чрезъ часъ генеральша съ Машей съѣзжали со двора усадьбы, но ихъ никто не провожалъ, проститься съ ними было запрещено... Внуки и внучки глядѣли изъ мезонина въ окна чрезъ двойныя рамы. И только Катюша высунулась въ форточку и, плача, крикнула во дворъ:

— Прощай, Маша. Дай Богъ тебѣ счастья!

XXVI.

Князь Антонъ Семеновичъ все „у моря погоды ждалъ“, такъ какъ новаго не было ничего, кромѣ двухъ обстоятельствъ.

Первое новое обстоятельство заключалось въ томъ, что пріѣзжавшій на сутки сынъ разсказалъ ему подробно свое свиданіе съ Абдурраманчиковымъ и объяснилъ, что тотъ измыслилъ „опороченье“ Гаврикомъ его дочери Елисаветы и тре-

буетъ брака... Оказалось, что князь три слова въ запискѣ матери прочелъ совсѣмъ иначе. До сихъ поръ у него была только догадка, что маіоръ затѣваетъ выдать дочь за своего узника. Вторая новость, отчасти важная, было сдѣланное княземъ знакомство съ самой Розой Эриховной Шкильдъ... А чрезъ день послѣ побывки сына князь поднесъ этой женщинѣ чудный перстень съ большимъ изумрудомъ и крупными брилліантами, цѣною въ тысячу рублей. Разумѣется, князь и Роза были уже друзьями. Антонъ Семеновичъ ужъ раза четыре побывалъ у шведки, причемъ одинъ разъ вечеромъ одновременно съ Серафимомъ Ефимовичемъ.

Госпожа Шкильдъ не даромъ провела всю свою жизнь, изощряясь въ искусствѣ нравиться мужчинамъ. И князь, продолжая въ разговорѣ съ знакомыми называетъ ее и Рожей, и Роской, и паскудницей—мысленно и тайно говорилъ себѣ:

— Дама еще очень и очень пріятная... Не даромъ въ столицѣ всегда пребывала, обходилась и обошлась... Сущая генеральша или хоть княгиня.

Разумѣется, нѣкотораго рода увлеченіе Розой Эриховной въ такомъ человѣкѣ, какъ скромный и степенный Антонъ Семеновичъ, доказывало, что шведка приложила всякія старанія понравиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и умѣла это сдѣлать.

— Неужто, если я захочу,—спросила она себя послѣ перваго визита князя,—если захочу, то все-таки не разожгу этого хрыча? Пустое!.. съ слѣдующаго раза начну подпаливать.

И князь теперь былъ дѣйствительно немножко подпаленъ, и, не будь онъ крайне остороженъ и сдержанъ съ друзьями и знакомыми въ городѣ, то, пожалуй-бы „гарью запахло“, кой-кто и догадался бы, какъ онъ относится къ Розѣ Эриховнѣ, всѣми презираемой.

А если-бы княгиня могла таковое провидѣть и узнать, то уже, конечно, съ ней-бы параличъ приключился...

Не будь на свѣтѣ княгини, будь Антонъ Семеновичъ вполнѣ самостоятеленъ да задержися подолѣе въ городѣ, то Богъ знаетъ, что случилось-бы...

Роза быстро сообразила и разсудила, что князь—вдовецъ, какъ и Звѣревъ, но ему пятьдесятъ лѣтъ, а „Серафимчику“ ея — всѣ семьдесятъ; а состояніе князя, конечно, въ десять разъ превышаетъ средства ея хрыча. Но Роза Эриховна наивно судила, ибо не знала и даже во снѣ не видала, какова барыня-маменька этого князя и какія между ними отношенія.

Впрочемъ, любезничая съ „намѣстницей“, князь не забывалъ и дѣла. При помощи женщины, онъ настоялъ, чтобы маіора вторично вызвали, уже оффиціально, къ отвѣту въ самое управленіе. Конечно, „подпалившая“ князя госпожа Шкильдъ обѣщала ему, что дерзкаго нахала Абдурраманчи-

кова скрутятъ, наконецъ, такъ, что онъ долго будетъ помнить и смирно сидѣть.

Повидавъ, однако, князя еще раза два, три, шведка, хорошо знавшая людей, видавшая виды, уже дѣйствовала въ пользу князя только ради полученнаго перстня... Поползновенья свои она покинула, рѣшивъ, что въ князѣ обманулась...

— „Это—мокрая курица!“—сказала она себѣ.

Прошло болѣе десяти дней послѣ второго вызова, а маіоръ Абдурраманчиковъ, несмотря на требованіе канцеляріи и даже, по словамъ Ѳомы Ѳомича, строгое требованіе явиться въ городъ, не пріѣзжалъ. Наконецъ, однажды, уже собираясь домой навѣдаться и уставши отъ безцѣльнаго пребыванія въ городѣ, князь случайно прослышалъ, что сынъ маіора, Петръ Романовичъ, появился въ городѣ.

Заѣхавъ снова къ намѣстнику съ визитомъ, князь очень удивился, узнавъ, что ему о присутствіи молодого Абдурраманчикова было неизвѣстно. Повидавъ Ѳому Ѳомича, князь узналъ то-же самое. И правитель дѣлъ ровно ничего не вѣдалъ о появленіи въ городѣ молодого человѣка.

Черезъ три дня Антонъ Семеновичъ уже навѣрное зналъ, что Абдурраманчиковъ-сынъ много разъѣзжаетъ, какъ-бы что-то стряпаетъ и хлопочетъ. Намѣстникъ зналъ, что молодой человѣкъ въ городѣ. Ѳома Ѳомичъ заявилъ, что тоже слышалъ объ его прибытіи, но въ глаза не видалъ. Слѣдовательно, молодому человѣку не было указа отъ отца предстать отвѣчать за него, и онъ явился какъ-бы самъ по себѣ, частнымъ образомъ.

Между тѣмъ, молодой человѣкъ въ дѣйствительности пріѣхалъ въ городъ по тому-же дѣлу, по приказанію отца, и дѣятельно хлопоталъ. Но, пока князь былъ въ полномъ душевномъ согласіи съ намѣстникомъ и правителемъ дѣлъ, благодаря его новымъ дружескимъ отношеніямъ съ Розой Эриховной, Абдурраманчиковъ не видѣлъ никого изъ этихъ трехъ важнѣйшихъ лицъ губерніи.

Дѣйствуя съ точнымъ исполненіемъ приказа отца, маіора, довольно ловкій молодой человѣкъ началъ „ходъ“, съ совершенно другого конца, который считался его отцомъ настоящимъ...

Едва пріѣхавши въ городъ, Петръ Абдурраманчиковъ отправился въ гости къ самой Ѳедосьѣ Ивановнѣ Кизильташевой, какъ гласилъ ея новый документъ, состряпанный въ намѣстничествѣ тому назадъ нѣсколько лѣтъ. Иначе говоря, онъ отправился къ той дворовой дѣвченкѣ князя Татева, Ѳедоськѣ, которую когда-то выкралъ его отецъ и которая прожила въ его усадьбѣ года три.

Прежняя крестьянка Ѳедосья Севастьянова была городская мѣщанка Ѳедосья Ивановна Кизильташева. Въ городѣ она была извѣстна подъ именемъ „крымки“. Чрезвычайно красивая

собой, съ восточнымъ типомъ лица, чудомъ или самородкомъ появившаяся на свѣтъ въ простой русской деревнѣ, Ѳедоська была всегда умна отъ природы, а теперь, послѣ всѣхъ передрягъ, черезъ которыя прошла, знала многое, понимала все, хорошо знала даже „правленскія“ дѣла. Дворяне—обыватели города — были ея большими друзьями и давали ей, конечно, средства къ жизни.

Ѳедосья Ивановна жила на хорошей квартирѣ, у нея тоже водились шелковыя платья и перстни, и другія золотыя украшенія, не хуже, чѣмъ у барынь-дворянокъ, и только хуже тѣхъ, что водились у „знатной“ Розы Эриховны.

Живя когда-то въ усадьбѣ Абдурраманчикова, Ѳедоська была въ большой дружбѣ съ молодымъ Петромъ, и, если эта дружба не перешла извѣстныхъ границъ, то исключительно отъ того, что молодой человѣкъ былъ сравнительно строгихъ правилъ и человѣкъ богобоязненный, старавшійся исполнять христіанскій долгъ. Зато настоящая дружба возникла и осталась между ними.

Съ тѣхъ поръ, что крестьянская дѣвченка стала якобы крымкой, жила въ городѣ въ довольствѣ, отчасти даже широко, Петръ Романовичъ былъ у нея нѣсколько разъ и зналъ такъ-же, какъ и отецъ, какое значеніе нежданно и недавно возымѣла самодѣльная крымка.

Пріѣхавъ въ городъ и тотчасъ явившись къ другу Ѳедосьюшкѣ, Абдурраманчиковъ узналъ отъ нея, что все въ ея дѣлахъ обстоитъ по-старому, что она попрежнему въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ г. Горстомъ. Больше Абдурраманчикову знать было и не нужно. Это было главное.

Ѳедоська напомнила, однако, молодому малому, что это — великая тайна и что, помимо его, она никому объ этомъ не говоритъ, старается даже слова не проронить. Абдурраманчиковъ успокоилъ пріятельницу, что онъ тоже никому слова объ этомъ не проронитъ и что болтовня съ его стороны можетъ повредить ему-же самому и его дѣлу.

И тотчасъ-же онъ передалъ Ѳедосьѣ все свое дѣло, разсказалъ какъ и за что его отецъ заарестовалъ у себя въ усадьбѣ князя Гаврика; затѣмъ онъ передалъ ей подробно, какъ дѣйствовалъ и теперь дѣйствуетъ въ городѣ князь Антонъ Семеновичъ. То, что онъ передалъ о князѣ, было настолько вѣрно, что можно было-бы подумать, что Абдурраманчиковъ за все это время сидѣлъ въ городѣ, чтобы слѣдить за княземъ, и ходилъ за нимъ по пятамъ, слушалъ даже его разговоры съ глазу на глазъ съ Ѳомой Ѳомичемъ или съ Розой Эриховной.

Ѳедоська, выслушавъ все, сморщила свои красивыя брови, пристально уставилась своими ярко блестящими глазами на Петра и нѣсколько сумрачно молчала, обдумывая все.

— Что же?—произнесъ, наконецъ, Абдурраманчиковъ.

— Что?!—повторила Ѳедоська. — Ничего. Понятное дѣло! Нечего вамъ и Роману Романовичу тревожиться. Я, что захочу, то и сдѣлаю! Для меня Роза Эриховна, Ѳома Ѳомичъ и Серафимъ Ефимовичъ,—все это...

Ѳедоська сдѣлала движеніе обѣими руками съ растопыренными пальцами, какъ-бы играя пескомъ или какой трухой.

— Вотъ возьму,—прибавила она, — этакъ, да все и перетрясу!

— Да правда-ли, Ѳедосьюшка? Такъ-ли это?

Молодая дѣвушка разсмѣялась звонко и отчасти грубовато. Мужичка сказывалась въ ней часто, именно въ смѣхѣ и въ особенности при оживленіи.

— Ну, вотъ заѣзжай Петръ Романовичъ, черезъ денекъ или черезъ два, и я тебѣ отвѣтъ дамъ.

— Ну, а скажи мнѣ, нужно-ли мнѣ, какъ совѣтуетъ одинъ пріятель, все-таки побывать у Розы Эриховны, представиться? Ни о чемъ ей не говорить, а только посидѣть у нея и разныя лакомыя слова насказать, а потомъ уже, въ случаѣ нужды, поднести ей, какъ всѣ другіе... браслетикъ, что-ль?

— Зачѣмъ?—спросила Ѳедоська.

— Какъ зачѣмъ? Понятно! Денегъ она не беретъ. Она принимаетъ дамскія украшенія, а затѣмъ ихъ отдаетъ обратно въ магазинъ Гершельмана и получаетъ съ него чистыми червончиками. Сказываютъ, у него есть большое брилліантовое запястье, которое Розѣ Эриховнѣ уже семь разъ подносили. И семь-то разъ это самое запястье странствовало изъ магазина къ ней въ домъ, а отъ нея въ магазинъ.

— Можетъ, и правда!—отозвалась Ѳедоська. — Но, вѣдь, и врутъ здорово! Про меня тоже сказываютъ, что у меня такія дѣла съ Гершельманомъ водятся. А, ей Богу-же, это — вранье! Что у меня есть, дареное, какъ было, такъ при мнѣ и осталось.

— Такъ ѣхать-ли мнѣ къ Розгѣ Шариковнѣ?

— Не за чѣмъ, Петръ Романовичъ! Плевать тебѣ на нее, на телятину!

— Да такъ-ли?

— Такъ! И такъ-же, какъ и мнѣ! Да ты—человѣкъ умный, разсуди самъ! Я скажу словечко моему Якову Абрамычу, онъ скажетъ словечко этой Розгѣ, и словечко „указательное, а не просительное“, какъ Горстъ самъ говоритъ; а она прикажетъ этой старой крысѣ Серафиму, а Серафимъ волчкомъ завертится на вашу пользу. Ну, стало быть, что-же толковать? Хочешь ты, Петръ Романовичъ, самъ повидаться и познакомиться съ Яковомъ Абрамычемъ, то пожалуй завтра ко мнѣ ввечеру. Только помни: бесѣдуй о всякомъ прочемъ, а о своемъ дѣлѣ ни полъ-словечка! Этого онъ не любитъ. И онъ, и

я, мы, Петръ Романовичъ,—смѣкай-ка—въ сторонкѣ отъ всякихъ правленскихъ дѣлъ. Мы—тише воды, ниже травы. Мы знать ничего не знаемъ да и видаемся раза два въ мѣсяцъ. Потому все-таки—смѣкай—узнаетъ Роза Эриховна, что Яковъ Абрамычъ съ ней разсуждаетъ по-командирски, а у меня вотъ тутъ въ ногахъ ползаетъ, такъ ты самъ понимаешь, что изъ всего этого выйдетъ. Избави Богъ, въ губерніи пройдетъ слухъ, что многое, что въ правленскихъ дѣлахъ творится, по моему, выходитъ, желанію творится. Если доподлинно разслѣдуютъ все, то я улечу отсюда, куда Макаръ телятъ не гонялъ, а за мной улетитъ и самъ Горстъ, такъ какъ Ѳома Ѳомичъ бухнетъ все Серафиму, а старый хрычъ съ ревности способенъ турнуть и Розочку свою. Понимаешь, Петръ Романовичъ, что изъ всего выйдетъ? Столпотвореніе вавилонское!

— Все это я, Ѳедосьюшка, отлично, лучше тебя понимаю,— сказалъ Петръ,—и съ моей стороны, будь спокойна, никакой прорухи не приключится. Разумѣется, я-бы желалъ познакомиться съ самимъ твоимъ Горстомъ.

— Ну, такъ тогда на-дняхъ и пожалуй, только помни: о дѣлѣ съ нимъ ни словечка! А то его этимъ даже и перепугаешь. Его хата съ краю, какъ и моя тоже. Мы ничего знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ!

Конечно, все, что Ѳедоська сказала Абдурраманчикову, она, собственно, предсказала. Да иначе и быть не могло.

Повидавшись съ чиновникомъ Горстомъ, своимъ лучшимъ другомъ, не потому, что онъ ей давалъ много подарковъ (средствъ у него почти не было), а потому, что онъ былъ, дѣйствительно, первый красавецъ во всемъ городѣ, Ѳедоська только передала ему все это дѣло, съ которымъ являлся къ ней Абдурраманчиковъ.

Она настолько привыкла къ разнымъ важнымъ дѣламъ и въ томъ числѣ къ судейскимъ дѣламъ, что объяснила новое кляузническое дѣло между княземъ Татевымъ и Абдурраманчиковымъ почти лучше и толковѣе, нежели самъ князь объяснилъ это когда-то Ѳомѣ Ѳомичу.

Намѣстническій чиновникъ, не классный, а по вольному найму, выслушавъ все, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, заявилъ, что это „тягательство“ мудреное и врядъ-ли можетъ быть рѣшено въ пользу Абдурраманчикова.

— Ну, а мое дѣло?—заявила Ѳедоська.—Я-то изъ православныхъ крестьянокъ стала чуть не туркой, и вонъ бумага въ сундукѣ лежитъ о томъ, что я въ Крыму родилась. Это ничего, по вашему? Ну, ты какъ тамъ знаешь, а дѣло это—моихъ Абдульчиковъ, отца и сына—мнѣ обдѣлай.

— Постараюсь, Ѳедосьюшка, только говорю, мудрено. Ты была холопкой, а теперь онъ захватилъ князя-дворянина. Да и зачѣмъ? Нешто въ такихъ дѣлахъ силкомъ дѣйствуютъ?

Ѳедоська разсердилась и заявила пріятелю, что она прямо требуетъ, чтобы дѣло было рѣшено въ пользу маіора.

— У меня,—сказала дѣвушка,—только и есть два человѣка на свѣтѣ, которыхъ я люблю: маіоръ Романъ Романовичъ и сынъ его Петръ Романовичъ. Они—мои благодѣтели, въ особенности Романъ Романовичъ.

— А меня-то забыла?—произнесъ Горстъ.

— Не забыла! А коли не обдѣлаешь мнѣ этого дѣла, то забуду.

— Какъ такъ?

— Да такъ! И пускать къ себѣ не стану.

— Что ты Ѳедосьюшка!

— Ничего я! Говорю тебѣ толкомъ, — твердо и грозясь произнесла дѣвушка:—если это дѣло да не рѣшится въ пользу Романа Романовича, то ты ко мнѣ ноги не ставь! Ступай къ этой Шариковнѣ и дѣлай, что знаешь, хотъ отдуй эту коровищу, прямо-таки побей по мордѣ! А лучше всего разозли ее, обозли такъ, чтобы на стѣны лѣзла, и въ эфтомъ самомъ видѣ, въ разозленномъ, выпусти или самъ, что-ли, довези до Серафимки, чтобы она со зла и его вздрючила. Тогда и онъ все тотчасъ на бумагѣ напишетъ и порѣшитъ.

— Эхъ, Ѳедосьюшка! Легка ты на словахъ! По-твоему, взялъ бумагу, перо, настрочилъ—и всякому важному, государскому дѣлу конецъ.

— А то нѣтъ?!—воскликнула Ѳедоська.

— Понятно, нѣтъ! Такія дѣла изъ губерніи идутъ въ столицу. Даже больше скажу: такія дѣла могутъ до царя-государя доходить. А дойдетъ этакое дѣло до всероссійскаго императора, да посмотритъ онъ на это дѣло инако, чѣмъ ты и я, увидитъ, что князья Татевы терпятъ кровныя обиды отъ сосѣда Абдурраманчикова вотъ уже сколько лѣтъ, и знаешь, что будетъ? — улетимъ мы всѣ: ты, я, Роза Эриховна, Галушка, Звѣрюшка — всѣ, какъ есть, и улетимъ туда, куда Макаръ никогда никакого желанія не имѣлъ телятъ гонять, зная, что туда вовѣки вѣковъ не загонишь никакую скотину.

Ѳедоська начала все пуще сердиться, капризно, прихотливо и, какъ всегда бывало, начала плакать. И Горстъ, какъ бывало тоже всегда, сталъ передъ ней на колѣни, началъ цѣловать ея руки и просить успокоиться.

— Говорю тебѣ, все сдѣлаю! Даже себя не пожалѣю. Розу эту такъ настрекаю, что она у меня кубаремъ покатится къ Серафиму Ефимовичу! Я-то, пойми, все сдѣлаю. Я только тебѣ сказываю, что мудрено это дѣло. Пойми! А орудовать буду, вотъ тебѣ Богъ!

И Горстъ перекрестился.

— И чего крестится! Вѣдь, сказываютъ, ты ее крещеный жидъ!—вскрикнула вспыльчиво Ѳедоська.

— Ну да! Ты всегда такъ. Только-бы обижать!

— Не обижаю я, а мерзопакостно это и Господу Богу противно. Прежде окрестись, а потомъ божись и крестное знаменіе на себя клади.

— Сказывалъ я тебѣ тысячу разъ, что я крещеный!

— Сказывалъ?! — капризно вскрикнула Ѳедоська. — Я на твоихъ крестинахъ не была.

Понемногу Горстъ успокоилъ свою возлюбленную и снова поклялся на всѣ лады, что тотчасъ „со всѣхъ концовъ“ примется за Розу Эриховну.

XXVII.

Дѣйствительно, въ тотъ-же вечеръ, но уже около полуночи, Горстъ сидѣлъ у своей второй возлюбленной, отъ которой только что уѣхалъ Звѣревъ. Онъ говорилъ, конечно, съ ней о дѣлѣ князя Татева и Абдурраманчикова. Бесѣда эта была похожа на утреннюю, съ той только разницей, что вскрикивалъ, капризничалъ, бранился и грозился красавецъ „Яша“, сидя въ томъ самомъ большомъ креслѣ, въ которомъ всегда садился, посѣщая Розу Эриховну, самъ намѣстникъ.

Полная и высокая, грузная, чуть не великанша, сорокалѣтняя Роза отвѣчала смиренно, кротко, насколько могла и умѣла. И, если она не становилась на колѣни передъ молодымъ человѣкомъ, въ котораго была влюблена безъ ума, то во всякомъ случаѣ сидѣла около его большого кресла на маленькомъ табуретѣ, который черезъ силу всячески старался сдержать на себѣ монументальную даму. При нѣкоторыхъ движеніяхъ Розы Эриховны табуретъ какъ-то жалобно скрипѣлъ, будто визгливо жаловался.

Горстъ говорилъ рѣзко, но старался не сердить Розу Эриховну. Онъ хотѣлъ добиться своего безъ этого. Обозленіе женщины онъ всегда сберегалъ, какъ послѣднее средство. Женщина отчасти противорѣчила возлюбленному, но ссылаясь на пустяки, „на самые пустяшные“, по выраженію Горста. Она ссылалась не на то, что князья Татевы правы, а Абдурраманчиковы виноваты, а ссылалась на полученный отъ князя великолѣпный перстень и свое обѣщаніе дѣйствовать въ его пользу.

— Это все — пустяшные пустяки и бабье разсужденіе! — рѣшилъ Горстъ.—Вызови князя Антона Семеновича и скажи ему, что теперь только поняла, что онъ не спроста по дружеству поднесъ тебѣ сей перстень, а имѣлъ разные незаконные виды на твою особу.

— Какіе такіе незаконные виды?—спросила Роза Эриховна, будто обидясь.

— О, Господи! Ужъ, конечно, не такіе виды, какъ Серафимъ Ефимовичъ имѣетъ или я, а тѣ виды, чтобы ты за него хлопотала. И вотъ поясни ему, что перстень сей выходитъ якобы нѣкотораго рода лихоимствомъ, и для того, чтобы не было въ городѣ разныхъ пересудовъ, ты ему сіе подношеніе рѣшила возвратить назадъ. Не сердитесь, молъ, и извольте получить! Вотъ и все!

— Ужъ не знаю, какъ это сдѣлать?- сумрачно отозвалась женщина.

— Такъ тебѣ перстня жалко? и какихъ-нибудь тысячи рублей? Да и тѣхъ онъ не стоитъ! Ну, какъ знаешь!—особенно холодно заявилъ Горстъ. — Оставайся съ перстнемъ, мнѣ все равно! Я ни его, ни тебя не увижу. Я собираюсь по дѣлу въ Москву ѣхать...

Роза Эриховна ахнула... Табуретъ чуть не подломился отъ сильнаго движенія, и, хотя она ни слова не вымолвила, Горстъ отвѣтилъ:

— Да такъ... Ѣду — и конецъ! Что же мнѣ тутъ дѣлать? Замужъ тебѣ за меня выходить нельзя, такъ какъ я не дворянинъ и владѣть тебѣ крестьянскими душами, будучи моей женой, нельзя. Стало быть, тебѣ надо искать другого мужа. По службѣ ты тоже ничего не хочешь для меня сдѣлать...

— Не могу, Яша!—воскликнула Роза Эриховна.

— Вранье! Захотѣла, такъ могла бы! Причислилъ бы меня твой Серафимъ къ канцеляріи, и мы вмѣстѣ съ Ѳомой Ѳомичемъ въ два-три года обдѣлали бы все. И былъ бы я не по вольному найму писецъ, а сталъ бы сенатскій секретарь и дворянинъ. А не хотите вы, вотъ и все!

— Полно! Тысячу разъ я тебѣ сказывала, что это — дѣло невозможное. Ѳома Ѳомичъ объясняетъ, что...

— Да, да, конечно! Изъ крестьянки-холопки сдѣлать крымку, чуть не княжну, Ѳомкѣ можно было, а изъ польскаго шляхтича, какимъ я могу почитаться, чиновника сдѣлать, видишь, не можете!

— Холопку — крымкой все-таки не Серафимъ Ефимовичъ сдѣлалъ и не я. Вотъ ты спроси у Ѳомы Ѳомича... Онъ тебѣ и скажетъ, что это сдѣлалъ твой-же Абдурраманчиковъ.

Пробывъ около часу у Розы Эриховны, Горстъ добился, однако, того, что женщина обѣщала на другой же день рѣшительно переговорить съ намѣстникомъ и просить, даже требовать, чтобы онъ во всемъ, что есть и что еще приключится между князьями Татевыми и Абдурраманчиковыми, неукоснительно принималъ сторону послѣднихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Роза обѣщала вызвать къ себѣ князя Антона Семеновича и, объяснившись съ нимъ буквально такъ, какъ приказывалъ Горстъ, возвратить ему обратно его перстень.

При этомъ Горстъ приказалъ Розѣ Эриховнѣ въ нѣсколькихъ словахъ намекнуть князю, что она про его дѣло узнала кой-что новое и важное и, по ея мнѣнію, молодой князь Гавріилъ Антоновичъ не правъ, и всѣ требованія маіора Абдурраманчикова должны быть удовлетворены.

Горстъ, уѣхавъ отъ Розы Эриховны, заѣхалъ снова къ Ѳедоськѣ, но, такъ какъ она уже легла спать, то онъ не вошелъ, а приказалъ дворнику поутру доложить Ѳедосьѣ Ивановнѣ, что извѣстное дѣло обстоитъ благополучно.

На слѣдующій день вечеромъ Серафимъ Ефимовичъ, по обыкновенію своему, какъ только пробило восемь часовъ, выѣхалъ изъ своего дома въ маленькомъ возкѣ и явился къ своей возлюбленной.

И здѣсь, въ угловой комнатѣ г-жи Шкильдъ, началась бесѣда опять все о томъ же и была похожа на предыдущія. Роза Эриховна объяснила намѣстнику все дѣло молодого князя Татева на совершенно новый ладъ.

Серафимъ Ефимовичъ удивился внезапной и безпричинной перемѣнѣ въ ея взглядѣ на дѣло, сталъ противорѣчить ей и пояснять, что Абдурраманчиковъ, когда-то мастерски успѣшно состряпавшій незаконное похищеніе дворовой дѣвушки, просто зазнался, сталъ еще дерзче и вотъ теперь уже выкралъ не холопку дѣвченку, а совершенолѣтняго князя.

— И какъ же можно, — закончилъ Звѣревъ, —какому нибудь намѣстнику заставить человѣка, дворянина, насильно женить своего сына на неподходящей или не желаемой имъ дѣвушкѣ. Мало чего захотѣлъ Абдурраманчиковъ, но права у него нѣтъ по закону такового требовать отъ князя.

Роза Эриховна дала старику высказаться, а затѣмъ начался съ ея стороны приступъ. Она не сердилась, не кричала, говорила тихо, мягко, даже какъ-то сладко, но говорила такія вещи, что Серафимъ Ефимовичъ слушалъ, слушалъ и, наконецъ, вдругъ прослезился, досталъ носовой платокъ изъ кармана и началъ уже формально плакать. Это бывало, по крайней мѣрѣ, разъ и два въ мѣсяцъ.

Роза Эриховна жаловалась на свое безпомощное положеніе, зазорное, неправедное, печальное, изъявляла желаніе выйти замужъ и сдѣлаться благоприличной барыней — помѣщицей-дворянкой, владѣющей душами. Еще если бы всѣ ея законныя, простыя желанія исполнялись намѣстникомъ, то жить бы можно было; а когда постоянно, во всякомъ самомъ пустомъ дѣлѣ слышишь только одни отказы, исполняешь только намѣстническія прихоти, имѣешь удовольствіе въ пустякахъ и всегдашнія препятствія и отказы въ серьезныхъ и важныхъ дѣлахъ, то что же это за жизнь?!.

— Прямо песья жизнь! — заявила Роза Эриховна.—Такъ собаки живутъ, а женская особа жить не можетъ.

Разумѣется, не прошло и часа бесѣды, какъ Серафимъ Ефимовичъ сталъ уже на колѣнки предъ женщиной точно такъ же, какъ Горстъ стоялъ предъ Ѳедоськой, и такъ же просилъ прощенія и обѣщалъ все на свѣтѣ, клялся на всѣ лады.

Завтра вызову къ себѣ ввечеру Галушу или самъ къ нему заѣду, чтобы никому не было извѣстно наше совѣщаніе. Поговоримъ мы съ нимъ, обѣщаюсь, часа два-три, перероемъ всѣ законы, какіе въ Россійской имперіи существуютъ, и что-ни будь да выищемъ. Онъ на это дѣло—молодецъ! Какую-нибудь статью да выудимъ, по которой дѣло это не во вредъ маіору рѣшить можно.

Когда намѣстникъ собирался домой, Роза Эриховна, вспомнивъ всѣ угрозы Горста, даже отъѣздъ изъ города въ Москву, заявила Серафиму Ефимовичу, чтобы онъ помнилъ, что дѣло это важное. Оно, можетъ быть, важнѣе всѣхъ предыдущихъ дѣлъ. А просьба эта—ея, прямо сказать, послѣдняя просьба, если успѣха не будетъ. Послѣдняя потому, что она, въ случаѣ оправданія князей Татевыхъ и какого злоключенія съ маіоромъ Абдурраманчиковымъ, тотчасъ-же выѣдетъ въ столицы искать себѣ мужа-дворянина. Стало-быть, всему будетъ конецъ.

Взволнованный Звѣревъ, пораженный и испуганный необычно суровымъ и рѣшительнымъ видомъ женщины, отвѣтилъ нѣсколько торжественно и глухимъ голосомъ:

— Ну, что-же? Должности своей лишусь, не у дѣлъ останусь, подъ судъ попаду... Что-же? Дѣлать нечего! Я такъ и предчувствовалъ всегда, что моя любовь къ вамъ, Роза, до добра не доведетъ. Своей властью все порѣшу и въ Петербургъ даже и доносить не стану. Вотъ что! Ну, а затѣмъ, помни, Роза, буду я въ опалѣ или—Боже избави—подъ судомъ и затѣмъ отрѣшенъ отъ всего, ты должна со мною на-вѣкъ оставаться. Тогда знаешь, что можетъ быть?

— Знаю... Слыхала!—небрежно отозвалась женщина.

— Знаешь? А все-таки скажу! Какъ намѣстникъ, не могу я ничего! Тебѣ нельзя быть намѣстницей. Огласка велика! А будучи не у дѣлъ, я могу стать твоимъ супругомъ, и простой генеральшей тебѣ можно быть.

Роза Эриховна только вздохнула въ отвѣтъ, но ничего не сказала. Она про это всегда думала про-себя:

„Ну, этого, Серафимчикъ мой, никогда не будетъ! Теперь мнѣ твои косточки на нѣкоторое время еще нужны. А года не пройдетъ, что у меня будетъ супругъ-дворянинъ не хуже Горста и которому будетъ годовъ въ три раза меньше, чѣмъ тебѣ, старый хрычъ“.

XXVIII.

Благодушнѣйшій властитель во всѣхъ дѣлахъ полагался на Галушу. О законахъ и указахъ, „толкованіяхъ“ каждаго указа и закона, онъ понятія не имѣлъ. На бумагахъ важныхъ онъ клалъ резолюціи, которыя казались ему чрезвычайно мудрыми и рѣшительными:

„Сдѣлать, какъ указъ гласитъ!“—писалъ онъ. Или нѣсколько торжественнѣе: «Сотворить, какъ законъ повелѣваетъ!“

Предѣловъ своей власти намѣстника, что онъ можетъ и чего не можетъ, онъ тоже совсѣмъ не зналъ.

И теперь Звѣревъ окончательно потерялся, что ему дѣлать, какъ выбраться изъ мудреннѣйшаго положенія, съ какого конца взяться.

Роза Эриховна уже давно грозилась покинуть его и выйти замужъ. Прежде оно казалось пустой игрой, ради того, чтобы ея прихоти исполнялись. Въ послѣднее время она, дѣйствительно серьезно думала о замужествѣ за дворянина, чтобы имѣть возможность владѣть имѣніемъ, на покупку котораго деньги были уже отложены.

Серафимъ Ефимовичъ зналъ, что рано или поздно, но, вѣроятно, вскорѣ обожаемая имъ Роза выйдетъ замужъ и уѣдетъ; тѣмъ не менѣе онъ все-таки старался, съ своей стороны, по мѣрѣ возможности оттянуть роковую для него развязку.

Иногда Звѣревъ подумывалъ о томъ обстоятельствѣ, что онъ, благодаря самовластью да и лихоимству возлюбленной, можетъ лишиться своей должности намѣстника и остаться не у дѣлъ, но онъ утѣшался мыслью, что можетъ тогда, будучи частнымъ человѣкомъ, вознаградить себя за разбитую карьеру женитьбой.

Предполагать, что Роза Эриховна отринетъ его руку и сердце — ему и на умъ не приходило. Вѣдь, она будетъ не только дворянкой-помѣщицей, а будетъ превосходительной. Онъ наивно не допускалъ мысли, что сорокалѣтней Розѣ казалось неизмѣримо лучше быть просто „ваше благородіе“ съ молодымъ мужемъ, нежели быть „вашимъ превосходительствомъ“ со старикомъ.

На утро послѣ рѣшительнаго разговора съ Розой Серафимъ Ефимовичъ рѣшилъ дѣйствовать энергичнѣе и прежде всего, воспользовавшись пребываніемъ въ городѣ молодого Абдурраманчикова, который, однако, какъ бы скрывался ото всѣхъ, вызвать его къ себѣ оффиціально по дѣлу.

По странной случайности, когда намѣстникъ около полудня, посовѣтовавшись съ Ѳомой Ѳомичемъ, собрался послать канцелярскаго чиновника разыскать и просить къ себѣ г.

Абдурраманчикова, Ѳома Ѳомичъ, выйдя изъ кабинета начальника и проходя пріемной, увидѣлъ того самаго, о комъ шла рѣчь.

Навстрѣчу къ нему поднялся ожидавшій пріема Петръ Абдурраманчиковъ и раскланялся, Ѳома Ѳомичъ чуть не ахнулъ, чуть не сказалъ слово: „васъ-то и нужно“. Но воздержась, онъ сдѣлалъ удивленный видъ, спросилъ, давно-ли Петъ Романовичъ въ городѣ, а затѣмъ быстро вернулся къ намѣстнику и заявилъ о дивѣ.

Разумѣется, Серафимъ Ефимовичъ принялъ молодого человѣка прежде всѣхъ. Но не успѣлъ онъ начать бесѣду о дѣлѣ, „про которое,—сказалъ онъ,—знаетъ и шумитъ весь городъ“, какъ Петръ подалъ намѣстнику увѣсистое письмо отъ своего отца. При этомъ онъ заявилъ, что ничего не имѣетъ прибавить на словахъ, что объясненіе всего дѣла и прошеніе намѣстникъ найдетъ въ письмѣ.

Отпустивъ молодого человѣка, Серафимъ Ефимовичъ принялся за чтеніе и быстро прочелъ большое письмо. Маіоръ Абдурраманчиковъ писалъ не только грамотно и четко, но даже красиво. Намѣстникъ, прошедшій за свою жизнь всѣ чины и много должностей, не мало писавшій на своемъ вѣку рапортовъ и промеморій, удивился, что бывшій гвардейскій офицеръ, никогда при статскихъ дѣлахъ не упражнявшійся, могъ такъ выражать на бумагѣ свои мысли да еще съ такими крючками и завитушками, что хоть прямо на Высочайшее благоусмотрѣніе это писаніе посылать.

— Вотъ тебѣ и „Персъ“!—восклицалъ намѣстникъ, читая письмо.

Когда онъ кончилъ длинное посланіе, онъ сначала призадумался, а потомъ вдругъ обрадовался и даже просіялъ. Онъ догадался, что дѣло само собой поворачивалось въ хорошую сторону. Дѣло, казалось, можно было рѣшить теперь совершенно легко, удобно и пріятно для обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Никакихъ пакостей, кляузъ и ябедъ Абдурраманчиковъ творить не собирался, онъ просилъ только заступничества власти въ лицѣ намѣстника ввиду опороченья его дочери и попраннаго, поруганнаго его дворянскаго, маіорскаго и отцовскаго званія.

Арестовавъ у себя, какъ объяснялъ онъ, молодого князя Татева, какъ покусителя на честь его единственной дочери, дѣвицы Елисаветы, онъ просилъ намѣстника повліять на князя Антона Семеновича, а главнымъ образомъ, на строптивую и дурашную бабу, княгиню Арину Саввишну, чтобы они согласились дать ему удовлетвореніе. А въ чемъ оно должно состоять, само собой понятно. Князь Гавріилъ долженъ сочетаться бракомъ съ дѣвицей Абдурраманчиковой, такъ какъ мо-

лодые люди любятъ другъ друга уже давно душевно и сердечно. И такъ како самъ Абдурраманчиковъ, какъ дворянинъ, ничѣмъ не хуже князя Татева, тѣмъ паче, что хлопочетъ и надѣется получить титулъ княжескій, на который имѣетъ право, то никому отъ такого рѣшенія дѣла обидно быть не можетъ.

Перечитавъ снова посланіе Абдурраманчикова, Серафимъ Ефимовичъ былъ уже въ полномъ восторгѣ. Дѣло выяснилось совершенно, и разрѣшить его къ общему удовольствію, а главное, къ удовольствію Розы Эриховны, было совершено легко. И не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Серафимъ Ефимовичъ тотчасъ-же собрался послать за княземъ Татевымъ, прося его къ себѣ для объясненій.

Но въ ту минуту, когда тотъ-же Горстъ уже собирался по его приказу отправляться къ князю, намѣстникъ рѣшилъ поступить лучше, умнѣе: начать съ того, чтобы задобрить и расположить въ свою пользу князя Татева. Онъ тотчасъ-же послалъ верхового на постоялый дворъ, гдѣ остановился князь, узнать, дома-ли онъ, и, если дома, доложить, что самъ намѣстникъ тотчасъ будетъ у него въ гостяхъ.

Пока Серафимъ Ефимовичъ, ради пущей важности, надѣвалъ мундиръ и свои регаліи, которыхъ было у него достаточно, конный уже вернулся, и намѣстнику было доложено, что князь благодаритъ за честь и ожидаетъ его.

Черезъ полчаса намѣстническій возокъ шестерней цугомъ съ двумя форрейторами уже летѣлъ по улицамъ города. Направо и налѣво прохожіе и проѣзжіе снимали шапки, встрѣчали и провожали глазами властительскій экипажъ.

Князь былъ, дѣйствительно, польщенъ визитомъ намѣстника, а на постояломъ дворѣ, разумѣется, все стало вверхъ дномъ отъ событія. Въ стѣнахъ этого дома почти никогда еще не бывала такая важная особа. Всѣ постояльцы и самъ хозяинъ знали отлично, что князь Татевъ — первый дворянинъ всего намѣстничества и происхожденіемъ, и состояніемъ, но все-таки пріѣздъ къ нему „самого“ всѣхъ заставилъ взволноваться.

Серафимъ Ефимовичъ, усѣвшись съ княземъ, началъ бесѣду о всякихъ мелочахъ, а затѣмъ понемногу перешелъ къ дѣлу князя. Наконецъ, онъ заговорилъ и о посланіи, полученномъ отъ маіора и его законномъ желаніи.

Серафимъ Ефимовичъ ожидалъ, что въ нѣсколько минутъ бесѣды дѣло приметъ отличный оборотъ. Онъ очень удивился, когда увидѣлъ, что лицо князя вытянулось, что онъ сморщилъ брови, какъ-то выпрямился на своемъ креслѣ и, наконецъ, отвѣтилъ:

— Отъ такого дерзкаго человѣка, какъ маіоръ Абдурраманчиковъ, кромѣ лжи и нахальства, ничего ожидать нельзя. Наклеветалъ на сына, взвелъ на него небылицу и лѣзетъ съ оскорбительнымъ предложеніемъ.

— Помилуйте, какое-же оскорбленіе? — даже не понялъ Звѣревъ.

— Удивляюсь, ваше превосходительство, что вы не оцѣнили по достоинству каверзы и новой пакости этого Персида, или турки, или бѣлаго арапа, что-ли? Да развѣ можетъ дѣвица происхожденіемъ изъ Бѣлой Арапіи именоваться княгиней Татевой? Въ нашемъ родѣ, можетъ быть, болѣе чѣмъ за двѣсти лѣтъ всѣ жены князей Татевыхъ были столбовыя россійскія дворянки и христіанки. Что-же? Теперь князья Татевы начнутъ жениться на персидскихъ арапкахъ или молдаванкахъ, или шведкахъ...

Но при послѣднемъ словѣ разгоряченный князь поперхнулся.

— Чѣмъ-же, князь, молдаванки или хотя-бы шведки хуже русскихъ? — не преминулъ отвѣтить намѣстникъ, принимая болѣе серьезное положеніе въ креслѣ.—И онѣ такія-же христіанки.

— Ну, и Христосъ съ ними! И пущай выходятъ за своихъ-же или какихъ россійскихъ захудалыхъ дворянъ. А князю Татеву брать въ супруги не вѣсть какую иноземку не приличествуетъ. Да, наконецъ, скажу я, ваше превосходительство, что послѣ всѣхъ враждебныхъ дѣйствій, воительства и пакостничества г. маіора, при томъ недоброжелательствѣ, которое существуетъ между нами и имъ, возможно-ли родство и свойство? Вѣдь, если его дочь будетъ моей невѣсткой, то, вѣдь предполагается, что и онъ самъ, тесть моего сына, будетъ являться къ намъ въ гости. А матушка давно клятву себѣ дала, что никогда нога маіора не переступитъ порога нашего дома. Да что же тутъ толковать, Серафимъ Ефимовичъ! Много надѣлалъ гадостей Абдурраманчиковъ, много нанесъ намъ оскорбленій, а ужъ этакого, признаюсь, и ожидать было нельзя. Послѣ этого только и жди, что онъ потребуетъ, чтобы я къ нему въ услуженіе пошелъ въ качествѣ его камердинера.

Серафимъ Ефимовичъ былъ настолько пораженъ нежданнымъ поворотомъ дѣла, что сидѣлъ нѣсколько разиня ротъ и не зналъ, что сказать. Не думалось ему, что князь обвиненіе его сына маіоромъ искренно сочтетъ за клевету, а предложеніе о бракѣ сына съ красавицей-дѣвицей приметъ, какъ еще новое кровное оскорбленіе со стороны врага.

Онъ началъ было уговаривать князя, разъяснять ему все по-своему, но Антонъ Семеновичъ отвѣтилъ просто и кратко:

— Скажу я вамъ, что, если бы даже я согласился, если-бы даже я желалъ такого брака, то княгиня-матушка никогда не согласится. И за одно мое согласіе на меня сама она разгнѣвается и на глаза къ себѣ пускать не станетъ; меня родного сына, попроситъ выѣхать изъ дому, выстроитъ усадьбу и прикажетъ жить въ ней, не имѣя права предстать предъ ней.

— Ну, какъ знаете! — произнесъ Звѣревъ, сильно смущенный тѣмъ, что скажетъ онъ Розѣ Эриховнѣ и что она ему потомъ скажетъ.

Онъ крѣпко надѣялся, что тотчасъ по возвращеніи домой пошлетъ ей записку, что все произошло по ея желанію, все устроилось, враги помирились, и обѣ стороны довольны. И вдругъ теперь приходилось ждать вечера и при объясненіи ей, въ какомъ положеніи дѣло, ждать бури, грозы съ молніей, и—почемъ знать?—изъ-за этого дурака, упрямца, князя Татева, быть можетъ, черезъ три дня Роза Эриховна, дѣйствительно, начнетъ собираться въ отъѣздъ.

И намѣстникъ сухо или, вѣрнѣе, какъ-то растерянно простился съ княземъ и уѣхалъ.

Разумѣется, Антонъ Семеновичъ тотчасъ-же сѣлъ за посланіе къ матери, чтобы скорѣе довести до ея свѣдѣнія, что злодѣй и врагъ уже обратился съ прошеніемъ къ намѣстнику, клевеща на Гаврика и прося устроить своею властью насильственный бракъ, позорящій родъ князей Татевыхъ.

Просидѣвъ цѣлй день за письмомъ, уже довольно поздно вечеромъ князь отправился въ гости къ тому-же пріятелю Рубакову.

Хозяинъ очень обрадовался, но тотчасъ-же извинился передъ княземъ:

— Уже третій день, голубчикъ мой, какъ имѣю я извѣстіе отъ сына, что письмо твое давно имъ въ собственныя руки доставлено. Собирался я все заѣхать къ тебѣ сказать, собирался написать, да такъ вотъ время и прошло. Сынъ пишетъ, что молодцомъ долетѣлъ до Питера и черезъ два часа послѣ того, какъ въѣхалъ въ городъ, уже отправился съ твоимъ письмомъ и вручилъ его.

Князь, конечно, обрадовался извѣстію. И ни онъ, ни Рубаковъ не предчувствовали, что сейчасъ-же случится и поразитъ ихъ.

XXIX.

Едва друзья перемолвились, какъ пріѣхали два гостя, пріятели хозяина, и не просто вошли, а вбѣжали или влетѣли, махая руками, какъ крыльями.

— Приключеніе!.. Событіе!.. Происшествіе!..—затараторили они вмѣстѣ, одновременно перебивая другъ друга. — Подобіе грома небеснаго!!.

Дѣйствительно, они передали извѣстіе о настоящемъ крупномъ событіи.

За часъ пердъ тѣмъ, среди темноты и пустоты города, примчался и проскакалъ по главной улицѣ прямо во дворецъ

намѣстника военный. И онъ былъ тотчасъ-же, несмотря на позднее время, допущенъ въ аппартаменты. Разумѣется, Серафимъ Ефимовичъ находился, какъ всегда, въ гостяхъ у „Рожи Шариковны“. За нимъ послали коннаго, и онъ шариком прикатился домой. И что-же оказалось? Военный былъ ни больше, ни меньше, какъ фельдъегерь, летѣвшій изъ Петербурга тысячу верстъ и прилетѣвшій, какъ вихрь, на вновь учрежденныхъ курьерскихъ тройкахъ.

Но этого мало... фельдъегерь, капитанъ Осколковъ, прилетѣлъ по именному Высочайшему повелѣнію.

Переговоривъ съ намѣстникомъ и съ вызваннымъ ночью Галушей, онъ тотчасъ-же поскакалъ дальше. Куда—невѣдомо! содержится втайнѣ! Но извѣстно, что по дорогѣ къ вотчинѣ князя Татева.

— Ко мнѣ?!—воскликнулъ князь, мѣняясь въ лицѣ.

— Не къ вамъ! Не къ вамъ собственно! — стали всѣ его утѣшать.—Въ вашу сторону только!

И, такъ какъ князь все-таки взволновался, сидѣлъ молча, не вступая въ разговоръ, то вскорѣ-же сталъ собираться домой.

Фельдъегерь по Высочайшему повелѣнію, промчавшійся въ сторону „Симеонова“—это было происшествіемъ исключительно страннымъ и страшнымъ.

Когда князь уже собрался было прощаться съ Рубаковымъ, явился лакей и доложилъ, что пріѣхалъ конный отъ правителя дѣлъ г. Галуши, который уже съ часъ разыскиваетъ по всему городу князя Антона Семеновича, чтобы звать его немедленно ради важнѣйшихъ обстоятельствъ къ правителю въ домъ.

При этомъ извѣстіи не только князь поблѣднѣлъ, почуявъ сугубо-худое, почуявъ что-то общее между этимъ внезапнымъ призывомъ Галуши и проѣздомъ фельдъегеря, но даже хозяинъ и его гости тоже струхнули, какъ-бы испугавшись и боясь стать причастными къ темному дѣлу только потому, что они въ эту минуту очутились въ одной комнатѣ съ княземъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Антонъ Семеновичъ уже сидѣлъ у Галуши, слушалъ и смущался, такъ какъ нашелъ и Ѳому Ѳомича тоже крайне смущеннымъ.

Разумѣется, Ѳома Ѳомичъ заявилъ князю о томъ-же событіи: о проѣздѣ фельдъегеря. И, хотя Ѳома Ѳомичъ передалъ подъ величайшимъ секретомъ всю правду, тѣмъ не менѣе князь да и самъ Галуша были все-таки встревожены.

Ѳома Ѳомичъ объяснилъ, что фельдъегерь, по Высочайшему повелѣнію прискакавшій и уже ускакавшій, совершавшій свой путь, дѣлая невѣроятное количество верстъ въ сутки, являлся къ намѣстнику, чтобы выяснить мѣстожительство и нѣкоторыя другія подробности, касающіяся до помѣщика Абдурраманчикова.

И затѣмъ Звѣревъ, въ качествѣ намѣстника, а равно и онъ — Ѳома Ѳомичъ, въ качествѣ второго лица въ губерніи, узнали отъ фельдъегеря нѣчто, что пока есть великая тайна. И Галуша, конечно, заставивъ князя поклясться на всѣ лады, что онъ до поры до времени не проболтается, передалъ эту тайну князю.

Поймите, что вы будете третье лицо, знающее сіе. И, если сегодня ночью или завтра утромъ правда узнается и о ней слухъ пройдетъ по городу,—то вы меня погубите! Меня Серафимъ Ефимовичъ сейчасъ за невоздержность отставитъ отъ должности, да и правъ будетъ. Если я рѣшаюсь вамъ сообщить сію великую тайну, то исключительно потому, что прошу васъ, тоже сказать мнѣ правдиво, по совѣсти отвѣтивъ на одинъ мой вопросъ. Побожитесь мнѣ, что отвѣтите правду, и побожитесь мнѣ, что никому въ продолженіи сутокъ двухъ не скажете и не обмолвитесь о томъ, что я вамъ заявлю.

Князь, конечно, побожился на всѣ лады.

— Такъ слушайте и отвѣчайте! Жаловались-ли вы въ Петербургъ на поступленіе съ вами маіора Абдурраманчикова? Просили защиты?

Князь встрепенулся, дернулся въ креслѣ, какъ если-бы получилъ ударъ по головѣ, и отвѣтилъ:

— Конечно жаловался! Писалъ подробно обо всемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ...

Князь подумалъ про-себя:

„Неужели же изъ-за этого?!. Неужели другъ и благодѣтель такъ мое дѣло въ Питерѣ повернулъ, что мнѣ въ помощь высланъ фельдъегерь для разслѣдованія всего дѣла, затѣмъ наказанія моего долголѣтняго врага да еще такимъ громоноснымъ образомъ?“

И, не выдержавъ, князь выговорилъ вслухъ:

— Господи помилуй!—и перекрестился.

Ѳома Ѳомичъ, услышавшій только „Господи помилуй“ и видѣвшій крестное знаменіе, произнесъ, нѣсколько удивляясь:

— Вамъ-то чего же бояться? Все, какъ видите, по-вашему вышло. А только вотъ что, князь: по-Божьему отвѣчайте... и на насъ вы жаловались? и на Серафима Ефимовича, и на меня, всегда старавшагося вамъ служить?

— Нѣ-ѣтъ!—протянулъ князь.

Но это „нѣтъ“ вышло такое длинное и нерѣшительное, что Галуша смутился.

— Нѣтъ, нѣтъ!—заговорилъ князь.—Ужъ во всякомъ случаѣ, на васъ-то не жаловался. Я писалъ, что, конечно, намѣстникъ могъ бы меня оградить отъ всякихъ посягательствъ злыдня-сосѣда... и, кажется, я прибавилъ, что надѣюсь на покровительство Серафима Ефимовича. А про васъ, вотъ ей-Богу

же, ни словомъ не упомянуто. Да и сами посудите, вы — человѣкъ подначальный и въ такихъ дѣлахъ въ отвѣтѣ быть не можете.

— Ну-съ, а я вамъ скажу,—заявилъ Ѳома Ѳомичъ,—что, когда замѣшается въ дѣло столица, то въ отвѣтѣ всякій быть можетъ. Знаете ли вы, куда прямо поскакалъ фельдъегерь по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію?

— Куда?

— То-то, куда?! Поразмыслите, догадайтесь! — рѣзко проговорилъ Галуша.

— Ко мнѣ?Къ намъ? Къ матушкѣ?—сказалъ князь радостно.

— Нѣтъ-съ! Кабы къ вамъ, князь, такъ я бы не тревожился. Извините-съ! Вотъ то-то и дѣло, что не къ вамъ. Вы, стало быть, не знаете, совсѣмъ не знаете, зачѣмъ посылаются такіе фельдъегеря? Черезъ наше намѣстничество уже два проѣхало: одинъ въ позапрошломъ году, а другой—осенью. Проѣхалъ онъ къ Абдурраманчикову! Да-съ! Объ его усадьбѣ онъ насъ разспрашивалъ. Да и вообще всю подноготную отъ насъ о маіорѣ вывѣдалъ. И все, что мы съ Серафимомъ Ефимовичемъ могли ему сказать, сказали. И даже сказали ему про его дѣло съ вами при прежнемъ намѣстникѣ, ну, про эту дѣвченку вашу.

— Что же?—невольно воскликнулъ князь.—Что же онъ?

— Онъ сказалъ, какъ уворованная дѣвка къ дѣлу его совсѣмъ не относится, что не такое пустое у него, а важнѣйшее порученіе.

И, по мѣрѣ того, какъ Галуша говорилъ, князь все-таки мысленно разсуждалъ и размышлялъ. И теперь вдругъ лицо его уже стало совсѣмъ не таковымъ, какимъ было въ кабинетѣ Рубакова. Онъ уже какъ-будто все понялъ, все разсудилъ и сидѣлъ восторженно радостный.

— Но отъ Абдурраманчикова онъ проѣдетъ и къ матушкѣ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ...—отвѣтилъ Ѳома Ѳомичъ. — Сказалъ, что сейчасъ же обернетъ назадъ, и опять въ Питеръ.

— Странно это! Какъ же насъ не спросить? Злодѣй только налжетъ ему. И какъ же вы все дѣло ему не разъяснили тотчасъ?

— Онъ, князь, объ этомъ не заикнулся... и не обмолвился ни словомъ о томъ, зачѣмъ скачетъ въ „Кутъ“. Сказалъ только, что завтра же будетъ обратно.

XXX.

Недаромъ на Руси сказывалось: въ полѣ вѣтеръ фельдъегеря догонялъ—да бросилъ...

Всякій фельдъегерь проносился вихремъ, мѣняя особыхъ береженыхъ, сытыхъ, даже застоявшихся иногда почтовыхъ коней, и часто по пути его бывало ихъ не мало павшихъ, загнанныхъ... За этихъ бѣдныхъ животныхъ никто, конечно, въ отвѣтъ не шелъ. А за малѣйшую задержку фельдъегеря станціонные смотрители, ямскіе старосты да и сами ямщики несли строжайшую отвѣтственность.

Бывали случаи, что усталый, а то и прихворнувшій въ дорогѣ фельдъегерь, желавшій отдохнуть часика два-три на какой-либо станціи, сдѣлать этого не могъ. Станціонный смотритель, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе обыватели станціи приходили, молили и даже валялись въ ногахъ его, умоляли Христомъ Богомъ ѣхать дальше, отдохнуть на слѣдующей станціи или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, а не у нихъ. И бѣдный измученный гонецъ, если былъ человѣкъ добрый, сдавался и безъ отдыха поневолѣ скакалъ дальше.

Несмотря на довольно большое разстояніе до имѣнія Абдурраманчикова, верстъ сто взадъ и впередъ, на другой день послѣ полудня часа въ два, князя, плохо отъ волненія спавшаго ночь и прилегшаго отдохнуть днемъ, разбудили. Его спрашивалъ нежданный гость. Когда лакей о немъ доложилъ, князь растерялся и не зналъ, что дѣлать. Однако подумавъ немного, онъ сказалъ своему дворовому строго:

— Передай, что я съ нимъ ни видѣться, ни бесѣдовать не желаю.

Лакей пошелъ, потомъ снова вернулся и продолжалъ:

— Они Христомъ-Богомъ просятъ васъ! Просятъ только одно словечко сказать, и такое важное, говоритъ, что вы ихъ выслушаете. Важнѣе, говорятъ, ничего никогда не бывало.

Князь развелъ руками и не зналъ, какъ поступить. Гость, просившій его принять, былъ молодой Абдурраманчиковъ. Ребенкомъ и юношей князь его любилъ и звалъ просто Петрушей. Но теперь это былъ, если не самый злѣйшій врагъ, то родной сынъ злодѣя-врага. Князь не видалъ его со времени распри изъ-за Ѳедоськи.

Подумавъ, онъ рѣшилъ, наконецъ, принять молодого человѣка, но не въ комнатахъ, и вышелъ къ нему въ корридоръ постоялаго двора. Появившись въ дверяхъ, онъ важно и, насколько умѣлъ, гордо произнесъ:

— Что вамъ, государь мой, отъ меня угодно?

— Ваше сіятельство... — тихо произнесъ Петръ Абдурраманчиковъ и тотчасъ запнулся.

У него былъ настолько растерянный и даже перепуганный видъ, что князь невольно удивился. Голосъ молодого человѣка дрожалъ, да и руки его, какъ показалось князю, ходуномъ ходили.

— Ваше сіятельство, меня прислалъ батюшка къ вамъ.. просить васъ на минуту пожаловать къ нему объясниться... на минуту...

— Куда?—воскликнулъ князь.

— Сюда! Недалеко! На ямской дворъ! Онъ пріѣхалъ и черезъ полчаса выѣзжаетъ дальше. Мы знаемъ, что мы виноваты; батюшка проситъ васъ по-христіански его простить... проситъ васъ на одну минуту, только объясниться. Князь Гаврила Антоновичъ уже выѣхалъ, теперь ужъ дома, но мы... родитель мой... по-христіански надо, князь... простить... Погубленіе изъ-за почти пустыхъ дѣлъ... за что же такъ?..—началъ путать молодой Абдурраманчиковъ и прибавилъ еще нѣсколько выраженій, въ которыхъ уже не было никакого смысла.

— Да въ чемъ же дѣло?!—воскликнулъ князь.

— Да, вѣдь, фельдъегерь, по указу императорскому, за батюшкой пріѣхалъ и везетъ его въ Петербургъ.

— Фью! Фью! Фью!—невольно присвистнулъ князь.

Теперь уже дѣло стало совсѣмъ ясно. Разбойникъ и ябедникъ сосѣдъ долженъ былъ летѣть съ фельдъегеремъ „къ отвѣту“ за тысячу верстъ на невскіе берега, а оттуда, по всей вѣроятности, будетъ продолжать путь за цѣлыхъ двѣ и три тысячи верстъ и, начавъ съ Владимірки, перейдетъ на Казанку, а съ Казанки—на Сибирку... и если не пѣшкомъ „на канатѣ“, то-есть привязанный съ другими ссыльными къ одной веревкѣ, а въ телѣжкѣ, то все-таки на долгое время, если не на-всегда.

И доброму князю при этомъ соображеніи стало жалко своего врага и обидчика. Онъ, конечно, не ожидалъ, что изъ-за его письма въ Петербургъ за маіоромъ прискачетъ фельдъегерь.

— Ради Господа Бога!—заговорилъ снова Абдурраманчиковъ.

— Да что-же вамъ, собственно, угодно?

— Батюшка проситъ васъ на одну минутку повидаться! Онъ хочетъ просить у васъ прощенія, проситъ пощадить его, дать ему письмецо въ Петербургъ. Мы обѣщаемся никогда въ жизни ничего не дѣлать противъ вашего желанія. За эту Федоську родитель готовъ уплатить хоть тысячу или двѣ рублей. А не желаете вы сего, готовъ уступить вамъ свою пустошь, коей цѣна тысячи четыре. На все мы согласны, только помилосердуйте!

Князь вздохнулъ и выговорилъ:

— Ну-съ, извините меня, Петръ Романовичъ! Ничего я сдѣлать не могу. Послѣ того, что я претерпѣлъ отъ вашего батюшки, трудно мнѣ теперь,—да какъ-то и не приличествуетъ,—вдругъ писать и давать ему письмецо, заступаясь за него..

Всякъ здравомыслящій человѣкъ посудитъ, что я самъ не знаю, чего хочу. Я жаловался—правда. Теперь пускай дѣло разбираютъ тамъ, въ столицѣ. Особенное преступленіе не въ дѣлѣ Ѳедоськи, но въ нынѣшнемъ заарестованіи моего сына. Ничего, говорю, особеннаго нѣтъ, хотя все-таки оно нѣсколько было, такъ сказать, разбойное. Передайте вашему родителю, что я ничего не могу и не хочу дѣлать. Пусть будетъ, что Богу угодно.

И князь, войдя къ себѣ, заперъ дверь. Выглянувъ въ окошко, онъ видѣлъ, какъ молодой Абдурраманчиковъ, садясь въ простыя маленькія сани, утиралъ глаза кулакомъ. Онъ плакалъ.

— Что тутъ подѣлаешь?—вздохнулъ князь, которой, по добротѣ своей, никогда не могъ выносить печали въ другихъ.

Часа черезъ полтора, когда Антонъ Семеновичъ выѣхалъ къ Рубакову, его по дорогѣ остановили трое разомъ. Это были знакомые дворяне, которые махали руками, кидались, вылѣзая изъ своихъ экипажей, и всѣ приставали къ князю съ тѣми-же словами:

— Каково! Вѣдь, это вы, князь! Подѣломъ вору и мука! Вотъ такъ приключеніе! Вѣдь пролетитъ онъ съ фельдъегеремъ въ Петербургъ и, должно быть, тамъ не задержится: оттуда улетитъ и дальше, тоже на фельдъегерскихъ.

Всѣ говорили то-же самое и на одинъ ладъ, то-же, что думалъ и самъ князь.

Но едва онъ вступилъ въ домъ Рубакова, гдѣ были гости и гдѣ начались тѣ-же разговоры и тѣ-же предположенія, какъ снова, точно такъ-же, какъ недавно было, явился гонецъ отъ самого намѣстника.

„Его превосходительство“ просилъ князя „сдѣлать ему честь“ побывать тотчасъ-же у него или сказать, можетъ-ли онъ принять его превосходительство.

— Ага, вонъ оно какъ теперь!—воскликнулъ хозяинъ.— На выборъ предоставляетъ. Я-бы, князь, приказалъ ему сказать, что, молъ, буду дома отъ двухъ до половины третьяго, поѣхалъ-бы домой и, если его въ половинѣ третьяго нѣтъ, то въ тридцать одну или двѣ минуты третьяго я-бы уже сказался выѣхавшимъ.

— Ну, Богъ съ нимъ!—отозвался князь и собрался самъ.

XXXI.

Пріѣхавъ къ властителю, князь нашелъ Серафима Ефимовича такимъ, какимъ и ожидалъ. Маленькій и худенькій человѣчекъ казался еще меньше ростомъ и еще худѣе, совсѣмъ какой-то семидесятилѣтній мальчугашка. Весь онъ съежился и

скорчился, и не ходилъ, а какъ-то вертѣлся, подпрыгивая, съ такими ужимками перепуга, что князь сдерживался, чтобы не усмѣхаться.

Дѣло было въ томъ, что трусливѣйшій Серафимъ Ефимовичъ былъ пораженъ казусомъ съ Абдурраманчиковымъ, котораго не ожидалъ, а одновременно узналъ черезъ Галушу, что въ письмѣ князя въ Петербургъ, помимо жалобы на Абдурраманчикова, были и „загвоздки“ насчетъ его самого.

Звѣревъ почтительно и жалостливо сталъ увѣрять князя въ своемъ дружелюбствѣ, въ своей преданности и готовности служить ему. И, наконецъ, онъ сталъ просить о томъ, чтобы князь его, намѣстника, въ случаѣ чего, защитилъ, взявъ назадъ свои обвиненія.

— Помилуйте, Серафимъ Ефимовичъ, увѣряю васъ честью, что въ моемъ письмѣ насчетъ васъ ничего худого сказано не было. Я жаловался, главнымъ образомъ, на одного злодѣя и разбойника. О васъ единое слово значится, что я полагаюсь и надѣюсь на вашъ справедливый судъ. Это не есть обвиненіе, а высказанная мною надежда...

— Надежда, а не увѣренность, князь! — умно разсудилъ Звѣревъ. — Вы должны были быть увѣрены въ правомъ судѣ здѣшнихъ правительствующихъ лицъ. А если вы высказывали только одну надежду, то стало быть, вы убѣждены были въ томъ, что я, какъ намѣстникъ, учиню неправый судъ: какъ сказывалось въ прежнія времена на Руси—„Шемякинъ судъ“. Но, вѣдь, тѣ времена, князь, когда судилъ Шемяка, у котораго правый былъ зачастую виноватъ и всегда былъ правымъ богатый, а неправымъ бѣдный... тѣ времена — далекія. Въ нынѣшнее время вамъ извѣстно, что всякій неправедный чиновникъ строгій отвѣтъ несетъ передъ лицомъ царя. За мной, князь, никакихъ худыхъ дѣлъ и неправедныхъ поступленій не было. Прямо вамъ скажу, — ужъ мнѣ теперь не до скрытности,—знаю, что говорятъ въ намѣстничествѣ про Розу Эриховну. Такъ что-же? Ея особа не подлежитъ разсмотрѣнію высшихъ властей. Вѣдь, она у меня не губернаторскимъ товарищемъ, не правителемъ дѣлъ, не канцелярскимъ даже чиновникомъ. Она у меня сама по себѣ. Въ такія дѣла частныя высшіе правители не должны вникать. А, помимо пребыванія Розы Эриховны въ городѣ, никакихъ неправедныхъ дѣлъ за мной нѣтъ. Если вамъ угодно, я вамъ покажу всѣ мной рѣшенныя дѣла за все мое намѣстническое управленіе. Вотъ даже здѣсь книги мною заготовлены, и, если вамъ угодно, я готовъ разъяснить вамъ, убѣдить васъ.

— Помилуйте, Серафимъ Ефимовичъ, — отозвался князь,— ничего этого мнѣ не нужно. Повторяю вамъ, что я на васъ собственно не жаловался и, по моему разумѣнію, вамъ не грозитъ никакая отвѣтственность. Я понимаю, что Абдурраман-

чикова приказали взять и привезти въ Петербургъ, даже понимаю, что спѣшно и строго—съ фельдъегеремъ, по Высочайшему его Императорскаго Величества повелѣнію...

— Князь, подумайте, какъ это дѣло повернулось! Кабы просто его вызвали... а, вѣдь, за нимъ прискакалъ по Высочайшему повелѣнію капитанъ Осколковъ, дѣйствуя страшно-спѣшно и при соблюденіи строжайшей тайны. Онъ мнѣ не сказалъ вчера, что увезетъ Абдурраманчикова, побоялся... А сегодня я старался его разспросить, кое-что разузнать, и капитанъ Осколковъ мнѣ уже побожился Богомъ вотъ на эту самую икону,—показалъ намѣстникъ въ уголъ на ликъ Спасителя,—да-съ, клялся, крестился, что онъ самъ не знаетъ, по какому дѣлу маіоръ вызванъ. Ему приказано только строжайше — летѣть стрѣлой и нигдѣ ни единаго мгновенія не отдыхать, точно расчитаны начальствомъ версты, и прямо впередъ ему, капитану, указано, въ какой день и часъ онъ долженъ быть обратно съ Абдурраманчиковымъ въ столицѣ и въ какой часъ доставить его уже прямо во дворецъ къ самому государю. Да-съ, прямо во дворецъ. Поставить его передъ ясныя очи самого государя императора. Вотъ, князь, какъ все вышло! И Абдурраманчиковъ вашъ, понятное дѣло, прослѣдуетъ въ Камчатку. Такъ что-же вы хотите, чтобы и я тоже у камчадаловъ очутился? Не погубите, князь! Хоть я и не могу сослаться, что я—семейный человѣкъ, не могу васъ задобрить тѣмъ, что у меня малыя дѣтки, но все-таки, за что-же? Что-же я вамъ сдѣлалъ? Ничего я вамъ не сдѣлалъ! Дѣло о дворовой холопкѣ не мной было сдѣлано, а моимъ предшественникомъ. Въ чемъ-же я-то виноватъ? Въ томъ, что предлагалъ вамъ взять въ домъ, въ качествѣ невѣстки, дочь Абдурраманчикова? Такъ, вѣдь, это-же, ваше сіятельство, не преступленіе! Подумайте, вѣдь, это — не преступленіе! И потомъ я только совѣтовалъ, не настаивалъ...

И Серафимъ Ефимовичъ, сидя противъ князя и положивъ обѣ руки къ нему на колѣни, началъ гладить ласково, но такъ щекотно, что князь поневолѣ задергалъ ногами.

Разумѣется, князь постарался всячески успокоить намѣстника и поскорѣй убраться отъ него. Онъ чувствовалъ въ себѣ такое радостное настроеніе, что ему хотѣлось скорѣй собраться домой и полетѣть въ „Симеоново“. Ему не терпѣлось въ своемъ желаніи, чтобы мать, сыновья и дочери узнали скорѣе невѣроятное и радостное для нихъ событіе.

Гавріилъ, выпущенный, по словамъ молодого Абдурраманчикова, изъ „Кута“ изъ-заперти, могъ передать семьѣ только извѣстіе о фельдъегерѣ и увозъ маіора, но князь хотѣлъ подробно разъяснить дома, какъ смотритъ на все дѣло весь городъ, а главное, какъ перепугались на смерть не только правитель дѣлъ, но и самъ намѣстникъ.

„Они всѣ и не предполагаютъ“, — думалось князю: — „что для злодѣя Персида пахнетъ Сибирью... Какое пахнетъ!... Побольше того!“

Пріѣхавъ въ сумерки къ себѣ на постоялый дворъ, князь узналъ, что у него былъ посланный отъ госпожи Шкильдъ, которая проситъ его непремѣнно побывать у нея безотлагательно.

— Этой-то что-же отъ меня?—сказалъ князь самъ себѣ.— И она боится, что я тоже и на нее жаловался, опасается, что и за ней фельдъегеря пришлютъ! Бестія, пріятная все-таки особа!—прибавилъ онъ подумавъ.

Дѣлать было нечего, князь тотчасъ поѣхалъ.

Роза Эриховна приняла князя отчасти тоже смущенная. Видно было, что переполохъ Звѣрева и Галуши отразился и на ней... Заговоривъ, она начала что-то путать, будто повторяя чужія плохо заученныя слова, и, наконецъ, заявила, что проситъ князя получить обратно:

— Вотъ сей оскорбительный предметъ!—сказала она, подавая князю подаренный имъ перстень...

— Помилуйте... Что вы? Почему-же?—удивился и сконфузился князь.

— Я узнала ваши мысли обо мнѣ и какъ вы посудили, что я приняла отъ васъ „память“. Вы меня обидѣли. Богъ съ вами! Извольте получить обратно!..

Князь началъ было оправдываться и убѣждать Розу Эриховну оставить „память“ у себя, но женщина заявила рѣзко, что она—не „лихоимка“.

Князь взялъ перстень, и, такъ какъ разговоръ не клеился, онъ тотчасъ-же раскланялся.

XXXII.

Князь простился съ Рубаковымъ и собрался уѣзжать на утро. Онъ былъ вполнѣ счастливъ и воображалъ себѣ, заранѣе ликуя, какъ разскажетъ онъ все матери, какъ опишетъ ей всѣ свои подвиги: письмо въ Петербургъ и строжайшія бесѣды свои съ намѣстникомъ и правителемъ дѣлъ.

На другой день, однако, будто зная или почуявъ, что князь уѣзжаетъ, на постоялый дворъ рано утромъ пріѣхалъ Ѳома Ѳомичъ съ просьбой къ князю подписать уже приготовленную имъ самимъ бумагу на трехъ листахъ, самую простую, незначущую.

Князь очень удивился, взялъ привезенную казенную „бумагу“, прочелъ и колебался. Это было нѣчто вродѣ докладной записки. Въ заголовкѣ стояло слово „промеморія“ на имя г. намѣстника и отъ имени князя.

Въ этой „промеморіи“ князь вкратцѣ разсказывалъ всѣ свои пререканія съ сосѣдомъ Абдурраманчиковымъ, ссылался на дѣйствія властителя, благодаря его за всяческую помощь противъ ябедника, и какъ-бы выгораживалъ его изъ всей непріятной исторіи. Бумага кончалась выраженіемъ всякой благодарности и признательности за то, что, если маіоръ Абдурраманчиковъ не достигъ своей цѣли и только отвѣтитъ за свои дѣйствія, то, конечно, благодаря мѣрамъ, принятымъ намѣстническимъ правленіемъ.

— Да зачѣмъ-же это, Ѳома Ѳомичъ, нужно?—заговорилъ князь.

— Лучше, право, лучше... для насъ: для его превосходительства и для меня! И дѣло справедливое. Вы знаете, что мы не держали сторону злодѣя. Въ случаѣ чего—мы будемъ непричастны, и это засвидѣтельствовано будетъ вами. А для васъ таковую бумагу подать ничего не стоитъ. Никакого худа вамъ отъ нея не будетъ, а намъ - добро. Если вы, дѣйствительно, въ вашей жалобѣ въ Петербургъ ничего противъ насъ не писали, то что же вамъ стоитъ подписать эту бумагу, вполнѣ согласную съ вашимъ письмомъ?

— Да, вотъ что! - сообразилъ князь. - Стало быть, вы не вѣрите? Вы полагаете, что я тамъ нажаловался, хотите меня якобы поставить въ противорѣчивое положеніе: тамъ-де, въ письмѣ, я на васъ нажаловался, а въ этой бумагѣ говорю совсѣмъ другое, говорю, что вы за меня стояли? Стало быть, вы не вѣрите, что я въ письмѣ жаловался только на Абдурраманчикова?—Ѳома Ѳомичъ развѣлъ руками, пожалъ плечами и сдѣлалъ жалостливую гримасу.—Не вѣрите? Ну, извольте! Чтобы доказать вамъ, что я не жаловался,я готовъ подписать. Хотя все-таки я скажу, что это все, прописанное вами и якобы мной самимъ сочиненное, не совсѣмъ правдоподобно. Вамъ хорошо извѣстно, что этакой особой помощи въ моемъ дѣлѣ съ Абдурраманчиковымъ съ вашей стороны никогда не бывало. Вамъ извѣстно, что самъ Серафимъ Ефимовичъ недавно убѣдительно меня увѣрялъ, что мнѣ, князю Татеву, великая честь женить своего сына на дочери какого-то выходца изъ мухомеданъ...

— Это была простая бесѣда, князь. А въ качествѣ чиновниковъ мы ничего худого не сдѣлали и стояли скорѣй за васъ, чѣмъ за маіора. И грѣхъ вамъ не желать насъ на всякій случай выгородить. У васъ все будетъ благополучно: Абдурраманчиковъ подожметъ хвостъ. А по всей вѣроятности онъ и не вернется въ наши края. А въ случаѣ его какихъ наговоровъ на насъ въ столицѣ мы можемъ представить эту вашу бумагу. Такимъ образомъ, въ сей промеморіи вы обрѣжете язычекъ Абдурраманчикову. Мы, такъ сказать, даемъ вамъ оружіе въ руки. Будетъ онъ на насъ лгать, что мы его под-

держивали, ваша бумага докажетъ, что онъ - лжецъ и лжетъ даже на намѣстническое правленіе.

Какъ ни простъ былъ князь, однако, онъ понялъ, что объясненіе Ѳомы Ѳомича хитрое, а бумажка, имъ сочиненная для подписи князя, есть все-таки „крючкотворное писаніе".

— Вѣдь, это, Ѳома Ѳомичъ,—показалъ князь на промеморію—все-таки въ нѣкоторомъ смыслѣ крючечекъ.

— Такимъ и пискаря изъ воды не вытащишь, князь!—разсмѣялся Галуша.—Ужъ будьте милостивы, подпишите!

И Ѳома Ѳомичъ, улыбаясь, взялъ со стола перо, окунулъ его въ чернильницу и протянулъ князю, говоря съ жалостливой ужимкой:

— Ваше сіятельство! Вы—добрѣйшая душа, всѣмъ это извѣстно, подмахните-ка вотъ званіе, имя, отчество и фамилію...

Князь пожалъ плечами, взялъ перо и подписался подъ бумагой. Но едва только онъ сдѣлалъ послѣдній росчеркъ съ хвостикомъ, какъ ему пришло на умъ простое соображеніе. Когда ему придется разсказывать все матери, то что-же онъ скажетъ объ этой бумагѣ? Вѣдь, придется положительно о ней умолчать. Первое, что мать спроситъ: что въ бумагѣ прописано? Помнить наизустъ всю бумагу онъ, конечно, не могъ, черняка у него не было, такъ какъ она сочинялась не имъ; къ тому-же она была написана знатокомъ, были какіе-то повороты выраженій, про которые можно было сказать: „понимай, какъ знаешь!" Стало быть, придется или страшно разгнѣвать мать, разсказавъ, что подписалъ какую-то не свою и двусмысленную бумагу, какъ мальчишка, не сумѣвъ отвертѣться или промолчать.

Князь вздохнулъ. Если-бы онъ былъ человѣкъ рѣшительный, то взялъ-бы эту промеморію уже подписанную и разорвалъ-бы ее пополамъ, объяснивъ Галушѣ, что собственно ему вдругъ пришло на умъ. Но, конечно, не князю можно было рѣшиться на подобное.

Пока онъ раздумывалъ и вздыхалъ, Ѳома Ѳомичъ уже вытащилъ бумагу изъ-подъ его рукъ, лежащихъ на ней, посыпалъ пескомъ и, не дожидаясь, чтобы подпись совсѣмъ подсохла, сложилъ и положилъ въ карманъ.

„Ну, ужъ теперь".—думалось Галушѣ.—„развѣ смертельно бить начнешь меня съ холопами, а иначе назадъ ее не получишь".

Галуша, разсыпаясь въ благодарностяхъ, уѣхалъ, а князь, поразмысливъ нѣсколько, пришелъ къ убѣжденію, что бѣды отъ этой бумаги никакой быть не можетъ. Что въ ней было собственно? Въ ней онъ объяснилъ намѣстнику, что онъ не имѣетъ на него никакой претензіи, что всѣ бѣды происходили

отъ Абдурраманчикова, а намѣстникъ и его правитель дѣлъ якобы и обнадеживали его обѣщаніемъ помощи и защиты противъ ябедника.

Между тѣмъ, князь отдалъ приказъ о приготовленіи къ отъѣзду. Въ сумерки его экипажъ уже стоялъ у подъѣзда. Красивые, сытые кони, застоявшіеся въ городѣ, теперь не стояли на мѣстѣ и играли. И люди князя при помощи слугъ постоялаго двора хлопотали, недоумѣвая, куда поставить купленный княземъ цибикъ чаю.

По докладкѣ князю, цибикъ былъ, по его приказанію, поставленъ на переднемъ мѣстѣ экипажа, но привязанъ накрѣпко бечевкой, чтобы дорогой на какомъ-нибудь ухабѣ не могъ соскочить и придавить князя.

Когда все было готово и Антонъ Семеновичъ уже собирался выходить, провожаемый хозяиномъ постоялаго двора, изъ-за угла шибкой рысью показался экипажъ самого намѣстника. Серафимъ Ефимовичъ явился пожелать другу счастливаго пути. Разумѣется, князь снова вернулся въ свои комнаты и принялъ намѣстника.

Звѣревъ, уже получившій бумагу съ подписью князя, былъ, очевидно, крайне доволенъ, а равно и спокоенъ. Разумѣется, онъ и Галуша лучше князя знали, какое значеніе можетъ имѣть эта бумага въ случаѣ, если гнѣвъ самого монарха, обрушившійся на Абдурраманчикова, почему-либо коснется и намѣстническаго правленія.

Промеморія князя выгораживала правленіе вполнѣ, и Звѣревъ вмѣстѣ съ Галушей выходили сухими изъ воды.

Намѣстникъ пожелалъ проводить князя въ полномъ смыслѣ слова, т.-е. видѣть, какъ онъ сядетъ въ свой экипажъ, а затѣмъ уже ѣхать домой. И, дѣйствительно, князь вышелъ, сѣлъ и двинулся на глазахъ мѣстнаго властителя, благодаря чему собралась цѣлая толпа народа вокругъ постоялаго двора, глазѣвшая и на начальство, и на именитаго князя, котораго „самъ“ провожаетъ. Когда князь тронулся въ путь „съ Богомъ“ и раскланялся съ Серафимомъ Ефимовичемъ, намѣсникъ тоже сѣлъ въ свой экипажъ и двинулся.

Ѣдучи домой, Звѣревъ радостно думалъ о томъ, что его Ѳома Ѳомичъ, дѣйствительно, золотой человѣкъ. Теперь, что-бы ни случилось тамъ, на берегахъ Невы, онъ, намѣстникъ, можетъ оставаться совершенно спокоенъ.

Промеморія князя было нѣчто написанное казеннымъ почеркомъ на двухъ съ половиною листахъ. Подпись князя стояла на второй страницѣ третьяго листа... На третьемъ листѣ, то-есть, въ концѣ промеморіи, говорилось только, что князь возлагаетъ всецѣло всѣ свои надежды на законы россійскіе и на содѣйствіе справедливыхъ властителей-судей.

— Этой бумажкѣ, Серафимъ Ефимовичъ, цѣны нѣту!— сказалъ Ѳома Ѳомичъ, лукаво ухмыляясь, и Звѣревъ это понялъ самъ.

— А этому третьему листику—цѣна... побольше всего того, чѣмъ владѣетъ князь Татевъ. Цѣна прямо—милліонъ!

Но этого Звѣревъ не понялъ, а Галуша только хихикалъ и ничего не объяснилъ.

XXXIII.

Выѣхавъ поздно, князь ночевалъ въ большомъ селѣ на половинѣ дороги и на другой день въѣзжалъ домой около десяти часовъ утра, довольный своей аккуратностью... До того времени, когда долженъ взвиться флагъ, то-есть должна итти отдыхать княгиня, ему оставалось дѣлыхъ два часа, чтобы описать ей всѣ свои похожденія и подвиги въ губерніи.

Князь былъ встрѣченъ всей семьей, а затѣмъ, торжествующій, направился въ комнату матери. Онъ вошелъ радостный, быстрыми шагами и громко говоря:

— Ну, вотъ, маменька, какъ все счастливо потрафилось!

И, такъ какъ Антонъ Семеновичъ быстро приблизился къ матери, чтобы поцѣловать ручку, княгиня произнесла:

— Ну, ну... Распрыгался тамъ! Здѣсь не прыгай!

Поцѣловавъ ручку у матери и увидя, что княгиня не просто дѣлаетъ видъ недовольный, а дѣйствительно сумрачна, удивленный Антонъ Семеновичъ сталъ предъ ней, не зная, что сказать, и ожидая вопроса.

— Садись!—сухо выговорила Арина Саввишна. — Разсказывай все по порядку!

Князь сѣлъ и началъ разсказывать, насколько могъ, дѣйствительно, по порядку; но каждый разъ, что онъ оживлялся и начиналъ говорить быстрѣе и громче, начиналъ улыбаться, княгиня прерывала сына, говоря:

— Ну, ну, полегче! Да и не ухмыляйся! Кончишь, я тебѣ поясню, что ты дожилъ до экихъ лѣтъ и все еще младенецъ.

Разумѣется, окончивъ свое повѣствованіе, князь ни единымъ словомъ не обмолвился о томъ именно, что всю дорогу его занимало и волновало, то-есть о промеморіи, имъ подписанной.

— Ну, кончилъ?—спросила княгиня.

— Кончилъ...—чуть не виновато отвѣтилъ князь, видя что лицо матери стало еще суровѣе.

— Ну, теперь меня слушай! Мое сказаніе будетъ коротчайшее! Скажу я тебѣ, что ты — дуракъ, намѣстникъ твой — пѣтый дуракъ, правитель Галушка—старая лиса и каналья, а

все-таки въ этомъ дѣлѣ и онъ опростоволосился. Говорится: стараго воробья на мякинѣ не обманешь. Вранье это. Я сама въ молодости это видала; да и сама ловила! Кто тебѣ, дураку, сказалъ, что твое письмо твоему другу и благодѣтелю все дѣло повершило? Мы знаемъ всѣ пакости, которыя дѣлалъ намъ Абдурраманчиковъ, а знаемъ-ли мы, или нѣтъ, что онъ и, помимо насъ, питерскихъ какихъ разозлилъ и разобидѣлъ? Не вѣрится мнѣ, чтобы твой другъ и благодѣтель былъ въ такой силѣ, что, чуть получилъ письмо, сейчасъ отправился прямо къ императору да и бухнулъ все. Да мало того, бухнулъ, а еще попросилъ Абдурраманчикова въ бараній рогъ согнуть, въ Сибирь сослать. Не вѣрится мнѣ,—вотъ и шабашъ! Что-нибудь тутъ да не такъ. Это только ты да твой намѣстникъ и его правитель, какъ остолопы какіе, не глядя въ святцы, влѣзли на колокольню да и давай благовѣстить, а служба-то полагается на завтра. Дураки! Что-же съ васъ взять?!

Князь былъ нѣсколько озадаченъ и спрашивалъ себя мысленно: „Дѣйствительно, откуда-же онъ взялъ, что все произошло изъ-за его письма? Да, откуда?! Но, если не его письмо, то что-же тогда? Ну, а тертый калачъ Серафимъ Ефимовичъ и самый уже тертый на всю Россію калачъ Ѳома Ѳомичъ, онито что-же?.. А перепугъ самого маіора? Присылка сына просить прощенія“?

Князь не могъ допустить, чтобы такіе продувные люди могли ошибаться такъ-же, какъ и онъ.

— Скажи-ка, младенецъ пятидесятилѣтній,—снова заговорила княгиня,—что собственно сказывалъ фельдъегерь Абдурраманчикову или Звѣреву? По какому дѣлу онъ прискакалъ и захватилъ маіора?

— Онъ, маменька, объяснилъ, что самъ ничего не знаетъ.

— Ага, то-то! Младенецъ!..

— Онъ говорилъ, что ему приказано только взять Абдурраманчикова и какъ можно скорѣй доставить въ Петербургъ. А по какому дѣлу—ему совсѣмъ неизвѣстно.

— Ну, вотъ я, сидя здѣсь, знала больше твоего и разсудила, и поняла лучше тебя. И вотъ теперь, когда я узнаю, что Абдурраманчиковъ изъ Петербурга совсѣмъ вылетѣлъ въ тѣ края, гдѣ Ермакъ Тимофеевичъ воевалъ, тогда я и увѣрую. Биться объ закладъ, хоть на рубль, что Персида не увезли ради его озорства съ нами и по ходатайству твоего благодѣтеля, я, понятно, не стану. Коли выйдетъ такъ—скажу: слава Богу! А до тѣхъ поръ радоваться, какъ ты, тоже не стану. Но только вотъ что, Антонъ: одно дѣло само по себѣ, а другое дѣло само по себѣ. Генеральша съ Машенькой у меня вылетѣла единымъ духомъ опять... и ужъ совсѣмъ

теперь... Анна Павловна съ сыномъ здѣсь... Арину надо живѣе замужъ, а то она бѣситься начала, а раньше Гавріила нельзя. Такъ его тоже надо скорѣе женить. Стало быть, намъ нечего прохлаждаться, тыкаться да собираться, а надо трафить все къ исполненію. И, если не вѣнчать сейчасъ-же двѣ пары, то все-таки-же что-нибудь законное зачинать. Я порѣшила, что надо, не откладывая, совершить ихъ обрученіе. И въ одинъ разъ. Сначала, какъ оно полагается по обряду, обручитъ батюшка Гавріила и его невѣсту, а тотчасъ послѣ нихъ и Арину съ Павлушей. И будутъ у насъ въ домѣ уже не женихи съ невѣстами, а обрученные. А обрученіе, знаешь, какое имѣетъ великое значеніе: оно почитается чуть не половиной брака. Вотъ этакъ-то будетъ вѣрнѣе. А то съ такими мерзавцами и олухами, какъ Абдурраманчиковъ, Звѣревъ и эта Галушка, самое надежное дѣло можетъ быть ненадежнымъ. Вернется Персидъ цѣлъ и невредимъ, и Гавріилъ сейчасъ дастъ себя опять словить, вѣстимо, нарочно...

— Слушаю-съ, маменька! Какъ прикажете! Что нужно будетъ — извольте приказать, я распоряжусь. Только позвольте узнать... невѣста Гаврика то...

— Нечего мнѣ приказывать и нечего тебѣ распоряжаться... Поповъ звать не долго... А невѣста Гавріилова будетъ здѣсь чрезъ недѣлю. Феликсъ нашъ уже мной посланъ и дѣйствуетъ.

— Кто-же такая, маменька?

— Много будешь знать скоро состаришься. Ну, а теперь слушай еще... Дѣло не послѣднее... Ступай теперь отдохни, а нынѣ же послѣ обѣда побесѣдуй со своимъ сынкомъ Гавріиломъ. Я только разъ коротко съ нимъ говорила, а въ разсужденія и ученіе вступать не пожелала. Не приличествуетъ мнѣ, бабкѣ, и старой, разговоры вести эдакіе со щенкомъ-внучкомъ. Да и тебѣ-бы не слѣдовало, какъ родителю... Слѣдовало-бы Симеона на это направить! Да что-же дѣлать, когда и онъ малоумный, какъ и всѣ вы тутъ. Срамное дѣло! Только дѣвки — Арина да Катерина — шустры да умны, да развѣ еще мальчугашка Рафушка прытокъ. А старые да взрослые — увальни, тетери... Такъ вотъ послѣ обѣда побесѣдуй съ сыномъ. Понялъ?

— О чемъ-же, маменька? — рѣшился спросить князь.

— О чемъ?! А вотъ я тебѣ не скажу, о чемъ.

Князь удивленно посмотрѣлъ на мать.

— Да! Таращь глаза-то! Послѣ бесѣды этой мигать начнешь! Возьми Гавріила послѣ стола, уведи къ себѣ и скажи ему: „Слушай, Гаврикъ, радуйся, молъ... Чрезъ недѣлю будешь обрученъ, а тамъ и обвѣнчанъ, у бабушки жена тебѣ найдена“... Ну, вотъ, больше ничего. Тамъ самъ увидишь, что будетъ.

Князь, ввиду приказанія матери отдохнуть отъ дороги, не пошелъ къ дѣтямъ, а направился въ свои комнаты.

Но едва княгиня прилегла, всѣ, отчасти тайкомъ, сошлись къ отцу, котораго любили и „жалѣли“.

Князь узналъ, что Ариша была наказана за своевольство, но прощена уже по просьбѣ жениха.

Время до обѣда прошло быстро. Всѣ слушали разсказы отца про „губернію“. Наконецъ, флагъ былъ спущенъ, и всѣ собрались въ столовую. За обѣдомъ княгиня была задумчива и молчалива. Уже за пирожнымъ она обернулась къ сыну и сказала, презрительно усмѣхаясь:

— Антонъ, видѣль ты или не видѣлъ, каковъ тутъ за столомъ одинъ сидитъ?

Князь поспѣшилъ проглотить кусокъ, который былъ у него во рту, и переспросилъ мать, не понявъ ея вопроса.

— Видѣлъ-ли ты, говорю, развеселаго человѣка, который сидитъ съ нами за столомъ и который ужъ такъ-то веселъ, такъ-то радостенъ, что просто на него смотрѣть нельзя? Самъ прыгать да хохотать примешься!

Князь сталъ обводить глазами всѣхъ сидящихъ, такъ какъ онъ такого человѣка еще не замѣтилъ, но, когда онъ обвелъ всѣхъ глазами, то онъ догадался. Онъ зналъ, что надо было часто понимать слова матери совершенно наоборотъ.

„Развеселый человѣчекъ“ былъ, очевидно, тотъ, который сидѣлъ за столомъ темнѣе ночи, а таковымъ былъ теперь Гаврикъ. Во все время онъ будто умышленно не проронилъ ни слова, сидѣлъ и молчалъ, какъ убитый.

Князь присмотрѣлся къ сыну внимательно, и, помимо его блѣдности и грусти, или унынія, которое онъ замѣтилъ, когда сынъ сидѣлъ у него, было и нѣчто новое, что князя даже удивило... У Гаврика унылое лицо казалось не смущеннымъ, а отчасти сердитымъ, а глаза слишкомъ сурово блестѣли изъ-подъ густыхъ бровей. Такое выраженіе лица у молодого человѣка въ присутствіи его бабушки озадачило князя. Оказывалось, что Гаврикъ какъ-будто совсѣмъ не боится бабушки. А этакое было уже чѣмъ-то невѣроятнымъ, чѣмъ-то опаснымъ для всѣхъ.

Князь невольно уставился на сына, не только удивленный, но почти пораженный. Гаврикъ глянулъ на отца, и лицо его стало еще сумрачнѣе. Князю даже показалось, что Гаврикъ вдругъ еще пуще обозлился, ощетинился... И князь чуть не вымолвилъ вслухъ:

„Тьфу, Господи помилуй! Сейчасъ у меня былъ не такой. Будто маменькѣ на зло!“

Дѣйствительно, такового никогда въ домѣ не бывало. Вся семья, какъ и онъ самъ, робѣли за Гаврика: онъ заваритъ кашу, а расхлебывать придется всѣмъ.

Послѣ обѣда, вставъ изъ-за стола, княгиня сказала князю насмѣшливо:

— Ну?.. Иди .. пощупай сына! Увидишь, какое полѣзетъ изъ него...

Но бесѣда не удалась... Гаврикъ слушалъ и молчалъ, а на прямые вопросы отца и требованіе отвѣта произносилъ:

— Какъ прикажете! Ваша воля! Что будетъ бабушкѣ угодно! Прикажетъ—мое дѣло повиноваться.

Князь доложилъ матери о результатѣ разговора, а княгиня отвѣтила:

— Да. Обручать скорѣе...

Только брату Рафушкѣ Гаврикъ сказалъ:

— Прикажутъ топиться, такъ пускай прорубь велятъ заготовить, а то бабушка думаетъ, что я-же ее и дѣлай.

XXXIV.

Однажды утромъ князю доложили, что прибывшій на зарѣ конный изъ губерніи имѣетъ до него, князя, письмо, которое приказано передать въ руки. Князь вышелъ въ переднюю, узналъ въ гонцѣ молодцоватаго парня—форрейтора своего пріятеля Рубакова, и взялъ отъ него письмо.

Пройдя къ себѣ и прочитавъ всего двѣ страницы крупнаго писанія, князь страшно взволновался. Да и было отчего. Рубаковъ писалъ, что его сынъ только что возвратился изъ Петербурга и привезъ вѣсть. Въ столицѣ много толковъ о томъ, что нѣкій маіоръ Абдурраманчиковъ былъ принятъ государемъ императоромъ благосклонно и, какъ сказываютъ, будетъ на дняхъ щедро награжденъ чинами, отличіями и душами, а можетъ быть, награжденіе уже состоялось. Причиною всего, какъ сказываютъ втихомолку, служитъ то обстоятельство, что Абдурраманчиковъ находился въ числѣ лицъ, которыя были когда-то, чуть не сорокъ лѣтъ назадъ, приверженцами государя Петра Ѳеодоровича.

Рубаковъ кончилъ письмо совѣтомъ и предупрежденіемъ принять всякія мѣры на всякій случай, такъ какъ дѣло поворачивается совершенно иначе и, очевидно, есть какое-то недоразумѣніе. Фельдъегерь, очевидно, пріѣзжалъ за разбойникомъ не ради жалобы князя, а по совсѣмъ другимъ обстоятельствамъ.

Князь перечелъ письмо нѣсколько разъ, короткое и ясное, но, чѣмъ болѣе онъ вникалъ въ него, тѣмъ, казалось, менѣе понималъ, такъ какъ отъ волненія у него путалось въ головѣ. Разумѣется, первымъ движеніемъ его было—скорѣй бѣжать докладывать все матери, какъ-бы искать у нея помощи.

Какъ всѣ слабодушные люди, князь надѣялся, что княгиня-матушка сейчасъ же все значеніе этого письма уничтожитъ, все объяснитъ на свой ладъ, и все будетъ слава Богу.

Войдя къ матери и прочитавъ ей письмо, князь ожидалъ услышать, что все дѣло—пустяки, но вышло совершенно иное. Княгиня, прослушавъ письмо Рубакова, взволновалась еще болѣе сына. Положивъ письмо на колѣни, она стала тупо глядѣть въ стѣну, ничего не говоря.

— Какъ посудите, маменька?—спросилъ князь.

— Что-же, теперь всего жди... — и, помолчавъ, княгиня прибавила:—вотъ говорила я тебѣ, что ты, твой правитель и властитель—дураки! Вотъ оно! И я это лучше васъ понимала! И вотъ оказывается теперь, что напрасно я спорила съ генеральшей. Она правду сказывала. А она сказывала вскорѣ послѣ своего прибытія сюда къ намъ про то, что всей Россіи извѣстно. Государь уже давно строго наказалъ разыскивать по всей имперіи всѣхъ тѣхъ лицъ, къ которымъ благоволилъ императоръ Петръ Оедоровичъ. Понятно, не старыхъ, тѣ всѣ перемерли, а тогдашнихъ молодыхъ, кои теперь старики. А ты самъ сказывалъ, что въ бытность твою въ гвардіи, покуда ты отличался за царицу, этотъ Персидъ отличался за царя. Ты за свои подвиги абшидъ получилъ и остался не причемъ; этотъ Абдулка тоже чуть не въ Сибирь тогда улетѣлъ, а вотъ, спустя тридцать пять лѣтъ, награду получитъ.

Кто-же это, маменька, могъ предвидѣть! Понятно, самъ врагъ человѣческій ничего такого подстроить-бы не могъ. Но какъ-же, маменька, маіоръ можетъ быть вознагражденъ? За что? Полагаю, что все это—вымыслы столичные... одни слухи да пересуды.

— Дуракъ ты! Какое намъ дѣло, будетъ-ли онъ награжденъ или не будетъ? Ты помни, что мы на словахъ да на мысляхъ уже сослали его въ Сибирь, а онъ назадъ пріѣдетъ. И, если даже никакой награды не получитъ, то по возвращеніи сюда послѣ ласковыхъ словъ самого императора россійскаго онъ здѣсь заговоритъ на иной ладъ. И безъ того былъ онъ нахаломъ и лиходѣемъ, а что-же теперь будетъ?!. Да и сила его иная будетъ. Довольно, что онъ пріѣдетъ съ ласковыми словами царскими, чтобы твой Звѣревъ и всѣ его присные хамы завертѣлись вокругъ него и начали ходить на четверенькахъ. Всѣ власти передъ нимъ хвостъ подожмутъ и будутъ творить все ему угодное.

И княгиня рѣшила, что надо тотчасъ послать старшаго внука въ губернію, чтобы собрать самыя вѣрныя свѣдѣнія. Если, дѣйствительно, въ судьбѣ мѣстнаго помѣщика, увезеннаго фельдъегеремъ въ столицу, произошла какая-либо перемѣна, то слухъ о ней долженъ былъ уже добѣжать до города. Эта перемѣна не можетъ не быть крупная, или къ худшему,

или къ лучшему. И, если этотъ разбойникъ былъ, дѣйствительно, обласканъ государемъ за свою вѣрную службу его родителю, императору Петру, то, конечно, онъ не преминетъ тотчасъ-же написать объ этомъ и намѣстнику, и кому-либо изъ пріятелей.

По мнѣнію княгини, Рубаковъ не могъ все наврать, тѣмъ паче, что сынъ его лично привезъ свѣжія вѣсти изъ столицы, но все-таки лучше узнать сущую правду и въ подробностяхъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Абдурраманчиковъ, помимо ласковыхъ словъ, получилъ или получитъ какую-либо награду.

Князь отвѣтилъ нѣсколько словъ пріятелю, поблагодарилъ его за извѣщеніе и заявилъ, что пришлетъ сына въ городъ разузнать все подробнѣе.

Князь Семенъ Антоновичъ сталъ собираться черезъ два-три дня выѣхать въ городъ, явиться отъ имени отца къ намѣстнику и къ правителю канцеляріи и, во всякомъ случаѣ, оставаться въ городѣ до тѣхъ поръ, пока не придутъ вѣрныя извѣстія о судьбѣ Абдурраманчикова.

Прошло два дня. И за это время въ домѣ вся семья и даже дворовые люди только и говорили, что о нежданномъ происшествіи со злодѣемъ-сосѣдомъ.

Отъѣздъ князя Семена былъ окончательно рѣшенъ на другой день утромъ, а наканунѣ, въ сумерки, во дворъ усадьбы въѣхалъ экипажъ четверней. Изъ него вышелъ гость и велѣлъ о себѣ доложить князю Антону Семеновичу. Гость былъ Петръ Абдурраманчиковъ.

Весь домъ всполошился при такомъ извѣстіи. Даже княжна Катюша и молоденькій Рафуша и тѣ прибѣжали изъ своихъ комнатъ въ залъ и пугливо выглядывали изъ дверей. Князь прежде всего пошелъ или, вѣрнѣе, побѣжалъ на половину матери спросить у нея: какъ быть?

Княгиня, совершенно ошеломленная извѣстіемъ, помолчала нѣсколько мгновеній, волнуясь и тяжело переводя дыханіе.

— Если пріѣхалъ,—сказала она,—то все—правда. Иначе не посмѣлъ-бы! Прогнать въ три шеи—хорошаго мало. Что дѣлать? Надо поступиться своей гордостью! Да и нельзя намъ въ темнотѣ бродить, нельзя въ жмурки играть. Надо знать все, что есть. А онъ ужъ, конечно, все скажетъ.

— Что-же мнѣ ему отвѣчать на это?

— Глупая голова! Бревно! — воскликнула княгиня. — Да развѣ я знаю, что онъ у тебя спрашивать будетъ? Коли заговоритъ опять объ вскорбленіи, якобы нанесенномъ ихъ фамиліи нашимъ дуралеемъ Гаврилой, то отвѣчай все то-же: что это—ихъ измышленіе, и въ концѣ концовъ прогони его. Но, главное, узнай отъ него, правда ли все, про что пишетъ Рубаковъ. Обида, что я не могу его принять, не могу ему та-

кую честь оказать. Еще пуще возмечтаетъ, а то-бы я съ нимъ поговорила. Ну, иди, принимай!

Князь вышелъ, приказалъ просить гостя, а самъ прошелъ въ гостиную и сѣлъ въ кресло въ ожиданіи гостя, нежданнаго и невѣроятнаго.

XXXV.

Когда Петръ Абдурраманчиковъ появился въ дверяхъ, князь поднялся, двинулся къ нему навстрѣчу и, не здороваясь, холодно, насколько умѣлъ, произнесъ:

— Чѣмъ обязанъ я вашему нежданному и нежеланному посѣщенію?

Когда Петръ приблизился, и князь, немножко близорукій, могъ ясно разглядѣть его лицо, то онъ увидѣлъ предъ собой не того молодого человѣка, котораго видѣль въ послѣдній разъ въ дверяхъ корридора постоялаго двора. Тогда это былъ взволнованный, блѣдный человѣкъ, готовый расплакаться, теперь-же онъ видѣлъ предъ собой не только веселое, но радостное лицо и какую-то другую молодцовато-горделивую осанку. Да и голосъ Петра зазвучалъ иначе.

— Являюсь я къ вамъ, князь, по порученію батюшки, получивъ изъ столицы отъ него на это приказаніе.

— Прошу садиться!—сухо отозвался князь.

— Позвольте передать вамъ все по порядку!—заговорилъ Абдурраманчиковъ.—Прежде позвольте вамъ объяснить большое недоразумѣніе. Вы, конечно, помните, что я былъ у васъ на постояломъ дворѣ и просилъ васъ отъ имени батюшки простить насъ. Мы, по неразумію, вообразили себѣ, что, по вашимъ жалобамъ, батюшка былъ вызванъ къ отвѣту въ столицу. Оказалось, по счастію, что все это было одно наше напрасное опасеніе. Родитель мой былъ вызванъ совершенно по особому дѣлу. Государь императоръ пожелалъ видѣть батюшку и лично узнать его. А зачѣмъ? За тѣмъ, чтобы лично поблагодарить его за то, что онъ давно тому назадъ, въ оны дни, какъ говорится, былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ государя Петра Ѳеодоровича, состоялъ при фельдмаршалѣ Минихѣ и въ самые смутные дни или, какъ выражается въ письмѣ самъ батюшка, въ самые роковые и смутные часы и минуты готовъ былъ пожертвовать своей жизнью за своего императора. Все это оказалось извѣстнымъ нынѣшнему государю. И вотъ-съ къ чему это повело: былъ маіоръ Абдурраманчиковъ, какъ вамъ извѣстно, князь, — теперь такового нѣтъ!

И молодой человѣкъ улыбнулся, луцо его радостно засіяло.

— Есть, князь, ни больше, ни меньше, — даже повѣрить трудно,—есть генералъ Абдурраманчиковъ. Да-съ! Батюшка произведенъ былъ самимъ государемъ въ генералы при милостивыхъ словахъ, что, если-бы царствовалъ государь Петръ Ѳеодоровичъ, то теперь батюшка былъ бы во всякомъ случаѣ уже генераломъ-аншефомъ. А, кромѣ того, государь соизволилъ пожаловать батюшкѣ двѣсти душъ въ Минской губерніи, конечно, съ правомъ продать ихъ, чтобы купить какую-либо вотчину здѣсь поблизости.

Приглядѣвшись пристальнѣе къ князю и видя, насколько онъ пораженъ, молодой человѣкъ вымолвилъ, уже не усмѣхаясь, мягко и дружелюбно:

— Не слѣдуетъ вамъ, князь Антонъ Семеновичъ, смущаться! Я являюсь къ вамъ по письму батюшки заявить, что онъ, имѣя противъ васъ смертоносное оружіе, не желаетъ быть все-таки вашимъ врагомъ, а проситъ у васъ примиренія, проситъ вернуться къ нашимъ прежнимъ дружескимъ отношеніямъ и снова усердно молитъ васъ согласиться и не перечить склонности Гаврика и сестры Лисаветы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родитель приказываетъ мнѣ напомнить вамъ, Антонъ Семеновичъ, слѣдующія три обстоятельства, которыя вы сами должны оцѣнить... Первое: вспомните, что вы были въ числѣ преображенцевъ, способствовавшихъ съ графами Орловыми удаленію отъ власти императора Петра, родителя государя; второе и третье обстоятельства совсѣмъ иныя, но не менѣе важныя. Второе: вы не пожелали въ ноябрѣ праздновать день восшествія на престолъ государя, о чемъ и написали намѣстнику, а затѣмъ въ письмѣ къ батюшкѣ вы заявили дерзновенно, что монархъ всероссійскій не можетъ вамъ ничего приказать, какъ двевнему дворянину. Наконецъ, третье: кромѣ сихъ двухъ писаній вашихъ, существуетъ промеморія ваша, поданная Звѣреву, въ которой вы изъясняетесь, какъ вѣрноподданному рабу уже совсѣмъ не приличествуетъ... Въ ней вы прямо преступаете всѣ законы. Всѣ эти три документа находятся въ рукахъ моего родителя.

Молодой человѣкъ замолчалъ, и, такъ какъ князь сидѣлъ понурившись, какъ-то растерявшись, и ничего не отвѣчалъ, то Абдурраманчиковъ снова заговорилъ, объясняя пагубное значеніе для князя его писаній. Наконецъ, онъ спросилъ, какой отвѣтъ онъ можетъ имѣть, чтобы немедленно послать гонца въ Петербугъ.

— Почему же такъ сейчасъ?—растерянно отозвался князь

— Батюшка пишетъ, что, пока онъ не будетъ имѣть отъ васъ письменнаго удостовѣренія о согласіи вашемъ на бракъ сестры съ княземъ Гавріиломъ, до тѣхъ поръ онъ останется въ столицѣ. Не скрою отъ васъ, князь, что по этому семейному дѣлу родитель будетъ просить помощи самого государя.

— Какъ же такъ? – воскликнулъ князь.

— Да-съ! Государь императоръ сказалъ батюшкѣ, что, помимо этихъ двухъ наградъ, онъ даетъ ему право обращаться со всякими личными просьбами, и что все, что батюшкѣ будетъ нужно, все, по мѣрѣ возможности, будетъ исполнено. Вы знаете, князь, что если мы желаемъ и добиваемся вашего согласія, то отнюдь не вслѣдствіе какой-либо амбиціи... Что же намъ теперь, когда батюшка самъ – генералъ, искать породниться съ княжеской фамиліей? Не Богъ вѣсть что! А мы желали бы сего, потому что сестра уже давно всѣмъ сердцемъ привязана къ Гаврику. Я съ нимъ тоже въ дружествѣ, какъ вамъ извѣстно, съ малыхъ лѣтъ. Самъ онъ тоже давно любитъ сестру Лисавету. Онъ клялся намъ не разъ, что никогда ни на комъ, кромѣ нея, не женится.

— Онъ не смѣлъ этакую клятву давать! — громко вскрикнулъ князь.

— Это уже другое дѣло: смѣлъ или не смѣлъ. Я объясню вамъ суть. Разсудите, доложите княгинѣ Аринѣ Саввишнѣ и дайте мнѣ отвѣтъ. А я сегодня же напишу моему родителю и пошлю гонца. Но позвольте снова предупредить васъ, что въ случаѣ вашего отказа батюшка будетъ просить о новой ауді-енціи у государя и будетъ просить какъ бы въ награду себѣ, чтобы государь въ это дѣло вступился и чтобы сестра могла выйти замужъ по склонности за человѣка, ее любящаго. Позвольте еще, князь, напомнить вамъ, что есть маленькое обстоятельство, которое, хотя и пустое, а можетъ имѣть большое значеніе. Вы лучше меня должны помнить то, что я знаю по наслышкѣ, слыхавши отъ моего родителя. Вы были въ гвардіи при государѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ. Вамъ, конечно, извѣстно, что была одна особа, къ которой у покойнаго государя была великая привязанность...

Князь подумалъ и произнесъ:

— Помню, помню! Только одна и была—Воронцова.

— А какъ ее звали, князь?

— Воронцова-же.

— Слышу-съ! Но какъ ее звали по имени и отчеству?

— Елисавета Романовна!

— А какъ зовется моя сестра?

— Елисавета Романовна...—произнесъ князь тише и какъ бы удивленно.

— Вотъ изволите видѣть, даже это пустое обстоятельство можетъ имѣть великое значеніе: государь, узнавъ, что сестра носитъ тоже имя и отчество, что особа, къ которой былъ такъ расположенъ его покойный родитель, тоже, какъ бы вамъ сказать, станетъ расположенъ къ сестрѣ. Бываютъ такія обстоятельства на свѣтѣ. Позвольте примѣръ привести... Когда батюшка заявилъ его величеству, что я — его единственный

сынъ,—ношу имя Петра, въ память покойнаго государя, благодѣтеля его, то государь императоръ просвѣтлѣлъ лицомъ, потрепалъ батюшку по плечу и сказалъ: „Спосибо. Умница! Я запомню, что твой единородный именуется Петромъ". Да-съ...

И, помолчавъ, Абдурраманчиковъ прибавилъ:

— Вотъ-съ, я вамъ все изложилъ. И теперь, какъ прикажете? какъ разсудите? Доложите все княгинѣ и вынесите мнѣ отвѣтъ для отписки родителю въ Петербургъ.

Князь поднялся и хотѣлъ было итти къ метери, но затѣмъ остановился и вымолвилъ:

— Вотъ что, Петръ Романовичъ, одна просьба! Дайте намъ сутки на обсужденіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ. Завтра въ эту же пору мы вамъ дадимъ отвѣтъ. Или Семенъ къ вамъ поѣдетъ, или я вамъ письмо пришлю.

Абдурраманчиковъ подумалъ минуту и произнесъ:

— Извольте-съ! Сутками раньше или позже, тутъ бѣды нѣтъ, хоть батюшка и требуетъ отъ меня немедленнаго отвѣта. Ну-съ, простите или до пріятнаго свиданія, если не съ вами, то съ княземъ Семеномъ Антоновичемъ. А еще было бы съ вашей стороны любезнѣе и великодушнѣе прислать съ отвѣтомъ Гавріила Антоновича. Позвольте мнѣ знать напередъ, что, если я увижу въѣзжающимъ къ намъ во дворъ гонца или Семена Антоновича, то я буду знать, что отвѣтъ худой; а если я увижу въ воротахъ моего друга Гаврика, то возликую, буду уже знать, что все благополучно. И, повѣрьте, князь, изъ-за такого рѣшенія дѣла, кромѣ счастія, ничего не произойдетъ ни для вашей фамиліи, ни для нашей. Да и наконецъ, опять повторяю: чѣмъ не невѣста для князя Татева дочь генерала Абдурраманчикова?

— Вотъ... какъ маменька...

— Стало быть, вы... — радостно воскликнулъ Петръ,—вы-то... вы сами?..

— Что же я?.. Какъ маменька!..

Абдурраманчиковъ уѣхалъ, князь тихо, понуривши, пошелъ къ матери, какъ раздавленный своимъ объясненіемъ съ гостемъ.

Слушая подробный докладъ сына, княгиня не проронила ни слова, но лицо ея сильно измѣнилось и потемнѣло...

На вопросъ Антона Семеновича: что дѣлать?—она не отвѣтила. Когда князь, спустя минутъ пять глубокаго молчанія, повторилъ вопросъ, Арина Саввишна произнесла не гнѣвно, но глухо:

— Уходи!

Въ тотъ же день, въ сумерки, князь, по приказанію матери, сѣлъ за работу, писать длинное и обстоятельное посланіе на имя злодѣя-сосѣда. Почти всѣ разсужденія и даже выраженія,

которыя приказала сказать княгиня, были буквальнымъ повтореніемъ того, что она придумала сама.

Разумѣется, это былъ безусловный, гордый и рѣзкій отказъ не только относительно брака сына, но и примиренія. Нѣкоторыя выраженія письма были крайне грубы и оскорбительны. Такъ, по заявленію князя, господинъ „Персидскій выходецъ", бывшій маіоромъ и ставшій генераломъ, все-таки не былъ и впредь не будетъ истиннымъ русскимъ дворяниномъ и равнымъ князьямъ Татевымъ, которые въ дворяне никогда возводимы не были, а „какъ зачалися, такъ уже оными и причитались". Осрамить свой древній родъ бракомъ сына съ дочерью инородца, объяснялъ князь, никакія силы ни земныя, ни небесныя, повелѣть ему и заставить его исполнить—не могутъ. Въ смерти Богъ воленъ! А въ чести да въ срамѣ на землѣ Господа Бога всуе вмѣшивать нечего. Это отъ самыхъ человѣковъ зависитъ, и Господь тутъ не причемъ. А царь всероссійскій срамиться дворянину не прикажетъ. Таковое не полагается. Нельзя приказать сотворить княжну россійскую поповой или подъячьей женой, нельзя приказать тоже какую татарку, дѣвицу свиное ухо, сотворить бракомъ русскою княгинею...

Было въ посланіи князя и много мелкихъ уколовъ и въ томъ числѣ напоминаніе, что Абдурраманчиковъ „обучился и пріобыкъ къ мерзостнымъ поступленьямъ" еще въ бытность свою голштинскимъ рейтаромъ, когда съ товарищами „напускалъ соблазнъ и срамоту" на весь Петербургъ.

На утро посланный гонецъ повезъ письмо въ „Кутъ".

Князь былъ унылъ и озабоченъ. Княгиня была, напротивъ, въ добромъ расположеніи и повторила нѣсколько разъ и сыну, и внукамъ:

— Я имъ всѣмъ себя покажу... Узнаютъ какова такова княгиня Арина Саввишна Татева!

XXXVI.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Новаго ничего не было. Все шло по-старому. Докторъ Янковичъ вернулся въ усадьбу давно и безъ успѣха. Невѣсту Гаврику онъ не доставилъ. Одна изъ намѣченныхъ княгиней была уже замужемъ мѣсяца съ три, а другая болѣла оспой и была обезображена. Не женивъ внука, княгиня, конечно, не могла выдать замужъ и внучку.

Абдурраманчиковъ продолжалъ пребывать въ столицѣ. Въ теченіе этого времени, съ недѣлю назадъ, Петръ снова пріѣзжалъ въ „Симеоново", но князь его не принялъ. Молодой человѣкъ сидя въ экипажѣ у подъѣзда, умолялъ князя, чрезъ Ивана Спиридоновича, принять его и выслушать.

— Ради своей же княжей, пользы — объяснялъ онъ дворецкому.

Но княгиня повторяла сыну одно:

— Гнать со двора взашей!

И Антонъ Семеновичъ, все давно, много и основательно обдумавшій и собственно желавшій принять сына своего врага, котораго теперь сильно опасался, все-таки повиновался матери.

Когда Петръ уѣхалъ, не будучи принятъ, Гаврикъ пришелъ къ отцу взволнованный и сталъ говорить, что напрасно отецъ не идетъ на мировую, что все можетъ имѣть „сугубо худое происхожденіе“.

— Всѣ мы пропадемъ изъ-за бабушки!—сказалъ Гаврикъ отчаяннымъ голосомъ.—И радъ-бы Романъ Романовичъ перестать враждовать, но вы-же сами не хотите.

— Какъ ты смѣешь такъ разсуждать!—разсердился князь.—Права маменька, говоря, что вы щенки, бѣситься начали.

— Худо будетъ! Худо будетъ!—повторялъ Гаврикъ.

— Да ты-то что знаешь, что смыслишь, молокососъ? Что онъ—генералъ, а не маіоръ?.. Да плевать намъ на это...

— Охъ, не то!.. Не то!..—отозвался Гаврикъ.

— Такъ что-же?

— Худо будетъ. Не вѣсть, какое лихо на насъ стрястись можетъ.

— Да что ты болтаешь? Подумаешь, знаетъ онъ что... ей Богу.

— Можетъ, и знаю...—глухо выговорилъ Гаврикъ.—Надо было вамъ, батюшка, принять Петрушу.

— Что-же ты знаешь? Говори, коли знаешь! Ну? Говори, щенокъ!

Но Гаврикъ ничего не отвѣтилъ и, наконецъ, сказалъ, что онъ „эдакое зря сболтнулъ“.

Когда прошла недѣля послѣ пріѣзда Петра и около мѣсяца со времени писанья посланія, въ „Симеоново“ нежданно явился намѣстническій чиновникъ Горстъ.

Князь нѣсколько смутился появленіемъ чиновника, но оказалось совершенно иное, еще болѣе нежданное и худшее...

Горстъ, принятый, объяснилъ князю, что является не по приказу и порученію намѣстника, а по собственному почину... Онъ пріѣхалъ одолжить князя, помочь въ бѣдѣ.

И канцеляристъ по вольному найму объяснилъ, что изгнанъ изъ управленія по наговорамъ извѣстной всѣмъ „знатной“ госпожи Шкильдъ, полюбовницы намѣстника, лихоимки и скверной бабы... Горстъ, разумѣется, при этомъ не сказалъ князю, что Роза Эриховна выгнала его отъ себя, раскрывъ, что онъ—первый другъ поддѣльной крымки Кизильташевой, то-есть Ѳедоськи.

Ввиду несправедливости, съ нимъ учиненной, Горстъ рѣшился, по его словамъ, мстить намѣстнику и правителю дѣлъ, раскрывая и оглашая всѣ ихъ служебныя противозаконія.

Такъ какъ одно изъ нихъ, недавнее, касается князя и можетъ для него имѣть худыя послѣдствія, то Горстъ, якобы изъ жалости къ князю, порѣшилъ пріѣхать въ „Симеоново“ и предупредить его...

И то, что разсказалъ Горстъ, поразило Антона Семеновича... Невѣроятное извѣстіе сразу показалось ему, однако, правдивымъ. Князь будто почуялъ, что все—правда.

Горстъ объяснилъ, что въ правленіи была составлена промеморія, которую сочинили при немъ Галуша и старикъ засѣдатель суда, первый крючкотворъ и кляузникъ всего округа... Промеморія была сочинена отъ имени его, князя Антона Семеновича... Но главное дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что эта промеморія во всѣхъ отношеніяхъ пагубная, вольнодумная, дерзкая, правительствующихъ и властительствующихъ особъ въ столицѣ поносящая и „французскимъ и фармазонскимъ духомъ зараженная“. Да и это еще не все... Подъ этой, на глазахъ Горста состряпанной бумагой, появилась затѣмъ видѣнная имъ настоящая подпись его, князя Татева... А онъ подписать такую бумагу не могъ, ибо и не былъ на-лицо въ губерніи въ теченіе этого времени. Стало быть, тутъ какой-либо мошенническій подвохъ и безпремѣнно дерзкій подлогъ.

Князь, оправившись отъ перваго перепуга, разспросилъ Горста подробнѣе и сразу все понялъ...

— Вотъ оно! Чуяло мое сердце!—закричалъ онъ.

Оказалось со словъ Горста, что промеморія, которую онъ видѣлъ и читалъ, написана на трехъ листяхъ. Подпись князя находится на второй страницѣ третьяго листа...

Посидѣвъ часъ, какъ пришибленный, Антонъ Семеновичъ собрался было бѣжать все разсказать матери и просить совѣта и приказанія дѣйствовать немедленно...

Но онъ, однако, не двинулся... Не сказать всего — мать посмѣется, скажетъ: поддѣльная подпись самого Галушу угонитъ въ Сибирь. Сказать все, сказать, что подпись не поддѣльная, а его собственная и истинная?.. Что-же тогда будетъ?!

Горстъ остался, по приглашенію князя, обѣдать, чтобы дать отдохнуть своимъ лошадямъ, а ровно и за тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ княземъ обсудить, что предпринять... Разумѣется, было условлено, что Горстъ ничего княгинѣ говорить о промеморіи не будетъ, объяснивъ, что является отъ имени Галуши навести справку, долго-ли Абдурраманчиковъ держалъ у себя князя Гавріила и дурно-ли съ нимъ обращался...

Впрочемъ, Арина Саввишна за столомъ такъ горделиво поглядывала на чинушку губернскую, что ему и говорить не пришлось.

Ввечеру Горстъ уѣхалъ, обѣщая князю узнать, пошла-ли промеморія въ Петербургъ или держится Галушей про запасъ, какъ камень за пазухой на случай какихъ-либо новыхъ обстоятельствъ.

— Но повторяю, князь, — сказалъ Горстъ, — сдается мнѣ сильно, что эта промеморія писалась для отсылки въ столицу вашему врагу-лиходѣю. А онъ уже тамъ ею попользуется подлымъ образомъ...

— Пойдете-ли вы подъ присягу?—спросилъ князь уже въ третій разъ за весь вечеръ.

— Пойду-съ! Пойду-съ. Никого и ничего не побоюся. Я затѣялъ не это одно... Многое у меня въ губерніи заготовлено... Я хочу, чтобъ отъ Серафима, отъ Ѳомы и отъ Розы — только мокренько осталось... А будетъ изъ столицы судъ и разслѣдованіе — то и ничего отъ нихъ не останется... Только вы потомъ меня не забудьте... Сдержите обѣщаньице...

— Мое княжеское слово! — воскликнулъ князь.— И даже не три тысячи, а пять... коли удача...

XXXVII.

Чрезъ три дня послѣ посѣщенія „чинушки“ князь получилъ съ новымъ гонцомъ письмо отъ Рубакова. Оно было въ нѣсколько строкъ.

„Другъ досточтимый, давнишній и сердечнѣйшій. Собери всѣ свои силы! Встрѣнь кару и казнь, какъ истинный мужъ, гражданинъ и христіанинъ! Воспомни Іова многострадальнаго, кой славилъ Господа за все претерпѣваемое... Генералъ Абдурраманчиковъ здѣсь... Наши власти передъ нимъ ницъ... Въ городѣ слухи о тебѣ и всей твоей фамиліи, каменныя сердца раздробляющіе, злобу враговъ вашихъ, кои есть у княгини, умягчающіе... И злобность вражеская не устояла... Всѣмъ васъ жалко, всѣ во слезахъ... А разсужденіе дѣла всѣми почитаемо небывалымъ и даже не слыханнымъ на матушкѣ святой Руси сызначала ея стоянія, отъ дней святыхъ Владиміра и Ольги, по сейчасъ. Каковая казнь вышняя тебя постигаетъ, уволь, не могу изрѣчь. Въ сихъ дняхъ освѣдомишься... Другъ! Крѣпися духомъ и вѣрою, памятуя Господа Искупителя на крестѣ! Твой до гроба, Рубаковъ. Испепели безъ остатка сіе писаніе!“

Князь долго сидѣлъ надъ письмомъ, перечитывалъ его нѣсколько разъ... И, наконецъ, онъ заговорилъ вслухъ:

— Что-же? Судъ, пытательство, волокита?.. За что? Что-же я сдѣлалъ? Да еще якобы и вся фамилія?.. Рафушка или мои внучки—причемъ-же тутъ. И Саввушка въ отвѣтъ иди... Что же это? Не можетъ быть! Что-же, Иродовы времена, что-ли,

паки пришли? Промеморія?!. Но я докажу, что она поддѣльная... Фармазонскій духъ?.. Да я, князь Татевъ, никого никогда изъ нашихъ фармазоновъ въ глаза не видалъ. Да они всѣ давно уже поди померли и въ крѣпости, и въ ссылкѣ, еще при покойной государынѣ... А я всю жизнь и не выѣзжалъ почти изъ „Симеонова“. Что же, наконецъ?. Что я не хочу персидской невѣстки?.. Это—моя, отцова, воля, и никто мнѣ не указчикъ. Весь сенатъ соберися и приказать не сможетъ... Что-же тогда?!. Мое письмо Звѣреву о днѣ восшествія на престолъ государя и мой отвѣтъ Абдурраманчикову! Да. Но это княгиня-матушка одна виновата .. Сказала: „Покажу я имъ себя, кто я такая, княгиня Татева!“ По ея приказу я и писалъ дерзновенныя писанія. Да! Ну, а вотъ они теперь покажутъ намъ впрямь, кто мы такіе. Звѣревъ и Галуша, чтобы прислужиться генералу Абдурраманчикову, коего обласкалъ самъ императоръ, взведутъ на меня и грабежъ, и смертоубійства. Но неужели-же засудятъ и сошлютъ на границы сибирныя? Полно! Полно! Все пустое!

И разумѣется, князь, какъ бывало всегда, какъ было за всю жизнь, пошелъ къ матери... Но въ первый разъ за всю жизнь онъ пошелъ и вошелъ безъ того же чувства давнишняго, всегдашняго, въ которомъ не сочетались, а слились въ единое цѣлое — уваженіе и опасеніе. Но страхъ дѣлалъ это чувство будто не сердечнымъ, а разсудочнымъ...

Теперь не было въ смущенной душѣ Антона Семеновича боязни, что скажетъ мать!.. Черная туча, которая виднѣлась ему на небосклонѣ и которую надо было съ грохотомъ и огнемъ небеснымъ ожидать въ „Симеоново“, была такъ велика, громадна, страшна, что гнѣвъ Арины Саввишны казался теперь чириканьемъ воробья, да и сама-то она казалась крошечнымъ, незначущимъ человѣчкомъ.

И будто не было ровно въ душѣ добраго князя прежняго уваженія къ матери.

„Вотъ что вы сдѣлали!“—хотѣлось ему сказать, такъ какъ теперь онъ уже совсѣмъ ясно уразумѣлъ, что нелѣпая прихотническая война съ сосѣдомъ, начавшаяся изъ-за дворовой грошевой дѣвченки, кончается теперь... чѣмъ?!. „Кара и казнь!“—пишетъ Рубаковъ.

„Ужъ если по сущей по правдѣ судить и сказывать“,—думалось князю—„то и я, и всѣ дѣти любили и Петра, и Лисавету. Не вздурися Абдурраманчиковъ, не уворуй грошевую холопку, то теперь Гаврикъ и Лисавета были-бы уже, можетъ, съ годъ и болѣе—мужъ и жена, и любимая невѣстка была-бы въ домѣ“.

Когда князь приблизился къ большому креслу, гдѣ всегда сидѣла княгиня съ работой въ рукахъ, со спицами и чулкомъ,

или съ крючкомъ, или съ рогулькой—онъ, ни слова не объяснивъ, сказалъ кратко:

— Письмо отъ Рубакова, маменька.

И, не предупредивъ, что это—ударъ обухомъ по головѣ, онъ прочелъ краткое письмо, медленно, твердо и спокойно...

И князь самъ не сознавалъ, что онъ мститъ...

Княгиня при чтеніи сына измѣнилась въ лицѣ, а при окончаніи поблѣднѣла...

Водворилось молчаніе... Княгиня сидѣла, уронивъ руки съ работой на колѣни, и, вытаращивъ глаза, глядѣла на пустую стѣну... Князь не спрашивалъ ничего, будто умышленно, будто говоря:

„Нечего и узнавать ваше сужденіе, ни на что оно не пригодится... Заварить-то вы сумѣли, а расхлебать-то будетъ, конечно, не подъ силу. А вотъ за что мы всѣ въ чужомъ пиру опохмелимся?..“

И вдругъ у недвижно сидящаго Антона Семеновича выступили слезы на глазахъ и потекли по щекамъ, падая и шлепая по листу бумаги... Онъ вспомнилъ о семьѣ, дѣтяхъ и внукахъ, вспомнилъ или увидѣлъ, будто впервые сознаЛъ вдругъ, что онъ не достаточно защищалъ ихъ... Отъ кого?!

— Плохо тому будетъ, кто меня въ бараній рогъ вздумаетъ сдуру гнуть! — вымолвила княгиня.

— Ахъ, маменька! Про кого вы это сказываете?!. Вѣдь, это—слова одни... Кулакъ изъ-за стѣны показываете... кулакомъ пушкѣ грозитесь...

— А вотъ увидишь, рева! Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ умѣетъ только слезки лить... Лей, лей... коли твои глазки на мокромъ мѣстѣ пристроены!..

— Я плачу, маменька, не о себѣ, да и не... Правду говорю. Что-же? Вы и я—намъ и умирать пора... А дѣти мои, внуки мои...

— Да что-жъ, дуракъ... въ Сибирь, что-ли, насъ сошлютъ за то, что мы въ семью не хотимъ прохвостову дочь принять...

И князь, вдругъ переставъ плакать, быстро заговорилъ про пагубное значеніе двухъ писемъ, которыя мать заставила его написать. А затѣмъ съ воодушевленіемъ отчаянія разсказалъ онъ и всю свою исторію съ промеморіей или съ двумя промеморіями: настоящей, имъ напрасно подписанной, и съ поддѣльной, дерзкой, фармазонской, но при той-же его истинной подписи.

Княгиня выслушала спокойно и выговорила:

— Въ писаніяхъ твоихъ, по моему пряказу, о днѣ кончины государыни и о дворянской чести и великомъ дворянскомъ званіи—нѣтъ ничего противузаконнаго. А князя Татева что фармазономъ, что конокрадомъ почесть—одно! Поѣдешь

въ Петербургъ и лично все доложишь, объяснишь и опровергнешь. Тысячи разовъ напоминала я тебѣ, что ты—древній дворянинъ и князь, а ты не хочешь помнить и, какъ любой какой генералъ Бокъ или генералъ Абдурраманчиковъ, разсуждаешь. Куда еще! Хуже, много хуже! У нихъ, пролазовъ и прохвостовъ, больше горделивости и самопочитанія... Моя дурашная Бокъ такъ пропахла генеральствомъ, что съ ней въ одной горницѣ сидѣть нельзя, въ домѣ быть вмѣстѣ нельзя; недаромъ я ее два раза отъ себя выгнала... А ты что? Ты будто самъ—Ѳома Галушка, при своихъ чинахъ и крестахъ помнящій, что все-таки онъ въ шесткѣ родился отъ матери-холопки. Мыла матка его полы, скрючившись да ползкомъ, умаялась, зашла подъ лѣстницу въ чуланчикъ да правителя дѣлъ намѣстничества нашего и выпустила на свѣтъ... Вотъ они всѣ откуда!

Долго говорила что-то княгиня гнѣвно и строго, но князь не слушалъ... и впервые въ жизни не слушалъ!.. Онъ слушалъ чей-то другой голосъ, говорившій:

„Идетъ темная, грозная, губительная туча! И вотъ не нынѣ—завтра надвинется... И не тебя одного, а даже внучку твою, младенца Антониночку, и ту задавитъ эта туча!“

— Да можетъ-ли это быть? Допуститъ-ли это Господь?— горько забормоталъ онъ вслухъ.

XXXVIII.

Туча пришла, громъ грянулъ...

Среди яркаго солнечнаго морознаго дня во дворъ усадьбы въѣхалъ возокъ четверней, и изъ него вышли двое пріѣзжихъ.

Это былъ правитель дѣлъ намѣстничества Галуша и съ нимъ чиновникъ Горстъ.

Объ нихъ доложили, но, не дожидаясь приглашенія, оба вошли въ столовую и, пройдя въ гостинную, сѣли, озираясь на мебель и картины.

— Да! Дѣла! Самому не вѣрится!—вырвалось вдругъ у Ѳомы Ѳомича.—Сорокъ лѣтъ состою при статскихъ дѣлахъ и эдакаго не слыхивалъ. И все-жъ, скажу, жаль мнѣ ихъ...

— Да-съ. Вчуже морозъ по кожѣ,—отозвался Горстъ.

Въ гостиной появился медленной, неувѣренной походкой и блѣдный, какъ полотно, Антонъ Семеновичъ.

Галуша и чиновникъ встали и двинулись навстрѣчу. Галуша проговорилъ что-то князю, однозвучно важнымъ или торжественнымъ голосомъ, но князь будто не слыхалъ ничего или не понялъ, или, понявъ, лишился соображенія, и мгновенно забылъ понятое, Галуша повторилъ...

— Что? Что? Что?—безсмысленно повторялъ и князь.

— По Высочайшему повелѣнію, присланъ объявить вамъ сіе...—вразумительнѣе проговорилъ Галуша.—А самое производство по законамъ возложено будетъ на особое временное отдѣленіе палаты, кое явится къ вамъ на сихъ дняхъ. А покуда позвольте мнѣ получить отъ васъ всѣ наличныя ваши суммы, дабы вы оными...

— Неправда!—закричалъ князь на весь домъ, на всю усадьбу.—Неправда! Обнесли...

И князь съ искаженнымъ лицомъ сталъ дрожать всѣмъ тѣломъ.

— Не въ томъ дѣло-съ... — прервалъ Галуша.—Позвольте мнѣ не медля получить...

— Неправда... Царь не можетъ... Непра-а...

Князь запнулся, затѣмъ снова чуть слышно протянулъ:

— Непра-а-а-а...

И, зашатавшись, закинувшись, онъ, какъ снопъ, повалился навзничъ и распластался на полу.

— Позовите людей! — приказалъ Галуша, но Горстъ не успѣлъ шага сдѣлать, какъ изъ двухъ дверей сразу вбѣжали и дѣти, и люди, тайкомъ прислушивавшіеся, и бросились къ лежащему безъ чувствъ князю.

— Доложи тогда сейчасъ обо мнѣ княгинѣ,—сказалъ Галуша, замѣвивъ стараго Ивана Спиридоновича и рѣшивъ, что онъ—главный лакей.

Люди подняли и понесли князя въ его комнаты... Дѣти, отчаянно плача, пошли за нимъ.

Галуша двинулся за дворецкимъ почти вплотную, и, когда Иванъ Спиридоновичъ докладывалъ княгинѣ, то онъ уже стоялъ на порогѣ ея комнаты.

Сѣвъ передъ княгиней безъ всякаго приглашенія съ ея стороны, Галуша повторилъ ей то-же, что объявилъ уже ея сыну, и прибавилъ опять, что требуетъ передать ему всѣ въ домѣ находящіяся на-лицо деньги: „Столи рублей, сто-ли тысячъ рублей—все едино“.

Княгиня помертвѣла въ своемъ креслѣ, хотѣла что-то отвѣтить, но не могла, какъ если-бы лишилась языка... Наконецъ, она превозмогла себя и выговорила:

— Въ мужичье состояніе?

— Точно такъ... Въ крестьянское, но не чье-либо помѣщичье, а государственное, съ припиской къ сей вотчинѣ. Впрочемъ, долженъ вамъ разъяснить, что отписныя или отчисленныя въ казну имѣнія впослѣдствіи идутъ въ награду и въ даръ кому-либо достойному... А покуда сія вотчина будетъ вѣдаться нами, то-есть намѣстническимъ правленіемъ.

Княгиня сидѣла неподвижно, молчала, и только глаза ея шире раскрылись на Галушу.

— Да съ. Господинъ Звѣревъ будетъ якобы помѣщикомъ вашимъ законнымъ, а я, грѣшный, якобы бурмистромъ.

Галуша усмѣхнулся своей остротѣ и продолжалъ:

— Вотъ-съ! Мы чиновники, какъ здѣшняя властъ и будемъ вѣдать описаннымъ въ казну имуществомъ, государственными землями и крестьянами. Мы, такъ сказать,—владѣтели... Такъ позвольте, княгиня... виноватъ... обмолвился по привычкѣ... позвольте, Арина Саввишна, получить счетомъ и заарестовать всѣ наличныя ваши суммы.

Княгиня сидѣла неподвижно и молчала.

— Да... Запамятовалъ... Прибавлю еще для васъ горькое и тягостное... Холостыхъ изъ Татевыхъ—молодцовъ и дѣвицъ—указано сочетать бракомъ съ людьми равнаго имъ состоянія, разрѣшается и съ дворовыми людьми...

Княгиня попрежнему сидѣла и молчала.

Въ комнату, распахнувъ дверь, ворвался Рафушка и, махая руками, закричалъ.

— Бабушка!.. бабушка!..

И онъ вдругъ сѣлъ, будто упалъ среди комнаты, на полъ и зарыдалъ.

На порогѣ появился блѣдный Гаврикъ и, остановясь, произнесъ сдавленнымъ голосомъ:

— Бабушка, родитель-батюшка упокоился...

Княгиня глянула на внука и молчала. Затѣмъ она откачнулась на спинку своего кресла и закрыла глаза.

Галуша заговорилъ снова, объясняя, что имѣющіяся наличныя суммы онъ долженъ получить тотчасъ же, не медля ни минуты, иначе онъ самъ идетъ въ отвѣтъ.

Старуха ничего не отвѣтила и не двинулась.

— Скажите вы, — обратился Галуша къ Гаврику, — гдѣ у вашего батюшки лежатъ деньги?

— Онѣ у бабушки,—глухо отвѣтилъ Гаврикъ.

— Гдѣ?

— Не знаю-съ. Должно, вотъ...

И онъ показалъ на красный сундучекъ, окованный мѣдью, который стоялъ въ углу, недалеко отъ кресла старухи.

Галуша понялъ, что это должно быть правдой, такъ какъ было обычаемъ у всѣхъ дворянъ держать и драгоцѣнности и деньги не только близъ себя, не и на виду. На ночь такіе сундучки переносились въ спальню и ставились около постели.

— А ключикъ у нея же?—спросилъ Галуша.

— Ахъ, да!.. да!..—воскликнулъ Гаврикъ и, махнувъ рукой, отошелъ къ окну и заплакалъ еще громче, чѣмъ Рафушка, продолжавшій сидѣть на полу и утирать горькія слезы, струившіяся по его красивому дѣвичьему личику.

— Пожалуйте мнѣ ключикъ, — сказалъ Галуша, вставая и приблизясь вплотную къ Аринѣ Саввишнѣ.

Старуха открыла глаза... Взглядъ ея былъ ужасенъ. Галушѣ почудилось, что она лишилась разума отъ перенесеннаго удара.

— Ключикъ отъ сундука!—вразумительно проговорилъ онъ громче.—Пожалуйте сейчасъ!—настойчиво прибавилъ онъ.

Арина Саввишна подняла руки и порывисто разстегнула воротъ платья, почти рванула его, такъ, что одна пуговица отскочила на полъ. Она ощупала цѣпочку на шеѣ и, снявъ чрезъ голову свои образки, протянула ихъ Галушѣ... На нихъ былъ и маленькій ключъ.

— Деньги грабь, но Бога отдай!—глухо и хрипливо проговорила она.

Галуша отперъ сундучекъ, а затѣмъ снова передалъ старухѣ образки.

Онъ сталъ вынимать пачки ассигнацій, перевязанныя тесемочками.

— Сколько всего, позвольте узнать напередъ? — спросилъ онъ.

— Не знаю... Грабь. . Грабь! Все твое!—громче произнесла она.—Злодѣи! Изверги! Когда-то я еще поквитаюсь съ вами! Когда? Жди! Жди! И долго жди! А дождуся! Дождуся! Врете! Я—не Антонъ! Меня не уморите!

XXXIX.

И весь день покойникъ Антонъ Семеновичъ пролежалъ одинъ въ своей комнатѣ на своей кровати. Дѣти его всѣ сбились въ комнатѣ старшаго брата и сидѣли молча, какъ одичалые. Это было даже не горе. На всѣхъ напало какое-то отупѣніе. Иногда имъ всѣмъ казалось, что они спятъ, видятъ страшный сонъ и просыпаются, и опять погружаются въ страшныя сновидѣнія.

— Мужики? Да какъ же такъ?—повторяла „нѣмая“ Марѳа, заговорившая отъ потрясенія и приставшая съ этимъ вопросомъ ко всѣмъ.

Но ей никто не отвѣчалъ. Всякій самъ будто не вѣрилъ въ то, что приходилось ей отвѣчать.

То-же случилось вскорѣ и во всемъ краѣ. Никто не вѣрилъ вѣстямъ о судьбѣ князей Татевыхъ.

— Такового никогда не бывало! И потому и быть не можетъ!—говорили дворяне. — Бывали судимые и ссыльные за свои вины хоть бы въ Сибирь, въ каторгу, но обращеніе дворянъ въ крѣпостное состояніе—николи не бывало.

— Не бывало, а вотъ есть!—уныло и робко отвѣчали другіе.—Времена!.. Стерегися, человѣче, и всякъ всячески! Одинъ—изъ грязи въ князи, а другой—нынче князь, а завтра въ грязь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КРЕСТЬЯНЕ ТАТЕВЫ.

I.

Кара, постигшая князей Татевыхъ, уподобилась удару грома, раскаты котораго огласили все намѣстничество. Не только въ городѣ, но и во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, во всѣхъ усадьбахъ, даже въ деревняхъ, не только дворянство, но и купечество, даже господскіе рабы толковали и ахали.

Стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, но такого никогда не бывало и не будетъ... Дворяне и князья преобразились единымъ махомъ или по одному слову въ простыхъ мужиковъ. И спасибо—еще въ государственныхъ крестьянъ, а не помѣщичьихъ.

Разумѣется, обращеніе князей въ рабовъ долго обсуждалось на всѣ лады. Всѣ вспоминали въ подробностяхъ, какъ дѣло произошло, вспоминали малѣйшія мелочи и, конечно, спорили между собой. Все намѣстничество по поводу происшествія раздѣлилось на два лагеря, какъ бываетъ всегда. Одни были за Татевыхъ, другіе—противъ нихъ, и противники были отчасти тоже правы. Дѣло было и крайне сложно, и въ то-же время крайне просто.

Большинство обвиняло во всемъ старуху-княгиню, Арину Саввишну, упрямую, гордую, властолюбивую, которая, помыкала всю жизнь всѣми—сыномъ, внуками и даже маленькими правнуками,—возмечтала о себѣ настолько, что стала воевать съ высшей властью.

Противники же Татевыхъ вѣрили въ существованіе дерзкой бумаги, оскорбительной для высшей власти, которую не только подписалъ, но якобы самъ и сочинилъ Антонъ Семеновичъ по наущенію своей матери. Они напоминали, что еще гораздо ранѣе, еще когда вся губернія, а главнымъ образомъ губернскій городъ, праздновали восшествіе на престолъ императора, то князь, конечно, по приказанію матери, написалъ намѣстнику Звѣреву, что къ этому празднеству все семейство Тате-

вых не присоединится. Онъ заявилъ, что въ ихъ усадьбѣ „Симеоново“ будутъ служить заупокойную литургію по скончавшейся великой монархинѣ, и все будетъ печаловаться, а не радоваться и веселиться.

Противники Татевыхъ говорили, что, если даже съ промеморіей и произошло нѣчто сомнительное, совсѣмъ невѣроятное и необъяснимое, то, во всякомъ случаѣ, существуетъ еще нѣчто другое, важное, за что Татевы могли пострадать. Существуетъ письмо князя къ Абдурраманчикову, въ которомъ онъ, конечно, также со словъ своей строптивой матери, дерзко разсуждаетъ о дворянскихъ правахъ, говоритъ даже о томъ, что монархъ всероссійскій не можетъ дворянину приказать женить сына или выдать дочь противъ желанія. По поводу пожалованія Абдурраманчикова въ генеральскій чинъ Антонъ Семеновичъ писалъ, что „господинъ персидскій выходецъ“ все-таки и впредь останется какъ бы состряпаннымъ на скорую руку дворяниномъ и не будетъ все-таки никогда ровней князей Татевыхъ, которые никогда въ дворяне возводимы не были, „а какъ зачалися, такъ оными и причитались“, и никакія силы, ни земныя, ни небесныя, не могутъ изъ „татарвы, дѣвицы свиное ухо“, сотворить россійскую княгиню. И многое другое, таковое же, было въ этомъ письмѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что это дерзкое писаніе стало извѣстно государю вмѣстѣ съ промеморіей, и монархъ могъ отвѣтить лишь однимъ...

Доказать зазнавшимся не въ мѣру князьямъ, что они ошибаются и что, если монархъ производитъ подданнаго своего въ дворяне, то воленъ и лишить его этого званія. И вотъ въ назиданіе всѣмъ прочимъ Татевы и стали мужиками. И велика еще милость государя, велико благополучіе всѣхъ Татевыхъ, что они стали государственными крестьянами.

А что было-бы, если-бъ старуху Арину Саввишну и ея сына и внуковъ и даже маленькихъ правнучатъ, всѣхъ отъ мала до велика, сотворили-бы помѣщичьими рабами, да еще въ розницу, указавъ распродать ихъ въ намѣстничествѣ, да купи тогда Абдурраманчиковъ самое Арину Саввишну, чтобы опредѣлить ее у себя на скотный дворъ за коровами ходить, что тогда-то было-бы?!..

И вскорѣ все дворянство уже пѣло въ одинъ голосъ:

— Да, велика милость монарха. То-ли могло быть!

Разумѣется, немало жалѣли всѣ внезапно скончавшагося, или „сраженнаго“, Антона Семеновича.

Добрый, чувствительный, разумно цѣнящій дворянскую честь, онъ, конечно, не могъ пережить позора.

А властолюбивая, своевольная, упрямая и крутая старуха, на двадцать лѣтъ старше своего старшаго сына, твердо перенесла все.

II.

Первымъ дѣломъ семьи „крестьянъ“ было погребеніе скоропостижно умершаго Антона Семеновича. Какъ ни любили отца молодые Татевы, какъ ни были поражены его внезапной смертью, тѣмъ не менѣе горе ихъ стушевывалось около другого горя. Оно умалялось отъ того ужаса, который наполнялъ ихъ сердца при мысли о своемъ собственномъ будущемъ...

Всѣ — отъ старшаго Семена Антоновича до юноши Рафушки — понимали, что высшая власть покарала ихъ страшно, безпримѣрно и, вдобавокъ, пострадали они совершенно безвинно.

Если уже дворянство и чиновничество почти не вѣрило въ дѣйствительность совершившагося и наивно продолжало ждать, что все окажется измышленьемъ, то, конечно, сами Татевы были еще болѣе угнетены, какъ-бы нравственно раздавлены. И всѣ дворяне, и сами Татевы понимали, что положительно впервые на Руси приключилось нѣчто невиданное и неслыханное.

Татевы долго не могли уразумѣть, что они — простые мужики, и только мелкіе ежедневные факты какъ-бы начали постепенно пріучать ихъ къ мысли, что въ ихъ существованіи произошелъ страшный переворотъ.

На панихидахъ и на отпѣваніи поминали не „болярина-князя“, а просто „раба Божьяго Антона“. При выборѣ мѣста погребенія возникъ вопросъ, который долженъ былъ быть рѣшенъ начальствомъ: дозволятъ-ли хоронить крестьянина Антона Татева подъ храмомъ въ семейномъ склепѣ, гдѣ хоронились князья и княгини Татевы?

Разрѣшеніе было дано, но съ приказаніемъ: при постановкѣ надгробной плиты сдѣлать соотвѣтствующую надпись, что „подъ сей плитой похороненъ государственный крестьянинъ Антонъ Татевъ“.

Во всемъ, что происходило въ „Симеоновѣ“, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, какъ-бы отвѣтственнымъ передъ властями и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы представителемъ и защитникомъ всей семьи, сталъ теперь робкій Семенъ Антоновичъ. Личность, которая была съ давнихъ поръ владыкой семьи, какъ-бы не существовала. Руководительница всѣхъ и всего, а равно и главная виновница постигшей всѣхъ кары, бывшая княгиня Арина Саввишна, если перестала быть княгиней, то равно перестала какъ-бы существовать для властей.

Роковое событіе въ семьѣ, которое она сама навлекла на себя и своимъ необузданнымъ самовольствомъ и надменностью, произвело на старуху особенное впечатлѣніе. Она не была,

казалось, поражена подобно другимъ, не была опечалена, а была только озлоблена. И это озлобленіе сказывалось въ женщинѣ на особый ладъ.

Арина Саввишна, не отозвавшаяся ни единымъ словомъ на объявленіе, что она, какъ и всѣ Татевы, стала крестьянкой, промолчавшая затѣмъ при извѣстіи о внезапной смерти сына, промолчала весь день, не отзываясь ни единымъ словомъ ни на что, какъ если-бы у нея отнялся языкъ. Зато лицо ея перемѣнилось, выраженіе было другое. Всегда суровое, оно стало такимъ страннымъ, что внуки, опечаленные и угнетенные своимъ несчастьемъ, все-таки боялись взглядывать на старуху. Въ особенности страшенъ имъ казался взглядъ бабушки, упорный, злобный, зловѣщій. И хотя они понимали, что злоба, какъ-бы клокочущая на сердцѣ старухи, не направлена противъ нихъ, тѣмъ не менѣе имъ жутко было отъ этихъ глазъ.

Семенъ Антоновичъ въ первые-же дни, говоря съ женой, Марфой, заявилъ, что, по его мнѣнію, такъ просто все не пройдетъ: „бабушка сама на себя руки наложитъ“.

Въ то-же время съ десятокъ чиновниковъ и писцовъ появился въ домѣ и занималъ парадныя комнаты. Они орудовали и распоряжались какъ настоящіе хозяева. Титулъ, носимый этой кучкой губернскихъ чиновниковъ, былъ особенный: „Временное отдѣленіе“. Тутъ были представители канцеляріи губернатора, уголовной и гражданской палатъ, а равно и депутатъ отъ дворянства.

Временное отдѣленіе было занято цѣлый день приведеніемъ въ извѣстность всего имущества движимаго и недвижимаго всей вотчины „Симеоново“. Составлялась подробная перепись всего, до малѣйшихъ мелочей, записывались даже куски полотна или ситца, которые нашлись въ кладовыхъ, и постепенно дѣло должно было дойти до описи носильнаго платья и бѣлья бывшихъ князей и княженъ.

Прежде всего, черезъ день послѣ похоронъ Антона Семеновича, его мать и старшій сынъ съ семьей были переведены на жительство въ верхнюю часть дома временно, впредь до выселенія. Ихъ-же комнаты заняли главные чиновники. Въ комнатахъ Арины Саввишны помѣстились депутатъ дворянства и канцелярскій чиновникъ, начальникъ „Временнаго отдѣленія“.

Съ ними вмѣстѣ явился, но пробылъ лишь три дня, нежданно пошедшій въ гору вольнонаемный чиновникъ Горстъ, роль котораго во всемъ пресловутомъ дѣлѣ Татевыхъ была какая-то загадочная, двусмысленная. Онъ являлся тогда-то тайкомъ и одинъ къ покойному Антону Семеновичу съ предложеніемъ своихъ услугъ противъ Абдурраманчикова и противъ намѣстника Звѣрева, а затѣмъ, вскорѣ, вмѣстѣ съ Галушей, въ качествѣ наперсника, явился вдругъ объявить о карѣ.

III.

Одновременно въ губерніи распространился слухъ, который страшно поразилъ всѣхъ... Маіоръ Абдурраманчиковъ, котораго не такъ давно провезъ черезъ городъ въ столицу фельдъегерь по Высочайшему повелѣнію и котораго мысленно всѣ упекли чуть не въ каторжныя работы, не только сталъ, по милости государя, генераломъ, получилъ голштинскій орденъ св. Анны, сталъ вдвое богаче, но онъ сталъ вдругъ изъ помѣщика ихъ губерніи, дворянина сомнительнаго происхожденія, всѣми нелюбимаго, почти презираемаго, ихъ-же властителемъ. Всѣ они оказались у него въ подчиненіи, отъ него, его воли и прихоти зависящими.

Генералъ Абдурраманчиковъ былъ назначенъ намѣстникомъ взамѣнъ смѣщеннаго Звѣрева!

Конечно, извѣстіе это поразило всѣхъ въ сто разъ сильнѣе, нежели судьба Татевыхъ. Долго и дворянство, и купечество всѣхъ уѣздовъ и даже захолустьевъ губерніи не могло въ себя прійти... Злой и хитрый „персидъ“ сталъ первымъ лицомъ въ губерніи и ихъ повелителемъ. Что будетъ, если генералъ Абдурраманчиковъ начнетъ вспоминать кое-что старое, бывалое, и начнетъ уплачивать старые долги, то-есть мстить.

И назначенію намѣстникомъ скороспѣлаго генерала долго не хотѣли вѣрить. Почти не вѣрилъ никто и тогда, когда слабодушный, добрый, но глупый Серафимъ Ефимовичъ Звѣревъ уже готовился къ сдачѣ своей должности и уже перебирался изъ намѣстническаго дома въ маленькую квартиру въ той-же улицѣ, гдѣ жила и его любимица, шведка Роза Шкильдъ.

Теперь только всѣ поняли, что, если при прежнемъ правителѣ процвѣтало лихоимство, благодаря этой любимицѣ, то все-таки жить было легко безъ заботъ и безъ бѣдъ. Жертвуемые гроши, подарки въ канцелярію и подношенія вещественныя госпожѣ Шкильдъ были собственно не разорительны. не были бременемъ. Зато Серафимъ Ефимовичъ былъ добрѣйшій, кроткій и сердечнѣйшій человѣкъ, готовый всякому услужить. А если кто являлся съ дѣломъ, покровительствуемымъ шведкой, то намѣстникъ готовъ былъ душу за него положить.

И теперь всѣ стали искренно сожалѣть Звѣрева, немножко поздно будто полюбили его, расхваливали и ахали объ его судьбѣ.

Случилось это потому, что новый намѣстникъ страшилъ всѣхъ. Онъ былъ не только страшенъ, но даже загадоченъ. Никто не зналъ, чего ожидать отъ него. Инымъ казалось, что скороспѣлый генералъ будетъ править намѣстничествомъ какъ-

бы съ кнутомъ въ рукахъ. А времена, между тѣмъ, были такія, что если-бы намѣстникъ сталъ расправляться кнутомъ, хотя-бы и съ самыми родовитыми людьми въ краѣ, то имъ пришлось-бы осторожно помалкивать, все сносить и никуда не соваться съ жалобой. Примѣръ Татевыхъ навелъ на всѣхъ тотъ-же самый страхъ, который царитъ давно на берегахъ Невы и въ Москвѣ.

Какъ въ обѣихъ столицахъ, такъ и въ крупнѣйшихъ городахъ имперіи, и въ дворянскихъ усадьбахъ, всякій ложился спать, опасаясь того невѣдомаго, что завтра утромъ внезапно, безпричинно, можетъ съ нимъ приключиться.

Вдобавокъ, Абдурраманчиковъ, хотя былъ давно извѣстенъ въ намѣстничествѣ, былъ мало кому знакомъ лично. Всѣ его знали лишь по слухамъ, такъ какъ онъ рѣдко появлялся въ губернскомъ городѣ, а сидѣлъ больше въ своемъ имѣніи „Кутъ“. Слухи-же, ходившіе о немъ, составили ему репутацію человѣка умнаго, но своевольнаго и крутого, не останавливающагося ни передъ чѣмъ, озорно исполнявшаго малѣйшую свою прихоть. Исторія его воеванія съ Татевыми была на-лицо и къ тому-же завершилась ихъ погибелью.

Наконецъ, наступилъ и роковой день. Въ городъ торжественно въѣзжалъ въ большой дорожной каретѣ новый намѣстникъ. За сутки до въѣзда прискакалъ его гонецъ съ приказомъ—духовенству, всѣмъ властямъ, дворянству и купечеству встрѣтить начальника за заставой.

И около двухсотъ человѣкъ въ мундирахъ и въ штатскомъ платьѣ, дворяне въ пудренныхъ парикахъ съ бантами на спинѣ и бородатое длинноволосое купечество, и самый разнообразный людъ, невѣдомо изъ какого сословія, съ утра и до трехъ часовъ пополудни ожидали на дорогѣ за заставой появленія новаго вершителя всѣхъ дѣлъ и властителя ихъ собственной судьбы.

Въ три часа запоздавшій на послѣдней станціи именитый путешественникъ явился предъ очами съ робостью взиравшихъ на него обывателей. Послѣ Серафима Ефимовича, маленькаго, тщедушнаго, всегда улыбающагося, изрѣдка принимавшаго важный видъ, который къ нему совершенно не шелъ, всѣ были удивлены и отчасти непріятно поражены видомъ новаго начальника.

Генералъ Абдурраманчиковъ въ свѣжемъ съ иголочки мундирѣ, украшенный новымъ орденомъ св. Анны, высокій, плотный, съ надменно закинутой головой, сразу заставилъ всѣхъ подумать: „Бѣда съ нимъ будетъ! .“

Первыя три лица, встрѣтившія намѣстника—архіерей, предводитель дворянства и правитель канцеляріи—поздравили его съ счастливымъ прибытіемъ и попросили позволенія представить ему всѣхъ другихъ. На это генералъ объявилъ, что здѣсь

въ полѣ, на дорогѣ, оное не приличествуетъ мѣсту и его собственной особѣ, и тотчасъ-же отдалъ приказъ: завтра въ соборѣ на молебнѣ по поводу его прибытія быть при богослуженіи всѣмъ, кто пожелаетъ, хотя-бы послѣднему мѣщанину; затѣмъ всѣмъ чиновникамъ собраться въ намѣстническомъ дворцѣ ради представленія; дворянамъ собраться въ домѣ собранія, которое намѣстникъ почтитъ своимъ посѣщеніемъ. Купечеству былъ объявленъ приказъ явиться на слѣдующій затѣмъ день въ намѣстническій домъ, по гильдіямъ однимъ въ залу и аппартаменты, другимъ — въ прихожую и въ переднюю. Мѣщанству, въ лицѣ ихъ представителей, собраться къ подъѣзду дома. Даже обыватели изъ простонародья, „буде кто пожелаетъ лицезрѣть своего новаго начальника“, могутъ явиться и помѣститься на обширномъ дворѣ намѣстническаго дома. И къ нимъ равно выйдетъ генералъ принять поздравленіе и подаритъ ласковымъ словомъ.

Все это объяснилъ Романъ Романовичъ Абдурраманчиковъ медленно, отчетливо, но не гордо, даже не сурово, а „благопріятно“, какъ рѣшили про себя всѣ почтительно обступившіе его особу и слышавшіе изъ его устъ это „изволеніе“. Затѣмъ генералъ важно поклонился всѣмъ и снова сѣлъ въ свой красивый, новый экипажъ—это былъ только что купленный имъ предъ отъѣздомъ изъ Петербурга заграничный рыдванъ съ удивительнымъ гербомъ на чехлѣ, висѣвшемъ на козлахъ,—и двинулся въ городъ шагомъ. Все, что встрѣтило его, разсѣлось по своимъ экипажамъ и двинулось вслѣдъ за нимъ. Впереди всѣхъ, но за каретой намѣстника, ѣхала карета архіерея. Обыватели, конечно, поднятые на ноги событіемъ, хлынули въ эту часть города уже давно и шпалерами стояли по обѣимъ сторонамъ улицъ, по которымъ въѣзжалъ новый правитель края.

Ѣхалъ онъ, конечно, прямо въ намѣстническій дворецъ, уже давно очищенный Звѣревымъ. Въ домъ съ казенной обстановкой было уже перевезено много имущества изъ имѣнія Абдурраманчикова, и все было устроено и подготовлено двумя самыми счастливыми въ намѣстничествѣ лицами: его дѣтьми, Петромъ и Елизаветой.

По желанію, еще изъ Петербурга написанному Абдурраманчиковымъ, ни Петръ, ни Елизавета не выѣхали навстрѣчу къ отцу за городъ, а встрѣтили его на крыльцѣ дома. При видѣ отца, котораго они любили, въ великолѣпномъ, ими вдобавокъ невиданномъ, генеральскомъ мундирѣ, украшенномъ орденомъ, молодые люди взволновались.

Все то, что казалось имъ какъ-бы сновидѣніемъ, теперь какъ-будто стало впервые дѣйствительностью. Этотъ мундиръ, личность и внѣшность родного отца какъ-бы теперь только убѣдили ихъ, что все, случившееся съ ними, дѣйствительно

случилось, а не сновидѣніе ихъ, что въ ихъ судьбѣ дѣйствительно произошелъ страшный переворотъ къ лучшему. Въ тотъ-же вечеръ счастливая семья пробесѣдовала горячо до глубокой ночи.

Отецъ разсказывалъ дѣтямъ все, что съ нимъ было въ Петербургѣ. А было съ нимъ такъ много и такое удивительное, невѣроятное, что разсказовъ, конечно, хватитъ на цѣлый мѣсяцъ.

Въ тѣ-же часы во всемъ городѣ и въ дворянскихъ домахъ, и въ лачугахъ, шли толки о новомъ правителѣ-генералѣ, и всѣ равно — отъ дворянъ до мѣщанъ--будто сговорившись, сожалѣли о добрѣйшемъ Серафимѣ Ефимовичѣ и охали о томъ, что можно ожидать отъ намѣстника, русскаго и православнаго только по видимости.

— А пуще всего, — сказалъ какой-то мѣстный умникъ,— пуще всѣхъ держи теперь ухо востро тотъ, у кого красивая жена или дочь.

Случилось, невѣдомо почему, что это предупрежденіе уже вѣстью или угрозой пробѣжало на другой день по всему городу, и во всѣхъ семьяхъ повторялось:

— У кого красавица-жена или дочь, тому лучше изъ города уѣзжать. Уберечь будетъ нельзя, тягаться тоже нельзя. Такъ ужъ, чѣмъ пропадать, лучше убираться по-добру, поздорову.

Были въ городѣ и другіе толки и соображенія.

— Какъ-бы теперь не оказалась первой особой въ губерніи извѣстная всѣмъ Ѳедоська?—гадалъ одинъ.

— Нѣтъ, онъ Кизильташеву давно отдалилъ! — говорили другіе.—Теперь, гляди, выберетъ себѣ кого почище Ѳедоськи.

— Какую-либо изъ нашихъ супругъ...

— А то и дочекъ! Поди-ка потягайся съ нимъ!..

IV.

Весь служащій людъ намѣстничества, всѣ чиновники присмирѣли, отчасти струсили. Всѣ чуяли, что генералъ Абдурраманчиковъ—не чета Звѣреву.

Больше всѣхъ волновался, конечно, правитель канцеляріи, Галуша, какъ всегда бывало при перемѣнѣ его начальства. Ѳома Ѳомичъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, какъ къ нему теперь относится генералъ Абдурраманчиковъ. Вдобавокъ, во время войны между нимъ и покойнымъ княземъ, хотя Галуша и держался очень осторожно и поступалъ тактично, какъ поступалъ всю свою жизнь, тѣмъ не менѣе Абдурраманчиковъ могъ думать, что онъ стоялъ на сторонѣ Татевыхъ.

Когда прошло три дня въ разныхъ торжественныхъ пріемахъ новаго начальника, Ѳома Ѳомичъ, явившись къ нему безъ доклада, внутренно робѣя и смущаясь, но, повидимому, смѣло, заявилъ о своемъ желаніи узнать мнѣніе начальника: полагаетъ ли онъ оставить его при должности или пожелаетъ имѣть другого правителя канцеляріи.

Абдурраманчиковъ разсмѣялся и отвѣтилъ, показывая на стулъ около себя:

— Присядьте и побесѣдуемъ!

Ѳома Ѳомичъ отъ этого смѣха и какого-то страннаго выраженія лица генерала смутился еще болѣе: онъ ожидалъ сейчасъ же въ любезной формѣ услышать о своей отставкѣ.

„Изъ тѣхъ, должно быть“, — подумалъ онъ, — „которые мягко стелютъ, да жестко спать“.

— Вамъ извѣстно, Ѳома Ѳомичъ, — началъ Абдурраманчиковъ, — что я въ качествѣ правителя здѣшняго края, нахожусь въ такомъ положеніи, въ какомъ вы оказались-бы, ставъ адмираломъ эскадры или очутясь какимъ-нибудь пашей въ Турціи, не понимая языка васъ окружающихъ и не зная совсѣмъ нороовъ и обычаевъ страны, не только законовъ. Совсѣмъ, какъ въ лѣсу. Съ завтрашнаго дня я начну дѣлать такія глупости, что разсмѣшу всѣхъ въ намѣстничествѣ. А черезъ мѣсяцъ, несмотря на милостивое отношеніе ко мнѣ самого монарха, ему придется указать водворить меня на жительство попрежнему въ мой „Кутъ“. Стало быть, обойтись мнѣ безъ васъ или безъ такого-же опытнаго человѣка, какъ вы, совершенно невозможно. Зачѣмъ-же намъ разставаться? Мы, вѣдь, съ вами никогда не враждовали. Напротивъ того: одно время, еще недавно, когда сынъ мой былъ здѣсь и хлопоталъ, вы склонялись въ нашу пользу. А если вы были нѣсколько холодны ко мнѣ, когда я промчался черезъ городъ съ фельдъегеремъ, который меня якобы увозилъ для того, якобы отправить въ Сибирь, то я совершенно понимаю ваше тогдашнее отношеніе ко мнѣ. Всѣ меня считали тогда пропавшимъ человѣкомъ, съ которымъ даже и сноситься-то опасно. Слѣдовательно, я надѣюсь, что мы съ вами будемъ жить въ мирѣ. Вы мнѣ будете дѣльнымъ и искреннимъ помощникомъ и, конечно, не пожелаете меня подводить.

Обрадованный Ѳома Ѳомичъ сталъ клясться и божиться, что онъ всей душой будетъ служить генералу и что будетъ оно гораздо легче, чѣмъ было при послѣднемъ намѣстникѣ, которымъ командовала женщина, а все ея командованіе сводилось къ одному — наживаться.

— Ну-съ, вотъ что касается до этого, — воскликнулъ Абдурраманчиковъ, — то я воровать, лихоимничать не стану. А что касается до какой-либо бабы, которая могла бы мной командовать, то этого во всю мою жизнь никогда не бывало. Если

и проявится какая этакая особа, какая была у г. Звѣрева, то она будетъ сидѣть смирно у меня подъ командой.

Ѳома Ѳомичъ собирался уже встать, но генералъ остановилъ его словами:

— А теперь побесѣдуемъ о нѣкоторомъ дѣлѣ, которое мнѣ очень любопытно. Можетъ быть, вы мнѣ что-нибудь и разъясните. Позвольте спросить у васъ, когда собственно подалъ въ правленіе покойный Антонъ Семеновичъ свою промеморію?

При этомъ вопросѣ Абдурраманчиковъ такими смѣющимися глазами поглядѣлъ на Галушу, что этотъ, не ожидавшій подобнаго вопроса, слегка вспыхнулъ.

— Это было, ваше превосходительство... — началъ онъ, запнулся и снова заговорилъ тверже: — было, когда князь Татевъ былъ здѣсь въ городѣ, послѣ того, что вы проѣхали въ Петербургъ.

— Скажите, пожалуйста, какъ вы полагаете, кто сочинилъ эту промеморію?

Ѳома Ѳомичъ, бритое лицо котораго стало все красное, зашевелилъ губами, но ничего не произнесъ, такъ какъ не зналъ, что сказать. Собравшись спросить, что именно генералъ своимъ вопросомъ хочетъ сказать или на что хочетъ намекнуть, осторожный Галуша понялъ, что такой вопросъ невозможенъ, а между тѣмъ онъ совершенно не зналъ, что отвѣтить.

— Ну-съ, какъ же вы полагаете, кто писалъ эту промеморію?—повторилъ генералъ.

— Я не знаю-съ!..—произнесъ Галуша нетвердо и прибавилъ: — подана она мнѣ была княземъ Антономъ Семеновичемъ.

Генералъ пристально поглядѣвъ на правителя концелярiи, прибавилъ страннымъ голосомъ, какъ бы заигрывающимъ.

— Я хочу спросить васъ, кто составитель промеморiи или сочинитель.

— Я уже имѣлъ честь доложить вашему превосходительству, что и подана, и подписана промеморія княземъ,—стоялъ Галуша на-своемъ.

— Я потому васъ спрашиваю, Ѳома Ѳомичъ,—заговорилъ Абдурраманчиковъ послѣ короткой паузы,—что я имѣлъ случай въ Петербургѣ познакомиться съ этой промеморіей и такъ-же, какъ многіе даже важные сановники, читавшіе ее, диву дался, какимъ образомъ русскій дворянинъ можетъ такъ говорить въ оффиціальной бумагѣ, подаваемой начальнику края? Тамъ, что ни слово, то дерзость и, наконецъ, какъ вамъ извѣстно, есть выраженія, которыя вѣрноподданному рабу его величества нельзя дерзать и въ помышленіи имѣть, не только на бумагѣ излагать.

— Это совершенно вѣрно! — отозвался Галуша. — И кара, постигшая семейство Татевыхъ, совершенно понятна.

— Извѣстно ли вамъ... вѣроятно, совсѣмъ неизвѣстно,— произнесъ генералъ послѣ паузы,—что изволилъ сказать государь императоръ по прочтеніи этой промеморіи, о которой былъ особый докладъ его величеству? Извѣстно ли это здѣсь?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Государь императоръ выразился, что дворяне на свѣтъ не родятся, какъ грибы, сами по себѣ: одинъ бѣлый, другой черный. Такъ природа хочетъ. А въ государствѣ россійскомъ черный грибъ можетъ сдѣлаться бѣлымъ и бѣлый сдѣлаться чернымъ. Въ дворяне жалуетъ монархъ, это есть награда, и коль скоро монархъ что даетъ, то монархъ же можетъ и взять обратно данное имъ. Сказано это было его величествомъ потому, что во всей промеморіи, какъ вамъ извѣстно, постоянно повторяется и указывается на то, что высшая власть не можетъ заставить дворянина поступить не по-дворянски. А это недворянское поступленіе касалось, такъ сказать, меня и моей семьи. Покойный князь говорилъ, что никакія силы земныя не могутъ заставить его принять въ свою семью и назвать невѣсткой мою дочь. Я полагаю, что вся эта промеморія была сочинена не княземъ.

И Абдурраманчиковъ снова странно поглядѣлъ въ лицо Галуши и послѣ новой умышленной паузы прибавилъ:

— Все это сочинено было другимъ лицомъ... и знаете кѣмъ?

Галуша, снова оробѣвъ, прошамкалъ:

— Какъ же мнѣ знать-съ...

— Дагадайтесь!

— Право, не могу-съ...

— Ну, такъ я вамъ скажу! Промеморія была сочинена самой княгиней. Антонъ Семеновичъ только переписалъ ее и подписался.

Галуша вполнѣ успокоился.

— Если же я ошибаюсь,—прибавилъ тотчасъ-же Абдурраманчиковъ,—если не Арина Саввишна сочинительница промеморіи, то кто-либо иной, но человѣкъ умный. Но тоже скажу—человѣкъ неосторожный.

И послѣ двусмысленнаго слова Абдурраманчиковъ засмѣялся, а Галуша сидя передъ нимъ, подумалъ:

„Стало быть, ты хочешь сказать, что я у тебя въ рукахъ. Когда тебѣ заблагоразсудится, тогда ты и назовешь сочинителя. Одно диковинно: откуда ты узналъ объ этомъ сочинительствѣ?“

Галуша снова собрался было уходить, но Абдурраманчиковъ остановилъ его.

— Еще одно дѣльце! Не можете-ли вы мнѣ разъяснить его... Извѣстно-ли вамъ, почему случилось такое удачливое приключеніе, которое позволило мнѣ очутиться именно здѣшнимъ намѣстникомъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Когда я былъ въ Петербургѣ и былъ обласканъ государемъ, который спросилъ милостиво у меня, желаю-ли я поступить вновь на службу, я смогъ не только просто просить государя представить меня къ штатскимъ дѣламъ, но смогъ,— что было самое для меня пріятное—смогъ просить должность, которая въ эти-же самые дни считалась свободной. Извѣстно-ли вамъ, что г. Звѣревъ не за то былъ удаленъ, чтобы меня назначить на его мѣсто? Сынъ говорилъ мнѣ, что въ городѣ такъ разсуждаютъ дворяне. Но это—неправда. Я потому попалъ сюда въ намѣстники, что увольненіе Звѣрева было уже рѣшено. А почему онъ былъ уволенъ внезапно?

— Не могу знать, ваше превосходительство.

Не знаете? Такъ я вамъ скажу!

И Абдурраманчиковъ лукаво поглядѣлъ въ лицо правителя канцеляріи.

— Въ рукахъ высшей власти въ Петербургѣ была другая бумага, не хуже промеморіи Антона Семеновича и даже любопытнѣе. Эту пространную бумагу надо назвать не промеморія, а проіудія или проискаріотія, или, попросту скажемъ, это—умный и дѣльный, первостатейный доносъ. Знаете, есть знаменитое сочиненіе „Плутархово жизнеописаніе“. Ну, вотъ-съ, сей доносъ не уступаетъ оному сочиненію; насколько красно, толково и горячо описываются въ этой бумагѣ лихоимство и всяческія безобразія намѣстника Звѣрева и его подруги Розы. Писалъ это, очевидно, какой-либо не только обыватель города, но человѣкъ, близко знакомый со всѣми дѣлами правленія. Я готовъ подумать, что этотъ доносъ написанъ кѣмъ-либо въ вашей канцеляріи: уже слишкомъ тамъ много ссылокъ на такія дѣянія Звѣрева, которыя только концеляріи и могли быть извѣстны. Какъ вы полагаете, кто-бы могъ быть этотъ сочинитель?

— Не могу знать, ваше превосходительство! — произнесъ Галуша, но лицо его снова было красно.

Абдурраманчиковъ, какъ-бы не замѣчая смущенія Галуши, продолжалъ:

— Сожалѣю я... Хотѣлось-бы мнѣ знать, кто сей человѣкъ. Обнялъ-бы я его и расцѣловалъ-бы, потому что, не будь этого жизнеописанія Звѣрева и Розы, не попалъ-бы я и въ намѣстники, а если-бы и попалъ, то въ совершенно другую губернію. А быть начальникомъ здѣсь мнѣ гораздо лестнѣе и пріятнѣе. Такъ вотъ, Ѳома Ѳомичъ, если будетъ у васъ какая возможность, постарайтесь разнюхать, кто сочинитель этого доноса,

чтобы я могъ его поблагодарить и въ то-же время, такъ сказать, и задобрить. Вѣдь, неровенъ часъ, тотъ-же самый лихо владѣющій перомъ человѣкъ вдругъ за что-либо меня не взлюбитъ да этакое-же краснорѣчивое жизнеописаніе, но уже мое, снова пошлетъ въ Петербургъ. Разумѣется, я много не опасаюсь, потому что государь относится ко мнѣ милостиво, а кромѣ того и потому, что не собираюсь творить тѣхъ безобразій, какія творили Звѣревъ и Роза. Но все лучше знать, кто такой здѣсь въ губерніи ловкій писатель. Ну, вотъ съ, мы два дѣла покончили, а теперь будемъ третье и самое важное, но это я вамъ поясню въ двухъ словахъ и попрошу васъ держать втайнѣ. Вы — человѣкъ-законникъ. Разыщите мнѣ, какія есть статьи закона насчетъ браковъ, и, главнымъ образомъ, разыщите мнѣ и укажите имѣетъ-ли право дворянка выйти замужъ за крестьянина или нѣтъ? Нужно разрѣшеніе самого монарха, такъ мнѣ сказали въ Петербургѣ, но сказывали не навѣрное, а ввидѣ предположенія. А чтобы не заставлять васъ гадать о томъ, что сей вопросъ означаетъ, чтобы доказать вамъ, насколько важно для меня это дѣло, я скажу вамъ по правдѣ все, а вы уважьте меня и не разглашайте до поры до времени. Я желаю попрежнему выдать дочь Елисаветъ за Гавріила Татева. Что дѣлать! Любятся они давно и крѣпко, и не княжество его прельщало ее или меня. Сталъ онъ мужикъ, а мы относимся къ нему по-старому. Дочь безъ него жить не можетъ, да и я его люблю. И вотъ приходится мнѣ— генералу и намѣстнику—имѣть зятемъ мужика, податного человѣка, раба. Спасибо еще не раба помѣщика какого, который-бы могъ по прихоти пороть розгами генеральскаго зятя. Переройте, Ѳома Ѳомичъ, все, что у васъ есть разныхъ законовъ и выведите меня изъ затрудненія.

— Слушаю-съ!— отозвался Галуша, нѣсколько удивленный признаніемъ Абдурраманчикова.

Лицо его, однако, стало настолько серьезно, что вызвало вопросъ:

— А что, Ѳома Ѳомичъ, развѣ это—мудреное дѣло?

— Мудреное, ваше превосходительство! Сейчасъ ничего не могу вамъ отвѣтить положительнаго, но, по-моему, мудреное дѣло. Сдается мнѣ смутно, что дворянка, выходящая замужъ за крестьянина, должна просить разрѣшенія высшей власти, и, кромѣ того, сдается мнѣ, что она лично не теряетъ своихъ дворянскихъ правъ, но уже дѣти ея обоего пола становятся настоящими крестьянами. Все это позвольте мнѣ, занявшись, разыскать и вамъ доложить.

— Займитесь, Ѳома Ѳомичъ! Отложите въ сторону всякое другое. Это дѣло мнѣ надо рѣшить какъ можно скорѣй.

— Душу свою, ваше превосходительство, вложу въ это ваше дѣло, не только что познанія свои,—горячо заявилъ Галуша.

V.

Въ „Симеоновѣ", конечно, тоже часто поминалось имя новаго начальника края. Для Татевыхъ это назначеніе какъ-бы усугубляло тяжесть положенія.

Однажды, около полудня, внезапно всѣ всполошились. Пріѣхавшій конный гонецъ изъ города объявилъ членамъ Временнаго отдѣленія, что на слѣдующій день въ усадьбу прибудетъ самъ намѣстникъ и приказываетъ, чтобы ему было приготовлено помѣщеніе.

Разумѣется, чиновники, занимавшіе комнаты Арины Саввишны, какъ лучшія, бросивъ свои занятія, начали тотчасъ-же переселяться въ комнаты покойнаго Антона Семеновича и въ комнаты старшаго Семена Антоновича. Тѣ, которые были тамъ, переселились внизъ, гдѣ жили нахлѣбники, уже собиравшіеся выѣзжать изъ усадьбы, такъ какъ ихъ благодѣтели содержать ихъ уже не могли.

На другой день въ сумерки на дворѣ усадьбы появился красивый рыдванъ намѣстника, тотъ-же самый, въ которомъ онъ появился изъ Петербурга и дѣлалъ свой торжественный въѣздъ въ городъ. Вмѣстѣ съ намѣстникомъ въ двухъ бричкахъ пріѣхали его люди съ поваромъ включительно.

Былъ тотчасъ-же наскоро приготовленъ обѣдъ, и генералъ, откушавъ, вызвалъ къ себѣ двухъ главныхъ чиновниковъ и съ ними провелъ вечеръ, разговаривая преимущественно обо всемъ касающемся до семьи Татевыхъ. Наиболѣе интересовало генерала, какія суммы денегъ были найдены въ „Симеоновѣ" и конфискованы, и въ какомъ порядкѣ вообще вся вотчина.

По записи покойнаго Антона Семеновича, который велъ дѣла аккуратно, оказывалось, что въ наличности должны были быть въ домѣ тысячъ болѣе пятидесяти, а представлено было въ правленіе денегъ, отобранныхъ отъ Арины Саввишны, около тридцати тысячъ.

— Какъ же вы это дѣло не разслѣдовали тотчасъ-же?— воскликнулъ Абдурраманчиковъ.

Главный чиновникъ отдѣленія, уже пожилой и въ чинѣ статскаго совѣтника, по фамиліи Полянскій, заявилъ, что есть бумага, подписанная Галушей, что онъ получилъ отъ Арины Саввишны тридцать двѣ тысячи, а что наличность пятидесяти есть предположеніе, основанное на записи покойнаго Антона Семеновича въ его дѣловой книгѣ.

— А что говоритъ сама княгиня? Тьфу, не княгиня! Не могу я себя отучить, чтобы ихъ не титуловать... Что говоритъ Арина Саввишна?

Ничего, ваше превосходительство, отъ нея добиться нельзя! Она молчитъ и умышленно не хочетъ говорить ни да, ни нѣтъ. Изрѣдка повторяетъ: „Отвяжитесь, кровопійцы, ничего не скажу!“

— Ну, хорошо! Завтра я съ ней самъ поговорю.

И генералъ приказалъ объявить старухѣ, старшему Татеву и двумъ дѣвицамъ, что завтра онъ ихъ приметъ поочереди ради объясненія.

— А теперь,—сказалъ Абдурраманчиковъ, — позовите ко мнѣ Гавріила Антоновича.

Черезъ четверть часа Гаврикъ, бывшій наверху, спустился въ комнаты, занимаемыя Абдурраманчиковымъ и, робко вошелъ. Онъ былъ страшно встревоженъ, смущенъ, отчасти блѣденъ. Но это была не робость предстать передъ намѣстникомъ. Гаврика уже давно волновало совершенно иное чувство...

Неожиданная катастрофа со всей семьей, а равно и нежданное возвышеніе Абдурраманчикова нанесли ему лично страшный ударъ. Когда-то его отецъ и бабушка не соглашались на его бракъ, а теперь, наоборотъ, намѣстникъ не захочетъ этого брака, который сталъ невозможенъ. Генералъ и намѣстникъ не можетъ, если бы и хотѣлъ, выдать свою дочь за крестьянина.

Когда Гаврикъ вошелъ въ крайнюю комнату, гдѣ была когда-то спальня Арины Саввишны и гдѣ генералъ устроился на своей привезенной съ собой постели, Абдурраманчиковъ встрѣтилъ его, стоя среди комнаты и сложивъ руки крестомъ на груди.

— Здравствуйте, Гавріилъ Антоновичъ! — произнесъ онъ сухо.—Какъ поживаете?

Гаврикъ, для котораго эта встрѣча имѣла громадное значеніе, какъ-бы объясняла все, дѣлала дѣйствительностью всѣ его опасенія, произнесъ едва слышно:

— Ничего... Слава Богу!

— Ну, а по видимости не слава Богу! Вы похудѣли, поблѣднѣли. Можно подумать, что въ это послѣднее время вы себя чувствовали не слава Богу, а, помилуй Богъ, нехорошо. Ну-съ, присядьте!

Абдурраманчиковъ сѣлъ, показалъ Гаврику стулъ противъ себя, а затѣмъ заговорилъ:

— Не такъ давно собирался я мою дочь Елизавету выдать за человѣка, котораго она давно любитъ и который тоже съ давнихъ поръ относился къ ней сердечно, якобы тоже любилъ ее. Это былъ князь Гавріилъ Антоновичъ Татевъ. Теперь такого нѣтъ! Есть мужикъ Гаврила Татевъ, который, если соберется жениться, то можетъ выбирать себѣ любую крестьянскую дѣвку въ селѣ „Симеоновѣ“ или гдѣ на сторонѣ. Но, такъ какъ я этого Гавріила, котораго звалъ Гавриломъ, про-

должаю, такъ сказать, имѣть въ своемъ сердцѣ, то хочу ему помочь. Выдать за него, за мужика, мою дочь, генеральскую дочь, да и, можетъ быть, въ скорости княжну Абдурраманчикову, я, понятно, не могу. Но, въ доказательство моей любви, я хочу его устроить инако. Слушайте, Гавріилъ Антоновичъ! Моей властью намѣстника я могу много сдѣлать! Всѣ вы, Татевы, теперь государственные крестьяне и, слѣдовательно, владѣтель вашъ—высшее правительство, а мѣстный распорядитель вашей судьбы—я и моя канцелярія. И вотъ что я надумалъ, и не только надумалъ, но даже дѣло началъ, веду переговоры, и все въ скорости можетъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Я нашелъ тебѣ.. тьжу! вамъ... нашелъ невѣсту-купчиху, у которой до ста тысячъ капитала въ приданое. Собой она, кто говоритъ, очень пригожа, а кто полагаетъ ее и совсѣмъ красавицей. Годовъ ей только семнадцать. И вотъ я васъ и хочу на ней женить, чтобы составить ваше счастье. Родителямъ-же сей купчихи я обѣщалъ слѣдующее: во-первыхъ, моей властью я припишу васъ въ городѣ въ мѣщане, изъ мѣщанъ, женившись на богатой дѣвушкѣ, вы припишетесь къ первой гильдіи и будете купцомъ, а не мужикомъ, какъ всѣ остальные Татевы. А жить конечно, вы будете не сдѣсь на селѣ, а гдѣ угодно въ намѣстничествѣ. Довольны-ли вы?

Наступило молчаніе, такъ какъ Гаврикъ, перемѣнившись еще болѣе въ лицѣ, осунувшись и опустивъ голову, сидѣлъ неподвижно. Раза два онъ шевельнулъ губами, хотѣлъ что-то сказать, но не вымолвилъ ни слова.

— Довольны-ли вы доказательствомъ моей пріязни къ вамъ? Отвѣчайте!

— Я, Романъ Романовичъ... Виноватъ, ваше превосходительство! Не могу я на такое итти... Какъ вамъ будетъ угодно, я въ вашей власти, но я жениться ни на комъ не желалъ-бы.

— Почему такъ? — сухо и строго спросилъ Абдурраманчиковъ.

— Я не могу! А почему—вамъ извѣстно!

— Какъ-же это такъ извѣстно? Ничего мнѣ неизвѣстно!

— Вамъ извѣстно, на комъ я долженъ былъ жениться, извѣстно, что мы любимъ съ юныхъ лѣтъ, чуть не дѣтьми привязались другъ къ другу.

— Это вы насчетъ моей Елизаветъ?

— Да-съ! Вамъ все извѣстно. Я буду просить ваше превосходительство, буду молить ни на комъ меня не женить, а дозволить, если то возможно, итти въ монастырь, посвятить себя на молитву и постъ. А кромѣ Елизаветы Романовны, я ни съ кѣмъ.., Избави Богъ!..

Гаврикъ закрылъ лицо руками, заплакалъ и продолжалъ чрезъ мгновеніе:

— Женить меня на какой-либо другой—это будетъ еще болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ быть мужикомъ. Я лучше согласенъ, чтобы меня посадили въ острогъ, заставили работать съ кандалами на ногахъ и рукахъ, нежели быть мужемъ какой ни на есть женщины. Помилосердуйте! Дѣлайте со мной, что хотите, но не жените меня ни на комъ.

— Стало быть, для васъ, какъ была, такъ и осталась одна дѣвица на свѣтѣ—Елизаветъ Абдурраманчикова.

— Да-съ.

— Ну, а если-бы вамъ предложили невѣсту, у которой было-бы не сто тысячъ, а и триста, и стали-бы вы богатѣйшимъ купцомъ.

— Это все равно! Мнѣ денегъ не нужно.

— Ну, а если-бы вамъ обѣщали женить васъ на Елизаветъ, но потребовали-бы отъ васъ доказательствъ вашей привязанности къ ней. На что-бы вы согласились?

— На все!..—глухо отозвался Гаврикъ.

— Пошли-бы пѣшкомъ въ Іерусалимъ?

— Вѣстимо, пошелъ бы!

— Да не одинъ разъ, а три раза, туда и обратно? Да такъ—три раза?

— Пошелъ-бы!

— Вотъ какъ! Ну, а если-бы вамъ сказали: будучи на ней женатымъ, сидѣть въ темномъ чуланѣ въ кандалахъ, а видѣть ее только на одинъ часокъ ввечеру, и такъ на всю жизнь? Согласились-ли-бы вы?

— Вѣстимо, согласился-бы!..—громко отвѣтилъ Гаврикъ.— Да и нѣтъ того на свѣтѣ, на что бы я не согласился.

— Ну, не говорите! Давайте серьезно разсуждать! Елизаветъ Романовна будетъ вашей женой при одномъ условіи: вы проживете съ нею ровно пять лѣтъ со дня вѣнчанія; а когда минетъ пять лѣтъ, вы будете сосланы въ рудники въ каторжныя работы, якобы за преступленіе. И все это будетъ такъ подлажено моей властью намѣстника, что вы, ни въ чемъ неповинный, такъ тамъ, въ каторжныхъ работахъ, на вѣкъ и останетесь. Проживете счастливо пять лѣтъ, а остальную всю жизнь будете маяться въ Сибири каторжнымъ. Согласны ли вы?

— Сію минуту!.. — воскликнулъ Гаврикъ и дернулся на своемъ стулѣ, какъ-бы навстрѣчу предложенію.

— Подумайте прежде, чѣмъ такъ отвѣтствовать!

— Нечего мнѣ думать! Годъ буду думать, все то-же отвѣчу. Лучше пять лѣтъ съ Лизой, чѣмъ долгую жизнь безъ нея.

— Такъ, стало быть, это—дѣло рѣшенное! Я васъ женю на дочери, а черезъ пять лѣтъ подлажу разные документы будутъ васъ судить и отправятъ на каторгу на всю жизнь. Согласны?

— Согласенъ!

— Опять говорю, подумайте!

— Нечего мнѣ думать! Говорю, повторяю, сто разъ скажу, предъ Господомъ Богомъ побожусь: согласенъ и согласенъ! Черезъ пять лѣтъ хоть умертвите.

Абдурраманчиковъ поднялся съ своего мѣста, протянулъ руки молодому человѣку и проговорилъ отчасти хриплымъ голосомъ, такъ какъ чувство сдавило ему горло.

— Поди сюда!

Гаврикъ поднялся, Абдурраманчиковъ обнялъ его и крѣпко прижалъ къ себѣ на грудь.

— Дорогой ты мой, прости за это испытаніе! Ужъ очень мнѣ хотѣлось знать, сколько ты любишь Елизаветъ! И будешь ты ея мужемъ и въ скорости, и безъ всякихъ монастырей, и безо всякой каторги. Все это—мои разныя измышленія дурацкія. Завтра-же утромъ, какъ поднимешься, собирайся живо и поѣзжай въ городъ прямо въ намѣстническій домъ, гдѣ тебя Елизаветъ ждетъ. А я скажу здѣшнимъ болванамъ отдѣленія, чтобы они тебя отпустили.

Гаврикъ ничего не могъ произнести и лишь громко рыдалъ.

— Полно, полно! Прости меня за это лицедѣйство и за всякія обманныя рѣчи! Обѣщался я Елизаветъ узнать много-ли ты ее любишь.

— Но, вѣдь, я—мужикъ... Она будетъ мужичка!—произнесъ Гаврикъ.

— Да, пока, а тамъ что Богъ дастъ! Увидимъ! Тотъ, отъ кого все въ Россійской Имперіи зависитъ, такъ милостивъ ко мнѣ, что, сдѣлавъ князя мужикомъ, можетъ единымъ своимъ словомъ сдѣлать и мужика княземъ. Но объ этомъ говорить никому не надо. Пока дочь генерала и намѣстника будетъ простая крестьянка. Но жить, конечно, ты будешь не здѣсь, на деревнѣ, а у меня въ домѣ. Оттого-то я и желалъ быть намѣстникомъ въ здѣшнемъ краѣ. Будь я назначенъ въ какое другое намѣстничество, многое было-бы невозможно. И бракъ твой былъ-бы невозможенъ. А теперь слушай! Разскажу я тебѣ, что было со мной въ Санктъ-Петербургѣ, что я пережилъ. Думалъ, умру отъ радости. А что прихворнулъ отъ этой радости и отъ счастья, то оное—правда. Два-три дня хворалъ и больше мыслями. Умъ за разумъ зашелъ отъ неожиданной милости царской.

И до поздней ночи продержалъ Абдурраманчиковъ у себя любимца Гаврика, разсказывая ему по нѣсколько разъ одно и то-же.

Видно было, что это стало его потребностью. Милостивое обращеніе съ нимъ царя застряло у него въ головѣ.

VI.

Вся семья Татевыхъ плохо проспала ночь, волнуясь отъ присутствія въ домѣ и владыки, и врага своего вмѣстѣ.

На утро генералъ Абдурраманчиковъ, напившись кофе, собралъ и отправилъ въ городъ Гаврика, а затѣмъ приказалъ позвать къ себѣ бывшую княгиню Арину Саввишну.

Старуха, узнавшая еще наканунѣ, что она должна итти на объясненіе къ лютому врагу, заявила было, что не пойдетъ.

Ей объяснили, что это невозможно и что можетъ выйти очень худо. Во-первыхъ, ее могутъ повести силкомъ и приличнаго тутъ будетъ мало. Если-же она будетъ противиться и, какъ обѣщаетъ, всячески поносить намѣстника, то, по его приказанію, въ качествѣ простой крестьянки, она можетъ быть наказана розгами.

При этомъ извѣстіи Арина Саввишна покраснѣла и даже побагровѣла.

— Коли такое посмѣютъ со мной сотворить,—отвѣтила она,—то я вашего намѣстника скороспѣлаго зарѣжу!

Чиновникъ, разговаривавшій съ ней усмѣхнулся и вымолвилъ:

— Если вы такъ объявляете, намъ надо принять это къ свѣдѣнію! Можно на васъ сейчасъ-же и наручники надѣть, а то за одно это обѣщаніе подъ судъ отдать.

За весь вечеръ, размышляя о предстоящемъ объясненіи съ Абдурраманчиковымъ, Арина Саввишна постепенно успокоилась и какъ-бы примирилась съ мыслью, что надо повиноваться. На утро, когда она была вызвана къ генералу, женщина пошла спокойной походкой, только лицо ея было крайне сурово.

Абдурраманчиковъ встрѣтилъ ее въ первой комнатѣ, ея-же гостиной, любезно поздоровался и попросилъ сѣсть.

— Великое горе,—заговорилъ онъ, – великое испытаніе послалъ вамъ Господь, Арина Саввишна, но эту кару монаршую вы вполнѣ заслужили вашей строптивостью и гордостью дворянской. Прежде всего считаю нужнымъ вамъ объяснить, что я къ постигшей васъ карѣ не причастенъ. Вы, полагаю я, увѣрены, что все совершилось по моимъ навѣтамъ или доносамъ. Божусь вамъ Господомъ Богомъ, что я положительно не причемъ. Все совершилось, благодаря доносу прежняго намѣстника Звѣрева, который представилъ даже письмо покойнаго Антона Семеновича, въ коемъ вы говорили, что праздновать восшествіе на престолъ государя императора вы никогда не станете и въ этотъ высокоторжественный день будете только заказывать заупокойныя литургіи и панихиды по госу-

дарынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Кромѣ того, наихудшее вліяніе имѣла промеморія Антона Семеновича, въ коей, какъ вамъ извѣстно, ведутся такія рѣчи, которыя вѣрноподданный монарха вести не можетъ и не долженъ. Съ тѣхъ поръ, что Россійское государство существуетъ, ни одинъ дворянинъ никогда такой бумаги вышней власти не представлялъ. Въ этой промеморіи, какъ вамъ извѣстно, есть прямое преступленіе, именуемое „оскорбленіемъ величества".

— О такой промеморіи мнѣ ничего неизвѣстно, господинъ генералъ!—выговорила Арина Саввишна твердо.

— А я такъ полагаю, Арина Саввишна, что вся она, отъ перваго слова до послѣдняго, написана или сказана вами, а Антонъ Семеновичъ только записалъ все или только подписался.

— А я вамъ говорю,—рѣзко отвѣтила старуха:— что такой промеморіи никогда не бывало, въ коей-бы было что-либо оскорбительное для государя императора. Ни я, ни сынъ покойникъ—мы не сумасшедшіе!

Наступило молчаніе, послѣ котораго Абдурраманчиковъ выговорилъ, разводя руками:

— Ничего тогда не могу вамъ сказать. Вы отрицаете то, что я собственными глазами видѣлъ и читалъ. И подпись Антона Семеновича я прочелъ и призналъ. Такъ какъ же посудить тогда, княгиня, тьфу!.. Арина Саввишна?

— Что-бы вы ни читали въ Петербургѣ, — проговорила старуха особенно твердо,—и что бы другіе тамъ вышніе люди, хотя-бы и самъ государь, ни читали, подписанное Антономъ, я повторяю, что такой бумаги никогда не бывало, что таковая бумага не могла быть. Сынъ однажды сознался мнѣ, что его заставили подписать какую-то бумаженку, въ которой объяснялось, что онъ много претерпѣлъ отъ васъ, а что намѣстникъ Звѣревъ, а равно и его канцелярія вели себя правосудно и что на нихъ мы никакой претензіи не имѣемъ. О чемъ-либо другомъ ничего въ этой бумагѣ не было.

— Какъ же все это понять, Арина Саввишна?

— Меньше васъ знаю, г. генералъ, хотя знаю, что все это дѣло нашего обращенія изъ дворянъ и князей въ простые мужики есть Шемякинъ судъ.

— Какъ можете вы такъ выражаться, сударыня? Въ вашихъ словахъ сейчасъ то-же, что и въ той бумагѣ, а именно—оскорбленіе величества.

— Никогда-съ! — вскрикнула Арина Саввишна.—Я не судъ монарха называю Шемякинымъ судомъ. Государь обманутъ разными стрекулистами, кровопійцами—и малыми, и большими, и здѣшними губерскими, и столичными. Монархъ былъ введенъ въ заблужденіе! А вотъ тѣ, кто его обманулъ и заставилъ такъ строго поступить съ княжей семьей, они то вотъ

истинные оскорбители величества и есть. Рано или поздно, господинъ генералъ, все это будетъ разъяснено, всѣхъ этихъ злодѣевъ выведутъ на чистую воду.

— Кто-же это выведетъ, Арина Саввишна?

— Да хоть бы я, господинъ генералъ!

— Вы?!.. Да, вѣдь, вы будете жить здѣсь, на деревнѣ, въ избѣ, и васъ за околицу выпускать не будутъ, а не только позволятъ вамъ ѣхать въ Петербургъ.

— И не нужно! Вы меня хоть и знали давно и долго, а все-таки, извините, не узнали. Вмѣсто того, чтобы завывать да по полу кататься отъ горести и печали, я еще пуще духомъ окрѣпла. И, несмотря на мои годы, постою за себя, за внучатъ и правнуковъ, и знаю, что и княжество, и все состояніе снова къ намъ вернутся. А тѣхъ злодѣевъ, негодяевъ и лжецовъ, которые насъ обнесли предъ престоломъ монарха, я жива не буду, коли не отблагодарю, какъ слѣдуетъ. Нѣтъ, господинъ генералъ, вамъ совсѣмъ неизвѣстно, что за человѣкъ княгиня Арина Саввишна Татева!

— Не княгиня, извините! крестьянка Арина!

— Временная! Родилась она дворянкой, стала княгиней при замужествѣ и снова умретъ дворянкой и княгиней!

— Велика ваша вѣра въ свои силы, Арина Саввишна!

— Да, господинъ генералъ! Въ писаніи сказано: вѣра горы сдвинетъ!

— Это точно...—тише произнесъ Абдурраманчиковъ, слегка понурился и смолкъ на нѣсколько мгновеній, затѣмъ, будто придя въ себя, произнесъ:—одно, объ одномъ прошу васъ и, коли вы вѣрите, что я—человѣкъ богобоязненный, то вотъ божусь Богомъ,—онъ перекрестился,—что я во всемъ этомъ дѣлѣ не причемъ. Я самъ былъ пораженъ, узнавъ въ Петербургѣ, что высшая власть порѣшила съ вами сдѣлать. Затѣмъ скажу вамъ, что я попрежнему желаю выдать дочь мою замужъ за крестьянина Гавріила Татева. Считаю долгомъ объявить это вамъ, какъ его бабушкѣ. Пожелаете быть на свадьбѣ—милости просимъ!..

И Абдурраманчиковъ запнулся, потому что услыхалъ какой-то странный звенящій смѣхъ... Арина Саввишна начала тихимъ смѣхомъ, а потомъ уже стала почти хохотать.

— Что-же это вы? Я и не понимаю! — произнесъ Абдурраманчиковъ, озадаченный.

— Ужъ очень смѣшно, господинъ генералъ, выдавать превосходительную дочку за мужика. Запретить я этого не могу хоть я его бабка. Но вы, какъ помѣщикъ надъ крестьянами, можете прямо въ качествѣ намѣстника, приказать обвѣнчать Гавріила не только на своей дочери, но хоть-бы и на какой цыганкѣ изъ табора или на какой [illegible]. Такъ ужъ лучше на персидкѣ.

— Ахъ, Арина Саввишна,—покачалъ головой Абдурраманчиковъ,—укротите свой нравъ! Вспомните, что этотъ персидъ, какъ вы изволите звать меня за-глаза, — генералъ, теперешній здѣшній намѣстникъ, будущій князь Абдурраманчиковъ. Вспомните тоже, что отъ одного моего слова вы вполнѣ зависите. Я могу сейчасъ-же приказать нанести вамъ такое оскорбленіе, котораго вы съ вашей гордостью не переживете, захвораете и отъ обиды помрете. Вспомните, подумайте!

Наступило молчаніе. Арина Саввишна глубоко вздохнула.

— Ну, что-же,—заговорила она уже другимъ голосомъ,—противу рожна прать нечего! Жените Гаврика на своей дочкѣ. Только одно скажу:—счастливы Гавріилъ и Елизавета не будутъ...

— Почему-же это?

— Не будутъ!

— Что-же это вы со зла каркаете?!.. — взбѣсился Абдурраманчиковъ.

— Я не каркаю, а предупреждаю. И прошу васъ запомнить это! Придетъ денечекъ, и я вамъ напомню, что говорила. Скажу: помните-ли, генералъ, что я сказывала, что Гавріилъ съ Елизаветой не будутъ счастливы, что, молъ, права я была или врала?

— Фу, Господи! Поневолѣ скажешь: типунъ на языкъ!

И, чтобы перемѣнить разговоръ, Абдурраманчиковъ спросилъ:

— Соблаговолите мнѣ лучше сказать, какую сумму денегъ получилъ отъ васъ Галуша?

— Сорокъ семь тысячъ...

— Какъ сорокъ семь?

— Да такъ-съ, сорокъ семь тысячь рублей! То, что я въ послѣднее время копила и откладывала.

— Но въ описи временнаго отдѣленія показано тридцать двѣ...

— Стало быть, пятнадцати не хватаетъ!—отозвалась Арина Саввишна.

— Такъ гдѣ-же онѣ?

— Гдѣ?!. У васъ гдѣ-нибудь въ сундучкѣ!

— Я, Арина Саввишна, не воръ!

— Ну, такъ у вашего Ѳомы! И, по всей вѣроятности, именно у Ѳомы. Это для меня не касается! Меня ограбили, а какъ грабители подѣлились, что-же мнѣ до этого?

— Вы подтверждаете, Арина Саввишна, что передали сорокъ семь тысячъ?

— Подтверждаю?

— И готовы въ этомъ мнѣ дать расписку или заявленіе, что-ли?

Арина Саввишна помолчала и отвѣтила:

— Нѣтъ, не дамъ!

— Почему-же?

— Да что-же мнѣ одного грабителя выдавать другому грабителю. Пускай передерутся, оно мнѣ будетъ утѣшнѣе.

— Что-же вамъ стоитъ написать двѣ три строчки и подписать вашимъ именемъ?

— Ничего не стоитъ, да не хочу!

— А если я васъ заставлю угрозой поступить съ вами по моей власти?—рѣзко выговорилъ Абдурраманчиковъ.

— Тогда придется написать! И напишу, что выдала вашему ѳомѣ девяносто тысячъ!

— Не девяносто, а то, что дѣйствительно вы ему передали.

— Да почемъ-же вы знаете, господинъ генералъ, что я передала? Могу написать сорокъ семь, могу написать тридцать двѣ и девяносто. Можетъ, ни то, ни другое, ни третье—все неправда.

— Ну, и кремень-же вы, Арина Саввишна!

— Нѣтъ, господинъ генералъ, я—не кремень, а покрѣпче кремня. И знайте впередъ, что я не успокоюсь, буду дѣйствовать и ничѣмъ вы меня не испугаете. На всякія попытки и истязанія я пойду, чтобы добиться одного—подать просьбу россійскому монарху. А предъ нимъ, если я — мужичка Арина— малая былиночка, то и вы—генералъ и намѣстникъ—тоже трава, на которую онъ, русскій царь, можетъ наступить каблучкомъ.

— Вонъ вы какъ живописуете!—разсмѣялся Абдурраманчиковъ.— Ну-съ, больше мнѣ вамъ сказать нечего! Если будете дѣйствовать, то знайте напередъ, я вамъ мѣшать не стану. Если вы добьетесь возвращенія княжества и состоянія, то тѣмъ лучше для моей единственной дочери. Я первый буду радъ, что изъ мужички Татевой она станетъ княгиней Татевой.

— Будете радоваться, конечно, но недолго!—зловѣще выговорила Арина Саввишна.

— Ахъ, Богъ съ вами!—суевѣрно отмахнулся Абдурраманчиковъ.

VII.

Послѣ старухи Абдурраманчиковъ вызвалъ къ себѣ Семена Антоновича и заявилъ, что хочетъ объясниться съ нимъ, какъ съ главой всего семейства.

— За смертью вашего батюшки,—объснилъ онъ,—вы, какъ старшій въ семьѣ, должны быть руководителемъ братьевъ и сестеръ и распорядителемъ судьбы ихъ, поскольку оно по закону будетъ возможно.

Прежде всего Абдурраманчиковъ задалъ вопросъ о деньгахъ, о суммѣ, переданной Ариной Саввишной Галущѣ, но на это Семенъ Антоновичъ ничего сказать не могъ, такъ какъ въ дѣла никогда не вмѣшивался. Онъ объяснилъ, что былъ въ домѣ и въ семьѣ, несмотря на то, что ужъ женатъ, какъ нѣчто вродѣ недоросля.

Абдурраманчиковъ объяснилъ ему, что, въ исполненіе точнаго и подробнаго указа, вся семья должна покинуть домъ и поселиться на селѣ, причемъ для нихъ будетъ сдѣлана одна льгота: будутъ выстроены на казенный счетъ новыя избы.

— Чтобы вамъ было не такъ тяжело,—сказалъ генералъ,—я собственною властью порѣшилъ, елико возможно облегчить жизнь каждаго изъ васъ. Прежде всего долженъ вамъ объяснить, что ваши братья и сестры должны жениться и выйти замужъ по своему состоянію. Обѣ ваши сестры должны быть выданы замужъ за крестьянъ, но по ихъ выбору. Съ этимъ, конечно, можно не спѣшить! Что касается до вашего брата Гаврика, то его участь будетъ много легче, а какая—вы узнаете въ свое время.

И, отпустивъ Семена, Абдурраманчиковъ вызвалъ къ себѣ двухъ сестеръ. Дѣвушки явились обѣ равно смущенныя, взволнованныя. Абдурраманчиковъ объяснилъ обѣимъ то-же самое, что и ихъ брату, и невольно удивился тому, что, если Ариша понурилась и вздохнула, то на Катюшу объявленіе его нисколько не подѣйствовало. Она не сморгнула и тотчасъ-же спросила, будутъ-ли ихъ неволить или дозволять выйти замужъ по собственному желанію и выбору?

— Это въ моей власти!—отвѣтилъ Абдурраманчиковъ.—И, конечно, я неволить васъ не стану. Поосмотритесь и выбирайте себѣ, какого парня пожелаете, здѣсь-ли у себя, или по сосѣдству. Но, разумѣется, вамъ лучше выйти за кого-либо изъ своихъ, потому что они будутъ государственными, почти вольными; а, выйдя замужъ за какого крестьянина помѣщичьяго, вы сами себя закабалите въ крѣпостную зависимость. И мало ли что изъ-за этого произойти можетъ? Помѣщикъ иной пожелаетъ сдѣлать изъ васъ просто своихъ горничныхъ, а то и хуже того: своихъ скотницъ или прачекъ.

И, къ удивленію Абдурраманчикова, лицо Катюши стало довольнымъ, почти радостнымъ. Онъ присмотрѣлся внимательнѣе и недоумѣвалъ.

„Неужто-же она“,—подумалось ему,—„здѣсь, сидя въ глуши, влюбилась въ какого своего дворового человѣка?..“

— Ну-съ, вотъ все, что я имѣю сказать вамъ,—обратился генералъ къ Катюшѣ.—Можете итти. Что-же касается до васъ, Арина Антоновна,—обернулся онъ отчасти важно къ старшей сестрѣ, то я попрошу васъ остаться со мной наединѣ для пары словъ.

Катюша вышла, а Ариша, удивленная, осталась.

Очутясь наединѣ съ дѣвушкой, Абдурраманчиковъ сразу перемѣнился совершенно: и лицо его стало другое, и голосъ сталъ вкрадчивый и почти мягкій, а красивые черные глаза подъ мохнатыми бровями глядѣли уже нѣжно и будто заискивающе...

Арина глядѣла на него и дивилась.

— Итакъ, Арина Антоновна, вамъ тоже предстоитъ большое испытаніе. Каково имѣть мужемъ какого-нибудь мужлана мужика... Вѣдь, это — крестъ, прямо сказать... Каково всю жизнь такъ прожить!

Ариша ничего не отвѣтила, не зная, что сказать.

— Каково это въ ваши годы и при вашей красотѣ быть женой крестьянина, когда любой дворянинъ былъ-бы счастливъ назвать васъ своей милой, дорогой!..

— Какая-же у меня красота? — отозвалась Ариша.—Катюша — красавица, а я все почиталась дурнушкой.

— Полноте! Надо съ ума сойти или глазъ не имѣть, чтобы вами не прельститься!—воскликнулъ Абдурраманчиковъ.— Я вотъ въ мои годы, если-бы могъ обладать такой прелестной особой, какъ вы, то былъ-бы счастливѣйшій человѣкъ. Помню я хорошо, что, когда я часто бывалъ здѣсь у васъ и вы были отроковицей еще, то я уже тогда прельщался вами. Да. Подумать, что вдругъ вы будете женой мужика!.. А, между тѣмъ, захоти вы... скажи вы слово... одно только словечко— и вы могли-быть... не были-бы мужичкой... были-бы вмѣстѣ съ человѣкомъ такого-же состоянья и той-же воспитанности, что и сами.

— Какъ-же такъ?—невольно вырвалось у Ариши.

— Такъ... Отъ васъ самихъ, если не все на свѣтѣ зависитъ, то многое. Захоти вы—и не будете мужичкой въ избѣ...

— Я не понимаю, Романъ Романовичъ.

— Скажите слово... одно слово — и вотъ, какъ въ сказкѣ сказывается... по щучьему велѣнью, по моему прошенью... сейчасъ все на перемѣну пойдетъ.

— Какое-же это слово?

— Какое? Догадайтесь, — тихо произнесъ Абдурраманчиковъ, усмѣхаясь и загляцывая Аришѣ въ глаза настолько странно, что она потупилась и подумала:

— „Что онъ? Что съ нимъ? Путаетъ что-то такое!“

— Догадайтесь, Арина Антоновна! Немудрено. Есть властные люди... Представьте вотъ, что властный человѣкъ оказался вдругъ безъ ума, безъ памяти отъ васъ и готовъ для васъ на все, на всякое противозаконіе... За малѣйшую вашу ласку онъ готовъ за васъ въ огонь и въ воду. Ну, и вотъ вы... вы, къ примѣру, этакое ласковое слово скажете или обѣщаніе ему дадите... согласитесь на его предложеніе, выйдетъ

у васъ съ нимъ какъ-бы уговоръ. Вы дадите ему свою любовь, а онъ дастъ вамъ возможность жить по-человѣчьи, попрежнему, какъ вы жили здѣсь... Замужъ за крестьянина не будете выданы, пока не придетъ строжайшее подтвержденье указа... А этого и не будетъ. Кто пойдетъ доносить, что дѣвица Арина еще не обвѣнчана ни съ кѣмъ?.. Вотъ и будете счастливы...

Абдурраманчиковъ смолкъ и глядѣлъ на дѣвушку вопросительно и немного волнуясь.

Ариша, глядѣвшая на него съ удивленіемъ, пока онъ говорилъ, снова потупилась.

„Какой поганый“,—подумалось ей. — „Погано смотритъ и погано смѣется. Видать, не русскій. И какъ-же я прежде этой гадости не замѣчала въ немъ, когда онъ бывалъ здѣсь у батюшки и игрывалъ съ нами, дѣтьми? Видно, мала и глупа была!“

— Ну-съ, что-же, Арина Антоновна? — произнесъ Абдурраманчиковъ послѣ недолгой паузы.—Надумались?

— Что надумалась? О чемъ?—удивленно спросила она.

— О томъ, что я вамъ говорилъ. Скажете вы это словечко?

— По совѣсти говорю, Романъ Романовичъ, я ничего не поняла изъ того, что вы сказывали.

Голосъ Ариши звучалъ правдиво и даже по-дѣтски наивно.

Абдурраманчиковъ двинулся, пересѣлъ на другой стулъ, ближе къ ней, почти рядомъ, и сталъ говорить тихо и отчасти смущаясь. Онъ божился, что она давно, еще дѣвочкой, нравилась ему нравомъ и лицомъ, а теперь, когда онъ снова увидѣлъ ее дѣвицей-красавицей, въ немъ сразу явилось къ ней страстное чувство, и если она согласится жить у него и быть какъ-бы его женой, то она не будетъ обвѣнчана съ мужикомъ...

— Поняли?—кончилъ онъ свою путаную рѣчь.

— Поняла,—глухо отозвалась Ариша.

— Ну, и что-же... что скажете?..

— Скажу: каковъ вы были, таковъ и остались, таковымъ васъ и въ гробъ положатъ. Горбатаго, говорится, могила только выправитъ...

— Я васъ не понимаю... Вы не желаете, брезгуете? Вы отвергаете меня? Напрасно!..

Абдурраманчиковъ нагнулся къ ней, обхватилъ ея станъ и сталъ привлекать къ себѣ.

— Пустите!—злобно вскрикнула Ариша. — Вотъ и видно, что вы—персидъ и проходимецъ!

Но Абдурраманчиковъ сильнѣе потянулъ ее, нагнулся самъ и поцѣловалъ ее въ лицо.

Ариша вспыхнула, стала вырываться, но одолѣть его силъ не хватило... И снова получила она нѣсколько поцѣлуевъ въ губы, въ щеки, въ глаза.

— Ахъ, поганая татарва! — закричала она внѣ себя, и, такъ какъ руки ея остались свободны, то въ одинъ мигъ Абдураманчиковъ получилъ чуть не столько-же сильныхъ ударовъ по лицу, сколько далъ поцѣлуевъ.

Онъ побагровѣлъ, вскочилъ и вскрикнулъ:

— Вонъ! Шалая дѣвка! Вонъ отсюда!

— Татарва вонючая!—вскрикнула и Ариша.

И она бросилась тотчасъ къ дверямъ, но онъ грубо и больно схватилъ ее за руку, задержалъ и выговорилъ:

— Помни: никому ни слова объ этой твоей дерзости—ни бабкѣ, ни братьямъ. Если это разгласится, я пріѣду опять сюда, и въ моемъ присутствіи тебя здѣсь выпорютъ розгами. Вотъ тебѣ крестъ! — и онъ перекрестился.

— Татарва! Пакость и крестится!—вскрикнула Ариша внѣ себя и бросилась въ двери.

VIII.

Однажды на дворъ усадьбы въѣхалъ экипажъ и, къ удивленію Татевыхъ, пріѣзжая была гостья къ нимъ — первая и единственная изо всѣхъ прежнихъ знакомыхъ, которая появилась. Все дворянство намѣстничества воздержалось отъ этого, какъ бы опасаясь навлечь на себя гнѣвъ властей.

Пріѣзжая была генеральша Бокъ.

Когда она вошла въ домъ, ее встрѣтилъ одинъ изъ чиновниковъ Временнаго отдѣленія съ вопросомъ: что ей угодно? Генеральша отвѣчала, что пріѣхала къ своимъ хорошимъ пріятелямъ навѣстить ихъ. Чиновникъ заявилъ, что доложитъ объ этомъ начальнику Временнаго отдѣленія, чтобы имѣть его разрѣшеніе.

Разумѣется, черезъ нѣсколько минутъ онъ появился снова и сказалъ, что г. Полянскій разрѣшаетъ пріѣзжей повидаться съ Татевыми. Генеральша приказала тотчасъ-же одному изъ появившихся людей доложить о себѣ „княгинѣ“. Чиновникъ, слышавшій эту фразу, усмѣхнулся и выговорилъ:

— Вамъ, должно быть, неизвѣстно то, что знаетъ все намѣстничество, что такой княгини нѣтъ. Есть крестьянка Татева.

— Это для васъ, г. писецъ и стрекулистъ, а для меня, генеральши, вдовы генералъ-поручика, такой крестьянки Татевой не было и нѣтъ. А была и есть княгиня Арина Саввишна Татева!

— Рѣчи ваши противозаконны, сударыня!—отозвался строго чиновникъ.

— Такъ какъ я вашихъ законовъ не знаю, то могу сказывать и поступать противно имъ, но умысла у меня злого не будетъ. Впрочемъ, это—ваше дѣло! Желаете, подите доложите вашему начальству, что я Арину Саввишну княгиней величаю, а покуда честь имѣю кланяться! И, авось, Богъ дастъ, мы съ вами опять не свидимся.

Такъ какъ въ это время вошелъ человѣкъ и сказалъ, что Арина Саввишна проситъ генеральшу пожаловать наверхъ, гдѣ она помѣщается, то генеральша пошла вслѣдъ за нимъ въ корридоръ.

— Недаромъ пріятельница этой Арины! — выговорилъ чиновникъ самъ себѣ подъ носъ. — Такая-же строптивая! Ей, вишь, законы не писаны! Всѣхъ-бы васъ этакихъ въ мужичекъ обращать, стали-бы потише!

Когда генеральша вошла въ маленькую комнату, которую прежде занималъ одинъ Рафушка, теперь переселившійся къ старшему брату, она удивилась, найдя Арину Саввишну въ дверяхъ комнаты и услыхавъ слова, сказанныя съ особенной, отчасти тревожной, интонаціей:

— Зачѣмъ вы пріѣхали? Что вамъ нужно? Издѣваться, что-ли, надо мной?

— Полноте, княгиня, Господь съ вами! — воскликнула Бокъ.—Вы въ бѣдѣ, въ горѣ. Развѣ время мнѣ теперь вспоминать, въ чемъ вы предо мной могли провиниться? Я вспомнила одно, что мы съ вами давнишнія пріятельницы, часто вздорили изъ-за пустяковъ. Я уже давно знаю о вашемъ горѣ: о смерти Антона Семеновича и о судьбѣ вашей печальной. Я-бы давно пріѣхала, да хворала. Ну, прежде всего здравствуйте! Расцѣлуемтесь!

И, къ удивленію генеральши, Арина Саввишна крѣпко обняла ее, крѣпко поцѣловала, а затѣмъ, тяжело вздохнувъ, вымолвила:

— Ну, не ожидала я этого отъ васъ! Ужъ кому-же и быть противъ меня, коли не вамъ! Два раза я выгоняла васъ отсюда.

— Полно, полно! Кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ!

Старуха сѣла, и генеральша Бокъ тотчасъ-же начала разспрашивать Арину Саввишну подробно обо всемъ. Старуха охотно и подробно отвѣчала. Вскорѣ генеральша знала все до малѣйшихъ мелочей, и многое, конечно, удивило ее. Одно казалось удивительнымъ, а другое еще удивительнѣе.

Болѣе всего поразило ее, что существуетъ какая-то промеморія, подписанная покойнымъ княземъ, которая все якобы и натворила. Затѣмъ поразила ее вѣсть, что генералъ и намѣстникъ выдаетъ свою дочь все-таки за Гаврика, за крестьянина.

— Это не спроста! — сказала она.—Это даже такъ хитроумно со стороны лиходѣя, что не знаешь, что и подумать!

Не менѣе удивилась генеральша разсказу о томъ, что Арина Саввишна передала Галушѣ, вынувъ изъ своего сундука, сорокъ семь тысячъ, а онъ представилъ во Временное отдѣленіе къ описи, по словамъ самого Абдуррамапчикова, только тридцать двѣ.

— И, родная моя,—выговорила генеральша,—такъ и быть должно! Вспомните Священное Писаніе: „и раздѣлиша ризы Его", а тутъ нагрянули кровопійцы, злодѣи. Удивительно, что они весь домъ не разворовали! Развѣ еще не успѣли, потомъ разворуютъ.

Давъ Аринѣ Саввишнѣ высказаться вполнѣ, генеральша заявила, что пріѣхала не спроста, что у нея есть планъ, о которомъ, конечно, она будетъ хлопотать сама, но прежде всего хотѣла переговорить съ самой пріятельницей.

— Прежде всего, княгиня, нужно ваше согласіе...

— Я-же, вѣдь, не княгиня больше! — сурово ухмыляясь, выговорила старуха.

— Это для нихъ, родная моя, а для меня вы—та-же княгиня, и никто не заставитъ меня называть васъ инако. Развѣ пригрозятся подъ судъ отдать и въ Сибирь сослать, ну, тогда, родная, не взыщите, свою шкуру оберегая, начну при постороннихъ васъ называть просто Арина Савишна, а глазъ-на-глазъ все-таки буду говорить „княгиня".

Арина Саввишна положила руку на плечо гостьи и выговорила взволнованнымъ голосомъ:

— Ну, спасибо вамъ! Не ожидала! Ужъ именно отъ васъ-то и не могла ожидать. Кажется, я никому столько худого не сдѣлала, сколько вамъ. И какого худого-то еще?!. Глупаго, ненужнаго!..

— Ну-съ, скажите мнѣ,—перебила Бокъ,—прежде всего, подумавши, а то и не думая: хотите-ли вы поселиться у меня?

— Какъ такъ?

— Да такъ! Переѣхать и жить у меня. Усадьба моя, знаете, невеличка, но, вѣдь, я одна въ ней съ Машей, мѣста много. И все-таки-же вамъ лучше будетъ, чѣмъ въ избѣ на деревнѣ. Будете жить, какъ дворяне живутъ. Что скажете?

Арина Саввишна молчала, глядѣла на гостью и, наконецъ, выговорила, усмѣхнувшись:

— Нахлѣбницей вашей буду?

— Охъ, родная моя! Вѣдь, вотъ вашъ нравъ-то какой! Ничто васъ не беретъ. Нахлѣбникъ не тотъ, кто живетъ даромъ у чужихъ людей. Вы—моя пріятельница и будете гостья у меня, пока ваше не устроится, пока все не перемелется. Вѣдь, вы сами говорите, что будете хлопотать. А у меня

вамъ жить будетъ много полезнѣе, потому что всѣ, кто вамъ понадобится ради вашего дѣла, могутъ бывать. А сама я начну помогать вамъ, тоже хлопотать. Нужно будетъ, я для васъ и въ Москву, и въ Петербургъ поѣду. Ну, что-же вы скажете?

— Одно можно сказать: спасибо вамъ! И не заслужила я этого отъ васъ. Только вотъ что я скажу вамъ Авдотья Евдокимовна: трудно будетъ это сдѣлать...

— Отчего трудно? Собирайтесь и пріѣзжайте!

— Да, вѣдь, я же вамъ говорила, что насъ указано поселить на деревнѣ въ избахъ. Да еще якобы милость хотятъ учинить— три избы выстроить, а не въ одну насъ всѣхъ прятать.

— Да зависитъ, вѣдь, это, княгиня, отъ этого персида. Ну, я къ нему и поѣду, и буду просить. И Галушу буду просить. Наконецъ, вашъ внукъ, генеральскій зятекъ, можетъ просить о васъ. Вѣдь, это обстоятельство, что Абдурраманчиковъ выдаетъ за него свою Елизавету, все-таки, какъ хотите, а къ лучшему. Не станетъ онъ тѣснить родню своего зятя. Да и вообще, княгиня, все это дѣло, ввиду того, что Абдурраманчиковъ назначенъ намѣстникомъ именно къ вамъ, для меня совсѣмъ какое-то неясное. Какъ-бы это выразиться пояснѣе? Въ этомъ всемъ худѣ я вижу много добраго. Кажется мнѣ, что вотъ-вотъ все это распутается и совсѣмъ пойдетъ пляска другая. Такъ вотъ я у васъ до вечера пробуду, поѣду къ себѣ, а отъ себя въ городъ. Буду просить и знаю почти навѣрное, что этого Абдурраманчикова уломаю, скажу, что прошу отпустить васъ ко мнѣ хотя-бы на нѣкоторое время.

И генеральша, повидавъ молодежь, объяснила ей цѣль своего пріѣзда, прибавивъ, что и о нихъ она постарается похлопотать; о чемъ собственно—теперь рѣшить мудрено.

Симеону Антоновичу она обѣщала, если ему мало будутъ выдавать денегъ на содержаніе семьи, присылать кое-что: муки, птицу, варенья и соленья.

— У меня, вѣдь, своя мельница!—объяснила она.—И огородъ большущій, и оранжерея своя есть. Стало быть, все это будетъ не купленное, а свое.

Рафушкѣ она посовѣтовала проситься жить къ брату Гаврику, когда онъ будетъ уже женатъ.

— За что тебѣ, малому, пропадать!

Молодымъ дѣвушкамъ генеральша посовѣтовала оттягивать выходить замужъ.

Вернувшись къ Аринѣ Саввишнѣ, генеральша посидѣла у нея еще, снова толкуя о томъ, какъ взяться за дѣло: сначала за переѣздъ ея къ ней, а затѣмъ и за хлопоты въ столицѣ. Ввечеру она выѣхала къ себѣ обратно, обѣщая прислать свою Машу.

— Княжнамъ тоска, а онѣ Машу любятъ. Все вмѣстѣ веселѣе будетъ!—сказала она.

IX.

Генеральша Бокъ была изъ тѣхъ характерныхъ русскихъ женщинъ, которыя со времени освобожденія своего изъ теремовъ за все восемнадцатое столѣтіе не переводились на Руси.

Если при царѣ Иванѣ Грозномъ онѣ ничѣмъ себя не заявили, то при Петрѣ Великомъ о нихъ уже слышно, а при Биронѣ онѣ уже подаютъ примѣръ мужьямъ и братьямъ. Смѣлость и рѣшительность въ правомъ дѣлѣ — не женская, а мужеская — ихъ характерная черта.

Ея послѣдующія отношенія къ Аринѣ Саввишнѣ доказали, что, несмотря на видимую мягкость и добросердечіе, она именно изъ такихъ рѣшительныхъ женщинъ, для которыхъ, разъ онѣ поставили себѣ цѣль, нѣтъ никакихъ препятствій на пути къ ней.

Генеральша Бокъ не только что обѣщала, но немедленно дѣйствовать начала.

Чрезъ три дня она была уже въ городѣ, объѣхала кое-кого изъ знакомыхъ и узнала три новости, которыя волновали дворянство и вообще всѣхъ обывателей.

Самая главная заключалась въ томъ, что Ѳома Ѳомичъ Галуша, столько лѣтъ правящій дѣлами намѣстничества, какъ-бы истинный правитель-намѣстникъ, положительно лишается своего мѣста.

Абдурраманчиковъ, который сначала, на первыхъ порахъ, съ нимъ совершенно поладилъ, вдругъ невѣдомо за что разсердился, окрысился и гонитъ правителя канцеляріи. Причины онъ никому не объясняетъ, но говоритъ кому угодно, что онъ поступаетъ, какъ благодѣтель, что Галушѣ не въ отставку, а подъ судъ слѣдовало-бы итти.

Другая новость, всполошившая городъ, была для генеральши не новостью. Дворяне ахали и охали, разводили руками, пожимали плечами, узнавъ о томъ, что генералъ Абдурраманчиковъ желаетъ, чтобы его дочь была крестьянка.

— Это дѣло не спроста! — повторяли всѣ и тотчасъ-же и рѣшили вопросъ.

Онъ будетъ хлопотать, чтобы Гавріилу Антоновичу, собственно ни въ чемъ неповинному, было оставлено княжество и все состояніе было переведено на него одного... И вотъ тогда дочка его будетъ княгиней и богатѣйшей дворянкой всего намѣстничества. Остальные-же Татевы будутъ мужиками.

— Ловко оборудовалъ онъ дѣло въ Питерѣ! — рѣшили дворяне.—Этакъ русскому человѣку и не сумѣть даже. Надо уродиться персидомъ, чтобы этакъ дѣло дѣлать. Такъ хитроумно, что тутъ чортъ ногу сломаетъ.

Третья новость, которая была для генеральши неинтересна, заключалась въ томъ, что всѣхъ дивила судьба одной особы. Всѣ думали, что эта особа при появленіи новаго намѣстника улетитъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ, а, вмѣсто этого, знаменитая особа никуда не улетѣла и летѣть не собирается, и происходятъ какія-то чудеса въ рѣшетѣ.

Чудеса эти заключались въ томъ, что Роза Эриховна Шкильдъ—вскорѣ послѣ появленія новаго намѣстника получила приказаніе немедленно покинуть городъ. И она начала уже собираться и укладываться. Серафимъ Ефимовичъ Звѣревъ, не уѣхавшій, какъ-бы то слѣдовало ради благопріличія, поселился въ небольшомъ, нанятомъ имъ домикѣ той-же улицы, гдѣ она жила.

Всѣмъ было извѣстно, что бывшій намѣстникъ предложилъ своей возлюбленной сочетаться бракомъ и самъ-же разсказалъ это всѣмъ. Всѣ уже собирались на его свадьбу, чтобы посмѣяться, но, къ общему удивленію, узнали, что Роза Эриховна не желаетъ быть превосходительствомъ, объясняя, что выйдетъ замужъ хоть за сенатскаго секретаря, лишь-бы онъ былъ человѣкъ молодой и красивый, а не старый хрычъ. Затѣмъ Роза Эриховна перестала пускать къ себѣ Серафима Ефимовича, и по поводу этого было не мало смѣха. Разсказывали, что бывшій намѣстникъ по часамъ гулялъ и сидѣлъ около ея дома, просясь къ ней, а Роза Эриховна въ отвѣтъ грозилась, что будетъ жаловаться полиціи, что ее одинъ изъ обывателей безпокоитъ.

— Подумайте,—говорили всѣ,—бывшій-то намѣстникъ, его превосходительство Серафимъ Ефимовичъ, да вдругъ попалъ въ старые хрычи и оказался съ кличкой „одинъ изъ обывателей“.

Но, главное, что переполошило дворянъ, было то обстоятельство, что Роза Эриховна, укладывавшаяся, чтобы ѣхать въ Москву, отправилась однажды въ пріемный день къ намѣстнику. Генералъ Абдурраманчиковъ ея не принялъ и приказалъ черезъ чиновника: исполнить приказаніе, ею полученное, т. е. выѣзжать. Однако дня черезъ три она снова отправилась въ пріемные часы и была намѣстникомъ принята. Тѣ, кто былъ въ это время, ожидая своей очереди, разсказывали, что шведка пріѣхала „расфуфырившись“, разодѣлась, какъ на балъ. только грудь да руки не оголила, и что она была, дѣйствительно, изъ себя очень недурна, такъ что хоть ей тридцать лѣтъ давай. И вотъ, войдя въ кабинетъ къ намѣстнику, эта „расфуфыренная“ Рожа, или Розга Эриховна, просидѣла тамъ битый часъ, вышла радостная и горделивая и такъ махнула хвостомъ по полу, что всѣ ахнули... Что тамъ въ кабинетѣ произошло—никому невѣдомо, но всякій хорошо зная склонность Абдурраманчикова къ прекрасному полу, понялъ, что

онъ, какъ истый бабій угодникъ, смягчился при личномъ объясненіи со шведкой.

Пріѣхавъ домой, Роза Эриховна отдала приказъ всѣ уложенныя вещи выкладывать и снова раскладывать по комодамъ и шкафамъ или разставлять по мѣстамъ. О приказѣ насчетъ немедленнаго выѣзда теперь и помину не было.

— Неужели дородная и видная, но все-таки уже не молодая, шведка прельстила бабьяго угодника?—говорили въ городѣ.—Удивительно! Вѣдь, Звѣреву она была подъ пару, а этотъ персидъ за свою жизнь немало перезнавалъ всякихъ красавицъ. Собери онъ ихъ теперь вмѣстѣ—гаремъ цѣлый выйдетъ, да и не помѣстить ихъ въ одномъ домѣ. Пришлось-бы казарму строить!

Генеральша Бокъ, узнавъ о милости намѣстника къ шведкѣ, призадумалась.

Когда Роза была всевластной при намѣстникѣ Звѣревѣ, а у генеральши бывали дѣла въ губерніи, ей часто совѣтовали обратиться за помощью къ „Розгѣ Ерниковнѣ“. Генеральша на подобное предложеніе только обижалась.

— Дворянская, генеральская и женская честь не дозволяетъ мнѣ итти на поклонъ къ наемной прелестницѣ стараго дурака,—отвѣчала Бокъ, негодуя.—Это было-бы срамомъ, который при мнѣ на вѣки-бы остался.

Такъ разсуждала честная и добрая женщина, когда дѣло касалось ея лично и по поводу обстоятельствъ небольшой важности. Теперь дѣло касалось ея друзей, семьи, которую она любила, и, наконецъ, близкихъ людей, которые могли бы почесться самыми несчастными во всемъ округѣ.

И генеральша Бокъ заволновалась, потому что колебалась въ рѣшеніи.

— Ѣхать или не ѣхать къ шведкѣ просить помочь всячески облегчить судьбу Татевыхъ?

И генеральша рѣшила отложить дворянскій и женскій гоноръ въ сторону, пожертвовать собой ради друзей.

Но въ тотъ день, когда Бокъ рѣшила на слѣдующее утро отправиться къ Розѣ Эриховнѣ, внезапно случилось происшествіе, которое повергло всѣхъ дворянъ на землю... отъ смѣха.

Поздно вечеромъ сторожъ въ губернаторскомъ саду сталъ орать и звать на помощь. Люди изъ дома сбѣжались, ожидая отбивать нападеніе душегубовъ или воровъ.

Оказалось, что сторожъ звалъ на помощь, чтобы вынуть изъ петли какого-то человѣчка, барахтавшагося на деревѣ... Не то онъ повѣсился, не то онъ запутался, но, дрыгая ногами, онъ оралъ благимъ матомъ, чуть не на весь городъ.

Приключился скандалъ, соблазнъ безпримѣрный, и такой, что всѣ не столько дивились, сколько хохотали до слезъ...

Намѣстникъ рѣшился послѣ пріема у себя шведки самъ явиться съ визитомъ къ Розѣ Эриховнѣ и просидѣть у нея довольно долго. А въ то-же время на крылечкѣ ея дома сидѣлъ Звѣревъ. Всѣ, кто видѣли это, говорили, что глядя на Серафима Ефимовича, надо было непремѣнно или плакать, сожалѣючи его, или же проливать слезы отъ уморы.

Когда генералъ вышелъ отъ шведки и хотѣлъ садиться въ карету, Серафимъ Ефимовичъ быстро подошелъ къ нему и сталъ что-то говорить, какъ-бы молить. Генералъ, отчасти смутясь, что-то отвѣчалъ, потомъ махнулъ рукой, сѣлъ въ карету и уѣхалъ.

Потомъ оказалось, что Серафимъ Ефимовичъ объяснилъ генералу, что онъ отнялъ у него доносомъ намѣстничество и теперь собирается жестокосердно отнимать у него и возлюбленную. А затѣмъ Звѣревъ горячо пригрозился, что, если таковое случится, то онъ въ саду передъ намѣстническимъ домомъ повѣсится на суку.

Генералъ ничего не отвѣтилъ... Вечеромъ Звѣревъ исполнилъ свою угрозу, но, испугавшись, самъ-же началъ орать...

И онъ былъ спасенъ изъ петли, захлестнувшейся не на шеѣ, а подъ затылкомъ и подъ носомъ.

Зато на утро Роза Эриховна получила строжайшее предписаніе намѣстника выѣзжать изъ города.

X.

А черезъ три дня генеральша Бокъ, уже зная о судьбѣ шведки, была въ пріемной намѣстника, полагаясь на себя одну. Абдурраманчиковъ, ввиду ея чина, тотчасъ-же принялъ ее прежде другихъ.

Когда Бокъ объяснила Абдурраманчикову цѣль своего посѣщенія и свою просьбу о дозволеніи ея давнишней пріятельницѣ, госпожѣ Татевой, поселиться у нея хотя-бы на время, генералъ тотчасъ замѣтилъ ей, что Татеву нельзя называть госпожей, такъ какъ крестьянокъ такъ не именуютъ.

„Что-же-бы ты, идолъ, сказалъ“,—подумалось Бокъ,—„если-бы я ее назвала такъ, какъ хочу называть при всѣхъ, кромѣ тебя только, чтобы не злить?..“

Затѣмъ Абдурраманчиковъ объяснилъ генеральшѣ, что дозволить крестьянкѣ Аринѣ Татевой жить у нея онъ не можетъ, такъ какъ въ этакомъ случаѣ наказаніе, ей предопредѣленное, будетъ не вполнѣ исполнено.

— Жизнь ея у васъ, ваше превосходительство, будетъ дворянская, – объяснилъ онъ: – и почивать она будетъ на барской постели, и кушать барскій столъ, а вечеркомъ всякія занятія и затѣи будутъ тоже барскія. А ей подобаетъ жить, какъ на-

стоящей мужичкѣ, и именно ей пуще, чѣмъ кому-либо изъ Татевыхъ, потому что она-то главная виновница и есть. Кабы не она, то и кара не постигла-бы всю семью. Именно она затѣяла неслыханное сочинительство, которое дошло до его величества. Если вы захотите взять къ себѣ кого-либо изъ другихъ членовъ семьи, хотя-бы молоденькаго Рафаила, то я напередъ согласенъ. А эту старую злюку надо проучить.

И, несмотря на увѣщанія и просьбы генеральши Бокъ, Абдурраманчиковъ стоялъ на-своемъ.

Генеральша вернулась на постоялый дворъ печальная и не знала, что дѣлать. Одинъ изъ ея знакомыхъ пріѣхалъ ее навѣстить и разумѣется, разговоръ зашелъ все о томъ-же.

— Знаете что?—поѣзжайте потолковать съ Ѳомой Ѳомичемъ,—посовѣтовалъ онъ.

— Помилуйте,—воскликнула Бокъ,—вѣдь, онъ самъ не нынче—завтра долженъ улетѣть!

— Знаю это. Но дѣло въ томъ, что я давно на свѣтѣ живу и давно въ этомъ городѣ живу, и много разъ Ѳома Ѳомичъ собирался летѣть и не улетѣлъ. Поэтому я, въ противоположность всѣмъ здѣшнимъ дворянамъ, въ это, такъ сказать, улетѣніе не вѣрю. Пройдетъ мало времени, и Ѳома Ѳомичъ опять будетъ правителемъ дѣлъ. Это ужъ вы меня извините. Что ураганъ дубъ съ корнемъ выворотитъ, что Ѳома Ѳомичъ въ отставкѣ очутится—это все одно и то-же! Оно возможно, но случается довольно рѣдко. Вотъ вы и поѣзжайте къ нему. Жалѣть не будете.

— Я-же знаю навѣрное, что ему конецъ!—упрямо заявила генеральша.

— Ну, просто посовѣтоваться поѣзжайте. Онъ—законникъ.

Генеральша весь вечеръ продумала о предложеніи пріятеля. и все-таки рѣшила не ѣхать къ Галушѣ, но затѣмъ вдругъ ее осѣнила одна мысль и настолько взволновала, что она, собиравшаяся уже ложиться въ постель, начала взволнованно ходить по своему небольшому номеру.

Ей пришло на умъ на основаніи одного слышаннаго намека, что вся исторія ссоры Абдурраманчикова и Галуши, быть можетъ, не что иное, какъ пропажа пятнадцати тысячъ.

Абдурраманчиковъ при своей плохой репутаціи былъ все-таки извѣстенъ, какъ честный человѣкъ, неспособный на лихоимство и глубоко ненавидящій лихоимцевъ. Галуша былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ, который взятокъ не бралъ, но который сумѣлъ, однако, обзавестись однимъ изъ лучшихъ домовъ въ городѣ и давалъ хорошее приданое за своими дочерьми.

И генеральша додумалась до соображенія:

„Такъ-ли, сякъ-ли, но все-таки онъ, если не лихоимецъ, то—какъ пошутилъ одинъ мѣстный острякъ—доброимецъ и,

во всякомъ случаѣ, беретъ, но умѣетъ взять такъ, что не видно и не слышно. И вотъ на этотъ разъ, получивъ съ глазу-на-глазъ деньги отъ Арины Саввишны, онъ, полагая, что она объ этомъ предметѣ никѣмъ спрошена не будетъ, передалъ ихъ во Временное отдѣленіе, оставивъ у себя въ карманѣ пятнадцать тысячъ".

И въ умѣ генеральши Бокъ составился вдругъ такой планъ, что она сама ахала, сама себѣ удивилась.

— Ужъ ей-Богу,—говорила она вслухъ, ходя по комнатѣ,— я и не знала, что я такая умная. Вѣдь, вотъ сказываютъ умные люди, что человѣкъ, никогда не бывавшій въ водѣ, не знаетъ, умѣетъ ли онъ плавать. Такъ и я скажу. Никогда ни въ какихъ переделкахъ я не бывала и вотъ теперь въ первый разъ въ жизни очитилась среди кутерьмы. Обидѣли моихъ хорошихъ пріятелей, я взялась помогать и вдругъ сразу придумала такое умное, что сама дивлюсь. Завтра-же поѣду къ Галушѣ, и чую я, что будетъ изъ всего этого происхожденіе дивное.

На другой-же день генеральша, разузнавъ въ какое время всего лучше быть у Галуши, уже не ходившаго въ должность, явилась къ нему на домъ.

Галуша освѣдомился, за какимъ дѣломъ пріѣхала генеральша Бокъ, и приказалъ заявить ей, что онъ находится во временномъ увольненіи отъ должности и никакими дѣлами по канцеляріи не занимается и, если у генеральши есть какое дѣло до канцеляріи, чтобы она обращалась прямо туда.

Генеральша приказала сказать Галушѣ, что ея дѣло частное, до канцеляріи не касающееся, но дѣло крайне важное.

И Галуша принялъ ее.

Видъ былъ у добраго Ѳомы Ѳомича самый печальный. растерянный. На этотъ разъ онъ зналъ, что ему пришелъ конецъ по службѣ. Мало-ли что иное, что знавалъ онъ про себя, никому не разбалтывая, сходило съ рукъ, а вотъ теперь опростоволосился и самымъ глупымъ образомъ. Какъ могло не прійти ему на умъ, что Абдурраманчиковъ повидаетъ старуху и спроситъ у нея, сколько она передала для конфискаціи изъ своихъ сбереженій?

„Да, вотъ просто", — думалось ему, — „а не пришло на умъ..."

Генеральша Бокъ толково разсказала свое дѣло Галушѣ, то-есть о желаніи взять къ себѣ на жительство Арину Саввишну Татеву. Ѳома Ѳомичъ окрысился и заявилъ:

— Вѣдь я-же вамъ высылалъ сказать, что дѣла по управленію до меня не касаются! Я числюсь въ отпуску, а ужъ если вамъ угодно, знать, такъ я и совсѣмъ въ отставку выхожу, и никогда ноги моей въ канцеляріи не будетъ. Такъ чего-же вы ко мнѣ лѣзете?

— Вы не сердитесь на меня, — отозвалась Бокъ, — я это слышала! Я знаю, что между вами и господиномъ намѣстникомъ произошло какое-то несогласіе. Въ подробности оно никому неизвѣстно, въ чемъ оно заключается, а вы мнѣ, конечно, ничего не скажете. И напрасно, Ѳома Ѳомичъ, совсѣмъ напрасно! Кабы вы мнѣ сказали, въ чемъ заключается причина вашей размолвки съ намѣстникомъ, то, быть можетъ, я, баба, помогла-бы вамъ. И произошло-бы такое, что всѣ-бы ахнули, да и вы ахнули. Остались-бы вы правителемъ дѣлъ въ канцеляріи.

Галуша вытаращилъ глаза и глядѣлъ на генеральшу, какъ-бы стараясь угадать: что она? Очень умная женщина или простая „дура пѣтая", сама не смыслящая, что болтаетъ ея языкъ. Но на таковую гостья его мало походила. Лицо ея было умное, глаза проницательные, да вдобавокъ въ нихъ еще читалось сознаніе важности того, что она говоритъ, и увѣренность въ томъ, что она предсказываетъ.

— Вотъ рѣшитесь-ка, Ѳома Ѳомичъ, сказать мнѣ все прямо, толкомъ,—а я, вотъ какъ передъ Богомъ, никому не разскажу!—изъ-за чего у васъ вышло несогласіе съ генераломъ Абдурраманчиковымъ?

И Галуша, человѣкъ опытный, тоже проницательный, рѣшился сказать правду этой женщинѣ, которой раньше никогда не видалъ.

— Извольте,—выговорилъ онъ рѣшительно,—скажу правду. Коли хотите, разглашайте ее повсюду, потому что на праваго человѣка клевета не дѣйствуетъ. Плевать—что люди говорятъ, знай самъ, что ты—человѣкъ доблестный. Меня обнесли, сказали намѣстнику, что я при полученіи денегъ отъ госпожи Татевой, ну, крестьянки, что-ли, Татевой, какъ велѣно теперь говорить, утаилъ пятнадцать тысячъ, прямо-таки укралъ. И вотъ генералъ повѣрилъ этой клеветѣ и предложилъ мнѣ уходить въ отставку, какъ вору и лихоимцу, даже хуже: какъ настоящему вору.

— А кто-же это генералу сказалъ?

— Какъ кто сказалъ? Да ваша-же сумасшедшая Арина Саввишна!

— Такъ-съ,—выговорила генеральша, радостно улыбаясь.— Ну, вотъ и слава Богу! Вотъ все дѣло изъ-за вашей правдивости и искренности и будетъ обстоять благополучно.

— Какъ такъ? - удивился Галуша.

— Скажите мнѣ, что будетъ, если Арина Саввишна заявитъ письменно или устно генералу, что она, озлобясь на свое несчастье и на всѣхъ исполнителей горестнаго указа, такъ сказать, со злобы много наговорила, чтобы только наклеветать, всѣхъ перепутать и этимъ отомстить, если она за-

явить генералу, что отдала вамъ изъ рукъ въ руки тридцать двѣ тысячи, кои вы и передали во Временное отдѣленіе? Что тогда будетъ?

Ѳома Ѳомичъ сидѣлъ передъ генеральшей, разинувъ ротъ, и ничего не отвѣчалъ. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ какъ-будто осилилъ и понялъ все, что слышалъ, и лицо его сразу просіяло.

— Изволите видѣть, началъ онъ, — я — честный человѣкъ, никакихъ денегъ, конечно, не воровалъ и за всю мою долгую службу не лихоимствовалъ. Меня Арина Саввишна оклеветала и погубила, а я человѣкъ семейный, мнѣ служба нужна. Да и срамъ великъ! Просидѣвши столько лѣтъ здѣсь правителемъ канцеляріи, вдругъ улетѣть, какъ вылетѣлъ Серафимъ Ефимовичъ Звѣревъ! И вотъ, если Арина Саввишна по совѣсти заявитъ то количество денегъ, которое мнѣ передала, то, можетъ быть, генералъ Абдурраманчиковъ смилуется. Даже скажу, судя по его характеру человѣка прямого и добраго, онъ, узнавши истину, извинится предо мной, а ужъ оставитъ-то меня правителемъ дѣлъ безпремѣнно.

— Ну, такъ вотъ, Ѳома Ѳомичъ,—радостно заявила Бокъ,— давайте заключимъ условіе, только чтобы было свято и нерушимо! Помните это! Я ѣду сейчасъ-же въ „Симеоново“ и сейчасъ-же пріѣзжаю обратно, и привожу письменное удостовѣреніе отъ Арины Саввишны, что она раскаялась, что по злобѣ наклеветала на васъ и, зная по слухамъ, что изъ этого произошло, считаетъ долгомъ побожиться, что она передала вамъ счетомъ тридцать двѣ тысячи, кои вы и представили. А вы, Ѳома Ѳомичъ, должны заплатить добромъ за добро! Вы должны, во первыхъ, всячески помогать Татевымъ, когда они начнутъ хлопотать, чтобы въ Петербургѣ обратили гнѣвъ на милость.

— Еще-бы! Конечно! Я ихъ всѣхъ очень люблю!—воскликнулъ Галуша, но вспомнилъ при этомъ, что онъ, помимо покойнаго князя Антона Семеновича и самой Арины Саввишны, никого никогда почти въ глаза не видалъ.

— Это еще не все, Ѳома Ѳомичъ! А, какъ только вы примиритесь съ генераломъ, вы должны сейчасъ-же настаивать, чтобы онъ исполнилъ мою просьбу. А просьба моя самая простая. Что за важность, что Арина Саввишна будетъ жить у меня, а не въ избѣ на деревнѣ? Хотите, заключимъ свято и нерушимо свой договоръ?

— Помилуйте!—снова воскликнулъ Галуша.—Богомъ вамъ клянусь, что я буду первый слуга всѣхъ Татевыхъ. А если только я сдѣлаюсь снова правителемъ дѣлъ, то отпускъ на жительство къ вамъ Арины Саввишны будетъ дѣло пустое. Генералъ Абдурраманчиковъ, какъ я уже слышалъ, теперь какъ безъ рукъ, не зная ни законовъ, ни сенатскихъ указовъ. Онъ радъ-бы меня оставить всей душой, да не можетъ. А

послѣ такого заявленія Арины Саввишны онъ самъ пріѣдетъ сюда просить меня обратно. Вы будете моей благодѣтельницей.

— Ну, вотъ-съ, — отозвалась генеральша, — такъ помните, если я была вашей благодѣтельницей, то и вы должны быть благодѣтелемъ семьи Татевыхъ. Такъ по рукамъ, Ѳома Ѳомичъ?

— По рукамъ, дорогая моя генеральша! Самъ Господь Богъ васъ послалъ! — взволнованно проговорилъ Галуша.

XI.

Абдурраманчиковъ былъ недаромъ потомкомъ мусульманъ, въ жизни которыхъ женщина, въ извѣстномъ смыслѣ, играетъ большую роль. Узаконенное религіей многоженство у сыновъ Магомета, конечно, не случайность историческая...

И въ Абдурраманчиковѣ, ставшемъ христіаниномъ, говорила кровь дѣдовъ... Онъ могъ, овдовѣвъ, снова жениться, но не хотѣлъ, чтобы быть „свободнымъ“.

И то, что въ Турціи или въ Персіи сочлось-бы заурядnымъ и незамѣтнымъ, какъ вполнѣ обычное и законное, въ Россіи являлось соблазномъ, представлялось порокомъ, пятнающимъ человѣка.

Самъ Абдурраманчикоъ не считалъ себя порочнымъ. Совѣсть его была спокойна. Воздерживать себя онъ не могъ, но и не хотѣлъ.

Случай съ Аришей Татевой глубоко запалъ въ душу прихотника. Онъ рѣшилъ мстить и спѣшить съ мщеньемъ.

Временному отдѣленію было приказано озаботиться постройкой четырехъ избъ попросторнѣе на краю села Симеонова и было строго приказано не медлить съ этими постройками, чтобы все было готово, какъ можно скорѣй. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось отмежевать восемь десятинъ земли, по двѣ на каждую избу. Предполагалось въ нихъ поселить Арину Саввишну съ юнымъ внукомъ Рафаилемъ — въ одной избѣ, въ другой — старшаго и семейнаго Семена Антоновича, въ третьей и четвертой — двухъ дѣвицъ Татевыхъ, предварительно выдавъ ихъ замужъ за двухъ крестьянъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Абдурраманчиковъ побывалъ въ „Симеоновѣ“, онъ получилъ полуоффиціальное письмо или, вѣрнѣе, прошеніе, подписанное Екатериной Антоновой Татевой. Умная, смѣлая, шустрая Катюша, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, не обмолвившись ни единымъ словомъ семьѣ, рѣшила обратиться прямо къ тому, въ чьей власти находились они теперь. Въ своемъ прошеніи Катюша объяснила, что она проситъ разрѣшенія повѣнчаться съ дворовымъ человѣкомъ Терентіемъ, котораго знаетъ съ дѣтства и къ которому всегда имѣла сердечное влеченіе.

Абдурраманчиковъ тотчасъ-же вызвалъ къ себѣ молодого вольнонаемнаго чиновника Горста и объяснилъ, что даетъ ему крайне важное и щекотливое порученіе, за которое, если онъ исполнитъ все, какъ слѣдуетъ, онъ будетъ вознагражденъ. Если-же онъ проболтается объ этомъ порученіи, ему данномъ, то только пострадаетъ вмѣсто всякаго вознагражденія.

— Вы уже разъ были исключены изъ канцеляріи? — сказалъ Абдурраманчиковъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство! Но это случилось не вслѣдствіе какого-либо упущенія по службѣ, а совсѣмъ по инымъ партикулярнымъ причинамъ.

— По какимъ собственно?

Горстъ замялся и не зналъ, что сказать.

— Коль скоро причины, по которымъ васъ уволили, были извѣстны въ канцеляріи,—сказалъ генералъ,—то, полагаю, вся канцелярія и теперь ихъ знаетъ. А поэтому удивляюсь, что вы мнѣ, главному начальнику ея, стѣсняетесь сказать правду. Я васъ принялъ на службу вслѣдствіе ходатайства госпожи Кизильташевой, которую я, какъ вамъ извѣстно, давно знаю. Слѣдовательно, меня вамъ опасаться нечего. Она-же, Ѳедосья Ивановна, въ случаѣ чего опять заступится за васъ!—прибавилъ Абдурраманчиковъ, двусмысленно ухмыляясь.

— Вотъ въ этомъ-то все и дѣло-съ! — заявилъ Горстъ.— Коль скоро ваше превосходительство изволитъ мнѣ приказывать пояснить дѣло прямо, то имѣю честь заявить, что Ѳедосья Ивановна, дѣйствительно, мнѣ покровительствуетъ.

— Понятно! Недаромъ вы красавецъ!—усмѣхнулся Абдурраманчиковъ.

— И вотъ-съ долженъ я прибавить, что я, зная, какъ сильна была при Серафимѣ Ефимовичѣ госпожа Шкильдъ, часто бывалъ у нея и сталъ тоже пользоваться ея покровительствомъ.

— Вотъ какъ! И какимъ-же? Такимъ-же, какое оказывала вамъ Кизильташева?

Горстъ молчалъ и не зналъ, что отвѣтить.

— Вы меня полагаю, понимаете? Покровительство, которое вамъ оказывали Кизильташева и Шкильдъ, было одинаковаго рода? Недаромъ-же вы красавецъ, говорю я!

Горстъ посеменилъ ногами, какъ-то переваливаясь со стороны на сторону, будто собирался сдѣлать большой прыжокъ, и, наконецъ, выговорилъ:

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство! Въ нѣкоторомъ смыслѣ то-же самое! И вотъ вслѣдствіе этого госпожа Шкильдъ, узнавъ, что я въ дружбѣ съ Кизильташевой, обнесла меня передъ господиномъ Звѣревымъ, наговорила на меня не вѣсть что. Я даже по сю пору не знаю, что именно. И въ двадцать четыре часа меня выгнали изъ канцеляріи съ выдачей мнѣ

такого билета на жительство, что съ нимъ и показаться было никуда нельзя. Прямо объяснялось, что я уволенъ за всякія воровства и мошенничества.

— Мошенничества не было, положимъ,—разсмѣялся снова Абдурраманчиковъ,—ну, а воровство-то, конечно, было.

— Помилуйте, ваше превосходительство!..

— Какъ-же! Развѣ вы ничего не украли?

— Никакъ нѣтъ-съ! Никогда! Помилуйте!

— А Розу-то Эриховну развѣ вы не уворовали у Серафима Ефимовича? Сердце-то ея у него не уворовали?

И, такъ какъ намѣстникъ началъ весело хохотать, то и Горстъ началъ улыбаться, хотя почтительно.

— Я сердце Розы Эриховны уворовать у господина Звѣрева не могъ, потому что оно ему никогда и не принадлежало!—рѣшилъ онъ пошутить.

— Вотъ это вѣрно! Хорошо отвѣчено, молодой человѣкъ! Ну, такъ слушайте теперь, въ чемъ будетъ состоять порученіе. Вы отправитесь въ „Симеоново“. Я предпишу Полянскому васъ причислить къ Временному отдѣленію, но работы вамъ никакой не давать. Дамъ такъ что-нибудь для видимости. Ваше дѣло будетъ другое. Вы должны будете разузнать, что за человѣкъ крестьянинъ Терентій, который числится въ дворовыхъ людяхъ. Чтобы поближе узнать его, придумайте что-нибудь. Вы не охотникъ съ ружьемъ?

— Никакъ нѣтъ!

— Ну, рыбу удите, что-ли?

— Никакъ нѣтъ!

— Ну, къ чему-нибудь да имѣете охоту?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Ну, такъ тогда все-таки купите себѣ удочку и все, что полагается для уженья рыбы. По прибытіи на мѣсто выпросите вы себѣ въ помощники этого самого Терентія и отправляйтесь съ нимъ рыбу удить. И такимъ способомъ вы его въ два дня будете знать такъ, какъ если-бы знавали десять лѣтъ, и мнѣ о немъ подробно доложите: какого онъ нрава, не пьяница-ли, не злючій-ли, не лукавый-ли человѣкъ, вообще все такое. Вѣдь, не мудрено это?

— Помилуйте, чего-же легче!

— Ну, вотъ! Но это только половина порученія — легчайшая. Вторая половина будетъ помудренѣе. Вы должны и черезъ этого Терентія, и черезъ всякихъ другихъ дворовыхъ людей бывшихъ господъ Татевыхъ досконально разузнать и самому лично удостовѣриться: кто въ „Симеоновѣ“ самый дурнорожій, ледащій, ни на какого чорта не годный парень, такъ, чтобы и рожа-то у него была невозможная, да и глупъ-то онъ былъ, какъ пень. Поняли? Таковыхъ вы всѣхъ запишите поименно и мнѣ доложите, причемъ поясните, который

на ваши глаза хуже всѣхъ. Кромѣ этого, вы должны—и вотъ это-то будетъ самое мудреное дѣло—должны разузнать, нѣтъ-ли, паче чаянія, въ „Симеоновѣ“ какого крестьянина на селѣ или дворового человѣка, котораго-бы Арина Антоновна Татева почему-либо не жаловала. Это будетъ, конечно, всего мудренѣе! И, если вы сего послѣдняго не узнаете, то я вамъ это спущу. Затѣмъ зарубите себѣ на носу, что помимо меня и васъ, никто объ этомъ моемъ порученіи ни теперь, ни послѣ, никогда знать не долженъ ни полслова,—не то вы опять очутитесь на свободѣ съ волчьимъ билетомъ, подобнымъ выданному вамъ Звѣревымъ. Постарайтесь при нынѣшнемъ билетѣ остаться.

Черезъ два дня чиновникъ Горстъ былъ уже въ „Симеоновѣ“ и поселился вмѣстѣ съ двумя другими чиновниками въ одной изъ комнатъ, принадлежавшихъ прежде Семену Антоновичу.

Временное отдѣленіе отнеслось къ нему такъ, что онъ смутился. Члены отдѣленія, удивленные его появленіемъ по особому приказу намѣстника, почему-то пришли къ убѣжденію, что онъ посланъ за ними наблюдать и даже шпіонить. Понятно, что всѣ они отнеслись къ нему съ особой осторожностью и съ особеннымъ почтеніемъ, стараясь каждый какъ-бы задобрить его. Самъ главный начальникъ, Полянскій, относился къ Горсту особенно любезно, предполагая то-же, что предполагали его подчиненные.

Однако, дня черезъ три всѣ были удивлены. Горсту не было даже времени наблюдать за ихъ дѣйствіями, онъ мало сидѣлъ дома, а болтался по селу или уходилъ два раза въ день удить рыбу съ дворовымъ человѣкомъ, котораго выпросилъ себѣ на помощь, а именно съ молодымъ Терентіемъ.

XII.

Вскорѣ произошло нѣчто особенное. Горстъ вдругъ сталъ водиться съ Татевыми.

Молодые Татевы, — Семенъ Антоновичъ и обѣ сестры, и даже юный Рафушка — всѣ равно съ перваго-же дня опалы всячески отдалялись, чурались членовъ комиссіи. Изрѣдка видая ихъ, они только отвѣчали на ихъ поклоны и почти ни разу не вступили въ бесѣду ни съ однимъ изъ чиновниковъ.

По отношенію къ явившемуся Горсту они вдругъ сдѣлали исключеніе. Какъ и почему это произошло, члены Временнаго отдѣленія недоумѣвали. На третій-же день послѣ того, какъ Горстъ проболтался по окрестности вмѣстѣ съ Терентіемъ, Семенъ Антоновичъ пригласилъ его къ себѣ ввечеру чай пить. Одновременно явились и обѣ сестры.

Горстъ имъ всѣмъ понравился. Всѣ они знали, что онъ уже два раза являлся въ „Симеоново“: въ первый разъ по какому-то таинственному дѣлу къ бабушкѣ, причемъ принятъ былъ любезно, и затѣмъ старуха хвалила его; во второй разъ Горстъ явился вмѣстѣ съ правителемъ дѣлъ Галушей объявить страшную вѣсть, отъ которой тотчасъ-же скоропостижно скончался отецъ. Но, разумѣется, они не обвинили Горста ни въ чемъ, такъ какъ онъ былъ молчаливымъ наперстникомъ Галуши.

Причина, по которой Семенъ Антоновичъ позвалъ Горста, была простая. Терентій, который постоянно бывалъ у своихъ прежнихъ господъ и прежнихъ друзей, объяснилъ Катюшѣ, что Горстъ изъявилъ готовность всячески помогать ему и ей въ ихъ дѣлѣ. Онъ прямо обѣщалъ Терентію, что его бракъ съ Катюшей будетъ разрѣшенъ намѣстникомъ. Разумѣется, ни Терентій, ни Катюша ни слова не сказали объ этомъ Семену Антоновичу, но такъ расхвалили чиновника, что этотъ пригласилъ его въ гости.

Терентій, садовникъ, тоже для многихъ въ „Симеоновѣ“ былъ загадкой. Очень уже воленъ былъ онъ съ молодыми князьями и княжнами. Держался онъ съ ними, а въ особенности съ Катюшей, какъ близкій человѣкъ, но не какъ подневольный рабъ. И княжна Катюша тоже чрезмѣрно благоволила къ нему.

Теперь нѣсколько словъ о Горстѣ. Въ высшей степени странно велъ себя этотъ Горстъ во всемъ дѣлѣ бывшихъ князей Татевыхъ. Онъ какъ-будто былъ единственнымъ изъ чиновниковъ намѣстничества, желавшимъ распутать это казусное дѣло и вызволить Татевыхъ изъ грозной напасти; въ то-же самое время Горстъ какъ-будто еще болѣе стягивалъ сѣти, въ которыя попала эта несчастная семья. Однимъ словомъ, онъ велъ политику, понятную только ему одному. Горстъ былъ ловкій петербургскій дѣлецъ, пронырливый, честолюбивый и только одною своею ловкостью дѣлавшій себѣ карьеру. При намѣстникѣ Звѣревѣ онъ ловко пользовался своимъ положеніемъ при Розѣ Эриховнѣ и въ дѣлахъ намѣстничества значилъ не только болѣе Серафима Ефимовича, но, пожалуй, столько-же, сколько и самъ Галуша, этотъ дѣйствительный намѣстникъ. Его ловкость доказывала и то, что, поссорившись со шведкой, онъ удержался и при „персидѣ“, хотя какъ-будто только для того лишь, чтобы стать дѣйствующимъ лицомъ въ ужасной драмѣ, разыгравшейся съ семьей Татевыхъ. Онъ что-то зналъ такое, что разомъ могло разрушить всю махинацію, оправдать неосторожнаго князя Антона, разъяснить, наконецъ, самое появленіе загадочной промеморіи. Но то, что зналъ Горстъ, то онъ зналъ лишь про-себя. Когда ударилъ громъ, онъ пріѣзжалъ къ Аринѣ

Саввишнѣ, обѣщалъ ей распутать все дѣло, но потомъ вдругъ повернулъ въ другую сторону и наотрѣзъ отказался отъ всего, что было говорено имъ ранѣе. Единственнымъ объясненіемъ такого поворота могло быть лишь то, что Горстъ сообразилъ, какое положеніе можетъ онъ занять по отношенію къ дѣйствующимъ лицамъ и какія особенныя для себя выгоды онъ можетъ извлечь изъ занятаго имъ положенія. Абдурраманчиковъ ввѣрился въ него и даже возложилъ на него такую миссію, какъ отыскиваніе среди крестьянскихъ парней жениховъ для бывшихъ княженъ Татевыхъ.

Горстъ принялся усердно за свое главное дѣло. Онъ узналъ всѣхъ обитателей усадьбы и села, разыскивая парней, которые были худорожи или несравненно глуповаты, и составилъ уже цѣлый списокъ, въ которомъ значилось семь человѣкъ. Когда у него набралось пятеро, онъ встрѣтилъ одного, котораго онъ сейчасъ-же вписалъ, но уже не шестымъ по значенію, а первымъ, такъ какъ физіономія этого молодца и его непроходимое тупоуміе даже удивили Горста.

Это былъ знаменитый Агаѳонъ съ кличкой „звѣриная прачка“ и „звѣриная матка“, хотя теперь онъ уже обмываніемъ звѣря больше не занимался.

Агаѳонъ былъ невозможный самъ по себѣ парень. Его глупости не было никакихъ предѣловъ, и обмываніе каменныхъ львовъ, поставленныхъ при въѣздѣ въ „Симеоновѣ“, было единственнымъ занятіемъ, на которое онъ былъ способенъ. Уже одно это въ ужасъ могло привести всякую дѣвушку-невѣсту даже и не княжескаго рода.

Вторая часть порученія была, такимъ образомъ, уже исполнена. Оставалась третья, самая мудреная. Какъ узнать, кого Арина Антоновна пуще всѣхъ не жалуетъ. Таковыхъ не оказывалось. Да, по мнѣнію Горста, они даже не могли оказаться. Съ какой стати прежняя княжна Татева можетъ имѣть какого-либо врага или ненавистнаго человѣка въ числѣ крѣпостныхъ? Однако, однажды случайно говоря объ Агаѳонѣ съ Терентіемъ, Горстъ вдругъ сразу узналъ и ахнулъ, что и послѣдняя часть порученія намѣстника нечаянно исполнена имъ. Терентій разсказалъ, что разъ въ усадьбѣ было особенно чудное приключеніе. Арина Антоновна чуть не была наказана розгами своей бабушкой и только по просьбѣ покойнаго Антона Семеновича была посажена и заперта въ свою комнату на хлѣбъ и на воду.

Причиной этого было то обстоятельство, что, несмотря на страхъ, въ которомъ всѣ Татевы пребывали передъ старухой, Арина Антоновна невѣдомо почему озлобилась на парня Агаѳона и собственной властью, обманно, приказала его наказать розгами на конюшнѣ, якобы по указу самой Арины Саввишны.

И вотъ старуха за этакое продерзостное своевольство ея хотѣла ее сѣчь.

Это было тогда, а теперь той-же самой Аришѣ приходилось итти подъ вѣнецъ съ высѣченнымъ ею Агаѳономъ...

Горстъ заставилъ Терентія еще раза два разсказать ему всю исторію, но узналъ то-же самое.

— Стало быть, Арина Антоновна не любитъ этого Агаѳона?—спросилъ онъ,

— Нѣтъ, отчего не любитъ? А только такое происхожденіе было.

Но Горстъ принялъ этотъ отвѣтъ иначе. Ему хотѣлось, чтобы все порученіе намѣстника было скорѣй исполнено. И въ тотъ-же день онъ сѣлъ уже за подробный докладъ намѣстнику, гдѣ описалъ парня Терентія, а затѣмъ и парня Агаѳона, причемъ, нѣсколько прикрасивъ, разсказалъ и происшествіе съ Ариной Антоновной изъ-за своевольнаго поступка.

На другой день Горстъ привелъ въ смущеніе господина Полянскаго и въ полное смятеніе все Временное отдѣленіе. Онъ попросилъ себѣ казенный конвертъ, печать и, наконецъ, нарочнаго коннаго, чтобы послать рапортъ на имя намѣстника.

И Полянскій, и всѣ его подчиненные перетрусили до послѣдней степени. Они были теперь убѣждены, что этотъ чиновникъ, болтаясь и не занимаясь дѣлами вмѣстѣ съ ними, нарочно изображалъ изъ себя простодушнаго малаго и собственно лицедѣйствовалъ, а собравъ какія-нибудь справки, росказни на деревнѣ и въ усадьбѣ, теперь написалъ намѣстнику доносъ на нихъ на всѣхъ.

Нарочный былъ данъ, принялъ изъ рукъ Горста пакетъ и поскакалъ. Горстъ-же съ этой минуты сталъ первымъ лицомъ въ усадьбѣ... Но только до вечера.

Полянскій, имѣя за собой грѣшки, какъ кошка, знающая, чье мясо съѣла, зналъ, что онъ очень искусно присвоилъ себѣ кое-что изъ вещей, которыя были найдены въ усадьбѣ. Въ опись онѣ не попали, а были имъ очень искусно черезъ его двухъ лакеевъ сплавлены изъ усадьбы въ городъ, конечно, тайкомъ ото всѣхъ. И онъ рѣшился на крутую мѣру: „Панъ или пропалъ!“

Онъ отрядилъ своего-же довѣреннаго лакея тоже верхомъ вслѣдъ за гонцомъ Горста, и настигнутый гонецъ былъ возвращенъ. Призвавъ его прямо къ себѣ черезъ задній ходъ, Полянскій вскрылъ пакетъ Горста, прочелъ его донесеніе, разинулъ ротъ и развелъ руками. Затѣмъ онъ взялъ другой конвертъ, надписалъ его, запечаталъ той-же казенной печатью и, отдавъ его гонцу, приказалъ скакать въ губернію; однако, онъ прибавилъ:

— Если кому проболтаешься, что я тебя ворочалъ, то и въ Сибири тебѣ мало мѣста будетъ.

На другой-же день Полянскій съ гораздо меньшимъ почтеніемъ обращался къ молодому чиновнику, хотя полное недоумѣніе продолжало его озабочивать.

„Съ какого чорта“,—думалось ему,—„намѣстникъ посылаетъ въ усадьбу чиновника, чтобы узнать такую чепуху, такое никому ненужное и неинтересное дѣло: что за человѣкъ дворовый, по имени Терентій? и кто всѣхъ дурнорожѣе и глупѣе въ усадьбѣ? да кого особо не жалуетъ старшая дѣвица Татева?...“

— Чортъ ихъ знаетъ что такое!—воскликнулъ онъ наединѣ.—Что за чудное дѣло, что всѣ россійскіе намѣстники одинъ мудренѣе другого? Ишь, вѣдь, что этотъ персидъ опять надумалъ!

Черезъ два дня послѣ отбытія гонца онъ явился уже обратно съ приказомъ намѣстника начальнику Временнаго отдѣленія. Ему предписывалось объявить дѣвицамъ Татевымъ, что обѣ онѣ должны готовиться къ вѣнцу: Екатерина Татева съ крестьяниномъ Терентіемъ, а Арина Татева съ крестьяниномъ Агаѳономъ.

Полянскій вызвалъ къ себѣ обѣихъ дѣвушекъ и объявилъ имъ это. Катюша просіяла и чуть не запрыгала отъ восторга, но, такъ какъ сестра ея страшно закричала и повалилась на полъ безъ памяти, то она бросилась къ ней на помощь.

Разумѣется, Ариша, приведенная въ себя, была въ такомъ положеніи, что ее почти отнесли къ ней въ комнату. И съ этого дня она слегла въ постель и не вставала. Дѣвушка была страшно потрясена исвѣстіемъ. Кромѣ того обдумывая свое будущее существованіе, она чувствовала, что у нея какъ-бы умъ за разумъ заходитъ.

Представить себя женой Агаѳона было совершенно невозможно. Это было наказаніе еще горшее, чѣмъ когда она съ семьей обратилась въ крестьянское состояніе. Если-бы ее указано было постричь въ монахини, эта кара поразила-бы ее меньше. Да и теперь первая мысль ея была, нельзя-ли избавиться отъ этого брака заявленіемъ о желаніи постричься.

Разумѣется, сомнѣнія не было никакого, что это была месть Абдурраманчикова за то, что она въ пылу стыда и гнѣва позволила себѣ при ихъ объясненіи.

— Но какая страшная месть!..—думали и говорили всѣ Татевы.—Хватитъ ея не на мѣсяцъ, не на годъ, а на всю жизнь Ариши.

На второй день по полученіи предписанія намѣстника Семенъ Антоновичъ объяснилъ сестрѣ, что надо будетъ просить Гаврика заступиться. Если-же онъ ничего не сможетъ сдѣлать, то надо будетъ взяться за дѣло иначе: убѣдить Агаѳона или застращать его, чтобы онъ, повѣнчавшись съ Аришей, не вообразилъ себѣ въ самомъ дѣлѣ, что онъ—супругъ. Можно

обѣщать ему и денегъ, можно подѣйствовать и угрозой, что, когда Татевы будутъ прощены, то бракъ его будетъ расторгнутъ, а самъ онъ, ставъ снова крѣпостнымъ ихъ, будетъ ими сосланъ въ Сибирь.

На Аришу эти разсужденія брата подѣйствовали мало. Въ помилованіе всѣхъ она не вѣрила, а равно она не могла вѣрить въ то, что дурака, какихъ мало, полнаго чурбана Агаѳона возможно въ чемъ-либо убѣдить.

— Я или на себя руки наложу, или его задушу!—заявила Ариша.—Иного ничего послѣ нашего вѣнчанія быть не можетъ.

Въ семьѣ Татевыхъ была та характерная особенность, что, во сколько молодые люди—Семенъ, Гавріилъ и Рафушка—отличались слабоволіемъ, мягкостью, доходившей до трусости, во столько обѣ ихъ сестры были энергичны и по натурѣ болѣе пылки, болѣе рѣшительны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Катюша и въ особенности Ариша были умнѣе братьевъ.

Настоящія „красныя дѣвицы“ были не дочери, а сыновья покойнаго князя Антона Семеновича, которые уродились въ отца, ограниченнаго и робкаго человѣка. Вдобавокъ они выросли подъ гнетомъ властолюбивой бабушки, уничтожившей въ нихъ даже зачатки воли.

Ариша, казалось, уродилась въ самое бабушку. Среди мирной обыденной и незатѣйливой жизни въ „Симеоновѣ“ нравъ Ариши вполнѣ высказаться не могъ. Теперь, когда жизненныя тишь и гладь смѣнились бурей, ураганомъ, и приходилось бороться, спасать себя, въ Аришѣ сразу сказалось все то, что дремало въ ней.

Какъ не побоялась она защитить себя отъ Абдурраманчикова и отвѣтила десяткомъ сильныхъ пощечинъ, такъ теперь ввиду брака съ самымъ отвратительнымъ мужикомъ всего села, даже всей окрестности, Ариша почувствовала въ себѣ твердую силу бороться, умѣнье защитить себя. Если она говорила: „удавлюся или его удавлю“, то она, дѣйствительно, чувствовала въ себѣ готовность на это, и скорѣе на второе, чѣмъ на первое.

Иногда она мысленно прибавляла, думая о своемъ нежданно нажитомъ врагѣ:

— Да и тебѣ самому этакое даромъ не сойдетъ! А какъ да что,—теперь не знаю.

XIII.

— Да, не очень-то легко иныя дѣла зачинать и къ доброму концу приводить!—повторялъ Абдурраманчиковъ самому себѣ вслухъ, оставаясь одинъ въ кабинетѣ намѣстническаго дворца.

Три главныхъ заботы, помимо разныхъ маленькихъ, не давали ему даже спокойно спать. И онъ начиналъ вспоминать то время, когда жилъ у себя въ „Кутѣ“ совершенно счастливо и мирно.

Первое, что озабочивало его, была судьба дочери. Онъ твердо рѣшилъ выдать ее замужъ за Гаврика, а, между тѣмъ, надежда на то, что когда-нибудь возможно будетъ выхлопотать царскую милость, возвратить ни въ чемъ неповинному Гавріилу княжескій титулъ и все состояніе,—надежда эта была основана только на томъ, что царь милостиво отнесся къ нему, какъ къ бывшему вѣрному слугѣ государя Петра Ѳеодоровича, и болѣе ни на чемъ!

Но Абдурраманчиковъ понималъ, что, пока онъ будетъ хлопотать объ этомъ, не мало найдется лицъ въ Петербургѣ, людей болѣе или менѣе сильныхъ, которые будутъ хлопотать о томъ, чтобы конфискованное у Татевыхъ имѣніе было дано имъ въ награду.

Случаи эти за цѣлое столѣтіе со временъ Екатерины I повторялись постоянно, а состояніе Татевыхъ, ихъ великолѣпная усадьба, слухи о которой могли дойти до Петербурга, конечно, всякому и высшему сановнику было-бы пріятно выпросить за вѣрную службу престолу и отечеству.

Не разъ Абдурраманчиковъ колебался и хотѣлъ было бросить мысль о бракѣ дочери съ Гаврикомъ, но его Елизаветъ пришла отъ этого въ такое отчаяніе, такъ горько плакала, что обезоружила отца, и онъ какъ-бы махнулъ рукой.

Теперь его, конечно, озабочивало болѣе всего разъясненіе вопроса, останутся-ли за дочерью извѣстныя права при бракѣ съ крестьяниномъ? Что, если вдругъ крестьяне татевскіе изъ государственныхъ сдѣлаются помѣщичьими и какой-нибудь сановникъ, сдѣлавшись владѣльцемъ „Симеонова“, понудитъ его дочь явиться къ нему на службу, какъ простую крестьянку, и опредѣлитъ ее въ горничныя. А такъ какъ она красавица, то мало-ли что еще можетъ быть?

И, думая о бракѣ дочери по цѣлымъ днямъ, даже занимаясь дѣлами, Абдурраманчиковъ все откладывалъ и не приходилъ ни къ какому рѣшенію.

Второе, что озабочивало его,—была полная путаница въ управленіи. Съ того дня, какъ онъ прогналъ Галушу, какъ лихоимца, даже какъ простого вора, все стало кверху ногами. Всѣ чиновники, работавшіе прежде подъ руководствомъ Галуши, работали, вѣроятно, какъ какія простыя машины, и теперь въ его отсутствіе они во всѣхъ дѣлахъ, во всѣхъ статьяхъ закона были въ положеніи совершенно беззащитномъ.

— Вы всѣ ни въ зубъ толкнуть!—гнѣвно повторялъ всякій день Абдурраманчиковъ.

И положеніе намѣстника изъ военныхъ въ молодости и изъ простыхъ сельскихъ хозяевъ-помѣщиковъ за всю свою жизнь было самое безпомощное. Намѣстникъ ждалъ, что не нынѣ — завтра изъ-за какой-нибудь бумаги, изъ-за какого-нибудь его распоряженія выйдетъ бѣда. Въ Петербургѣ найдутся люди, которые пожелаютъ доложить государю о томъ, каковъ новый намѣстникъ.

Абдурраманчиковъ зналъ то, что знала вся Россія... Утромъ— милость, ввечеру — гнѣвъ и кара.

„Какъ легко и высоко взлетѣлъ я, такъ-же легко—и еще легче — могу внезапно улетѣть въ преисподнюю“, — думалъ онъ.—„Спасибо, если только прогонятъ, да оставятъ мнѣ мой „Кутъ“. А вдругъ отпишутъ его такъ-же, какъ отписали „Симеоново“? Конечно, меня не обратятъ въ крестьянина, но шугнутъ куда-нибудь въ Вятскіе предѣлы“.

Между тѣмъ, Абдурраманчиковъ — худой человѣкъ въ извѣстномъ отношеніи — былъ исключительный человѣкъ по времени, то-есть былъ исключительно честный и имѣлъ какое-то, тоже по времени странное, отвращеніе ко всѣмъ взяточникамъ и лихоимцамъ. Простить Галушу, который былъ ему необходимъ, онъ совершенно не могъ. Зная хорошо, что завтра-же при вступленіи Галуши вновь въ управленіе все наладится, пойдетъ отлично, никакого промаха канцелярія намѣстника не сдѣлаетъ,—онъ не могъ сладить съ своей совѣстью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ-же Галуша быстро выяснитъ ему вопросъ о правахъ дворянки при замужествѣ съ крестьяниномъ, и все будетъ хорошо. И стоитъ только ему сказать одно слово! Но Абдурраманчиковъ не могъ сказать этого слова, не могъ допустить и мысли—вернуть въ качествѣ начальника своей канцеляріи дерзкаго вора и почти мошенника.

Наконецъ, было еще одно обстоятельство, которое отчасти смущало Абдурраманчикова. Того, что случилось въ „Симеоновѣ“, когда онъ остался на единѣ съ Аришей, никто не видалъ. Но дѣвушка могла разсказать это сестрѣ и брату, а они, не побоясь, что находятся въ его власти, могутъ, почувствовавъ злобу къ нему, разгласить это. И, конечно, соблазнъ будетъ большой. Если найдутся люди, которые и не повѣрятъ этому и примутъ все за клевету, то тѣмъ не менѣе всякій, невѣрящій въ клевету, все-таки разглашаетъ ее... Таковъ законъ людской! А слухъ можетъ добѣжать и до невскихъ береговъ.

XIV.

Однажды утромъ, когда Абдурраманчиковъ былъ наиболѣе озабоченъ однимъ крупнымъ промахомъ, который сдѣлала его канцелярія по управленію, — промахомъ, на который пострадавшій дворянинъ собирался, по слухамъ, тотчасъ ѣхать жаловаться въ Петербургъ, ему доложили, что въ числѣ лицъ, ожидающихъ пріема, явилась генеральша Бокъ. Ему вспомнилась эта фамилія, но онъ никакъ не могъ припомнить, гдѣ и когда слышалъ ее или когда видѣлъ эту женщину. Принявъ ее, онъ, однако, вспомнилъ, что она являлась просить о чемъ-то еще не такъ давно.

Генеральша вошла въ кабинетъ намѣстника радостная, какъ-бы торжествующая. Видъ ея даже удивилъ Абдурраманчикова.

— Ваше превосходительство, — начала Бокъ,—я прибыла не съ какимъ-либо прошеніемъ, а по дѣлу, до меня совершенно не касающемуся, но дѣлу важному. Какъ вы помните, я была у васъ и заявила, что нахожусь въ давнишней дружбѣ съ Ариной Саввишной Татевой...

— Да, да! Вспомнилъ! Ну, что-же?

— И вотъ-съ, съ тѣхъ поръ, какъ я побывала у васъ и не получила вашего разрѣшенія на мою просьбу, къ великой моей горести, я отправилась снова повидаться съ моей пріятельницей. А теперь я являюсь къ вамъ по совершенно иному дѣлу. Арина Саввишна, про которую я должна сказать,—хоть она и пріятельница моя,—что она уродилась на свѣтъ съ нѣкоторой твердостью въ нравѣ...

— Скажите лучше, сударыня,—насмѣшливо замѣтилъ генералъ.—съ нѣкоторой лютостью, а не то что съ твердостью! Это—звѣрь-баба!

— Была, ваше превосходительство! Да-съ, была! Вотъ за этимъ-то я и являюсь. Тяжелое испытаніе, которое послано Господомъ Богомъ и царскимъ указомъ Аринѣ Саввишнѣ, надломило ея силы. Вѣдь, она, сами знаете, не молоденькая. Я нашла ее сильно перемѣнившейся. Прежней лютости, какъ вы сказываете, и помину нѣтъ. И вотъ она дала мнѣ къ вашему превосходительству порученіе. Она мнѣ приказала сказать вамъ, что на первыхъ порахъ послѣ объявленнаго ей указа объ ея крѣпостномъ состояніи она со зла Богъ вѣсть чего надѣлала и наговорила. Всего и сама вспомнить не можетъ. И вотъ теперь она, принося чистое раскаяніе, просить забыть все, что она натворила со зла, причиненное кому-либо по ея винѣ. И вотъ-съ она поручила мнѣ передать вамъ это письмо!

И генеральша Бокъ достала изъ своего большого ридикюля конвертъ, запечатанный и написанный на имя намѣстника.

Абдурраманчиковъ, пожавъ плечами, такъ какъ ожидалъ, что найдетъ въ письмѣ какую-нибудь бабью болтовню, разорвалъ конвертъ, развернулъ бумагу и быстро пробѣжалъ около трехъ десятковъ строкъ. Но когда онъ прочелъ все, то выраженіе лица его измѣнилось и, глядя широко раскрытыми глазами на генеральшу, онъ произнесъ:

— Не можетъ быть?!...

— Что прикажете?—отозвалась Бокъ.

— Знаете-ли вы содержаніе письма?

— Знаю, ваше превосходительство!

— Правда-ли это?

— Сущая правда!

— Но какъ-же такъ? Что-же это такое? Это-же невѣроятно!

— Прямо только со зла, ваше превосходительство. И Арина Саввишна глубоко раскаивается. Она говоритъ, что много такого натворила. А такъ какъ до нея дошли черезъ меня слухи объ участи Ѳомы Ѳомича, то ей, какъ и мнѣ, признаюсь вамъ, пришло на умъ, что въ числѣ прочихъ винъ господина Галуши нѣтъ-ли и этой вины его. А вина-то эта никогда и не существовала, такъ какъ она—измышленіе Арины Саввишны, сдѣланное со зла. И вотъ она проситъ васъ, узнавши истину, не обвинять напрасно Галушу въ томъ, въ чемъ онъ не виноватъ.

— Такъ стало быть, Галуша получилъ отъ нея, какъ теперь сказываетъ она, счетомъ тридцать двѣ тысячи?—взволнованно спросилъ Абдурраманчиковъ.

— Точно такъ-съ!

— Да, вѣдь, она въ „Симеоновѣ“ десять разъ повторила мнѣ, чуть не побожилась, что передала сорокъ семь?

— Со зла, ваше превосходительство! со зла! Она мнѣ подробно разсказывала. Денегъ было тридцать тысячъ ровно, а двѣ она добавила денька за три до пріѣзда Галуши, поэтому хорошо она и помнитъ, что всѣхъ было тридцать двѣ. И стало быть, господинъ Галуша ни единаго пятачка себѣ не присвоилъ.

— Батюшки мои!—воскликнулъ Абдурраманчиковъ.—Вѣдь, это—разбой! Пустомельство и лютость бабьи заставили меня достойнаго человѣка кровно обидѣть, напрасно покарать, преступнымъ мошенникомъ почесть.

Абдурраманчиковъ вскочилъ съ мѣста, началъ ходить по кабинету, а потомъ вдругъ спросилъ:

— Есть-ли у васъ еще какое дѣло?

— Никакого-съ! — отвѣтила Бокъ, зная, что дѣло, которое у нея есть, нужно отложить до другого раза.

— Такъ извините, мнѣ не время. Я долженъ тотчасъ исправить неправедное, мною совершенное! — волнуясь, заявилъ Абдурраманчиковъ.

И, дѣйствительно, когда генеральша вышла, онъ приказалъ чиновнику объявить, что пріемъ прекращенъ, а черезъ четверть часа онъ садился въ карету и ѣхалъ въ ту улицу, гдѣ былъ домъ Галуши.

Ѳома Ѳомичъ, повидавшій генеральшу Бокъ наканунѣ, знавшій подробно содержаніе письма Арины Саввишны, не удивился появленію экипажа генерала около своего дома, но все-таки страшно обрадовался. Въ теченіе всей ночи ему приходило на умъ, что Абдурраманчиковъ изъ простого самолюбія не захочетъ вернуть его обратно и назначить снова на должность, чтобы не судили и не рядили городскіе дворяне и купцы, говоря, что онъ самъ не знаетъ, что дѣлать. Но теперь экипажъ намѣстника доказалъ ему, что все будетъ такъ, какъ онъ надѣялся.

Дѣйствительно Абдурраманчиковъ, быстро войдя на крыльцо и въ переднюю и сбросивъ верхнее платье, прямо прошелъ чрезъ столовую и гостиную, направляясь безъ доклада въ рабочую комнату хозяина.

Ѳома Ѳомичъ уже успѣлъ убѣжалъ въ эту комнату, успѣлъ сѣсть въ кресло, положить локти на колѣни и уткнуть лицо въ ладони, изображая изъ себя полную „убитость“ и отчаяніе. Не плохой былъ лицедѣй Ѳома Ѳомичъ Галуша.

— Обнимите меня и простите меня! — раздался надъ нимъ голосъ Абдурраманчикова.

И генералъ столько же взволнованно, сколько искренно, притянулъ къ себѣ и расцѣловалъ человѣка, котораго напрасно обвинилъ въ самомъ для него лично мерзкомъ дѣлѣ.

— Ничего объяснять не стану. Нечего объяснять! — воскликнулъ онъ, цѣлуясь. — Послѣ въ двухъ словахъ все узнаете. А теперь пожалуйте со мной въ карету и въ канцелярію! Сію-же минуту! Дѣлать хорошее дѣло, такъ не откладывать! Пожалуйте!

И черезъ нѣсколько минутъ Галуша сидѣлъ уже въ каретѣ намѣстника и, такъ какъ Абдурраманчиковъ приказалъ летѣть вихремъ, то они, дѣйствительно, понеслись по улицамъ, даже обращая на себя вниманіе прохожихъ.

Еще черезъ нѣсколько минутъ намѣстникъ входилъ въ канцелярію, въ которой былъ со дня своего назначенія только два раза. Ведя подъ руку Ѳому Ѳомича и очутившись въ большой комнатѣ, гдѣ сидѣли старшіе чиновники, онъ объявилъ громогласно:

— Слушайте, судари! одинъ Богъ безъ грѣха, одинъ Богъ не ошибается, а люди-человѣки могутъ ошибаться. Такъ-то вотъ и я согрѣшилъ передъ Богомъ, ошибся и обвинилъ Ѳому Ѳомича въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ онъ не могъ быть виновенъ. И вотъ сейчасъ я ѣздилъ къ нему, просилъ у него прощенія и привезъ самъ сюда. И знайте, что онъ — опять вамъ начальникъ, что онъ — моя правая рука, и, что бы онъ мнѣ ни сказалъ, тому я повѣрю. Что онъ захочетъ, то и будетъ! Теперь я его слуга во всемъ!

Разумѣется, всѣ чиновники канцеляріи были обрадованы появленіемъ и вступленіемъ въ должность Ѳомы Ѳомича, при которомъ жилось хорошо и приходилось только исполнять, что онъ прикажетъ, не мудрствуя, но и не рискуя попасть въ отвѣтъ за „беззаконіе по неразумію“.

XV.

Говорится: „гласъ народа — гласъ Божій“... Единодушное общественное убѣжденіе въ чемъ-либо является стало быть, непререкаемой истиной. Но есть среди людей еще иное, болѣе глубокое и менѣе объяснимое: такое-же единодушіе въ ожиданіи чего либо, что непремѣнно должно случиться. Гласъ или говоръ народа о таковомъ, собственно, ни на чемъ не основанъ. Такъ кажется! Такъ чудится! Иначе говоря, это есть лишь одно предчувствіе.

По поводу ужасной судьбы дворянъ-князей Татевыхъ, вѣсть о которой потрясала все намѣстничество, случилось то-же. Отъ дворянъ-помѣщиковъ до крестьянъ глуши, куда доходила вѣсть о новыхъ мужикахъ по указу царя, всякій, поохавъ и поразмысливъ, говорилъ:

— Чудно! Должно быть, страсть въ чемъ виноваты! А коли, какъ слышно, неповинны ни въ чемъ, то еще дѣло ихъ не пропало.

Мнѣніе, что закрѣпощеніе Татевыхъ временное, а не навсегда, проникло и въ чиновничество губерніи. Согласіе намѣстника — о которомъ шелъ слухъ — на бракъ его дочери съ однимъ изъ новыхъ крестьянъ, конечно, подтверждало предположеніе или, вѣрнѣе, предчувствіе всеобщее и единодушное.

Временное отдѣленіе, уже кончавшее свою работу въ „Симеоновѣ“, тоже понемногу проникалось тѣмъ-же убѣжденіемъ. Начальникъ отдѣленія Полянскій начиналъ уже задумываться о томъ, что нѣкоторыя дорогія вещи, въ томъ числѣ бронза и часть столоваго серебра, были имъ тайно сплавлены къ себѣ въ домъ въ городъ.

Возстановятъ вдругъ этихъ Татевыхъ въ ихъ правахъ, и заявятъ они о разграбленіи отдѣленіемъ ихъ имущества! Однако, волнуясь и труся, Полянскій тѣмъ не менѣе продолжалъ нѣкоторыя вещи брать къ себѣ въ комнаты якобы для внесенія въ отдѣльную опись, которую онъ составлялъ, и, не вписывая, конечно, отправлялъ ихъ со своими лакеями въ городъ къ женѣ.

Между тѣмъ, Горстъ, отправивши свое донесеніе намѣстнику, напрасно ожидалъ разрѣшенія вернуться въ городъ. Дѣлать ему въ „Симеоновѣ“, собственно, было больше нечего, и онъ разсуждалъ, что Абдурраманчиковъ просто позабылъ о немъ. Вернуться самому онъ не считалъ возможнымъ, боясь гнѣва и наказанія.

Однако, нетерпѣніе Горста и его думаніе объ отъѣздѣ продолжалось недолго.

Чрезъ недѣлю молодой человѣкъ уже былъ озадаченъ иначе. Онъ боялся, что не нынче завтра явится гонецъ съ приказомъ возвращаться. За нѣсколько дней произошло нѣчто хотя и простое, но, при данныхъ обстоятельствахъ въ усадьбѣ „Симеоновѣ“, оно было далеко не просто.

Горстъ близко сошелся и цѣлые дни проводилъ съ Татевыми. Вмѣстѣ съ ними гуляя, часто обѣдая у нихъ наверху, онъ съ ними-же проводилъ и вечера. Толковали они исключительно только объ одномъ: о горестной судьбѣ.

Но главное было не въ этомъ. Красивый и умный Горстъ, незамѣтно для самого себя, сталъ въ какія-то странныя отношенія къ старшей сестрѣ—Аришѣ. И въ этомъ онъ былъ ни капли не виноватъ.

Теперь, въ эти тяжелые дни, случилось вдругъ нѣчто невѣроятное, изумляющее даже самое Аришу. Случилось внезапно и несмотря на ужасное, исключительно безотрадное положеніе всей семьи, несмотря на ея собственную участь, сугубо отчаянную въ виду брака съ уродомъ Агаѳономъ.

Ариша страстно увлеклась молодымъ чиновникомъ и увлеклась настолько, что была способна на все на свѣтѣ. Если-бы онъ предложилъ ей бѣжать, скрыться и спасаться хотя-бы въ самые крайніе предѣлы Сибири или въ другую часть свѣта, то Ариша, ни единаго мгновенія не поколебавшись, согласилась-бы тотчасъ на все.

Конечно, удивительнаго въ этомъ ничего быть не могло. Горстъ, человѣкъ темнаго происхожденія, сдѣлалъ-бы честь любой дворянской семьѣ, если-бы родился въ ея средѣ. Помимо того, что онъ былъ красивъ собой, и даже мужчины сразу замѣчали это, онъ держалъ себя, какъ если-бы получилъ самое утонченное воспитаніе. Помимо лица, вся внѣшность его, голосъ и движеніе—все было привлекательно.

Повидавъ его только раза два, Семенъ Антоновичъ, качая головой, заявилъ сестрамъ:

— Ну, ужъ малый! Вѣдь, просто удивительно, какой пригожій!

— Красавецъ!—говорила Катюша.

Къ удивленію всѣхъ, и молчаливая или, какъ звали ее, нѣмая Марѳа тоже вдругъ заговорила:

— Николи я такого пригожаго не видывала!

— Вона какъ!—пошутилъ ея мужъ.—Даже мою Марѳушу и то расшевелилъ!

Быть можетъ, съ этой именно минуты Ариша, удрученная своимъ горемъ, обратила вниманіе на Горста и увидѣла, что, дѣйствительно, при видѣ такого человѣка и нѣмая заговоритъ. И, не стѣсняясь, не скрывая нисколько того, что зародилось и быстро разгоралось у нея на душѣ, она тотчасъ-же стала вести себя съ Горстомъ такъ свободно, смѣло, но въ то-же время и искренно, что молодой человѣкъ на первыхъ порахъ изумился или, какъ сказывается, опѣшилъ...

А, между тѣмъ, Ариша поступала не зря. Въ ней явилось простое соображеніе, что она приказомъ Абдурраманчикова поставлена на особыя условія. Ей грозитъ нѣчто такое страшное, что нечего и обдумывать, какъ ей поступать, что дѣлать или говорить, и что съ ней случится. Все равно! Заодно пропадать

Горстъ сначала смутился, затѣмъ задумался и, размышляя, пришелъ нежданно для самого себя къ такому рѣшенію, которое ему казалось какимъ-то дьявольскимъ навожденіемъ.

„Вотъ такъ судьба!“—говорилъ онъ самъ себѣ.—„Такъ-ли, сякъ-ли, а я тоже на все пойду!..“

Разумѣется, Ариша нравилась ему, хотя, конечно, не столько, сколько его „любезная“ красавица Ѳедоська. Однако, если-бы въ него не проникло тоже убѣжденіе, что когда-нибудь всѣ Татевы будутъ прощены, то, пожалуй, онъ отнесся-бы къ Аришѣ и къ своему новому плану нѣсколько иначе.

А планъ его былъ и простъ, и оригиналенъ.

Числясь чиновникомъ канцеляріи, но по найму, онъ, собственно, принадлежалъ къ мѣщанскому сословію.

„Изъ мѣщанъ обратно въ крестьяне ужъ не такъ далеко“,—думалось ему.—„Скажи генералъ одно слово, подпиши одну бумажку, и государственный крестьянинъ Горстъ можетъ сдѣлаться мужемъ Арины Татевой во исполненіе закона“.

И однажды, черезъ недѣли двѣ послѣ отправки гонца къ Абдурраманчикову, Горстъ, конечно, умѣвшій ухаживать и влюблять въ себя, достигъ того, что Ариша, безъ всякаго колебанія, согласилась выйти къ нему на свиданіе въ садъ поздно вечеромъ. И все было рѣшено молодыми людьми сразу, какъ если-бы они годъ были знакомы.

Прежде всего Горстъ искренно объяснилъ Аришѣ, что онъ, хотя и чиновникъ, но чина не имѣетъ, что онъ не дво-

рянинъ, не вполнѣ русскаго происхожденія и что, собственно, онъ не достоинъ ея, такъ какъ она—княжна и дворянка родомъ.

Ариша отвѣтила на это, что ея чувство къ нему странное, внезапное и бурное. Если-бы онъ явился къ нимъ въ домъ, когда еще они жили счастливо, и кара еще ихъ не постигла, то—ей сдается—что она и тогда-бы противъ воли бабушки и отца бѣжала съ нимъ изъ дому на край свѣта. А теперь это еще легче.

И молодые люди рѣшили, что прежде всего Горстъ будетъ просить, даже умолять генерала Абдурраманчикова выдать Аришу за него замужъ, какъ за мѣщанина, а не дворянина. Если-же это невозможно, то надо просить генерала обратить его изъ мѣщанъ въ крестьяне, вслѣдствіе чего при его женитьбѣ указъ о Татевыхъ будетъ точно исполненъ.

Вмѣшиваться и разслѣдовать, что такое крестьянинъ по фамиліи Горстъ, никто, конечно, не станетъ. Въ губерніи потолкуютъ, но до Петербурга онъ врядъ-ли дойдетъ. Если-же Абдурраманчиковъ останется непреклоненъ и захочетъ отомстить за кровную обиду, то останется одно бѣгство. Куда—видно будетъ.

Никакихъ средствъ не было у обоихъ, но Горстъ расчитывалъ, что если они убѣгутъ въ Польшу, въ особенности въ Варшаву, то онъ не пропадетъ тамъ, хорошо говоря по-нѣмецки, а по-польски, какъ настоящій полякъ.

Однако, съ дѣломъ этимъ надо было спѣшить, такъ какъ избы на селѣ должны были скоро уже быть вполнѣ отстроены а затѣмъ должно было произойти и вѣнчаніе обѣихъ новыхъ крестьянокъ.

Разумѣется, Ариша съ согласія Горста повѣдала все внезапно приключившееся съ ней старшему брату и сестрѣ. Катюша страшно обрадовалась. Если она была вполнѣ счастлива отъ того, что должно было приключиться съ ней, и чуть не благословляла судьбу за то, что попала въ мужички и можетъ выйти за давно любимаго человѣка, то вмѣстѣ съ тѣмъ она понимала, насколько положеніе сестры ужасно.

Семенъ Антоновичъ удивился и испугался, но, поразмысливъ, рѣшилъ тоже, что если прежде бабушка и покойный отецъ никогда-бы не допустили такого брака, то теперь обстоятельства настолько измѣнились, что подобное надо почитать счастіемъ. Однако онъ сразу рѣшилъ:

— Генералъ на это никогда не согласится!—сказалъ онъ.—И, стало быть, вамъ придется быть въ бѣгахъ.

— Ну, что-же!—отозвалась Ариша.—Я хоть на край свѣта побѣгу, во-первыхъ, съ такимъ, какъ онъ, и, во-вторыхъ, отъ такого, какъ Агаѳонъ.

— Пожалуй,—разсудилъ Семенъ Антоновичъ,—что съ такимъ, какъ Горстъ, и въ бѣгахъ быть не страшно! Ужъ больно онъ мнѣ кажетъ ловкимъ и хитроумнымъ. Этотъ всегда сухой изъ воды выйдетъ и сквозь игольныя уши пролѣзетъ.

Однако, молодые люди рѣшили ничего не сообщать бабушкѣ, за которую нельзя было ручаться ни въ чемъ. Имъ казалось, что старуха, имѣющая во всемъ свое собственное разсужденіе, пожалуй, будетъ противъ брака Ариши съ чиновникомъ темнаго происхожденія и предпочтетъ „обманный“ бракъ или фиктивный съ мужикомъ, впредь до перемѣны обстоятельствъ или прощенія семьи.

Горстъ былъ того-же мнѣнія, чтобы оставить старуху въ полномъ невѣдѣніи.

— Она у васъ чудная,—говорилъ онъ.—Про нее воистину законъ не писанъ. Что кому бѣлое, ей черное; что кому зеленое, на ея глаза синее. Она способна отписать все самому Абдурраманчикову, прося защиты отъ насъ. И все пойдетъ прахомъ. Прямо доложитъ: „не давайте, молъ, согласія, а, кромѣ, того, прикажите сторожить ихъ, такъ какъ они порѣшили бѣжать“.

Въ данномъ случаѣ молодые люди не ошибались. Арина Саввишна, дѣйствительно, предпочла-бы временный фиктивный бракъ двухъ своихъ внучекъ съ крестьянами, нежели настоящій съ „мелюзгой“ чиновной. Вдобавокъ старуха и не подозрѣвала, что Катюша сама выбрала себѣ мужа, а теперь на седьмомъ небѣ отъ счастья. Она вѣрила, что и Терентій будетъ только числиться мужемъ внучки впредь до лучшихъ дней, когда оба эти брака расторгнутъ такъ-же, какъ и совершили, то-есть повелѣніемъ свыше.

XVI.

Съ той минуты, какъ Ариша объяснила Горсту, что она нежданно полюбила его и впервые въ жизни, что убѣжала-бы съ нимъ даже и въ тѣ дни, когда еще была княжной Татевой, молодой человѣкъ сильно измѣнился нравственно. Онъ ясно ощущалъ въ себѣ какой-то переломъ. Онъ чувствовалъ себя гораздо крѣпче волей, смѣлѣе. Быть можетъ, сказывалось вліяніе энергичной Ариши. Когда-же онъ вспоминалъ, что судьба заранѣе и давно послала ему въ руки страшное оружіе противъ Галуши и отчасти противъ самого Абдурраманчикова, то, конечно, онъ начиналъ вѣрить, что ихъ встрѣча съ Аришей и любовь—предопредѣленіе свыше.

Горстъ тотчасъ-же смѣло выѣхалъ въ городъ, не ожидая вызова.

Когда онъ явился къ намѣстнику, то былъ принятъ имъ особенно благосклонно. Первое, что Абдурраманчиковъ спросилъ у молодого человѣка, заставило его, однако, нѣсколько оробѣть.

— Говорила-ли тебѣ, голубчикъ, Арина Антоновна, что зла на меня за якобы нанесенную ей мной обиду?

Горстъ обрадовался, что намѣстникъ заговорилъ съ нимъ на „ты“.

— Ничего не знаю-съ. Ничего не слыхалъ!—отвѣтилъ онъ, отлично понимая вопросъ и очень искусно изображая удивленіе на своемъ лицѣ.

— Стало быть, умная дѣвица, что зря не болтаетъ пустяковъ! Ну, а какъ показалось ей мое приказаніе бракосочетаться съ такимъ красавцемъ и умникомъ, какъ этотъ Агаѳонъ?

Горстъ не зналъ, что отвѣтить, и произнесъ, растягивая одно слово:

— Ни-че-го-съ!

И такъ какъ намѣстникъ, повидимому, собирался его тотчасъ-же отпустить, молодой человѣкъ рѣшился, мысленно перекрестился и не выговорилъ, а будто бухнулъ, какъ по крайней мѣрѣ, показалось ему самому:

— Я, ваше превосходительство, къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой!

— Сдѣлай милость! Что хочешь въ предѣлахъ всего умнаго и возможнаго, а коли оно въ предѣлахъ глупаго или чудеснаго, то не взыщи! Дуракомъ быть не хочу, а чудотворцемъ быть не могу!

И Абдурраманчиковъ самодовольно разсмѣялся собственной шуткѣ.

Горстъ робко, но толково, начавъ издалека, изложилъ свое дѣло. Абдурраманчиковъ, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, становился суровѣе, и, когда дѣло дошло до просьбы разрѣшить бракъ его съ Аришей, генералъ разсмѣялся, но уже совершенно иначе, чѣмъ за нѣсколько мгновеній назадъ. Смѣхъ былъ раздражительный и даже съ такимъ оттѣнкомъ, какъ-будто онъ былъ оскорбленъ просьбой молодого человѣка.

— Вотъ что, голубчикъ! Я думалъ, что ты — болѣе или менѣе умница, а ты—пошлый дуракъ! — выговорилъ онъ, наконецъ.—Какъ-же ты не понялъ сути дѣла? Тебѣ было приказано разыскать того человѣка, котораго эта Ариша терпѣть не можетъ, а если такового не окажется, то разыскать самаго ледащаго, самаго уродливаго изо всѣхъ окрестныхъ мужиковъ. И для чего? Для того, чтобы я за него выдалъ замужъ эту Арину! Неужто-же ты не понялъ всего, и со своей дурацкой просьбой идешь, стало быть, наперекоръ тому, что я считаю необходимымъ сдѣлать? Пойми, что, если-бы я согласился на твой бракъ съ нею, то это было-бы глупостью. Сдѣ-

лать тебя крестьяниномъ я могу, сколько хочешь и когда хочешь, да тебя за твою глупость и слѣдовало-бы обратить изъ мѣщанъ въ мужики, но выдать эту Арину вмѣсто болвана и урода мужика за перваго красавца нашего города...

Абдурраманчиковъ развелъ руками, нагнулся и прибавилъ:

— Да что же это такое? Если-бы я даже и дуракъ былъ, то все-таки такъ-бы не сдѣлалъ. Хороша-бы была отместка ей!—выговорилъ онъ вдругъ, но, спохватившись, прибавилъ: — отместка за то, что она кое-кому про меня небылицы болтала. Нѣтъ, голубчикъ, не то, что я тебя на ней не женю, а больше скажу: когда она будетъ женой избраннаго мною остолопа да узнаю я, что ты тайкомъ разстраиваешь ихъ супружество, ихъ согласіе, то...

И Абдурраманчиковъ презрительно усмѣхнулся.

— Я мигомъ вышлю тебя тогда изъ предѣловъ намѣстничества. Я не хочу, чтобы Аринѣ Антоновнѣ мѣшали наслаждаться супружескимъ счастіемъ съ такимъ прекраснымъ супругомъ, какого я ей выбралъ. Ну, вотъ и все! Ступай! Мнѣ нечего тебѣ совѣтовать держать ухо востро по отношенію ко мнѣ. Я, вѣдь, не Звѣревъ, у котораго ты подъ бокомъ творилъ, что хотѣлъ, и рядилъ его въ шуты. Меня, братъ, такъ не нарядишь. Лучше и не пробуй! А попробуешь—не взыщи! Самое меньшее—улетишь изъ предѣловъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ моя власть, моя рука. А моя рука, когда изображаетъ кулакъ, то, охъ, какъ тяжеленька! Ну, ступай!

Разумѣется, Горстъ отдался полному отчаянію. Очевидно, оставалось только одно: бѣгство въ чужіе края. Онъ зналъ, что подобныя бѣгства изъ Россіи въ Варшаву по какимъ-бы то ни было причинамъ, иногда даже послѣ совершеннаго тяжкаго преступленія, совершались благополучно и бѣглецы мирно проживали въ польскомъ краю, тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ смущенъ отъ вопроса: гдѣ достать средства на этотъ побѣгъ?

Былъ человѣкъ, который-бы могъ ему дать эти средства, дать сумму въ пятьсотъ рублей, если не больше, но только никакъ ни на этакое дѣло. Деньги эти могла легко и даже съ охотой дать ему именующая себя Кизильташевой, то-есть Ѳедоська, но объяснить ей,—зачѣмъ эти деньги нужны, конечно, было невозможно. Позволить возлюбленному бѣжать съ другой женщиной на свои-же деньги было-бы съ ея стороны полнымъ безуміемъ; слѣдовательно, Горсту обязательно нужно было что-нибудь придумать, чтобы обмануть Ѳедоську.

И Горстъ весь углубился въ размышленія и придумываніе, какъ обмануть ее и подъ какимъ предлогомъ получить эту сумму.

Въ то-же время Горстъ уже зналъ со словъ всѣхъ чиновниковъ канцеляріи, что наступили старые порядки, что первый человѣкъ у нихъ, сильнѣе самого намѣстника, снова тотъ-же Ѳома Ѳомичъ, и что силенъ онъ не какими-либо хитроумными крючками или подвохами, а самъ генералъ желаетъ, чтобы всякое слово Ѳомы Ѳомича исполнялось тотчасъ-же. Кромѣ того, сказали Горсту, что когда намѣстникъ и правитель дѣлъ разно толкуютъ о какомъ-либо дѣлѣ, то всѣ дѣла вершатся такъ, какъ того желаетъ Галуша.

Горстъ понялъ, что онъ собственно ничего не потеряетъ, если отправится съ той-же просьбой или хотя бы за совѣтомъ къ тому-же Галушѣ.

„Кабы ты зналъ, что ты у меня въ рукахъ, въ моей власти“,—думалъ молодой человѣкъ,—„то, конечно, теперь заступился-бы за меня, и все-бы дѣло сразу устроилось. Но ты сего не знаешь. А возможно-ли мнѣ начать угрожать? Нѣтъ. Чтобы все, что я знаю и могу почти доказать, возымѣло силу, нужно отправляться въ Петербургъ и хлопотать. А когда еще добьешься успѣха! До тѣхъ поръ много всякой воды утечетъ“.

Тѣмъ не менѣе, Горстъ отправился къ Галушѣ въ домъ и изложилъ ему точно такъ-же, какъ и Абдурраманчикову, все свое дѣло. Галуша, удивленный объясненіемъ молодого чиновника, подумалъ нѣсколько мгновеній и отвѣтилъ:

— Это—такое дѣло, такая заковыка, какъ сказываютъ на моей Украйнѣ, что такового сразу не рѣшишь. Эту заковыку, какъ самую мудреную задачу, нужно порастрясти на всѣ лады, нужно всячески обдумать. Зайди ко мнѣ дня черезъ два-три!

Горстъ намекнулъ, что, если Ѳома Ѳомичъ пожелаетъ это дѣло устроить, то намѣстникъ согласится тоже, такъ какъ теперь соглашается съ нимъ во всемъ.

— Это точно! — отозвался Галуша. — Только это такъ дураки сказываютъ. Если я предложу генералу кушать варенье—не клубнику, а землянику, то онъ, конечно, будетъ кушать землянику. А если онъ захочетъ итти гулять, а я буду держаться того мнѣнія, что ему надо пойти не гулять, а пойти утопиться, то полагаю, что онъ въ согласіи со мной не очутится! А вотъ вы, дураки, ничего не понимая, болтаете. А предлагать ему обвѣнчать тебя съ Ариной Антоновной, я, пожалуй и пробовать не пойду.

Черезъ три дня Галуша, встрѣтивъ Горста въ канцеляріи, выговорилъ, проходя и какъ-бы бросивъ слова:

— Выкини всю свою чепуху изъ головы! Займись-ка лучше дѣломъ! Понялъ?

Горстъ невѣдомо почему сразу озлобился. Теперь оставалось одно спасеніе—обмануть Ѳедоську и затѣмъ бѣжать...

Да, легко сказать это! Бѣжать за тысячу верстъ, переселиться въ другіе края, хотя и не вполнѣ чуждые ему, но въ

такіе, гдѣ онъ никогда не достигнетъ того, что мерещилось ему здѣсь, въ Россіи. Прошли тѣ времена, когда можно было легко сдѣлаться шляхтичемъ первому попавшемуся пройдохѣ по прихоти какого нибудь пана-магната. Въ Россіи-же полученіе перваго чина дѣлало его личнымъ дворяниномъ. Оставаясь здѣсь въ качествѣ мужа Арищи, онъ когда-нибудь, дождавшись прощенія Татевыхъ, можетъ еще легче получить чинъ для того, чтобы княжна не стала мѣщанкой.

И Горстъ рѣшился на два серьезныхъ шага.

Онъ отправился къ Ѳедоськѣ и объяснилъ ей, что попроситъ у нея не теперь, а когда будетъ нужда, денегъ какъ можно больше, для того, чтобы возвратить ей вдвойнѣ. Ему навертывается дѣло, объяснилъ онъ, которымъ можно нажить очень много денегъ. Въ городъ явился подрядчикъ обуви на армію и, если онъ сможетъ примазаться къ этому подрядчику, имѣя въ карманѣ около пятисотъ рублей, то въ два-три мѣсяца времени онъ наживетъ до полуторы тысячи, а то и болѣе.

— Съ какихъ это поръ сталъ ты такими дѣлами заниматься?—спросила Ѳедоська.

— Вотъ теперь начинаю! Вижу, что въ канцеляріи никакого толка не добьешься. Прежде Роза поганая не хотѣла похлопотать и Звѣревъ былъ дуракъ, а теперь новый намѣстникъ ужъ больно уменъ да и пляшетъ подъ дудочку того-же Ѳомы Ѳомича. Если мнѣ не быть настоящимъ чиновникомъ, то, по крайности, хоть разбогатѣть. Начну съ твоими пятью сотнями и, глядишь, черезъ десять лѣтъ будутъ у меня десятки тысячъ.

— Должно быть! Сейчасъ!—усмѣхаясь, отозвалась Ѳедоська.—Хватитъ тоже...

Однако, послѣ краснорѣчиваго увѣщанія своей любезной Горстъ добился того, что Ѳедоська обѣщала ему, когда понадобится, пятьсотъ рублей, и Горстъ вышелъ отъ нея довольный, почти счастливый.

„Что-же“,—думалось ему,—„убѣжимъ въ Польшу, а тамъ, когда выйдетъ прощеніе, вернемся. Преступленія никакого, вѣдь, мы не совершимъ. Бракосочетаніе холостого человѣка съ дѣвицей не есть преступленіе. Ну, а теперь надо пробовать все-таки разузнать, что у меня за пазухой: ножъ острый или свайка игральная? И вдругъ сразу объяснится, что нынѣшніе мои враги и помѣшатели—Абдурраманчиковъ и Галуша—благодаря тѣмъ писанымъ листочкамъ, которые я себѣ добылъ, самъ не знаю зачѣмъ, теперь стали топорищемъ на ихъ шеѣ. Свези я эти листочки въ столицу, и они оба, пожалуй, попадутъ въ такое положеніе, что не пришлось-бы имъ въ свой чередъ,—какъ я вотъ теперь,—собираться бѣжать въ чужіе края. А это можно узнать только отъ самого Ѳомы“.

XVII.

Затѣмъ тотчасъ-же Горстъ отправился къ правителю дѣлъ. То, что было у него на умѣ, было крайне серьезно и крайне важно, и даже болѣе или менѣе опасно. Но для человѣка, собиравшагося бѣжать изъ предѣловъ Россіи, конечно, эта опасность уже не имѣла значенія.

Горстъ явился къ Галушѣ якобы за тѣмъ, чтобы заявить о своемъ рѣшеніи покинуть всякія мечтанія насчетъ брака съ Аришей Татевой. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснилъ онъ свое посѣщеніе.

— Ну, за этимъ, братецъ ты мой, не зачѣмъ тебѣ было и приходить безпокоить меня!—замѣтилъ презрительно Ѳома Ѳомичъ.

Но Горстъ не собирался уходить и сталъ просить Галушу разъяснить ему, что значитъ, собственно, оффиціальная бумага, именующаяся обычно не русскимъ словомъ „промеморія“.

Ѳома Ѳомичъ пристально присмотрѣлся ему въ лицо и не сразу отвѣтилъ:

— Такое названіе... Что тебѣ, собственно, нужно?

— Узнать, Ѳома Ѳомичъ, что сіе означаетъ по-русски?

Галуша почесалъ затылокъ и выговорилъ:

— Такъ сказывается... Выходитъ это по-французски «пояснительная записка».

— Никакъ нѣтъ-съ, Ѳома Ѳомичъ!—отвѣтилъ Горстъ.— Я по-французски капельку мараковать могу. Слово это «промеморія», могу вамъ доложить вѣрно, не французское слово.

— Ну, такъ иное какое-нибудь, чортъ его знаетъ, только иностранное!..

— Думается мнѣ, Ѳома Ѳомичъ, что это слово латинское, и оно какъ-бы сдѣлано, что-ли, изъ двухъ словъ: первое— «pro», а второе—«memoria». Первое значитъ «для», а второе значитъ «память»,—стало быть, «для памяти».

— Такъ зачѣмъ-же ты, шутъ гороховый, зная, что это за слово, меня пытаешь?—разсердился вдругъ Галуша.

А сердился правитель дѣлъ потому, что, будучи чуть не полстолѣтія при дѣлахъ и видѣвши слово „промеморія“ на тысячѣ бумагъ, ни единаго разу въ жизни не спросилъ себя: «А что, именно, оно означаетъ?»

— Простите, Ѳома Ѳомичъ, — скромно отозвался Горстъ,— я, собственно, хотѣлъ, чтобы вы мнѣ мое предложеніе подтвердили. Хоть я такъ сказываю, но навѣрное все-таки не знаю и палецъ на отсѣченіе за это, конечно, давать не буду. А вотъ за то, что изъ нашей канцеляріи невѣдомо какимъ

образомъ пошла одна промеморія въ Петербургъ подложная, за это я палецъ на отсѣченіе отдамъ.

Галуша выпрямился на своемъ креслѣ, даже вытянулся весь, сталъ какъ будто длиннѣе туловищемъ, разинулъ ротъ, шевельнулъ языкомъ, чтобы сказать что-то, и не вымолвилъ ни слова.

— Что ты болтаешь? — прошепталъ онъ, наконецъ.—Повтори! Понять нельзя...

— Я говорю, Ѳома Ѳомичъ,—почтительно и какъ-бы даже робко произнесъ Горстъ,—что какими-то странными путями, невѣдомо какъ и откуда пришла въ Петербургъ промеморія, а у насъ въ канцеляріи она никогда не бывала. Пошла и пришла эта промеморія отъ насъ, а у насъ не бывала! Какъ вотъ этакое понять?

Галуша молчалъ и, вытаращивъ глаза, глядѣлъ на Горста, какъ если-бы собирался сейчасъ-же броситься на него и обратить его въ прахъ. Если-бы подобное говорилъ кто-либо другой, выше его стоящій человѣкъ и даже равный, то онъ, быть можетъ, смутился-бы; а слышать подобное отъ маленькаго чиновника своей-же канцеляріи, да еще не штатнаго, не имѣющаго чина, который ни что иное, какъ мелкота, мелюзга, тварь—было для Галуши невыносимо и страшно озлобило его.

Разумѣется, отвѣтить, что онъ понялъ, что сказанное есть намекъ, Галуша не могъ. Онъ былъ слишкомъ остороженъ и хитеръ, чтобы себя выдать, хотя-бы и въ пылу гнѣва.

— Про какую ты промеморію говоришь? Объясни!—сказалъ онъ спокойно.

— Не могу знать, Ѳома Ѳомичъ! А вотъ-съ въ городѣ всѣ такъ сказываютъ. Есть пріѣзжій изъ Петербурга, который прожилъ тамъ мѣсяца два и то-же самое сказываетъ! Вся семья Татевыхъ тоже клянется, что никогда такой промеморіи не бывало.

— Стало быть, ты говоришь про ту самую промеморію, что представилъ намъ покойный князь Антонъ Семеновичъ?

— Точно такъ-съ!

Наступило молчаніе. Галуша какъ-будто не зналъ, что сказать, чувствуя, что эта минута рѣшительная, и что всякое слово его будетъ имѣть значеніе. Онъ даже не зналъ, сейчасъ-же раздавить эту мелкоту, сидящую передъ нимъ, или быть осторожнѣе, отложить дѣло и даже до поры до времени приласкать эту мелюзгу, которая, подобно намѣстнику, наровитъ укусить, воображая, что и съѣсть можетъ.

Но вдругъ Галушѣ вспомнилась фраза чиновника, сказанная передъ тѣмъ, — заявленіе, что онъ ручается головой въ томъ, что такая бумага была.

— Ты сказываешь, что голову отдашь на отсѣкъ, коли придется доказывать правду словъ твоихъ?

— Не голову, Ѳома Ѳомичъ, а палецъ! Это—разница!

— Ну, хорошо. Палецъ отдашь, что такая промеморія пошла отъ насъ и пришла въ Петербургъ? Такъ-ли?

— Такъ-съ!

— А что всѣ сказываютъ здѣсь въ столицѣ, что покойный Антонъ Семеновичъ никогда такой промеморіи не подписывалъ и не подавалъ намъ. Такъ-ли?

— Такъ съ!

— Почему-же ты за это въ отвѣтъ итти готовъ? На какомъ основаніи? Что ты знаешь?

— А на томъ основаніи, Ѳома Ѳомичъ...—Горстъ запнулся, потомъ собрался съ духомъ и, подумавъ: „была не была!“ выговорилъ твердо:—потому Ѳома Ѳомичъ, что я знаю, какую промеморію подалъ покойный князь Антонъ Семеновичъ и какую сочинили другіе люди, прибавивъ къ ней только подлинный послѣдній листъ съ истинной подписью покойнаго князя.

— Это—ложь!.. Это—такія выдумки, такая клевета, за которую человѣка надо подъ судъ отдать! Ты клевещешь, стало быть, на цѣлую канцелярію и на меня въ томъ числѣ! Вѣдь, я—ея начальникъ! Развѣ могла такая подложная промеморія пойти безъ моего вѣдома?

— Не доглядѣли, Ѳома Ѳомичъ!

— Не доглядѣлъ?! — зорко смотря въ глаза Горсту, спросилъ Галуша.

— Да-съ! Должно быть, не доглядѣли!

И Горстъ произнесъ это, напирая на слова „должно быть“.

— Я тебѣ говорю, что за это можно подъ судъ отдать! И, если я захочу, то, доложивши генералу, мы тебя подъ судъ и отдадимъ, и упрячемъ въ Сибирь! Вотъ ты тогда палецъ-то и отдавай на отсѣченіе!

— Нѣтъ, Ѳома Ѳомичъ, я тогда пальца своего не дамъ!

— То-то, ерой. На попятный?

— Нѣтъ-съ! Если я буду подъ судомъ, то я буду ужъ отдавать голову на отсѣченіе, что я правду говорю.

— Ну, и отсѣкутъ!

— Нѣтъ-съ! Я представлю кое-что, имѣющееся у меня, благодаря малой бдительности канцелярскихъ чиновниковъ и начальниковъ, нѣчто, изъ-за чего голова моя останется на плечахъ. И не я, а кое-кто другой тогда навѣрно пойдетъ за подлогъ въ отвѣтъ строжайшій.

Галуша, услышавъ послѣднія слова, сразу опѣшилъ, потому что сразу понялъ, что у этой мелкоты, у этой гадины тѣ самые мараные листки, которыхъ онъ когда-то хватился и нигдѣ не могъ найти. А писаны они были его рукой.

Галуша совершенно потерялся, сидѣлъ уже не вытянувшись, а сгорбившись и бормоталъ что-то безсмысленное. Ему хотѣлось сказать чиновнику: „Уходи! пошелъ вонъ!“—и въ то-же время ему казалось, что, какъ только этотъ Горстъ очутится на улицѣ, такъ и начнется такая каша, которую затѣмъ, пожалуй, и не расхлебать. Разростется такая бѣда, съ которой онъ, Ѳома Галуша, справлявшійся со многими бѣдами, пожалуй, и не справится. И, собираясь сказать: „выйди вонъ!“—Галуша выговорилъ:

— У тебя кое-что, говоришь, про запасъ есть?

— Есть!

— Въ твоемъ обладаніи? У тебя въ сундукѣ, что-ли?

— Не у меня, Ѳома Ѳомичъ. У меня можно сдѣлать обыскъ и отнять, что найдется. А въ чужомъ вѣрномъ мѣстѣ.

— А! Ты, стало быть, дуракъ-то дуракъ, да только изъ умныхъ! Ну, а коли я тебѣ предложу помѣняться? Ты мнѣ дай вотъ то, что у тебя въ запасѣ, а у меня бери что другое. Ну, хоть-бы чинъ, которымъ тебя по губамъ мажутъ вотъ ужъ который годъ. Желаешь? Къ будущей Пасхѣ будешь провинціальный секретарь, а то и сенатскій секретарь.

— Спасибо, Ѳома Ѳомичъ! Прежде мнѣ это было лестно, а теперь не нужно!

— Какъ не нужно?!.—воскликнулъ Галуша.

— Да такъ-съ! Обстоятельства перемѣнились. Воды, какъ сказывается, много утекло! Теперь мнѣ не то, что сенатскій секретарь, а хотя-бы даже какой титулярный совѣтникъ,—все это, Ѳома Ѳомичъ, мнѣ не нужно! А нужны мнѣ пустяки и такіе, которые вы можете обдѣлать въ одинъ день, да что—день!—въ одинъ часъ.

— Что-же такое? Говори!

— Чтобы вы произвели меня въ чинъ не сенатскаго секретаря, а въ званіе крестьянина, вѣстимо, государственнаго, а не помѣщичьяго, приписали меня къ селу „Симеонову“ и выдали, во исполненіе указа государева, за меня, крестьянина, крестьянку Арину Татеву. Вотъ, когда я выйду съ ней обвѣнчанный изъ церкви, то я сбѣгаю въ мое вѣрное мѣсто и принесу вамъ все, что у меня есть.

— Нѣтъ, врешь, братъ!—воскрикнулъ Галуша.—Ты прежде принеси, а потомъ ты будешь крестьяниномъ и мужемъ Татевой.

— Нѣтъ, Ѳома Ѳомичъ! На это я ни за что не пойду! — воскликнулъ Горстъ.

— Стало быть, ты меня за мошенника почитаешь? Да ты пойми, олухъ, какъ-же я буду за тебя хлопотать, когда у тебя, можетъ быть, припрятана старая подошва отъ сапога. Ты, обвѣнчавшись, мнѣ ее и принесешь!

— Ну, ужъ это какъ вамъ угодно! — произнесъ Горстъ твердо.—Выходитъ, что вы мнѣ не вѣрите а я вамъ не вѣрю. Тогда дѣло мудреное, и какъ изъ него выйти—не знаю. Подумайте сами, Ѳома Ѳомичъ, и придумайте! Но принести вамъ то, что у меня есть, прежде, чѣмъ я не буду мужемъ Татевой, я, воля ваша, ни за что никогда не соглашусь. Подумайте только объ одномъ. Вы, обдѣлывая мое дѣло, ничѣмъ не платитесь, только одно можетъ быть, что я—лгунъ и мошенникъ—обвѣнчавшись, скажу вамъ, что я васъ попугалъ зря. И у васъ только досада будетъ, а горя никакого отъ того, что я женатъ на Татевой. Мое-же положеніе совсѣмъ не то. Принеси я вамъ то, что у меня есть, вы меня можете выгнать вонъ и крикнуть вдогонку: „Врешь, мошенникъ, никакихъ доказательствъ о подложности промеморіи нѣтъ, да и не было никогда на свѣтѣ!“ И я останусь не причемъ. А пока я владѣю тѣмъ, что у меня есть, мнѣ дорога открытая...

— Куда?

— Какъ куда, Ѳома Ѳомичъ? Понятно—куда!

— Куда, говорятъ тебѣ?!. — закричалъ Галуша на весь домъ.

— Туда, Ѳома Ѳомичъ,—рѣзко и твердо отвѣтилъ Горстъ,—туда, гдѣ россійскій царь-государь, надъ могуществомъ и властью котораго шутятъ лихіе люди, которые подло обманываютъ его и заставляютъ незаконно поступать. И я—вѣрноподданный царя—пойду и скажу ему: „Государь, не хочу я, чтобы васъ обманывали злодѣи. Вотъ такъ-то и такъ-то! Прикажите разсудить дѣло и тѣхъ, кого вы безвинно покарали, простите, а тѣхъ, которые дерзаютъ злыя шутки шутить именемъ вашимъ, покарайте“.

Наступило молчаніе. Галуша уже сидѣлъ, упершись локтями на колѣна и такъ опустилъ голову, что Горстъ не видалъ лица его, а видѣлъ только темя и небольшую лысину на затылкѣ.

„Что, золотой мой?—думалъ онъ, внутренно усмѣхаясь,—„ловко пришлепнулъ я тебя? Самъ не знаю, какъ у меня храбрости хватило“.

Наконецъ, Галуша поднялся, выпрямился и сказалъ тихо:

— Ладно! Что-же? Подумаю... Ступай! Дня черезъ три я тебя вызову къ себѣ опять...

XVIII.

Ѳома Ѳомичъ былъ въ такомъ положеніи, въ какомъ, казалось, никогда не бывалъ въ жизни. Обдумавъ и взвѣсивъ все, что онъ услышалъ отъ Горста, онъ убѣдился, что молодой чиновникъ не зря грозится.

Теперь онъ окончательно вспомнилъ, что черновой набросокъ промеморіи, якобы отъ имени князя Татева, на нѣсколькихъ листкахъ, сочиненный имъ самимъ съ большимъ тщаніемъ и весь написанный, конечно, его рукой, былъ имъ положенъ въ одинъ изъ ящиковъ письменнаго стола въ его кабинетѣ. Когда онъ уходилъ изъ канцеляріи, дверь кабинета запиралась на ключъ, который оставался у солдата.

Ѳома Ѳомичъ вспомнилъ, что, спустя недѣли три послѣ отправки промеморіи, онъ не нашелъ въ этомъ столѣ черняка, тщетно поискалъ его въ другихъ мѣстахъ, а затѣмъ махнулъ рукой и думать забылъ о немъ.

Какимъ образомъ Горстъ могъ проникнуть въ кабинетъ и украсть эти листки—Ѳома Ѳомичъ не могъ себѣ представить. Оставалось только думать, что онъ прежде всего укралъ какъ-нибудь ключъ у солдата. Но затѣмъ онъ это дѣлалъ? Стало быть, онъ уже зналъ о существованіи этихъ листковъ

И Ѳома Ѳомичъ, вспоминая, вспомнилъ тоже, что онъ при сочиненіи этой промеморіи былъ слишкомъ неосторожень. Онъ далъ ее переписывать набѣло одному писцу, который чрезвычайно красиво писалъ и въ то-же время пилъ запоемъ. Денегъ у него на пьянство, конечно, не хватало. И вотъ, вѣроятно, Горстъ, благодаря какой-нибудь подачкѣ, узналъ отъ этого писца о существованіи промеморіи. Но какъ узналъ онъ, что чернякъ цѣлъ и находится въ столѣ кабинета? Все это было необъяснимо.

„Одно спасеніе теперь“,—думалъ Галуша,—„уломать генерала, чтобы онъ согласился на его бракъ, а затѣмъ надо обдумать и опредѣлить все такимъ образомъ, чтобы Горстъ, уже обвѣнчанный, не имѣлъ возможности меня провести, обмануть“.

Уговорить Абдурраманчикова и добиться у него согласія на бракъ Горста казалось Ѳомѣ Ѳомичу дѣломъ легкимъ.

На другой день послѣ своего доклада начальнику, когда Галуша заявилъ, что у него есть частная просьба до генерала, Абдурраманчиковъ отвѣтилъ:

— Все, что пожелаете! У васъ до меня личныхъ просьбъ почти не бывало; это—первая. Буду счастливъ вамъ услужить.

Но едва Галуша началъ объясненіе и упомянулъ о Горстѣ, а затѣмъ о дѣвицѣ Татевой, какъ Абдурраманчиковъ сразу какъ-бы окрысился.

— Знаю, знаю! Признаюсь, не ожидалъ, что и вы будете просить объ этомъ! Стало быть, онъ былъ у васъ и просилъ васъ за него заступиться?

— Точно такъ, ваше превосходительство! Я-бы желалъ молодому человѣку...

— Ну, Ѳома Ѳомичъ,—перебилъ генералъ,—что другое, все съ удовольствіемъ исполню, а это—бросьте! Никогда и ни за что я на это не соглашусь! Мужъ для дѣвицы Татевой

уже найденъ, и ни за кѣмъ другимъ, кромѣ этого, она замужемъ не будетъ. И, признаюсь, удивляюсь, съ чего вы взяли на себя такое порученіе? Съ какой радости вы за Горста хлопочете? Кажется, вы особенной дружбы къ нему не питаете? Вѣдь, и принялъ-то его обратно на службу—я. А вы-то его выгнали.

— Не я, ваше превосходительство, а господинъ Звѣревъ и по жалобѣ госпожи Шкильдъ.

— Кабы любили, такъ отстояли-бы! Вы изъ Серафима Ефимовича лучину щепали. Скажите-ка, Ѳома Ѳомичъ, откровенно. Почему вы за него ходатайствуете.

Галуша принялъ добродушное выраженіе лица и заявилъ простодушнымъ голосомъ:

— Такъ... Жалко малаго! Влюбился онъ шибко въ эту Татеву. Вотъ и хотѣлось помочь!

Но если хитеръ былъ Галуша, то и Абдурраманчиковъ былъ себѣ на умѣ, прозорливъ и догадливъ. Онъ почуялъ, что простодушіе Галуши дѣланное, что есть какія-либо особыя причины его ходатайства, и вдобавокъ такія, которыя онъ желалъ-бы скрыть.

— Вѣдь, вотъ не хотите сказывать. А я, выслушавъ ваши доводы, узнавъ, на какомъ основаніи вы покровительствуете Горсту, можетъ быть, и согласился-бы на все!—схитрилъ Абдурраманчиковъ.

И Галуша, хоть старый воробей, а поймался на мякинѣ.

— Если на то пошло, ваше превосходительство, то извольте. Я вамъ все разскажу, и прямо, правдиво, искренно! Судите, какъ хотите. Съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, правдивымъ и честнымъ, можно и даже слѣдуетъ поступать прямо, дѣйствовать напрямки. Этотъ Горстъ, истинный жиденокъ, собирается произвести соблазнъ и осрамить канцелярію вашего превосходительства...

— Какимъ образомъ?

Галуша передалъ, что Горстъ утверждаетъ, что въ канцеляріи фабрикуются фальшивые документы и бумаги, и что одна изъ таковыхъ, фальшивая или подложная, была отправлена въ Петербургъ. Касалась она семьи Татевыхъ.

— Та самая, о которой я вамъ говорилъ вскорѣ послѣ моего вступленія въ должность?—отвѣтилъ генералъ, ухмыляясь.

— Не помню-съ!—отозвался Галуша.

— Удивляюсь! А я такъ хорошо помню! Что-же Горстъ хочетъ дѣлать?

— Онъ грозится написать доносъ на меня и на вашу канцелярію.

— Вы невѣрно выражаетесь Ѳома Ѳомичъ! Если онъ будетъ писать доносъ, то не на мою канцелярію, а на канцеля-

рію господина Звѣрева. При мнѣ, полагаю, такихъ бумагъ подложныхъ не исходило. Развѣ только незаконно, то-есть безъ моего вѣдома, чего я предполагать не могу.

— Все-таки же, ваше превосходительство, начальникъ этой канцеляріи остается тотъ-же и пользуется вашимъ довѣріемъ. Если Горстъ будетъ писать доносъ на меня, то общій соблазнъ, срамъ коснется и особы вашего превосходительства.

— Ну, что до меня касается, Ѳома Ѳомичъ, то я никакого такого срама не опасаюсь! У меня хвостъ не замаранъ. Пускай его пишетъ, какой хочетъ, доносъ! Мало-ли ихъ ежедневно въ Петербургъ является со всѣхъ концовъ Россіи, и могу васъ увѣрить, что на нихъ не обращается никакого вниманія. Иногда при особой важности дѣла наводятся тайныя справки и все разслѣдуется на мѣстѣ. При малѣйшемъ сомнѣніи въ правдоподобности доносимаго, дѣло оставляется безъ вниманія. Напишетъ Горстъ доносъ—и его изорвутъ не читая.

— Все-таки, ваше превосходительство, — настаивалъ Галуша,—если-бы можно было удовлетворить просьбу этого Горста, то тогда совсѣмъ ничего-бы не было.

— Конечно!—уже раздражаясь, отвѣтилъ Абдурраманчиковъ.—Да просьба-то его, Ѳома Ѳомичъ, такая, которую я, снова повторяю вамъ, никогда и ни за что не исполню. Стало быть, и толковать объ этомъ больше нечего!

Въ тотъ-же день Горстъ узналъ отъ Галуши, что дѣло его окончательно проиграно и что, при всемъ желаніи, онъ ничего для молодого человѣка сдѣлать не можетъ.

— Стало быть,—прибавилъ онъ,—вамъ остается только приводить въ исполненіе всѣ ваши угрозы! Но что изъ этого воспослѣдуетъ—еще неизвѣстно! Недаромъ я столько лѣтъ на службѣ лямку тяну и не въ такихъ передѣлахъ уже бывалъ и выпутывался! Я, со своей стороны, готовъ былъ пойти съ вами на мировую и устроить то, что вы просили. Но, если генералъ не хочетъ этого ни за что, то я не виноватъ, а вы дѣлайте теперь, что хотите!

Горсту, оставалось, разумѣется, только одно, получить деньги, обѣщанныя ему Ѳедосьей Ивановной, отправиться въ „Симеоново“, а затѣмъ вмѣстѣ съ Аришей куда-нибудь скрыться и какъ-бы пропасть безъ вѣсти.

Побывавъ еще разъ у Ѳедоськи, онъ снова заговорилъ о подрядчикѣ и о деньгахъ ему необходимыхъ, и Ѳедоська повторила ему, что деньги, какія нужно, дастъ.

— Когда нужно будетъ, приходи и бери!

Горстъ хотѣлъ ихъ взять тотчасъ-же, но Богъ вѣсть почему рѣшилъ, что возьметъ ихъ тогда, когда будетъ уже вмѣстѣ съ Аришей на окраинѣ города и въ сборахъ къ бѣгству.

На другой-же день онъ тайно отправился въ „Симеоново“, чтобы окончательно переговорить съ Аришей и рѣшить, когда имъ бѣжать.

XIX.

Между тѣмъ, въ тотъ-же день, но уже вечеромъ въ темную ночь, въ квартиру Ѳедосьи Ивановны постучались. Незнакомый горничной господинъ, пришедшій пѣшкомъ, велѣлъ доложить г-жѣ Кизильташевой, что нѣкто явился къ ней по дѣлу, важному и неотложному.

Ѳедоська, у которой иногда подобные внезапные и ей неизвѣстные гости появлялись, нисколько не удивилась и приказала просить гостя въ гостиную. Сама она, уйдя въ спальню, быстро перемѣнила платье, принарядилась, повертѣлась у зеркала, а затѣмъ вышла въ гостиную, уже никакъ не ожидая увидѣть того, кто предсталъ предъ ней... Правитель дѣлъ канцеляріи намѣстника, котораго она уже давно не видала!

При видѣ его Ѳедоська не только удивилась, но отчасти и оробѣла.. На это были особыя причины. Недавно прошелъ слухъ и достигъ до нея, что Абдурраманчиковъ собирается выслать ее и изъ города, и изъ предѣловъ намѣстничества, и не ради мести, такъ какъ онъ, не видая ея, все-таки относился къ ней попрежнему дружелюбно, а сынъ его Петръ, считая Ѳедоську другомъ, раза два былъ у нея.

Увѣряли, будто намѣстникъ хочетъ поступить такъ исключительно ради того, чтобы въ городѣ не имѣли права говорить, что и у него есть предметъ, какой былъ у Звѣрева. Если будутъ какіе-либо поборы или взятки, то общество, отчасти враждебно настроенное къ Абдурраманчикову, не преминетъ клеветать на него. Станутъ говорить, что поборы совершаются прежней возлюбленной Абдурраманчикова и, конечно, какъ въ ея пользу, такъ и въ пользу намѣстника.

Ѳедоська, желая узнать правду, вызвала къ себѣ Петра Абдурраманчикова, но молодой человѣкъ отвѣтилъ ей, что быть не можетъ, такъ какъ отецъ строго запретилъ ему всякія съ ней сношенія. На вопросъ Ѳедоськи черезъ посланнаго, можетъ-ли она явиться къ намѣстнику сама, Петръ отвѣчалъ, что ни подъ какимъ видомъ дѣлать этого не слѣдуетъ.

И вотъ теперь Ѳедоська была убѣждена, что Галуша является къ ней по приказанію Абдурраманчикова, чтобы частнымъ образомъ попросить ее собраться покинуть городъ.

Галуша сразу замѣтилъ, что Ѳедоська растерялась и оробѣла.

— Не пугайтесь, Ѳедосья Ивановна,—сказалъ онъ,—я не по худому дѣлу зашелъ къ вамъ. Если я пришелъ пѣшкомъ и ночью, какъ-бы тайкомъ, то потому собственно, чтобы о моемъ посѣщеніи не было разговоровъ, чтобы меня никто не видѣлъ. Дѣло мое важное, но не худое.

— Гнать меня хотите?—выговорила Ѳедоська рѣшительно.

— Куда?

— Куда? Вѣстимо! Романъ Романовичъ хочетъ меня выгнать изъ города, чтобы не говорили, что я такими-же дѣлами занимаюсь, какъ звѣревская шведка. Грѣхъ это ему! Я не изъ такихъ, его всегда почитала. Думала, онъ умный и добрый. Развѣ можно человѣка безвинно наказывать только изъ-за того, чтобы люди не болтали и не лгали? Меня онъ выгонитъ, другое что на него налгутъ.

Галуша замахалъ на нее руками.

— Полноте! Полноте! Успокойтесь! Садитесь и слушайте! У меня важное дѣло... Васъ выгонять изъ города никто и не собирается: ни генералъ, ни я. Все это—болтовня городская... Я къ вамъ съ спросьбой! И вотъ, если вы эту просьбу исполните, то не только васъ выгонять изъ намѣстничества не будутъ, а, напротивъ того, вы, какъ-бы сказать, въ пущемъ фаворѣ окажетесь. Это я вамъ говорю чуть не по порученію самого генерала. Хотите ли вы говорить со мной совсѣмъ откровенно?

— Понятно! Но о чемъ, Ѳома Ѳомичъ?

— О чемъ-бы то ни было, только откровенно! Коли вы будете хитрить, ничего не выйдетъ; а будете правду сказывать, только одно хорошее для васъ выйдетъ.

— Что-же, Ѳома Ѳомичъ? у меня ничего скрытаго нѣтъ; вся жизнь на ладони.

— Ну, вотъ я буду спрашивать, а вы отвѣчайте. И правду! Первое дѣло скажите, любите ли вы Горста?

Ѳедоська, удивленная немножко, шире раскрыла глаза и, разсмѣявшись, отвѣтила:

— Да вамъ-то что-же до этого?

— Этакъ, Ѳедосья Ивановна, разговаривать нельзя! Это будетъ бесѣда, ведомая по-бабьи. Отвѣчайте прямо на мой вопросъ: любите вы Горста?

— Вѣстимо, люблю!

— И давно это?

— Да ужъ порядочно!

— И шибко его любите?

— Да, пожалуй, что и шибко!—разсмѣялась Ѳедоська.

— Если онъ васъ вдругъ да броситъ? Что тогда?

— Зачѣмъ? Богъ съ вами! Что вы? Зачѣмъ?

И лицо Ѳедоськи перестало быть улыбающимся... Тѣнь недоумѣнія и грусти набѣжали на него.

— Почему ему бросать меня?

— По самой простой причинѣ, Ѳедосья Ивановна! Влюбится въ другую и захочетъ женится.

Наступило молчаніе. Ѳедоська приглядывалась пристально къ лицу Галуши и, наконецъ, спросила:

— Вы что-нибудь, стало-быть, знаете?

— Знаю, Ѳедосья Ивановна.

Глаза Ѳедоськи блеснули ярче, и она слегка перемѣнилась въ лицѣ.

— Такъ говорите, что знаете!—произнесла она нѣсколько упавшимъ голосомъ.

— Вашъ Горстъ влюбленъ по-зарѣзъ и хочетъ жениться!

Ѳедоська колебалась, повѣрить-ли ей заявленному. Но вдругъ она вспомнила, что Горстъ просилъ у нея денегъ, и ахнула.

— Такъ вотъ зачѣмъ онѣ ему нужны! — воскликнула она вслухъ.—Понимаю!

Она заплакала, а затѣмъ выговорила:

— Говорите, Ѳома Ѳомичъ. Все сказывайте!

— Извольте, все разскажу! Только съ однимъ условіемъ!—твердо и сурово вымолвилъ Галуша.—Услуга за услугу. И у меня будетъ до васъ просьба. Горстъ влюбился въ прежнюю княжну, а теперь крестьянку Татеву, а дѣвица тоже влюбилась въ него. Прежде, конечно, его-бы просто прогнали Татевы, а теперь дѣло иначе обстоитъ. Теперь мужичкѣ Татевой большая честь выйти за чиновника Горста. И вотъ въ скоромъ времени они будутъ вѣнчаться. А помѣшать этому нельзя.

— О, Господи!..—воскликнула Ѳедоська.—Да какъ-же это? Неужели онъ такой ехидный?

— Слушайте дальше, Ѳедосья Ивановна! Бракъ этотъ можетъ разстроиться, будетъ запрещенъ самимъ генераломъ, но пока отъ него самого ничего не зависитъ. Есть другая особа, отъ которой все зависитъ, зависитъ помочь генералу.

— Кто же такой?

— Не кто такой, а кто такая! Все зависитъ отъ Ѳедосьи Ивановны Кизильташевой! Да-съ. Отъ васъ зависитъ! Слушайте! Давалъ-ли вамъ когда-либо Горстъ что-нибудь на сохраненіе? Что-нибудь изъ своего имущества? Ну, хоть-бы сказать, бумаги какія?

— Давалъ!

Лицо Галуши просіяло, и онъ воскликнулъ:

— Гдѣ-же онѣ?

— Не знаю! Были у меня, а потомъ онъ обратно ихъ взялъ.

— Взялъ?

— Взялъ.

— И гдѣ-же онѣ теперь?

— А это мнѣ неизвѣстно.

И, во сколько лицо Галуши сіяло за мгновеніе, во столько-же потемнѣло теперь.

— Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, что это были за бумаги?

— Да ихъ немного было, Ѳома Ѳомичъ! Помню только одно: такъ, маранье какое-то.

Галуша далъ еще нѣсколько вопросовъ, на которые Ѳедоська отвѣчала, и для него выяснилось вполнѣ, что въ числѣ бумагъ, находившихся временно у Ѳедоськи, были именно черновые листы промеморіи.

— Скажите,—волнуясь, спросилъ онъ,—не можете-ли вы какими ни-на-есть путями добыть опять къ себѣ эти бумаги?

— Трудно, Ѳома Ѳомичъ! Онъ спроситъ — зачѣмъ? Что-же я скажу?

— Да, правда! Не дастъ! — выговорилъ Галуша, помолчавъ.—Ну, тогда простите за безпокойство.

И, вставъ, Галуша прибавилъ вслухъ:

— Все ухнуло! Даже хуже... Подтвердилось все, что было одной догадкой.

— Да, ужъ именно все ухнуло! — отвѣтила Ѳедоська, понявъ это слово по-своему.

И, видя, что Галуша собирается прощаться, она воскликнула:

— Бога ради, Ѳома Ѳомичъ, посовѣтуйте. Что-же мнѣ-то дѣлать? Я, вѣдь, ничего не поняла! Если-бы эти бумаги были у меня, то Горстъ не могъ-бы жениться на Татевой?

— Конечно, не могъ-бы!—рѣшительно солгалъ Галуша.—Но почему—это долго разсказывать. Да и не стоитъ того! Ну, а теперь его обвѣнчаютъ.

Галуша пожалъ плечами, соображая, что его выдумка была теперь и не нужна.

— По всей вѣроятности, обвѣнчаютъ!—прибавилъ онъ.—Изловчитесь достать у Горста опять эти бумаги, ну, тогда ему не жениться.

— Да это-же невозможно! Не дастъ онъ ихъ, Ѳома Ѳомичъ!

— Ну, а больше мнѣ и сказывать вамъ нечего! Прощайте!

И Галуша вышелъ изъ квартиры Ѳедоськи, не подозрѣвая, какой ударъ онъ нанесъ Горсту.

Ѳедоська, оставшись одна, повторяла на всѣ лады, обливаясь слезами:

— Такъ вотъ зачѣмъ ему деньги! Обманывая меня, онъ хотѣлъ еще и за мой счетъ свадьбу играть. Просто злодѣйство!

Галуша, съ своей стороны, вернувшись домой, сталъ обсуждать опасность своего положенія и понемногу убѣдилъ себя, что дѣла его уже не такъ плохи. И онъ окончилъ разсужденьемъ, какъ-бы сдѣлавъ сводъ всѣхъ обстоятельствъ:

— Я написалъ промеморію, помнится, листа въ два со страницей, а писарь переписалъ. На сей страницѣ дите Антонъ Семеновичъ подписался. Я написалъ другую промеморію, продерзостнѣйшую, листахъ на четырехъ, подогнавъ содержаніемъ и словами къ страницѣ съ подписью князя. Тотъ же писарь переписалъ и почеркъ одинаковъ. Но мои-то черновыя у этого мерзавца. Такъ что-же? Развѣ нельзя сказать, что малограмотный князь самъ поручилъ мнѣ сочинить промеморію, а переписанную подписалъ. Вѣдь, онъ-то не въ живыхъ!

XX.

Въ „Симеоновѣ“, въ домѣ и во всей усадьбѣ было особенное оживленіе съ ранняго утра. Обѣ дѣвицы Татевы, которыхъ и вся ихъ бывшая дворня, и всѣ ихъ бывшіе крѣпостные рабы продолжали звать княжнами и барышнями, должны были послѣ полудня вѣнчаться.

Эти оба брака показались-бы еще не такъ давно полнымъ безсмысліемъ, безобразіемъ, неслыханнымъ и невиданнымъ дѣломъ. Теперь тоже не казалось оно дѣломъ простымъ. Однако, всѣ такъ давно привыкли, давно ожидая, что два мужика симеоновскихъ сдѣлаются мужьями двухъ княженъ, что вся усадьба оживилась.

Передъ полуднемъ въ домѣ, въ средѣ семьи была радость. Въ „Симеоново“ пріѣхалъ нежданно и негаданно Гаврикъ, котораго вся семья давно не видала. Явился онъ съ разрѣшенія Абдурраманчикова.

Гаврикъ былъ радъ за сестру Катюшу, которая выходила замужъ за дворового человѣка, ихъ прежняго крѣпостного, но такого, какихъ было мало не только въ намѣстничествѣ, да и на всей Руси. Терентій съ дѣтства былъ близкимъ человѣкомъ, почти настоящимъ пріятелемъ ихъ всѣхъ, и, будучи красивымъ, умнымъ и одареннымъ малымъ, былъ менѣе похожъ на дворового слугу, чѣмъ сами Татевы.

Кромѣ того, всѣ догадывались и прежде, а теперь знали навѣрное, что Терентій, несмотря на свое положеніе крѣпостного садовника, питалъ къ Катюшѣ чувство, плохо похожее на дружбу. Катюша давно всячески скрывала свое чувство къ Терентію, но Гаврикъ болъше другихъ зналъ многое и догадывался.

Зато свадьба старшей сестры Ариши была невѣроятна. Гаврикъ тотчасъ-же объяснилъ братьямъ и сестрамъ, что всячески умолялъ Абдурраманчикова не выдавать ее за Агаѳона, но встрѣтилъ въ немъ такое озлобленіе къ Аришѣ, какъ если-бы она была его злѣйшій врагъ.

Семенъ Антоновичъ вскорѣ-же увелъ Гаврика къ себѣ и передалъ ему то, что случилось между Абдурраманчиковымъ и Аришей, чтобы объяснить ему, откуда проистекаетъ месть. Гаврикъ ахнулъ и выговорилъ:

— Полно! Правда-ли это?

Но, не дождавшись отвѣта брата, онъ понурился и вздохнулъ. Зная близко Абдурраманчикова, онъ понялъ, что все разсказанное братомъ—истинная правда.

Гаврикъ зналъ, что у этого Рома Романовича, добрѣйшаго, честнѣйшаго, хорошаго отца, добраго помѣщика, никогда не позволявшаго себѣ ни единой малѣйшей жестокости по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ, есть одинъ порокъ, заставляющій его дѣлать худыя дѣла, толкающія его на дурные поступки. Изъ-за этого порока началась и вражда двухъ семействъ послѣ исторіи съ ѳедоськой. Изъ-за этой ссоры онъ никогда-бы не женился на Елизаветѣ, если-бы не чрезвычайное происшествіе, которое теперь, будучи наказаніемъ для всѣхъ, ему принесло счастье.

Около полудня оживленіе въ „Симеоновѣ“, въ усадьбѣ и на селѣ, усилилось. Всѣ были на ногахъ.

Вѣнчаніе было назначено въ два часа. И, несмотря на то, что женились простые холопы на прежнихъ своихъ помѣщицахъ и княжнахъ, лица толпы народа, собравшагося во дворѣ, были веселы. Все-таки празднество! Все-таки двѣ свадьбы „играютъ“.

Но затѣмъ, послѣ полудня, вдругъ начался какой-то переполохъ въ домѣ...

Всѣ Татевы, даже нѣмая Марфа, ходили съ изумленными лицами, и, наконецъ, Рафушка первый сказалъ, въ чемъ дѣло. Одна изъ двухъ невѣстъ, которую собирались уже одѣвать къ вѣнцу, не оказывалась дома. Посылки людей въ садъ и на село не привели ни къ чему... Ариша какъ въ воду канула.

Такъ какъ вмѣстѣ съ ней исчезъ, еще поутру пившій чай со всѣми вмѣстѣ, новый пріятель Горстъ, то дѣло выяснялось. Никто не заикнулся о предположеніи, что Ариша съ отчаянія утопилась. Не будь обстоятельства, что и Горстъ пропалъ, конечно, прежде всего подумали-бы, что дѣвушка наложила на себя руки.

Вскорѣ переполохъ въ домѣ перешелъ и во дворъ, гдѣ собрались крестьяне, перешелъ и на село. И всѣ ахали и волновались. Казалось, что только одинъ человѣкъ на все „Симеоново“ спокойно отнесся къ происшествію. Это былъ

одинъ изъ двухъ жениховъ — дуракъ Агаѳонъ. Узнавъ, что случилось, Агаѳонъ отозвался, глуповато ухмыляясь:

— Сбѣжала? Ну, что-же, Христосъ съ ей! Она все сказывала мнѣ: удавлюсь, либо тебя удавлю. И вдругъ-бы, помилуй Богъ, да меня удавила. Ужъ лучше пущай бѣгаетъ. Такъ-то лучше обоимъ.

Разумѣется, тотчасъ-же возникъ вопросъ, вѣнчать-ли Катюшу съ Терентіемъ? Какъ старшій въ семьѣ, Семенъ Антоновичъ обратился съ этимъ вопросомъ къ начальнику Временнаго отдѣленія.

Полянскій трусливо заявилъ, что онъ проситъ оставить его въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ въ сторонѣ, такъ какъ до него касается только опись имущества. Но онъ прибавилъ, однако, что, по его мнѣнію, если семья желаетъ вѣнчанія Екатерины Антоновны, то бѣгство Арины Антоновны не можетъ этому препятствовать.

Чрезъ нѣсколько времени церковь была уже переполнена народомъ. Происходило вѣнчанье. И никому, казалось, не шло на умъ послать погоню за исчезнувшей другой невѣстой. А если кто и думалъ объ этомъ, то, конечно, молчалъ.

Арина Саввишна отказалась явиться на бракосочетаніе и, сидя у себя, волновалась на столько, что даже прилегла на кровати. Рѣдко случалось подобное съ крѣпкой духомъ и тѣломъ старухой. Казалось, что и ее, наконецъ, надломило все, что совершилось и совершается...

„Дворянство могутъ вернуть“, — мысленно разсуждала Татева, — „а замужество иное дѣло... Дочь мужичка, уже навсегда... Это не поправишь. Терентья въ дворяне не пожалуютъ... Дѣти пойдутъ... Цѣлый родъ мужичій!“

Помимо вѣнчанья младшей внучки, старуха волновалась и потому, что знала о побѣгѣ старшей. Съ этой что-же будетъ?!. Пожалуй, еще худшее. Абдурраманчиковъ — лихой человѣкъ, на все способенъ, когда мстить начнетъ.

Между тѣмъ, пока Катюша и Терентій стояли предъ аналоемъ, Ариша съ Горстомъ уже были далеко отъ „Симеонова“. Подъ вечеръ они достигли города.

Не будь нужды въ деньгахъ, которыя можно было взять только у Ѳедосьи Ивановны, Горстъ, конечно, предпочелъ-бы миновать городъ, но онъ надѣялся, что, взявъ деньги у прежней своей возлюбленной, онъ до разсвѣта двинется уже далѣе, куда-бы то ни было. Лишь-бы въ такое мѣсто—городъ ли, село ли,—но гдѣ можно подкупить попа повѣнчать безъ документовъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ, оставивъ Арину на постояломъ дворѣ, на окраинѣ города, Горстъ отправился къ Ѳедоськѣ, стараясь казаться спокойнымъ. Но въ ту минуту, когда онъ вошелъ и увидѣлъ Ѳедоську, онъ невольно поблѣднѣлъ. Онъ понялъ, что все пропало.

— Спасибо!—крикомъ встрѣтила его женщина и тотчасъ-же расплакалась; а затѣмъ объяснила, что все знаетъ отъ Галуши.

Горстъ молчалъ, какъ убитый. Говорить было нечего.

Онъ думалъ и повторялъ мысленно лишь одно слово:

„Денегъ нѣтъ. Стало быть, мы въ западнѣ".

XXI.

Въ семьѣ Абдурраманчиковыхъ не было прежняго согласія, прежнихъ мира и довольства, искренности и горячности отношеній между отцомъ и дѣтьми.

Причиной явилось, конечно, то, что любимецъ и женихъ, все-таки, былъ роднымъ братомъ преслѣдуемой дѣвушки.

Гаврикъ, вернувшись изъ „Симеонова", не счелъ возможнымъ умолчать объ исчезновеніи старшей сестры. Онъ сказалъ это прежде всѣхъ Елизаветѣ, которая рѣшила, что надо посовѣтоваться съ братомъ и, если онъ найдетъ необходимымъ тотчасъ извѣстить объ этомъ отца, то нужно такъ и поступить.

Гаврикъ былъ другого мнѣнія и говорилъ:

— Этакъ я въ доносчики попаду.

Однако, онъ долженъ былъ уступить, такъ какъ Петръ Абдурраманчиковъ рѣшилъ, что надо сейчасъ-же сказать все отцу. Къ ихъ большому удивленію, Абдурраманчиковъ страшно разсердился и, ни слова не сказавъ, пошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Черезъ часъ молодые люди узнали, что онъ приказалъ поставить на ноги всю полицію, а ровно разослать сыщиковъ по всему намѣстничеству, обѣщая большія деньги въ награду тому, кто схватитъ и доставитъ ему бѣглецовъ.

Дѣтямъ Абдурраманчиковъ объяснилъ свой гнѣвъ тѣмъ, что молодой чиновникъ его канцеляріи посмѣлъ пренебречь его строжайшими приказаніями и дѣйствуетъ на перекоръ его волѣ. Однако, на вопросъ дѣтей, за что онъ хочетъ обвѣнчать Аришу съ такимъ уродомъ и дуракомъ, какъ Агаѳонъ, Абдурраманчиковъ не зналъ что отвѣчать. Сознаться въ желаніи мщенія онъ не хотѣлъ и, кромѣ того, предполагалъ, что Гаврику ничего неизвѣстно.

На слѣдующее утро оказалось, что разсылка сыщиковъ по намѣстничеству представляется совершенно не нужною.

Благодаря ревности и злобѣ Ѳедоськи, правитель канцеляріи и чрезъ него тотчасъ-же и самъ намѣстникъ первые узнали, что бѣглянка скрывается въ самомъ городѣ вмѣстѣ съ Горстомъ. Въ полдень Ариша была уже арестована и засажена въ полицейскомъ домѣ.

Гаврикъ былъ настолько пораженъ этимъ извѣстіемъ, что совершенно потерялся. Въ немъ даже случился какъ-будто какой-то переворотъ. Онъ сталъ высказывать Петру и своей нареченной такія сужденія, что они были и изумлены, и опечалены, а между тѣмъ втайнѣ они сочувствовали Гаврику и не оправдывали отца.

И началась какая-то странная, на половину тайная разладица между отцомъ, его двумя дѣтьми и женихомъ.

— Все такъ запуталось, перепуталось,—говорилъ Гаврикъ печально,—что я ужъ и не знаю, возможенъ-ли нашъ бракъ? Какъ же это такъ? Романъ Романовичъ жестокосердно наказуетъ моихъ кровныхъ, самыхъ близкихъ родныхъ, онъ—ихъ лютый врагъ, а я долженъ быть его зятемъ... Что-то выходитъ неладное, путаное! Этакъ счастья не будетъ!

Петръ пробовалъ оправдывать отца, говоря, что онъ, какъ намѣстникъ и должностное лицо, исполняетъ указъ свыше. Гаврикъ на это справедливо замѣчалъ, что намѣстнику было приказано вѣнчать Татевыхъ съ крестьянами и крестьянками, а между тѣмъ Романъ Романовичъ женитъ его, крестьянина Гаврилу Татева, на дворянкѣ, а Аришу выдаетъ по особливому выбору за самаго безобразнаго обитателя „Симеонова“ будто на смѣхъ или по злобѣ.

— Онъ не вышній указъ исполняетъ!—говорилъ Гаврикъ.— Онъ его обходитъ или-же усугубляетъ въ худшую сторону. Онъ озлобленъ на Аришу. А за что—и сказать-то стыдно.

— Какъ стыдно?!—воскликнули вмѣстѣ и Петръ, и Елизавета.

— Да такъ...

И ввечеру Гаврикъ, оставшись наединѣ съ Петромъ, разсказалъ ему все, что узналъ. Петръ былъ крайне смущенъ и не нашелъ ничего отвѣтить. На утро онъ сталъ просить отца ради Гаврика смиловаться надъ Аришей, но Абдурраманчиковъ и слышать не хотѣлъ. И, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни онъ рѣзко обошелся съ сыномъ, говоря, чтобы онъ не смѣлъ впутываться въ его намѣстническія дѣла.

И въ семьѣ наступила уже явная разладица. Женихъ съ невѣстой, вмѣсто того, чтобы быть счастливыми, ходили унылые, а Елизавета часто плакала у себя въ комнатѣ. Гаврикъ все чаще, упорнѣе и тверже сталъ объяснять, что, несмотря на свою давнишнюю, страстную привязанность, онъ считаетъ нечестнымъ согласиться на бракъ при такихъ условіяхъ.

— Пускай Романъ Романовичъ и меня вмѣстѣ съ братьями и сестрами душитъ!—восклицалъ онъ.

Наконецъ, Гаврикъ сталъ окончательно собираться уѣзжать изъ города въ „Симеоново“, на село, а оттуда прислать прошеніе на имя намѣстника, чтобы его женили, какъ предписываетъ указъ, на простой крестьянкѣ съ села. Елизавета уго-

варивала жениха, сказывая, что, можетъ быть, еще все перемелется, что отецъ смилуется и бракъ Ариши съ Агаѳономъ не состоится.

— Если Аришу повѣнчаютъ съ этимъ идоломъ, то великая бѣда приключится,—сказалъ Гаврикъ, не выдержавъ.—Она сказываетъ, что либо на себя самое руки наложитъ, либо его умертвитъ!

Абдурраманчиковъ, между тѣмъ, волновался пуще дѣтей, но ничего не могъ подѣлать съ самимъ собой. Одна главная черта характера преобладала въ немъ надъ остальными, но это было нѣчто не прирожденное, а какъ-бы усвоенное. Умный человѣкъ, видавшій вокругъ тебя крайнее слабоволіе въ людяхъ и уступчивость, граничащую съ трусостью, онъ рѣшилъ когда то, что надо мужчинѣ, себя уважающему, отличаться стойкостью характера. Онъ постарался воспитать въ себѣ это свойство, но собственно обманулъ самъ себя. Въ немъ была не стойкость, а было просто упрямство. И всего сильнѣе сказывалось это упрямство въ достиженіи разъ возникшей прихоти, хотя-бы разсудокъ и не оправдывалъ необходимости и законности ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ менѣе была прихоть достижима, тѣмъ болѣе упрямо, безъ разбора средствъ, стремился Абдурраманчиковъ къ осуществленію ея. И много треволненій явилось въ жизни его, которыхъ-бы не было, если-бы не упрямство. Да и репутація его была-бы иная. Про него не говорли-бы, что онъ—дурной человѣкъ, такъ какъ, помимо нѣсколькихъ капризовъ, изъ-за которыхъ онъ надѣлалъ много нелѣпаго—ничего худого про него сказать было нельзя. Человѣкъ умный, добрый и справедливый, онъ отлично понималъ самъ и чувствовалъ, что онъ самъ себѣ врагъ.

— Взбалмошный я!—самъ себя опредѣлялъ, но пассивно.

Теперь его исторія съ Аришей становилась ему самому въ тягость. Онъ себя осуждалъ, самъ не радъ былъ, что затѣялъ эту канитель, но отступить не могъ. Онъ видѣлъ разладицу, которую его прихотничество внесло въ семью, сдѣлало несчастными, не только недовольными, дѣтей и Гаврика, и не зналъ, какъ выпутаться, какъ выйти изъ затрудненія. Выходъ былъ одинъ, и онъ отлично зналъ его: перестать преслѣдовать Аришу. Но, зная этотъ выходъ, онъ искалъ другихъ, которыхъ не было.

Разумѣется, Абдурраманчиковъ, зная давно и хорошо Гаврика, надѣялся, что у него, какъ и у всѣхъ Татевыхъ, отъ слова до дѣла далеко. И онъ не ошибся. Гаврикъ послѣ своихъ угрозъ уѣхать и отказаться отъ Елизаветы, сталъ только чаще плакать, поддался утѣшеніямъ и разсужденіямъ невѣсты и ничего не предпринималъ. Впрочемъ, ради предосторожности отъ него скрывали судьбу сестры.

Черезъ три дня послѣ захвата Ариши въ городѣ, она, какъ-бы подъ конвоемъ писца изъ канцеляріи, была увезена и доставлена въ „Симеоново". Вмѣстѣ съ тѣмъ, писецъ привезъ приказаніе Полянскому, немедленно привести въ исполненіе приказъ о бракосочетаніи крестьянки Арины Татевой съ крестьяниномъ, назначеннымъ ей въ мужья. Одновременно Горстъ былъ исключенъ со службы. Больше рѣшительно ничего нельзя было съ нимъ сдѣлать, или Галуша побоялся...

По возвращеніи Ариши въ усадьбу, все уже знавшая, Арина Саввишна и, даже, братья были обрадованы. Такое невѣроятное дѣяніе, какъ бѣгство Богъ вѣсть въ какую даль, все-таки казалось имъ дѣломъ страшнымъ. А затѣмъ они были того мнѣнія, что Абдурраманчиковъ поступилъ еще довольно мягко, вернувъ Аришу назадъ. Вѣдь, онъ могъ распорядиться иначе! Онъ могъ приказать наказать ее, какъ простую мужичку.

— Вотъ, когда я собиралась было тебя сѣчь,—заявила Арина Саввишна,—такъ это было ничего. Я—твоя бабушка и срама тутъ-бы не было. А быть наказанной розгами по приказу пройдохи-чиновника—совсѣмъ иное дѣло! Да и потомъ мое наказаніе или какое-бы учинилъ здѣсь Полянскій, по приказу намѣстника, два дѣла разныя. Тебя-бы могли допороть до полусмерти!

Разумѣется, ввиду уже неизбѣжнаго вѣнчанія Арина Саввишна снова вызвала къ себѣ дуралея Агаѳона и позвала къ себѣ на помощь внука Семена. И снова начали они вдвоемъ не столько усовѣщевать, сколько пояснять Агаѳону, что онъ, повѣнчавшись, не долженъ все-таки считать себя законнымъ мужемъ Ариши.

Агаѳонъ, какъ и прежде, глупо тараща косые глаза и разѣвая огромный ротъ, соглашался на все и отвѣчалъ:

— Какъ-же можно-съ! Понимаю-съ! Все это я долженъ чувствовать.

По распоряженію Полянскаго, на другой-же день передъ олуднемъ, послѣ обѣдни, Агаѳонъ, котораго почище одѣли, т оялъ уже вмѣсѣ съ Аришей передъ аналоемъ. Но въ церкви никого не было. Явилась одна семья, и, конечно, въ ихъ числѣ Терентій и Катюша.

И вѣнчаніе это смахивало на отпѣваніе. Всѣ стояли грустные, убитые. Ариша была мертво-блѣдна, какъ-будто не сознавая, что происходитъ вокругъ нея. Во всякомъ случаѣ, ей казалось, что, если-бы ее постригли въ монахини, то ей было-бы стократъ менѣе страшно. Съ другой стороны, она, конечно, твердо рѣшила отстоять себя такъ или иначе.

Когда вѣнчаніе окончилось, Ариша, блѣдная, дрожащая, схватила мужа за воротъ кафтана, дернула и произнесла голосомъ, который, вѣроятно, получила по наслѣдству отъ бабушки:

— Помни, идолъ! Или я съ собой покончу, или тебя похерю! Помни хорошо! Вотъ тебѣ здѣсь въ храмѣ Божьемъ клятву даю!

Агаѳонъ ничего не отвѣтилъ, только тщетно старался направить на жену свои косые глаза. Онъ какъ-будто не понималъ сказаннаго или-же, слышавши это ужъ много разъ, считалъ какъ-бы дѣломъ давно порѣшеннымъ, о которомъ нечего и толковать.

Изъ храма молодые прошли прямо въ ту избу, которая была имъ предназначена. Братья, Мареа, а равно и Катюша съ Терентіемъ,—всѣ явились тоже и сѣли за столъ, яко-бы свадебный. Но всѣ были такъ убиты, что этотъ обѣдъ тоже казался скорѣй поминальнымъ послѣ похоронъ, нежели свадебнымъ.

Одновременно и Семенъ съ семьей переселился въ свою избу, а Арина Саввишна съ Рафушкой въ свою. Усадебный домъ опустѣлъ въ извѣстномъ смыслѣ. Въ немъ остались одни чиновники, и уже не было ни одного изъ тѣхъ, кому онъ принадлежалъ.

XXII.

Въ тотъ-же вечеръ Семенъ Антоновичъ былъ вызванъ къ Полянскому, который прямо поставилъ вопросъ о томъ, справедливъ-ли слухъ, до него дошедшій?

— Вы, яко-бы всѣ вмѣстѣ: и не только бабушка, но даже вашъ младшій братецъ Рафаилъ,—всѣ застращали Агаѳона и обязали его клятвой не считать себя настоящимъ супругомъ.

Семенъ, взятый врасплохъ, не зналъ, что сказать, и своимъ смущеніемъ только доказалъ, что слухъ, достигнувшій до Полянскаго, справедливъ.

— Вотъ видите-ли, Семенъ Антоновичъ,—заявилъ Полянскій,—въ качествѣ начальника Временнаго отдѣленія, я долженъ заниматься здѣсь только описью вашей вотчины и вашего имущества, и другія дѣла, собственно, до меня не касаются, Однако, все-таки я считаю долгомъ послать объ этомъ донесеніе господину намѣстнику, чтобы потомъ не попасть въ отвѣтъ за то, что скрылъ отъ него мнѣ извѣстное. Что вы на это скажете?

Семенъ растерялся, оробѣлъ и, помолчавъ, могъ только выговорить:

— Не губите сестру! Такое дѣло, вѣдь, никому извѣстнымъ стать не можетъ. Уговоръ промежъ насъ былъ съ Агаѳономъ, и онъ никому неизвѣстенъ. Я не знаю, какъ вы это узнали?

— Ну, тамъ какъ я узналъ—это мое дѣло. А только я говорю, что долженъ донести объ этомъ. Впрочемъ, если пожелаете вы, то я промолчу. Но тогда въ отплату вы мнѣ сдѣлайте маленькое одолженіе.

— Что прикажете?—отозвался Семенъ обрадовавшись.

— Самое пустое!

Полянскій въ числѣ многихъ бумагъ, лежащихъ у него на столѣ, досталъ одну и подалъ ему.

— Вотъ здѣсь,—объяснилъ онъ, — прописаны кое-какіе предметы, кои должны-бы были находиться у васъ и коихъ мы не нашли; почему—не знаю. Можетъ быть, ваша бабушка, прежде чѣмъ мы пріѣхали, уже успѣла вывезти ихъ и скрыть, чтобы они не были описаны и конфискованы. Это мнѣ неизвѣстно. Знаю только одно, что всѣ эти вещи должо-бы быть налицо, а ихъ нѣтъ. И вотъ, не желая въ случаѣ чего итти въ отвѣтъ, я васъ и попрошу подписать то, что вотъ тутъ внизу сказано. Вы пишете?

— Кое-какъ могу-съ!

— Читать тоже можете?

— Могу-съ!

— Ну, вотъ прочтите! Тутъ вотъ списокъ подъ номерами тѣхъ вещей, которыхъ мы нигдѣ не нашли, хотя-бы имъ быть слѣдовало. Весь списокъ этотъ читать вамъ не къ чему, не стоитъ того, а вотъ послѣднія строчки прочтите!

Полуграмотный Семенъ началъ читать съ нѣкоторымъ трудомъ и по складамъ, хотя почеркъ былъ ясный и даже красивый. Онъ прочелъ:

„Свидѣтельствомъ и подписомъ моимъ удостовѣряю, что нѣкоторыя изъ вышеписанныхъ вещей, на памяти моей никогда въ усадьбѣ не находились, а нѣкоторыя изъ нихъ на памяти моей были проданы, или раздарены бабушкой и родителемъ моимъ“.

— Поняли-ли вы?—спросилъ Полянскій.

— Понялъ-съ!

— Ну, вотъ теперь берите перышко и подписывайтесь! Да смотрите не ошибитесь! Вы еще хватите „князь Семенъ“, а вы пишите какъ слѣдуетъ: „крестьянинъ Семенъ Антоновъ Татевъ“.

Семенъ, собственно ничего не понимавшій, но желавшій только одного, чтобы Полянскій не выдалъ ихъ семейной тайны и не донесъ Абдурраманчикову о состоявшемся соглашеніи съ Агаѳономъ, подписалъ бумагу.

— Ну, вотъ-съ и прекрасно!—сказалъ Полянскій.—Покорнѣйше васъ благодарю!

Но едва только Семенъ вышелъ отъ подражателя или, вѣрнѣе, отъ ученика Галуши въ составленіи бумагъ, какъ Полянскій сѣлъ писать письмо на имя генерала Абдурраман-

чикова. Разумѣется, онъ объяснилъ начальнику, что считаетъ долгомъ донести о томъ, что узналъ: о застращиваніи Агаѳона семьей Татевыхъ.

Гонецъ выѣхалъ на другой день рано утромъ вмѣстѣ съ другими бумагами, а черезъ двое сутокъ Полянскій получилъ приказаніе немедленно снарядить въ городъ крестьянина Агаѳона.

Абдурраманчиковъ, получивши донесеніе Полянскаго, снова взбѣсился почти такъ-же, какъ когда узналъ о бѣгствѣ Ариши. Онъ могъ распорядиться заглазно, давъ грубое циничное приказаніе Полянскому, но ему хотѣлось видѣть лично того мужика, который, по докладу Горста, былъ самымъ глупымъ и дурнорожимъ изъ всего „Симеонова“. Абдурраманчиковъ, убѣдясь, что Горстъ собственно оказался человѣкомъ ненадежнымъ, начиналъ бояться, что и въ этомъ дѣлѣ онъ схитрилъ. Быть можетъ, Агаѳонъ вовсе ужъ не такъ глупъ и не такъ уродливъ.

И однажды утромъ передъ намѣстникомъ предсталъ тотъ, котораго звали „звѣриная мамка“. Абдурраманчиковъ остался совершенно доволенъ. При видѣ Агаѳона онъ даже расхохотался.

— Да, хорошъ!—выговорилъ онъ вслухъ.

При этомъ онъ даже убѣдился наглядно, что Агафонъ — исключительный дуракъ. Выписанный внезапно въ городъ и поставленный передъ самимъ намѣстникомъ невѣдомо по какому дѣлу, быть можетъ, для него страшному, Агаѳонъ оставался совершенно спокоенъ и равнодушенъ, какъ-бы положительно не сознавая, что съ нимъ творится.

Абдурраманчиковъ, однако, задумался на нѣсколько мгновеній, задавъ себѣ вопросъ.

„Какъ-же подѣйствовать на такого чурбана? Вѣдь, этакій пень неуязвимъ! Его не только убѣдить нельзя, но даже ничего и объяснить нельзя ему. Наконецъ, его и застращать нельзя, такъ какъ онъ и угрозъ не пойметъ“.

И Абдурраманчиковъ, подумавъ рѣшилъ, что не надо распространяться, что всякое толковое объясненіе и всякія подробности хуже запутаютъ мысли въ головѣ дурака. Нужно, чтобы онъ запомнилъ что-нибудь краткое. Нужно повторить ему нѣсколько разъ или втемяшить въ голову два-три слова.

— Слушай, Агаѳонъ! Тебя обвѣнчали съ бывшей барышней Ариной, такъ-ли?—спросилъ онъ.

— Такъ-съ!—отозвался Агаѳонъ.

— И ты долженъ быть ея мужемъ. И черезъ годъ нужно, чтобы у тебя былъ сынъ, либо была дочь. Коли этого не будетъ, то черезъ годъ прикажу я тебя привезти сюда и сначала велю тебѣ всыпать розогъ двѣсти, затѣмъ забрѣю лобъ и отдамъ въ солдаты. Понялъ-ли ты?

— Понялъ! — отвѣчалъ Агаѳонъ.

Но Абдурраманчиковъ тоже понялъ, что онъ ничего не сообразилъ, а потому снова повторилъ:

— Помни, если черезъ годъ не будетъ у тебя съ женой прижитъ младенецъ, то ты будешь въ солдатахъ.

Черезъ часъ послѣ этого разговора, Агаѳонъ снова трясся въ телѣгѣ, увозимый обратно въ „Симеоново“.

XXIII.

Прошло недѣли двѣ. Ариша жила въ избѣ съ бабушкой и сидѣла почти безвыходно... Агаѳонъ раза два-три послѣ возвращенія изъ города приходилъ къ нимъ, прося „допустить его къ княгинѣ и къ княжнѣ“, чтобы имъ доложить о дѣлѣ, то-есть о томъ, что приказалъ ему „главный генералъ“. Дуракъ будто боялся, что, не исполнивъ тотчасъ этого порученія и приказанія, онъ забудетъ обо всемъ. Разумѣется, его прогоняли, не пустивъ въ избу ни разу.

За это время, однажды поздно, въ полную темноту, въ избу Терентія явился Горстъ. Онъ пріѣхалъ повидаться съ Аришей и просилъ послать за ней.

Терентій самъ побѣжалъ тайкомъ позвать Аришу, но, къ удивленію ихъ всѣхъ, Ариша наотрѣзъ отказалась повидаться, объясняя съ горькими слезами:

— Скажи, что и безъ того не въ мѣру тяжко... А повидаюсь съ нимъ, то послѣ свиданія руки на себя наложу. Пускай уѣзжаетъ... пускай женится... пускай забудетъ все. Не суждено было!..

И Горстъ въ полномъ отчаяніи уѣхалъ, не повидавъ энергичную дѣвушку.

— Да и правда ея, — грустно рѣшилъ онъ. — Зачѣмъ видѣться? О чемъ говорить? Всему конецъ. Если не совсѣмъ, то надолго-долго. И что еще можетъ приключиться? Одному Богу извѣстно.

Такъ какъ всѣмъ на селѣ было хорошо извѣстно, что Ариша продолжаетъ упорствовать, оставаясь въ избѣ бабушки, то и Полянскій узналъ объ этомъ. И онъ снова побоялся оказаться въ отвѣтѣ въ дѣлѣ, которое прямо до него не касалось. Особенное озлобленіе намѣстника на Арину Антоновну, которую онъ изо всей семьи одну какъ-бы возненавидѣлъ, было Полянскому извѣстно, понятно изо всего. Даже бракъ ея съ такимъ дворовымъ, какъ Агаѳонъ, ясно доказывалъ это. Молчать въ такомъ дѣлѣ казалось ему опасно, такъ какъ намѣстникъ можетъ обозлиться и на него самого.

Полянскій нѣсколько разъ посылалъ въ избу Арины Саввишны одного изъ своихъ писцовъ съ совѣтомъ приказать внучкѣ жить въ своей избѣ съ Агаѳономъ. И, когда послѣ трехъ сутокъ его совѣтъ не былъ исполненъ, Полянскій снова послалъ сказать, что онъ сочтетъ долгомъ донести объ этомъ намѣстнику.

Затѣмъ, черезъ сутки, снова повторивъ черезъ посланнаго свое увѣщаніе и снова тщетно, Полянскій, спустя часъ, прислалъ сказать Аринѣ Саввишнѣ, что его донесеніе объ упорствѣ Арины Антоновны уже пошло съ гонцомъ въ городъ.

Въ тотъ-же день вечеромъ на селѣ произошла сумятица.

Народъ уже спалъ, но вдругъ поднялся, и на улицѣ собралось до полусотни человѣкъ, которые окружили новую избу, выстроенную для Агаѳона съ женой.

Кто-то кому-то заявилъ, прибѣжавши, что „Агаѳонъ оченно кричитъ". Первые, пришедшіе въ избу, нашли дурака лежащимъ среди пола въ корчахъ. Онъ страшно стоналъ, дергался и настолько измѣнился въ лицѣ, что, несмотря на его уродство, отличавшее его ото всѣхъ, его было даже трудно узнать.

Понемногу горница переполнилась народомъ. Все, что сходилось на улицѣ, тискалось тоже впередъ. Конечно, тотчасъ-же дали знать Аринѣ Антоновнѣ, и она, не бывавши уже сколько дней въ избѣ, тотчасъ прибѣжала. Войдя въ горницу, она съ ужасомъ поглядѣла на своего мужа.

— Что-же это такое?!.—воскликнула она.

И чрезъ нѣсколько мгновеній она ахнула, схватила себя за голову и вскрикнула:

— Господи, да, вѣдь, онъ кончается!..

Всѣ были поражены ея восклицаніемъ, такъ какъ знали, насколько она ненавидѣла этого человѣка.

— Господи, помилуй меня!.. — закричала снова Ариша.— Вѣдь, на меня скажутъ! На меня!..

И она бросилась изъ избы вонъ, пробѣжала снова по деревнѣ и, ворвавшись въ избу бабушки, объявила ей, что происходитъ. Арина Саввишна не двинулась, не сморгнула и холодно спросила:

— Ну, что-же?

— Кончается, бабушка! Видно, что кончается!

— Послали за Тимофеевной! Она — первая знахарка во всемъ краю.

Послали, бабушка! Ужъ поѣхали. Да когда-то она пріѣдетъ? А, по-моему, ему часа не прожить!

— Э, полно врать! Обожрался чего-нибудь.

— Бабушка, его узнать нельзя! Лицо другое... зеленое, мокрое!.. Хрипитъ не по-человѣчески, а по-звѣриному.

— Ну, что-же! Недаромъ и былъ „звѣриная мамка“, чтобы по-звѣриному кричать!—презрительно произнесла Арина Савишна.—Намъ-то что-же?

— Бабушка, да, вѣдь, на меня скажутъ!

— Что на тебя?

— Какъ „что?“ Скажутъ, что я его уходила!.. Вѣдь, я съ какихъ поръ ужъ все грозилась, что либо на себя руки наложу, либо его похерю... Вотъ и скажутъ!

— Ну, и пускай говорятъ!

— Какъ „пускай?“—вскрикнула Ариша.—Вѣдь, Абдурраманчиковъ за меня возьмется, какъ за убивицу. Поймите, бабушка! Что вы? Не хотите, что-ли, понять? Вѣдь, дѣло простое!

— Что-же, Ариша, ты сама сказывала, лучше въ Сибири тебѣ быть, чѣмъ женой Агаѳона.

Ариша ничего не отвѣтила и, будто застывъ, стояла истуканомъ передъ старухой. Черезъ нѣсколько мгновеній она повернулась, быстро выбѣжала изъ избы и побѣжала снова въ свою. Протиснувшись черезъ народъ, она хотѣла войти, но услыхала:

— Кончился, Арина Антоновна! Вотъ живо-то! Вотъ захватило-то! Лежитъ—не дышитъ.

Ариша протискалась въ избу и увидѣла на томъ-же мѣстѣ на полу совершенно скорченную фигуру, лежащую на боку, какъ если-бы Агафонъ спалъ самымъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ. Но достаточно было мелькомъ взглянуть на него, чтобы понять, что онъ, дѣйствительно, мертвъ.

— На меня скажутъ! На меня скажутъ!—выговорила Ариша отчаянно.—Голубчики, помогите! Не выдайте! Покажите!.. Будетъ допросъ, покажите правду!

— Не выдадимъ, барышня!—заголосили кругомъ нея.—Вотъ передъ Богомъ, не выдадимъ! Знамо дѣло, ты непричемъ! Самъ онъ что-нибудь съ собой сотворилъ.

— Вы знаете, что я изъ дома бабушки который день не выходила на улицу,—молила Ариша,—и онъ у насъ не бывалъ. Не пускали его. Какъ-же я могла что-либо сдѣлать? Заступитесь!

— Знаемъ, знаемъ, барышня!—снова загудѣли голоса со всѣхъ сторонъ.

— Всѣ за тебя въ отвѣтъ пойдемъ!

— Не выдадимъ!

— Мало что можно на человѣка зря взвести, но мы всѣ за тебя горой постоимъ!

Ариша вышла снова на воздухъ и хотѣла итти къ бабушкѣ, но вдругъ повернула въ другую сторону и шибко побѣжала къ дому брата Семена. Братъ попался ей навстрѣчу.

— Что такое?!. Правда-ли?!.—вскрикнулъ онъ.—Агаѳонъ захворалъ? Будто помираетъ?

— Сеня, голубчикъ, померъ уже! Померъ! Что со мной будетъ?—вскрикнула Ариша.

Семенъ Антоновичъ остолбенѣлъ при этомъ извѣстіи и, стоя передъ сестрой, молчалъ.

— Вѣдь, на меня скажутъ, Сеня! Что же теперь дѣлать?

— О, Господи!—произнесъ Семенъ Антоновичъ.—Что ни день, то бѣда хуже! И конца не видно. Вѣдь, это отравленіе! Вѣдь, я его видѣлъ тому часовъ пять на дворѣ. Здоровехонекъ былъ. Это отравленіе, Ариша!

— Кто же это? Зачѣмъ? Кому нужно?

— Понятно, на тебя скажутъ! Тебѣ одной его смерть нужна была, а что самъ онъ себя похерилъ, этого тоже нельзя сказать. Такой дуракъ не могъ на себя руки наложить. А то на Горста скажутъ...

Ариша вскрикнула, схватила себя за голову, но чрезъ мгновеніе выговорила твердо:

— Нѣтъ. Не правда! Не повѣрю! На такое онъ не пойдетъ. Легко на словахъ... какъ я вотъ... А на дѣлѣ?.. Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

XXIV.

Вѣсть о смерти простого мужика—урода и дуралея, достигнувъ города и намѣстническаго дворца, уподобилась удару грома. Казалось всѣмъ, что дѣло Татевыхъ принимаетъ новый оборотъ, болѣе серьезный, болѣе грозный. Арестованная Ариша была привезена въ острогъ.

— Не всему конецъ! Всему только начало!—заговорило дворянство, узнавъ о смерти и объ арестѣ.

Абдурраманчиковъ былъ пораженъ и отчасти оробѣлъ... Онъ точно такъ же отнесся къ дѣлу, почуялъ, что заваривается каша, которую расхлебать будетъ трудно. А главный расхлебыватель все-таки онъ же!

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Абдурраманчиковъ былъ и страшно озлобленъ. И злоба пересиливала смущеніе. Упрямый прихотникъ не выносилъ противорѣчія и противодѣйствія вообще... Но, чѣмъ мельче была личность, идущая ему наперекоръ, осмѣливающаяся бороться съ нимъ, тѣмъ болѣе озлоблялся онъ.

Что касается до Ариши, еще молодой дѣвушки, воспитанной въ глуши и особенно строго, благодаря суровости ея бабушки, вдобавокъ дѣвушки изъ семьи замѣчательно слабовольной, будто забитой, то онъ никогда, конечно, не могъ допустить и мысли, чтобы одна изъ овечекъ, какъ звалъ онъ всѣхъ Татевыхъ, можетъ оказаться энергичной личностью, способной на отчаянную борьбу.

Когда онъ обвѣнчалъ ее съ Агаѳономъ, онъ рѣшилъ, что дѣло кончено. Онъ отомстилъ. Прихоть брошена и должна быть забыта. Но вдругъ случилось нѣчто совершенно невѣроятное... Ариша, продолжая отстаивать себя, какъ-бы побѣдила его, но, разумѣется, безсмысленно и погубивъ себя. Тѣмъ не менѣе она временно одержала верхъ надъ нимъ, и борьба не окончилась, а будто начинается.

Абдурраманчиковъ былъ конечно увѣренъ, что Ариша сама отравила мужа и, по его мнѣнію, поступила нелѣпо, не только слѣдов[illegible]не замѣла, не только не схитрила, а дѣйствовала прямо, воочію, дерзко и смѣло, не жалѣя себя или же по-дѣтски наивно.

Между тѣмъ, приказавъ арестовать преступницу, привезти ее и засадить въ острогъ, Абдурраманчиковъ самъ не зналъ, что дальше дѣлать. До него доходилъ слухъ, что во всемъ городѣ ее сожалѣютъ и обвиняютъ во всемъ его самого, говоря, что онъ довелъ молодую дѣвицу до того, что она сдѣлалась преступницей.

— Малаго дитятю,—говорили въ городѣ дворяне,—можно довести до того, что оно на тебя съ ножемъ полѣзетъ. Кто-же тогда будетъ виноватъ? Дитя или злодѣи, дитя въ звѣря обратившіе?

Абдурраманчиковъ назначилъ строгое слѣдствіе, но, призвавъ къ себѣ одного изъ главныхъ чиновниковъ уголовной палаты, намекомъ далъ ему понять, что вовсе не желаетъ во что-бы то ни стало достигнуть обвиненія Арины Татевой. Онъ объяснилъ, что, если есть малѣйшая возможность доказать, что она не виновна, то онъ будетъ особенно доволенъ. Чиновникъ отвѣчалъ, что дѣло такое простое, не сложное, что, не доводя слѣдствія до конца, всякому видно, кто совершилъ преступленіе. Кромѣ жены—некому.

— Такъ-то такъ!—замѣтилъ намѣстникъ. — Но все-таки пожалуйста, разслѣдуйте точнѣйше. Можетъ быть, это и не она.

— Какъ изволите приказать!—отвѣтилъ чиновникъ двусмысленно.

— Нѣтъ, нѣтъ! Справедливость прежде всего!—отозвался Абдурраманчиковъ.

Между тѣмъ, помимо ропота и нѣкотораго озлобленія къ намѣстнику въ средѣ дворянъ, было и еще иное, что не только озабочивало, но и печалило Абдурраманчикова. Гаврикъ, котораго онъ съумѣлъ было успокоить, теперь узнавъ о бѣдѣ и о томъ, что сестра въ острогѣ городскомъ, пока онъ—ея братъ родной—спокойно проживаетъ въ намѣстническомъ дворцѣ, снова пришелъ въ отчаяніе, совсѣмъ потерялъ голову и ежедневно сталъ говорить своей невѣстѣ и Петру Абдурраманчикову, что надо порвать все, бросить и думать о бракѣ ихъ.

Гаврикъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ, какъ когда-то, когда бабушка собиралась женить его на воспитанницѣ генеральши Бокъ. Онъ почти не притрогивался къ пищѣ и почти не спалъ по ночамъ. Не только молодые Абдурраманчиковы, но и отецъ ихъ, испугались страшной перемѣны въ Гаврикѣ.

Однажды молодой малый исчезъ изъ дома намѣстника на цѣлый день и вернулся страшно разстроенный. Онъ былъ на свиданіи, вдобавокъ тайномъ, будто незаконномъ. Поутру былъ у него посланецъ и заявилъ ему глазъ на глазъ, что въ городъ пріѣхалъ его братъ Рафаилъ Антоновичъ и хочетъ съ нимъ видѣться.

Гаврикъ, относившійся къ Рафушкѣ сердечнѣе, чѣмъ къ кому-либо изъ всей семьи,—вѣроятно, потому, что самъ Рафушка обожалъ его,—тотчасъ же отправился на постоялый дворъ, куда пріѣхавшій братъ вызвалъ его. И онъ увидѣлъ юношу такимъ-же, каковъ былъ самъ: тоже горюющимъ, тоже съ блѣдно-печальнымъ лицомъ.

Рафушка, какъ и всѣ Татевы, за исключеніемъ Катюши, имѣлъ видъ совершенно несчастный. Разумѣется, онъ тайкомъ выѣхалъ изъ „Симеонова“ по приказу бабушки, чтобы повидаться съ Гаврикомъ и просить его заступиться за родную сестру,

Рафушка расцѣловалъ брата, сталъ разсказывать все, какъ было, сталъ клясться и божиться, что всѣ они—отъ бабушки до него—знаютъ, что Ариша совершенно неповинна въ смерти Агаѳона. И даже всѣ крестьяне „Симеонова“—и тѣ знаютъ это и громко заявляютъ. Всѣ убѣждены, однако въ томъ, что смерть Агаѳона—дѣло темное, такъ какъ онъ умеръ „не просто“.

Рафушка сталъ умолять брата заступиться предъ намѣстникомъ за Аришу, чтобы искупить свою тяжкую вину, за которую его и Господь накажетъ.

— Какую-же вину?—спросилъ Гаврикъ.

— Какъ какую? Да, вѣдь, ты—Іуда-предатель, Искаріотъ! Тебя всѣ такъ зовутъ! И мы всѣ, да и все село!—наивно заявилъ юноша.

Гаврикъ былъ пораженъ этими словами. Это было ударомъ ножа въ сердце.

— Какой-же я Іуда? Въ чемъ-же я васъ предалъ? — возразилъ онъ.

— Ужъ не знаю, Гаврикъ, а всѣ такъ сказываютъ! Мы всѣ несчастные, насъ всѣхъ хочетъ Абдурраманчиковъ такъ-ли сякъ-ли извести, а тебя прочитъ въ мужья своей дочери. Тебѣ-бы надо съ нами быть, съ нами и страдать. А ты блаженствуешь тутъ, покуда твои сестры и братья горе мыкаютъ. Катюша счастлива, что ее не выдали замужъ за такого-же

урода, какъ Агаѳонъ, но нешто, думаешь ты, мы рады, что она—мужичка и жена Терентія. Да, какъ ни толкуй, а ты Гаврикъ,— Искаріотъ!

— Не смѣй такъ сказывать!—воскрикнулъ Гаврикъ, но въ то-же время закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

Рафушка тоже началъ плакать.

— Ну, вотъ погоди, я вамъ докажу... Неправда это!... Я вамъ докажу!..

Пробывъ цѣлый день съ братомъ, разспросивъ его обо всемъ, что касалось до семьи, входя въ малѣйшія мелочи, Гаврикъ почувствовалъ себя нѣсколько спокойнѣе и будто счастливѣе. Въ немъ совершился окончательный переворотъ. Поговоривъ и проплакавъ вмѣстѣ съ братомъ, онъ безповоротно рѣшился на важный и роковой для него шагъ.

Онъ твердо рѣшился принести свою любовь въ жертву своему долгу. Поступилъ онъ, конечно, почти безсознательно и самъ не зналъ вполнѣ, насколько хорошъ его поступокъ? Онъ рѣшился только на то, что смутно и уже давно подсказывало сердце.

Вернувшись въ намѣстническій дворецъ послѣ того, какъ онъ проводилъ Рафушку въ крестьянской телѣгѣ обратно въ „Симеоново“, Гаврикъ тотчасъ-же горячо заговорилъ съ Петромъ и Елизаветой о томъ, что у него было на сердцѣ. И въ первый разъ твердо заявилъ онъ безповоротное рѣшеніе: жениться онъ на Елизаветѣ считаетъ невозможнымъ, а проситъ ихъ обоихъ, чтобы они уговорили отца немедленно отпустить его въ „Симеоново“.

— Хочу я быть вмѣстѣ съ ними, вмѣстѣ съ кровными моими, и такъ-же мучиться, какъ они. Пускай и меня Романъ Романовичъ изводитъ, какъ ихъ.

Петръ былъ пораженъ заявленіемъ Гаврика, а Елизавета почти не могла или не хотѣла повѣрить его словамъ. Разумѣется, они передали все отцу.

Абдурраманчиковъ объяснился съ молодымъ человѣкомъ наединѣ и счелъ нужнымъ говорить съ нимъ искренно. Онъ сознался, что его лукавый попуталъ, что онъ увлекся Аришей, но ввиду ея сопротивленія бросилъ свою прихоть, но не могъ избавиться отъ искушенія отомстить. Теперь-же, когда Ариша стала преступницей, онъ вовсе не собирается продолжать ей мстить, а, напротивъ, готовъ ее всячески выгородить, чтобы тѣмъ загладить вину передъ ней. Изводить всѣхъ ихъ, Татевыхъ, онъ никогда не собирался, да и не нужно ему. Они—крестьяне и останутся крестьянами. Что касается до него—Гаврика, то онъ надѣется, что современемъ добьется того, что Гаврику будутъ возвращены дворянство и княжескій титулъ, а равно и все имущество. И тогда вся его родня станетъ какъ-бы его крѣпостными только на бумагѣ, такъ какъ

онъ можетъ ихъ всѣхъ поселить вмѣстѣ съ собой въ домѣ и обращаться съ ними, какъ того требуютъ родственныя узы.

— И всѣ вы будете счастливы! Только всего и разницы, что твои дѣти будутъ князья да княжны,—сказалъ Абдурраманчиковъ,—а дѣти Семена Антоновича, Рафаила или Катерины будутъ, конечно, крестьянами.

Гаврикъ, слушая Абдурраманчикова, ни разу ни перебилъ его, лишь на нѣкоторые его вопросы отвѣчалъ односложно: „да“ и „нѣтъ“, а затѣмъ, когда выслушалъ все, то выговорилъ твердо:

— Все это, положимъ, такъ, Романъ Романовичъ, но это все впереди да далече! И невѣдомо еще, что Богъ дастъ? Можетъ, и я мужикомъ останусь на всю жизнь. Но дѣло не въ этомъ. Теперь-то позвольте мнѣ вернуться къ своимъ и съ ними вмѣстѣ поселиться. А если сестру Аришу засудятъ и сошлютъ въ Сибирь, то я тогда буду проситься у васъ итти за ней.

Абдурраманчиковъ дернулся въ креслѣ и ахнулъ.

— Что ты?!.. Ума рѣшился? Или зря болтаешь, чтобы только попугать?

— Мнѣ васъ пугать нечего!—холодно отвѣтилъ Гаврикъ.—Какое-же вамъ дѣло до меня? Я вамъ не родной сынъ, не Петръ! Гдѣ я буду: въ Сибири-ли, на томъ-ли свѣтѣ,—вамъ, лично, по правдѣ говоря, все равно!

Абдурраманчиковъ, испуганный заявленіемъ молодого человѣка, понимая и предвидя, какъ такой поступокъ повліяетъ на его любимицу-дочь, совершенно растерялся. Онъ не зналъ даже, что сказать, какъ начать убѣждать молодого человѣка.

— Да ты-бы обождалъ! Какъ еще повернется дѣло сестры? Можетъ, ее освободятъ, можетъ, окажется, что она въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ неповинна?

— Не могу, Романъ Романовичъ!—съ отчаяньемъ отозвался Гаврикъ.—Когда я подумаю, что я здѣсь, въ намѣстническомъ дворцѣ, а моя родная сестра въ острогѣ, что я съ вами обѣдаю да гуляю, а она съ каторжниками сидитъ, у меня сердце обрывается. Я цѣлыя ночи напролетъ глазъ не могу сомкнуть, все мнѣ представляется Ариша на ларѣ въ острожномъ чуланѣ. Оставаться мнѣ у васъ—значитъ, совсѣмъ себя извести. Поѣду въ „Симеоново“, поселюсь въ избѣ съ бабушкой—и мнѣ сразу станетъ легче. Буду знать, что я не [illegible] предатель.

— Что?!.. Какъ?!..—воскликнулъ Абдурраманчиковъ.

— Да. Такъ меня всѣ тамъ прозвали. И не то что мужики да бабы, а и мои-то братья да сестры, да бабушка, да и всѣ дворяне сосѣди. Да, всѣ зовутъ меня [illegible]ой Искаріотомъ, предателемъ своихъ кровныхъ. А это не одна обида, это—грѣхъ тяжкій. Нѣтъ, увольте, отпустите поскорѣй!..

Абдурраманчиковъ вдругъ озлобился, нежданно встрѣтивъ въ другой овечкѣ изъ семьи Татевыхъ такое-же упорство, какъ и въ Аришѣ. Вспыхнувъ, онъ собрался объявить Гаврику, что онъ его просто не выпуститъ изъ дому и будетъ держать какъ-бы подъ арестомъ. Но, однако, подумавъ мгновеніе и поразсудивъ холоднѣе, онъ сообразилъ, что это было-бы безсмыслицей, а, главное, могло-бы еще хуже испортить все дѣло. Абдурраманчиковъ сразу заговорилъ съ Гавриломъ мягче и ласковѣе и сталъ просить его, ради его любви къ Елизаветѣ, обождать всего только одну недѣлю, много десять дней.

— За это время будетъ итти слѣдствіе, многое объяснится и, можетъ быть, возможно будетъ освободить Аришу. Дѣло будетъ продолжаться, конечно, но она будетъ уже жить въ „Симеоновѣ“ на свободѣ.

Гаврикъ, не будучи хитеръ, все-таки спросилъ:

— А думаете-ли вы сами, Романъ Романовичъ, что Ариша не окажется виноватой?

— Я не могу этого знать, голубчикъ!

— Нѣтъ, вы побожитесь мнѣ, что вы сами, какъ мы всѣ, не считаете ее виноватой!

— Побожиться трудно! Могу-ли я знать правду? Но сдается мнѣ, правда, что она неповинна!

— Хорошо. Извольте тогда!—твердо вымолвилъ Гаврикъ.— Я останусь и буду ждать. Но только впередъ говорю вамъ: если Ариша будетъ засужена и пойдетъ въ Сибирь, то я пойду за ней!

XXV.

Одновременно, въ эти-же дни, былъ въ городѣ человѣкъ, который не дремалъ, а изъ силъ выбивался для достиженія своей цѣли. Такъ какъ онъ былъ уменъ, хитеръ, былъ въ отчаянномъ положеніи и выбивался изо всѣхъ силъ, готовъ былъ хотя-бы пожертвовать своей жизнью, то дѣло его ладилось. Это былъ Горстъ.

Узнавъ когда-то, что Ариша, взятая и увезенная въ „Симеоново“, уже обвѣнчана съ Агаѳономъ, онъ не смутился, а какъ-то озлобился, рѣшивъ, что дѣло, конечно, не броситъ, но пока долженъ успокоиться и выждать. Онъ, конечно, надѣялся, что дуракъ Агаѳонъ, котораго застращали, будетъ вести себя послушно. А когда бракъ будетъ расторгнутъ, и Ариша станетъ той-же, какой и была—дѣвицей Татевой,—свободной, имѣющей право выбирать себѣ мужа, то станетъ его женой.

Бѣгство въ польскіе края, на которое онъ совершенно рѣшился, представлялось теперь безсмысленнымъ. Ему приходилось-бы увозить чужую жену, на которой жениться было-бы поступкомъ противозаконнымъ.

Но, когда Горстъ внезапно узналъ о странной смерти Агаѳона и объ арестѣ Ариши, онъ сразу воспрянулъ, преобразился и рѣшилъ дѣйствовать на-пропалую.

Теперь Ариша была снова свободна, то-есть вдова. Онъ снова могъ тотчасъ на ней жениться, не преступая закона. И главное, первое, что предстояло скорѣе устроить, было, конечно, ея бѣгство изъ острога.

И Горстъ дѣятельно занялся двумя дѣлами. Онъ узналъ, что г-жа Сакмарина съ сыномъ находятся въ городѣ и что они случайно въ родствѣ съ главнымъ смотрителемъ острога. Онъ явился къ нимъ и сталъ убѣждать ихъ помочь Аришѣ. Но трусливая госпожа Сакмарина и не менѣе робкій сынъ ея ужаснулись, узнавъ, что Горстъ вздумалъ ихъ втянуть въ „государственное дѣло“. Они не только прекратили всякія сношенія съ Татевыми, но госпожа Сакмарина дошла до того, что увѣряла всѣхъ въ городѣ, что сынъ ея никогда и не бывалъ женихомъ дѣвицы Татевой.

Однако, Горсту удалось черезъ Сакмарина познакомиться и сблизиться въ смотрителемъ острога.

Смотритель оказался, по счастью, чѣловѣкъ добрый, крайне простоватый, и въ нѣсколько дней, благодаря искусству Горста, они стали большими пріятелями. Первымъ доказательствомъ ихъ дружбы стало то, что онъ позволилъ Горсту два раза и, конечно, ночью, тайкомъ отъ сторожей повидаться съ Аришей.

Послѣ перваго свиданія съ любимымъ человѣкамъ Ариша ожила и стала надѣяться, что она не погибла.

— Второй разъ убѣжимъ и будемъ умнѣе, осторожнѣе!— говорилъ ей Горстъ. — Тогда было легко бѣжать, да трудно укрыться, такъ какъ не было денегъ. Пришлось жить здѣсь въ городѣ, ну, и, понятно, попались! Теперь-же будетъ мудрено убѣжать, но ужъ зато скрыться будетъ легко, такъ какъ деньги у меня завтра-же будутъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Горста озарила счастлива мысль. Онъ рѣшилъ, что лганье и клеветничество — великая сила. Ему часто и прежде приходило это на умъ, да ни то, ни другое было ему не нужно. Теперь онъ всякій день отъ зари до зари сновалъ по городу, бывалъ у всѣхъ своихъ знакомыхъ, которыхъ было много, надѣлалъ новыхъ знакомствъ и старался, чтобы они его полюбили. Вмѣстѣ съ тѣмъ всюду, якобы подъ страшнымъ секретомъ, онъ разсказывалъ такія вещи про Абдурраманчикова, что иногда, возвращаясь домой, самъ смѣялся или говорилъ себѣ:

— Ну братецъ, молодецъ-же ты! И откуда что берется?..

И, какъ зимой при свѣжевыпавшемъ снѣгѣ можно изъ крошечнаго дѣтскаго комочка, катая его по снѣгу, сдѣлать въ минуту громадный комъ, который уже не подъ силу свернуть съ мѣста одному человѣку,—такъ поступили теперь съ этими секретными разсказами Горста всѣ обыватели.

Въ городѣ ходили, переходя изъ устъ въ уста, чудовищные разсказы про намѣстника. Исторія Абдурраманчикова съ дѣвицею Ариной Татевой преобразилась въ отвратительную исторію, возмущавшую до глубины души и старыхъ, и молодыхъ. Говоръ дворянъ постепенно превратился какъ-будто въ какой-то гулъ, который былъ услышанъ и въ намѣстническомъ дворцѣ. Но этого мало: гулъ этотъ былъ такъ силенъ, что достигалъ до самыхъ захолустныхъ усадьбъ дворянъ, а затѣмъ эхо его полетѣло и дальше. Не прошло двухъ недѣль, какъ ужъ весь Петербургъ, высшее общество, а отчасти и при дворѣ, разсказывали о чудовищной исторіи недавно назначеннаго намѣстника съ дворянкой, обращенной вмѣстѣ со всей семьей въ крестьянское состояніе.

Абдурраманчиковъ, давно озабоченный пересудами въ городѣ, наконецъ, уже совершенно смутился. Онъ замѣтилъ, что въ обращеніи съ нимъ всѣхъ дворянъ и даже нѣкоторыхъ изъ богатыхъ купцовъ яввлось нѣчто едва уловимое, но оскорбительное и обидное. Наконецъ, нашлось два-три человѣка изъ мѣстнаго дворянства, которые, при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ, не стѣсняясь отворачивались, чтобы не кланяться ему.

Это было, по времени, прямо гражданскимъ подвигомъ. Человѣкъ, котораго еще такъ недавно обласкалъ самъ монархъ, а затѣмъ наградилъ и назначилъ намѣстникомъ, могъ, конечно, собственной властью и не боясь отвѣта, покарать невѣжливость любого дворянина, какъ если-бы это было преступленіемъ.

Наконецъ, къ Абдурраманчикову рѣшился приступить съ дѣломъ, которое заполонило всѣхъ обывателей, самъ Ѳома Ѳомичъ. Однажды, послѣ доклада, онъ заявилъ, что имѣетъ нѣчто до генерала особливое, до службы не касающееся.

И Галуша передалъ Абдурраманчикову, что въ городѣ, а отчасти и въ намѣстничествѣ, замѣчается такое сугубое злобствованіе противъ него, что надо-бы немедленно что-нибудь предпринять.

— Такъ оставлять нельзя!—сказалъ Галуша. — На моей памяти ничего такого не бывало! Какъ-бы ни была сильна рука ваша въ Петербургѣ, какъ-бы ни былъ расположенъ къ вамъ самъ государь императоръ, а все-таки дѣло обстоитъ неладно. Ужъ очень озвѣрѣли здѣсь всѣ противъ васъ.

— Ну, что-же!—презрительно отвѣтилъ генералъ.—Нускай ихъ порыкаютъ и перестанутъ, а укусить побоятся.

— Считаю долгомъ именно объ этомъ и доложить вамъ,— отвѣтилъ Галуша. — Есть у насъ тутъ дворянинъ Загряцкій, отставной флотскій капитанъ, человѣкъ добрый, но отчаянный. Иногда онъ бываетъ какъ-бы не въ своемъ умѣ, какъ-бы отъ пьянства, а отчасти и отъ природы... Я помню его еще молодымъ. Много чудесъ онъ тутъ натворилъ! Потомъ онъ пріпалъ, жилъ невѣдомо гдѣ, а на сихъ дняхъ опять здѣсь проявился. И теперь, какъ знаю я вѣрно, всѣ господа дворяне, зная, что онъ—сорви-голова, прямо-таки наускиваютъ его на васъ, прямо-таки говорятъ: избавьте насъ отъ генерала Абдурраманчикова! А ему—что въ прорубь сейчасъ, что въ Сибирь—все равно! И вотъ, ваше превосходительство, подумайте, нельзяли что учинить. Чую я бѣду. По дружбѣ и по уваженію моему къ вамъ считаю долгомъ васъ предупредить.

— Взять этого Загряцкаго и выслать! — отозвался Абдурраманчиковъ нѣсколько гнѣвно.

— Изъ этого ничего не будетъ! — возразилъ Галуша. — Вышлемъ—онъ черезъ три дня опять назадъ вернется. А засадить его въ острогъ, что-ли, нашъ законъ не позволяетъ. Вѣдь, онъ ничего не сдѣлалъ. Пьетъ, иногда что попало колотитъ, окна бьетъ. Такъ, вѣдь, за это въ острогъ не посадишь, тѣмъ паче, что онъ за все тотчасъ-же уплачиваетъ! Да и главная бѣда: всѣ его любятъ, всѣ его въ городѣ знаютъ и всѣ до послѣдняго мѣщанина невѣдомо почему его уважаютъ. Учинить съ нимъ что-нибудь законное можно, а сочинить что-либо незаконное — значитъ еще пуще всѣхъ противъ себя поднять.

— Такъ что-же дѣлать, Ѳома Ѳомичъ? — нѣсколько смутившись, сказалъ Абдурраманчиковъ.

— Да первое дѣло, ваше превосходительство, бросить все касающееся до Татевыхъ, а главное — бросить дѣло Арины Антоновны. Виновата она или нѣтъ,—я не знаю, да и никто знать не можетъ, но весь городъ за нее горой стоитъ. Кричатъ, даже скажу, ревомъ ревутъ, орутъ благимъ матомъ, что она неповинна, что ее заставили силкомъ выйти замужъ за самаго перваго урода, съ которымъ никакая женщина, даже простая мужичка, не согласилась-бы жить въ ладу. А затѣмъ мы-же во всемъ виноваты. Мы-же сами, мы, начальство, уходили этого ея мужа, чтобы ее обвинить и засадить въ острогъ.

— Что?!.—воскликнулъ Абдурраманчиковъ. — Что?!. Я-же его опоилъ?!. Съума вы сходите.

— Извините, ваше превосходительство, я говорю о дѣлѣ— и важномъ—отозвался Галуша холодно.—Стало быть, я долженъ говорить все, что знаю, ничего не утаивая. А иначе зачѣмъ и говорить? Да-съ, весь городъ сказываетъ, что вы изволили выбрать нарочно самаго худорожаго дурака, такого, отъ котораго всякая баба-молодуха захочетъ избавиться, а затѣмъ

приказали его отравить, чтобы имѣть поводъ засадить въ острогъ Арину Антоновну и отправить на каторгу. И если-бы это еще говорили нѣкоторые болтуны. А въ этомъ клянутся, какъ въ дѣлѣ имъ хорошо извѣстномъ, самые почетные изъ нашихъ дворянъ, люди прямо благородные. Вотъ тутъ и выходитъ, ваше превосходительство, дѣло почти невылазное, изъ коего одно спасеніе: сейчасъ прекратить всякій судъ надъ Ариной Антоновной, выпустить ее и отпустить въ „Симеоново". Понемножечку, можетъ быть, все и уляжется! Всѣ увидятъ, что у васъ никакихъ худыхъ намѣреній по отношенію къ ней нѣтъ. А то прямо говорятъ, что вы изволите ей мстить за то яко-бы обстоятельство... извините меня... за то яко-бы, что вы пожелали изъ Арины Антоновны сдѣлать свою... прелестницу... а она не пожелала. Вотъ вы ее и допекаете.

— Кто-же это говоритъ? — глухо спросилъ Абдурраманчиковъ.

— Всѣ-съ... весь городъ, даже мѣщане...

Послѣ этого объясненія съ Галушей, Абдурраманчиковъ въ тотъ-же вечеръ объявилъ Гаврику:

— Ну, голубчикъ, полно ходить носъ повѣся! Арину Антоновну завтра выпустятъ, и она отправится домой. Никакихъ доказательствъ ея виновности нѣтъ. Стало быть, думаю, и тебѣ можно остаться у насъ.

Гаврикъ не выдержалъ, обнялъ и расцѣловалъ Абдурраманчикова.

Дѣйствительно, на другой-же день утромъ, Ариша выходила изъ острога и, сѣвъ въ крестьянскую телѣгу съ какой-то женщиной, приставленной къ ней, не ради конвоя, а ей въ помощь, выѣхала въ „Симеоново".

Въ тотъ-же вечеръ на сытой парѣ почтовыхъ лошадей и въ почтовой телѣжкѣ по той-же дорогѣ уже скакалъ молодой человѣкъ. Изо всѣхъ обывателей города онъ былъ изумленъ болѣе всѣхъ, даже ошеломленъ извѣстіемъ, что Ариша выпущена изъ острога и яко-бы освобождена отъ суда окончательно.

Это былъ, конечно, Горстъ.

XXVI.

Усадьба и село, принадлежавшія прежде простому помѣщику, вдобавокъ темнаго происхожденія, а теперь вотчина перваго лица въ краѣ—намѣстника, много измѣнилась. Назначеніе помѣщика намѣстникомъ повліяло на многое и на такое, что, казалось, не имѣло ничего общаго съ государственной службой, съ должностью, которую занималъ владѣлецъ, а, между тѣмъ, по времени это было явленіемъ самымъ обыкновеннымъ.

Усадьба и въ особенности барскій домъ казались новыми, съ иголочки, настолько были подновлены. Появилось новое каменное зданіе среди службъ надворныхъ. Даже садъ принялъ другой видъ. И, наконецъ, самое село преобразилось: не осталось ни одной ветхой избушки, всѣ были подновлены, а черезчуръ старыя хибарки снесены и замѣнены новыми избами, блестѣвшими на солнцѣ свѣжимъ тесомъ.

Но этого мало... Плохая дорога съ полуразвалившимися мостами, съ косогорами, съ цѣлой болотистой топью на протяженіи полуверсты,—все это исчезло. Дорога между „Кутомъ“ и губернскимъ городомъ стала образцовая, какихъ не было ни одной во всемъ намѣстничествѣ.

Все, что измѣнилось и приняло новый благоприличный, а то и щегольской видъ, стоило, конечно, огромныхъ денегъ, но владѣлецъ не истратилъ ни гроша. Все было сдѣлано намѣстникомъ и если не все на казенный счетъ, то и не на его собственный. Команды солдатъ и государственные крестьяне были согнаны и работали даромъ.

Матеріалъ, который понадобился и для строеній и для дороги, тоже ничего не стоилъ, Къ намѣстнику являлись люди, не только купцы, но и дворяне, которые просили сдѣлать имъ честь позволить пожертвовать кто что могъ: и лѣсъ, и кирпичъ, и щебень.

„Кутъ“ преобразился не только удивительно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и чрезвычайно быстро. Абдурраманчиковъ спѣшилъ. Несмотря на всѣ свои заботы, его не покидала мысль о скорѣйшей свадьбѣ дочери. Вскорѣ послѣ освобожденія Ариши и примиренія съ Гаврикомъ былъ назначенъ день свадьбы. Вѣнчаніе должно было происходить не въ городѣ, а въ „Кутѣ“.

Рѣшеніе это было принято по особенной причинѣ. Сначала Абдурраманчиковъ собирался праздновать свадьбу въ городѣ и при этомъ, конечно, пригласить многихъ, если не всѣхъ, дворянъ. Но, собравъ тайкомъ свѣдѣнія, онъ узналъ, что всѣ дворяне единодушно порѣшили приглашенія не принимать и не только не ѣхать въ храмъ и на свадебный обѣдъ, но и не ѣхать затѣмъ поздравлять молодыхъ.

Ради избѣженія настоящаго скандала, Абдурраманчиковъ рѣшилъ справить свадьбу въ своемъ имѣніи, куда приглашать дворянство было не обязательно. Когда вѣсть объ этомъ распространилась, дворяне въ одинъ голосъ говорили:

— Хватился за умъ!.. Такъ-то лучше.

Особенное озлобленіе противъ генерала было лишь въ городѣ, благодаря отчасти и розсказнямъ Горста; въ самомъ-же намѣстничествѣ были прежніе знакомые Абдурраманчикова, съ которыми онъ остался въ хорошихъ отношеніяхъ и, сдѣлавшись намѣстникомъ, всѣхъ ихъ принималъ крайне любезно;

и теперь онъ утѣшался мыслью, что гости у него все-таки будутъ. И, дѣйствительно, всѣ прежніе знакомые, съ которыми онъ водилъ хлѣбъ-соль, были приглашены въ „Кутъ, на свадьбу и обѣщали явиться.

Такимъ образомъ, въ свадебные дни усадьба должна была оживиться и на нѣсколько дней переполниться. Мѣста почти не хватало и приходилось готовить для многихъ гостей помѣщеніе въ зданіи, недавно выстроенномъ для дворовыхъ, но чистомъ и новомъ, въ которомъ крѣпостные еще не жили, а слѣдовательно, гостямъ такое помѣщеніе не могло быть обиднымъ.

Но было иное и болѣе серьезное, болѣе важное обстоятельство, которое Абдурраманчикову гораздо труднѣе было преодолѣть. Гаврикъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы на его свадьбѣ была вся семья его.

— Что-же это за свадьба будетъ, — печально говорилъ онъ,—если никого изъ моихъ кровныхъ на ней не будетъ?

А, между тѣмъ, устроить это было мудрено. Гаврикъ съѣздилъ въ „Симеоново“ и, конечно, остановился не въ своей усадьбѣ, а въ избѣ бабушки. Извѣщеніе его о назначенномъ днѣ его бракосочетанія и приглашенія роднихъ не имѣло успѣха. Братья и сестры согласились-бы ѣхать въ „Кутъ“, но Арина Саввишна заявила, что никогда этого не дозволитъ, а если внуки поѣдутъ, то она ихъ проклянетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, бабушка не на шутку перепугала Гаврика, проклиная его самого и его невѣсту, съ мольбами Господу Богу, чтобы онъ, Гаврикъ, и его проклятая „персидка“ были страшно наказаны и чтобы всякія бѣды бѣдовыя посыпались на головы ихъ.

Гаврикъ, оставаясь въ „Симеоновѣ“, послалъ гонца къ невѣстѣ съ объясненіемъ того, что смутило его, прося передать Абдурраманчикову: не найдетъ-ли онъ возможнымъ уладить дѣло, не придумаетъ-ли онъ чего-нибудь? Обойтись безъ бабушки, онъ не только соглашался, а даже и радъ-бы былъ, если-бы она со своими проклятіями осталась въ „Симеоновѣ“, но братьевъ, сестеръ и мужа Катюши онъ хотѣлъ непремѣнно имѣть на своемъ бракосочетаніи.

Черезъ два дня изъ усадьбы явился въ избу Семена Антоновича чиновникъ и объявилъ новость:

— Ночью прискакалъ гонецъ съ приказаніемъ приготовить помѣщеніе генералу.

Дѣйствительно, черезъ сутки появился снова торжественный поѣздъ: карета шестерикомъ и двѣ брички тройками. Генералъ явился въ усадьбу. Полянскій и всѣ члены „Временнаго отдѣленія“ встрѣтили начальника края на подъѣздѣ. Абдурраманчиковъ тотчасъ-же вызвалъ къ себѣ Гаврика.

— Вотъ видишь. Кажется, можешь не сомнѣваться, какъ я люблю тебя! Самъ пріѣхалъ твою старую вѣдьму бабушку усовѣстить, чтобы вся семья была на свадьбѣ.

Гаврикъ, конечно, обрадованный, даже счастливый, заявилъ, что бабушку уломать будетъ невозможно, а что братья и сестры бояться поступить противъ ея желанія.

— Чего же имъ бояться? Ничего она съ ними сдѣлать не можетъ! Хоть она и осталась той-же вашей бабушкой, но въ качествѣ крестьянки уже не можетъ властвовать, какъ прежде. Да и прежде-то она командовала потому, что вашъ отецъ дозволялъ это ей, самъ повинуясь, какъ малое дитя. А теперь другое дѣло: даже Рафушка, хотя и несовершеннолѣтній, долженъ слушаться скорѣе брата старшаго, а не бабушки.

И Абдурраманчиковъ поручилъ Гаврику узнать, примѣтъли его Арина Саввишна, какъ гостя и будущаго свойственника, дабы дать ему возможность лично пригласить ее на свадьбу внука.

Гаврикъ, побывавъ у бабушки, вернулся и заявилъ, что старуха наотрѣзъ отказалась принять Абдурраманчикова. Если-же онъ все таки явится, то она запретъ двери и ворота. Пускай,—говоритъ,—если намѣстникъ хочетъ ее видѣть и съ ней говорить, чтобы приказалъ выламывать ворота и выламывать всѣ двери. „По крайней мѣрѣ,—говоритъ она,—и на селѣ, а потомъ и въ городѣ, и во всѣмъ намѣстничествѣ всѣ узнаютъ, какой визитъ дѣлалъ генералъ-намѣстникъ".

— Ахъ, злючая баба!—воскликнулъ Абдурраманчиковъ.— Надо что-нибудь придумать. Ну, а Семенъ Антоновичъ и сестры твои что говорятъ?

— Да они то-бы рады, Романъ Романовичъ, — сказалъ Гаврикъ, — да боятся, что бабушка проклянетъ. А потомъ Ариша тоже...

— Что?

— Тоже не желала-бы...

— Почему?

— Вамъ извѣстно, — потупляясь, отвѣтилъ Гаврикъ.— Она не можетъ забыть всего, что было, и худо относится къ вамъ.

— Ты съ ней въ одной избѣ поселился?

— Да-съ!

— Ну, ступай домой! Сиди и жди, и ничего Аринѣ Антоновнѣ не сказывай! Долго ждать не придется!

Гаврикъ вопросительно поглядѣлъ въ лицо Абдурраманчикову, но услыхалъ:

— Нечего гадать! Ступай, говорю, и жди!

Спустя полчаса, генералъ въ полной формѣ, въ красивомъ гвардейскомъ мундирѣ и со своимъ орденомъ, полученнымъ изъ монаршихъ рукъ, вышелъ изъ дому, сопровождаемый

двумя чиновниками. Едва только онъ поравнялся съ первыми избами села, какъ все село поднялось на ноги. Старъ и младъ выбѣжалъ на улицу и бѣжалъ къ нему навстрѣчу, чтобы поглазѣть. И сразу на улицѣ сдѣлалась толкотня, какъ-бы въ праздничный день.

Абдурраманчиковъ прошелъ прямо въ избу, занимаемую старшимъ Татевымъ. Семенъ Антоновичъ, смущенный и взволнованный, встрѣтилъ генерала, и узнавъ, что онъ является посѣтить его въ качествѣ хорошаго знакомаго, былъ польщенъ. Нѣмая Марѳа—и та оживилась, весело и радостно поглядывая на генерала въ красивомъ мундирѣ и даже сказала:

— Вы насъ осчастливили!

Абдурраманчиковъ присѣлъ на лавкѣ у образного угла и заявилъ, что пріѣхалъ въ „Симеоново“ исключительно за тѣмъ, чтобы лично просить старшаго Татева, какъ главу всей семьи, явиться на свадьбу своего брата со всѣми своими и непремѣнно привезти маленькаго Саввушку, который долженъ на свадьбѣ дяди нести образъ.

Семенъ не зналъ, что отвѣчать, и говорилъ:

— Съ удовольствіемъ... Если возможно... Вотъ бабушку надо спроситься!..

Абдурраманчиковъ умышленно не сталъ объясняться о томъ, что зналъ, не заговорилъ о сопротивленіи Арины Саввишны и всталъ со словами:

— Такъ обѣщаетесь быть? И съ дѣтьми?

— Мы рады всей душой, а вотъ какъ бабушка!

Абдурраманчиковъ ничего не отвѣтилъ, вышелъ и приказалъ чиновникамъ, которые оставались и ждали его у воротъ, вести себя въ избу, гдѣ жили Катюша и Терентій.

XXVII.

Молодая чета поразила Абдурраманчикова. Катюша стала, казалось, еще красивѣе, чѣмъ была. По лицу ея, сіяющему, видно было, что она считаетъ себя самой счастливой женщиной во всемъ мірѣ. Ея мужъ, котораго Абдурраманчиковъ никогда не видалъ и въ которомъ ожидалъ встрѣтить дворового человѣка, то-есть собственно крестьянина, заставилъ его невольно ахнуть и спросить, обращаясь къ Катюшѣ:

— Это онъ... вашъ мужъ?

— Да-съ! — отозвалась Катюша.

— Терентій?—сказалъ Абдурраманчиковъ вопросомъ.

— Да-съ! Его зовутъ Терентіемъ.

— Ну, поздравляю! Воистину чуденъ мужикъ, съ которымъ васъ повѣнчали!

И дѣйствительно, Терентій красивый, стройный, особенно молодцоватый на видъ, въ простомъ русскомъ платьѣ, но новенькомъ и хорошо сшитомъ, могъ обратить на себя вниманіе даже и въ толпѣ.

Абдурраманчиковъ сѣлъ на лавку въ почетномъ углу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не спускалъ глазъ съ Терентія, удивляясь и противъ воли любуясь молодцомъ. Сдѣлавъ Терентію нѣсколько вопросовъ, онъ, казалось, былъ еще болѣе удивленъ и озадаченъ.

Терентій походилъ на барича изъ хорошей родовитой дворянской семьи. Его будто нарядили въ простое платье. Его-то, казалось, именно, изъ дворянъ и обратили въ крестьяне. Если-бы собрать вмѣстѣ Семена, Гавріила, Рафаила и Терентія и представить ихъ всѣмъ кому-либо хоть въ Петербургѣ съ вопросомъ, который изъ четверыхъ князь Татевъ, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что сто человѣкъ поочереди ошиблись-бы; всякій изъ сотни, не колеблясь, указалъ-бы на Терентія. Всѣ особенности и черты родовитаго дворянина въ этомъ изящномъ молодомъ маломъ бросались въ глаза.

Абдурраманчиковъ былъ удивленъ и тѣмъ, что Терентій не смутился отъ его посѣщенія, хотя въ качествѣ крестьянина глуши ему никогда въ жизни, конечно, не случалось входить въ прямыя личныя сношенія съ высокопоставленными лицами. Для него намѣстникъ, сидящій у него въ гостяхъ, долженъ-бы быть чѣмъ-либо особеннымъ, долженъ-бы былъ смутить его до-нельзя. А, между тѣмъ, Терентій отвѣчалъ Абдурраманчикову спокойно, просто, свободно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ характернымъ почтеніемъ. Это не было почтеніе чиновника или подчиненнаго, а почтеніе благовоспитаннаго богатаго дворянина.

И Абдурраманчикову пришло нѣчто на умъ. Явилось страшное желаніе узнать, правъ-ли онъ и вѣрна-ли его догадка.

— Простите меня вы, Катерина Антоновна, и вы тоже, Терентій...—онъ запнулся.—Не знаю, какъ по батюшкѣ?

— Зовите просто Терентій!—отозвался просто молодой малый.—Меня такъ всегда звали господа.

— Хотите-ли вы—и мужъ, и жена—отвѣчать мнѣ по одному обстоятельству сущую правду? Ужъ очень мнѣ любопытно было-бы узнать!

— Отчего-же не отвѣтить правды?—отозвался Терентій.—У насъ съ Катюшей ничего тайнаго нѣтъ.

— А, можетъ, было?— усмѣхнулся Абдурраманчиковъ,—прежде, когда Катерина Антоновна была княжной?

Терентій какъ-будто догадался, усмѣхнулся, но нотрясъ головой.

— Отвѣчайте мнѣ: если-бы прежде княжну Катерину Антоновну выдали замужъ за какого дворянина въ краѣ, былили-бы вы несчастнымъ?

Терентій вспыхнулъ, замялся, но вдругъ взглядъ его заблестѣлъ, и онъ выговорилъ глухо:

— Я объ этомъ никогда не думалъ прежде... старался не думать... Полагаю, что въ день бракосочетанія Катюши я-бы удавился.

— Ну, вотъ это-то мнѣ и хотѣлось знать! Ну, а вы, Катерина Антоновна, обвѣнчанная тогда съ кѣмъ другимъ, былибы вы счастливы?

— Не знаю!—весело отозвалась Катюша.—Терентій мнѣ всегда говорилъ, всегда попрекалъ, что выйду я замужъ и его забуду. Можетъ, оно-бы и случилось...

— Но теперь-то? Теперь вы счастливы, что такъ все совершилось?

Катюша подняла руки, замахала, почти привскочила на мѣстѣ и воскикнула:

— Божья милость!

— Что?..

— Да все для меня—Божья милость!

— То, что вы обратились въ крестьянку?

— Да, конечно, Божья милость!

— Вотъ оно какъ!—задумчиво произнесъ Абдурраманчиковъ.—Вотъ ужъ, что называется по пословицѣ, нѣтъ худа безъ добра!

— А мы это всякій день повторяемъ!—сказалъ Терентій, улыбаясь и радостными глазами глядя на жену.

— Ну-съ, а теперь къ дѣлу!—выговорилъ Абдурраманчиковъ весело.—Знаете-ли вы, зачѣмъ я пріѣхалъ въ „Симеоново“ и зачѣмъ сижу у васъ? Не знаете? Я вамъ скажу! Я пріѣхалъ лично звать васъ всѣхъ на свадьбу Гаврика. Онъ хочетъ, чтобы всѣ его родные присутствовали.

— Покорнѣйше благодаримъ!—отозвался Терентій.—Мы съ Катюшей безпремѣнно будемъ!

И Терентій произнесъ это такъ твердо, что Абдурраманчиковъ иронически выговорилъ:

— А вдругъ Арина Саввишна вамъ запретитъ?

Терентій махнулъ рукой.

— Что-же? Вы ей не повинуетесь?

— Извините, ваше сіятельство, если Арина Саввишна...

— Я—не сіятельство. Я—превосходительство,—быстро вымолвилъ генералъ.—Вы первый меня назвали такъ по ошибкѣ. Ну, и спасибо вамъ! Я это запомню. И, если все будетъ такъ, какъ я надѣюсь, то я, помня, что вы первый меня назвали „ваше сіятельство“, якобы предвидя то, что должно со мною случиться... Ну, ужъ не знаю, чѣмъ я вамъ отплачу за это? Вы, я вижу, не понимаете моихъ словъ. Ну, и не нужно! Но только помните, что вы первый меня назвали сіятельствомъ по ошибкѣ! Ну, а придетъ день, ошибки въ этомъ не будетъ,

и я тогда, почитая себя у васъ въ долгу, съ вами поквитаюсь. Извѣстно, не на худой ладъ, а добромъ. Ну, такъ какъ-же, вы Аринѣ Саввишнѣ не повинуетесь?

— Я, ваше превосходительство,—заговорилъ Терентій,—завсегда съ малыхъ лѣтъ бывалъ въ домѣ у господъ, вмѣстѣ съ ними росъ, въ дружбѣ состоялъ и пуще всего съ Гавриломъ Антоновичемъ. И всегда, подросши, я удивлялся, какъ Арина Саввишна гоняла да равняла всѣхъ, чисто пастухъ со стадомъ! То ту корову, то того барана или теленка кнутомъ вытянетъ, чтобы всѣ, значитъ, держались въ кучѣ. И вотъ они всѣ такъ вмѣстѣ и сбились! А ужъ пуще загоняла она покойнаго Антона Семеновича! Вотъ ее Господь подѣломъ наказалъ. Ей за все, что она всю свою жизнь продѣлала, и слѣдъ быть въ мужичкахъ, да, мужичкой, но только не этакъ, какъ теперь. А попасть-бы ей въ лапы какого лихого помѣщика, который-бы отколотилъ на ней всѣ колотушки, коими она всю жизнь свою другихъ награждала.

Абдурраманчиковъ невольно разсмѣялся и выговорилъ:

— Не любите, вы Арину Саввишну?

— Охъ, нѣтъ! Не люблю!

— Абдурраманчиковъ поднялся, сталъ прощаться, причемъ поцѣловался съ Терентіемъ и поцѣловался съ Катюшей.

— Красавица!..—не выдержалъ онъ, любуясь Катюшей.— Первостатейная красавица!..

Когда онъ пошелъ къ дверямъ, Катюша вдругъ выговорила:

— Романъ Романовичъ, позвольте узнать...

— Что вамъ угодно?

— А вотъ мы поѣдемъ. Бабушка—какъ знаетъ. Намъ все равно. А вотъ, какъ Ариша? Хотѣлось-бы, чтобы и она была. А безъ нея и намъ съ Терентіемъ не слѣдъ ѣхать.

— Ручаться вамъ за Арину Антоновну не могу, но скажу только, что отсюда иду къ ней въ избу.

— Ну, вотъ это хорошо!—воскликнула Катюша.—Только одно, Романъ Романовичъ! Скажите ей словечко такое... Тогда все будетъ хорошо, все обойдется.

— Какое словечко?

— Ну, скажите, что вы все забыли и чтобы она тоже все забыла.

Абдурраманчиковъ усмѣхнулся и вымолвилъ:

— Ладно! Спасибо вамъ за совѣтъ!

И черезъ нѣсколько минутъ онъ уже былъ во дворѣ другой избы. На крыльцѣ онъ увидѣлъ Гаврика съ радостнымъ, оживленнымъ лицомъ, а за нимъ—суровое, но, видимо, сильно удивленное лицо Ариши... Точно такъ-же, какъ и въ предыдущихъ избахъ, войдя и сѣвъ, Абдурраманчиковъ заговорилъ совершенно иначе, инымъ голосомъ. Онъ какъ-будто слегка взволновался.

— Арина Антоновна,—заговорилъ онъ,—я пріѣхалъ въ „Симеоново", чтобы всѣхъ родныхъ вотъ этого молодца, котораго люблю, какъ родной отецъ, звать на его свадьбу. Я ужъ позвалъ вашего брата съ семьей, вашу сестру съ мужемъ и вотъ пришелъ сюда звать и васъ! Но прежде, чѣмъ просить вашего согласія, я прошу у васъ прощенія. Можете вы меня простить?

Ариша, видимо, смутилась, но выраженіе лица ея сразу перемѣнилось: оно стало менѣе суровымъ.

— Да, Арина Антоновна, я прошу у васъ прощенія во всемъ, въ чемъ могъ быть виноватъ! Порѣшимъ такъ, что на меня нашло затменіе какое-то, и изъ-за этого много бѣдъ приключилось. Отнынѣ ничего худого вы отъ меня не ждите. Напротивъ того, я всячески постараюсь загладить свои вины. Прощаете-ли вы меня?

— Господь васъ проститъ, Романъ Романовичъ!—выговорила Ариша, и лицо ея стало уже почти привѣтливымъ.

Гаврикъ сидѣлъ радостный и переводилъ глаза съ Абдурраманчикова на сестру и съ сестры на него.

— Позвольте мнѣ все-таки сказать, Романъ Романовичъ,—заговорила Ариша со слезами на глазахъ,—что я неповинна вотъ въ томъ, что здѣсь было.

И она указала на полъ среди горницы.

— Здѣсь онъ померъ?—спросилъ Абдурраманчиковъ.

— Вотъ именно здѣсь, на этомъ мѣстѣ! И я не боялась оставаться здѣсь послѣ этого одна одинехонька. Это всѣ скажутъ. А потому, что совѣсть моя была чиста. Я непричемъ! Какъ все это произошло—уму помраченіе! Никто понять не можетъ. А думать, что Агаѳонъ самъ чего выпилъ, зелья смертельнаго, тоже, конечно, нельзя. Не съ чего было! Да, это дѣло темное, Романъ Романовичъ!

— Конечно, темное! Отъ этого и на васъ поклепъ былъ. Но вы не опасайтесь! Это дѣло покончeнное, и все надо предать волѣ Божьей. Пускай лихой человѣкъ, сдѣлавшій преступленіе, будетъ наказанъ Господомъ Богомъ. Ну-съ, а теперь знаете-ли вы, зачѣмъ я къ вамъ явился?

— Звать на его свадьбу?—сказала Ариша, показывая на брата.

— Точно такъ-съ!

— Я-бы рада ѣхать, но какъ быть съ бабушкой?

— Это я уже слышалъ, Арина Антоновна! Бабушка ваша согласна будетъ, чтобы всѣ вы пріѣхали ко мнѣ въ „Кутъ".

— Какъ такъ согласна?—воскликнулъ молчавшій до тѣхъ поръ Гаврикъ.

— Ну, да ужъ такъ! Не твоего ума дѣло! Я надумалъ. Вы всѣ пріѣдете ко мнѣ, захвативъ, конечно, и Рафушку, котораго я не видалъ. А бабушка ваша ничего противъ этого имѣть не будетъ.

XXVIII.

Между тѣмъ, пока Абдурраманчиковъ, примиряясь съ Татевыми, любезничалъ со всѣми членами семьи, дабы задобрить ихъ и имѣть въ „Кутѣ“ на свадьбѣ Гаврика, въ избѣ Арины Саввишны сидѣлъ скрываясь Горстъ.

Молодой человѣкъ былъ уже любимцемъ старухи. Недаромъ онъ былъ уменъ, красивъ, ловокъ и смѣлъ—всѣ качества, чтобы нравиться и молодымъ, и старымъ, въ особенности женщинамъ.

Съ той минуты, какъ Горстъ узналъ объ освобожденіи Ариши изъ острога и почти оправданной, онъ, конечно, воспрянулъ духомъ. Его женитьба на Аришѣ стала снова совершенно простымъ дѣломъ. Одна была помѣха или преграда—Абдурраманчиковъ.

Появленіе генерала въ „Симеоновѣ“ и его примиреніе со всѣми, могло быть, конечно, благопріятнымъ, могло подать Горсту и Аришѣ надежду, что прежній врагъ теперь не только не пойдетъ противъ нихъ, а даже поможетъ имъ въ осуществленіи ихъ мечтаній, въ устроеніи ихъ счастья...

Но странно смѣется судьба надъ людьми, ихъ предположеньями, планами и дѣйствіями!..

Когда Абдурраманчиковъ, побывавъ въ избѣ Ариши, вернулся въ усадебный домъ и собирался уѣзжать, Ариша и Горстъ совѣщались съ Ариной Саввишной, не воспользоваться-ли обстоятельствами и тотчасъ итти просить генерала согласиться на ихъ бракъ.

Раздумавъ, поразсудивъ, взвѣсивъ все, они вѣстѣ со старухой рѣшили, что лучше обождать немного. Время терпитъ... Генералъ, вѣдь, теперь ничего худого не замышляетъ.

Но оказалось, что время не всегда терпитъ...

Абдурраманчиковъ уѣхалъ, а чрезъ сутки Горстъ, оставаясь въ избѣ Арины Саввишны, объявилъ наутро и старухѣ, и Аришѣ, что многое за ночь совсѣмъ перемѣнилось, перевернулось... Просить заступничества и помощи генерала не приходится. Надо, во чтобы то ни слало, не спѣшить и до поры до времени не мириться съ злодѣемъ, а начинать наступательную войну.

Дѣло объяснилось просто. Живя у старухи и бесѣдуя съ ней, Горстъ узналъ, что она имѣетъ три ящика бумагъ и писемъ покойнаго сына, которыя надо сжечь, какъ негодный хламъ. Горстъ, конечно, предложилъ Аринѣ Саввишной, прежде чѣмъ все сжигать, пересмотрѣть все и узнать, нѣтъ-ли чего и важнаго. Старуха, конечно, согласилась и поручила ему это дѣло. Молодой малый занялся добросовѣстно и просидѣлъ за разборкой бумагъ нѣсколько дней, но ничего важнаго не нашелъ. Однако, въ вечеръ того дня, какъ Абдурраманчиковъ, повидавъ всѣхъ Татевыхъ, выѣхалъ изъ „Симеонова", Горстъ, снова занимаясь своей работой, нежданно нашелъ нѣчто, что сразу оцѣнилъ.

Ему попалось письмо къ покойному князю отъ его друга, дворянина Рубакова, въ которомъ тотъ убѣдительно просилъ князя разсказать „извѣстное дѣло" подробнѣе, такъ какъ оно его очень интересуетъ. Онъ просилъ тоже, если возможно, передать ему приблизительно содержаніе той бумаги, которую заставилъ князя подписать „оный" человѣкъ. При этомъ Рубаковъ сообщалъ, что о судьбѣ „взятаго" Абдурраманчикова ничего неизвѣстно, но что, по всей вѣроятности, „онъ улетитъ со вторымъ фельдъегеремъ въ Сибирь".

Упоминаніе о судьбѣ Абдурраманчикова доказывало, что бумага, про которую говоритъ Рубаковъ, а оный человѣкъ, который заставилъ князя ее подписать, есть не что иное, какъ пресловутая промеморія, взятая чуть не силкомъ у князя Галушей.

И Горстъ вдругъ надумалъ... А что, если Антонъ Семеновичъ отвѣчалъ на это письмо Рубакову и передалъ ему подробно содержаніе той бумаги, которую онъ подписалъ и которая затѣмъ канула въ воду, замѣненная другой, роковой для семьи Татевыхъ? И онъ тотчасъ рѣшилъ, что прежде всего надо ѣхать въ городъ и повидаться съ Рубаковымъ.

Ни Арина Саввишна, ни Ариша долго не могли понять того, что Горстъ старался объяснить. А затѣмъ онѣ обѣ даже испугались того, что молодой человѣкъ заявилъ:

— Если все обстоитъ,—радостно объяснилъ Горстъ,—какъ я надѣюсь, то нечего намъ откладывать нашу свадьбу, нечего опасаться Абдурраманчикова. Мы обвѣнчаемся съ Аришей и тотчасъ-же прямо въ Петербургъ—хлопотать. И не одни. Съ нами поѣдетъ еще одна добрая душа... А кто, я вамъ не скажу покуда. Да и не повѣрите...

Однако, если Ариша долго не понимала того, что вдругъ обрадовало и обнадежило Горста, то Арина Саввишна вскорѣже все поняла.

— Умница ты и молодецъ!—сказала она и погладила Горста по головѣ.—Правда! Пожалуй, что и впрямь можно будетъ начать хлопотать.

Но старуха заставила, однако, Горста снова толковѣе разсказать ей все касающееся до дѣла, то-есть исторію о двухъ промеморіяхъ.

Горстъ охотно и горячо снова разсказалъ все въ подробностяхъ, и старуха тотчасъ согласилась, что, конечно, ему слѣдуетъ вѣзжать въ городъ, чтобы повидаться съ Рубаковымъ.

— Поймите, каково благополучіе!—радостно восклицалъ Горстъ,—если господинъ Рубаковъ такое письмо князя получилъ да его не уничтожилъ? Каково будетъ значеніе этого собственноручнаго письма покойнаго Антона Семеновича въ подтвержденіе того, что и такъ ясно доказываютъ добытые мною черновые листки, писанные воромъ Галушей.

Какъ сокровище, припрятавъ въ карманъ письмо Рубакова, Горстъ немедленно выѣхалъ въ городъ.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, онъ захватилъ и нѣсколько другихъ писемъ, которыя князю писали когда-то разныя лица, сочувствуя ему въ его ябедническомъ дѣлѣ съ сосѣдомъ Абдурраманчиковымъ по поводу кражи Ѳедоськи.

Пріѣхавъ въ городъ, Горстъ тщательно скрывался и не показывался на улицахъ днемъ. Но на второй день онъ поздно вечеромъ явился къ Рубакову, котораго никогда лично не зналъ. Въ послѣднее время, когда онъ много знакомился въ городѣ, распуская всякіе слухи про Абдурраманчикова, онъ не могъ познакомиться съ Рубаковымъ, такъ какъ этотъ былъ въ отсутствіи.

Принятый старикомъ, Горстъ объяснилъ ему свое дѣло и заявилъ, что онъ рѣшается начать хлопоты по поводу дѣла Татевыхъ. Рубаковъ волновался, даже слезы показались у него на глазахъ.

— Господь Богъ васъ наградитъ! — воскликнулъ онъ.— Если-бы я могъ это сдѣлать, то, конечно, тоже взялся-бы за это. Сколько лѣтъ на свѣтѣ живу, никогда подобнаго ничего не слыхивалъ, не только не видывалъ. Если вамъ понадобятся въ Петербургѣ деньги, то расчитывайте на меня. Я былъ первымъ другомъ покойника, онъ одолжалъ меня не разъ, и я сочту своимъ святымъ долгомъ теперь поквитаться съ его дѣтьми. Средства у меня небольшія, но, если понадобятся какія деньги петербургскимъ карманщикамъ, то все-таки расчитывайте! Тысячъ пять я дамъ съ удовольствіемъ. Если все дѣло устроится, Татевы могутъ мнѣ ихъ возвратить, а не устроится—пускай пропадаютъ! Мнѣ не жаль будетъ.

Разумѣется, Горстъ, тотчасъ-же разъяснивъ свой планъ подробно, показалъ Рубакову его письмо къ князю Антону Семеновичу.

— Помните-ли вы это письмо?

Рубаковъ прочиталъ и заявилъ, что хорошо помнитъ.

— Я любопытствовалъ узнать, какую такую бумагу эта лисица вынудила князя подписать. Меня это обстоятельство очень смущало. Вѣдь, покойникъ былъ въ иныхъ дѣлахъ прямо младенецъ.

— Отвѣчалъ-ли вамъ князь на это письмо, — спросилъ Горстъ,—и разсказалъ-ли, какую бумагу онъ подписалъ?

— Отвѣчалъ, понятно, подробно!

Горстъ, прежде чѣмъ сдѣлать слѣдующій вопросъ, оробѣлъ, смущенный впередъ тѣмъ, что отвѣтилъ Рубаковъ.

— Цѣло-ли у васъ это письмо князя? — выговорилъ онъ волнуясь.

— Понятно, цѣлехонько! — отвѣтилъ Рубаковъ.

Горстъ вскочилъ, бросился къ старику и чуть-чуть не обнялъ его.

— Родимый! Спаситель! Вѣдь, вы все спасете, коли письмо цѣло!..

Рубаковъ удивился, но затѣмъ, едва только Горстъ кратко объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, старикъ понялъ и тоже взволновался.

— Помилуй Богъ! Я готовъ голову отдать на отсѣченіе, что письмо цѣло. Но вы меня все-таки напугали... Ну, вдругъ, какъ на грѣхъ его нѣтъ!

Черезъ нѣсколько минутъ оказалось то, чего и ожидать было нельзя. Рубаковъ раскрылъ всѣ ящики большого бюро, гдѣ оказалась пропасть бумагъ и писемъ въ полнѣйшемъ порядкѣ, перевязанныхъ пачками и съ надписями именъ и годовъ за нѣсколько лѣтъ. На одной изъ пачекъ стояла надпись крупными буквами: „Князь Татевъ“, и въ этой пачкѣ оказались всѣ письма Антона Семеновича за много лѣтъ, писанныя изъ „Симеонова“.

Рубаковъ не сталъ развязывать пачку и передалъ всю Горсту.

— Берите все! — сказалъ онъ. — Когда нужда въ этомъ пройдетъ, возвратите, а теперь берите. Отвѣчаю, что нужное вамъ письмо найдется въ числѣ прочихъ. А можетъ, вы и въ другихъ письмахъ найдете что важное. Главная забота, такъ сказать, заноза послѣднихъ лѣтъ жизни покойника, былъ этотъ самый Абдурраманчиковъ, стало быть, во всѣхъ письмахъ рѣчь идетъ о немъ.

Горстъ, вернувшись къ себѣ, занялся чтеніемъ этихъ писемъ и, конечно, тотчасъ-же нашелъ нужное письмо. Князь пространно и подробно, очевидно, не болѣе, какъ дня черезъ три или четыре послѣ подписанія промеморіи, излагалъ ея содержаніе Рубакову чуть не слово въ слово.

И Горстъ вспомнилъ, что въ его пачкѣ черновыхъ листовъ сочиненной Галушей промеморіи есть два листка, писанные канцелярской рукой, и въ сторонѣ безо всякихъ помарокъ.

Содержаніе этихъ двухъ листковъ и содержаніе письма князя къ Рубакову было почти буквальнымъ повтореніемъ.

Горстъ задумался... Ему впервые представилось, что дѣло Татевыхъ получаетъ совершенно иное значеніе или иное освѣщеніе. Если окажется въ Петербургѣ хотя-бы одинъ важный сановникъ, который захочетъ взять на себя защиту всей этой несчастной семьи и доведетъ дѣло до государя, то все будетъ спасено.

На другой день вечеромъ Горстъ снова побывалъ у Рубакова и обрадовалъ его извѣстіемъ, что благодаря его аккуратности и храненію писемъ друзей, дѣло Татевыхъ принимаетъ совершенно другой оборотъ.

— Счастливъ буду до конца моихъ дней,—отозвался старикъ,—если простое письмецо, мною сохраненное, возвратитъ благополучіе семьѣ покойнаго друга!

И онъ тотчасъ-же повторилъ свое предложеніе о деньгахъ. Горстъ, поколебавшись, заявилъ:

— На хлопоты и на смазку врядъ-ли деньги понадобятся. Мнѣ придется дѣло имѣть съ такими особами, которыя слишкомъ высоко стоятъ и слишкомъ богаты сами, чтобы ихъ умасливать какой-нибудь тысченкой рублей. Но есть другое, что можетъ быть помѣхой! Это другое обстоятельство въ томъ, что мнѣ надо жить въ Петербургѣ и тратиться. Сколько времени возьмутъ хлопоты и ходатайства,—я, конечно, знать не могу боюсь, что у меня прямо не хватитъ денегъ на жизнь. Поэтому если вы мнѣ дадите тысячу рублей, то это будетъ великая помощь. А какъ только все придетъ къ благополучному концу, я, конечно, возвращу ихъ вамъ.

— Не вы, а будущіе князя Татев...!

И при этомъ старикъ, открывъ ящикъ стола, вынулъ толстую пачку ассигнацій и передалъ ее Горсту.

— Вотъ приготовлена была для васъ! Пропадетъ—Богъ съ ней, а поможетъ дѣлу—князья Татевы отдадутъ!

— Даю вамъ честное слово,—горячо вымолвилъ Горстъ,—что въ случаѣ благополучнаго окончанія дѣла ихъ отдастъ вамъ г-жа Горстъ, рожденная княжна Татева.

Рубаковъ вытаращилъ глаза.

— Да, услуга за услугу! Вы мнѣ въ этомъ дѣлѣ помогаете, а потому я вамъ первому сообщаю о моемъ намѣреніи.

XXIX.

Наступилъ день, назначенный для бракосочетанія дочери генерала и намѣстника съ простымъ крестьяниномъ.

Въ селѣ „Кутѣ“ былъ довольно большой съѣздъ тѣхъ дворянъ-сосѣдей, съ которыми отношенія Абдурраманчикова остались хорошими. Изъ города не было, однако, никого.

Между тѣмъ, наканунѣ этого дня самъ генералъ, его дѣти и женихъ уже смущались. Болѣе всѣхъ былъ опечаленъ Гаврикъ.

Ввечеру былъ послѣдній срокъ прибытія всей его родни. Сначала предполагалось, что всѣ, кромѣ бабушки, пріѣдутъ дня за три. Помѣщеніе для Татевыхъ, живущихъ въ „Симеоновѣ“ въ простыхъ избахъ, было, конечно, приготовлено въ домѣ и въ самой лучшей его части, какъ для родни жениха. Татевы, однако, запоздали, сославшись на то, что бабушка захворала и проситъ не оставлять ее одну, причемъ обѣщались прибыть всѣ ввечеру, наканунѣ дня свадьбы.

Вечеръ и ночь прошли, но никто изъ нихъ не явился. А на утро пріѣхалъ гонецъ и привезъ письмо Абдурраманчикову отъ Семена Антоновича. Генералъ прочелъ его и чуть не позеленѣлъ отъ гнѣва. Цѣлый часъ просидѣлъ онъ у себя въ кабинетѣ, не зовя дѣтей и не заявляя ни о чемъ. И онъ, какъ умный человѣкъ, догадался, конечно, тотчасъ, что приключилось что-то новое, важное, нежданное и почти невѣроятное.

— Но что?—спрашивалъ онъ самъ себя.

Семенъ Антоновичъ отъ имени всей семьи заявлялъ, что никто изъ нихъ на вѣнчаніи брата Гавріила быть не можетъ и что на это есть причина очень уважительная: всѣ они должны быть на другой свадьбѣ, которую отложить нельзя никакъ—на свадьбѣ сестры Арины Антоновны съ Горстомъ, которая должна спѣшно и тайно произойти въ одномъ селѣ за шестьдесятъ верстъ отъ нихъ.

Понятно, какъ могло подѣйствовать подобное невѣроятное глумленіе на Абдурраманчикова. Важенъ былъ не отказъ пріѣхать на свадьбу. Важенъ былъ не самый бракъ Горста съ Аришей! Важенъ былъ вызовъ, брошенный въ лицо человѣку, во власти котораго находилась вся семья, уподобляясь крѣпостнымъ въ рукахъ своего помѣщика.

Что-же приключилось? Что даетъ имъ имъ смѣлость такъ поступить? Вѣнчать Аришу безъ его позволенья и вѣнчать на смѣхъ ему въ одинъ день и часъ съ вѣнчаньемъ его дочери съ Гаврикомъ.

„Что-то есть! Что-то важное!“ — рѣшилъ Абдурраманчиковъ.—„Не съ ума-же они всѣ сошли“.

Разумѣется, вѣнчанье Гаврика съ Елизаветой не было отложено и запоздало лишь на два часа. Однако, свадьба вышла странная... Если самъ женихъ стоялъ въ церкви печальный, въ совершенно угнетенномъ состояніи духа, то и невѣста, и даже брать ея смотрѣли тоскливо. Самъ Абдурраманчиковъ былъ не печаленъ, а просто суровъ и угрюмъ, стараясь „не показать и виду“, то-есть, сдерживая бушевавшее въ немъ озлобленіе.

Всѣ гости были тоже будто смущены, хотя совершенно не понимали, почему дворянская семья, обращенная въ крестьянъ, противится женитьбѣ одного изъ своихъ на дочери человѣка властнаго вообще и полнаго владыки надъ ними самими и ихъ судьбой.

— Что то да есть, сокрытое,—говорили гости между собой,—нелады какіе, и важные. А то-бы пріѣхали...

Одновременно почти въ тѣ-же часы происходило другое вѣнчанье въ маленькомъ храмѣ захолустнаго сельца, гдѣ восьмидесятилѣтній старецъ-священникъ не побоялся итти противъ намѣстника и властей. Но старикъ не былъ купленъ, ничего не взялъ за вѣнчанье и согласился попасть въ отвѣтъ, чтобы исполнить только просьбу любимой и уважаемой имъ помѣщицы генеральши Бокъ.

Разумѣется, свадьба Горста, рѣшенная вдругъ, совпала со свадьбой Гаврика почти случайно. Но были и причины: вѣнчаться раньше и затѣмъ Аришѣ уѣхать въ „Кутъ“ одной—ни ей, ни Горсту не хотѣлось: отложить вѣнчанье до возвращенія ея отъ Абдурраманчиковыхъ было тоже почти невозможно: генералъ могъ задержать Аришу со всей семьей у себя на долгое время, ради празднованія, которое, по обычаю времени, длилось иногда по недѣлѣ и по двѣ, а, между тѣмъ, Горсту и Аришѣ время было терять нельзя, они спѣшили садиться въ экипажъ, чтобы ѣхать въ Москву, а изъ Москвы въ Петербургъ.

Смѣлый Горстъ, осмѣлѣвъ до крайности, отважно рѣшилъ, не откладывая дѣла, тотчасъ-же вѣнчаться, тотчасъ ѣхать и тотчасъ начинать ходатайство, трудное, опасное, даже, пожалуй, на иные глаза, противозаконное.

— Была не была!—восклицалъ онъ.—Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.

Однако, послѣ свадьбы, веселой и радостной, на которой Катюша, Терентій и Рафушка прыгали и шалили какъ настоящія дѣти, молодые изъ боязни намѣстника двинулись не обратно въ „Симеоново“, а прямо на Москву, минуя губернскій городъ.

Въ Москвѣ ихъ уже ждалъ близкій человѣкъ, истинный другъ, какіе познаются только въ несчастіи. Это была, конечно, генеральша Бокъ, уже выѣхавшая впередъ. И не

только въ Москву собралась она, но и въ Петербургъ. Ея-то помощь и рѣшимость, и смѣлость, главнымъ образомъ, и ускорили все...

Горстъ былъ рѣшителенъ и смѣлъ, но изрѣдка при неудачѣ падалъ духомъ. Генеральша дѣйствовала упорно, не смущаясь и не колеблясь, если разъ рѣшила что-либо... Чтобы побудить Горста начать дѣло ходатайства безъ отлагательства, она, не дождавшись ихъ свадьбы, выѣхала впередъ

Теперь Бокъ жила уже съ недѣлю въ Москвѣ. Она уже кое-кого повидала изъ старыхъ знакомыхъ, съ которыми давно не видалась, и самымъ вѣрнымъ друзьямъ созналась, зачѣмъ ѣдетъ въ Петербургъ. Въ подробности она, конечно, не входила, а говорила, что съ ней вмѣстѣ будетъ человѣкъ, знающій дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Если въ Петербургѣ пожелаютъ его выслушать, то будетъ вновь назначенъ строжайшее слѣдствіе, которое приведетъ къ тому, что государь, добрый и справедливый, долженъ будетъ положить гнѣвъ на милость и покарать тѣхъ, кто его дерзнулъ обмануть.

Генеральша Бокъ объяснила, что прежде всего она, конечно, хочетъ обратиться къ человѣку, который всегда покровительствовалъ князю Татеву—къ князю Бѣлопольскому. Оказалось, что родня одной изъ пріятельницъ генеральши тоже близкая родня и князю Бѣлопольскому—двоюродная сестра; къ тому-же въ молодости они были большими друзьями, чуть-чуть не повѣнчались, и ихъ бракъ разстроился только запрещеніемъ митрополита ввиду близкаго родства. Когда ей разсказали и объяснили все, касающееся до Татевыхъ, она съ удовольствіемъ предложила написать письмо кузену Бѣлопольскому, рекомендующее генеральшу Бокъ.

Въ тотъ-же день, когда Авдотья Евдокимовна получила незапечатанное письмо, гдѣ ее рекомендовали князю, въѣхали въ Москву и остановились въ той-же гостиницѣ, гдѣ была она, положительно самые счастливые люди на свѣтѣ: молодые супруги Горстъ.

Генеральша ахнула при видѣ Ариши.

— Господи Іисусе!—воскликнула она.—Вотъ что значитъ счастье! Помолодѣла, похорошѣла! Сказала-бы я—помолодѣла на десять лѣтъ, да нельзя, потому что тогда выйдешь ты младенецъ!

Горстъ привелъ въ восторгъ генеральшу заявленіемъ, что онъ не даромъ запоздалъ. Теперь въ его рукахъ такія доказательства, что все затрудненіе заключается лишь въ одномъ: добиться, чтобы кто-либо доложилъ дѣло государю. А если будетъ приказано разслѣдовать дѣло, то все станетъ ясно „въ три присѣста мудрыхъ судей“.

Генеральша, желая похвастаться тоже, достала изъ шкатулки письмо къ князю Бѣлопольскому и дала его прочесть. Къ ея удивленію, Горстъ не пришелъ въ восторгъ.

— Конечно, это хорошо!—сказалъ онъ.—Да вотъ что-Авдотья Евдокимовна, вотъ что, ваше добрѣйшее превосхо, дительство. Надо знать то, что мало извѣстно у насъ въ намѣстничествѣ, но всѣмъ хорошо извѣстно здѣсь въ Москвѣ, а въ Петербургѣ еще болѣе. Есть два сорта лицъ и важныхъ особъ: тѣ, которыхъ жалуетъ государь, и тѣ, которыхъ жаловала покойная императрица. А князь Бѣлопольскій былъ ей хорошо извѣстенъ и имѣлъ доказательства ея благосклонности къ нему. И вотъ этого достаточно, чтобы онъ принадлежалъ къ тому сорту людей, которымъ теперь надо помалкивать, чтобы самимъ себѣ не нажить какой бѣды. Да тамъ видно будетъ! Если самъ Бѣлопольскій откажется за невозможностью дѣйствовать, побоясь даже, что его вмѣшательство ухудшитъ дѣло, то онъ можетъ направить насъ къ кому другому, кто теперь въ силѣ.

Такъ какъ Горсты—и мужъ, и жена—отъ непривычки путешествовать сильно утомились въ пути, сдѣлавъ его въ плохомъ тряскомъ тарантасѣ, то рѣшено было, что прежде новаго пути они отдохнутъ нѣсколько дней въ Москвѣ.

А пока надо было заняться другими дѣлами. Генеральша Бокъ, захватившая съ собой достаточно денегъ—и своихъ, и занятыхъ,—жаловалась, что не можетъ рѣшиться на одну трату очень бы полезную—купить дорожную карету. Горстъ, улыбаясь, заявилъ ей, что онъ готовъ дать половину того, что будетъ стоить дорожная карета.

— Какими судьбами?—удивилась генеральша.

— А такими, что есть на свѣтѣ добрые люди. Есть такіе-же, какъ вы, ваше превосходительство. Г. Рубаковъ далъ мнѣ тысячу рублей!

— Хорошій человѣкъ!—съ чувствомъ произнесла генеральша.

— Да, такой-же, сказываю, какъ и вы!

— Ну, что я! Я должна! Я—пріятельница Арины Саввишны. Сколько лѣтъ я мечтала, что моя Маша будетъ княгиней Татевой, и, кабы не она, и было-бы такъ! Хотя, правда, самъ Гаврикъ былъ противъ этого. Ну, да что! Стало быть, не судьба!

XXX.

Время прошло въ томъ, что Ариша гуляла по Москвѣ, была въ кремлѣ, прикладывалась къ мощамъ. Генеральша хлопотала и разсылала своихъ двоихъ людей разузнать, гдѣ можно купить хорошую дорожную карету. Горстъ-же пропадалъ изъ гостиницы съ утра, не говоря, что онъ дѣлаетъ. И только на третій день, ввиду того, что Ариша какъ-бы начинала ревновать его, говоря, что у него въ Москвѣ какая-нибудь старая знакомая въ родѣ Ѳедоськи Кизильташевой, Горстъ разсердился и объявилъ:

— Правило у меня—не болтать всего! Мало-ли что на умѣ есть? Но отъ тебя да отъ генеральши, конечно, никакихъ секретовъ у меня быть не можетъ. Гдѣ я пропадаю? О чемъ хлопочу? Ну, что-же, извольте, скажу! Кто теперь въ Россійской имперіи первые люди послѣ монарха? Аришѣ-то, конечно, неизвѣстно, ну, а вы, генеральша, знаете?

— Первыи люди послѣ царя? Вѣстимо, сановники, особы важныя!

— Да не въ этомъ дѣло! А какъ ихъ зовутъ.

— Понятно, не знаю!

— Ну, вотъ то-то и есть! А я знаю! И давно знаю! И, покуда я былъ въ нашемъ захолустьѣ, мои знанія мнѣ ни къ чему не служили. А теперь мы все ближе да ближе къ Санктъ-Петербургу, гдѣ эти особы обывательствуютъ и всей Россійской имперіей заправляютъ. И вотъ надо въ Москвѣ бѣгать да нюхать, какъ лягавая собака по болоту, авось какую-либо важную птицу московскую спугнешь или, лучше сказать, накроешь, да не для того, чтобы ее распотрошить, а для того, чтобы ей поклониться въ поясъ. Мое дѣло объяснить можно кратко! Первыя два самыхъ важныхъ лица въ имперіи теперь генералъ Аракчеевъ и графъ Кутайсовъ. И вотъ, если можно въ Москвѣ розыскать кого-нибудь, кто имъ близокъ, да получить къ нимъ такія-же письма, какое вы получили къ Бѣлопольскому, то ужъ мы поѣдемъ съ вами изъ Москвы веселѣе. А не найдемъ—въ самомъ Петербургѣ будемъ хлопотать. И скажу я вамъ еще, что сегодня мнѣ тому часа съ два посчастливилось. Назвали мнѣ старичка-капитана; фамилія его—Кузьминъ. Человѣкъ онъ бѣдный, хворый, ходитъ съ палочкой, едва ноги волочитъ, живетъ въ маленькомъ домикѣ, гдѣ-то на краю города, около Москвы рѣки, близъ Зачатіевскаго монастыря. И вотъ къ нему-то я завтра поутру и отправлюсь.

И, замѣтивъ, что генеральша и жена смотрятъ на него вопросительно и удивленно, Горстъ усмѣхнулся.

— Да, къ бѣдному да хворому старичку Кузьмину я и отправлюсь. И поклонюсь я ему въ ножки: „дайте, молъ, мнѣ письмецо, по которому меня-бы принялъ человѣкъ, коего вы называете запросто Алешей". И вотъ, если онъ дастъ письмо къ тому Алешѣ, то я, какъ пріѣду въ Петербургъ, къ нему отправлюсь.

— А кто-же онъ, этотъ молодецъ Алеша?—спросила генеральша.

— Алеша-то?! А это—Алексѣй Андреевичъ, генералъ Аракчеевъ, коли не правая, такъ ужъ безпремѣнно лѣвая рука самого императора всероссійскаго.

Дѣйствительно, на другой день рано Горстъ среди маленькихъ сѣренькихъ домиковъ, разсыпавшихся на грязной полянѣ кругомъ большого Зачатіевскаго монастыря, съ трудомъ разыскалъ крошечный домикъ, нѣсколько приглядиѣе остальныхъ, съ свѣже выкрашенными въ свѣтло-голубой цвѣтъ стѣнами и со ставнями, расписанными искусникомъ-маляромъ. На всѣхъ ставняхъ были всякіе плоды и овощи: и яблоки, и груши, и морковь, и рѣпа, и всякая всячина. Крыша была ярко-красная. Вообще домикъ былъ самый приличный и даже миловидный среди окружающей грязи разныхъ ветхихъ сизыхъ домишекъ.

Войдя во дворъ, Горстъ увидѣлъ сѣдого старика, сидящаго на крылечкѣ на солнышкѣ въ мундирѣ. Это и былъ артиллерійскій капитанъ въ отставкѣ, Кузьминъ. Онъ удивился появленію молодого человѣка и его опросу, онъ-ли г. Кузьминъ?

— Я—Кузьминъ!—отвѣчалъ старикъ съ особенно добродушнымъ лицомъ. А затѣмъ съ какой-то напускной суровостью, которая совершенно не шла къ его лицу, онъ прибавилъ:—я никого не знаю и знать не хочу! Ни съ кѣмъ не якшаюсь и ни въ какія дѣла не вхожу! Никого къ себѣ не пускаю и самъ никуда не хожу! Стало быть, и тебя, голубчикъ, я къ себѣ не пущу и ни въ какое дѣло свое ты меня не втянешь. Уходи съ Богомъ!

Подобнаго рода привѣтствіе озадачило Горста. Онъ стоялъ истуканомъ передъ сидящимъ старикомъ и, не зная, какъ приступить къ своему дѣлу, растерянно молчалъ.

— Ну, чего-же стоишь? Уходи!—съ какой-то почти смѣшной, добродушной суровостью произнесъ старикъ.—Не хочешь? Ну, ладно... Гей, Антипъ, спусти...

Изъ сарая появился дворникъ.

— Что вы хотите дѣлать?—выговорилъ Горстъ, недоумѣвая.

— Спустить собакъ! — крикнулъ старикъ и прибавилъ серьезнѣе:—уходи, голубчикъ отъ бѣды. Изорвутъ въ клочья.

Дворникъ сталъ уже поспѣшно отпирать какую-то дверку.

— Но позвольте мнѣ, господинъ капитанъ...—началъ было Горстъ умоляющимъ голосомъ.

— Уходи, говорятъ... Живо! У меня малорусскія овчарки, самыя злючія. Съ платьемъ, съ шапкой и съ сапогами тебя съѣдятъ!—какъ-то испуганно заявилъ Кузьминъ, что, конечно, заставило Горста быстро уйти.

Вернувшись, онъ полупечально, полунасмѣшливо разсказалъ свое приключеніе. Разумѣется, Бокъ и молодые Горсты тотчасъ пустились въ путь, такъ какъ въ Москвѣ дѣлать было нечего. Путешествіе свое они совершили гораздо легче и пріятнѣе, нежели предполагали. Отчасти это было, благодаря новой большой и покойной каретѣ, купленой въ Москвѣ, отчасти—великолѣпной погодѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не мало значенія имѣло и то настроеніе духа, въ которомъ они находились. Генеральша возлагала большія надежды на письмо, полученное ею въ Москвѣ на имя князя Бѣлопольскаго. Горстъ несмотря на свою неудачу съ капитаномъ Кузьминымъ, надѣялся на свои „документы“, какъ сталъ онъ звать черновые листки, писанные Галушей, и письмо покойнаго князя къ Рубакову.

Однако, по пріѣздѣ въ Петербургъ, послѣ симидневнаго пути, съ ними случилось нѣчто особенное. И Авдотья Евдокимовна, и Ариша, и даже Горстъ,—всѣ равно почуяли и ощутили одно и то-же на душѣ, но молчали и не признавались. И только на третій день пребыванія въ столицѣ они какъ-то сразу сознались другъ другу. И оказалось, что у всѣхъ было на душѣ одно и то-же, а именно: было полное смущеніе.

Москва была имъ чужда собственно такъ-же, какъ и Петербургъ, но въ Москвѣ они чувствовали себя иначе, чувствовали, что они какъ-бы въ новомъ еще невиданномъ, но все-таки родномъ городѣ. Въ Петербургѣ они сразу смутились, чувствуя, что какъ-бы потерялись или будто заблудились въ лѣсу, не находя выхода. Все какъ-то было особенно чуждо, загадочно и даже страшно.

Даже въ гостиницѣ, гдѣ они остановились, имъ казалось, что на нихъ смотрятъ подозрительно или-же недружелюбно. А въ Москвѣ въ такой-же гостиницѣ, пожалуй, даже лучшей, хозяинъ обращался съ ними, какъ съ давнишними хорошими знакомыми, и старался имъ всячески угодить.

Кромѣ того, ихъ поразило что-то особенное во всемъ городѣ, во всѣхъ лицахъ... Было вездѣ какъ-то тихо. Казалось, что всякій обыватель Петербурга живетъ по русской пословицѣ „ушки на макушкѣ“, старается быть осторожнѣе и степеннѣе. Въ общемъ казалось, что Петербургъ—городъ скучный, унылый, съ пришибленными обывателями.

Черезъ дня три-четырѣ по пріѣздѣ словоохотливая и общительная генеральша перезнакомилась кое съ кѣмъ въ гостиницѣ, а черезъ этихъ лицъ пріобрѣла и новыхъ знакомыхъ въ городѣ. Но невольно удивило и даже слегка испугало ее то обстоятельство, что всѣ относились къ цѣли ея прибытія и къ ея дѣлу на одинъ ладъ: всѣ, кому генеральша объясняла, что пріѣхала хлопотать по дѣлу, которое поразило все ихъ намѣстничество своимъ беззаконіемъ, строгостью кары, будто сговорившись, охали, качали головами и повторяли одно:

— Какъ это вы не опасаетесь! Какъ это можно въ такія времена пріѣзжать въ столицу съ такимъ дѣломъ!

И на вопросъ генеральши, въ чемъ дѣло, ей отвѣчали, что такого рода ходатайство сугубо-опасно.

— Сидѣли-бы вы смирно у себя!—говорили ей.—Тѣмъ паче, что и люди-то эти вамъ не родня. За что-же вы изъ-за чужихъ людей да сами вдругъ попадете въ Сибирь?!

Сначала генеральша только удивлялась и смѣялась тому, что ей болтали якобы зря, но затѣмъ, когда то-же самое стало повторяться и она слышала почти одно и то-же отъ совершенно разныхъ лицъ, между собой незнакомыхъ, то, конечно, смущеніе овладѣло ею.

Горстъ тотчасъ-же по пріѣздѣ сталъ наводить справки, съ чего и съ кого ему начать. Оказывалось, что его званіе ходатая, простого мѣщанина, одѣтаго дворяниномъ, какого-то бывшаго наемнаго писца или письмоводителя канцеляріи дальняго намѣстничества, было не завидное. Его общественное положеніе прямо не давало ему возможности пробраться къ кому-либо, кто могъ-бы ему не только помочь, но хотя-бы направить.

Разумѣется, было рѣшено, что прежде всего генеральша отправится къ Бѣлопольскому отъ имени Татевыхъ и съ письмомъ старушки-москвички, его родственницы, а затѣмъ уже къ нему-же, съ его согласія, отправится и Горстъ, чтобы объясниться толково.

XXXI.

Чрезъ недѣлю генеральша, наконецъ, была принята Бѣлопольскимъ. Князь оказался человѣкомъ добрымъ, сердечнымъ, ласковымъ, принялъ генеральшу Бокъ не только вѣжливо, но и особенно предупредительно. Онъ сказалъ ей, что письмо рекомендательное изъ Москвы было ей не нужно, что, если она является ходатайствовать за семейство Татевыхъ, то этого совершенно достаточно, чтобы онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и помогъ всячески.

— Но вотъ въ чемъ дѣло, сударыня,— заговорилъ онъ серьезно.—Выслушайте меня и послушайте моего совѣта. Я вамъ прямо скажу, что я лично совершенно не могу ничего сдѣлать. Я въ такомъ положеніи, что мнѣ остается только смирно сидѣть и молчать и ничѣмъ на себя не обращать особаго вниманія выше меня стоящихъ лицъ. Но я могу направить васъ къ кому-либо, къ людямъ, которые все-таки теперь власть имѣютъ, потому что значеніе имѣютъ, которое я потерялъ. Но они тоже врядъ-ли помогутъ. Послушайтесь моего совѣта: возвращайтесь во-свояси домой и отложите попеченіе о бѣдныхъ Татевыхъ. Обождите! А долго-ли?—сказать мудрено! Ужъ, конечно, не годъ, а и два и больше, можетъ быть.

Наступило молчаніе.

— Нѣтъ, князь,—вымолвила, наконецъ, Вокъ.—Я этого дѣла не брошу, не могу. Помогите и вы, чѣмъ можете.

— Извольте, но я только могу вамъ дать рекомендательное письмо къ единственному человѣку, крайне близкому къ государю, съ которымъ у меня еще кое-какія хорошія отношенія существуютъ. Онъ—человѣкъ властный и важный. Какъ онъ посмотритъ на это дѣло—не знаю. А доложить о немъ государю съ успѣхомъ можетъ онъ больше, чѣмъ кто-либо другой, такъ какъ видитъ государя, можно сказать, отъ зари до зари.

— Что вы?!.—ахнула генеральша.

— Да съ! Онъ постоянно при особѣ государя. И онъ знаетъ своего друга-государя больше, чѣмъ кто-либо, знаетъ равно и разныя тайныя пружины разныхъ дѣлъ, знаетъ тоже многое въ Петербургѣ, что никому намъ, грѣшнымъ, неизвѣстно. Захочетъ-ли онъ доложить государю? По крайней мѣрѣ, вы отъ него услышите прямой отвѣтъ. Онъ вамъ, не обинуясь, скажетъ или „доложу“, или „и соваться не стану“. А человѣкъ этотъ—новый россійскій графъ, по фамиліи Кутайсовъ! Вы слыхали, конечно, о немъ?

— Нѣтъ, князь, ни разу не слыхала! Какъ вы сказываете?

— Кутайсовъ!

— Никогда не слыхала, какой-такой Катайцовъ.

Бѣлопольскій разсмѣялся.

— Намъ, петербуржцамъ, оно даже какъ-то странно кажетъ! И намѣстничество ваше ужъ не такое же захолустное, какъ какая-нибудь Пермь или Вологда. Можно-бы инымъ вѣстямъ изъ Петербурга достигать до васъ. А вы вотъ о такой особѣ, какъ графъ Кутайсовъ, впервые слышите!

— Да это все равно, князь! Коль скоро вы говорите, что этотъ графъ особливо важный, такъ и слава Богу! Отрядите меня къ нему—и Богъ милостивъ!

Бѣлопольскій сѣлъ за столъ, написалъ нѣсколько строкъ, а затѣмъ, вложивъ письмо въ конвертъ, запечаталъ его и передалъ генеральшѣ.

— Прежде разузнайте во дворцѣ, когда графъ можетъ васъ принять отъ моего имени? Письмо это не оставляйте! У него такихъ писемъ за день столько накопляется, что оно можетъ и пропасть. Вы его передайте изъ рукъ въ руки, когда онъ васъ приметъ.

Авдотья Евдокимовна, получивъ письмо, стала почему-то вѣрить въ полный успѣхъ. Надѣясь черезъ день или два быть принятой Кутайсовымъ, она уже представляла себѣ, какъ удивится отъ изложенія ея дѣла близкій царю человѣкъ, какъ онъ ахнетъ, что такія дѣла, какъ татевское, творятся на Руси.

XXXII.

Со дня посѣщенія генеральшей князя Бѣлопольскаго прошло болѣе недѣли. Она всякій день бывала лично или посылала Горста справляться, когда можетъ быть принята Кутайсовымъ.

— Неизвѣстно! Онъ очень занятъ.

И генеральша, и Горстъ пріуныли. Имъ ясно стало представляться, что достигнуть простой цѣли—повидать графа Кутайсова—вовсе не такъ легко и возможно, какъ казалось.

— Вотъ тебѣ и Катайцовъ!—говорила Бокъ, пригорюнясь.

Послѣ цѣлой недѣли попытокъ Горстъ, часто бывавшій въ жизни отважнымъ до дерзости, по русской поговоркѣ „была не была“, явился однажды въ швейцарскую Кутайсова нѣсколько раздраженный. Передъ большой парадной лѣстницей стояли, тихо разговаривая, человѣкъ пять. Освѣдомившись и получивъ опять все тотъ-же отвѣтъ „неизвѣстно“. Горстъ вдругъ невѣдомо почему,—быть можетъ, съ отчаянія,—возвысилъ голосъ и сталъ требовать, чтобы ему дали возможность переговорить съ какимъ-либо чиновникомъ или главнымъ камердинеромъ графа, такъ какъ въ извѣстныхъ дѣлахъ камердинеры могутъ быть въ дѣлѣ покровительства людямъ важнѣе кого-другого.

Едва онъ это выговорилъ, какъ одинъ изъ кучки лицъ, стоявшихъ въ швейцарской, шепотомъ разговаривавшій, выскочилъ впередъ и выговорилъ:

— Что вы, государь мой, этимъ желаете сказать? И какъ вы дерзаете здѣсь такія рѣчи вести?

Горстъ опѣшилъ, но, волнуясь, отвѣтилъ:

— Я ничего особливаго не сказалъ! Никакихъ худыхъ рѣчей не веду! У меня важнѣйшее дѣло, съ которымъ я пріѣхалъ въ Петербургъ Богъ вѣсть откуда, сопровождая генеральшу Бокъ, которой непремѣнно нужно быть принятой его сіятельствомъ. И вотъ мы чуть не въ десятый разъ не можемъ добиться этой милости. Я и прошу теперь, чтобы мнѣ дали возможность сказать хоть два слова кому-либо изъ чиновниковъ или адъютантовъ, или хотя-бы кому-либо изъ камердинеровъ графа.

Заговорившій съ Горстомъ приглядѣлся къ нему внимательнѣе, какъ-бы желая убѣдиться, что онъ говоритъ искренно, и затѣмъ вдругъ выговорилъ мягче и почти любезно:

— Извольте! Ваше желаніе законное! Я вамъ могу это устроить и беру все на себя! Передайте генеральшѣ, чтобы она явилась завтра въ двѣнадцать часовъ и сказала-бы вотъ ему,—показалъ онъ на швейцара,—чтобы онъ меня вызвалъ. Я ее приму и представлю его сіятельству. Если-же, паче чаянія, это не удастся завтра, то ужъ даю вамъ слово, что непремѣнно удастся послѣ завтра.

Горстъ поблагодарилъ и довольный, почти счастливый вернулся въ гостиницу.

Дѣйствительно, на другой-же день Авдотья Евдокимовна волнуясь, крестясь, творя всякія молитвы, какія она знала наизустъ, собралась и ровно въ двѣнадцать часовъ была уже въ швейцарской Кутайсова. Швейцаръ, узнавъ отъ нея, кто она, сейчасъ-же кликнулъ лакея, велѣлъ доложить Аполлону Ивановичу о вчерашней генеральшѣ.

Лакей вернулся и попросилъ Авдотью Евдокимовну войти. Она очутилась въ маленькой комнатѣ, гдѣ стояли небольшой столъ съ бумагами и два стула. Она сѣла на одинъ изъ нихъ и, продолжая волноваться, все-таки чувствовала нѣкоторое облегченіе: все-таки она была ближе къ цѣли послѣ многихъ дней тщетныхъ хлопотъ.

Прошло немного, минутъ двадцать, показавшихся ей, однако, цѣлыми двумя часами. Въ комнату быстро вошелъ тотъ-же молодой человѣкъ, объяснявшійся наканунѣ съ Горстомъ, и, войдя, прежде всего вымолвилъ:

— Простите! Извините! Виноватъ, что заставилъ васъ дожидаться, но случилось это только ради того, чтобы ваше посѣщеніе было не даромъ. И вотъ пожалуйте! Его сіятельство ожидаетъ васъ!

Авдотья Евдокимовна, сразу сугубо взволновавшись, двинулась за молодымъ человѣкомъ и прошла двѣ-три большія, богато убранныя комнаты. Но она была въ такомъ состояніи, что ничего не видѣла передъ собой.

Пройдя въ слѣдующую небольшую комнату и увидя человѣка маленькаго ростомъ и довольно полнаго, съ красивыми

типичными черными глазами и бровями, почти такими-же, какія она гдѣ-то, когда-то видѣла—она не сообразила, кто именно передъ ней.

Понемножку генеральша очнулась вполнѣ отъ нашедшаго на нее дурмана. Она поняла, что сидитъ близъ окна на креслѣ передъ хозяиномъ, который и есть самъ властный человѣкъ, знатная особа, чуть не первая въ столицѣ, самъ графъ Катайцовъ, какъ продолжала она называть его. Вѣроятно, видъ у нея былъ не простой, обыкновенный, такъ какъ графъ два раза повторилъ ей слова:

— Успокойтесь! Соберитесь съ мыслями! Вѣдь у васъ дѣло. Такъ успокойтесь! Изложите дѣло!

И Авдотьѣ Евдокимовнѣ почудилось, что эти слова она слышитъ уже не въ первый разъ, что онъ уже давно повторяетъ это, и только дурманъ мѣшалъ ей понять эти слова. Постепенно совсѣмъ успокоившись, генеральша обрѣла тотъ свой духъ, за который ей такъ часто доставалось отъ пріятельницы Арины Саввишны. Она заговорила, и по мѣрѣ того, какъ объясняла, зачѣмъ является, зачѣмъ сдѣлала цѣлое путешествіе изъ имѣнія въ Петербургъ, она оживилась и измѣнилась... И лицо ея, и голосъ стали другіе. Энергія и рѣшительность сказались въ нихъ.

Кутайсовъ, въ первую минуту принявшій ее за барыню совершенно глупую, невѣдомо зачѣмъ являющуюся, теперь понялъ, что это было смущеніе и что передъ нимъ сидитъ не только толковая, но и умная женщина. Такъ какъ генеральша, разсказывая, входила въ разныя подробности, то Кутайсовъ, наконецъ, перебилъ ее словами:

— Я это дѣло отлично знаю, поэтому не трудитесь пояснять его мелочами! Что-же вы, собственно отъ меня желаете?

Генеральша рѣшилась прямо сказать, что явилась просить его доложить о Татевыхъ самому государю императору и ходатайствовать о строгомъ разслѣдованіи дѣла ради помилованія ихъ.

— На это я долженъ сказать вамъ,—отвѣтилъ Кутайсовъ,—что Абдурраманчиковъ—достойнѣйшій человѣкъ. Я его знаю не меньше вашего, и меня крайне удивляетъ, что на него взводятъ такого рода напраслину, почти клевету.

— Но позвольте, ваше сіятельство!—замѣтила Бокъ, хитря.—Это не касается генерала Абдурраманчикова. Онъ тутъ почти не-причемъ. Все было сдѣлано, когда еще онъ и не былъ назначенъ намѣстникомъ. Если опросить его, то онъ, легко можетъ быть, приметъ участіе въ дѣлѣ и будетъ также хлопотать за Татевыхъ.

— Я иного мнѣнія, сударыня!—сухо отвѣтилъ Кутайсовъ.—Если-бы генералъ судилъ дѣло такъ, какъ вы, то онъ, будучи

начальникомъ края, самъ-бы почелъ своимъ долгомъ, какъ добрый и честный человѣкъ, ходатайствовать о Татевыхъ. А, между тѣмъ, онъ этого не сдѣлалъ. Стало быть, все это событіе имѣло происхожденіе совсѣмъ не такое, какъ вы сказываете. Какое-бы дѣло ни было на свѣтѣ, о немъ всегда существуетъ не одно мнѣніе, а нѣсколько. Вотъ вы судите по-вашему, а Абдурраманчиковъ—по-своему. Если-бы онъ самъ написалъ мнѣ, прося довести дѣло до свѣдѣнія государя императора, то я, конечно, сдѣлалъ-бы это тотчасъ-же. А итти докладывать государю то, что вы мнѣ изволили объяснить о какомъ-то мошенничествѣ или о подлогѣ какой-то бумаги, итти повѣрять самому государю бабьи сплетни и бабьи пересуды... извините, я не могу! Если-бы я бралъ на себя ходатайства по такимъ дѣламъ на основаніи только того, что мнѣ разскажетъ какая-либо дама, то полагаю, что самъ государь отдалилъ-бы меня отъ себя, какъ человѣка безсмысленнаго или какъ болтуна, который среди государственныхъ заботъ отягощаетъ его еще докладами о сплетняхъ разныхъ дворянъ россійскихъ намѣстничествъ.

Генеральша сидѣла передъ графомъ, осунувшись, опустивъ голову, какъ если-бы онъ ударилъ ее обухомъ по головѣ. „Все пропало!“—думала и повторяла она про себя.—„Конецъ!.. Не хочетъ!..“

Поднявъ глаза на графа и приглядѣвшись къ нему, она хотѣла что-то сказать, но вдругъ мысленно ахнула... Эти глаза, большіе, красивые? И эти брови? Да, вѣдь, это-же глаза и брови „его“, самого его, самого Абдурраманчикова!..

И отчасти суевѣрная Авдотья Евдокимовна вдругъ испугалась...

Между тѣмъ, пока она думала о глазахъ и бровяхъ графа Кутайсова, онъ поднялся съ мѣста и произнесъ вѣжливо, но холодно:

— Извините меня! Мнѣ недосугъ!

И въ томъ-же дурманѣ, въ какомъ генеральша вошла къ графу, она вышла и доѣхала до гостиницы. Но этотъ дурманъ былъ уже иного свойства. Вмѣстѣ съ нимъ особенная тягость легла на сердце женщины. Долго добивалась она чести и счастья повидать важную особу и чувствовала себя счастливой отъ радужныхъ надеждъ. Теперь дѣло стало ясно и просто. Оставалось одно: запрягать карету почтовыми лошадьми и уѣзжать...

XXXIII.

Разумѣется, и Горстъ, и Ариша, узнавъ о результатѣ посѣщенія Кутайсова, опустили головы, а затѣмъ, просидѣвъ въ глубокомъ молчаніи и унынiи добрыхъ полчаса, они пришли всѣ трое къ тому-же рѣшенію—ѣхать обратно.

Однако, въ тотъ-же вечеръ, несмотря на то, что женщины начали уже укладываться, Горстъ объявилъ, что надо обождать еще сутки, такъ какъ онъ на утро снова отправится туда, гдѣ бывалъ уже нѣсколько разъ безъ успѣха.

— И теперь уже такъ и быть,—сказалъ онъ,—объясню все вамъ. Ужъ все равно. Ничего не выйдетъ, такъ что-же держать въ секретѣ пустяки? Покуда вы добивались повидать графа Кутайсова, я изъ всѣхъ силъ выбивался, чтобы меня допустили къ генералу Аракчееву. И это мнѣ окончательно не удалось, но совершенно по другимъ причинамъ. Пробраться къ Аракчееву нельзя потому, что вокругъ него, прямо-таки скажу, кишмя кишитъ муравейникъ. Всякій день валитъ толпа! Онъ всѣхъ принимаетъ, но очереди своей дождаться нельзя, ужъ очень много народа. И, кромѣ того, онъ постоянно выѣзжаетъ изъ дому, возвращается и опять уѣзжаетъ. Дѣла у него кипятъ. Да и дѣлъ этихъ должно быть страсть сколько. Я самъ видѣлъ, самъ понялъ, что ему и нельзя принять всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ его видѣть. Если-бы можно мнѣ было здѣсь прожить мѣсяца два-три, то, можетъ быть, я-бы и добился того, что онъ-бы меня принялъ и выслушалъ. Да какой-же будетъ прокъ? Пожалуй, и онъ скажетъ то-же, что и графъ Кутайсовъ. Тѣмъ не менѣе, я повидаю завтра одного человѣчка. И вотъ, узнавъ, что онъ скажетъ,—по всѣму вѣроятію что-нибудь не утѣшительное,—тогда мы и соберемся во-свояси.

На утро Горстъ вышелъ изъ дому рано и вернулся почти тотчасъ-же... И часа не прошло. Но онъ вернулся съ унылымъ лицомъ. На вопросъ жены, уже догадавшейся, что успѣха не было, онъ отвѣтилъ:

— Видѣлъ я особу знаменитую... Попросту солдата!

— Какъ—солдата?—воскликнула Ариша.

— Да, простой солдатъ! Медалей у него тьма тьмущая, видъ бравый, молодецкій. Человѣкъ прямо отмѣнный! Душа-человѣкъ! Россійскій воинъ, побывавшій въ столькихъ кампаніяхъ и сраженіяхъ, что и счетъ имъ потерялъ! Пять разъ раненъ былъ, два раза контуженъ, на лбу цѣлая трещина отъ сабли турецкой. Ну, прямо россійскій воинъ, молодецъ! А душою и добротою таковъ, что за это одно ему-бы еще съ десятокъ медалей дать. Онъ состоитъ чѣмъ-то при генералѣ,

который его очень любитъ. Недолго мы съ нимъ бесѣдовали, и онъ мнѣ сказалъ, что дѣло мое мудреное, что генералъ въ такія дѣла не вмѣшивается, считая, что это не по его части. Если-бы я былъ военный или Татевы всѣ были военные, тогда-бы иное дѣло. А до статскихъ, дворянскихъ, помѣщичьихъ бѣдъ ему нѣтъ никакого дѣла. „Вотъ кабы вамъ“, — сказалъ солдатъ этотъ мнѣ,—„найти кого, кто къ генералу письмецо-бы далъ“. Я ему объяснилъ, что уже думалъ объ этомъ и что былъ въ Москвѣ у одного капитана Кузьмина. Оказалось, что солдатъ его знаетъ и даже ахнулъ. „Вотъ“,—закричалъ онъ,—„хорошо-бы было! Одно словечко капитаново — и мой генералъ ухватится за ваше дѣло. Ужъ очень онъ его, старика, любитъ. Будь у васъ самомалѣйшая отъ капитана писуля, то прямо идите сюда да скажите: „Вотъ, молъ! Отъ Кузьмина“!—„и васъ сейчасъ примутъ“. Ну, стало быть,—печально закончилъ Горстъ,—ничего сдѣлать нельзя, потому что этотъ самый дурашный капитанъ опять велитъ только спустить на меня собакъ.

Потолковавъ, Горстъ, Ариша и генеральша рѣшились.

Оставалось имъ дѣлать собственно одно — возвращаться домой.

Но чего ждать тамъ по возвращеніи? Всего худого. Какъ поведетъ себя Абдурраманчиковъ, оскорбленный ими, когда они вернутся изъ столицы послѣ дерзновенной попытки, не приведшей, конечно, ни къ чему.

— Еще хуже, чѣмъ было,—объяснила со слезами Ариша ихъ положеніе.

Путешествіе обратное до Москвы было настолько унылое, всѣ трое чувствовали себя настолько несчастными, что долго потомъ вспоминали эти ужасные тяжелые дни.

Сначала было рѣшено не останавливаться въ Москвѣ, а, отдохнувъ одинъ день, двигаться далѣе. Горстъ предполагалъ, тайно проѣхавъ прямо въ „Симеоново“, чтобы дать возможность женѣ повидаться съ родными, тотчасъ уѣзжать „куда глаза глядятъ“ отъ мести Абдурраманчикова.

Однако, по пріѣздѣ въ Москву предпріимчивый молодой человѣкъ не могъ рѣшиться ѣхать далѣе, не попытавъ счастья снова. Совѣтъ и слова солдата, служащаго у Аракчеева, не выходили у него изъ ума.

— Пойду опять къ капитану. Вѣдь, не съѣдятъ-же меня его собаки. Только платье изорвутъ, — сказалъ Горстъ женѣ.

Выспавшись ночь и отдохнувъ отъ долгаго томительнаго и печальнаго пути, онъ рано утромъ снова былъ у Зачатіевскаго монастыря, снова вошелъ во дворъ дома капитана Кузьмина и снова нашелъ его сидящимъ на крылечкѣ, какъ если-бы тотъ за все это время и не двигался съ мѣста.

Капитанъ, завидя Горста, сразу узналъ его.

— Опять ты!—крикнулъ онъ, поводя бровями.

— Я-съ,—отвѣтилъ Горстъ особенно грустнымъ голосомъ.

— Вонъ пошелъ! Вонъ!.. Побродяга отчаянная.

— Не могу я, господинъ капитанъ. Вотъ Богъ—не могу.

— Какъ не можешь? Такъ я дворника кликну. Опять собакъ на тебя спустить велю.

— Послушайте... Я уйду и никогда вы меня больше не увидите,—снова уныло заговорилъ Горстъ. — Только прежде дозвольте мнѣ вамъ дать нѣсколько вопросовъ.

— У меня никакихъ дѣлъ нѣтъ, о чемъ-же ты будешь меня спрашивать?—крикнулъ Кузьминъ.

— Я не о дѣлахъ буду спрашивать.

— Такъ о чемъ-же?

— А вотъ послушайте! Первое дѣло я спрошу: вѣруете-ли вы въ Бога?

— Чего?—удивился старикъ и ротъ разинулъ.

Горстъ повторилъ.

— Да что ты, шалый, что-ли? Бѣшенымъ волкомъ искусанъ?

— Сдѣлайте милость, отвѣчайте!

— Да, вѣстимо, дуракъ, вѣрую! Извини, а не могу не сказать, что ты—дуракъ.

— Добрый-ли вы и душевный человѣкъ или злюка?

Старикъ, державшій палку въ рукѣ, поднялъ ее и выговорилъ крикливо и сурово, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ добродушно:

— А если я тебя вотъ этимъ?!.

— Что-жъ, ударьте! Я — христіанинъ, заповѣди Божьи исполняю. Ударите вы меня по щекѣ, а я вамъ другую подставлю!

— Вонъ какъ!—произнесъ Куьминъ, опустивъ палку.

И онъ сталъ внимательно присматриваться къ лицу Горста.

— Что-же, сдѣлайте одолженіе, скажите, добрый вы человѣкъ?

Кузьминъ покачалъ головой и проговорилъ:

— А кто-жъ его знаетъ! Кажись, что добрый! Зла никому въ жизни вольно не дѣлалъ. Ну, а невольно мало-ли что могло быть!

— Ну, вотъ скажите мнѣ, — заговорилъ Горстъ горячо.— Коли вы въ Бога вѣруете и Бога боитесь, и сами по природѣ сердечный человѣкъ, то какъ вы поступите, если къ вамъ придетъ кто, ну, хотя-бы я вотъ, и скажетъ: есть, молъ, на свѣтѣ дворянское семейство, многочисленное; было оно счастливо, жило, какъ у Христа за пазухой, и вдругъ на него стряслась незаслуженная кара; стали всѣ несчастнѣе всѣхъ россійскихъ жителей. Приключилось съ ними такое несчастье, что цѣлое намѣстничество, все дворянство, не только

купечество, даже мѣщанство, даже мужики — всѣ охаютъ да ахаютъ, какъ съ такой хорошей семьей да приключилась такая бѣда. И вотъ этому самому семейству, что горе мыкаетъ, котораго вы не знаете и о которомъ никогда не слыхали, хотите-ли вы ему помочь и его облагодѣтельствовать.

— Такъ! Такъ!—отозвался капитанъ.—А я-то, простофиля, его слушаю да уши развѣсилъ! Ахъ, ты, мошенникъ, мошенникъ! И молодой. Работать-бы могъ! Эй, Антипъ!—закричалъ вдругъ старикъ на весь дворъ.

— Погодите! Что вы хотите дѣлать?

— Какъ „что“? Опять велю собакъ спустить! А то и Антипъ — такой-же старый, какъ и я, мы съ тобой не справимся.

— Да вы мнѣ скажите, что вы думаете? Что вамъ показалось изъ моихъ словъ?—изумляясь, спросилъ Горстъ.

— Какъ „что“? Ахъ, ты, нахалъ этакій! Да ты побираешься, хочешь у меня пятачекъ выманить! Вишь, семья у него несчастная! Отецъ и мать хворые, при смерти, а онъ горемычный младеньчикъ, не ѣмши съ утра. Ахъ, ты, выжига этакая! — и старикъ снова поднялъ палку и снова крикнулъ:— Антипъ! Глухая тетеря! Собакъ спущай!

— Стойте! Послушайте!—воскликнулъ Горстъ.—Я у васъ денегъ не прошу! Я самъ вамъ сто рублей готовъ подарить! Хотите, сейчасъ достану и подарю? Не въ томъ дѣло! Вы не поняли меня. Всю эту несчастную семью можетъ спасти важная особа. А эту особу вы знавали еще мальчикомъ. Напишите вы лишь два словечка только, чтобы эта особа меня къ себѣ допустила и позволила доложить обо всемъ дѣлѣ, и больше ничего мнѣ отъ васъ не требуется.

— Какая такая важная особа?

— Генералъ Аракчеевъ!

Кузьминъ снова присмотрѣлся пристально въ лицо Горста, слегка разинулъ ротъ и молчалъ, очевидно раздумывая.

— Вотъ оно что? Совсѣмъ не то. Доброе дѣло. А, вѣдь, я думалъ, ты за пятачкомъ! Нутка, помоги мнѣ встать!

Горстъ бросился, подхватилъ старика подмышки и помогъ ему подняться на ноги.

— Ну, держи, да помоги ступеньки одолѣть!

И, повернувшись, старикъ, при помощи Горста, поднялся на крыльцо и отворилъ дверь въ прихожую. Но вдругъ онъ остановился и произнесъ:

— Постой! А ну, какъ ты лиходѣй! Вѣдь, я въ домѣ-то одинъ! У меня никого со мной не живетъ! Одна дѣвка крѣпостная Акулина, а ей семьдесятъ лѣтъ, да еще и глухая, да къ тому-же ея и дома нѣтъ. Ты меня сейчасъ прирѣжешь, обокрадешь и убѣжишь. Вотъ тебѣ и доброе дѣло будетъ! Вотъ тебѣ и Аракчеевъ будетъ!

И старикъ разсмѣялся.

— Ну, знаете, господинъ капитанъ,—разсмѣялся невольно Горстъ,—я полагаю такъ, что если-бы къ вамъ пробрался настоящій душегубъ, то глядя на васъ, у него-бы не хватило злобы и силы убивать такого, какъ вы. Вѣдь, вы, прямо видать, добрѣйшая душа.

— Такъ не зарѣжешь?

Горстъ разсмѣялся снова, взялъ старика подъ локоть и произнесъ:

— Пожалуйте! Идите! Вы-то вотъ меня не зарѣжьте безъ ножа!

— А это-же какъ?

— Отказомъ дать письмо къ генералу Аракчееву.

— А вотъ разскажешь все въ самомалѣйшихъ мелочахъ—и видно будетъ! Если ты меня убѣдишь, что дѣло правое, то, понятно, не зарѣжу. Не великъ трудъ нацарапать двѣ странички писанія моему Алешѣ, то бишь Аракчееву...

XXXIV.

Горстъ просидѣлъ у старика болѣе двухъ часовъ и такъ подробно изложилъ все дѣло, по поводу котораго явился, что Кузьминъ зналъ все, быть можетъ, лучше, чѣмъ иной обыватель намѣстничества, гдѣ все произошло. Когда Горстъ кончилъ, добрый старикъ, нѣсколько взволнованный, уже не въ первый разъ закачалъ головой и забормоталъ:

— Господи! Господи! Какія дѣла творятся! Да неужто-же это у насъ на Руси этакія дѣла могутъ происходить? Ну, вотъ что, господинъ... какъ, бишь, твоя фамилія?

— Горстъ!

— Не изъ русскихъ?

— Я русскій!

— Ну, ну! Русскій, да не совсѣмъ! Изъ нѣмецкихъ русскихъ Но все-таки... Православный или еретикъ?

— Православный!

Ну, что-же, это лучше! Слушай! Я тебѣ теперь никакого письма къ Алешѣ, къ моему благопріятелю и благодѣтелю, коего я мальчугашкой зналъ и баловалъ, и любилъ, дать не могу! Онъ и теперь, Алеша, мнѣ помогаетъ. Видѣлъ ты живописаніе, въ коемъ обрѣтается мой домикъ? Его только двѣ недѣли, какъ кисточками, да красочками отмахали, да отмалевали. А у меня вотъ въ этой шкатулкѣ тридцать рублей денегъ и до слѣдующаго срока полученія пенсіи я ни гроша больше истратить не могу. На какія-же это я деньги живописалъ домикъ-то мой? Ну, вотъ на денежки Аракчеева.

Помнитъ онъ, какъ я съ нимъ мыкался, когда приходилось его опредѣлять въ ученіе и что мы горя приняли. Никуда-то его не брали! Анъ, вонъ теперь что онъ! Захочетъ онъ, такъ только пальцемъ двинетъ... Ну, да что объ этомъ! А вотъ послушай! Я теперь тебѣ къ нему письма не дамъ...

— Что вы?!. Богъ съ вами!..—воскликнулъ Горстъ.

— Постой! Не прыгай! Приходи завтра! Да только ты пойми, я вѣдь, не судья! Это когда судья говоритъ „приходи завтра", то прямо бѣда, потому дѣло видимое: „приходи завтра"—значитъ, на десять лѣтъ волокита пойдетъ! Ну, а я правду сказываю. Я нынѣшнимъ вечеромъ сяду писать и не двѣ странички напишу, а много. Большущее письмо напишу! Писать я въ молодости былъ мастеръ. А теперь ужъ, почитай, больше полугода пера не трогалъ и ничего не писалъ. Ну, вотъ я ввечеру сяду, завтра пораньше послѣ заутрени сяду опять за писаніе, а тамъ пойду къ обѣднѣ, а послѣ обѣдни опять сяду писать. А ты послѣ обѣда приходи. Дамъ я тебѣ большое письмо къ Алешѣ, то-есть къ генералу Аракчееву. И, коли онъ тебя не приметъ да не дастъ тебѣ все дѣло выложить, какъ ты мнѣ его выложилъ, ну тогда ужъ извини, я этого не прощу! Слышишь ты, не прощу! И добрый я человѣкъ, ну, а попадись мнѣ, въ волосы вцѣплюсь!

— Да за что-же, капитанъ?—заявилъ Горстъ.—Вѣдь, я-же тутъ буду не виноватъ. Не приметъ—что-же дѣлать?

— Да дуракъ ты этакій! Не про тебя я говорю! Про Алешу я говорю! Коли я, давно не писавшій, немножечко пріустану, то, дѣлать нечего, подождешь ты и еще лишній денекъ. А, можетъ, успѣю и къ завтраму приготовить.

Горстъ былъ не только радъ не только счастливъ, но даже въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Ему чудилось, что дѣло Татевыхъ рѣшилось. И рѣшилось оно сейчасъ и вотъ здѣсь, въ этомъ размалеванномъ домикѣ, въ маленькой комнатѣ этого старика, артиллерійскаго капитана.

Уходя и благодаря въ десятый разъ Кузьмина, Горстъ не выдержалъ, разсмѣялся и выговорилъ:

— Вотъ то-то! А вы на меня хотѣли собакъ спускать, вашего Антипа кликали да потомъ опасались, что я васъ зарѣжу.

— Да, дурень ты этакій, съ такимъ дѣломъ, какъ твое, еще десять лѣтъ пройдетъ, никто ко мнѣ на дворъ не забредетъ. Такія дѣла, слава тебѣ Господи, не всякій день приключаются на Руси.

— Такъ вотъ вы, капитанъ, и положите себѣ теперь за правило, прежде чѣмъ спускать собакъ, дать человѣку все сказать.

— Это—твоя правда, голубчикъ, золотая правда! — съ чувствомъ произнесъ Кузьминъ.—Это я виноватъ. И вотъ за то, что я виноватъ, я вотъ теперь на себя эпитемью и наложу! Буду писать вечеръ, буду писать завтра все утро и такъ все распишу, что ужъ непремѣнно мой Алеша тронется и захочетъ меня, старика, обрадовать исполненіемъ моей просьбы.

— Да вы, капитанъ, повторяю я вамъ, не пишите подробностей. Напишите только просьбу, чтобы меня генералъ принялъ. Больше ничего не нужно.

— Врешь. Тебѣ толкомъ говорю я! Надо, чтобы онъ зналъ, что я прошу о томъ, что мнѣ извѣстно. Нѣтъ? Ты спорить! Ты сколько лѣтъ на свѣтѣ-то прожилъ? Двадцать съ чѣмъ-нибудь. А я-то шестьдесятъ съ чѣмъ-нибудь! А ты со мной споришь! Эхъ, вотъ-бы тебя палкой-то!..

И старикъ поднялъ палку.

— Уходи, а то побью! А завтра приходи!

— Ну, а позвольте съ вами расцѣловаться?

— Зачѣмъ?

— Изъ благодарности за благодѣтельство.

— Рано. Обожди! Съѣздишь въ Питеръ, обернешь сюда назадъ, и тогда видно будетъ: цѣловаться-ли намъ. Но я чую, что цѣловаться будемъ. Даже скажу, что ты мнѣ въ ножки поклонишься, а захочу—руки у меня лизать будешь, потому что я отвѣчаю за Алешу... то бишь, за генерала Аракчеева. Ужъ такое я письмо напишу, что онъ у меня не посмѣетъ не вступиться въ это богопротивное беззаконіе съ дворянской семьей да еще со старинными князьями. Ну, а теперь убирайся. Я усталъ. Столько въ часъ времени наболталъ языкомъ, сколько мнѣ и въ годъ не приходится.

На другой день Горстъ получилъ отъ капитана увѣсистый пакетъ на имя Аракчеева.

Ввечеру, простившись съ женой и генеральшей, онъ уже нанялъ опять „вольныхъ“ и двинулся снова на Петербургъ.

Должно быть, письмо Кузьмина, которое Горстъ везъ за пазухой, какъ сокровище, было своего рода талисманомъ. Всѣ злыя силы земныя предъ этимъ письмомъ бѣжали прочь, и все ладилось шибко и головокружительно. Во-первыхъ, Горстъ напалъ на такую ямщицкую артель, съ такими лошадьми, что его везли, какъ фельдъегеря. Онъ не ѣхалъ, а мчался, и всѣ шестьсотъ верстъ отмахалъ меньше, чѣмъ въ трое сутокъ. Вѣроятно, тоже отъ того-же талисмана у самого Горста кружилась голова, если не отъ радости, счастья и нежданныхъ внезапныхъ удачъ всякаго рода.

Чрезъ сутки по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ уже былъ принятъ Аракчеевымъ, причемъ дожидавшіеся въ залѣ своей очереди генералы и сановники, изумляясь, почтительно пропустили его впередъ.

Горстъ настолько былъ смущенъ, когда вошелъ въ кабинетъ Аракчеева, что ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ смутно сознавалъ только, что предъ нимъ сидитъ молодой генералъ, суровый, мрачный, строгій взглядомъ и голосомъ, крайне некрасивый собой, съ маленькими мутными глазами и мясистымъ носомъ „картофелемъ“, съ недоброй усмѣшкой тонкихъ губъ. Онъ стоялъ, боясь дыхнуть, пока Аракчеевъ медленно, не спѣша, читалъ поданное имъ письмо, останавливался и начиналъ читать сызнова страницей выше, какъ-бы потерявъ нить изложенія.

Прочитавъ длинное посланіе Кузьмина, генералъ сталъ смотрѣть на Горста. Но смотрѣлъ онъ не какъ на человѣка, а какъ на неодушевленный предметъ—кресло или шкафъ. Затѣмъ онъ выговорилъ:

— Какъ, бишь, звать-то?

— Горстъ, ваше превосходительство,—тихо отозвался молодой человѣкъ.

— Врешь...—холодно отрѣзалъ Аракчеевъ и, тотчасъ глянувъ на первую страницу письма, прибавилъ:—Татевы.

— Виноватъ-съ, я думалъ...

— А ты изъ думающихъ?.. То-то!.. Всѣ вы—думаете... А думать вамъ нечѣмъ... Рукой, ногой, думать нельзя. Ну, вотъ... Слушай! Подбери уши на мѣсто и слушай! Я этимъ дѣломъ займусь. Но уговоръ, чтобы ни единая душа на свѣтѣ не знала, что ты меня въ это дѣло впуталъ, что я взялся за чужой гужъ. А буду-ли я дюжъ? Буду! Такъ и скажи капитану. Кланяйся ему отъ меня. Скажи: помню его, люблю и почитаю попрежнему. Ступай.

Но Горстъ не двинулся и рѣшился на вопросъ:

— Ваше превосходительство! Можетъ-ли семейство Татевыхъ надѣяться, что ихъ...

— Если все, что пишетъ капитанъ, сущая правда,—перебилъ Аракчеевъ холодно и сурово,—то вскорѣ Татевы будутъ тѣмъ-же, что и были: дворянами, и князьями, и помѣщиками. Этому порукой нашъ добрый, милостивый и справедливый монархъ. А я, Алексѣй Аракчеевъ, за него порукой.

Горстъ настолько былъ радостно пораженъ этими словами, что не только не помнилъ потомъ, какъ выскочилъ отъ Аракчеева, но почти не помнилъ, какъ проскакалъ отъ Петербурга обратно въ Москву. Уже расцѣловавъ жену, обнявъ генеральшу, онъ какъ-бы очнулся отъ угара. Разсказывая имъ все, что видѣлъ, перечувствовалъ и перенесъ, онъ будто пришелъ въ себя и понемногу все вспомнилъ и обсудилъ.

Не мѣшкая, чрезъ день трое счастливыхъ людей уже пустились въ путь къ себѣ, домой.

Но предъ выѣздомъ Горстъ, конечно, побывалъ у капитана, расцѣловался съ нимъ, а затѣмъ, не выдержавъ порыва, сталъ на колѣна и поклонился ему въ ноги.

XXXV.

Однажды по городу разнеслась вѣсть, что пріѣхали и остановились на большомъ постояломъ дворѣ мѣстная помѣщица Бокъ и бывшій чиновникъ канцеляріи Горстъ.

Въ этомъ обстоятельствѣ не было ничего удивительнаго, а, между тѣмъ, не только все дворянство, а почти весь городъ загудѣлъ—настолько заволновались всѣ отъ слуховъ, ходившихъ по городу.

Во-первыхъ, генеральша и молодой чиновникъ пріѣхали прямо изъ Петербурга, во-вторыхъ, они ѣздили дерзновенно ходатайствовать за Татевыхъ, въ третьихъ, добились полнаго успѣха! На это послѣднее были доказательства, хотя и косвенныя.

Горстъ, тайно обвѣнчавшійся передъ тѣмъ со старшей изъ сестеръ Татевыхъ, пріѣхалъ теперь вмѣстѣ съ нею и открыто поселился на постояломъ дворѣ, не скрываясь ни отъ кого, не боясь намѣстника и канцеляріи. Разумѣется, въ первые дни всѣ ожидали, что Горстъ окажется только неосторожнымъ и тотчасъ будетъ вмѣстѣ съ женой арестованъ: онъ—за дерзкую поѣздку въ Петербургъ и какъ распускатель всякихъ худыхъ слуховъ о начальникѣ края, она—по старому дѣлу, какъ заподозрѣнная въ отравленіи мужика-мужа.

Но администрація ихъ не тронула.

Разумѣется, тѣ, кто видѣли пріѣзжихъ, подивились ихъ радостнымъ, сіяющимъ лицамъ. Они были, очевидно, вполнѣ убѣждены, что дѣло ихъ выиграно. Но какъ пойдетъ дѣло? что произойдетъ?—этого они не говорили, хотя тоже, очевидно, знали.

На третій день по пріѣздѣ ихъ на постоялый дворъ явилось, расхрабрившись, съ визитомъ къ генеральшѣ много дворянъ. Но въ первый-же день пріѣхалъ только Рубаковъ. Всѣ явились одинаково взволнованные и желающіе узнать поскорѣй: дѣйствительно-ли семья Татевыхъ будетъ прощена?!.

Генеральша отвѣчала всѣмъ, что, если дѣло это не будетъ пересмотрѣно и виновные не отвѣтятъ, а невиновные не будутъ снова прощены, то тогда остается уже одно: помирать!.. На вопросъ, чего ожидать?—генеральша Бокъ говорила:

— Не знаю! Увидимъ!

И только одному Рубакову, глазъ на-глазъ, она сказала правду, объяснивъ, что вскорѣ нужно ожидать командированнаго изъ Петербурга важнаго чиновника съ двумя, какъ говорятъ, помощниками, а кто говоритъ—съ цѣлымъ штатомъ, который, по Высочайшему повелѣнію, долженъ разслѣдовать подробно все дѣло.

— Вѣроятно даже, что могутъ снова поднять старое дѣло,— говорила Бокъ,—о томъ, какъ крестьянка, крѣпостная Татевыхъ, Ѳедоська сдѣлалась крымской татаркой Кизильташевой на основаніи документовъ, состряпанныхъ въ канцеляріи. А въ это дѣло замѣшается уже и самъ намѣстникъ.

Разумѣется, всѣ въ городѣ, интересуясь вопросомъ, будутъ-ли Татевы снова дворянами и князьями, интересовались и другимъ вопросомъ, не менѣе любопытнымъ и важнымъ: останется-ли Абдурраманчиковъ намѣстникомъ? На это, конечно, генеральша ничего отвѣтить не могла.

Пока у Бокъ чередовались гости, наперерывъ являясь съ поздравленіемъ, что она по добротѣ своей успѣшно подняла дѣло всѣми любимой и уважаемой въ краѣ семьи,—въ то-же самое время Горстъ былъ однажды вызванъ къ намѣстнику.

Ариша, отпуская мужа, сильно оробѣла. Несмотря на увѣреніе Горста, что Абдурраманчиковъ теперь не посмѣетъ ничего предпринять, Ариша разсуждала по-своему: когда еще пріѣдетъ слѣдственная комиссія? А до тѣхъ поръ Абдурраманчиковъ можетъ опять и его, и ее засадить въ острогъ.

— Ну, что-же дѣлать?—почти весело отозвался Горстъ,— посидимъ! Всего какихъ-нибудь недѣли двѣ-три придется отсидѣть. Да и то не думаю! Не посмѣетъ онъ!

Абдурраманчиковъ принялъ Горста сурово, даже строго, но хитрый и дальнозидный молодой малый ясно увидѣлъ, что вмѣстѣ съ гнѣвомъ легко прочесть на лицѣ генерала и озабоченность, даже тревогу.

— Изъ Петербурга?—рѣзко спросилъ Абдурраманчиковъ, едва лишь Горстъ вошелъ къ нему въ кабинетъ и сталъ у дверей.

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство!

— И якобы съ законной женой Ариной Татевой!

— Точно такъ-съ! Съ Ариной Антоновной Горстъ.

Этотъ простой отвѣтъ, спокойный голосъ при этомъ и извѣстная увѣренность въ себѣ подѣйствовали на Абдурраманчикова. Поправляя намѣстника, который назвалъ его жену по ея дѣвичьей фамиліи, мелкій чиновникъ зналъ, что дѣлалъ: онъ давалъ какъ-бы чувствовать начальнику всего края, что теперь они могутъ потягаться силами.

— Съ тобой ѣздила и вернулась генеральша Бокъ?

— Точно такъ-съ!

— И вы вмѣстѣ хлопотали?

Горстъ повторилъ все тѣ-же слова и съ той-же интонаціей, спокойно и увѣренно и какъ-бы говоря двумя словами: „Ну? что-жъ дальше будетъ?“

— О чемъ-же вы хлопотали? О Татевыхъ?

И опять Горстъ отвѣтилъ то-же.

— Ну, слушай! Я не допросъ тебѣ чиню; буде попугаемъ повторять „точно такъ-съ!“ Разсказывай подробно!

— Мнѣ, ваше превосходительство, нечего разсказывать?

— Разсказывай, къ кому обращались, кто за васъ хочетъ вступиться и что изъ вашего ходатайства можетъ выйти?

— Не могу знать, ваше превосходительство!

— Слушай, ты все-таки не балуйся! — рѣзче произнесъ Абдурраманчиковъ. — Пока что, а ты у меня въ рукахъ, и я могу тебя прямо отсюда послать въ острогъ. Смотри, какъ-бы тебѣ не пострадать отъ легкомыслія! Какой-нибудь полоумный, хотя и сановный человѣкъ въ Петербургѣ наобѣщалъ вамъ съ три короба, а ты ужъ и вообразилъ себя какимъ-то полководцемъ, который полъ-Турціи отвоевалъ. Говори, князь Бѣлопольскій, что-ли, взялся хлопотать за васъ? Удивляешься, что я знаю? Мало ли что я знаю! Еще покойный Антонъ Татевъ жаловался ему на меня, и тотъ въ Петербургѣ принимался хлопотать за него противъ меня. Когда я былъ вызванъ государемъ съ фельдъегеремъ въ Петербургъ, то здѣсь всѣ говорили, что я по ходатайству Бѣлопольскаго, буду наказанъ за мою тяжбу съ Татевыми. И все оказалось враньемъ. Вотъ такъ-то и теперь. Ну, что-же, Бѣлопольскій, что ли, будетъ хлопотать и вамъ наобѣщалъ гору чудесъ?

Горстъ молчалъ. Онъ зналъ, что отвѣчать, но колебался: отвѣчать-ли, говорить-ли? Не лучше-ли промолчать совершенно обо всемъ, чтобы не дать Абдурраманчикову возможности принять какія-либо мѣры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Горстъ боялся, что, если онъ ничего не скажетъ, то Абдурраманчиковъ вообразитъ, что поѣздка въ Петербургъ не будетъ имѣть никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Тогда онъ не побоится, дѣйствительно, тотчасъ-же приказать свести бывшаго своего подчиненнаго прямо въ острогъ.

И Горстъ стоялъ въ нерѣшительности, а отъ этой нерѣшительности смутился, начиналъ говорить и путался, не зная, что сказать.

— Что-же ты, — выговорилъ, хихикнувъ, Абдурраманчиковъ,—началъ за-здравіе, а свелъ за упокой? Чему-же ты радовался? А теперь чего испугался?

— Дѣйствительно, князь Бѣлопольскій обѣщалъ намъ ходатайствовать,—нашелся отвѣтить Горстъ,—но онъ говорилъ, что не въ немъ сила, а въ комъ-то другомъ.

— На какомъ-же основаніи могутъ простить Татевыхъ и вернуть ихъ въ дворяне?

— На томъ основаніи, ваше превосходительство, что они наказаны безвинно.

— Какъ-же это доказать? Знаешь-ли ты, за что они наказаны были?

— Знаю-съ.

— Говори тогда!

— За продерзостныя слова, оскорбительныя для священной особы самого государя,—отвѣтилъ Горстъ.

— Вѣрно! Ну, и что-же? Стало быть, этихъ словъ они никогда и не говорили, и не писали?

— Точно такъ-съ, никогда!—отвѣтилъ Горстъ твердо.

— Это кто-же тебѣ, дураку, сказалъ?

— Я говорю, ваше превосходительство! самъ!

— Да чѣмъ-же ты докажешь свое вранье?

— Документами-съ!

— Какими?!

— Которые находятся или, вѣрнѣе, находились у меня, а нынѣ находятся въ Петербургѣ.

Абдурраманчиковъ, пристально поглядѣвъ въ лицо Горста, молчалъ, какъ-бы колебаясь сказать то, что было на языкѣ. Но, наконецъ, онъ произнесъ, отчасти вопросительно и съ особеннымъ оттѣнкомъ въ голосѣ, говорившемъ: „Не тебѣ меня удивлять, я все знаю“. Слово, которое произнесъ протяжно генералъ, было то-же самое, о которомъ такъ много было теперь толковъ въ Петербургѣ.

— Про-ме-мо-рія?

— Да-съ, промеморія... Подложная!—тихо отвѣтилъ Горстъ.

— И это ты доказалъ, что она подложная?.. И тебѣ повѣрили?.. И будутъ снова разслѣдовать дѣло?.. И старая Татиха окажется неповинна?

На всѣ эти вопросы, сдѣланные съ паузами, Горстъ не отвѣчалъ ни слова.

— Будешь ты говорить или нѣтъ?—воскликнулъ Абдурраманчиковъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не буду отвѣчать! — тихо, но твердо отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Почему-же это?—вспыхнулъ Абдурраманчиковъ, наступая на шагъ ближе къ Горсту.

— Мнѣ это не приказано въ Петербургѣ!—отвѣтилъ, этотъ, сразу придумавъ отвѣтъ.

— Такъ что-же наконецъ? Ждать сюда какихъ-нибудь разслѣдователей, которые будутъ всѣхъ опрашивать и потребуютъ къ отвѣту даже мою канцелярію? Конечно, не за то, что было при мнѣ, а за то, что было при Звѣревѣ?

— По всей вѣроятности, ваше превосходительство, вся канцелярія пойдетъ въ отвѣтъ за то, что творилось при двухъ намѣстникахъ.

— Какъ-при двухъ?—тихо произнесъ Абдурраманчиковъ отъ изумленія, а затѣмъ вторично уже закричалъ тѣ-же слова.

— При намѣстникѣ г. Звѣревѣ были подлоги, а при намѣстникѣ генералѣ Абдурраманчиковѣ было то-же кое-что...— отвѣтилъ Горстъ. — Такъ сказываютъ, а я самъ ничего не знаю.

Наступило молчаніе... Абдурраманчиковъ стоялъ неподвижно, опустивъ глаза въ полъ.

— И больше этого ничего ты мнѣ не разскажешь?—вымолвилъ онъ, наконецъ.

— Нечего разсказывать, ваше превосходительство!

— А если я велю тебя сейчасъ взять, посадить въ острогъ и пытать? Начнешь тогда говорить?

— Подъ пыткой никогда не бывалъ, ваше превосходительство, поэтому и не знаю... Можетъ быть заговорю. Но полагаю, что такое ваше преступленіе со мной теперь усугубитъ не мое и не Татевыхъ дѣло, а ваше собственное.

Наступило новое молчаніе, послѣ котораго генералъ произнесъ глухо:

— Ну, ступай! Но знай одно: не пробуй уѣзжать изъ города! Я дамъ приказъ ни тебя съ женой, ни генеральшу не выпускать.

— Очень жаль! Мы хотѣли повидаться со своими,—почти насмѣшливо вымолвилъ Горстъ.—Но что-же дѣлать! Ваша воля! Потерпимъ, авось недолго придется терпѣть!..

— Недолго? Такъ-ли? Въ скорости ожидать, стало-быть, главнаго разслѣдователя, князя Бѣлопольскаго?—разсмѣялся генералъ раздражительно.

— Гдѣ ему!—улыбнулся Горстъ.—И лѣта не тѣ, да и не по немъ такое! Пріѣдетъ какой-нибудь помоложе и пошустрѣе,—выговорилъ онъ, будто заигрывая.

— Шустрѣе даже самого тебя?—сдерживаясь, произнесъ Абдурраманчиковъ.

— Конечно! Да если и совсѣмъ таковъ, какъ я, то все-таки, ваше превосходительство, оно не плохо будетъ!

— Ну, рукъ марать не хочется, а то бы я тебя тутъ... Ты-бы у меня башкой двери растворилъ... Вонъ!..—вскрикнулъ Абдурраманчиковъ внѣ себя.

XXXVI.

Конечно, въ городѣ узнали, что намѣстникъ вызывалъ къ себѣ Горста, узнали тоже подробно весь разговоръ, происшедшій межлу ними наединѣ, такъ какъ Горстъ, не стѣсняясь, разсказалъ все дословно. И всѣ равно убѣдились, что, дѣйствительно, если молодой человѣкъ не полоумный и если генеральша Бокъ тоже не дурашная баба, то надо ждать цѣлаго событія въ городѣ. Иначе Абдурраманчиковъ не сидѣлъ-бы смирно...

Прошло около двухъ недѣль... Постоянно повсюду у дворянъ были вечера, и главными гостями, какъ-бы почетными, являлись: генеральша и бывшій чиновникъ канцеляріи съ женой.

И однажды въ городѣ пробѣжалъ новый слухъ, который снова взбудоражилъ всѣхъ. До сихъ поръ было извѣстно, что ходатаи за Татевыхъ вернулись съ убѣжденіемъ въ успѣхѣ ихъ дѣла, но кто за нихъ въ Петербургѣ вступился—было неизвѣстно, такъ какъ сами они—и Бокъ и Горстъ—будто этого не знаютъ.

Поэтому многіе уже начинали сомнѣваться, какъ-бы одумались и считали, что и Бокъ, и Горстъ прикрасили все, что разсказывали.

И вдругъ разнесся слухъ, что человѣкъ, взявшійся въ Петербургѣ за дѣло Татевыхъ, не кто иной, какъ генералъ Аракчеевъ, любимецъ государя. Явился этотъ слухъ Богъ вѣсть откуда.

Узнавшій объ этомъ Горстъ тотчасъ бросился къ Авдотьѣ Евдокимовнѣ съ упреками, говоря, что она проболталась и можетъ все дѣло испортить, такъ какъ графъ Аракчеевъ три раза повторилъ ему: „Только чтобы никто не зналъ, что ты меня въ дѣло впуталъ!“

— И вдругъ теперь отсюда добѣжитъ слухъ до Петербурга, кто-нибудь напишетъ кому-либо изъ родныхъ или друзей, и генералъ Аракчеевъ узнаетъ, что мы слова не сдержали. Что изъ этого можетъ произойти?

Авдотья Евдокимовна, перепугавшись, стала божиться, что она никому ни словомъ не обмолвилась объ Аракчеевѣ.

— Откуда-же взялось? Отчего-же всѣ начинаютъ говорить: „Аракчеевъ да Аракчеевъ?!.“—воскликнулъ Горстъ.

— Не знаю, голубчикъ! Но вотъ тебѣ Христосъ Богъ. Графа Катайцова я называла и ругала даже, а Аракчеева—никогда, ни разу не помянула.

Черезъ сутки Горстъ былъ вызванъ опять къ Абдурраманчикову и, отправляясь, догадывался, конечно зачѣмъ. И, дѣйствительно, Горстъ нашелъ генерала, уже видимо смущеннаго, а первый вопросъ его былъ:

— Отвѣчай мнѣ сейчасъ правду, или прямо отсюда иди въ острогъ! Генералъ Аракчеевъ взялся за дѣло Татевыхъ или другой кто?

— Этого я знать не могу-съ!—отвѣтилъ Горстъ.

— Видѣлъ-ли ты его въ Петербургѣ? генерала?..

Горстъ рѣшилъ отвѣтить отрицательно и, дѣйствительно, произнесъ: „Не видѣлъ“, но передъ тѣмъ такъ запнулся и такъ эти два слова произнесъ, что Абдурраманчикову стало ясно, что онъ лжетъ.

— Стало быть, видѣлъ лично? Все ему доложилъ? Ну, больше мнѣ ничего не нужно! Ступай!

— Позвольте вамъ заявить, ваше превосходительство, что я генерала Аракчеева не видѣлъ, ничего ему не докладывалъ. А вы спрашиваете меня объ этомъ на основаніи всякой болтовни господъ дворянъ и иныхъ обывателей въ городѣ.

Горстъ произнесъ это такъ твердо, иначе говоря, такъ дерзко проговорилъ, что генералъ былъ озадаченъ. Онъ не зналъ, вѣрить или не вѣрить? Затѣмъ ему пришло на умъ и онъ спросилъ себя мысленно: „Зачѣмъ-же, однако, Горсту не сознаться въ томъ, что онъ имѣлъ свиданіе съ Аракчеевымъ? Какая-же тутъ бѣда? Затѣмъ ему это скрывать, если-бы оно было правдой? Онъ даже хвастаться сталъ-бы этимъ!“

— Ну, слушай!—выговорилъ онъ, помолчавъ.—Тотъ разъ, что ты былъ у меня, я тебѣ сказалъ, что запрещаю и тебѣ съ женой, и генеральшѣ выѣзжать изъ города. Теперь я тебѣ даю другой приказъ! Дабы пресѣчь всякіе пустые разговоры, пересуды и толки, которые вы здѣсь втроемъ плодите, я приказываю вамъ всѣмъ троимъ немедленно собираться, чтобы завтра по утру вашего духа тутъ въ городѣ не было, чтобы и не пахло!.. И не смѣйте вы сюда пріѣзжать безъ моего разрѣшенія!

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство! — отвѣтилъ Горстъ.

Абдурраманчиковъ хотѣлъ что-то вскрикнуть, но произнесъ сдержанно:

— Ну, буде, молокососъ! вонъ!.. И изъ комнаты и изъ города! И самъ проваливай, и обѣихъ бабъ прихвати съ собой!

Разумѣется, и Горстъ съ Аришей, и генеральша только обрадовались приказу намѣстника и тотчасъ-же выѣхали, но въ разныя стороны, такъ какъ Бокъ поѣхала къ себѣ въ имѣніе, радуясь, что увидитъ, наконецъ, свою воспитанницу Машу.

Встрѣча Ариши съ семьей была, конечно, радостная. Не только Семенъ Антоновичъ, но даже Арина Саввишна съ трудомъ повѣрили тому, что услышали про Петербургъ, Кутайсова, Аракчеева, Кузьмина и, наконецъ, Абдурраманчикова. Разумѣется, разсказы Горста привели всю семью въ восторгъ.

Но хотя и сильно радовались Татевы, были безмѣрно счастливы, но понемногу восторженное состояніе перешло въ спокойно-счастливое, а затѣмъ понемногу всѣ становились озабочены, а, наконецъ, и тревожны: изъ столицы не было ни слуху, ни духу.

Горстъ началъ чаще отлучаться изъ дому, оставляя жену одну въ ихъ избѣ. Ѣздилъ онъ—и, конечно, тайкомъ,—въ городъ собирать всякія свѣдѣнія, узнавать, нѣтъ-ли чего новаго, не пишетъ-ли чего кто-либо кому-либо изъ Петербурга. Въѣзжалъ онъ въ городъ всегда ночью, и въ самое глухое время, иногда оставлялъ лошадей за городомъ и вступалъ пѣшкомъ. Останавливался онъ всегда у Рубакова, и конечно, объ этомъ никто не зналъ.

Рубаковъ заставилъ всѣхъ своихъ домашнихъ до послѣдняго дворника побожиться, поклясться съ цѣлованіемъ иконы Спасителя, что они никому не обмолвятся о томъ, что онъ скрываетъ у себя бывшаго чиновника канцеляріи.

Генеральша Бокъ часто пріѣзжала въ „Симеоново“, привозила съ собой и свою Машу, равно привозила птицу, овощи и фрукты. Она останавливалась всегда въ избѣ у Ариши и, подолгу бесѣдуя съ ней объ ихъ прошломъ „вояжѣ“, бывала точно такъ-же смущена, какъ и Горстъ. Вѣдь, Аракчеевъ обѣщалъ Горсту, что все будетъ сдѣлано, не откладывая въ долгій ящикъ, а теперь уже шелъ второй мѣсяцъ съ ихъ возвращенія.

Наконецъ, однажды вечеромъ, когда Ариша сидѣла въ избѣ брата Семена особенно грустно настроенная, явилась вѣсть о событіи. Ариша только что побранилась съ сестрой и даже поссорилась. Катюша заявила, что она не понимаетъ, зачѣмъ хлопотать, какой прокъ имъ въ дворянствѣ да княжествѣ? Обѣ онѣ уже замужемъ, и имъ снова княжнами не быть, а счастливы онѣ обѣ и безъ того.

— И мудреное это дѣло, —сказала Катюша.—Какъ его теперь повернуть? Ты—мѣщанка, а я—крестьянка. Вѣдь, нельзя-же нашихъ мужей тоже въ дворяне произвести?

Въ этотъ вечеръ въ „Симеоновѣ“ появился конный съ письмомъ къ Семену Антоновичу. Письмо было отъ Горста и всего лишь въ нѣсколько строкъ. Онъ заявилъ, что въ городъ пріѣхала изъ столицы комиссія.

XXXVII.

Дѣйствительно, въ городѣ уже была наряженная изъ Петербурга комиссія разслѣдовать дѣло Татевыхъ.

Въ городѣ замѣчалось что-то особенное... Было то оживленіе въ домахъ и на улицахъ, какое бывало только на рождественскихъ праздникахъ или на масленицѣ, Казалось, все поднялось на ноги. Да и было отчего. Комиссія изъ Петербурга состояла изъ человѣкъ десяти чиновниковъ, старыхъ и молодыхъ. Ничего подобнаго еще почти никогда не бывало.

Во главѣ пріѣзжихъ чиновниковъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Поповъ, родственникъ знаменитаго въ своемъ родѣ Попова, любимца и правителя дѣлъ покойнаго князя Потемкина-Таврическаго. Это былъ старикъ, угрюмый на видъ, но крайне добрый и мягкій, человѣкъ чрезвычайно дѣльный и опытный, могущій распутать всякое темное дѣло. Кромѣ того, онъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ очень образованный. Но, главное, что ему составило въ столицѣ особенную репутацію, была его честность. Уже не разъ приходилось ему отправляться въ провинцію въ видѣ ревизора, чтобы разслѣдовать и распутать какое-либо запутанное дѣло. Такъ, однажды онъ побывалъ въ Петрозаводскѣ, а годъ спустя очутился въ Новороссіи, а затѣмъ разслѣдовалъ дѣло о хищеніяхъ на Уральскихъ заводахъ. Выборъ его для разслѣдованія дѣла о Татевыхъ доказывалъ, какъ серьезно отнеслись въ Петербургѣ къ тому, что случилось съ дворянами-князьями.

Онъ помѣстился въ намѣстническомъ дворцѣ, Абдурраманчиковъ отдалъ ему всю парадную половину дома, а самъ переселился въ тѣ комнаты, гдѣ жилъ до сихъ поръ его сынъ Петръ. Тотчасъ послѣ пріѣзда комиссіи, чрезъ дня два Ѳома Ѳомичъ Галуша опасно заболѣлъ и слегъ въ постель.

Поповъ, явившись въ городъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней не приступалъ къ дѣлу, по которому пріѣхалъ. Онъ ѣздилъ по городу, дѣлая визиты извѣстнѣйшимъ изъ дворянъ и кое-кому изъ чиновнаго люда. И всюду онъ приводилъ всѣхъ въ восторгъ своей простотой, нѣжливостью и даже какой-то задушевностью.

Знакомясь, а затѣмъ бывая въ гостяхъ, приглашаемый обѣдать или вечеромъ, Поповъ заводилъ постоянно рѣчь о Татевыхъ, причемъ говорилъ, что онъ дѣла совсѣмъ не знаетъ, ни аза въ глаза въ этомъ дѣлѣ не видитъ, такъ какъ бумагъ никакихъ нѣтъ, а одни разговоры да пересуды. И Поповъ, просто болтая о Татевыхъ, заставлялъ болтать и всѣхъ своихъ собесѣдниковъ. И каждый изъ дворянъ, желая сдѣлать

ему удовольствіе, говорилъ все, что только могъ вспомнить. Нѣкоторые, постарше, разсказывали о томъ, какъ жилъ князь Антонъ Семеновичъ, еще когда водилъ дружбу съ Абдурраманчиковымъ. Старики разсказывали даже о тѣхъ временахъ, когда Антонъ Семеновичъ былъ еще офицеромъ въ Петербургѣ.

А Иванъ Ивановичъ въ этихъ простыхъ бесѣдахъ понемножечку узнавалъ все то, чего не знали и нѣкоторые обыватели. Постепенно вся, такъ сказать, исторія намѣстничества раскрылась предъ его глазами. Онъ зналъ всякія дѣла — и серьезныя, и мелкія, которыя когда-либо творились въ краѣ и волновали всѣхъ, зналъ даже анекдоты о разныхъ намѣстникахъ, узналъ и исторію Серафима Ефимовича съ Розой Эриховной. Разумѣется, вмѣстѣ съ этимъ онъ узналъ и все, что когда-либо произошло между Абдурраманчиковымъ и Татевыми, начиная съ первой ихъ стычки изъ-за холопки Ѳедоськи и кончая худыми слухами о томъ, какъ намѣревался поступить онъ по отношенію къ дѣвицѣ Татевой, нынѣшней госпожѣ Горстъ.

Комиссія, то-есть чиновники, ее составляющіе, праздно болтались по городу, знакомились и бывали тоже въ гостяхъ. Они играли въ карты, танцовали, пили и бывали иногда навеселѣ, угощаемыя обывателями, смотря по тому, съ кѣмъ были знакомы по своему чину и положенію.

Обыватели только дивились, что комиссія не приступаетъ къ дѣлу. Даже самъ Абдурраманчиковъ удивлялся, что за странная комиссія пріѣхала въ городъ? И никто не догадывался, что всѣ данныя для дѣла уже имѣлись у начальника комиссіи; не догадывались, что разслѣдованіе давнымъ-давно началось и уже приводилось къ концу.

И только однажды Поповъ, будучи наединѣ съ человѣкомъ, который ему наиболѣе, повидимому, понравился въ городѣ,— съ Рубаковымъ, на вопросъ его, когда-же начнется слѣдствіе, отвѣтилъ:

— Да какое-же слѣдствіе, родной вы мой? Читать ничего не приходится, никакихъ бумагъ нѣтъ, ну, вотъ я и занялся чтеніемъ инымъ...

— Какимъ-же?—удивился Рубаковъ.

— Читаю людей! Сижу да болтаю, и живыя книжки мнѣ многое сказали и открыли. Вотъ и вы—тоже живая книжка, и, доложу вамъ, самая интересная книжка, которая меня еще въ Петербургѣ заинтересовала. И знаете, конечно, почему? Потому что, какъ ни мало документовъ въ этомъ дѣлѣ, совсѣмъ ихъ почти нѣтъ, а все-таки одинъ изъ нихъ доставленъ вами. И вотъ придетъ день, когда Татевы должны будутъ прійти и всѣ вамъ въ ножки поклониться.

Наконецъ, однажды Поповъ, видавшій Горста, но лишь изрѣдка, какъ-бы умышленно отстраняя его отъ себя и отъ дѣла, вызвалъ его и объявилъ, чтобы онъ предупредилъ всю семью Татевыхъ, что ихъ вскорѣ вызовутъ всѣхъ въ городъ. Замѣтивъ, что молодой человѣкъ нѣсколько смутился, Поповъ разсмѣялся.

— Что же вы думаете, мы ихъ всѣхъ къ суду, что-ли, потянемъ да пытать начнемъ? Успокойтесь, они у меня явятся свидѣтелями въ пользу свою и во вредъ ихъ врагамъ. Главный свидѣтель дѣла—вы сами, и дѣла главнаго, сути всего касающагося. А васъ, какъ вы знаете, я еще до сихъ поръ не вызывалъ и не пыталъ! Ну, а скажите мнѣ, разыскали-ли вы, наконецъ, этого пьяницу переписчика? Пилкинъ, что-ли?

— До сихъ поръ, къ несчастью, не могъ разыскать,— отвѣтилъ Горстъ.—Но все-таки рукъ не покладаю и все надѣюсь.

— Жаль! Онъ-бы намъ въ большую подмогу былъ. Ну, а какъ здоровье господина Галуши? — улыбаясь, выговорилъ Поповъ.

— Не могу знать! Говорятъ, что все еще постели не покидаетъ.

— Да собственно чѣмъ онъ боленъ? Лихорадка или притворка?

— Сказываютъ, что не притворяется, а боленъ серьезно!

— Нехорошо тогда. Надо спѣшить! Помретъ онъ вдругъ отъ перепуга, и дѣло будетъ плохо. Понятно, до добраго конца я все-таки доведу, но безъ него, въ случаѣ его смерти, дѣло пойдетъ черенашьими шагами. А будь онъ живъ и здоровъ, дѣло соколомъ полетитъ.

Разумѣется, Горстъ тотчасъ написалъ Аринѣ Саввишнѣ немедленно собираться съ внуками и быть готовыми къ выѣзду по первому требованію. Требованіе это не замедлилось. Черезъ недѣлю Поповъ уже приказалъ Горсту:

— Вызывай всѣхъ сюда. Пора!

Старуха и внуки, увѣдомленные, собрались въ часъ времени и выѣхали. И этотъ пріѣздъ всей семьи Татевыхъ имѣлъ въ городѣ такое-же значеніе, какъ когда-то торжественный въѣздъ генерала Абдурраманчикова и затѣмъ прибытіе комиссіи, и даже болѣе того... Когда Татевы появились и заняли чуть не половину постоялаго двора, гдѣ всю жизнь останавливался покойный князь Антонъ Семеновичъ, то въ городѣ первые два-три дня приключилось небывалое оживленіе. Ради ли праздности и неимѣніе чѣмъ убить время или ради нелюбви къ намѣстнику,—какъ-бы ему на зло,—или наконецъ, ради общаго сердечнаго сочувствія ко всей семьѣ, все дворянство перебывало тотчасъ-же въ гостяхъ у Татевыхъ, даже люди съ ними незнакомые. А вдобавокъ нашлись нѣкоторые

богачи-купцы, которые являлись „имѣть честь представиться“ и спросить, не могутъ-ли они чѣмъ услужить Аринѣ Савишнѣ и ея внукамъ.

Главный-же начальникъ комиссіи счелъ долгомъ немедленно донести въ Петербургъ кому слѣдуетъ, какъ относится весь край къ семьѣ пострадавшихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ городѣ прозвали всю семью „наши бѣдняки“. Другіе говорили: „наши сіятельные крестьяне“. Третьи называли: „князья холопскаго званія“. Но самое любимое прозвище было „наши мужички“.

Начались тотчасъ обѣды и вечера въ ихъ честь, такіе-же, какіе были когда-то въ честь вновь прибывшаго Попова. И гостей звали, обѣщая имъ присутствіе „нашихъ мужичковъ“. И за этими большими обѣдами, почти пирами, и на этихъ вечерахъ, которые иногда походили на балы, такъ какъ молодежь танцовала, оказалось нѣчто невиданное до толѣ. Поповъ и его главные помощники, съ одной стороны, а съ другой—государственные крестьяне, ради слѣдствія надъ которыми чиновники пріѣхали, встрѣчались и сидѣли за столомъ рядомъ какъ равные. И, если сама семья была счастлива подъ вліяніемъ обѣщаній Попова, что дѣло ладится и, Богъ милостивъ, все устроится, то ровно и дворяне города были въ какомъ-то возбужденномъ, ликующемъ настроеніи. Тѣ, которые прежде мало знали всю семью или вовсе не знавали, почему-то теперь радовались, говоря:

— И на нашей улицѣ будетъ праздникъ!

Однако, всѣ прибавляли, что, ужъ если быть настоящему празднику, такъ нужно, чтобы вмѣстѣ съ помилованіемъ Татевыхъ были наказаны и „нѣкіе люди“.

XXXVIII.

Наконецъ, однажды въ большой залѣ съ колоннами въ намѣстническомъ домѣ, гдѣ такъ много разъ Абдурраманчиковъ собирался дать и большой парадный обѣдъ, и большой великолѣпный балъ, и этого не сдѣлалъ, зная, что никто не пріѣдетъ, теперь засѣдала комиссія. Сюда являлись всякія лица, ею вызываемыя. И всѣхъ удивляло и даже поражало одно невиданное еще обстоятельство: всякій вызываемый не боялся, что „причастенъ къ дѣлу“, не трусилъ, шелъ бодро и даже довольный тѣмъ, что его вызывали, всѣ знали, что тутъ нѣтъ волокиты, нѣтъ крючковъ, что тутъ не „припутаютъ“ безвиннаго и не засадятъ зря въ острогъ. Наконецъ, главное, дѣйствовавшее на всѣхъ, было то обстоятельство, что верховный судья, долженствующій быть самымъ страшнымъ, былъ тотъ

самый Иванъ Ивановичъ, котораго уже всѣ давно знали и давно уже полюбили. Они съ этимъ Поповымъ уже столько разъ разговаривали, даже шутили и смѣялись, что совсѣмъ никакъ нельзя было испугаться предстать къ нему-же на судъ и расправу.

Разумѣется, нашлись все-таки люди, которые явились на допросъ боязливо, робко. Были и такіе, которые явились перепуганные на смерть, заранѣе предвидящіе свою лихую судьбу. Въ томъ числѣ явился и первый и главный человѣкъ въ намѣстничествѣ, послѣ самого намѣстника, теперь тоже „первый“ и „главный“ въ томъ смыслѣ, что былъ наиболѣе виновенъ.

Вокругъ него когда-то, въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ, сосредоточивалось все творимое и творящее въ намѣстничествѣ. Всѣ шли къ нему съ поклономъ, такъ какъ онъ былъ, по словамъ покойной государыни, настоящимъ намѣстникомъ и дѣйствительнымъ правителемъ всего края. Теперь точно такъ-же все сосредоточивалось на немъ. Онъ сдѣлался центромъ обвиненія во всякаго рода преступленіяхъ и проступкахъ.

Главный пунктъ, который комиссія желала разслѣдовать, былъ слѣдующій: откуда взялась промеморія, подписанная и поданая покойнымъ княземъ Антономъ Семеновичемъ Татевымъ въ намѣстническое правленіе? И къ этому главному пункту было присоединено обвиненіе Галуши въ томъ, что онъ самъ написалъ эту промеморію. Черновикъ его былъ налицо.

Канцелярскій чиновникъ, пьяница Пилкинъ, который былъ разысканъ, показалъ, что писалъ сначала одну промеморію, а затѣмъ съ этихъ черновыхъ листковъ писалъ набѣло вторую промеморію, исключая послѣдняго листа, гдѣ стояла подпись князя Татева, который былъ написанъ имъ-же, но въ первый разъ, много раньше. Этотъ листъ онъ не переписывалъ вновь и знаетъ, что онъ былъ присоединенъ къ переписанному имъ съ черновыхъ листовъ.

Кромѣ того, по заявленію, поданному крестьянкой Ариной Саввишной Татевой, комиссія занялась дѣломъ о пропажѣ пятнадцати тысячъ слишкомъ. Было доказано по конторскимъ книгамъ и по записямъ покойнаго князя въ маленькой тетрадкѣ, что въ тѣ дни, когда Галуша явился въ „Симеоново“ отобрать для конфискаціи наличныя суммы, въ сундукѣ у старухи должно было находиться на-лицо около пятидесяти тысячъ. Но Галуша, почти каждый день собираясь умирать, не являлся, не свидѣтельствовалъ, а безъ него вопросъ оставался неразрѣшимымъ...

Къ этому присоединилось дѣло о томъ, какимъ образомъ крѣпостная холопка бывшихъ князей Татевыхъ, именемъ Ѳе-

досья, была противозаконно, не покупкой, а простымъ увозомъ пріобрѣтена генераломъ Абдурраманчиковымъ, въ то время состоявшимъ въ чинѣ маіора, и какимъ образомъ она оказалась затѣмъ съ документами на жительство на имя крымской татарки Кизильташевой?

Но къ этому присоединились нѣкоторые пункты, которые, когда о нихъ узнали въ городѣ, надѣлали страшнаго шума. Былъ пунктъ о томъ, на какомъ основаніи,—такъ какъ объ этомъ никакого распоряженія изъ Петербурга не было,—намѣстникъ послалъ въ „Симеоново“ чиновника Горста розыскивать самаго дурнорожаго и малоумнаго мужика, чтобы выдать за него замужъ старшую дѣвицу Татеву, о чемъ существуетъ и доказательство – копія съ доклада Горста намѣстнику, сдѣланная г. Полянскимъ, начальникомъ Временнаго отдѣленія въ „Симеоновѣ“.

Кромѣ того, на какомъ основаніи господинъ генералъ Абдурраманчиковъ, имѣя строжайшій указъ о томъ, чтобы выдать дѣвицъ Татевыхъ за крестьянъ, а равно крестьянъ Татевыхъ женить на крестьянкахъ, женилъ Гавріила Татева на собственной дочери-дворянкѣ, тѣмъ идя противъ самаго смысла указа государева?

Такимъ образомъ, городъ, а вскорѣ и весь край узналъ, что дѣло пошло уже не объ одномъ Ѳомѣ Ѳомичѣ, а коснулось и первой особы въ намѣстничествѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія желала разслѣдовать и уяснить одно дѣло, вполнѣ темное: кто тотъ человѣкъ, который верхомъ пріѣзжалъ въ „Симеоново“, по свидѣтельству крестьянъ, и, остановившись у избы, гдѣ жилъ Агаѳонъ, имѣлъ съ нимъ свиданіе, послѣ чего черезъ немного часовъ тотъ-же Агаѳонъ, опоенный зельемъ, уже валялся въ судорогахъ на полу, а затѣмъ тотчасъ-же скончался?

Этого коннаго человѣка видѣли въ ту-же ночь на дорогѣ въ городъ. И есть два показанія уже городскихъ жителей, что какой-то конный рано утромъ подъѣхалъ къ намѣстническому дворцу. Лошадь этого таинственнаго человѣка, по сказамъ, одна и та-же, какую видѣли и въ „Симеоновѣ“, и въ городѣ: гнѣдая съ бѣлыми отмѣтинами около копытъ. И лишь въ одномъ было несогласіе. Въ „Симеоновѣ“ видѣли якобы коннаго бритаго, слѣдовательно, какъ-бы дворянина или дворянству подражающаго, а въ городѣ видѣли уже бородатаго-либо купца, либо мѣщанина.

И только одна Арина Саввишна при допросѣ заявила, что мужики врутъ, что она видѣла этого коннаго изъ окошка своей избы, видѣла, какъ онъ останавливался у избы Агаѳона, и хотѣла позвать внучку Аришу, чтобы показать ей его, да та спала. И этотъ конный былъ съ бородой.

Абдурраманчиковъ защищался горячо въ томъ дѣлѣ, что выдалъ дочь свою за Гавріила Татева, говоря, что это было не противозаконно, такъ какъ она только вошла въ храмъ дворянкой, а вышла изъ храма уже крестьянкой, слѣдовательно, если Гавріилъ Татевъ шелъ вѣнчаться противно указу, то послѣ вѣнца указъ этотъ былъ въ точности исполненъ, такъ какъ нынѣ жена его—крестьянка.

Но на это Поповъ отвѣтилъ лишь тремя словами, сказанными спокойно:

— Сіе есть философствованіе, ваше превосходительство!

Понемногу весь городъ, а затѣмъ и все намѣстничество поняли или почуяли, что дѣло Татевыхъ выиграно, что правда восторжествуетъ, а лиходѣи будутъ наказаны.

— Нѣкая особа, кажется, тютю!—весело заявляли враги Абдурраманчикова.—Недолго-же онъ властвовалъ! безъ году недѣлю.

Разумѣется, всѣ ожидали, что главный лиходѣй и „подложникъ“—Галуша—не отбоярится однимъ увольненіемъ со службы, а будетъ наказанъ примѣрно... если не умретъ отъ страха.

Однако, противъ Ѳомы Ѳомича, собственно главнаго виновника въ дѣлѣ, но котораго такъ давно всѣ знали и отчасти любили, не было ни малѣйшаго озлобленія или жажды мести. Все негодованіе было обращено на „нѣкую особу!“ А, между тѣмъ, эта „нѣкая особа“ была вполнѣ виновна лишь въ одномъ—въ осмѣяніи прямого смысла указа, обойденнаго бракомъ его дочери съ крестьяниномъ.

Все соединенное со старой исторіей о крѣпостной дѣвкѣ Ѳедоськѣ было пустякомъ. Самъ Абдурраманчиковъ никакихъ фальшивыхъ документовъ ей не дѣлалъ и не давалъ, а только заплатилъ за то, чтобы они у нея явились. Самовольный-же увозъ крѣпостного не былъ преступленіемъ, а проступкомъ самымъ обыденнымъ. Что-же касается до подозрѣнія, что онъ яко-бы подослалъ кого-то тайкомъ отравить Агаѳона, то оно казалось даже нѣкоторымъ врагамъ его полной нелѣпостью и злостной клеветой.

— Во всякомъ смертоубійствѣ, говорили въ городѣ,—бываетъ все-таки какой-нибудь замыселъ, какая-нибудь причина, какая-нибудь цѣль. А на что нужна была намѣстнику смерть мужика Агаѳона?

Между тѣмъ, одновременно за генерала Абдурраманчикова или въ его пользу были его трудолюбіе и распорядительность. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ назначенъ, дѣла не заваливались, а главную язву—лихоимство, по всему намѣстничеству, даже въ самыхъ глухихъ его уголкахъ, — какъ рукой сняло. Завѣдомо честный человѣкъ такъ крѣпко взялся за это жесточайшее зло, укоренившееся не десятками лѣтъ, а сотнями, и

взялся такъ круто и безпощадно, что всѣ извѣстные въ краѣ взяточники не только перестали грабить, но просто безслѣдно исчезли. Это даже всѣ враги Абдурраманчикова ставили ему въ заслугу.

И поэтому, будучи виновенъ только въ замужествѣ дочери, Абдурраманчиковъ могъ пострадать лишь въ томъ случаѣ, если въ Петербургѣ строго и даже строжайше отнесутся къ его личности, не какъ намѣстника, а какъ частнаго лица. Онъ-же могъ всегда оправдаться тѣмъ, что Гаврикъ и Елизавета любили другъ друга почти съ дѣтства и собирались когда-то бѣжать и вѣнчаться тайкомъ.

Тѣмъ не менѣе было много лицъ, которыя надоѣдали Попову вопросомъ: „избавятся-ли они отъ Абдурраманчикова?“ Поповъ отвѣчалъ, что есть французская сказка о томъ, какъ лягушки просили царя у боговъ, будучи очень недовольны тѣмъ, что у нихъ царемъ бревно. Боги сжалились и дали имъ другого царя—цаплю, которя и начала ихъ клевать и жрать.

Между тѣмъ, Татевы были озабочены новымъ обстоятельствомъ. Жить въ городѣ и тратиться для цѣлой большой семьи — нужны были деньги. На первое время ихъ далъ все тотъ-же истинный и вѣрный другъ семьи, генеральша Бокъ, но эти деньги вышли. Гаврикъ съ женой не жилъ въ намѣстническомъ дворцѣ, а жилъ со своими на постояломъ дворѣ. И это было сдѣлано по совѣту Абдурраманчикова. Онъ понялъ, что Гаврику внѣшнимъ образомъ надо принять на себя видъ такого-же пострадавшаго, какъ и всѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дочь его должна, по видимости, раздѣлять судьбу всей семьи Татевыхъ. У нихъ, конечно, были деньги, но Арина Саввишна и даже старшій, Семенъ Антоновичъ, наотрѣзъ отказались пользоваться хоть единымъ грошемъ, идущимъ отъ давнишняго заклятаго врага. Достаточно было и того, на что они, скрѣпя сердце, согласились: принять въ семью навязанную силкомъ, но ни въ чемъ неповинную, Елизавету и обращаться съ ней по-родственному, не преслѣдуя.

Однако, вскорѣ по прибытіи семьи въ городъ, Поповъ, бесѣдуя съ Ариной Саввишной вечеромъ у Рубакова, прямо спросилъ у нея, не нуждается-ли она въ средствахъ? Узнавъ, что у Татевыхъ денегъ мало, но и тѣ заняты у пріятельницы-генеральши, Поповъ распорядился собственной властью, и Аринѣ Саввишнѣ была выдана довольно крупная сумма изъ казначейства. Поповъ пошутилъ, что эти деньги вычтутъ изъ будущихъ доходовъ съ вотчины будущихъ князей Татевыхъ.

Слѣдствіе и допросъ шли по-старому, чередуясь съ вечерами и празднествами, а „мужички“ являлись и туда, и сюда. Случалось, что по утру Арина Саввишна или даже Рафушка отвѣчали на допросъ комиссіи въ намѣстническомъ залѣ, а затѣмъ въ тотъ-же день вмѣстѣ гдѣ-нибудь обѣдали.

Если всѣ дворяне наперерывъ ласкали семью пострадавшихъ, то былъ одинъ членъ этой семьи, къ которому относились особенно ласково и предупредительно. О немъ всего больше было толковъ въ городѣ, и онъ именно больше всѣхъ другихъ приводилъ городъ въ восхищеніе. Мужчины превозносили его — старъ и младъ,—а барыни и барышни хватали черезъ край, восхищаясь имъ. Это былъ не обращенный въ видѣ кары въ холопы, а дѣйствительно прирожденный мужикъ, съ дѣтства взятый во дворъ, бывшій садовникъ князей Татевыхъ, а теперь мужъ одной изъ бывшихъ княженъ.

Когда-то Терентій удивлялъ гостей въ „Симеоновѣ“ своей внѣшностью и своей манерой держаться, хотя онъ находился всегда на своемъ мѣстѣ, и въ апартаментахъ запросто не бывалъ. Онъ только въ комнатахъ Гаврика или Рафушки садился, бесѣдуя съ ними, какъ равный съ равными, и одновременно тайкомъ въ темныхъ уголкахъ дома или чащѣ сада обращался, какъ равный съ равною, съ молоденькой княжной. И если Терентій недавно еще удивилъ Абдурраманчикова въ „Симеоновѣ“ и заставилъ его воскликнуть: „вотъ такъ мужикъ!“—то теперь эти-же слова,—какъ-будто дворяне подслушали ихъ,—повторялись и въ городѣ.

— Вотъ такъ мужикъ! Вотъ такъ холопъ!

— Одѣньте вы его дворяниномъ, одѣньте его гусаромъ или кирасиромъ, такъ скажешь, что всѣ мундиры для такихъ, какъ онъ, выдуманы на свѣтѣ. Такимъ-то и щеголять въ золотѣ и серебрѣ!

Дѣйствительно, Терентій, принимаемый повсюду вмѣстѣ съ женой, какъ-бы сразу заставилъ всѣхъ забыть, что онъ всегда былъ крѣпостнымъ и дворовымъ. Женитьба его на бывшей княжнѣ сравняла его съ семьей, а радушное отношеніе къ нему, какъ члену этой семьи, сравняло его какъ-бы и со всѣмъ дворянствомъ.

Между тѣмъ, время шло, дни бѣжали... и не зря, безъ смысла. Дѣло Татевыхъ близилось къ концу. Комиссія, усиленно поработавъ, засѣдала теперь уже не всякій день. Поповъ менѣе показывался въ гостяхъ и сидѣлъ за работой, писалъ подробный сводъ всего слѣдствія и докладъ въ Петербургъ. Была только одна маленькая новость, о которой прослышали дворяне.

По пріѣздѣ въ городъ, Поповъ относился къ Абдурраманчикову на одинъ ладъ, а теперь относится на другой ладъ. Ближе познакомившись съ генераломъ, онъ подпалъ нѣсколько подъ вліяніе тонкаго и хитроумнаго человѣка, или-же Попова, честнѣйшаго изъ честныхъ, какъ звали его въ Петербургѣ, подкупила безусловная чиновничья честность, которую онъ нашелъ въ Абдурраманчиковѣ и на которую были доказательства.

Поповъ переглядѣлъ нѣкоторыя дѣла въ канцеляріи. Абдурраманчиковъ разсказывалъ ему иногда по цѣлымъ вечерамъ, что онъ нашелъ въ краѣ, что процвѣтало при Звѣревѣ и его предшественникахъ. Иногда онъ объяснялъ, какъ удалось ему вырвать съ корнемъ зловредное растеніе, холеное въ продолженіи двухъ-трехъ вѣковъ—взяточничество.

— Если теперь,—говорилъ Абдурраманчиковъ, — вы найдете въ моемъ намѣстничествѣ хоть самаго послѣдняго захолустнаго засѣдателя или какого-нибудь приказнаго, который лихо возьметъ хоть-бы полтину или гривну, то я вамъ даю мою руку на отсѣченіе.

По справкамъ Попова, заинтересовавшагося этимъ, оказалось, что Абдурраманчиковъ вполнѣ правъ. Въ короткій срокъ онъ распугалъ всѣхъ взяточниковъ края, какъ воробьевъ, выстрѣливъ изъ ружья. Поповъ обратилъ особенное вниманіе на успѣхъ Абдурраманчикова въ этомъ отношеніи, потому что ему грезилось всегда: „Неужелй-же нельзя Россію избавить отъ этого вѣкового зла?“ И онъ отвѣчалъ себѣ всегда: „Увы, нельзя! Ничего подѣлать невозможно!..“

И вдругъ теперь, случайно, онъ попалъ хоть не въ захолустное намѣстничество, но все-таки въ провинцію и убѣдился, что энергичный, честный человѣкъ въ должности намѣстника можетъ побороть вѣковое зло самымъ простымъ образомъ: рѣшительными мѣрами и собственнымъ примѣромъ.

И Поповъ, клонившійся вначалѣ къ тому, чтобы въ своемъ докладѣ упомянуть о томъ, въ чемъ оказался виновенъ намѣстникъ, не обмолвился ни словомъ ни о дѣлѣ похищенія чужой крѣпостной дѣвушки, жившей теперь въ городѣ съ фальшивыми документами, ни, конечно, о нелѣпомъ подозрѣніи относительно загадочной смерти крестьянина Агаѳона. Единственное, о чемъ Поповъ умолчать не могъ, было допущеніе брака крестьянина Татева съ дворянкой, да еще дочерью самого намѣстника.

И Поповъ волновался вопросомъ: какъ тамъ взглянутъ на это?..

XXXIX.

Прошло еще около трехъ недѣль. Докладъ Попова былъ уже давно въ Петербургѣ. Всѣ только и говорили, только и думали объ одномъ: когда ждать отвѣта или указа и каковъ онъ будетъ?!. Не сомнѣвалась въ успѣхѣ одна Арина Саввишна. Получивъ обѣщанную Поповымъ крупную сумму на издержки по проживательству въ городѣ, она призвала всѣхъ внуковъ на совѣщаніе, какъ дѣлала во времена оны. Старуха спросила

у нихъ, не приличествуетъ-ли имъ, хотя они еще крестьяне, сдѣлать обѣдъ или маленькій вечеръ и этимъ отблагодарить кое-кого изъ угощавшихъ ихъ.

Вопросъ о помѣщеніи разрѣшался просто. Для этого можно было взять на одинъ день большую комнату постоялаго двора, гдѣ всегда обѣдали проѣзжіе, не желавшіе кушать у себя въ комнатахъ. Можно было равно попросить двухъ-трехъ проѣзжихъ освободить на одинъ, день свои комнаты и, занявъ такимъ образомъ почти весь постоялый дворъ, устроить или обѣдъ, или вечеръ съ ужиномъ.

Призванные на совѣщаніе потолковали и не пришли ни къ какому заключенію, такъ какъ мнѣнія раздѣлились.

Ариша и Катюша, и два новыхъ внука Арины Саввишны, ихъ мужья, стояли на томъ, что можно и слѣдуетъ устроить маленькое празднество, причемъ позвать почетнымъ гостемъ самого Попова. Если онъ рѣшится пріѣхать, то это будетъ лучшимъ доказательствомъ, что онъ дѣйствительно надѣется на успѣхъ, а потому и не побоится быть въ гостяхъ у будущихъ дворянъ Татевыхъ. Если-же онъ откажется, то тогда надо будетъ зарубить себѣ на носу и помнить пословицу: „не хвались ѣдучи на рать“ или „не поглядѣвъ въ святцы, не начинай благовѣстить!“

Но тихій Семенъ Антоновичъ, даже его нѣмая жена Марѳа, а къ нимъ въ подмогу Гаврикъ и Елизавета возстали противъ мысли о празднествѣ, говоря, что на постояломъ дворѣ въ маленькихъ горницахъ, болѣе или менѣе грязныхъ, не только тѣсныхъ, такого рода приглашеніе и празднованіе покажется смѣшнымъ и нелѣпымъ.

Кромѣ того, Семенъ Антоновичъ увѣрялъ, что если слухъ о такого рода затѣѣ съ ихъ стороны дойдетъ до Петербурга, то Богъ вѣсть, какъ тамъ къ этому отнесутся.

— Татевы, скажутъ тамъ, наказаны по Высочайшему повелѣнію и еще не помилованы,—разсуждалъ Семенъ,—а ужъ начали загодя радоваться, будто праздновать побѣду пиршествами.

Терентій нашелъ это разсужденіе вѣрнымъ, колебался и готовъ былъ присоединиться къ мнѣнію Семена и своего друга дѣтства Гаврика, но Горстъ горячо противорѣчилъ и отстаивалъ мысль Арины Саввишны, повторяя, что это будетъ важнымъ испытаніемъ: пріѣдетъ Поповъ или не пріѣдетъ пировать у нихъ.

Всѣ толки и споры, длившіеся три дня, прекратилъ сразу тотъ-же Горстъ. Умный и тонкій, онъ сообразилъ, что надо сдѣлать. Онъ отправился къ самому Попову и, прямо не спросивъ ничего, выпыталъ у него, что было нужно. Вернувшись домой, онъ сказалъ одной бабушкѣ:

— Лучше обождать. Когда можно будетъ, Иванъ Ивановичъ къ намъ назовется самъ въ гости, а мы для него пригласимъ своихъ.

Ждать этого пришлось не долго. Не прошло недѣли, какъ Поповъ, вызвавъ Горста, сказалъ, улыбаясь:

— Дѣлайте вечеринку. Только вотъ что, дорогой мой, одинъ уговоръ.

— Все, что прикажете.

— Сегодня нельзя, поздно, а завтра ужъ безпремѣнно, такъ какъ откладывать невозможно. Законъ воспрещаетъ!

Горстъ изумился, ничего не понявъ.

— Больше я ни слова не прибавлю,—сказалъ Поповъ.— Слышите! Завтра вечеромъ, во что-бы то ни стало.

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ Горстъ и тотчасъ-же полетѣлъ домой.

Разумѣется, вся семья была обрадована, но тоже озадачена выраженіемъ Попова, что запоздать съ ихъ вечеринкой законъ воспрещаетъ.

Татевы весело принялись за дѣло, а чтобы не запоздать, рѣшили устроить все въ малыхъ размѣрахъ и позвать самыхъ близкихъ людей, не болѣе дюжины человѣкъ, и въ томъ числѣ двухъ-трехъ старыхъ друзей покойнаго князя.

И на слѣдующій-же вечеръ постоялый дворъ разсвѣтился огнями. Даже на улицѣ, передъ домомъ, были плошки. Большая столовая была, конечно, присоединена для ужина и ярко сіяла, освѣщенная канделябрами.

Приглашенныхъ было человѣкъ десять, но такъ какъ сама семья была многочисленна, то большая комната была какъ разъ въ мѣру для стола на двадцать кувертовъ.

Часовъ въ семь Поповъ прислалъ спросить, все-ли готово, и велѣлъ передать Аринѣ Саввишнѣ, что заранѣе извиняется и проситъ его строго не судить за то, что онъ „всѣхъ возьметъ врасплохъ“. И опять Татевы слегка оробѣли и опѣшили, снова не понимая этого предупрежденія.

Гости съѣхались около девяти часовъ вечера, а въ десять уже всѣ шумно садились за столъ. Арина Саввишна, конечно, не пожалѣла денегъ и, накупивъ кучу провизіи, взяла и лучшаго повара города, крѣпостного Рубакова, который самъ былъ, конечно, въ числѣ приглашенныхъ.

Гости тотчасъ же замѣтили и заявили, что давно уже въ ихъ городѣ не бывало такого веселаго вечера и такого оживленнаго ужина. Такъ какъ были приглашены болѣе или менѣе близкія лица—за исключеніемъ Попова, который, однако, сталъ давно какъ-бы тоже своимъ человѣкомъ — маленькое празднество казалось семейнымъ.

Два старика—Рубаковъ и капитанъ въ отставкѣ Палазовъ—особенно заняли всѣхъ тѣмъ, что помянули Антона

Семеновича и много разсказали о немъ, даже объ его молодости, хваля его истинную доброту и сердечность.

Арина Саввишна, конечно, хорошо знала все это, но ея внуки слышали впервые многое, касавшееся отца.

Среди ужина Поповъ попросилъ, чтобы всѣмъ налили по стаканчику столѣтняго венгерскаго, нѣсколько бутылокъ котораго онъ самъ привезъ и поднесъ хозяйкѣ. Затѣмъ онъ всталъ... Всѣ, конечно, поднялись тоже.

— Государи мои и государыни!—громко произнесъ Поповъ,—предлагаю выпить за здоровье трехъ князей и трехъ княгинъ Татевыхъ. Вчера полученъ мною изъ Петербурга указъ объ ихъ помилованіи и возвращеніи имъ ихъ вотчинъ.

Всѣ были ошеломлены... Но затѣмъ безумный восторгъ охватилъ и семью и гостей... Одна Арина Саввишна сдержалась и хотя улыбалась, но лицо ея казалось не радостнымъ, не умиленнымъ, а надменно и строго самодовольнымъ, какъ если-бы она выхлопотала помилованіе или даже сама помиловала внучатъ.

Когда восторженный шумъ и гулъ всего общества нѣсколько утихли, Поповъ снова громко заявилъ съ своего мѣста:

— А теперь прошу всѣхъ еще выпить за здоровье дворянки Арины Антоновны, лучше сказать: за здоровье вновь пожалованнаго въ чинъ сенатскаго секретаря господина Горста и его супруги, рожденной княжны Татевой!

Снова раздался единодушный радостный крикъ, и всѣ снова поднялись съ поздравленьями. Ариша осталась сравнительно спокойна и будто мало обрадована, но Горстъ страшно взволновался и даже отчасти поблѣднѣлъ. Давно и тщетно добивался онъ стать личнымъ дворяниномъ, а теперь, исключенный со службы, бросилъ даже всякую надежду.

Когда въ столовой снова все стихло, Поповъ, обращаясь чрезъ весь столъ въ сторону Катюши, громко сказалъ:

— Простите меня, Екатерина Антоновна, что третье мое пожеланіе я не скажу теперь, а держу про себя, потому что очень ужъ сугубо-мудрено сдѣлать то, что я всей душой и всѣмъ сердцемъ буду стараться устроить въ Петербургѣ! Выпьемте все-таки за успѣхъ моихъ стараній.

И хотя Поповъ ничего опредѣленнаго не выразилъ, но намекъ его всѣ поняли. Катюша вспыхнула отъ радости. Терентій, на оборотъ, смутился и будто оробѣлъ. Радость испугомъ сказалась въ немъ. Какой-либо перемѣны въ своемъ общественномъ положеніи онъ не могъ ожидать и даже о подобномъ не мечталъ никогда. О чемъ собственно намекалъ Поповъ, онъ, разумѣется, лишь догадывался.

Арина Саввишна тотчасъ обратилась къ сосѣду своему Рубакову и спросила, удивляясь:

— Что это онъ? И Терентія, что-ли, въ дворяне хочетъ пожаловать?

— Въ дворяне нельзя, Арина Саввишна,—отвѣтилъ Рубаковъ,—а онъ можетъ записаться въ купцы, чтобы затѣмъ сталъ почетнымъ гражданиномъ.

— Мужикъ и купецъ—все то-же!—сухо отвѣтила старуха.—А то этакъ солдатъ и рядовой, пожалуй, будетъ тоже разница, не будетъ считаться тѣмъ-же самымъ.

XL.

Около полуночи гости поднялись изъ-за стола, и, такъ какъ всѣ пировали въ близкомъ кружкѣ, нисколько не стѣсняясь, то многіе—не одни лишь молодые, но и старики—были навеселѣ. Молодые хохотали, шалили и прыгали, а старики смѣялись дрябло, слегка выписывая мыслете ногами. И, видя другъ друга отдавшими дань старому венгерскому, все общество стало еще веселѣе. Нѣкоторые подходили къ столу, брали съ него недопитые стаканы и угощались взаимно. И только одинъ Рубаковъ отказывался, говоря пьяненькимъ голосомъ:

— Я—брюзга! ни послѣ кого пить не стану!

Арина Саввишна была въ числѣ прочихъ, если не навеселѣ, то менѣе сурова, чѣмъ обыкновенно.

— Кончайте, кончайте!—повторяла она черезчуръ разхивая руками.—За что хорошему вину пропадать? Холополокаютъ все! А ему сто лѣтъ, сказываетъ нашъ Иванъ [illegible] новичъ.

И она заставляла доканчивать бутылки венгерскаго [illegible] не вполнѣ опорожненныя, а равно и стаканы. Иныхъ п[illegible]ло-же она брала шутя за воротъ и тащила къ столу, гов[illegible]

— Бери! Что за важность, что опивки. Мы всѣ зд[illegible] не поганые какіе... Бери! пей! Ужъ готовъ? Все равно, [illegible]нѣе не будешь!

Вслѣдствіе этого вокругъ стола уже началась маленькая возня. Старые и молодые шалили, какъ дѣти; нѣкоторые поблагоразумнѣе уже стали прощаться съ Ариной Саввишной, чуя, что пора по домамъ, а выпьешь еще малость, то, пожалуй, благопристойно и не уѣдешь.

Но вдругъ общее вниманье привлекъ къ себѣ громкій возгласъ Катюши:

— Да что-же?.. Да что-же?

— Вона какъ!—произнесъ Горстъ.—Наша Катюша уже съ венгерскаго завывать начала.

— Господи помилуй! Идите сюда!.. Что-же это? — снова закричала Катюша.

Шутки прекратились. Всѣ обернулись къ углу и двинулись къ нему кучкой. На стулѣ сидѣлъ, прислонясь плечомъ къ стѣнѣ, Терентій, мертво-блѣдный. Потъ градомъ струился по его лицу, а Катюша стояла передъ нимъ и всхлипывала отъ перепуга. Съ Терентіемъ былъ какъ-будто какой-то припадокъ.

— Никогда вина въ ротъ не бралъ, а тутъ наклюкался. Понятно, захворалъ! —рѣшили нѣсколько человѣкъ, окружая сидящаго.

И всѣ, какъ-бы отчасти отрезвленные внезапной хворостью Терентія, стали прощаться и собираться по домамъ.

Но въ то-же мгновеніе Терентій страшно застоналъ, а еще черезъ нѣсколько мгновеній уже отчаянные вопли огласили всю комнату, даже весь постоялый дворъ.

Гости уже не собирались уѣзжать. Терентій сползъ или почти упалъ со стула на полъ, стоналъ все сильнѣе и бился на полу. Гости совершенно трезвые, не только смущенные, а совершенно какъ потерянные, окружили лежащаго и Катюшу, стоящую надъ мужемъ на колѣняхъ.

Наконецъ, раздался въ комнатѣ громкій крикъ, поразившій всѣхъ какъ бы ударомъ:

— Господи, да, вѣдь, этакъ-же Агаѳонъ помиралъ!..

Закричала это Ариша, пораженная тѣмъ, что она видитъ нѣчто такое, что вызвало въ ея памяти ясно и ярко уже виденное когда-то въ „Симеоновѣ“... Да, на полу стоналъ и корчился, чернѣя въ лицѣ, обливаясь потомъ, задыхаясь какъ-бы, тотъ-же Агаѳонъ во второй разъ.

Нѣкоторые гости тотчасъ-же выбѣжали и поскакали не домой, а каждый за докторомъ, кто скорѣе услужитъ. Одновременно двухъ форрейторовъ на выпряженныхъ изъ рыдвановъ лошадяхъ отправили гонцами тоже за докторами.

Спустя часъ, гостей на постояломъ дворѣ уже не было. Была одна семья, но было и три доктора, хлопотавшіе надъ Терентіемъ, но помочь они отказывались, говоря, что это излишне. Молодой малый помираетъ и помираетъ отъ сильнѣйшаго яда.

Единственный человѣкъ, не уѣхавшій и стоявшій возлѣ постели съ докторами, былъ Поповъ. Но это былъ другой Поповъ... Вѣчно добродушное, ласковое лицо исчезло. Это было суровое, гнѣвное, глубоковозмущенное и негодующее лицо. Онъ грознымъ взглядомъ обводилъ всѣхъ и какъ-бы каждаго пыталъ. Лицо его, гнѣвное, спрашивало:

— Кто же это изъ васъ? Вѣдь, это непремѣнно одинъ изъ васъ?..

И, если когда-то всѣ сразу подозрительно поглядывали на Аришу, то теперь бѣдную Катюшу уже никому-бы не пришло на умъ заподозрить. Терентій лежалъ въ постели, уже едва-едва переводя дыханіе, весь черный, изрѣдко страшно дергаясь въ корчахъ. Катюша лежала въ сосѣдней горницѣ на полу, билась головой объ полъ, рвала на себѣ волосы и кричала:

— Убили!.. Опоили!.. Злодѣи!.. Лиходѣи!.. Зарѣжьте меня... удушите меня!..

Ариша и Марѳа сидѣли на полу около нея, но молчали. Сказать было нечего...

Около трехъ часовъ ночи Терентій лежалъ уже трупомъ...

Катюша, убѣдившись въ томъ, что мужъ мертвъ, вдругъ бросилась бѣжать въ большую комнату. Ариша и Марѳа, конечно кинулись за ней... Большой столъ былъ еще не убранъ, даже свѣчи въ большихъ шандалахъ, разставленныя по столу, еще горѣли. Катюша схватила первый попавшійся ножъ и хватила себя по горлу. Горстъ обхватилъ ее и вырвалъ ножъ изъ руки, но она уже успѣла нанести себѣ небольшую рану и облилась кровью.

Въ то-же время Поповъ въ другой комнатѣ, взволнованный или, вѣрнѣе, негодующій, даже озлобленный происшествіемъ, говорилъ Аринѣ Саввишнѣ:

— Вы-то скажите! Вы-то что думаете?

— Что-же я скажу?!.—глухо и сурово отозвалась старуха.

— Вѣдь, это — уже второй случай!—говорилъ Поповъ.— Арина Антоновна сказываетъ, точію то-же самое, какъ умиралъ Агаѳонъ! Что-же это такое? Второй, вѣдь, случай! Второй, Арина Саввишна!

— И еще будетъ!—отозвалась вдругъ старуха.

— Какъ—еще будетъ?

— Да, и еще будетъ!

— Что вы! Господь съ вами! Что вы хотите сказать?

— Еще этакъ-то помретъ кто въ нашей семьѣ... Можетъ, я!

— Что вы? что вы?..

— Я вамъ говорю! чуетъ мое сердце!..

Поповъ, озадаченный, простоялъ предъ старухой нѣсколько мгновеній, потомъ невольно пожалъ плечами и двинулся.

Пройдя въ другую комнату, онъ вдругъ увидѣлъ въ одномъ углу недвижно стоящую женскую фигуру, стоящую какъ-то странно, глупо, безсмысленно, точно восковая кукла, поставленная въ углу для украшенья комнаты. Это была Марѳа. Лицо ея было странно оживленно, глаза блестѣли или, какъ говорится, прыгали. Не то она была на смерть перепугана, не то радовалась.

„Нѣмая“! — подумалъ Поповъ, уже знавшій давно, какъ прозвали тихую и молчаливую женщину. И затѣмъ, снова поглядѣвъ на нее, онъ сказалъ себѣ самому:

— Странная нѣмая!..

И, точно будто озаренный какой-то внезапной мыслью, онъ быстро пошелъ къ углу, подошелъ къ ней вплотную и выговорилъ:

— Чудны обѣ эти смерти? А? Что скажете?

Марѳа глуповато взглянула, очевидно, не понявъ вопроса.

— Оба опоены! И Агаѳонъ и Терентій. И оба однимъ человѣкомъ и тѣмъ-же зельемъ. Скажите, кто-же это ихъ опоилъ, умертвилъ?

Марѳа молчала.

— Васъ я спрашиваю! отвѣчайте! — громче и отчасти грозно проговорилъ Поповъ.

— Что-съ?—пугливо отозвалась, наконецъ, женщина.

— Кто ихъ опоилъ обоихъ?.. Не знаете? Ну-съ, а я знаю! Поняли? Я догадался. И такъ это дѣло не останется. Виноватый или виноватая пойдетъ въ каторгу въ Сибирь.

И Поповъ невольно погрозился пальцемъ подъ носомъ Марѳы. Молодая женщина перемѣнилась слегка въ лицѣ, хотѣла что-то сказать, но только промычала, какъ настоящая глухонѣмая.

XLI.

Восторгъ и счастіе семьи были, конечно, отравлены ужасной смертью Терентія, ужасной, но и загадочной... И второй загадочной.

Обѣ Татевы одинаково таинственно овдовѣли отъ навязанныхъ имъ волею намѣстника мужей. Тогда обвинили Аришу, потомъ заподозрили Горста, а затѣмъ—и самого намѣстника. Теперь некого было и подозрѣвать.

— И только одинъ начальникъ слѣдственной комиссіи, хотя и молчалъ, ничего пока не предпринимая, но почти рѣшилъ и навѣрное, отъ чьей руки умерли и Агаѳонъ, и Терентій.

И подумать—кто?—ужасался онъ вслухъ, говоря съ самимъ собой. — Диви-бы злодѣй какой! съ злодѣйской, но разумной цѣлью. А то, вѣдь, два преступленья по неразумію или изъ-за болѣзни разума. И что подѣлать теперь?

И Поповъ рѣшилъ снова начать писать докладъ въ Петербургъ и просить инструкцій, что дѣлать. При этомъ онъ боялся, что въ столицѣ вѣсть объ отравленіи Терентія тотчасъ послѣ объявленія Татевымъ Высочайшей милости не хорошо повліяетъ на ихъ судьбу.

„Мало-ль что можетъ произойти“, — думалось Попову,— „въ такіе дни, въ какіе мы живемъ? Долго-ли? Нынче изъ дворянъ въ крестьяне, завтра изъ крестьянъ паки въ дворяне‘ а послѣзавтра паки изъ дворянъ во что-либо иное“.

Разумѣется, въ городѣ всѣ были поражены, чѣмъ окончилось празднованіе помилованія, и уже совсѣмъ ничего не могли сказать, а только руками разводили.

— Ужъ не чума-ли зачалась въ Россіи, какъ вотъ лѣтъ двадцать пять назадъ! — рѣшилъ вдругъ одинъ изъ дворянъ-стариковъ.

Но, помимо прощенья Татевыхъ и смерти Терентія, была и третья вѣсть, взволновавшая городъ, а затѣмъ и весь округъ.

Намѣстникъ и генералъ Абдурраманчиковъ за неповиновеніе императорскому указу и „обойденіе“ одного изъ его пунктовъ лишился недавно пожалованнаго генеральскаго чина и должности намѣстника. Все еще больной Галуша былъ присужденъ къ конфискаціи имущества и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Былъ слухъ, что бракъ князя Гавріила Татева съ Елизаветой будетъ расторгнутъ, какъ незаконный.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ТАТИХА.

I.

Была зима на исходѣ, наступилъ уже Великій постъ. Въ усадьбѣ „Симеоново“ было людно и весело. Княгиня Арина Саввишна Татева со всей своей семьей уже давно по-старому поселилась и расположилась въ своемъ домѣ, у нея было теперь только двѣ заботы, или два занятія.

Первое изъ этихъ занятій заключалось въ томъ, чтобы всяческими путями вернуть разное и многое раскраденное чиновниками той комиссіи, которая послѣ обращенія князей Татевыхъ въ крестьянское сословіе описывала имущество, долженствовавшее поступить въ казну, и которая долго и полновластно хозяйничала въ усадьбѣ.

Розысками вещей, жалобами начальству и всѣми судейскими препирательствами съ явными и тайными грабителями завѣдывалъ самый теперь вліятельный членъ семьи, покорившій своимъ умомъ и энергіей всю семью. Это былъ Горстъ, дѣйствовавшій, конечно, именемъ бабушки своей жены.

Вторая забота Арины Саввишны, болѣе простая, заключалась въ томъ, чтобы постоянно звать къ себѣ въ вотчину гостей изъ губернскаго города и изъ всей округи. Этимъ дѣломъ завѣдывалъ, подъ ея наблюденіемъ, старшій внукъ Семенъ, которому помогала Ариша Горстъ.

Гости постоянно смѣнялись въ „Симеоновѣ“. Одни уѣзжали, другіе пріѣзжали. Количество комнатъ для гостящихъ было увеличено.

Вообще старуха Арина Саввишна съ того дня, какъ снова стала княгиней, отчасти перемѣнилась характеромъ, сдѣлалась менѣе сумрачна и строга съ домочадцами. Она какъ-бы полюбила шумъ и суетню или дѣлала видъ, что изъ нелюдимки якобы стала страстной любительницей многолюдства и всякихъ общественныхъ затѣй ради веселаго времяпрепровожде-

нія. Кромѣ того, Арина Саввишна, прежде усердно и аккуратно копившая и откладывавшая доходы, теперь не откладывала ни гроша. Жизнь въ „Симеоновѣ“ поэтому замѣтно преобразилась и пошла на иной ладъ, на болѣе широкую ногу. Старуха объяснила, что, пока жива, она хочетъ жить весело, а послѣ нея внуки поступятъ, какъ хотятъ. Конечно, если они пожелаютъ жить вмѣстѣ въ усадьбѣ, то могутъ продолжать поддерживать тотъ-же строй, но, по всей вѣроятности, они раздѣлятся и разъѣдутся, а потому должны будутъ продать „Симеоново“ и зажить каждый въ новомъ, маломъ, купленномъ имѣніи, болѣе тихо и скромно.

— Стало быть, пока я еще жива,—говорила она,—надо внукамъ пользоваться, пожить припѣваючи на истинно-барскую и княжескую ногу.

Прежде скупая, или, вѣрнѣе, скопидомка, княгиня не только тратила много денегъ, но иногда, казалось, при случаѣ не затруднялась швырнуть деньгами. Внуки, видя это, удивлялись перемѣнѣ въ старухѣ, но не удивлялись количеству тратъ на всякія затѣи. Не удивлялись они и тому, что бабушка при этихъ расходахъ торгуетъ и непремѣнно, во что-бы то ни стало, хочетъ купить чрезъ подставное лицо вотчину сосѣда Абдурраманчикова, хотя нынѣ и свойственника, но по прежнему заклятаго врага, который, запутавшись въ дѣлахъ, былъ принужденъ продавать свой „Кутъ“.

Одинъ лишь членъ семьи изъ всѣхъ, именно Горстъ—удивлялся и недоумѣвалъ, и тщетно старался кой-что разгадать.

Зная доходы со всѣхъ имѣній Татевыхъ, онъ видѣлъ, что бабушка тратитъ больше того, что должна получать доходами и оброками съ крестьянъ. Откуда-же она беретъ эти лишнія деньги? Взаймы? Въ долгъ?

Этого быть не могло потому, что во всѣхъ своихъ дѣлахъ Арина Саввишна взяла за правило совѣтоваться съ новымъ внукомъ и даже по большей части поручать ему исполненіе всего главнѣйшаго. Если-бы княгиня рѣшилась на займы, то, конечно, сдѣлала-бы это чрезъ посредство своего дѣловитаго внука, то-есть чрезъ него-же.

Наконецъ, если даже предположить, что старуха въ первое время послѣ помилованія и обратнаго возведенія въ дворянское званіе и въ княжеское достоинство заняла какую-либо сумму тайно отъ всѣхъ у кого-либо въ городѣ, то откуда-же еще берутся или возьмутся деньги, и большія, на покупку имѣнія „Кутъ“.

Горстъ недоумѣвалъ. Это было загадкой въ полномъ смыслѣ слова. И тѣмъ паче озадачивалъ его этотъ таинственный источникъ дохода, что, когда однажды онъ заговорилъ прямо со старухой объ этихъ своихъ соображеніяхъ, то она страшно

разсердилась и объяснила, что подобное даже до ея родныхъ внуковъ не касается, а до него, „чужого“ внука, внука только по браку съ Аришей, совершенно уже не должно касаться. Такъ какъ со дня своей женитьбы, а затѣмъ послѣ своей поѣздки въ Петербургъ и удачныхъ хлопотъ, Горстъ считался любимцемъ старухи, и она подробно говорила и совѣщалась съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ, то онъ былъ изумленъ еще болѣе ея укрывательствомъ и ея гнѣвомъ. Загадка стала полною тайной.

II.

Странная смерть двухъ мужей обѣихъ Татевыхъ все еще отзывалась, однако, на семьѣ.

Едва только семья переѣхала изъ города въ „Симеоново“, какъ вся прислуга, бывшая при ней въ городѣ, была отпущена. Въ качествѣ крестьянъ Татевы не могли имѣть въ городѣ своихъ крѣпостныхъ, и всѣ люди были вольные и наемные. Тѣмъ легче было всѣхъ разсчитать и отправить. Сдѣлано это было по совѣту Попова и по настоянію Горста.

— Отравитель между ними,—говорилъ Горстъ,—а кто—неизвѣстно. Стало быть, надо всѣхъ прогнать ради опаски и своего живота.

— Согласна,—отвѣчала Арина Саввишна, усмѣхаясь и качая головой.—Чужихъ людей намъ теперь и не нужно, когда свои холопы крѣпостные намъ возвращены. Но скажи ты мнѣ, умная голова, что я тебя спрошу. Если Терентія опоилъ кто изъ людей, нанятыхъ въ городѣ, то кто опоилъ Агаѳона, когда у насъ никого въ услугахъ не было, и мы, какъ мужики, сами себѣ служили? Ну-т-ко, умная голова!

Горстъ, разводя руками, а иногда даже и улыбаясь, отвѣчалъ:

— Все это, бабушка, темно, темно, темнѣе ночи.

Между тѣмъ, строжайшее слѣдствіе, назначенное по приказанію изъ Петербурга сначала подъ главенствомъ Попова, а затѣмъ подъ руководительствомъ новаго губернатора, продолжалось и затянулось, не приведя и не приводя ни къ какому результату. Чиновники Попова, изъ столицы явившіеся производить слѣдствіе и судъ надъ мѣстными властями ради обѣленія и помилованія семьи Татевыхъ, вели дѣло быстро, такъ какъ въ немъ все было просто и все легко уяснялось. Перейдя-же затѣмъ къ новому дѣлу, къ отравленію Терентія—преступленію, совершенному въ той-же семьѣ почти и въ самый часъ, не только въ самый день, ея прощенія, тѣ-же чиновники и тотъ-же ихъ начальникъ, Поповъ,—стали втупикъ.—

Болѣе полутора мѣсяца пробился Поповъ и ни къ чему не пришелъ. Уѣзжая обратно въ Петербургъ и передавая дѣло губернаторской канцеляріи, онъ заявилъ, что ничего разъяснить нельзя, и что его преемники по разслѣдованію никогда ничего не достигнутъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Поповъ объяснилъ княгинѣ, что замысловатѣе дѣла онъ не встрѣчалъ и не знаетъ.

— Только и остается одно,—сказалъ онъ,—объяснить все простою случайностью, совпаденіемъ.

Но Арина Саввишна съ такимъ объясненіемъ согласиться не могла и не хотѣла. Она стояла на своемъ, что есть у нихъ тайный страшный врагъ, который еще въ будущемъ снова дастъ себя знать.

— Паки проявится онъ невидимкой!—говорила старуха.— Чую я это. Помяните мое слово. Будете въ столицѣ и услышите, что у насъ опять такая-же бѣда. Кто-нибудь изъ внуковъ моихъ, а то и я сама кончимъ лихой смертью.

Разумѣется, вторая комиссія, занявшаяся дѣломъ, повела дѣло спустя рукава, а спустя мѣсяца три уже совсѣмъ ничего не дѣлала. Канцелярія не продолжала настоящаго слѣдствія, а равно и не заключала „положеніемъ подъ красное сукно“ или „преданіемъ всего волѣ Божіей“. Изрѣдка какіе-нибудь мелкіе чиновники пріѣзжали въ „Симеоново“, оффиціально задавали нѣсколько вопросовъ кому-либо изъ членовъ семьи, записывали отвѣты и уѣзжали.

Иногда поводъ пріѣзда и новые вопросные пункты не имѣли почти никакого отношенія къ смерти Терентія, иногда-же не имѣли никакого смысла и только сердили Арину Саввишну и Горста.

Однажды два чиновника явились, опросили всю семью и внесли въ протоколъ разнообразные отвѣты всѣхъ на одинъ вопросъ: „Была-ли у Терентія на селѣ или во дворнѣ „нареченная“ до его женитьбы на княжнѣ по выбору и по приказанію губернатора. И если таковая была, то кто и гдѣ она?

Разумѣется, никто никогда не слыхалъ ни о какой невѣстѣ у Терентія. Катюша, спрошенная, объяснила, что не губернаторъ выбралъ ей насильно мужа изъ крестьянъ, а она сама писала и просила выдать ее замужъ за Терентія, котораго любила и который ее любилъ, конечно, тайно отъ всей семьи, по крайней мѣрѣ, еще за три года до ихъ брака, а вѣрнѣе—съ самаго ранняго дѣтства.

Оказалось, что въ канцеляріи измыслили, что въ „Симеоновѣ, можетъ быть, существуетъ крестьянская дѣвушка или уже замужняя баба, любившая Терентія, собиравшаяся за него замужъ и отомстившая ему, когда онъ сталъ мужемъ барышни.

Но какъ эта крестьянка попала-бы въ городъ и въ число приглашенныхъ, если-бы даже и существовала,—этимъ вопросомъ чиновники не задавались.

Казалось, что иногда они пріѣзжали въ „Симеоново“, вопрошали и записывали всякій вздоръ, чтобъ только имѣть наглядное доказательство, что они якобы продолжаютъ вести дѣло.

Вообще вторая комиссія, составленная наполовину изъ мелкихъ чиновниковъ, прибывшихъ изъ Петербурга еще съ Поповымъ и оставленныхъ имъ, какъ людей уже знакомыхъ съ дѣломъ, а наполовину изъ мѣстныхъ чиновниковъ губернаторской канцеляріи и губернскаго правленія, изображала изъ себя странное сочетаніе.

Петербуржцы, прибывшіе съ береговъ Невы ради слѣдствія по дѣлу Татевыхъ, были больше молодые люди, едва начавшіе службу, совершенно не свѣдующіе, даже мало знакомые съ бумажной процедурой. Наоборотъ, мѣстные чиновники были люди пожилые и два старика, характерные „стрекулисты“, или, какъ звалъ ихъ народъ, „земскіе ярыги“, то-есть люди, служившіе прежде въ земскихъ, верхнемъ и нижнемъ, судахъ. Столичные члены комиссіи были вполнѣ честные, порядочные и добросовѣстные, но нерадивые и лѣнивые. Они рады были затянуть дѣло о смерти Терентія и подольше искать преступника, чтобы подольше остаться въ провинціи, получая двойное содержаніе, суточныя и прогонныя деньги. Мѣстные „ярыги“ были, наоборотъ, настоящіе ученые кляузники и ябедники, желавшіе затянуть дѣло.

III.

Разслѣдованіе дѣла въ новой комиссіи подвигалось впередъ туго, не приходя ни къ какимъ результатамъ, хотя княгиня Арина Саввишна, упрямо искавшая полнаго раскрытія всѣхъ обстоятельствъ страшной смерти обоихъ мужей ея внучекъ, была щедра на подарки. При этомъ старуха такъ умѣла повернуть дѣло, такъ любезно и весело и небрежно дарила, что выходилъ пріятный пустякъ, о которомъ не стоило и говорить.

Чиновники комиссіи по разслѣдованію случаевъ смерти мужей княженъ Татевыхъ, какъ уже выше сказано, изрѣдка наѣзжали въ „Симеоново“ и этимъ на нѣсколько часовъ нарушали его обычную жизнь, которая въ общемъ была веселою.

Постоянные гости изъ города и изъ своихъ вотчинъ, чередовавшіеся въ „Симеоновѣ“, вносили въ нее большое оживленіе. Въ особенности обѣдъ и ужинъ проходили шумно, такъ

какъ за столомъ бывало иногда до двадцати пяти человѣкъ и болѣе. Одна семья Татевыхъ состояла изъ десяти человѣкъ, считая маленькаго Саввушку.

Разумѣется, благодаря зимнему, а не лѣтнему времени, развлеченій было мало. Зато было на-лицо главное и самое веселое, самое любимое на Руси искони—ледяная гора. Вдобавокъ такая гора, какихъ не было въ столицѣ, какая инымъ и не грезилась во снѣ, а именно гора, протянувшаяся чрезъ два сада, прудъ и рѣку. Двое вполнѣ счастливыхъ людей много оживляли всѣхъ и все, и это были, конечно, Горстъ и его жена Ариша.

Зато было существо, мѣшавшее веселью, наводившее на всѣхъ уныніе.

Вдова Терентія была, разумѣется, далеко не прежняя веселая, бойкая и безпечная Катюша. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ея мужъ внезапно умеръ на ея глазахъ послѣ нѣсколькихъ минутъ страшныхъ страданій, а, между тѣмъ, Катюша помнила этотъ ужасный вечеръ и видѣла предъ собой бездыханное тѣло Терентія такъ-же ясно и живо, какъ если-бы все случилось мѣсяцъ назадъ, даже нѣсколько дней назадъ.

Весь городъ говорилъ тогда, что Терентій умеръ смертью неестественной, что онъ былъ кѣмъ-то отравленъ.

Но кѣмъ и зачѣмъ, съ какой цѣлью? Кому была нужна его смерть? Никому. Разсуждали не мало и о томъ, что оба крестьянина, за которыхъ бывшій губернаторъ Абдурраманчиковъ выдалъ двухъ дѣвушекъ, — умерли одинаково. Но если можно было заподозрить и обвинять Аришу, что она такимъ ужаснымъ образомъ избавилась отъ урода и дурака Агаѳона, то, конечно, нельзя было обвинить Катюшу, что она тоже пожелала сама избавиться отъ своего мужа-мужика. Всѣ видѣли и знали, какъ страстно любила она красиваго и умнаго Терентія, совсѣмъ не похожаго ничѣмъ на простого крестьянина.

Всѣ знали равно, что Катюша, если-бъ не сестра, подоспѣвшая во время, непремѣнно въ тотъ-же вечеръ покончила-бы съ собой въ минуту отчаянія схваченнымъ со стола ножемъ.

Слѣдствіе строгое и точное съ Поповымъ во главѣ не могло привести ни къ чему. Пораженный происшествіемъ, преступленіемъ, дерзкимъ до нахальства, Поповъ горячо взялся за дѣло. „Нѣмая“ и странная характеромъ княгиня Марѳа, которую онъ тоже заподозрилъ сначала, ему-же показалась затѣмъ совершенно невинной.

Да и какая цѣль, какой поводъ могли быть у этой женщины, тихой и молчаливой, обожающей мужа и дѣтей, вдругъ отравлять мужа невѣстки. Болѣе всего смущало, но и сбивало съ толку умнаго Попова нахальство преступленія. Оно было

совершено почти чрезъ часъ послѣ того, какъ онъ объявилъ семьѣ Татевымъ милость государя, возвращеніе званія дворянскаго и княжескаго.

Преступленіе, подобное случившемуся, могъ совершить только злѣйшій врагъ всей семьи, такъ какъ вѣсть о страшномъ происшествіи, достигнувъ Петербурга, могла привести къ новымъ бѣдамъ для семьи прощенныхъ Татевыхъ.

Былъ человѣкъ, у котораго, однако, до сихъ поръ имя Терентія не сходило съ языка.

Помимо бѣдной Катюши, болѣе всѣхъ была поражена, но и крайне возмущена Арина Саввишна. Насильственная и оставшаяся необъяснимой смерть Терентія какъ-будто даже оскорбляла самолюбивую старуху.

— Кто-же это надъ нами потѣшается! — воскликнула она гордо, увидя мертваго Терентія, и затѣмъ долго повторяла тѣ-же слова.

При этомъ, объясняя Попову и всѣмъ дворянамъ, что милость царская семьѣ не на радость, такъ какъ у нея есть тайный страшный врагъ, Арина Саввишна настаивала на этомъ упрямо и повторяла всѣмъ при всякомъ случаѣ, что „еще не конецъ“, что у нихъ опять будетъ нѣчто такое-же и кто-либо изъ семьи снова умретъ скоропостижно, страшно и непонятно.

И княгиня, искренно повѣривъ и придя къ этому убѣжденію, убѣждала всѣхъ, что въ числѣ ея самыхъ близкихъ людей есть извергъ или умалишенный, или какой-нибудь человѣкъ, который мститъ имъ за что-либо.

Старуха даже иногда доходила до того, что подозрѣвала своего злѣйшаго врага и ненавистаго ей человѣка, Абдурраманчикова.

— Хоть онъ и добился своего, выдалъ дочь за Гаврика, сдѣлалъ ее княгиней Татевой,—говорила Арина Саввишна,— а все-таки „персидъ“ на такое дѣло по злобѣ способенъ.

Катюша никого не обвиняла и даже не пыталась добиться разъясненія страшнаго дѣла.

— Не все-ли равно?—говорила она.—Мертваго не воскресишь, хоть десять злодѣевъ найди.

IV.

Теперь, будучи беременна, Катюша съ нетерпѣніемъ и тихой печальной радостью ждала того счастливаго дня, когда она станетъ матерью.

— Все-таки утѣшеніе, — говорила она,—все-таки буду не одна, какъ теперь. Буду знать, что малютка моя — плоть и кровь его бѣднаго, сраженнаго злыми людьми.

Теперь день этотъ приблизился, и молодая женщина была бодрѣе, нѣсколько оживленнѣе.

— Мужа нѣтъ, дитя будетъ,—говорила она, вздыхая, сестрѣ.

А иногда Катюша улыбалась даже и шутила.

— А не завидуешь ты мнѣ?

Ариша тоже шутя отвѣчала:

— Я тебя догоню. И у меня будетъ.

Но однажды Ариша при такомъ разговорѣ о дѣтяхъ сказала сестрѣ, не подумавъ:

— Я тебя догоню и перегоню.

— Какъ-же это такъ?—спросила сестру Катюша, не понимая.

— У меня можетъ быть и второй, и третій...

Катюша, понявъ, наконецъ, слова сестры, вдругъ разразилась такими рыданіями, что и сестра, и вся семья, сбѣжавшаяся къ ней, съ трудомъ могли ее успокоить.

Однако, въ семьѣ по отношенію къ Катюшѣ была надежда и было намѣреніе, въ которыхъ всѣ сошлись мнѣніемъ.

Иногда по вечерамъ четыре женщины сходились вмѣстѣ съ работой въ рукахъ и просиживали часа два, бесѣдуя о своихъ „бабьихъ“ дѣлахъ, при которыхъ мужчинѣ присутствовать не полагалось.

Эти женщины были, княгиня Марѳа, старшая годами, которая почти не говорила, а только слушала своихъ золовокъ, Ариша Горстъ, говорившая наиболѣе; такъ какъ была самая счастливая и довольная своей судьбой, вдова Терентія, Катюша, грустная и задумчивая, лишь изрѣдка оживлявшаяся, преимущественно когда разговоръ касался ея предстоящихъ родовъ и гаданія о томъ, будетъ-ли это мальчикъ или дѣвочка, и, наконецъ, княгиня Елизавета, жена Гаврика, которую теперь всѣ въ семьѣ горячо полюбили, конечно, за исключеніемъ старухи княгини.

Когда заходилъ вопросъ о ребенкѣ, Катюша заявляла увѣренно, что у мея родится мальчикъ и будетъ „вылитый“ Терентій.

Однажды намѣреніе и желаніе всей семьи выяснились. Умышленно разговоръ зашелъ о томъ, что Катюша слишкомъ молода, чтобы весь свой долгій еще вѣкъ свѣковать вдовой.

— Тебѣ надо опять замужъ выйти!—рѣшилась первая заговорить Ариша.

— Нѣтъ,—замотала Катюша головой.—Никогда! Нельзя два раза бракосочетаться. По-моему, это даже грѣхъ. А, кромѣ того, оно обидно покойному.

— Какъ такъ?—удивились и воскликнули Ариша и Марѳа.—Гдѣ-же грѣхъ?

Одна Елизавета не удивилась, а вымолвила:

— Правда истинная это. Правду сказываетъ Катюша. Великое это оскорбленіе покойнаго человѣка, который былъ твоимъ мужемъ, тебя любилъ... Если-бы я вдругъ умерла, а Гаврикъ, овдовѣвъ, женился-бы во второй разъ, то я... я-бы въ гробу перевернулась. Ей-Богу! Я-бы ходить начала съ того свѣта и сживать со свѣту эту лиходѣйку, что мое мѣсто заняла. Ей-Богу! Всякую ночь приходила-бы съ кладбища.

Всѣ четыре женщины разсмѣялись, а затѣмъ снова умышленно разговоръ перешелъ на вдовство Катюши, и снова Ариша стала настаивать, что сестрѣ надо хоть года черезъ два выйти опять замужъ.

— Мужъ говоритъ, что такъ и будетъ,—прибавила она.

— Не знаю,—тихо отозвалась Катюша.—Не думаю. Мнѣ это кажется совсѣмъ нехорошимъ и невозможнымъ.

— Семенъ тоже. Три раза. Да!—вставила свое слово Марѳа.

— Гаврикъ тоже это часто говоритъ,—улыбнулась Елизавета.

Катюша уныло оглядѣла всѣхъ трехъ женщинъ и помотала головой.

— Вчужѣ инако сдается,—почти прошептала она.

Въ этихъ вечернихъ бесѣдахъ четырехъ женщинъ было разъ навсегда принято за правило не вспоминать, даже единымъ словомъ не обмолвиться о смерти, или, какъ говорили, о „смертномъ случаѣ“ съ Терентіемъ. Въ отсутствіе Катюши, конечно, всѣ часто говорили объ этомъ, а въ особенности часто простоватый князь Семенъ и его странная и безучастная ко всему Марѳа, „нѣмая“, какъ прозвала ее бабушка. Оба, мужъ и жена, по обыкновенію своему, уложивъ дѣтей спать, оставались часъ и долѣе въ бесѣдѣ обо всемъ, что приключилось днемъ. Марѳа, говорившая только съ мужемъ, говорила на особый ладъ, кратко, односложно, тихимъ, будто угрюмымъ голосомъ, будто разсерженная на кого-либо.

Чаще всего мужъ и жена говорили не о днѣ прошедшемъ, такъ какъ за этотъ день ничего особеннаго не бывало, а говорили вообще о домашнихъ дѣлахъ и обстоятельствахъ. Иногда случалось Семену и Марѳѣ говорить въ десятый и даже въ сотый разъ все о томъ-же, и говорить буквально тоже самое: то-же спрашивать, то-же отвѣчать или то-же въ сотый разъ заявлять, какъ нѣчто новое, что только сейчасъ пришло на умъ въ первый разъ.

И ни мужъ, ни жена не замѣчали, что говорятъ о томъ-же самомъ, то-же самое, или-же не понимали, или-же не соображали, благодаря своей умственной ограниченности.

Конечно, чаще всего говорили они о своемъ временномъ крестьянскомъ состояніи, о смерти князя Антона Семеновича, приключившейся отъ объявленія ему петербургской кары. Равно часто говорили они и о двухъ диковинныхъ смертяхъ двухъ мужиковъ, мужей обѣихъ сестеръ Семена.

— Удивительное дѣло! — говорилъ Семенъ:—обѣ сестры были мужички и обѣ овдовѣли. И оба мужа умерли на одинъ ладъ, опоѳные. И всѣмъ вѣдомо и здѣсь, и въ городѣ, что ихъ умертвили. А кто и зачѣмъ—неизвѣстно. И сказываютъ, что такъ на вѣки вѣчные невѣдомо и останется.

— А вдругъ да окажется!—говорила Марѳа,—объявится лиходѣй, самъ скажетъ. Рада я буду.

— И я радъ буду! —говорилъ Семенъ.—На тѳбя думали, вотъ до чего мы дожили.

— Да. И Агаѳона, и Терентія я опоила, по-ихнему. Всѣ они такъ думали, слѣдственные, стрѳкулисты. А зачѣмъ мнѣ это понадобилось—сказать не смогли. Бабушка ихъ спрашивала: зачѣмъ? А они отвѣтить не сумѣли.

И мужъ съ женой начинали подробно вспоминать и разсказывать другъ другу, какъ умеръ Агаѳонъ, какъ умеръ Терентій.

V.

Счастье, пришедшее внезапно, преображаетъ человѣка.

Существо, которое было неузнаваемо съ тѣхъ поръ, какъ Татевы снова поселились въ своей вотчинѣ, возстановленные въ своихъ правахъ,—былъ Андрей Ивановичъ Горстъ.

Это былъ другой Горстъ—не тотъ, который служилъ мелкимъ чиновникомъ по найму въ губернаторской канцеляріи, который зависѣлъ не только отъ правителя дѣлъ, а даже отъ болѣе мелкихъ сошекъ управленія, который былъ доволенъ, что госпожа Шкильдъ, Роза Эриховна, приближенная намѣстника Звѣрева, его избрала любимцемъ, и который мечталъ только объ одномъ: получить первый чинъ провинціальнаго секретаря.

Умный и даровитый молодой малый зналъ и ясно видѣлъ, что умомъ и дарованіями ничего сдѣлать нельзя, что этимъ однимъ въ люди не выйдешь. Будь хоть совсѣмъ глупъ и совсѣмъ бездаренъ, но будь покровительствуемъ Галушей или будь любимцемъ любимицы губернатора—и все наладится. И прежде всего надо стараться заставить себя полюбить. А это дорого обходится для человѣка умнаго и самолюбиваго. Надо прежде все отречься отъ самого себя, добровольно поставить себя ниже всѣхъ,—молчать, льстить и подличать. А когда заговорятъ стыдъ и совѣсть, самолюбіе, явится презрѣніе къ самому себѣ, то заглушать въ себѣ всякій хорошій порывъ.

И часто бывало, что на молодого человѣка, услуживавшаго и угождавшаго и любимицѣ губернатора Звѣрева, и Ѳомѣ Ѳомичу, и болѣе мелкимъ личностямъ, нападало унынiе, безотрадное сознаніе необходимости унижаться, да еще вдоба-

вокъ безуспѣшно. Когда Горстъ, рѣшивъ жениться на крестьянкѣ Аришѣ, смѣло и искусно добился этой цѣли, объявивъ войну своему прежнему начальству, а затѣмъ еще смѣлѣе и еще искуснѣе взялся за хлопоты по дѣлу Татевыхъ, положеніе его стало настолько неопредѣленно, даже шатко и опасно, что онъ часто спрашивалъ себя мысленно: умно-ли онъ поступилъ, вступивъ въ борьбу съ Галушей, порвавъ связь съ Ѳедоськой и женясь на вдовѣ мужика Агаѳона.

Когда съ неимовѣрнымъ трудомъ и съ истиннымъ искусствомъ цѣль была достигнута, когда онъ, маленькій чиновникъ провинціальнаго управленія, почти „дошелъ до царя“ съ челобитной, поднялъ на ноги петербургскихъ сановниковъ, пошатнулъ губернатора и раздавилъ властаго правителя канцеляріи, вернулъ семьѣ своей жены дворянство, княжество и все состояніе, когда мечты стали дѣйствительностью—Горстъ самъ себѣ не вѣрилъ, не вѣрилъ и въ очевидность. Ему казалось, что онъ видитъ сонъ.

Личное его общественное положеніе тоже измѣнилось совершенно. Теперь онъ былъ, благодаря полученному чину, личный дворянинъ, а благодаря женитьбѣ, былъ членомъ семьи князей Татевыхъ и не ниже всѣхъ дворянъ губерніи. Разумѣется, одновременно онъ сталъ какъ-то незамѣтно, само собою, первымъ или главнымъ членомъ семьи. Многое этому способствовало.

Старшій князь Семенъ Антоновичъ, и прежде всегда робкій, нерѣшительный и глуповатый, послѣ бѣды и кары, послѣ „мужиковствованія“, какъ выражались теперь дворяне губерніи, говоря о Татевыхъ, сталъ какъ-то еще тише, смиреннѣе и смотрѣлъ совсѣмъ придурковатымъ. Второй князь Гавріилъ, чуя, что бабка его не долюбливаетъ за его самовольную женитьбу на дочери врага, всячески отдалялся отъ всего, отъ дѣлъ и отъ семьи. Князь Рафаилъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы быть дѣятельнымъ.

Такимъ образомъ, въ семьѣ былъ одинъ лишь человѣкъ, котораго Арина Саввишна могла позвать на совѣтъ, которому могла поручить всякое дѣло въ полномъ убѣжденіи, что все, что онъ скажетъ и сдѣлаетъ, будетъ „отмѣнно разумно“. Этотъ человѣкъ былъ мужъ старшей внучки, котораго она прозвала „Соколъ“. Арина Саввишна вспоминала охотно и говорила часто:

— Мы всѣмъ должны благодарствовать Соколику. Не будь онъ, мы и теперь-бы сидѣли въ мужикахъ. Не трудно было царю приказать разслѣдовать дѣло. Не трудно было Попову все распутать и доказать, что люди неповинные не виноваты... Трудно было „дойти“ до царя... А нашъ Соколъ дошелъ.

И теперь у Арины Саввишны явился любимецъ, съ которымъ она всѣхъ ровняла, всегда ставя его выше всѣхъ.

— И не стоишь ты, не заслужила такого мужа, какъ Соколикъ,—говорила она Аришѣ.

Разумѣется, Горстъ былъ теперь настоящимъ хозяиномъ въ „Симеоновѣ“, и все дѣлалось и творилось не только по его желанію, а по одному его слову.

Впрочемъ, помимо старухи, всѣ три князя полюбили зятя, зная тоже, что всѣмъ обязаны ему, его уму и смѣлости, и видя, что онъ обладаетъ именно тѣми свойствами, которыхъ они лишены. Ихъ Арина Саввишна всегда звала и зоветъ „дѣвками“ или „бабами“, а онъ и для бабушки, да и для нихъ „Соколъ“, съ нимъ живи, какъ у Христа за пазухой, только слушайся, повинуйся и не бойся ничего. А для всѣхъ трехъ братьевъ, князей Татевыхъ, зависѣть отъ чужой воли и жить чужимъ умомъ, и не быть ни въ чемъ въ отвѣтѣ — было благоденствіемъ.

Одновременно было еще другое существо въ „Симеоновѣ“; которое тоже сильно измѣнилось и даже стало замысловатымъ для всей семьи. Это былъ юный Рафаилъ. Онъ былъ печаленъ, будто озабоченъ и суровъ не по лѣтамъ. Каждое появленіе чиновниковъ комиссіи—какъ всѣ замѣтили — дѣлало его еще суровѣе.

— Чего они хотятъ, Сеня?—спросилъ, наконецъ, Рафушка послѣ послѣдняго посѣщенія чиновниковъ.

— Какъ чего? Имъ надо знать, кто налиходѣйствовалъ. И не про одного Терентія, а и про Агаѳона они хотятъ узнать.

— Зачѣмъ? Знаю я это. Да зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ, голубчикъ? Имъ нужно знать.

— Нужно, нужно! Да зачѣмъ нужно-то?

— Да, стало быть, за тѣмъ, чтобы засадить въ острогъ, а потомъ въ Сибирь сослать.

— Да что-же отъ этого будетъ? — удивился Рафушка. — Толкъ какой?

— Толкъ?—глуповато спросилъ Семенъ.

— Ну да! Толкъ какой? Польза какая? Хоть-бы намъ, что-ли?

— Пользы никакой. Но, стало быть, законъ такой, коли кто кого умертвилъ, то долженъ итти въ каторгу, въ Сибирь.

— А что такое каторга?..

Князь Семенъ, нѣсколько озадаченный вопросомъ, не зналъ, что отвѣтить, такъ какъ самъ никогда не задавался этимъ вопросомъ.

— Каторга, стало быть, каторжная работа.

— А что такое каторжная работа?

— Каторжная... Чего тебѣ еще?

— Ахъ, Сеня! Чуденъ ты!—нетерпѣливо воскликнулъ Рафушка.—Ну, вотъ слесарная робота, ну, столярная, что-ли... Выходитъ—ключи, замки дѣлаютъ или стулья, кровати... Ну, а каторжныя... Какія такія вещи каторжныя?

Князь Семенъ подумалъ и произнесъ:

— Ну, этого я не знаю. Должно быть, всякое дѣлаютъ, только на особый ладъ. Полагаю такъ, что страсть какъ работаютъ, не ѣмши и не спамши, и отъ того скоро помираютъ.

Рафушка глянулъ брату въ глаза зорко и вопросительно, будто стараясь найти во взглядѣ его подтвержденіе словъ.

— Да тѣбѣ что? Почему ты любопытствуешь? — спросилъ Семенъ озадаченный пытливымъ взглядомъ брата.

— Такъ... ничего мнѣ. А знать хотѣлось. Стало быть... выходитъ, что...

Рафушка запнулся, а потомъ выговорилъ быстро:

— Стало быть, тотъ, кто умертвилъ Терентія и Агаѳона, пойдетъ въ Сибирь каторжничать и замученный помретъ?

— Вѣстимо.

— Его, стало быть, замучаютъ работой?

И Рафушка понурился, задумался и не двигался.

— Да что-же тебѣ? Ты будто въ заботахъ о томъ, что будетъ со злодѣемъ, если его откроютъ и засудятъ? — сказалъ Семенъ.

Но юноша, глубоко ушедшій въ свои думы, не слыхалъ брата и не отвѣтилъ.

— Рафушка!—позвалъ Семенъ.

Но братъ въ себя не пришелъ. Семенъ взялъ его за плечо и дернулъ. Рафушка вздрогнулъ и вскрикнулъ:

— Что? Кто?!. Что тебѣ?

— Богъ съ тобой, ты одервенѣлъ! О чемъ ты думы такія думаешь? О лиходѣѣ, что чиновники разыскиваютъ?

— Да!—глухо отозвался Рафушка.

— Тебѣ-то что объ этомъ озабочиваться? Ну, найдутъ, и, Богъ милостивъ, безпремѣнно найдутъ.

— Ахъ, не говори это!—произнесъ юноша съ ужасомъ.— Зачѣмъ? Нѣтъ! Не надо! Право, не надо. Какой толкъ? Никакого! самъ говоришь. Нѣтъ, пускай... такъ. Пускай не находятъ.

— Здравствуйте!—произнесъ Семенъ, ухмыляясь.—Чуденъ ты, голубчикъ. Желаешь, чтобы этакія злодѣянія да оставить безъ наказанія.

— Да. Лучше, лучше! — произнесъ Рафушка дрожащимъ голосомъ, и въ глазахъ его блеснули слезы.

Князь Семенъ присмотрѣлся къ брату и, изумленный, даже пораженный, слегка ротъ разинулъ.

— Ничего не пойму, — выговорилъ онъ чрезъ мгновеніе какъ-бы себѣ самому.—Чуденъ ты, Рафушка, будто жалѣешь того, кто долженъ за свое окаянное дѣло въ отвѣтъ итти.

— Да, жалѣю!—вскрикнулъ юноша и, плача, вскочилъ съ мѣста и почти выбѣжалъ изъ комнаты.

Князь Семенъ подумалъ и вымолвилъ вслухъ:

— Дитя еще. Самъ, почитай, не смыслитъ, что съ нимъ творится.

VI.

Если княгиня Арина Саввишна была счастлива, что снова была въ прежнемъ своемъ положеніи, благодаря милости царской, то было все-таки нѣчто, что осталось, было слѣдомъ, послѣдствіемъ временнаго „состоянія“ въ крестьянахъ, нѣчто, что невозможно было уничтожить даже вышней властью.

Это была женитьба внука на дочери врага-„персида“. Гаврикъ и Елизавета, жившіе въ домѣ, какъ мужъ и жена, отравляли, казалось, не только довольство, но даже существованіе старухи.

Арина Саввишна положительно не могла равнодушно видѣть молодую, красивую, тихую и всѣмъ милую Елизавету.

Молодая княгиня, съ своей стороны, безсознательно боялась старухи настолько, что въ ея страхѣ было даже что-то нелѣпое, суевѣрное. Елизавета боялась даже оставаться наединѣ съ бабушкой, боялась встрѣчать ея взглядъ и, не глядя на саруху, иногда будто чувствовала или томительно ощущала ея взглядъ на себѣ.

Арина Саввишна, дѣйствительно, всѣмъ сердцемъ ненавидѣла эту навязанную ей внучку, вдобавокъ родную дочь человѣка, котораго она давнымъ давно привыкла считать какъ-бы воплощеніемъ самого сатаны.

Было у старухи одно соображеніе, которое, изрѣдка являясь, поневолѣ отзывалось въ ней почти дрожью во всѣхъ членахъ. Если бываетъ дрожь отъ страха и испуга, то у старухи она является отъ гнѣва и озлобленья.

Соображеніе это, приводившее Арину Саввишу въ лихорадочное состояніе, заключалось въ томъ, что если у Гаврика и Елизаветы будутъ дѣти — а они будутъ, конечно, непремѣнно — то они будутъ ея правнуками и въ то-же время внуками этого лиходѣя, этого Каина, этого „персида“, этого ненавистнаго всей семьѣ человѣка, столько ихъ всѣхъ оскорбившаго, столько насмѣявшагося надъ ними.

— Родня! родня! Какъ хочешь, верти. Родственникъ, — говорила и думала старуха,—Холопство, крестьянство прошло; внучки, жены мужиковъ, овдовѣли... мужиковъ, холоповъ и тебѣ внуковъ — нѣтъ. А это останется. Персидка тутъ, въ домѣ, да и именуется княгиней Татевой, такъ-же, какъ и я. Да три княгини Татевы: я, Марѳа и эта... это Абдурраманчиково отродіе.

Разумѣется, старуха „житья не давала“ молодой женщинѣ. Елизавета, по совѣту отца, начавшая сначала стараться всячески умилостивить старуху, понравиться ей, заслужить ея расположеніе, если не любовь, вскорѣ увидѣла, что это не-

возможно. Чѣмъ ласковѣе и почтительнѣе была она съ бабушкой, тѣмъ старуха, казалось, еще болѣе негодовала и озлоблялась, еще круче и грубѣе обращалась съ ней.

Гаврикъ все терпѣлъ, молчалъ и глубоко страдалъ за жену, которую обижали. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ никогда не любившій бабушку, теперь, конечно, ненавидѣлъ ее втайнѣ.

Почти всякій день Арина Саввишна находила что-нибуть, чтобы придраться къ молодой женщинѣ и наговорить ей при всѣхъ — при семьѣ и при постороннихъ, при гостяхъ, кучу всякихъ оскорбительныхъ вещей.

Любимый предметъ разговора или „выговариванія“ внучкѣ было, конечне, ея происхожденіе не русское, а невѣдомое, восточное.

— Самъ твой родитель не знаетъ, отъ кого и откуда онъ,— говорила княгиня.

Вопросъ поэтому о томъ, гдѣ жить князю Гаврику съ женой—въ „Симеоновѣ“, или въ „Кутѣ“,—поднимался нѣсколько разъ. Княгиня не настаивала на пребываніе внука и ненавистной внучки въ ихъ семьѣ, но и ни разу тоже не выразила противнаго мнѣнія.

Абдурраманчиковъ, наоборотъ, любя Гаврика и обожая свою дочь, желалъ-бы, конечно, видѣть ихъ у себя, но все-таки убѣждалъ и зятя, и дочь терпѣть все отъ злой бабушки и жить въ „Симеоновѣ“.

Когда крестьяне Татевы были изъ ихъ избъ и съ деревни вызваны въ городъ, а дѣло, очевидно, шло къ ихъ оправданію и помилованію, Абдурраманчиковъ былъ обязанъ тотчасъ-же отправить въ городъ одного изъ этихъ крестьянъ, жившаго въ это время въ „Кутѣ“, то-есть, Гаврика, съ тѣмъ, чтобы онъ поселился уже не въ губернаторскомъ домѣ, а на постояломъ дворѣ съ бабушкой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, конечно, не захотѣлъ взять къ себѣ въ домъ или оставить въ „Кутѣ“ Елизавету и какъ-бы временно разлучить молодыхъ супруговъ, будто изъ боязни того, что допустилъ ихъ бракъ. Напротивъ того, онъ хотѣлъ, чтобы „крестьянка“ Елизавета Татева раздѣлила участь семьи мужа, то-есть явилась въ городъ на слѣдствіе и на судъ. Пребываніе молодой женщины въ семьѣ мужа могло заставить замолчать тѣхъ, кто продолжалъ кричать, что губернаторъ своей властью навязалъ дочь Гавріилу Татеву такъ-же, какъ и двухъ крестьянъ двумъ дѣвицамъ Татевымъ.

Когда Татевы вернулись въ свою усадьбу снова, какъ князья и землевладѣльцы-дворяне, а старуха начала сугубо преслѣдовать Елизавету, явно выражая при постороннихъ свою ненависть и презрѣніе къ дочери врага-„персида“, Абдурраманчиковъ рѣшилъ, что молодые супруги должны, конечно, уѣхать изъ „Симеонова“ къ нему. Но обстоятельства

настолько измѣнились и ухудшились, что приходилось этотъ важный шагъ отложить до рѣшенія рокового вопроса о судьбѣ самого Романа Романовича и его вотчины.

Попавши нежданно подъ судъ за то, что допустилъ противозаконія въ своей канцеляріи, и за то, что превысилъ власть и обошелъ Высочайшее повелѣніе тѣмъ, что женилъ крестьянина на дворянкѣ, да еще своей-же дочери, Абдурраманчиковъ былъ тотчасъ смѣщенъ. Затѣмъ прошелъ слухъ, что онъ вдобавокъ будетъ лишенъ недавно полученнаго чина генерала, а равно и ордена.

Разумѣется, сдавъ дѣло и будучи подъ судомъ, Абдурраманчиковъ упросилъ Попова отпустить его въ Петербургъ хлопотать о себѣ, постараться снова добиться счастья представиться императору и лично объяснить все дѣло, прося помилованія.

Конечно, честный и безпристрастный Поповъ, считавшій Абдурраманчикова невиннымъ ровно ни въ чемъ важномъ, охотно отпустилъ его, да еще далъ письма, поручая его покровительству своихъ друзей.

Но времена были особыя. „Нынче панъ, завтра пропалъ“. Пробывъ мѣсяцъ въ Петербургѣ въ хлопотахъ и ходатайствахъ, Абдурраманчиковъ измучился и даже выстрадалъ не мало. Если когда-то вызванный и прискакавшій съ фельдъегеремъ по указу государя онъ былъ въ Невской столицѣ героемъ дня, если послѣ представленія императору и царской милости онъ увидѣлъ себя окруженнымъ почти раболѣпіемъ, не только заискиваніемъ, то теперь все было наоборотъ. Онъ былъ въ столицѣ „чумной“, какъ самъ себя опредѣлилъ; его всѣ избѣгали какъ зараженнаго проказой, чуть не вскрикивали суевѣрно при его появленіи:

— Чуръ меня! Наше мѣсто свято!

Дѣйствительно, водиться съ человѣкомъ, который навлекъ на себя гнѣвъ государя, было въ тѣ дни не только неосторожно, но и прямо опасно.

Прошло недѣли двѣ, а Абдурраманчиковъ еще не смогъ повидаться ни съ однимъ сановникомъ, а главный его покровитель и заступникъ, графъ Кутайсовъ, его принять прямо отказался и только выслалъ чиновника сказать, чтобы Абдурраманчиковъ подалъ подробную промеморію о „происхожденіи“ всего дѣла о бракѣ его дочери.

Чиновникъ прибавилъ:

— Его сіятельство обѣщаютъ вамъ, что сдѣлаютъ по мѣрѣ силъ и возможности все вамъ полезное, но надежды на успѣшность не имѣютъ.

Но сдѣлалъ-ли что Кутайсовъ или нѣтъ, Абдурраманчиковъ не зналъ и уѣхалъ, не узнавъ.

Въ своихъ хлопотахъ о самозащитѣ онъ случайно познакомился въ одномъ высшемъ присутственномъ мѣстѣ съ маленькимъ старичкомъ-чиновникомъ лѣтъ подъ восемьдесятъ, который всю жизнь, десятковъ шесть годовъ, прожилъ и прослужилъ въ столицѣ и которому, конечно, были знакомы всѣ, все и всяческая.

Старичекъ заинтересовался положеніемъ не только опальнаго, но разжалованнаго генерала и смѣщеннаго губернатора и вызвался помочь. Но помощь должна была обойтись дорого.

— Прежде попробуйте устроить свое дѣло сами, безубыточно,—объяснилъ онъ.—А когда увидите, что ничего сдѣлать не можете, обратитесь уже ко мнѣ. Ну, и заготовьте деньги. И много денегъ! Будемъ мы съ вами мздодавцы, станемъ „лиходательствовать“, направо и налѣво взятки давать, платить и платить. Но за одно ручаюсь вамъ, что не зря и не даромъ. Должности вы вновь не получите, конечно, а чинъ генеральскій сохраните.

Абдурраманчиковъ, потерявъ еще недѣлю на тщетныя попытки добиться чего-либо, обратился къ старику-чиновнику. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ заложилъ вотчину свою въ Опекунскій совѣтъ.

Все, что было получено, почти цѣна „Кута“, перешло въ руки старика и его наперсниковъ. .

Абдурраманчиковъ вернулся домой съ тѣмъ-же чиномъ генерала, былъ избавленъ отъ суда и слѣдствія по дѣлу о превышеніи власти и обхода Высочайшаго повелѣнія, но былъ уже не прежній сравнительно богатый помѣщикъ. Онъ былъ почти разоренъ. Оставалось продать „Кутъ“, собрать крохи и ѣхать жить въ какомъ-нибудь уѣздномъ городкѣ въ собственномъ, но грошевомъ домишкѣ.

Очевидно, что, когда въ эти дни Гаврикъ сталъ говорить тестю о невозможности оставаться жить въ „Симеоновѣ“ изъза преслѣдованій бабушки, то Абдурраманчиковъ могъ только посовѣтовать зятю и дочери терпѣливо сносить все и ждать, чтобы старая бабушка ушла на тотъ свѣтъ. И они послушались...

VII.

Теперь обстоятельства измѣнились къ худшему.

Арина Саввишна, прослышавшая случайно о томъ, что злѣйшій врагъ и „насильный“ свойственникъ продаетъ дорогой ему „Кутъ“, будто поняла и сообразила, что дѣла Абдурраманчикова плохи, что нѣчто приключилось... Съ этого дня она стала вести себя съ внукомъ и его женой еще рѣзче и безпощаднѣе и обоихъ „поѣдомъ ѣла“.

Она уже настойчиво ежедневно умышленно оскорбляла на всѣ лады Елизавету при постороннихъ и чужихъ людяхъ, и Гаврикъ рѣшился, во что-бы ни стало, покинуть семью.

Елизавета, чрезвычайно кроткая и сердечная, сначала прощала старухѣ и объясняла мужу:

— Бабушка не виновата. Она не хотѣла меня видѣть твоей женой, хотѣла тебя женить на Машенькѣ генеральши. Меня ты и батюшка ей силкомъ навязали. Ну, и надо терпѣть, надо молчать, надо стараться и добиваться гнѣвъ на милость свести.

Въ виду оскорбленій въ послѣднее время, Елизавета перестала перечить мужу и сказала:

— Да, лучше въ избѣ жить, да счастливо и снокойно. Богъ съ ней! Поѣдемъ къ батюшкѣ, а когда онъ продастъ „Кутъ“, то куда придется.

Гаврикъ былъ радъ, но объяснилъ женѣ, что, когда его братъ Рафаилъ станетъ совершеннолѣтнимъ, то онъ первый тотчасъ подниметъ вопросъ о раздѣлѣ имѣнія между братьями, такъ какъ все состояніе принадлежало дѣду и отцу, а не есть приданое Арины Саввишны.

Вскорѣ, во время обѣда, за столомъ, гдѣ сидѣло болѣе дюжины дворянъ гостей, Арина Саввишна, будто окончательно выйдя изъ себя, кровно оскорбила внучку, „довершила“, какъ сказалъ потомъ Гаврикъ женѣ.

Старуха завела разговоръ о томъ, что всякая дворянская семья можетъ быть опозорена безвинно на разные лады.

— Хоть-бы вотъ бракосочетаніемъ! — сказала Арина Саввишна и указала пальцемъ на Елизавету.

Затѣмъ послѣдовало, конечно, съ ея стороны ехидно насмѣшливое разъясненіе, подробное и колкое, того обстоятельства, что князь Татевъ „осрамилъ“ семью бракомъ на дѣвицѣ темнаго и безызвѣстнаго происхожденія. И Арина Саввишна кончила словами.

— Татенька, какъ и дѣдушка, торговали на базарѣ краденными конями, а дочь или внучка стала княгиней.

Разумѣется, послѣ обѣда, когда всѣ вышли изъ-за стола, а Арина Саввишна ушла въ свои комнаты, взбѣшенный Гаврикъ громко вымолвилъ:

— Такъ жить не въ моготу!

Всѣ обернулись къ нему съ удивленіемъ.

— Что ты?—спросилъ князь Семенъ, не понявшій восклицанія брата.

— Говорю, что это-же за жизнь? Силъ нѣтъ!

— Полно! Полно, Гаврикъ! Что ты! Богъ съ тобой!—бросилась Елизавета къ мужу.

— Не могу я больше, вотъ и все!—воскликнулъ Гаврикъ.— Что ты ей далась? Извести тебя, что-ли, хочетъ она, какъ другихъ...

— Полно, Гаврикъ!—спокойно произнесъ Горстъ,—знаешь бабушку не первый день... Не надо къ сердцу принимать ея слова, пущенныя на вѣтеръ.

— Поглядѣлъ-бы я, что-бы ты сказалъ или что сказала-бы Ариша, если-бы бабушка тебя изводила каждодневно, какъ она мою жену изводитъ? Это тебѣ вчужѣ кажется пустяшнымъ.

— Она старѣетъ... Потомъ, помимо годовъ, у бабушки тоже...—началъ было Горстъ и смолкъ, не зная, что сказать.

— Я такъ жить не хочу!—воскликнулъ Гаврикъ.

— Мало что не хочешь? Ничего не подѣлаешь!

— Нѣтъ, подѣлаю. Уѣдемъ отсюда.

— Куда?—воскликнула Катюша.

— Какъ куда?—удивляясь, вскрикнулъ и Гаврикъ.—Да къ тестю моему, къ родному отцу Елизаветы.

— Не хорошо будетъ!—насупился Горстъ.—Бабушка этого не спуститъ, не проститъ никогда.

— И пойдутъ опять воевательства,—вступилась Ариша.—Прежде Романъ Романовичъ заводилъ всякія ссоры, а тутъ уже бабушка начнетъ задирать его и васъ.

— Мало этого,—вступился и Семенъ,—бабушка можетъ лишить тебя твоей части наслѣдства.

— Не можетъ—отрѣзалъ Гаврикъ рѣзко.

— Какъ не можетъ? Что ты? Съ ума спятилъ?

— Не имѣетъ, никакого способа. Все наше состояніе принадлежало нашему покойному родителю и его отцу, нашему, стало быть, дѣду, князю Татеву. А бабушка, выйдя за него замужъ, кромѣ дюжины чулокъ, ничего не принесла за собой. Нитки единой ея здѣсь теперь нѣтъ. Какое тряпье въ приданое она принесла, то давно износила. И по законамъ ничего у нея въ „Симеоновѣ“ не было и нѣтъ. По законамъ мы можемъ требовать, чтобы насъ раздѣлили по ровну, какъ только Рафушкѣ минетъ двадцать одинъ годъ.

Братья и сестры, выслушавъ это заявленіе, широко раскрыли глаза и глядѣли робко, боязливо, будто чуя, что Гаврикъ говоритъ „дерзновенно“. Одинъ Горстъ улыбался двусмысленно, не то оправдывая Гаврика, не то посмѣиваясь надъ нимъ.

Въ тотъ-же день Гаврикъ отправилъ тайно гонца къ тестю и написалъ, что собирается къ нему на жительство, а затѣмъ на утро объяснился съ младшимъ братомъ.

— Слушай, Рафушка,—сказалъ онъ,—я тебѣ хочу повѣдать кой-что важное: и изъ нужды—чтобы кто-нибудь одинъ, зналъ правду, и изъ любви—такъ какъ я тебя больше всѣхъ люблю и вѣру въ тебя имѣю, что ты до поры до времени не проболтаешься. Слушай: я порѣшилъ уѣзжать съ женой отсюда.

— Куда?—воскликнулъ Рафушка.

— Куда? Вѣстимо домой, тоже домой, въ домъ тестя, въ „Кутъ“.

— Зачѣмъ?

— Нельзя намъ тутъ оставаться.

— Почему-же нельзя? Богъ съ тобой!

— По многому. Да, много, много причинъ, чтобы намъ уѣзжать, да и скорѣе уѣзжать. Я тебѣ скажу одну причину изъ всѣхъ. Бабушка, ты знаешь, поѣдомъ ѣстъ Лизавету. Вѣдь, знаешь, правда это?

— Правда,—уныло отозвался юноша.

— Ну, вотъ. Какая ея жизнь здѣсь? да и моя тоже? Видя, какъ бабушка пилитъ и точитъ Лизавету, что ни день, бранитъ, попрекаетъ, злословитъ, коритъ и тѣмъ, какая она родомъ и чья дочь, и противъ ея воли княгиней Татевой стала, и всякое такое безъ числа, безъ конца... Нѣтъ, такъ нельзя. Надо намъ уѣзжать.

— Бабушка не допуститъ, не дозволитъ.

— Вотъ то-то. Мы это знаемъ. Поэтому мы и порѣшили ей ничего не сказывать.

— Какъ не сказывать?—ахнулъ Рафушка.

— Уѣхать не сказавшись. А когда хватятся, то догадаются. А если будутъ братъ и сестры о насъ тревожиться, то тогда ты имъ и скажешь правду. А накинется бабушка на всѣхъ, выдумаетъ не вѣсть что творить, то ты и ей скажешь.

— Что?

— То, что я съ женой уѣхалъ въ „Кутъ“ къ тестю, не стерпя ея корительства и всякихъ обидъ. И скажешь ей, что я тебя просилъ ей передать, что назадъ я не вернусь ни нынѣ, ни присно. Богъ съ ней совсѣмъ. Съ ней жить нельзя. Прямо, Рафушка, нельзя. Съ ней жить страшно да и вообще... еще... Вотъ что, голубчикъ мой. Ты еще послушай меня, я тебѣ не все сказалъ, и этого всего я тебѣ совсѣмъ не скажу. Нельзя. Самъ узнаешь все потомъ. Всѣ мои мысли теперь я тебѣ открыть не могу.

А если я эти твои мысли вижу!—блѣднѣя, произнесъ Рафушка.

Гаврикъ пристально глянулъ въ глаза брату и затѣмъ послѣ минуты молчанія раздѣльно, но тихо вымолвилъ:

— Нѣтъ, не будемъ говорить объ этомъ. Даже дрожь беретъ!

И озадаченный этими словами младшаго брата, Гаврикъ сталъ уже спѣшно готовить свой тайный отъѣздъ изъ „Симеонова“.

VIII.

Крупное одолженіе можетъ стать благодѣяніемъ!

Самымъ близкимъ и дорогимъ другомъ всей семьи Татевыхъ была теперь прежняя пріятельница Арины Саввишны, ставшая теперь человѣкомъ всѣми прямо обожаемымъ.

Это была генеральша Бокъ.

Когда-то Авдотья Евдокимовна, хотя и считалась другомъ семьи, все-таки раза три ссорилась съ княгиней „на смерть“ и, чуть не выгоняемая изъ „Симеонова“, давала слово никогда не переступать порога дома строптивой до забвенія „людскости“ старухи. Послѣдній разъ, что обѣ женщины повздорили изъ-за пустяковъ, какъ всегда, добродушная Бокъ все-таки уѣхала нѣсколько оскорбленная и рѣшила, дѣйствительно, прекратить сношенія съ многочисленной семьей, которую давно знала и любила, съ которой даже собиралась породниться черезъ бракъ воспитанницы Машеньки со вторымъ княземъ, Гавріиломъ. Уѣзжая изъ усадьбы Татевыхъ, генеральша даже прослезилась, думая, что больше изъ чувства гордости никогда не увидитъ „Симеонова“ и любимыхъ ею стариковъ и молодыхъ.

И долго крѣпилась генеральша, изрѣдка только справляясь стороною, какъ поживаютъ Татевы, какъ ихъ дѣла и нѣтъ-ли чего новаго.

И вдругъ, однажды, до нея достигла вѣсть, сразившая ее, вѣсть, которой трудно повѣрить. Когда все подтвердилось, генеральша прихворнула отъ волненія и горя, а затѣмъ, оправившись, тотчасъ собралась въ ту усадьбу, изъ которой ее срамно почти выгнала хозяйка пріятельница.

Конечно, разжалованіе князей въ крестьянское состояніе и внезапная отъ этого происшествія смерть князя Антона Семеновича наиболѣе изъ всѣхъ обывателей губерніи коснулись генеральши и отозвались ударомъ въ самое сердце.

И энергичная женщина не удовольствовалась однимъ гореваніемъ и сидѣньемъ, сложа ручки. Она стала дѣйствовать... Нашелся, по счастью, и отличный помощникъ. Когда и Бокъ, и Горстъ настойчиво, искусно и смѣло добились своего, достигнувъ до береговъ Невы и даже „дошли до царя“, то, разумѣется, надо было почесть помилованіе Татевыхъ дѣломъ ихъ рукъ и благодѣяніемъ.

Горстъ еще прежде получилъ награду за свое дѣло, ставъ мужемъ Ариши. Генеральша была награждена тѣмъ, что всѣ, отъ Арины Саввишны до маленькаго Саввушки, котораго обучили нарочно, непремѣнно теперь называли генеральшу Бокъ не иначе, какъ „наша благодѣтельница“.

Теперь, конечно, генеральша бывала въ „Симеоновѣ“ еще чаще и гостила подолгу, какъ у родныхъ.

Однажды, послѣ недѣль трехъ пребыванія у себя въ вотчинѣ, генеральша пріѣхала въ „Симеоново“ и на попреки всѣхъ, что давно ее не видали, отвѣчала:

— Охъ, милые мои, дорогіе. Заботъ полонъ ротъ. Ахтительное свалилось мнѣ на голову. Сама я не своя.

И тотчасъ-же, оставшись наединѣ съ Ариной Саввишной, она заговорила, волнуясь:

— Ну, слушай, княгиня. Слушай обоими ушами. Съ дѣломъ я.

— Вотъ какъ?—удивилась княгиня.

— Да. Дѣло первой важности, потому что, когда все, что я тебѣ скажу, выслушаешь, то должна будешь мнѣ совѣтъ дать... совѣтъ „огромаднѣйшій“.

— Совѣтъ? А ты его послушаешь, или мимо своихъ двухъ ушей пропустишь?—ухмыляясь, спросила старуха.

— Вѣстимо, послушаю. А то-бы и не стала его просить безъ толку. Ну, суди: хочу я мою Машу замужъ выдавать.

Княгиня сразу насупилась, и глаза ея блеснули странно.

— Машу? замужъ?!.—рѣзко спросила она.

— Да. Что-же это ты? Будто встревожилась или разгнѣвалась?—удивилась генеральша.

— Ни того, ни другого быть не можетъ... Но все-таки... все-таки скажу. Я Машу твою люблю, какъ родную, и этакое извѣстіе меня, конечно, взяло врасплохъ. Когда это ты собралась? Почему? За кого?

— Да вотъ... Бывалъ у насъ сосѣдъ, сынъ капитана, звать его Борисъ, по фамиліи Кшевицкій... Малый хорошій, сердечный, Машу, видно, любитъ... Ну, и она тоже отъ него безъ памяти стала... Есть у его отца и имѣньице небольшое. Да этого мнѣ и не нужно. У меня довольно своего, а все мое послѣ моей смерти Машѣ пойдетъ. Ну вотъ. Что скажешь, княгинюшка Арина?

— Ничего.

— Какъ такъ ничего?

— Да такъ, ничего,—холодно повторила княгиня.

— Похвали или осуди... А это что-же... Плевать, молъ, мнѣ!

— Коли скажу то, что думаю и чувствую, ты все равно меня слушаться не пожелаешь. Такъ зачѣмъ-же слова тратить? Дѣлай, какъ знаешь.

— Я-же твоего совѣта просить пріѣхала.

— Мой совѣтъ—Машу не отдавать. Ни за этого Кши... Кши... Не знаю, какъ ты его...

— Кшевицкій.

— Ну, Вшицыцкій... Все одно это... Не отдавать.

— Почему, родимая? скажи!

— Обождать. Зачѣмъ спѣшить?

— Чего-же ждать-то?

Арина Саввишна, сурово помолчавъ, заговорила:

— Мало чего?.. Мало-ль что можетъ еще быть? Выищется для Маши женихъ много лучше. Этакихъ, какъ твой этотъ Вшивый, хоть прудъ пруди на Руси; не диковина!

— Пора Машѣ замужъ, дорогая моя княгинюшка, и даже по ней самой видать, что ей пора мужа: таять стала.

— Все глупости. Таять! Обругать ее хорошенько—и перестанетъ таять.

Генеральша разсмѣялась добродушно.

— Чего ты? Чему смѣешься? Дѣло сказываю!—еще суровѣе замѣтила княгиня.

— Дѣло?.. Охъ, дорогая моя! Чудна ты, чудна! Помнится мнѣ, я тебѣ сказывала, что дьяконъ хвораетъ у меня и почти при смерти. А ты, мнѣ на это и сказываешь: „выпороть его хорошенько, дать сто розогъ и живо выздоровѣетъ“.

— Да, понятно! И зачастую этакъ-то люди болѣютъ, балуются. А ты, вѣдь, блаженная. Тебѣ, что ни скажи—вѣришь. А я вотъ ничему не вѣрю. Тебѣ вотъ Маша твоя разсказала, что она таетъ, ты и повторяешь, какъ ученый скворецъ, чужія слова, не зная, что эти слова значатъ.

— Нѣтъ, милая моя княгинюшка,—ласково вымолвила Бокъ.—Пора! пора! Ей Богу, пора.

— Что пора?

— Машѣ замужъ.

— А я говорю—вздоръ. И говорю тебѣ толкомъ: не спѣшить. Обожди!

— Чего-же я буду ожидать?

— Хорошаго ей жениха, отмѣннаго.

— Откуда онъ прибудетъ, твой отмѣнный? Въ нашей трущобѣ нечего ждать,—горячо вымолвила генеральша,—благо есть, выискался молодой и дворянинъ, и съ достаткомъ, и любитъ Машу. Ну, и нечего мысли разводить! Знаешь пословицу: „не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки“.

— Обожди! Журавля и дождешься,—спокойно произнесла княгиня.—Я завсегда, знаешь, желала женить внука на твоей Машѣ, которую я люблю, какъ родную.

— Знаю, княгинюшка,—вздохнула генеральша.—И если-бъ не твой строптивый нравъ, то давно-бы Маша моя была твоей внучкой. Сколько разъ, вспомни, мы съ тобой вздорили, мирились и опять вздорили. А время-то шло и прошло. А все отъ твоей строптивости. Только теперь перестала ты меня шпынять и отъ себя выгонять, а то была-бы Маша давно твоей внучкой и княгиней Татевой, а мы обѣ свойственницы.

Ну, а теперь конецъ. Нельзя. Хоть разорвися—нельзя. Нѣтъ у тебя жениховъ въ домѣ.

— Найдется!

— Найдется? Какъ-же это такъ?

— Такъ! Говорю, найдется.

— Кто-же такой?

— Внукъ.

— Рафушка, что-ли? Такъ онъ еще ребенокъ. А пока онъ вырастетъ, Маша старой дѣвкой станетъ. Между ними почти пять лѣтъ разницы. Они не пара, ни теперь, ни черезъ три-четыре года. Вотъ былъ женихъ настоящій и подходящій—Гаврикъ.

— Можетъ, и опять будетъ.

— Что?

— Женихомъ, женихомъ.

— Кто?

— Гаврикъ.

— Что ты путаешь, родная моя!—удивилась Бокъ.

— Ничего не путаю. Былъ Гаврикъ женихомъ Маши, ну, и опять можетъ имъ быть.

— Что ты? Какимъ способомъ?

И генеральша широко раскрыла глаза, совершенно не понимая, что Арина Саввишна хочетъ сказать.

— Вѣдь онъ женатый-же!—воскликнула она.

— Можетъ овдовѣть, — тихо и твердо произнесла Арина Саввишна.

— Вона! Овдовѣть! Вона куда хватила! Если-бы не морозъ, родная моя, то овесъ-бы до неба доросъ! Слыхала ты это? Чудная ты! Гаврикъ только что женился, а она говоритъ: овдовѣетъ.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ, — холодно вымолвила княгиня.—Вотъ сынъ родной раньше меня померъ. Двѣ внучки давно-ли замужъ были выданы, а одна уже вдовая за вторымъ мужемъ, а другая вдова. Вотъ и разсуди.

— Все это—правда, дорогая моя, но не резонъ. Но первое я тебѣ скажу, — заговорила Бокъ, откладывая пальцы и отсчитывая,—первое: князь Антонъ Семеновичъ былъ слабоватъ здоровьемъ, не въ тебя уродился, да очень ужъ былъ перепуганъ этимъ проклятымъ мухоморомъ Галушей, который ему брякнулъ про ваше крестьянство. Второе теперь скажу, что, хотя и правда, что обѣ твои внучки за одинъ годъ и замужъ вышли, и овдовѣли, но какъ? какъ? Вспомни, княгинюшка, какъ все приключилось? По сю пору во всей губерніи никто еще не очухался, а ужъ понять, уразумѣть, правды дорыться—никто и не помышляетъ. Были два мужика-мужа у двухъ княженъ, одинъ уродина и дуракъ, другой красавецъ и умница, и оба... какъ въ сказкѣ сказывается про враговъ прин-

цессы Кирбитьевны, бисеромъ мелкимъ разсыпались или въ прахъ обратились, какъ-бы сквозь землю провалились по щучьему велѣнью. Третье скажу, что смерть хотя у насъ и за плечами съ самаго часа нашего рожденія, а все-таки живутъ люди и до ста лѣтъ... Стало быть, говорить, что и Гаврикъ твой можетъ овдовѣть, говорить можно... но ожидать такового нельзя. Глупо и противу естества.

— Все это тары да бары!—вдругъ вскрикнула Арина Саввишна вспыльчиво.—Скажи мнѣ: любишь ты меня?

Генеральша отъ окрика даже опѣшила, ибо не понимала, откуда, изъ-за чего явился этотъ гнѣвъ ея пріятельницы.

— Ну? Что глаза таращишь? Отвѣтствуй! — снова воскликнула Арина Саввишна нѣсколько мягче, но все-таки ежели не гнѣвно, то взволнованно.—Говори! отвѣтствуй, что спрашиваютъ.

— Что ты, что ты, родная моя?—прошептала Бокъ.

— Любишь ты меня?

— Вотъ что выдумала! Нѣтъ, не люблю и никогда не любила. И ничѣмъ моей любви никогда не доказала. Кромѣ зла, ничего тебѣ не дѣлала! — проговорила генеральша отчасти обидчиво.

— Ну, ладно. Такъ вотъ, если ты меня любишь и если ты мнѣ свое дружество всегда доказывала, ежели единожды своимъ заступничествомъ въ столицахъ сугубо заявила свою любовь, то заяви ее въ пустяковомъ дѣлѣ. Оно легче... А мнѣ это пустяковое будетъ вотъ... сердечное, душевное, дорогое... Вотъ всѣмъ сердцемъ почувствую и буду благодарна. Сдѣлай, Авдотья Евдокимовна, прошу! Въ ножки поклонюсь.

— Что? что? что?.. — проговорила Бокъ, совсѣмъ озадаченная.

— Не выдавай Машу за этого Вшиваго. Ни за кого не выдавай, обожди! Я ее замужъ выдамъ! Слышишь ты? я! Обожди!

— Что-же?..—развела руками Бокъ. — Если ты, моя княгинюшка, этакъ оное къ сердцу принимаешь, то я только могу благодарствовать. Я даже и не думала, что ты мою Машу этакъ любишь. Изволь! будемъ ждать и вмѣстѣ Машѣ жениха искать, другого.

— Ну, спасибо. Поцѣлуемся! — ласково проговорила старуха, улыбаясь и просіявъ.

Генеральша даже разсмѣялась, видя довольство пріятельницы, а затѣмъ заявила, что должна тотчасъ ѣхать въ городъ отмѣнить тѣ заказы къ вѣнцу и свадьбѣ, которые уже успѣла сдѣлать впопыхахъ.

— И отлично. Ступай! отмѣняй! А я тебѣ и кавалера дамъ, твоего-же любимаго. Не въ первой вамъ по Россіи колесить, опять вмѣстѣ поѣдете.

И княгиня объяснила, что Горстъ уже давно долженъ ѣхать въ городъ прямо къ губернатору съ просьбой по дѣлу объ ихъ разграбленномъ имуществѣ и теперь соберется съ ней вмѣстѣ.

— Что-жъ. Радехонька. Давно-ли мы съ нимъ изъ столицы пріѣхали, — пошутила Бокъ, — пора намъ опять куда съѣздить! Ну, а что новый-то этотъ губернаторъ? Правда, что лихъ?

— Чего лихъ?! — отозвалась Арина Саввишна, — прямо, людоѣдъ. Всѣ такъ зовутъ. Все намѣстничество, потряхивая, перемололъ и перетрусилъ.

IX.

Дѣйствительно, въ намѣстничествѣ въ послѣдніе полгода были большія перемѣны.

Новый губернаторъ, назначенный на мѣсто Абдурраманчикова, мало походилъ на своего предмѣстника и еще менѣе на добродушнаго и безхарактернаго Звѣрева. Полу-русскій, полунѣмецъ родомъ, онъ былъ уже не молодой человѣкъ, но молодой для должности, которую занялъ, такъ какъ ему не было сорока лѣтъ. Имя его было Шверинъ. Многіе думали, что это русская фамилія, а, между тѣмъ, отецъ и мать Шверина почти не говорили ни слова по-русски. Пріѣхавъ въ Россію лѣтъ тридцать назадъ, они открыли въ Петербургѣ аптеку, нажили порядочное состояніе и жили теперь въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ Островѣ. Сынъ Фрицъ, или Фридрихъ, единственный и обожаемый, привезенный родителями менѣе десяти лѣтъ отъ роду, говорилъ изрядно по-нѣмецки, но отлично, какъ истинный россіянинъ, по-русски. Вдобавокъ, Фридрихъ, еще не достигнувъ совершеннолѣтія, пожелалъ стать Ѳедоромъ. А въ двадцать пять лѣтъ онъ даже забылъ или не хотѣлъ знать и обижался, когда ему напоминали, что онъ собственно не Ѳедоръ. Будучи, какъ и родные, лютеранином, онъ тоже около двадцати лѣтъ отъ роду пересталъ ходить въ свою кирку, а началъ ходить къ обѣднѣ и ко всенощной въ русскіе храмы. Оставшись, однако, протестантомъ на бумагѣ, онъ на дѣлѣ не принадлежалъ собственно ни къ какому вѣроисповѣданію—ни къ лютеранскому, ни къ православному.

Пройдя курсъ въ русской школѣ, молодой человѣкъ поступилъ на военную службу въ артиллерію, затѣмъ вскорѣ, получивъ первый чинъ, перечислился въ статскую службу и въ чинѣ сенатскаго секретаря поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ помощникомъ главнаго переводчика посольскаго

Усердіе, аккуратность, смѣтливость и симпатичная наружность помогли молодому Ѳедору Шверину быстро пойти по службѣ, хотя по совершенно другой дорогѣ. Въ тридцать лѣтъ онъ былъ ужъ непремѣннымъ засѣдателемъ, а затѣмъ вскорѣ оказался правителемъ дѣлъ бѣлорусскаго губернатора, затѣмъ чрезъ пять лѣтъ сталъ губернаторскимъ товарищемъ въ чисто русской губерніи около Москвы. Женитьба на русской княжнѣ полутатарскаго происхожденія ему помогла особенно на служебномъ поприщѣ. Онъ женился на княжнѣ Аникѣевой и въ приданое за ней взялъ именно должность губернаторскаго товарища, такъ какъ родной дядя княжны могъ и обѣщать, и дать такое мѣсто.

Жена Ѳедора Ѳедоровича стала называться тоже на русскій ладъ: госпожа Шверина. И мужъ, и жена отдали фамилію свою въ почтительное услуженіе падежамъ русской грамматики.

Отличившись въ качествѣ губернаторскаго товарища своей исполнительностью, а въ особенности доносомъ на самого губернатора, послѣдствіемъ чего была строгая ревизія всѣхъ дѣлъ, коллежскій совѣтникъ Шверинъ былъ въ награду переведенъ въ Петербургъ, съ тѣмъ, что первая свободная вакансія губернаторская будетъ принадлежать ему.

Какъ разъ въ то-же время началось дѣло о князьяхъ Татевыхъ, невинно пострадавшихъ, и о незаконныхъ дѣйствіяхъ губернатора Абдурраманчикова и его правителя дѣлъ Галуши. Невидимка-сановникъ, покровительствовавшій Шверину ради своей племянницы-княжны, конечно, не мало помогъ въ дѣлѣ опалы Абдурраманчикова, котораго лично не зналъ и къ которому никакого враждебнаго чувства питать не могъ. Ему нужно было только, чтобы скорѣе очистилось какое-нибудь губернаторское мѣсто. И оно очистилось, а племянникъ уже въ чинѣ статскаго совѣтника былъ назначенъ.

Шверинъ, вступивъ въ должнось, почти сразу навелъ страхъ на всѣхъ, не только на чиновниковъ всего намѣстничества, но, конечно, и на дворянство. Тотчасъ по его пріѣздѣ у него, даже невѣдомо какъ и почему, составилась репутація „лютаго“ начальника. Вскорѣ говорили повсюду и всѣ, что новый губернаторъ прямо не что иное, какъ „людоѣдъ“.

— Ѣстъ тюдей, что кашу,—разсказывали шутники,—даже безъ масла и безъ ложки.

— Да, смѣйтесь,—отвѣчали люди осторожные и опасливые.—Вѣдь, и безъ вины виноватые бываютъ.

Многіе вспоминали, какой страхъ напалъ на всѣхъ при назначеніи Абдурраманчикова, и невольно смѣялись своей тогдашней наивности и безпричинной трусости. Теперь вотъ, дѣйствительно, приходилось опасаться и держать ухо востро.

Явившись въ городъ, новый правитель края тотчасъ такъ отнесся ко всему чиновничеству, что кто-то изъ дворянъ, жившихъ въ городѣ, очень вѣрно опредѣлилъ его дѣйствія:

— Онъ ими, какъ мячиками, играетъ. Одного перебросилъ, другого зашвырнулъ, третьяго, поймавъ, объ землю! И разъ, и два, и три... пока не лопнетъ!

Шверинъ тотчасъ треть чиновниковъ разогналъ безъ объясненій... Увольненія посыпались... А затѣмъ изъ оставшихся онъ половину перетасовалъ, причемъ, не стѣсняясь, назначалъ съ высшихъ должностей на низшія съ обѣщаніемъ вскорѣ-же или вернуть на прежнюю должность, или выгнать изъ службы окончательно.

— Середины не будетъ!—объявилъ онъ.—Середины ни въ чемъ я не люблю и не допускаю. Кто выдумалъ слово „золотая середина", былъ человѣкъ лѣнивый, криводушный, себялюбецъ и прислужникъ и вашимъ и нашимъ. Либо черное, либо бѣлое. Сѣраго цвѣта я не жалую. Грязь—сѣрая.

При крутомъ нравѣ у Ѳедора Ѳедоровича Шверина была одна черта характера, которая странно дѣйствовала на всѣхъ. Вмѣсто того, чтобы нравиться всѣмъ, она какъ-то пугала всѣхъ и заставляла какъ-бы насторожиться и въ силу поговорки „держать ушки на макушкѣ".

Шверинъ былъ до чрезвычайности любезенъ и мягокъ, даже ласковъ со всѣми безъ различія. Казалось со стороны, что онъ заискиваетъ во всѣхъ или лебезитъ, какъ чаловѣкъ кругомъ виноватый, человѣкъ, у котораго „хвостъ замаранъ" и которому надо поневолѣ низкопоклонствовать предъ всѣми, чтобы ему простили его грѣхъ и отнеслись милостиво, пощадили и на словахъ, и на дѣлѣ.

Была-ли эта черта характера прирожденная или пріобрѣтенная, то-есть искусственная и напускная, рѣшить было трудно. Одинъ Шверинъ самъ зналъ, почему и зачѣмъ, поневолѣ или умышленно, ласкается онъ ко всѣмъ въ своемъ обращеніи съ людьми.

Во всякомъ случаѣ, крайняя мягкость въ обращеніи при крайней крутости и безпощадности въ отношеніяхъ, почти лебезенье на словахъ и почти свирѣпость на дѣлѣ—были фактомъ загадочнымъ для всѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ заставляли опасаться, не довѣрять и, елико возможно, сторониться отъ начальника.

— Мягко стелетъ, да жестко спать,—говорили одни.

— Куда! Развѣ можно къ нему эту пословицу прилагать!—восклицали другіе въ отвѣтъ.—Это хорошо было сказать про Абдурраманчикова, который не бывалъ никогда грубъ съ подчиненными или невѣжливъ съ обывателями края, бывалъ тоже любезенъ и съ тѣми, которыхъ собирался махнуть и тряхнуть по-своему. Но все-таки то было не это. Для этого

Шверина люди—мячики. На словахъ онъ будто всѣхъ боится и, какъ собака избитая, визжитъ и ластится, а на дѣлѣ онъ не только мягко стелетъ, да жестко спать, а прямо вмѣсто постели у него устраивается дыба и всѣ орудія пытки, какъ у знаменитыхъ Малюты Скуратова и Шешковскаго.

Разумѣется, болѣе всѣхъ были напуганы, болѣе всѣхъ роптали тайно и преувеличивали деспотизмъ начальника губерніи тѣ чиновники, которые пострадали или ожидали пострадать. Дворянство опасалось Шверина относительно, зная, что въ случаѣ какой напасти, бѣды, необходимости имѣть дѣло съ нимъ и его канцеляріей, конечно, попадешь въ ежовыя рукавицы. Если виноватъ хотя-бы отчасти, пощады не жди и за малое отвѣтъ неси сугубый, какъ-бы за самое большое. А если правъ кругомъ, то все выйдешь „помятый", какъ заяцъ, увернувшійся отъ борзыхъ.

Въ первое время управленія Шверина обыватели задавались однимъ важнымъ вопросомъ и, какъ ни ломали головы, долго не могли прійти къ разрѣшенію его. Обычай заходить къ недоступнымъ власть имущимъ съ „задняго крыльца" существовалъ и существуетъ во всѣхъ странахъ міра, но особенно процвѣталъ онъ на Руси въ два послѣдніе вѣка, начиная съ перваго императора.

Символическое выраженіе „заднее крыльцо" осталось и получило право гражданства въ просторѣчіи.

Но былъ тоже, и особенно во дни царствованія Великой Екатерины и въ началѣ XIX столѣтія, другой терминъ, похожій на первый, но имѣвшій совершенно иное значеніе и болѣе широкій смыслъ.

„Нѣтъ-ли у него какой дверки?"—говорилось про человѣка, къ которому надо было итти съ поклономъ или вообще обивать порогъ, въ особенности про человѣка важнаго, особу, сановника.

„Дверка" не была „заднимъ крыльцомъ".

И если слово исчезло изъ языка, то явленіе, конечно, осталось, но именуется иначѣ.

Дверкой могла быть черта характера, качество или порокъ, могло быть свойствомъ, тѣмъ, что называется въ наши дни: „слабая струна". Наконецъ, дверкой зачастую бывалъ кто-нибудь близкій къ лицу, до котораго приходилось достигнуть такъ или иначе непремѣнно. Дверкой бывали люди, окружающіе особу—отъ его любимца-камердинера или ключницы и до собственной супруги, сына родственника или просто друга.

И если теперь не говорится „дверка", то, разумѣется, она все-таки существуетъ почти во всякомъ обществѣ, во всякомъ человѣкѣ и имѣетъ огромное значеніе въ общежитіи. Когда Шверинъ былъ назначенъ губернаторомъ и, явившись, сразу

привелъ въ трепетъ весь управляемый имъ край, то, конечно, все пострадавшее, ожидающее пострадать и даже тѣ, до которыхъ новый начальникъ собственно непосредственно не касался, — всѣ стали спрашивать и другъ друга, и себя самихъ:

— Нѣтъ-ли у Шверина дверки?

И оказалось нѣчто, что бываетъ крайне рѣдко. Дверки не было никакой, ни самомалѣйшей.

— Все и всѣ для него, что объ стѣну горохъ!

— Хоть колъ на головѣ теши!

— Въ шишакѣ и въ бронѣ!

— Пушкой не пробибешь!

Вотъ къ чему пришли чиновники и обыватели.

У губернатора Звѣрева было много „дверокъ“, а главная, огромная, его любимица Роза, чрезъ которую деньгами можно было все достать, все устроить, все сдѣлать. У губернатора Абдурраманчикова тоже была „дверка“, хотя и съ трудомъ находимая, а именно „стихъ“ — минута, порывъ, добродушное или злое настроеніе, сердечная вспышка. Сумѣй только не проморгать. А Шверинъ управлялъ какъ-бы изъ крѣпости, окруженной валомъ, и видимыя кругомъ отверстія были бойницы, а не дверки.

X.

Долго обыватели искали „дверку“. Нашлись, конечно, и наивные, попавшіе въ бойницу и „легшіе костьми“.

Однако, внезапно, нечаянно-негаданно вдругъ оказалось, что для всѣхъ, имѣющихъ дѣло до губернатора-„людоѣда“, существуетъ „дверка“, обращающая его въ ягненка, въ агнца неповиннаго. Дверку нашелъ лисица-стрекулистъ, „ярыга“.

Чиновникъ губернскаго правленія, уже очень пожилой, попался въ томъ, что, взявъ взятку съ мельника, разрѣшилъ ему устройство такой плотины, что славно начавшая работать мельница въ то-же время затопила заливные луга крупнаго помѣщика, а кромѣ него цѣлую большую деревню. Мужики сидѣли въ своихъ избахъ, какъ-бы въ Венеціи, гдѣ главная улица не земля, то-есть выходя на улицу съ крыльца, попадали прямо въ воду, но переправлялись по своимъ дѣламъ не въ гондолахъ, а просто вбродъ. Мужчины снимали все, кромѣ рубахи, а бабы поднимали платья къ поясницѣ. Жаловаться на самовольство мельника никому на деревнѣ и на умъ не приходило. Но дворянинъ-помѣщикъ, обладавшій важной родней въ Петербургѣ, не сталъ церемониться. Не желая имѣть дѣло съ губернаторомъ, про котораго ходили слухи, что онъ

любезенъ на словахъ и крутъ, даже грубъ на дѣлѣ, дворянинъ, видя огромный убытокъ отъ залитыхъ на все лѣто заливныхъ луговъ, написалъ въ Петербургъ.

Изъ Петертурга написали Шверину.

Шверинъ взялся за дѣло... Кто и что? Кто посмѣлъ при его управленіи на беззаконіе и еще дерзкое?.. Онъ съѣзилъ тотчасъ самъ на мѣсто и лично убѣдился, что сѣнокоса на лугахъ помѣщика быть не можетъ, а мужики и бабы на деревнѣ не ходятъ, а плаваютъ и другъ къ дружкѣ, и по своимъ надобностямъ.

Дѣло разъяснилось просто и быстро, такъ какъ виновный былъ тотчасъ-же найденъ... Подыскавъ статью закона, губернаторъ отдалъ чиновника подъ судъ, приказавъ судить „по всей строгости законовъ".

Но вдругъ случилось нѣчто невѣроятное. Плутъ и взяточникъ, чиновникъ „ярыга" былъ выпущенъ на свободу, затѣмъ дѣло было прекращено, было доказано, что онъ „не при чемъ", несмотря на его прошлое сознаніе во взяткѣ. А черезъ мѣсяцъ онъ остался въ своей должности и самодовольно лукаво поглядывалъ на всѣхъ.

— Дверку нашелъ! Есть дверка, стало быть!—рѣшили въ городѣ, а затѣмъ и во всей округѣ.

И, дѣйствительно, дверка оказалась и у Шверина, хотя не „ярыга" самъ открылъ ее.

Когда многіе, давно гадавшіе о томъ, есть-ли дверка и гдѣ она, въ комъ или въ чемъ она, обратились разузнавать и разнюхивать, какъ спасся чиновникъ отъ гнѣва губернатора и не только не пострадалъ, но даже не былъ имъ легко наказанъ, то, къ изумленію своему, узнали, что не онъ самъ сдѣлалъ открытіе. Будучи въ бѣдѣ, онъ бросился за совѣтомъ къ Галушѣ, а живущій тихо въ опалѣ и еще подъ судомъ, бывшій распорядитель судебъ всего намѣстничества его научилъ, направилъ и объяснилъ, „гдѣ раки зимуютъ",

Самъ чиновникъ, ничего подобнаго не объясняя сознавался:

— Да, не будь разумнѣющаго Ѳомы Ѳомича—быть бы мнѣ человѣку пропащему. Я за здравіе Ѳомы Ѳомича далъ клятву ежегодно въ день его ангела молебенъ служить и фунтовую свѣчу ставить.

Разумѣется, и чиновничество, и кой-кто изъ дворянъ возобновили знакомство или дружество съ „подсудимымъ" Галушей. Все чаще и больше стали появляться въ домѣ Галуши гости, изъ которыхъ, конечно, половина являлась по дѣлу, за совѣтомъ, какъ быть, какъ поступить въ данномъ дѣлѣ.

И всѣмъ Галуша давалъ одинъ и тотъ-же совѣтъ, прося только сохранить въ тайнѣ, что онъ чтотъ совѣтъ даетъ.

Дѣйствительно, если у новаго начальника края оказалась дверка, въ которую всѣ теперь бросились, то честь открытія ея принадлежала хитрому, хитрѣйшему Ѳомѣ Ѳомичу.

При этомъ Галуша, какъ человѣкъ безспорно добрый, не скрылъ отъ всѣхъ своего открытія. Если его дѣло, крайне важное и пагубное, дѣло суда надъ нимъ за подлогъ и лихоимство, почти вымогательство взятокъ, стало и не двигалось впередъ, то онъ былъ этимъ обязанъ исключительно тому, что нашелъ „ходъ“ къ новому губернатору, въ рукахъ котораго находилось его дѣло, находилась его судьба.

Затянувшееся подсудное дѣло, ясное, однако, какъ день, и спокойное проживаніе Галуши въ городѣ, когда ему уже слѣдовало быть давно въ Сибири, вполнѣ доказывало, что хитрый хохолъ давно смекнулъ, то, о чемъ другіе только гадаютъ.

Въ городѣ стали даже говорить, что Ѳома Ѳомичъ, пожалуй, снова окажется на своемъ прежнемъ мѣстѣ правителя дѣлъ намѣстничества, несмотря на то, что все въ краѣ перемѣнилось, все стало кверху ногами изъ-за новаго губарнатора.

— Глядите, и этого одолѣетъ нашъ Ѳома Ѳомичъ! — говорили въ городѣ, вспоминая, какъ многіе смѣнявшіеся намѣстники собирались прогнать Галушу, а затѣмъ оказывались у него въ рукахъ и у него — какъ у Христа за пазухой.

Продувной Галуша прежде всего занялся уясненіемъ себѣ самому, что за человѣкъ госпожа губернаторша.

Анна Дмитріевна Шверина, жена Ѳедора Ѳедоровича, была существомъ самымъ обыкновеннымъ. Это была женщина уже подъ тридцать лѣтъ, ограниченная, крайне невзрачная на видъ, которой можно было смѣло дать и двадцать лѣтъ, и сорокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ женщина добрая, сердечная...

Шверинъ женился на некрасивой княгинѣ Аникѣевой не по любви, а по разсчету. Хотя она не принесла ему никакого приданаго, ни копейки, будучи дочерью разорившагося помѣщика глухого уѣзда Тамбовской губерніи, но она обѣщала принести за собой покровительство по службѣ. И она, или, вѣрнѣе, ея дядя и крестный отецъ, обѣщавшій въ приданое важную должность, сдержалъ обѣщаніе. Чрезъ полгода послѣ свадьбы Шверина на княжнѣ Аникѣевой, когда очистилось мѣсто губернатора ввиду внезапной опалы Абдурраманчикова, то это была первая вакансія, и ее замѣстилъ Шверинъ, младшій годами между всѣми претендентами.

Шверены, мужъ и жена, жили дружно и мирно и съ каждымъ днемъ все дружнѣе. Ѳедоръ Ѳедоровичъ, относившійся къ невѣстѣ холодно, отнесшійся къ молодой женѣ нѣсколько теплѣе, понемногу сталъ привязываться къ ней все болѣе, и вскорѣ она стала его лучшимъ другомъ. Если эта нѣсколько поздняя любовь выражалась не ласками и ежечасными поцѣ-

луями, то доказывалась ежедневно болѣе серьезнымъ образомъ. Шверинъ будто далъ себѣ слово исполнять малѣйшія желанія, даже прихоти жены. Правда, что этимъ онъ добился и того, что дядюшка-покровитель, видя, какъ любима мужемъ его дорогая Анночка, полюбилъ и самъ пріобрѣтеннаго бракомъ племянника. Всякое желаніе Шверина исполнялось дядюшкой, человѣкомъ на берегахъ Невы относительно сильнымъ.

Но какъ у прежней княжны Аникѣевой, такъ и у теперешней госпожи Шверины не было никакихъ желаній, не только прихотей. Ей ничего не нужно было, кромѣ сытнаго обѣда и сладкаго сна на трехъ перинахъ; зато у Анны Дмитріевны былъ идолъ, которому она поклонялась съ первыхъ дней жизни, съ тѣхъ поръ, какъ себя помнила. Это былъ ея братъ, на пять лѣтъ моложе ея, замѣчательно похожій на нее лицомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу непостижимой игры природы, чрезвычайно красивый молодой человѣкъ.

Князь Дмитрій Дмитріевичъ Аникѣевъ былъ даже и въ Петербургѣ нѣсколько извѣстенъ своей статной фигурой и красивымъ лицомъ какого-то страннаго не русскаго типа. Можетъ быть, онъ уродился черта въ черту въ какого-нибудь своего прадѣда, кровнаго татарина, потомка монголовъ Золотой Орды.

Князь былъ гвардеецъ-пѣхотинецъ, былъ страстный любитель свѣта, общества, шума, веселья и всего не по карману. Въ Петербургѣ въ переулкѣ, въ маленкой квартирѣ, да и въ полку было не особенно пріятно. Родные давали мало денегъ, и проживать въ столицѣ шумно и беззаботно было трудно, если не совсѣмъ невозможно. Разумѣется когда сестра вышла замужъ за человѣка, получившаго важную должность въ провинціи, князь не задумался тотчасъ-же отправиться къ зятю на побывку въ гости, но, конечно, съ заранѣе принятымъ рѣшеніемъ, что, если ему провинціальная жизнь и общественное положеніе въ качествѣ зятя губернатора понравятся, то онъ заживется.

Такъ все и приключилось. Анна Дмитріевна была въ восторгѣ, что братъ пріѣхалъ въ гости, а Ѳедоръ Ѳедоровичъ находилъ нѣкоторое удовлетвореніе своему самолюбію, что у него есть на лицо въ городѣ зять-князь и молодецъ-красавецъ, котораго всѣ полюбили и на рукахъ носятъ. Пріѣхавъ на мѣсяцъ въ гости, князь Дмитрій выпросилъ себѣ продленіе отпуска и остался еще на мѣсяцъ, а затѣмъ и онъ, и сестра написали дядюшкѣ просьбу устроить, чтобы ему можно было оставаться столько, сколько вздумается. Вскорѣ не было и рѣчи, чтобы офицеру вернуться въ полкъ.

Умный, остроумный, веселый и добродушный, совершенно простой въ мягкомъ обращеніи съ людьми, ловкій во всѣхъ танцахъ, мастеръ играть во всякія игры, лихой ѣздокъ, много

пьющій не напиваясь, князь, разумѣется, вскорѣ сталъ для всѣхъ дворянъ въ городѣ чуть не такимъ-же кумиромъ, какимъ былъ для сестры. Молодые люди любили его, какъ сверстника и забулдыгу, и добраго товарища, и пріятеля, молодыя дѣвушки были вскорѣ если не всѣ, то на половину влюблены въ него. Однѣ въ его черные быстрые глаза, другія въ его ловкость въ танцахъ, третьи—въ его титулъ.

— У него все! Всѣмъ взялъ молодецъ! Очарователь!—говорили въ городѣ старъ и младъ.

И вдругъ ко всѣмъ качествамъ, или почти чарамъ молодого князя прибавилось еще нѣчто — нѣчто невѣроятное и болѣе важное, чѣмъ красота, умъ или статность. Онъ оказался „дверкой“ къ лютому губернатору. Чрезъ него все исполнялось, какъ „по щучьему велѣнью“.

Оказался князь сильной протекціей во всякомъ дѣлѣ не вдругъ. А когда такъ оказалось, онъ самъ не придалъ этому никакого значенія и, казалось, даже и не подозрѣвалъ, что онъ—„сила“.

Его просили слезно. Онъ, добрый и сердечный, умолялъ сестру. Она, жена, просила мужа, поставившаго себѣ за правило исполнять всѣ ея желанія, даже прихоти... ради дядюшки. Дѣло было просто...

XI.

Генеральша Бокъ и Горстъ, дѣйствительно, вмѣстѣ выѣхали въ городъ, вспоминая весело о своемъ прошломъ путешествіи въ столицу, когда надо было „дойти до царя“.

Горстъ былъ принятъ въ городѣ, какъ хорошій знакомый, а многими дворянами—какъ добрый пріятель. Остановился онъ не на постояломъ дворѣ, а у близкаго всѣмъ Татевымъ человѣка—Добровольскаго.

Съ тѣхъ поръ, какъ временные крестьяне стали снова князьями и вернулись въ "Симеоново“, Горстъ былъ въ городѣ только раза два и не надолго, день, два, три... Абдурраманчиковъ былъ уже смѣщенъ, но новый губернаторъ не только еще не прибылъ, но было даже еще неизвѣстно, кто будетъ назначенъ. Поговаривали, что будто самъ Поповъ хлопочетъ быть губернаторомъ; но, разумѣется, это были выдумки. Къ тому-же еще увѣряли, что правителемъ дѣлъ онъ возьметъ того-же Горста, котораго очень полюбилъ и который все-таки отчасти знакомъ съ канцелярскимъ дѣломъ.

Теперь, по пріѣздѣ, Горстъ нашелъ городъ нѣсколько измѣнившимся во многихъ отношеніяхъ. Улицы были чище, порядка гораздо больше. На двухъ главныхъ улицахъ были наскоро выстроены деревянные будки, и при нихъ неотлучно

находились „бутыри“, или буточники въ большущихъ красныхъ киверахъ и съ блестящими алебардами на длинныхъ палкахъ. Всѣ городскія заставы были подновлены. Базарная площадь, отличавшаяся всегда страшной грязью и лѣтомъ и зимою, была неузнаваема. Прежде она была прямо опаснымъ мѣстомъ всякую осень, такъ какъ на ней однажды даже утонулъ соборный дьяконъ, возвращаясь домой послѣ вечеринки.

Но помимо города—какъ зданія, улицы и дома — городъ, въ смыслѣ обывателей и общества, тоже отчасти измѣнился. Было менѣе слышно о кутежахъ, попойкахъ, было совсѣмъ не слышно объ азартной картежной игрѣ. Зато чаще давались маленькіе вечера съ танцами и ожидалось открытіе новаго благороднаго собранія въ новомъ зданіи—большомъ, съ большимъ заломъ. Наконецъ, чаще являлись въ городѣ проѣздомъ русскіе и иностранные музыканты, пѣвцы и въ особенности паяцы, канатные плясуны и фокусники. Въ тѣ дни, когда Горстъ пріѣхалъ, всѣхъ сводилъ съ ума фокусникъ, „индерландскій магъ“, полу-нѣмецъ, полу-еврей. Онъ, конечно, не только дѣлалъ яичницы въ шляпахъ и шапкахъ, или стрѣлялъ изъ ружья не зарядами, а живыми воробьями, но даже заставлялъ королей и дамъ изъ колоды картъ танцовать всякіе танцы. Все новое, и бутыри, и превращеніе базара въ чистую площадь изъ грязнаго полу болота, полу-озера, и исчезновеніе „азартнаго картежа“, и приглашеніе въ городъ всякихъ увеселителей общества, съ ручательствомъ за сборъ при нѣкоторой казенной помощи, все это было дѣломъ новаго губернатора-„людоѣда“.

Шверинъ явился губернаторомъ новаго фасона. Повсюду, гдѣ побывалъ Горстъ и кого онъ повидалъ, вездѣ и всѣ, или много говорили, или только мелькомъ, но все-таки упомянули, или-же, наконецъ, краснорѣчиво и горячо всяческое разсказывали все объ одномъ и томъ-же или о той-же личности.

Толковали всѣ, будто сговорились, хотя на разные лады и съ разныхъ точекъ зрѣнія, но неизмѣнно расхваливая и отчасти восторгаясь—о зятѣ губернатора, о молодомъ князѣ Аникѣевѣ.

„Князь Дмитрій Дмитріевичъ“ былъ на всѣхъ устахъ и не сходилъ съ языка не только дворянъ, но и купцовъ, лавочниковъ, даже извозчиковъ.

Горстъ поневолѣ заинтересовался княземъ и сталъ искать случая съ нимъ встрѣтиться и познакомиться.

Это было болѣе чѣмъ легко, такъ какъ князь только обѣдалъ и, конечно, спалъ дома, а остальное время дня пребывалъ въ гостяхъ.

Помимо простого любопытства, у Горста была и тайная цѣль познакомиться съ Аникѣевымъ. Онъ, конечно, тотчасъ послѣ своего пріѣзда узналъ, что за человѣкъ князь въ семьѣ,

то-есть по отношенію къ сестрѣ и къ зятю, и какое родственно-важное, особенное значеніе онъ имѣетъ — значеніе „дверки“.

Генеральша Бокъ, съ своей стороны, наслушалась о князѣ на всѣ лады отъ своихъ друзей и знакомыхъ и ужъ встрѣтила его на вечерѣ. Она въ свой чередъ расхвалила его Горсту и вызвалась позвать князя къ себѣ въ гости на постоялый дворъ.

— Онъ пріѣдетъ непремѣнно,—сказала Авдотья Евдокимовна.—Онъ, видишь-ли, говорятъ, хотя любезенъ и ласковъ одинаково со всѣми, даже съ купцами, но очень почитаетъ сановитость, чины и званія. Онъ мнѣ сказалъ, что радъ чести представиться вдовѣ генерала-воина, защищавшаго свое отечество отъ врага, супостата и басурмана... Но я тебѣ по его говорю, его слова· Онъ красно говоритъ, когда примется васъ ублажать. А зачѣмъ? На что? Что я ему? не прикладъ! Помѣщица-дворянка, хоть и генеральша, да, вѣдь, ему я ни на что не нужна...

Бокъ настолько оживилась, говоря, что Горстъ усмѣхнулся насмѣшливо.

— Вонъ какъ!..—сказалъ онъ.—Никогда я васъ въ эдакомъ азартѣ хвалебномъ не видалъ. Приглянулся вамъ, видно, молодой красавецъ.

— Полно врать, безстыдникъ! — разсмѣялась и генеральша.—Въ мои годы, что писаный красавецъ- мужчина, что огородное пугало—все едино.

— Ну, для вашей Машеньки—виды имѣете на него.

— И этого нѣтъ. Поклялась Аринѣ Саввишнѣ ни за кого Машу не выдавать замужъ.

— Что-о?!—ахнулъ Горстъ.

— Да. Ей Богу! Только ты про это молчка. Она просила никому ни словомъ не обронiться. А я вотъ съ тобой провралась. Слышишь? Ей самой не брякни, что я тебѣ про это сказала.

— Зачѣмъ-же бабушкѣ оно нужно? — удивился Горстъ.— Зачѣмъ ей безбрачіе вашей Машеньки? Ей-то что-же?..

— Такъ, стало-быть, — произнесла Авдотья Евдокимовна такимъ голосомъ, что молодой человѣкъ понялъ или почувствовалъ, что старуха не хочетъ высказаться, не хочетъ и лгать.

— Чудно это, Авдотья Евдокимовна, диковинно! Воля ваша, а очень то диковинно.

— Ну, ну... Не твое дѣло. Брось и думать!.. — поспѣшно заявила Бокъ и, чтобы перемѣнить разговоръ, снова заговорила о князѣ Аникѣевѣ, обѣщая его пригласить и дать знать Горсту.

— Кромѣ его—никого. Тебѣ съ нимъ легче будетъ побесѣдовать и о пустякахъ да и о дѣлѣ. А онъ все можетъ. Скажетъ слово зятюшкѣ-людоѣду, и тотъ назначитъ сейчасъ розыски всего ворованнаго строжайше начать. Съ мѣсяцъ назадъ было, сказывали мнѣ, что украли вдругъ соболій салопъ у здѣшней богачки-купчихи Телятевой, и губернаторъ велѣлъ всѣ мышиныя норки обшарить и, наконецъ, приказалъ въ домѣ архіерея обыскъ сдѣлать. Преосвященный страшно разобидѣлся, а ничего не могъ подѣлать, обыскали!

— И не нашли, понятно?

— Не нашли, конечно!

Черезъ два дня Горстъ, извѣщенный генеральшей быть у нея вечеромъ, собрался и отправился съ нѣкотораго рода волненьемъ.

Волненіе это явилось послѣдствіемъ того, что онъ во все это время много и почти исключительно продумалъ о знакомствѣ съ княземъ Аникѣевымъ, о возможности близко сойтись съ нимъ, а затѣмъ обо всемъ, что изъ этой близости можетъ произойти, даже должно произойти. Въ послѣднее время все у него ладилось. Со дня ссоры съ двумя женщинами, Розой Шкильдъ и Ѳедоськой, все пошло въ его жизни какъ-будто иначе.

Будто явилась какая-то новая счастливая полоса существованія. Бывало прежде,—помѣха за помѣхой, а тутъ во всемъ и маломъ, и большомъ пошла удача за удачей.

Горстъ въ этотъ одинъ вечеръ, какъ человѣкъ наблюдательный и проницательный, сразу понялъ, „увидалъ насквозь“ того, кого встрѣтилъ у генеральши Бокъ.

Князь Аникѣевъ, двадцатичетырехлѣтній петербуржецъ и гвардеецъ, оказался молодымъ человѣкомъ, элегантнымъ, добродушнымъ и легкомысленнымъ. Съ виду онъ былъ всѣмъ безукоризненъ. Красивъ, статенъ, изященъ въ обращеніи, находчиво уменъ, какъ-будто выучился быть умнымъ, а не уродился таковымъ. Но, однако, было въ князѣ нѣчто, что Горстъ замѣтилъ тотчасъ, а опредѣлить не могъ, нѣчто, что ему не понравилось. Только проведя вечеръ съ княземъ и перетолковавъ о всевозможныхъ вещахъ, Горстъ понемногу догадался, что князь Аникѣевъ—человѣкъ, изображающій изъ себя другого человѣка. Ему представилось, что этотъ князь, оставшись одинъ въ комнатѣ, станетъ опять другой, настоящій князь Аникѣевъ, какой уродился на свѣтъ. А тотъ, котораго онъ видитъ передъ собой,—это князь Аникѣевъ иной, изображенный настоящимъ княземъ Аникѣевымъ.

И Горстъ былъ правъ. Князь былъ актеръ и даже отчасти безсознательный актеръ, и безъ худого умысла, безъ цѣли.

Впрочемъ, природное легкомысленное добродушіе было основой природы князя, и къ нему нельзя было не отнестись дружелюбно.

Проболтавъ цѣлый вечеръ вмѣстѣ, Горстъ и князь разстались такъ, какъ если-бъ уже годъ были хорошо знакомы. Аникѣевъ позвалъ Горста къ себѣ въ гости на другой-же день, чтобы показать ему своего рысака и новую сбрую, полученную изъ Петербурга. Разумѣется, Горстъ обѣщался быть непремѣнно.

Вернувшись домой отъ генеральши, онъ долго снова думалъ о князѣ и о томъ, можетъ-ли явиться возможность дѣйствовать чрезъ него въ свою пользу.

При этомъ онъ задалъ себѣ вопросъ:

— Если сказывается, что всякаго человѣка можно взять чѣмъ-нибудь, то чѣмъ этого можно взять?

Рѣшить этотъ вопросъ было мудрено, но Горсту казалось, что онъ на вѣрной дорогѣ къ разрѣшенію вопроса, что онъ почти догадался уже, какъ и чѣмъ „берется“ князь Аникѣевъ. И онъ рѣшилъ, не отлагая въ долгій ящикъ, испробовать и убѣдиться, правъ-ли онъ или ошибся.

XII.

Прошла недѣля, какъ Горстъ встрѣтился съ княземъ Аникѣевымъ у генеральши.

Въ городѣ уже все дворянство говорило о новости — о дружбѣ этихъ двухъ молодыхъ людей. При этомъ многіе философствовали, разсуждая:

— Давно-ли былъ въ канцеляріи губернатора Звѣрева письмоводитель „по найму“, темнаго происхожденія, любимецъ любовницы губернатора и мелкая сошка, какъ чиновникъ и какъ обыватель.

Теперь былъ господинъ Горстъ, личный дворянинъ, женатый на княжнѣ Татевой, вліятельный членъ княжеской семьи и, наконецъ... наконецъ, чуть не свой человѣкъ у новаго губернатора, державшагося, однако, гордо со всѣмъ дворянствомъ.

Дѣйствительно, за недѣлю времени, Горстъ сталъ другомъ князя Аникѣева. Молодые люди не разлучались отъ зари до зари, и половину дня Горстъ проводилъ у новаго друга, у его сестры, которая тоже его полюбила, а, слѣдовательно, и у начальника края, котораго всѣ побаивались и сторонились изъ-за боязливаго уваженія.

За этотъ краткій срокъ Горстъ узналъ, чѣмъ „берется“ князь Аникѣевъ, и тотчасъ-же его взялъ.

И если молодой зять губернатора былъ „дверкой“ для всякаго дѣла и успѣха въ дѣлѣ, которое зависѣло отъ мѣстнаго начальника края, то эта дверка широко распахнулась предъ Горстомъ.

Молодые люди были ужъ на „ты“, называли другъ друга уменьшительными именами и кличками. Князь говорилъ „Горсточка“, а Горстъ говорилъ „Аникушка“.

Горстъ уже позвалъ князя въ гости въ „Симеоново“ и, конечно, не на одинъ день, и князь обѣщался непремѣнно пріѣхать и представиться „знаменитой умницѣ“ княгинѣ Аринѣ Саввишнѣ.

Одновременно, всего на третій день знакомства, князь подарилъ Горсту своего рысака, которымъ хвастался въ городѣ, говоря, что ему цѣны нѣтъ. Съ лошадью пошла въ придачу и сбруя, только что полученная изъ столицы.

Когда это узналось въ городѣ, то многіе удивились... Одновременно многіе тоже, однако, замѣтили, что князь сталъ сорить деньгами, чего прежде не бывало. Онъ приглашалъ по десятку человѣкъ въ новый трактиръ, открытый нѣмцемъ, и угощалъ на-славу, причемъ каждый такой обѣдъ или ужинъ, благодаря венгерскому вину и фруктамъ, стоилъ, конечно, князю до ста рублей, если не болѣе.

Пріѣзжей полу-плясуньѣ, полу-фокусницѣ, не то гишпанкѣ, не то цыганкѣ, князь Аникѣевъ поднесъ великолѣпный браслетъ въ нѣсколько сотъ рублей. Подаривъ своего рысака Горсту, князь купилъ у мѣстныхъ коннозаводчиковъ пару чудныхъ лошадей и ожидалъ изъ Москвы выписанныя новомодныя сани.

Однимъ словомъ, у князя Аникѣева появились большія деньги, которыхъ прежде не было. И, если обыватели вопрошали другъ друга и самихъ себя: „откуда у князя деньги?“— то и самъ губернаторъ спросилъ то-же самое у жены, а она спросила и у брата.

— Занялъ,— смѣясь, весело отвѣтилъ князь сестрѣ.

— У кого?

— Это — тайна. Кто далъ, просилъ никому на свѣтѣ не сказывать и обѣщаетъ еще дать... сколько я хочу безъ счету. Такой человѣкъ!

— А какъ-же отдашь ты, Митя?—встревожилась госпожа Шверина.

— Онъ сказалъ, что ранѣе десяти лѣтъ не потребуетъ. А доказательствъ никакихъ нѣтъ. Все это глазъ на глазъ и на слово. Не безпокойся, я не дуракъ.

И, дѣйствительно, подобное было очень не глупо со стороны князя. Но со стороны того, кто эти деньги далъ, давалъ и обѣщалъ еще дать сколько угодно — было тоже не глупо, ибо цѣлесообразно.

За это-же время Горстъ три раза посылалъ нарочныхъ гонцовъ верхомъ, или „штафетовъ“, въ „Симеоново“ съ пространными письмами бабушкѣ. Ариина Саввишна немедленно отвѣчала любимцу-внуку краткими и безграмотными „цидулями“, вкладывая ихъ въ большой конвертъ вмѣстѣ съ пачками ассигнацій и посылала не со штафетами Горста, а со старикомъ, дворовымъ человѣкомъ, котораго она опредѣляла словами: „Евграфъ вѣрнѣе меня самой“. И за три недѣли, которыя Горстъ провелъ въ городѣ, старикъ Евграфъ пріѣзжалъ два раза и каждый разъ привозилъ тяжелый пакетъ, и, передавая его Горсту, заявлялъ:

— Извольте получить изъ рукъ въ руки. Чего не хватитъ— ваше дѣло, а не мое. Такъ сама княгиня сказываетъ. Вѣру въ меня имати, указуетъ,

Во второй пріѣздъ Евграфъ объявилъ:

— Княгиня приказала сказать, что первымъ дѣломъ больше ни рубля не пришлетъ, вторымъ дѣломъ, чтобы вы скорѣе пріѣзжали домой, чтобы все, вами описуемое въ письмахъ, самолично ей на простыхъ словахъ пояснить и разсказать, а третьимъ дѣломъ княгиня желаетъ знать навѣрняка, когда собственно ждать губернаторскаго князя въ „Симеоново“, чтобы успѣть аппартаменты для него заново вычистить и разукрасить.

Горстъ отвѣтилъ бабушкѣ письмомъ, что денегъ пока больше не нужно, что онъ вернется въ „Симеоново, какъ только „совсѣмъ взнуздаетъ коня“ и сядетъ на него верхомъ, а что князь Аникѣевъ будетъ у нихъ въ гостяхъ не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, и время терпитъ.

Горстъ кончилъ письмо заявленіемъ, что ему „такое обстоятельство на умъ пришло, невѣроятное и несказанное, умопомрачительное и громоподобное“, что бабушка, когда онъ пріѣдетъ и все объяснитъ ей, „ахнетъ и окоченѣетъ отъ удивленія и восхищенія“.

Разумѣется, деньги, болѣе пулуторы тысячи рублей, пересланныя княгиней внуку по требованію, перешли прямо въ карманъ князя Аникѣева.

Произошло все очень просто.

Когда Горстъ гадалъ и добивался узнать, чѣмъ „взять“ брата губернаторши и „дверку“ самого губернатора, молодой князь почти самъ помогъ ему это разгадать. Горстъ ломалъ себѣ голову, „а ларчикъ просто отворялся“ и самъ отворился.

Князь Аникѣевъ уже успѣлъ въ городѣ кой у кого изъ дворянъ занять денегъ, хотя не очень много, и, взявъ на одинъ день, иногда до вечера, не отдалъ и не отдавалъ, и даже не заикался и думать забылъ. А давшіе, конечно, тоже не заикались и только недоумѣвали, не рѣшаясь обвинять зятя губернатора, князя и петербургскаго гвардейца.

Горстъ мелькомъ прослышалъ про эту черту характера молодого хвата, не повѣрилъ, но и не забылъ, а рѣшилъ удостовѣриться въ правдивости слуха. Пробу свою Горстъ сдѣлалъ рѣзко, круто, убѣжденный заранѣе, что она не удастся.

Онъ пригласилъ князя ужинать въ тотъ-же новооткрытый нѣмцемъ трактиръ, гдѣ все было заведено по-столичному, прислуга была въ ливреяхъ съ позументами, на столахъ горѣли въ канделябрахъ розовыя восковыя свѣчи, а не простыя сальныя, въ большой залѣ была диковина—два билліарда, кушанье подавалось на серебряныхъ блюдахъ, и все въ томъ-же родѣ.

Вмѣстѣ съ княземъ Аникѣевымъ Горстъ пригласилъ еще двухъ молодыхъ людей. Къ концу ужина, онъ, никогда не бывшій въ жизни подъ хмѣлькомъ, вдругъ оказался сильно пьянъ.

Сначала онъ пожелалъ, подъ пьяную руку, конечно, выпить съ княземъ „на ты“, что и было тотчасъ принято тѣмъ съ радостью. Затѣмъ Горстъ пожелалъ непремѣнно выучиться играть на билліардѣ.

Войдя въ общую залу, сбросивъ съ себя сюртукъ и швырнувъ его въ уголъ, онъ вдругъ будто нѣсколько очнулся и выговорилъ:

— Охъ, такъ не годно... Князь, голубчикъ... Я пьянъ, а ты тверезый. Возьми въ сюртукѣ бумажникъ и убереги мнѣ... Уплати за все, а остальное мнѣ завтра отдай. А сегодня, слышишь, не отдавай. Я пьяный. Потеряю. А ихъ много. Надо завтра платить здѣсь за бабушкинъ счетъ...

Князь съ удовольствіемъ согласился исполнить просьбу новаго друга, досталъ бумажникъ изъ брошеннаго сюртука и положилъ къ себѣ въ карманъ.

— А сколько тутъ?—спросилъ онъ.—Надо знать.

— А чортъ его знаетъ,—отозвался Горстъ пьянымъ голосомъ. — Не все-ли равно вамъ, то бишь, тебѣ? тебѣ, князька князинька, душа моя...

Все было сдѣлано по уговору. Поздно ночью князь уплатилъ за ужинъ изъ денегъ Горста, затѣмъ доставилъ его въ своей каретѣ до дверей дома, все-таки пьянаго на словахъ и не очень твердаго на ногахъ, а затѣмъ обѣщалъ быть на утро, чтобы отдать бумажникъ, взятый на сбереженіе.

Дѣйствительно, на другой день, около полудня, князь пріѣхалъ и вошелъ къ Горету со словами:

— Ну, дружище, получай!.. Но прежде скажи мнѣ, сколько у тебя было тутъ денегъ вчера?

— Я не помню,—отвѣтилъ Горстъ, улыбаясь.

— Какъ не помнишь? Это-же совсѣмъ не ладно. Дрянь дѣло. Посмотришь, и вдругъ тебѣ покажется нехватка. Каково мнѣ тогда? Я въ воры попаду на твои глаза.

— Какъ тебѣ не совѣстно этакое сказывать!—воскликнулъ Горстъ.—Отдай ты мнѣ бумажникъ этотъ съ десятью рублями, и я повѣрю, что больше десяти не было въ немъ никогда, что я во снѣ видѣлъ сотни, а то и тысячи.

— Да сколько приблизительно?—настаивалъ князь нѣсколько сумрачно.

— Не знаю, говорю. Ну, пятьсотъ рублей, а можетъ быть четыреста. Только не триста. Помню, что больше трехсотъ.

— Это-же невылазное дѣло!—воскликнулъ князь.—И зачѣмъ я согласился взять деньги на сбереженіе, когда человѣкъ самъ не знаетъ, сколько даетъ.

— Знаешь что, князинька!—воскликнулъ и Горстъ.—Дѣло вылазное! Скажи, любишь ты меня? другъ ты мнѣ истинный или такъ, подъ пьяную руку сдружились? Говори! Истинно любишь ты меня?

— Истинно. Благородное слово даю. Ты мнѣ по душѣ пришелся, какъ никто здѣсь.

— Такъ не повѣрю, а докажи. Докажи, какъ я захочу. Вотъ дай тоже слово мнѣ, что исполнишь мое прошеніе, что я хочу, твое княжее, Аникѣево, офицерово слово, что сдѣлаешь по-моему въ доказательство своей дружбы.

— Даю. Слово благородное князя Дмитрія Аникѣева. Вотъ!—отвѣтилъ князь.

— Возьми этотъ бумажникъ со всѣмъ, что въ немъ есть, отъ меня на память или въ подарокъ. Вотъ тебѣ дѣло и будетъ вылазное.

Князь нѣсколько оторопѣлъ и молчалъ.

— А если ты этого не сдѣлаешь, то ты выйдешь, ваше сіятельство, подлецъ, не держащій своего слова!—воскликнулъ Горстъ запальчиво.

Князь улыбнулся, двинулся и выговорилъ:

— Нечего дѣлать! Ну, поцѣлуемся. Все-таки спасибо. Да и потомъ по совѣсти... У тебя деньги водятся, а у меня, братецъ мой... Бѣда! сущая бѣда! Не знаю, какъ и быть... Ну, поцѣлуемся!

И, обнявъ Горста, князь горячо его расцѣловалъ!

Съ этого дня началась настоящая дружба обоихъ молодыхъ людей, и друзья деньгамъ счетъ не вели.

— Сколько у меня моихъ есть,—говорилъ Горстъ,—столько и бери. Я счастливъ тебѣ одолжить. А отдашь, когда разбогатѣешь. А то на томъ свѣтѣ. Только, чуръ, не угольками.

Князь бралъ, не стѣсняясь, но допытывался все-таки:

— Твои-ли онѣ? Можетъ, бабушкины?

— Говорятъ тебѣ, мои собственныя. Бабушка объ этомъ никогда и знать не будетъ,—отвѣчалъ Горстъ.

И въ то-же время онъ краснорѣчиво убѣждалъ бабушку въ письмахъ высылать деньги для „взнузданія полезнаго для всѣхъ коня“.

Разумѣется, главное дѣло Горста, за которымъ онъ пріѣхалъ въ городъ и изъ-за котораго собственно и искалъ дружбы губернаторскаго зятя, быстро наладилось. Тайные сыщики по распоряженію губернатора принялись по всему намѣстничеству разыскивать, кто, что и гдѣ спряталъ въ „Симеоновѣ“ во время отписи всего имущества въ казну.

XIII.

Однажды въ сумерки, кибитка тройкой, оглашая всю окрестность валдайскимъ колокольчикомъ и бубенцами, примчалась въ „Симеоново“ и на большой дворъ усадьбы.

Ариша, услыхавшая еще вдали колокольчикъ, узнала его по звуку или почуяла и выбѣжала на крыльцо, накинувъ кацавейку, чтобы встрѣтить мужа.

Горстъ радостно расцѣловалъ жену и вскрикнулъ:

— А дѣлъ сколько устроилъ, Ариша! Видимо-невидимо, да одно важнѣе друго. А голоденъ, какъ волкъ.

Разспросивъ на-скоро про семью, всѣхъ и вся, что новаго и всѣ-ли слава Богу, Горстъ снова обнялъ жену, расцѣловалъ и выговорилъ:

— Ну, прямо къ бабушкѣ, а то разгнѣвается.

— Охъ, да! Не любитъ она этого. Какъ пріѣхалъ, бѣги къ ней,—весело сказала Ариша.—Ступай! А я тебѣ приготовлю покушать.

Горстъ прошелъ къ старухѣ, которую уже извѣстила горничная о пріѣздѣ барина, и, расцѣловавшись съ ней, попѣловалъ обѣ ручки.

— Ну, егоза, садись и описывай!—весело сказала Арина Саввишна.

— Нѣтъ, бабушка, увольте сейчасъ. Голоденъ, какъ волкъ,—разсмѣялся Горстъ.—Пока вамъ скажу кратко, что все обстоитъ благополучно, все далося легко...

— И дорого...

— Про это не жалѣйте. Не дорого, бабушка, не дорого, а дешево. Когда я вамъ все разскажу, когда объясню, что я надумалъ еще въ придачу, то вы сами скажете что дешево.

И, несмотря на разспросы и нетерпѣнье старухи, Горстъ ни въ какія подробности входить не сталъ, повторяя:

— Сытый голоднаго не разумѣетъ. И все, что я вамъ будутъ сказывать съ пустымъ животомъ, будетъ вамъ непонятно.

— Ну, убирайся!—рѣшила княгиня поневолѣ.—Поѣшь скорѣе и приходи!

Въ тотъ же день старуха и молодой малый просидѣли въ бесѣдѣ до поздняго вечера. Съ тѣхъ поръ, какъ Арина Саввишна узнала и пріобрѣла этого новаго внука, дозволивъ ему жениться на Аришѣ, никогда еще не бывало между ними такого интереснаго разговора.

Когда Горстъ въ концѣ концовъ спросилъ у старухи, довольна-ли она имъ, то Арина Саввишна взмахнула руками.

— Что-жъ тутъ говорить? Молодецъ и умница!

— А что, дорого все далось, бабушка?

— Охъ, нѣтъ! Дешево! совсѣмъ дешево! Правда твоя, соколикъ, распродешево!

Бесѣда, которая привела княгиню въ радостное состояніе, раздѣлялась собственно на двѣ отдѣльныя бесѣды, неимѣвшія почти нечего общаго между собой.

Сначала Горстъ разсказалъ, какъ добился знакомства, а потомъ дружбы князя и какъ тотъ сталъ его заступникомъ и покровителемъ, а губернаторъ, „пляшущій подъ его дудку“, обѣщалъ все сдѣлать и уже принялся за дѣло.

Вторая половина бесѣды была для Арины Саввишны умопомрачительной неожиданностью. Сначала старуха была какъ она выразилась, „огорошена“ и не понимала даже того, что внукъ разъясняетъ.

А Горстъ говорилъ подробно о томъ планѣ, который ему пришелъ въ голову въ городѣ.

— Точно какъ вдругъ озарило!—объяснилъ онъ.

— Это было цѣлое предпріятіе, мудреное, но не невозможное. Если-бы дѣло удалось, то положеніе всей семьи Татевыхъ нѣсколько измѣнилось-бы къ лучшему. Помѣхъ могло быть многое множество, но слѣдовало упорствовать и добиваться.

Хоть лбомъ въ стѣну бить! Можетъ, и поддастся она. А дѣйствовать придется только двумъ: самой Аринѣ Саввишнѣ и ему самому; больше никто изъ семьи не нуженъ, да и не годенъ въ помощь по своей простотѣ.

Главная помѣха—тоскующая Катюша.

„Умопомрачительная“ затѣя Горста заключалась въ томъ, чтобы женить князя Аникѣева именно на Катюшѣ. До-нельзя озадаченная сначала, Арина Саввишна кончила тѣмъ, что послѣ долгой бесѣды съ внукомъ сказала, отпуская его спать:

— Ну, соколикъ... Я не я, коли я этого не добьюся!

Эта затѣя Горста настолько понравилась старухѣ, что даже какъ-бы поразила ее. Нѣсколько дней подрядъ Арина Саввишна только и думала, только и говорила, что о князѣ Аникѣевѣ. Призывая къ себѣ ежедневно послѣ обѣда своего теперь любимѣйшаго, хотя и „чужого“ внука, она заставляла его

въ десятый и въ сотый разъ повторять разныя мелочи, касающіяся „намѣстническаго молодца“, какъ прозвала она князя.

— Скажи мнѣ,—въ который уже разъ спрашивала княгиня,—очень красивъ онъ собой?

— Прямо красавецъ, бабушка! — терпѣливо повторялъ Горстъ.

— И состоянія никакого не имѣетъ?

— Никакого.

— Какъ есть ни алтына? Самъ сказывалъ это?

— Ничего нѣту, бабушка. И самъ сколько разъ мнѣ объяснялъ, что его одно желаніе жениться на богатой, не страшнѣйше богатой, а съ хорошимъ иждивеніемъ.

— Говорилъ: хоть на чортѣ?—серьезно переспрашивая старуха уже слышанное.

— Да-съ. Говорилъ именно этими словами. Хоть на чортѣ-бы женился, только-бы деньги были у нея,—смѣясь отвѣчалъ Горстъ.—Но онъ, бабушка, говорилъ тоже, что пусть жена будетъ чортъ своимъ образомъ и тѣломъ, то-есть некрасивая, а нравомъ чорта онъ не хочетъ, хочетъ добронравную.

— Наша Катюша—красавица, а душой—золото!—воскликнула старуха.

— То-то... то-то... Оттого мнѣ и на умъ оное пришло. Чѣмъ она ему не невѣста.

Однажды, позвавъ внука поговорить „объ нашемъ проэктѣ“, какъ называла старуха теперь эту затѣю, она спросила:

— Знаешь что, соколикъ? Боюсь, что это не выгоритъ. Вдова она, вотъ бѣда! Мужчины, особливо молодые, вдовъ не жалуютъ, потому что они любятъ быть первыми, а не вторыми... Развѣ дураку какому, совсѣмъ остолопу, все едино—что дѣвица, что вдова.

— Спасибо вамъ, бабушка! За что жалуете! Много благодарствую!—разсмѣялся Горстъ.

— Чего-ты?—не поняла Арина Саввишна.

— Да я-же полюбилъ вдову и женился.

— Не ври, дуракъ! Не ври!—сурово выговорила старуха.—Ты зналъ, что Ариша... только по закону вдова.

— Да, это — правда, бабушка. Но, если-бы даже Ариша была истинной вдовой и къ тому-же простого мужика, то я все-таки...

— Буде! буде! Не любопытно! Ты лучше мнѣ о князѣ разскажи.

Въ этихъ бесѣдахъ старуха и молодой человѣкъ пришли къ рѣшенію, что не надо звать князя Аникѣева, пока Катюша еще беременна.

— А какъ только родитъ, такъ сейчасъ его сюда!—рѣшила старуха.

XIV.

Однажды къ подъѣзду барскаго дома подъѣхала кибитка тройкой, и пріѣзжій, вылѣзшій изъ экипажа, спросилъ у встрѣтившихъ его людей, какъ „поживаетъ“ княгиня.

Одинъ изъ дворовыхъ тотчасъ призналъ пріѣзжаго барина и ахнулъ. Это былъ прежній домашній докторъ въ „Симеоновѣ“. Станиславъ Станиславовичъ Янковичъ. Онъ уѣхалъ вскорѣ послѣ объявленія семьѣ Татевыхъ объ ихъ разжалованіи въ крестьянское состояніе, и съ тѣхъ поръ о немъ не имѣли никакихъ извѣстій.

Янковичъ тотчасъ велѣлъ людямъ доложить о себѣ князю Семену Антоновичу, но отнюдь не старой княгинѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ уже сидѣлъ у старшаго князя и объяснялъ ему, что объ его прибытіи надо заявить Аринѣ Саввишнѣ осторожно, такъ какъ нежданная вѣсть можетъ слишкомъ поразить и взволновать старуху.

— Ну, какъ Арина Саввишна? Что она? Небось, сильно постарѣла, ослабѣла?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Отчего-же?—удивился князь Семенъ.

— Какъ „отчего“? А всѣ обстоятельства горестныя, которыя вамъ пришлось преодолѣть. Въ ея годы такое убить можетъ...

— Зачѣмъ? Что вы!—глуповато отозвался Семенъ.

— Однако, батюшка, родитель вашъ, не перенесъ и померъ.

— Да, конечно. Но это ужъ такъ потрафилось...

— Стало быть Арина Саввишна не ослабѣла?—удивился Янковичъ.

— Ничего.

— Все такая-же? Бодрая и властная?

— Слава Богу,—отозвался Семенъ, не понимая.

— И такъ-же она васъ всѣхъ въ строгости содержитъ, какъ бывало прежде?

— Нѣтъ. Бабушка веселѣе теперь, — отвѣтилъ Семенъ, снова будто не понимая вопроса.

— Веселѣе?—удивясь спросилъ Янковичъ и странно усмѣхнулся, а затѣмъ, помолчавъ, онъ прибавилъ:—да. Это существо, можно сказать, особое. И тѣло желѣзное, и духъ стальной... ничто не беретъ и ничто не возьметъ. Ну, что-же? Тѣмъ лучше! Тогда нечего осторожность соблюдать. Доложите бабушкѣ, что я пріѣхалъ. Авось не испугаете.

— Бабушка только обрадуется.

— Ну... ну, это я... не знаю я...

И Янковичъ опять загадочно ухмыльнулся и прибавилъ:

— Увидимъ. Коли обрадуется, тѣмъ для меня лучше, а коли ей мой пріѣздъ не по душѣ, то скажите... скажите, что я попрежнему ее люблю и уважаю и ставлю за счастіе ее повидать... по важному для меня дѣлу.

Старшій князь охотно и весело отправился на „половину" бабушки, то-есть въ ея аппартаменты, чтобы доложить о пріѣздѣ прежняго ихъ домашняго доктора и бывшаго любимца старухи.

Онъ засталъ бабушку за дѣломъ, которымъ она много и часто занималась въ послѣднее время. Дѣло было пустое, простое и „бабье", какъ говорила княгиня сама. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она изъ этого бабьяго дѣла устроила серьезный вопросъ и важное занятіе для трехъ горничныхъ подъ начальствомъ старухи Карповны. Это было изготовленіе всего того, что требуется для новорожденнаго ребенка.

Арина Саввишна, въ ожиданіи скораго рожденія правнука или правнучки, объявила Катюшѣ и всей семьѣ, что хотя ребенокъ долженъ родиться особаго, чудного и диковиннаго состоянія, не дворянскаго, а, между тѣмъ, близкій родственникъ князей, тѣмъ не менѣе, приданое дѣтское должно быть не хуже того, какое было когда-то приготовлено къ рожденію перваго правнука Саввушки, или, какъ его уже теперь звали, Саввы Симеоновича.

И вся семья отнеслась къ приготовленію приданаго ожидаемому младенцу, какъ къ важному дѣлу. Мужчины давали совѣты, а женщины помогали кроить и шить. Болѣе всѣхъ помогала княгиня Марѳа и княгиня Елизавета, хотя все, что она дѣлала Аринѣ Саввишнѣ не нравилось и часто забраковывалось. Разумѣется, причиной этого была лишь одна ненависть старухи къ женѣ Гаврика, такъ какъ Елизавета и кроила, и шила лучше всѣхъ, да къ тому-же отличалась вкусомъ и изобрѣтательностью.

Всѣхъ безучастнѣе относилась къ дѣлу сама вѣчно унылая и задумчивая Катюша, и только изрѣдка оживлялась при какомъ-нибудь вопросѣ о цвѣтѣ лентъ или о формѣ чепчика. Единственный вопросъ, заставлявшій ее вполнѣ оживляться, „ожидать", какъ говорила сестра Ариша, былъ вопросъ о томъ, родится-ли у нея мальчикъ или дѣвочка.

Катюша говорила, что знаетъ навѣрное, что у нея будетъ мальчикъ, и поэтому она настаивала, чтобы все цвѣтное было голубое и синее, какъ подобаетъ, по обычаю, для ребенка мужскаго пола.

Арина Саввишна рѣшила вопросъ просто, приказавъ дѣлать запасъ синій и розовый. Одинъ пригодится и пойдетъ въ дѣло, другой пойдетъ въ кладовыя про запасъ, на случай „иного рожденія".

Это „иное“ появленіе ребенка Арина Саввишна ждала и желала. Дѣло шло объ Аришѣ. Старуха заранѣе объясняла и говорила полушутя:

— Аришинъ младенецъ будетъ не чета Катюшиному мужицкому отродью.

Когда князь Семенъ доложилъ бабушкѣ о прибытіи Янковича, старуха стоя около стола, мѣрила какія-то выкройки изъ полотна и бранила швей-горничныхъ. Она сразу выронила изъ рукъ выкройку, двинулась, оперлась на столъ и широко раскрыла на внука глаза, какъ говорится, выпучила.

— Что?—произнесла она очень тихо.

— Докторъ... нашъ прежній... Янковичъ... Проситъ представиться вамъ, по прибытіи...

— Что-о?—снова повторила Арина Саввишна, какъ-бы не вѣря своимъ ушамъ.

Семенъ молчалъ и не зналъ, повторить-ли опять то-же самое. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почему-то и оробѣлъ отъ лица и отъ голоса бабушки.

Княгиня двинулась отъ стола, сдѣлала два шага и сѣла. И только послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія она заговорила.

— Янковичъ? зачѣмъ? Пріѣхалъ? зачѣмъ?

Князь не понялъ вопроса и растерянно молчалъ, боясь окрика, но старуха, будто себѣ самой задавшая этотъ вопросъ, продолжала:

— Что ему здѣсь понадобилось? Зачѣмъ ему... насъ... меня?.. Зачѣмъ? Что такое?

Но вдругъ, будто вполнѣ придя въ себя отъ столбняка, напавшаго на нее отъ неожиданности, Арина Саввишна сразу какъ-бы овладѣла собой. Она провела рукой по лицу, потерла себѣ лобъ и глаза и затѣмъ произнесла совершенно инымъ, своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Эка глупый... Ты, что-ли, не такъ обозвалъ... или я не дослышала и спутала... Я представила себѣ, что это... что это пріѣхалъ... ну, Абдурраманчиковъ, что-ли!—солгала старуха и разсмѣялась фальшивымъ смѣхомъ.

Смѣхъ этотъ былъ такой неестественный, такой „не бабушкинъ“, что князь Семенъ опѣшилъ отъ удивленія. Даже швеямъ и старухѣ Карповнѣ почудилось, что княгиня очень диковинно засмѣялась, „будто со зла, что-ли?“.

— Ну, что-же? Милости просимъ, скажи ему... очень я рада. Вели отвести ему тѣ двѣ комнаты, что недавно заново устроили... какъ дорогому гостю... горогому... Такъ ему отъ меня сейчасъ-же скажи. И самъ въ комнаты его проводи по обычаю и спроси, чего нѣту, не хватаетъ. Ну, вотъ... Ступай!

— А къ вамъ, бабушка, когда явиться дозволите ему?—храбрѣе спросилъ Семенъ.

— Ко мнѣ? Послѣ. Пустъ отдохнетъ. Тогда скажу. Позову сама!—быстро и отрывисто проговорила Арина Саввишна.

Однако, во весь день она гостя не позвала къ себѣ и, видимо, волновалась и, задумываясь, глядѣла сурово.

„Умна, говоришь, а вотъ дура! Коли умна—вылѣзь!“—шептала и бормотала она сама себѣ.

Ввечеру княгиня велѣла позвать къ себѣ Горста ранѣе обыкновеннаго.

— Къ намъ Янковичъ пожаловалъ. Знаешь?—встрѣтила она его.

— Знаю, бабушка,—отвѣтилъ Горстъ, садясь.

— Знаешь, кто онъ такой?

— Докторъ.

— Не то. Знаешь ты, что онъ прежде у меня тутъ жилъ. нашимъ домашнимъ пачкуномъ, и былъ намъ всѣмъ очень близкій человѣкъ?

— Слыхалъ, бабушка! даже слышалъ, что вы его особенно жаловали. Никто не смѣлъ при васъ про него слова дурного сказать.

— Пустяковина! — вдругъ насупилась княгиня. — Умница ты, а вѣришь всему, что тебѣ скажутъ, и пересказываешь чужое вранье.

— Простите. Стараюсь отвыкнуть. Сразу нельзя, бабушка, Общая это всѣмъ людямъ слабость. Но я стараюсь,—улыбаясь отвѣтилъ Горстъ.

— Ну, ладно. Слушай! Окажи мнѣ одолженіе!.

— Только приказать извольте, бабушка! Все по вашему желанію исполню.

— Большое, большущее одолженіе,—сурово проговорила Арина Саввишна, не любившая просить кого-бы то ни было, о чемъ-бы то ни было.

Необходимость обращаться съ просьбой какъ-будто озлобляла ее, и поэтому старуха просила рѣзко, будто сердито и глухимъ голосомъ.

— Все, что прикажете, все будетъ сдѣлано и исполнено будетъ по силѣ моего разумѣнія и усердія. Коли не выгоритъ что, то я ужъ не виноватъ: или не сумѣлъ, или коса на камень попала...

— Вотъ то-то... Камень и коса...—задумчиво отозвалась старуха,—бываетъ это! Но все-таки ты—умница, а онъ, Янковичъ, не дуракъ, но глупѣе тебя... Вотъ въ чемъ дѣло... Возьмись за него .. за Янковича. Возьмись, какъ знаешь, какъ хочешь, но избавь меня отъ него, выживи отсюда съ тѣмъ, чтобы онъ и не вздумалъ когда нибудь возвращаться.

— Да какъ-же, бабушка? — ахнулъ Горстъ. — Помилуйте! Это-же не по мнѣ, не мое дѣло. Это дѣло ваше или Семена, какъ старшаго въ родѣ. Я ничего не могу. Янковичъ мнѣ

скажетъ, что онъ со мной и разговаривать не желаетъ. Прикажите просто прогнать!

— Нельзя! Хитростью ты возьми. Перехитри.

Горстъ развелъ руками и, помолчавъ, вымолвилъ:

— Дайте подумать. Огорошили вы меня, бабушка. Дѣло самое пустяковое, а самомудренѣйшее.

— Какъ знаешь. Придумай! Ты—умница.

На утро Горстъ заявилъ, однако, старухѣ, что ничего не придумалъ и не знаетъ, какъ взяться за дѣло, но она настаивала и просила.

XV.

Горстъ, дѣйствительно, оказался въ мудреномъ положеніи: не будучи хозяиномъ дома, ничего не объясняя, выжить гостя. Оно было прямо невозможно. Но около полудня Янковичъ нежданно самъ явился вдругъ къ нему въ его комнаты.

Горстъ, удивленный не мало, попросилъ доктора садиться и какъ-бы насторожился, ожидая чего-нибудь особеннаго, такъ какъ у гостя видъ былъ смущенный.

— Дѣло у меня, господинъ Горстъ,—заявилъ этотъ, — и дѣло очень важное. Конечно, не важное вообще, а важное для меня. И въ этомъ дѣлѣ вы можете мнѣ много услужить. Пожелаете-ли вы сіе?

— Конечно,— недоумѣвая отозвался Горстъ. — Но какое дѣло? Иногда бываетъ, что при всемъ желаніи человѣкъ не можетъ помочь или... или бываетъ, что человѣкъ, сообразя всѣ обстоятельства, считаетъ...

— Не пожелаетъ помочь?—перебилъ Янковичъ.

— Да съ. Бываютъ такія обстоятельства...

— Конечно. Но вотъ я могу впередъ васъ успокоить, что мое дѣло такого рода, что вы можете стать для меня многополезнымъ. А не захотѣть, не пожелать тоже вамъ причины не будетъ. Ущерба вамъ никоего не будетъ отъ того, что вы мнѣ услужите въ дѣлѣ пустомъ для васъ и важномъ для меня. Итакъ, обѣщаете-ли вы свою помощь? Иначе и говорить мнѣ нечего безъ толку да еще вдобавокъ признаваться безъ пользы чужому человѣку.

— Все, что я могу,—отвѣтилъ Горстъ,—вамъ сдѣлать безъ ущерба себѣ, я сдѣлаю съ удовольствіемъ.

— Спасибо. Позвольте-же начать намъ нѣкоего рода допросъ. Сначала вы удивитесь, а потомъ въ скорости все поймете. Итакъ, позвольте... По порядку...

Янковичъ помолчалъ мгновеніе и произнесъ:

— Вамъ хорошо извѣстна госпожа Кизильташева, Ѳедосья Ивановна Кизильташева?

Горстъ усмѣхнулся и вымолвилъ:

— Да-съ. Близко извѣстна. И я у нея въ долгу.

— Какъ такъ? Деньгами у нея...

— Нѣтъ. Денегъ я ей не долженъ. Я долженъ ей уплатить или отплатить тою-же монетою... По поговоркѣ: око за око, зубъ за зубъ. Она мнѣ сугубое зло причинила однажды, вотъ мнѣ надо тоже когда-нибудь ей причинить таковое-же.

— Какое зло? Когда? Я этого не зналъ.

— Она меня и Аришу выдала губернскимъ властямъ, когда мы скрывались въ городѣ. И Ариша изъ-за нея сидѣла въ полиціи, почитай, въ острогѣ!

Горстъ при этомъ воспоминаніи взволновался, и лицо его стало сурово. Янковичъ поглядѣлъ на него и, тоже насупившись, смолкъ.

— Въ такомъ случаѣ,—выговорилъ онъ черезъ мгновенье,— я не знаю, говорить-ли мнѣ съ вами о моемъ дѣлѣ.

— Не знаю. Не понимаю, что вы хотите сказать,—отозвался Горстъ.

— Ну, хорошо. Пускай вы считаете Ѳедосью Ивановну своимъ врагомъ. Все-таки скажите мнѣ, что это за чѣловѣкъ...

— Человѣкъ? Какъ человѣкъ?

— Какая эта женщина своимъ нравомъ?

— Нравомъ?.. Нравомъ—дьяволъ.

— Славно!

— Да вамъ-то что за дѣло?

— Что за дѣло? Большое дѣло... Скажите, почему ея одители якобы безъ вѣсти пропали и она не знаетъ, гдѣ они находятся.

— Какъ гдѣ? Они, по всей вѣроятности, и теперь въ одной изъ деревень княгини.

— Что?

— Что?—повторилъ и Горстъ.

— Что вы говорите?

— Я говорю, что отецъ и мать, ну, родители Ѳедоськи, если еще живы, то живутъ въ какой-либо изъ деревень князей Татевыхъ и безъ вѣсти не пропадали.

— Я совсѣмъ ничего, извините, не понимаю,—вымолвилъ Янковичъ, широко раскрывая глаза.—Я вамъ говорю про госпожу Кизильташеву, крымскую уроженку, а вы говорите, что въ деревнѣ...

— Такъ, такъ! Понимаю!—разсмѣялся Горстъ.—Ѳедоська выдала себя вамъ за настоящую крымку... И вы не знаете, что она — крѣпостная холопка князей Татевыхъ, по отцу Савельева или Савинова, право не упомню, но совсѣмъ не Кизильташева?

— Что вы? что вы? Богъ съ вами!—изумляясь произнесъ Янковичъ, какъ-бы принимая Горста за умопомѣшаннаго или за человѣка, который ни слова не понялъ изъ всего, что ему сказали.

Горстъ при видѣ этого лица доктора разсердился и рѣзко, кратко объяснилъ ему, кто и что „знатная“ въ городѣ „крымка“, родившаяся около „Симеонова“, взятая въ число дворовыхъ горничныхъ княгиней и затѣмъ выкраденная Абдурраманчиковымъ.

Янковичъ все выслушалъ молча и, когда Горстъ кончилъ, произнесъ:

— Господи помилуй! Не будь вы... Скажи мнѣ все это кто другой, я бы его принялъ за безумнаго или за отчаяннаго шутника.

— Да зачѣмъ вамъ все это нужно?—воскликнулъ Горстъ.— Какое вамъ дѣло, кто такая эта поддѣльная крымка?

— Я на ней хочу жениться! — отчаянно вскрикнулъ Янковичъ.

— Жениться?!. Зачѣмъ?—удивился и Горстъ.

Янковичъ, конечно, ничего не отвѣтилъ и только провелъ рукой по лбу.

Наступило молчаніе. Докторъ былъ сильно взволнованъ.

— Но какъ-же вы разспрашиваете про Кизильташеву, — удивляясь, снова заговорилъ Горстъ,—когда вы столько времени здѣсь жили и, конечно, не разъ слышали, вѣроятно, отъ Арины Саввишны и отъ покойнаго князя Антона Семеновича про холопку, которую выкралъ сосѣдъ Абдурраманчиковъ?

— Сто разъ, можетъ быть, слыхалъ. Такъ что-же?

— А коли слыхали, такъ чего-же вы разспрашиваете?

— Такъ.... стало быть, госпожа Кизильташева... ну эта яко-бы крымка... стало быть, она это и есть та самая крѣпостная Ѳедоська, что увезъ отсюда Абдурраманчиковъ?

— Понятно, та самая,—невольно разсмѣялся Горстъ.

— Охъ, Господи... Вотъ... вотъ ужъ умъ за разумъ зайдетъ! Да какъ-же она-то такъ дерзко выдумываетъ и разсказываетъ всю свою прошлую жизнь... Небылицы въ лицахъ однѣ.

Янковичъ развелъ руками.

— Да что она разсказываетъ?

— Да не вѣсть что... Первое—что она изъ города Константинополя, родитель ея—турецкій паша, а мать—гречанка, чуть не княжескаго рода, а вся родня... Да мало-ли что... Всего не перескажешь.

Горстъ громко и весело расхохотался.

— Вамъ смѣшно, а мнѣ, право, не до смѣха,—укоризненно произнесъ Янковичъ.

— Не понимаю. Извините! Если вы теперь знаете, съ кѣмъ имѣли дѣло, что за человѣкъ эта Кизильташева, то просто... просто сведите все на нѣтъ.

— Какимъ образомъ?

— Перестаньте видѣться и знаться — и всему конецъ.

— Это легко сказать. А если я не могу?

— Что не можете?

— Не могу сдѣлать—то, что вы мнѣ совѣтуете. Знаете русскую пословицу: „чужое дѣло руками разведу, а къ своему дѣлу ума не приложу“. Не могу я съ ней покончить. Не могу—и конецъ! А что да какъ, это долго разсказывать, да и нельзя разсказывать.

Докторъ смолкъ, понурился и задумался. Горстъ глядѣлъ на него и думалъ:

„Вотъ! Что кому на свѣтѣ. Изъ-за дряни, какъ Ѳедоська, человѣкъ мучается“.

— Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, по совѣсти, — заговорилъ Янковичъ, — какая она, по-вашему, женщина: добрая, злая, честная, или съ грѣхомъ пополамъ?

— Абдурраманчикова ученица,—усмѣхнулся Горстъ, но затѣмъ серьезно и просто, не преувеличивая, сталъ говорить о Ѳедоськѣ. Привдиво разсказалъ онъ и про свою связь съ ней, и про разрывъ предъ женитьбой.—По правдѣ сказать, — кончилъ Горстъ,—Ѳедоська все-таки не извергъ какой. Абдурраманчиковъ много ее испортилъ. Что есть въ ней худого—онъ ей заложилъ въ душу. Вотъ деньги она страсть какъ любитъ. Это онъ ее этой любви обучилъ.

— Кто-же, позвольте спросить, денегъ не любитъ? — выговорилъ Янковичъ, презрительно усмѣхаясь.

— Кто не любитъ? Да очень многіе!—воскликнулъ Горстъ.— Да хоть-бы я вотъ. Мнѣ деньги ни на что не нужны. Я здѣсь въ „Симеоновѣ“ съ милой, любимой женой, сытъ, обутъ, одѣтъ... И больше мнѣ ничего не надо.

— Не надо?

— Нѣтъ.

— Больше ничего? Вѣрю вамъ.

— Какъ такъ?—не понялъ Горстъ.

— Имѣя все, вы ничего больше не желаете. Это понятно.

Горстъ весело разсмѣялся и вымолвилъ:

— Пожалуй, что вы и правду сказали. Но когда у меня ничего не было, я все-таки деньги ни въ грошъ ставилъ. Честолюбивъ, правда, былъ.

— Позвольте... Это все не къ дѣлу. Я попрошу васъ продолжать отвѣчать мнѣ на мой допросъ о госпожѣ—буду все-таки звать—Кизильташевой,—сказалъ Янковичъ. — Считаете-ли вы ее лгуньей?

— Какъ? Вотъ вопросъ удивительный. Лгунья-ли дочь турецкаго паши и греческой княгини?

— Это иное дѣло,—сказалъ Янковичъ. — Я говорю про ложь въ отношеніяхъ съ людьми, про обманъ, лукавство и ложь ежедневныя.

— Нѣтъ. Если не нужно, она не солжетъ, правду скажетъ. Ну, а если крайняя нужда, то ворохъ налжетъ. Но повторяю, Ѳедоська—женщина сердечная.

— Вы одни или многіе люди зовутъ госпожу Кизильташеву Ѳедоськой?—спросилъ Янковичъ странно и какъ-бы раздражительно.

Горстъ поглядѣлъ на него нѣсколько озадаченный и, разсмѣявшись снова, отвѣтилъ:

— Абдурраманчиковъ такъ звалъ... Я такъ привыкъ ее звать, потому-что и въ глаза ее такъ называлъ...

Наступило снова молчаніе, которое Янковичъ прервалъ вопросомъ, сразу смутившимъ Горста.

— Нельзя-ли мнѣ узнать, когда приметъ меня княгиня?

— Изволите видѣть... Я хотѣлъ... — началъ Горстъ, путаясь,—я именно сегодня желалъ еще по утру... Бабушка, кажется, не... Зачѣмъ собственно желаете вы бабушку видѣть.

— А-а?—протянулъ Янковичъ со страннымъ отѣнкомъ въ голосѣ.—А, вотъ оно какъ! Княгиня Арина Саввишна не желаетъ, стало быть, меня видѣть? Это я вполнѣ понимаю, цѣню и одобряю.

Янковичъ громко, въ свой чередъ, расхохотался. Гростъ даже опѣшилъ.

— Передайте-же Аринѣ Саввишнѣ, что я пріѣхалъ въ „Симеоново" по дѣлу, которое до нея и до меня касается, дѣло важное. И, пока я съ княгиней не повидаюсь и не объяснюсь, я отсюда не уѣду.

Горстъ, какъ-бы окаменѣлъ отъ изумленія.

Наоборотъ, Янковичъ, будто озлобившись вдругъ, сидѣлъ, самодовольно и отчасти дерзко улыбаясь.

Горстъ, не выносившій никакого самодовольства и самомнѣнія въ людяхъ, въ особенности-же въ тѣхъ, которые, по его убѣжденію, не имѣли права на это, сразу тоже озлобился и разсердился.

„Такая мелкота и смѣетъ такъ разговаривать"!—подумалось ему.

Онъ собирался уже рѣзко объяснить Янковичу нѣчто имъ придуманное утромъ, нѣчто не совсѣмъ правдоподобное даже, но лучше онъ ничего надумать не сумѣлъ. Онъ выдумалъ заявить доктору, что онъ полновластенъ въ домѣ, что вся семья, а въ томъ числѣ и бабушка-княгиня, повинуются ему во всемъ. И вотъ онъ, собственной властью, по собственной прихоти не

желаетъ, чтобъ Янковичъ имѣлъ свиданіе съ Ариной Савишной, и, объяснивъ это ей, получилъ ея согласіе, а теперь заявляетъ это доктору.

Горстъ уже собрался заговорить, когда услыхалъ въ домѣ какой-то шумъ, необычную, бѣготню, громкіе голоса въ коридорѣ и въ залѣ.

Онъ прислушался. Янковичъ тоже насторожился и вопросительно глядѣлъ ему въ лицо.

— Что такое?—произнесъ Горстъ.

— Да. Что-то... Шумятъ!—отозвался Янковичъ.

Въ ту-же минуту раздались быстрые женскіе шаги, вошла почти бѣгомъ Ариша и воскликнула:

— Гаврикъ... Лизавета... уѣхали...

И она объяснила, что сейчасъ всѣ хватились ея брата съ женой и что ихъ нигдѣ въ домѣ нѣтъ.

— Что-же,—спокойно произнесъ Горстъ. — Ждать слѣдовало. Они-же давно это желали.

— Да. Но бабушка... бабушка еще не знаетъ,—тревожно вымолвила Ариша.—Тебѣ надо, соколикъ, ей сказать. Кому-же больше?

— Ну, что-же? И скажу. Успокойся! не тревожься! Бабушка, можетъ, и рада будетъ.

И Горстъ, улыбаясь, поцѣловалъ жену.

XVI.

Въ то время, когда въ семьѣ хватились бѣглецовъ, Гаврикъ и Елизавета подъѣзжали къ усадьбѣ „Кутъ“. Не желая никого „подводить“ подъ бабушкинъ гнѣвъ, они въ это утро ни съ кѣмъ не простились въ домѣ и даже не взяли экипажа и лошадей, а, дойдя пѣшкомъ до деревни, взяли простыя крестьянскія розвальни и лошаденку.

Абдурраманчиковъ, давно знавшій, что дочь не можетъ оставаться въ семьѣ мужа изъ-за старухи-бабушки, согласился на ихъ переѣздъ къ нему, но все-таки онъ не ожидалъ ихъ появленія теперь.

Узнавъ отъ людей о пріѣздѣ дочери и зятя, Романъ Романовичъ быстро пошелъ къ нимъ навстрѣчу въ прихожую, обнялъ обоихъ и расцѣловалъ.

Елизавета, цѣлуя отца, заплакала.

— Чего? Чего? Что такое?—удивился Абдурраманчиковъ.

— Отъ радости, батюшка, отъ счастья, что мы, наконецъ, здѣсь,—воскликнула Елизавета.—Если-бъ вы знали... если-бъ вы видѣли и слышали все... вы-бы давно потребовали насъ къ себѣ.

Абдурраманчиковъ громко засмѣялся.

— Заклевала тебя старая вѣдьма,—воскликнулъ онъ.

— Не клевала, а ножемъ рѣзала,—выговорилъ Гаврикъ.— Поносила, оскорбляла, надругивалась...

— Ну, и лихъ съ ней! Заживемъ здѣсь тихо и мирно-пока. Да вотъ горе... пока. А тамъ, что будетъ? Одному Богу извѣстно. Но авось... авось и наладится. Богъ поможетъ. Наказывать Ему меня не за что. А васъ или Петра и подавно не за что.

И старикъ взволновался, глубоко вздохнулъ, а на глаза его навернулись слезы.

Романъ Романовичъ былъ уже не тотъ добрый и моложавый старикъ, какимъ былъ еще очень недавно. Онъ сразу опустился, измѣнившись не только лицомъ и всѣмъ туловищемъ, но и характеромъ. На лицѣ его появились глубокія морщины, спина будто поддалась, согнулась, и онъ осунулся впередъ. Походка тоже стала при этомъ другая, болѣе тихая и мѣрная. Волосы сильно побѣлѣли. При этомъ Романъ Романовичъ сталъ унылѣе и какъ-бы мягче, добрѣе, конечно, къ чужимъ людямъ, такъ какъ съ дѣтьми былъ всегда ласковъ и сердеченъ.

Разумѣется, перемѣна произошла отъ всего имъ пережитаго да еще вдобавокъ въ короткій срокъ. Давно-ли онъ былъ вызванъ въ Петербургъ самимъ царемъ и обласканъ, и возвышенъ нежданно... А теперь онъ — опять частный человѣкъ, дворянинъ-помѣщикъ... Но это-бы еще куда не шло, если-бы состояніе было въ томъ-же положеніи.

Главная бѣда заключалась въ томъ, что петербургская „волокита“, столичные кровопійцы-чиновники, взявшіеся хлопотать по его дѣлу, устроили, что обѣщали, не отпустили, обобравъ чуть не до нитки.

Абдурраманчиковъ жилъ теперь въ „Кутѣ“ тѣмъ-же генераломъ, и былъ не подъ судомъ, но самый этотъ „Кутъ“ собственно ему не принадлежалъ. Если во-время не внести деньги, и сравнительно большія, въ опекунскій совѣтъ, то выходи изъ дому и выѣзжай изъ усадьбы на всѣ четыре стороны. Только одинъ неурожай могъ прямо привести къ этому...

— Да что я?.. А вотъ Петръ! — вздыхалъ Абдурраманчиковъ.—Меня гробъ ждетъ, а ему еще вѣнецъ брачный впереди...

О судьбѣ дочери старикъ не безпокоился. Онъ зналъ, что состояніе Татевыхъ въ полнѣйшемъ порядкѣ, и, если чиновники разграбили многое въ домѣ, то, конечно, не могли разграбить земли и деревни съ мужиками. Они могли тайно порубить лѣса, но, но счастью, не успѣли. Такъ какъ старуха-княгиня все-таки не безсмертна, „до ста лѣтъ доживетъ, а все-таки умретъ“, то третья часть состоянія Татевыхъ все-

таки будетъ принадлежать мужу дочери, и она будетъ богаче даже бывшихъ княженъ, которыя получатъ лишь свои по закону четырнадцатыя части.

Но сынъ Петръ Романовичъ крайне озабочивалъ старика. Будучи губернаторомъ, онъ не занялся его судьбой, „проморгалъ и обмахнулся“. Тогда онъ могъ, несмотря на множество враговъ въ намѣстничествѣ, все-таки отлично женить Петра на богатой невѣстѣ: родители польстились-бы на то, что онъ—сынъ начальника края, а теперь Петръ — сынъ разореннаго помѣщика, смѣщеннаго съ должности по слѣдствію и суду.

И въ дѣйствительности не столько личная обида, уязвленное самолюбіе, потеря власти и общественнаго положенія, сколько раскаяніе, что онъ во-время не устроилъ судьбу сына, снѣдали Абдурраманчикова, старили и состарили почти не по лѣтамъ.

Однако, въ послѣдніе два мѣсяца Романъ Романовичъ едва замѣтно оживился, сравнительно поглядывалъ бодрѣе. На это была особая причина, но ни единый человѣкъ на свѣтѣ не зналъ объ этомъ ничего, да и самъ Абдурраманчиковъ, иногда задумываясь, спрашивалъ себя:

— Полно, такъ-ли? Возможно-ли? Можетъ, это однѣ бредни старика-дурака. Можетъ быть, и это невозможно, тоже поздно... тоже раньше надо было подумать.

У него явилось одно средство, вѣрнѣе — онъ самъ, много думая и размышляя о своемъ положеніи, надумалъ средство поправить дѣла, не быть принужденнымъ вдругъ продавать „Кутъ“ и чуть не итти по-міру.

Сначала это средство, этотъ якорь спасенія представлялся Абдурраманчикову невозможнымъ, обиднымъ для дворянина и генерала, бывшаго намѣстника, даже прямо позорнымъ... Но, думая, передумывая, нравственно мучаясь, онъ понемногу привыкъ къ мысли, привыкъ взирать на свою выдумку болѣе просто, хладнокровно или безучастно.

— Спасти „Кутъ“ для Петра, а тамъ хоть клеймы на лобъ ставьте, шельмуйте. Буду знать, что для родного и единственнаго сына собой пожертвовалъ, и это будетъ великое утѣшеніе.

И затѣмъ Романъ Романовичъ, вспоминая и соображая, что онъ потерялъ свою должность и чуть не потерялъ свой чинъ, ради дочери, ради ея счастья превысивъ власть, рѣшилъ твердо, что теперь чередъ за сыномъ. Теперь для сына надо тоже собой пожертвовать, хотя на совершенно иной ладъ.

Абдурраманчиковъ самъ не зналъ или не отдавалъ себѣ отчета (что часто бываетъ у родителей), насколько много онъ любилъ своихъ Петра и Елисавету. Онъ хорошо зналъ, что

любить ихъ, но, если-бъ ему сказали, что его любовь къ дѣтямъ доходитъ до полной готовности самопожертвованія, и всяческаго, то, пожалуй, онъ и удивился-бы, такъ какъ чувство къ дѣтямъ было собственно безсознательное. Вѣрнѣе-же это отношеніе къ дѣтямъ было сознательное, но онъ не цѣнилъ его самъ, какъ-бы считая, что это простой долгъ всякаго отца.

Онъ былъ гордъ и счастливъ, когда вдругъ былъ взысканъ милостью монарха, да еще въ такой формѣ, что его „придворскій случай“ прогремѣлъ на обѣ столицы, и, сдѣлавшись нежданно генераломъ и намѣстникомъ, онъ, какъ говорится, самъ себѣ не вѣрилъ... Между тѣмъ, выдавая дочь замужъ за крестьянина Татева въ обходъ указа того-же монарха, который его несказанно милостиво возвеличилъ, онъ зналъ что поступаетъ, какъ человѣкъ и неблагодарный, и опрометчивый. Поступокъ былъ опасенъ, а онъ все-таки на него рѣшился и притомъ исключительно изъ любви къ дочери. Разсчетъ, что Гаврикъ одинъ изъ своей семьи станетъ снова княземъ и владѣльцемъ всего состоянія, былъ на второмъ планѣ. Не люби другъ друга Гаврикъ и Елизавета, онъ на такой лукавый, но опасный расчетъ не пошелъ-бы. Поступокъ его назвали превышеніемъ власти, но собственно это было своего рода административнымъ подлогомъ или мошенничествомъ. Его оговорка на слѣдствіи, что жена Гаврика крестьянка, а не дворянка, была игрою въ слова. Судьи справедливо объяснили ему:

— Жена Гавріила Татева, дѣйствительно, крестьянка, но женили вы его не на крестьянкѣ, а на дворянкѣ и генеральской дочери.

И дѣло съ рукъ не сошло, намѣстническая должность изъза счастія дочери была потерена, а вдобавокъ потеряно теперь и состояніе.

Конечно, Абдурраманчиковъ, вернувшись домой изъ Петербурга, страшно сожалѣлъ, что для сохраненія генеральскаго чина пустилъ сына по-міру. Но это произошло какъ-то само собой. Онъ надѣялся все-таки, что, разсыпавъ въ столицѣ взятками весь капиталъ, взятый въ Опекунскомъ совѣтѣ, онъ, можетъ быть, удержитъ за собой и должность.

Теперь приходилось такъ или эдакъ поправить ошибку, спасти сына изъ положенія нищаго и для этого, конечно, пойти на все, пожертвовать даже собой.

Когда Гаврикъ съ Елизаветой пріѣхали въ „Кутъ“, то брата не нашли; онъ былъ въ городѣ по дѣламъ, посланный отцомъ. Романъ Романовичъ велъ переговоры о продажѣ маленькаго хутора, чтобы заранѣе, на случай неурожая, имѣть чѣмъ уплатить проценты въ Опекунскій совѣтъ.

Однако, Петръ вернулся изъ города въ тотъ-же вечеръ и несказанно обрадовался, найдя сестру съ мужемъ.

— Давно вамъ слѣдовало пріѣхать, — сказалъ онъ.—По всему вамъ слѣдъ здѣсь пребывать. Во-первыхъ, избавиться отъ Арины Саввишны, и, во-вторыхъ, тутъ вамъ и дѣло будетъ...

— Какое дѣло?—удивилась Елизавета.

Братъ уклонился отъ объясненія своихъ словъ. На другой день Гаврикъ и Елизавета, оба одинаково замѣтивъ въ Петрѣ какую-то перемѣну, пристали къ нему съ правильнымъ допросомъ. Петръ принялъ все въ шутку и увѣрялъ ихъ, что никакой перемѣны въ немъ нѣтъ.

Между тѣмъ, угрюмый и озабоченный видъ Петра бросался въ глаза. Его видимо и ясно что-то тревожило и даже будто томило. Онъ не былъ словоохотливъ, безпечно-веселъ и добродушенъ, какъ бывало. Казалось, что онъ постоянно, непрерывно былъ снѣдаемъ какой-то мыслью.

На третій день пребыванія въ „Кутѣ“ Елизавета пристала упрямо къ брату:

— У тебя что-то есть. Я вижу!

— Ничего нѣтъ!—отзывался Петръ.

— Есть. Меня ты не обманешь. У тебя забота и большая. Ты долженъ мнѣ сказать, въ чемъ дѣло.

— Нечего сказывать, Лиза.

— Есть. Говорю, есть. Коли не хочешь Гаврику сказывать, и я не скажу. Но ты, братъ, мнѣ, твоей сестрѣ, долженъ все сказать, все по совѣсти. Мы всегда жили душа въ душу, съ рожденья. Развѣ не правда?

— Вѣстимо, правда,—отвѣтилъ Петръ,—но ради этого... ради нашего съ тобой дружества съ рожденья, я тебѣ только одно могу сказать, чего и Гаврику прошу не говорить. Да! Есть у меня забота, есть заноза душевная, но я...

— Полюбилась тебѣ какая дѣвица?—прервала Елизавета,—которая тебя не хочетъ?

— Богъ съ тобой!—махнулъ рукой Петръ и даже разсмѣялся.—Любить такую, которая меня не любитъ, я не могу. Не таковъ уродился. И если-бы, стало быть, теперь полюбилъ кого, то былъ-бы тоже любимъ и веселъ, радостенъ.

— Такъ что-же тогда?

— Что? сказать не могу, потому не могу, что оно—тайна и не моя. А чья тайна, тотъ не хочетъ, чтобы ее знали.

— Тебѣ-то что-же чужой человѣкъ съ его тайной?

— Охъ, Лиза... Вотъ то-то! Брось разспросы. Ничего я отвѣчать не стану... не могу. Придетъ время—и ты узнаешь все, и для тебя тебя тоже оно занозой будетъ въ сердцѣ.

— Для меня тоже?..—удивилась Елизавета, но тутъ-же ахнула:—стало быть, батюшка! родитель?!.

Петръ ничего не отвѣтилъ, но потупился, и его молчаніе было, конечно, отвѣтомъ.

— Господи! Да что-же это такое?—взволновалась Елизавета.—Бѣди какая?.. Лихая бѣда?

— Нѣтъ, но хорошаго мало.

— Опять судъ? Новое что выискали въ столицѣ?

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнулъ Петръ.—Въ этомъ отношеніи все благополучно.

— Что-же тогда?

— Говорю тебѣ, что не могу сказать.

— Мнѣ про батюшку? Дочери про ея отца?

— Такъ выходитъ.

— Ты-же, сынъ, знаешь, почему-же мнѣ не знать?

— Будетъ время—узнаешь. Батюшка самъ тебѣ скажетъ, а теперь онъ мнѣ запретилъ объ этомъ даже съ нимъ самимъ говорить.

XVII.

Суматоха въ домѣ и въ у садьбѣ „Симеоново“ по поводу исчезновенія Гаврика съ женой продолжалась недолго. Вся семья знала, что бѣглецы благополучно достигнутъ имѣнія Абдурраманчикова и заживутъ, конечно, пріятнѣе, но всѣ боялись бури отъ гнѣва бабушки и при этомъ собственнаго, въ чужомъ пиру, похмелья.

Горстъ взялъ на себя доложить старухѣ о самовольствѣ ея внука и постараться ее успокоить и ублажить.

— Ничего не будетъ. Я вамъ говорю, — объяснилъ онъ всѣмъ.

И, дѣйствительно, Горстъ заранѣе предугадывалъ, что старуха отнесется къ отъѣзду внука съ женой, хотя и гнѣвно, но „особеннаго“ ничего не произойдетъ. Причина на это была важная. И Горстъ не зналъ, а лишь угадывалъ эту причину.

„Бабушкѣ будетъ не до Гаврика съ Лизаветой!—рѣшилъ онъ.—„Сами не зная, они хорошее время выбрали, чтобы уѣхать. До нихъ-ли теперь!“

Но догадка Горста была основана на простомъ, повидимому, неважномъ, но, между тѣмъ, крайне странномъ обстоятельствѣ.

Бабушка просила избавить ее отъ гостя-доктора. Чего-бы проще приказать уѣхать ему, прогнать безъ обиняковъ! Но этого бабушка не пожелала ни за что. А гость-докторъ заявилъ дерзко, что онъ не уѣдетъ, не повидавъ княгини. Что-же это? Нѣчто такое, что старухѣ будетъ не до Гаврика съ Лизаветой. Такъ рѣшилъ умный и смѣтливый молодой человѣкъ и оказался правъ.

Явившись къ старухѣ съ докладомъ или, вѣрнѣе, съ двумя докладами, онъ рѣшилъ прежде заявить о дерзости Янковича, а затѣмъ о бѣгствѣ внуковъ. Онъ былъ увѣренъ, что поведеніе доктора настолько удивитъ и разсердитъ княгиню, что она даже не обратитъ вниманія на поступокъ Гаврика.

— Бабушка, я къ вамъ изъ-за господина Янковича,—заявилъ Горстъ,—съ такой новостью, коей самъ я не ожидалъ. Можетъ быть, вы не удивитесь, а я...

— Что?—рѣзко произнесла княгиня.

— Господинъ Янковичъ меня удивилъ. Я даже не знаю и не понимаю, что все оное означаетъ.

— Да ну-же... Говори!

— Я ему объяснилъ, что вамъ собственно не зачѣмъ его видѣть и что ему нечего васъ безпокоить... Онъ мнѣ отвѣтилъ и дерзко отвѣтилъ, что, пока онъ не повидается и не переговоритъ съ вами, до тѣхъ поръ онъ...

И Горстъ остановился, не зная, какъ ему лучше выразиться, передавая отвѣтъ доктора.

— Ну-же! Ну!—сердито воскликнула Арина Саввишна.

— Говоритъ—не уѣдетъ,—прямо отвѣтилъ Горстъ.

— Не уѣдетъ? Какъ не уѣдетъ?—почти глуповатымъ голосомъ спросила старуха или отъ удивленія, или отъ волненія.

— Говоритъ, бабушка...

— Говоритъ, говоритъ! Слышу, сто разъ повторилъ. Да что? что говоритъ?

— Какъ что?—удивился и Горстъ.—Я-же вамъ, бабушка, сказываю. Говоритъ, что не уѣдетъ, пока васъ не повидаетъ.

— Взбѣсился онъ?!—грозно вымолвила старуха.

Горстъ повелъ плечами, не зная, что сказать.

Княгиня опустила глаза, сдвинула брови и сидѣла не двигаясь, будто обдумывая, что предпринять. Горстъ видѣлъ, насколько старуха озадачена, и невольно думалъ:

„Есть-же такія причины, что бывшій домашній знахарь этакъ разсуждаетъ, а бабушка будто растерялась“.

И онъ, вспомнивъ второе происшествіе, вдругъ вымолвилъ, какъ-бы выпалилъ:

— Бабушка! Гаврикъ съ Лизаветой уѣхали въ „Кутъ“..

— Что?—вскрикнула Арина Саввишна.

— Уѣхали... совсѣмъ... на житье къ отцу ея... Тайкомъ. Никто не видалъ. Рафушка говоритъ, что Гаврикъ ему давно сказывался: „если мы съ женой пропадемъ, то знай и скажи всѣмъ, что мы въ „Кутъ“ уѣхали на житье“.

— Ну, и пускай. Съ глазъ долой дуракъ-внукъ и поганая персидка,—произнесла старуха спокойно, но лицо ея стало еще суровѣе.

Посидѣвъ молча нѣсколько мгновеній, она замотала головой и тихо заговорила:

— Самовольство!.. Времена! Да! Я была молода, мы родителей и старшихъ почитали, боялись, а теперь вамъ, молодымъ, все—трынъ-трава. Скоро яйца курицу не учить уже будутъ, а заклюютъ. Ладно. Подумаю и надумаю, какъ мнѣ этого Гаврюшку отблагодарить за любовь и почтеніе, надумаю... Ну, а пока... пускай въ „Кутѣ“ живутъ до продажи его. А тамъ, когда со своимъ Абдуркой очутятся на улицѣ и нищенствовать пойдутъ, чтобы не смѣли и въ мысляхъ имѣть сюда итти прощенія просить! Велю метлами со двора гнать.

И, помолчавъ снова, Арина Саввишна выговорила другимъ голосомъ, повидимому, спокойнѣе, но, однако, тверже и рѣзче:

— Такъ не желаетъ? желаетъ свое желаніе исполнить? А?..

— Кто-съ? Янковичъ? Да-съ,—не сразу сообразилъ и отвѣтилъ Горстъ.

— Ну, что-же?.. Ну, что-же?.. Повидаемся! Повидаемся!.. По-ви-да-ем-ся!

И, протянувъ слово, старуха странно разсмѣялась.

Горстъ, удивленный этимъ смѣхомъ, пристально присмотрѣлся къ ея лицу и замѣтилъ совершенно необычное выраженіе и глазъ, и усмѣшки. А затѣмъ онъ увидѣлъ, что руки старухи будто слегка дрожатъ.

Арина Саввишна вдругъ сильно двинулась въ своемъ креслѣ и вымолвила тихо:

— Зови!

Слово это было сказано настолько тихо и невнятно, что молодой малый думалъ, что онъ ослышался, а переспросить боялся и стоялъ передъ старухой въ недоумѣніи, не двигаясь.

— Оглохъ? зови!—воскликнула Арина Саввишна такъ, какъ ни разу еще на любимца-внука не кричала.

Горстъ бросился изъ комнаты со всѣхъ ногъ, но услышалъ за собой голосъ княгини:

— Стой...

Онъ остановился и обернулся въ недоумѣніи.

— Стой! Обожди!.. Больно я озлобилась. Надо отойти... этакъ нельзя. Онъ тоже злючій, да и чужой человѣкъ, не родной, не крѣпостной,—проговорила Арина Саввишна съ паузами, какъ-бы стараясь перевести духъ.—Я озлюсь — и онъ озлится,—и будетъ баталія не хуже Чесменской. Только туркой-то онъ будетъ а не я... А этого не надо, надо миромъ все уладить.

XVIII.

Чрезъ нѣсколько минутъ Янковичъ, позванный Горстомъ, входилъ къ княгинѣ смѣло, весело и съ радостнымъ выраженіемъ на лицѣ, которое, казалось, онъ себѣ устроилъ, какъ актеръ-лицедѣй.

— Глубочайшее мое почтеніе, ваше сіятельство!—выговорилъ онъ и, подойдя ближе, приложился къ рукѣ княгини, которую она молча протянула ему.

— Счелъ своимъ долгомъ, княгиня, будучи въ вашихъ предѣлахъ,—продолжалъ Янковичъ, — заявить вамъ свое глубочайшее почтеніе. Какъ поживаете, какъ ваше драгоцѣнное здоровье?

Такъ какъ княгиня продолжала молчать и пристально глядѣла въ лицо гостя, будто желая скорѣе прочесть что-либо въ его глазахъ, то докторъ продолжалъ:

— По виду вы совсѣмъ превосходно себя чувствуете. Просто на десять лѣтъ помолодѣли.

— Спасибо,—выговорила, наконецъ, Арина Саввишна.

— Ей-Богу! Совсѣмъ у васъ моложавый видъ...

— Вашими устами да медъ-бы пить... Много благодарна и желала-бы, чтобы все этакое было правдой истинной. Ну, а вы какъ поживаете? На видъ не прекрасно. Извините! Правду-матку сказываю. Криводушества, знаете, не люблю. Вы и похудѣли, и постарѣли, да и на много.

— Хворалъ, княгиня, два мѣсяца. Да и дѣла, заботы, всякія затрудненія и незадачи...

— Откуда вы?

— Теперь? сейчасъ? изъ города.

— А лѣто, осень гдѣ находились?

— Въ Варшавѣ, княгиня. Хотѣлъ было совсѣмъ тамъ остаться, но пришлось опять въ россійскіе предѣлы ѣхать. А тоже по дѣламъ пришлось въ ваше намѣстничество прибыть... А въ городѣ такое все нежданное и затруднительное произошло, что я радъ не радъ... положимъ рѣшился... рѣшился ѣхать сюда въ „Симеоново“, къ вамъ... побесѣдовать о важномъ дѣлѣ.

— Со мной? О важномъ дѣлѣ? О вашемъ?

— Да-съ, о моемъ... или... или, лучше сказать, о нашемъ съ вами дѣлѣ.

— О нашемъ съ вами? — повторила княгиня, растягивая слова и съ оттѣнкомъ небрежности, если не презрѣнія въ голосѣ.

— Да-съ. Извините... Есть такое дѣло, касающееся до меня, но и до васъ. Пустяковое дѣло! Вы, можетъ, и забыли давно, а я помню, помню потому, что оно меня тревожитъ иногда... Ну, да это я не къ тому. Я собственно къ вамъ съ просьбой, съ важной до меня и пустой для васъ.

— Что-же такое?—глухо выговорила старуха, будто не зная, въ чемъ заключается просьба.

— Хочу просить у васъ денегъ, ваше сіятельство. Вы богаты, а я бѣденъ. Я вамъ служилъ и услужилъ... Ну, вотъ вамъ и не грѣхъ меня наградить. А обстоятельства моей жизни таковы, что мнѣ теперь нужно имѣть по-зарѣзъ... Всего-то тысячъ двадцать.

— Двадцать?—ахнула Арина Саввишна.

— Да-съ. Надо бы и больше, но я не смѣю васъ утруждать и прошу только двадцать...

— Ты, мой распрекраснѣйшій, бѣлены объѣлся или пришелъ балагурить со мной?—рѣзко выговорила старуха, такъ мѣряя собесѣдника гнѣвнымъ взоромъ съ головы до пятъ, какъ будто желая разглядѣть, кто собственно передъ ней стоитъ.

— Я, ваше сіятельство, въ качествѣ врача бѣлену ѣсть не стану,—улыбнулся Янковичъ,—хорошо вѣдая, что отъ нея человѣкъ разума лишается. Балагурить тоже теперь мнѣ мудрено—не до того. Сказываю я вамъ, что мои обстоятельства такія, что у меня петля на шеѣ. Нужно мнѣ имѣть двадцать тысячъ или... или пропадать. И вотъ я, подумавши о томъ, какіе у меня есть на свѣтѣ добрые люди, благодѣтели, всегда сердечно...

— Выбралъ изъ всѣхъ ихъ меня. И вотъ я теперь полагаемая тобою за дураковую дуру?..—заговорила княгиня, слегка задыхаясь отъ гнѣва.—Глупѣе меня, вишь, нѣту... Такъ я должна... Двадцать тысячъ?—и, передохнувъ, она вскрикнула:—почему не пятьдесятъ, сто? сказывай. А то проси „Симеоново“ съ землями, съ приписными деревнями и крестьянскими душами. Что у князей Татевыхъ есть, то и проси! Ахъ, ты, польская...

— Успокойтесь, княгиня, не сердитесь!—быстро произнесъ Янковичъ, спѣша прервать сварливую старуху какъ-бы затѣмъ, чтобы не дать ей вымолвить грубое слово.

— Языкъ безъ костей, болтай! Проси! Требуй! Посмѣюся. Желаешь все „Симеоново“? А?

— Не сердитесь... Успокойтесь!—холодно повторилъ Янковичъ.—Обождите! Подумайте! Все вспомните, все разсудите и, будучи женщиной высокоумной, сейчасъ размыслите, что сердиться не за что. Въ одномъ вы правы и правду сказали: другой попросилъ-бы у васъ сто тысячъ, другой васъ ограбилъ-бы, а я прошу у васъ такія деньги, которыя для васъ плевыя.

— Нѣтъ у меня никакихъ! Насъ волокита губернская разграбила...—заговорила княгиня,—мы теперь сами перебиваемся. Мужики разорены поборами стрекулистовъ. Оброкъ у нихъ хоть клещами тяни... Да, наконецъ всего,—не хочу я... дураковую дуру изъ себя изобразить!—воскликнула старуха на весь домъ.

— Я даже, княгиня, дивлюсь,—спокойно отозвался Янковичъ,—что такіе пустяки могутъ васъ сердить. Двадцать тысячъ при вашихъ деньгахъ—грошъ.

— Да какія онѣ... какія?—снова вскрикнула Арина Саввишна:—первыя или вторыя, или послѣднія...

— Не понимаю я васъ,—отвѣтилъ Янковичъ.

— Спрашиваю я: послѣднія онѣ будутъ, эти двадцать, или ты зарядишь, покуда я жива, тащить съ меня все до послѣдней нитки?

— Даю я вамъ мое честное, честнѣйшее слово, что...

— Плевать мнѣ, братецъ, на твое шатуново честное слово.

— Божуся вамъ Богомъ! Чго-же мнѣ сказать? — воскликнулъ Янковичъ.—Никогда вы меня больше въ глаза не увидите. Дайте мнѣ эти деньги—и конецъ, всему конецъ. Вотъ вамъ накажи меня Господь...

Голосъ Янковича настолько измѣнился, звучалъ такой искренностью и правдивостью, что гнѣвъ Арины Саввишны сразу прошелъ, и она гораздо спокойнѣе произнесла:

— А коли-же нѣтъ такихъ денегъ? Гдѣ-же ихъ взять?

— Память у васъ коротка, ваше сіятельство,— уже улыбаясь, выговорилъ Янковичъ.

— Это еще что?—удивилась старуха.

— Не помните многое такое, что я хорошо помню.

— Не загадывай загадокъ! Говори!

— Денегъ у васъ многое множество, которыя вамъ, какъ сказывается, дѣвать некуда, которыя въ случаѣ вашей внезапной смерти пропадутъ, въ казну пойдутъ.

— Что? что? что?—повторила княгиня, изумляясь, но вдругъ, ударивъ себя въ лобъ рукой, произнесла тише:—ты ѣздилъ въ Москву единожды и возилъ?..

— Дважды, княгиня, въ Опекунскій совѣтъ. Туда всѣ дворяне должны деньги. А княгинѣ Татевой онъ долженъ... Да вотъ бѣда—не княгинѣ собственно Аринѣ Саввишнѣ Татевой, а предъявительницѣ квитанціи. Вы забыли, что когда я былъ въ полномъ у васъ довѣріи и дружествѣ, то вы мнѣ многое сказывали и повѣряли такое, о чемъ родному сыну князю Антону Семеновичу ни словечкомъ не обмолвливались. А сколько у васъ тамъ тысячъ теперь, и, такъ сказать, безыменныхъ, сохраняется, я не знаю. А прежде было...

— Буде! Довольно!—рѣзко вымолвила Арина Саввишна.— Говори: послѣднія? Опять просить не будешь?..

— Я и побожился, и слово далъ, что-же мнѣ еще сказать?

— Ладно. Ступай! Ввечеру или завтра дамъ тебѣ такое письмо въ Москву, что получишь свои двадцать тысячъ, но помни—послѣднія! Вотъ тебѣ мой крестъ, что послѣднія!

И старуха гнѣвно перекрестилась.

Отпустя Янковича, Арина Саввишна осталась, однако, въ своемъ креслѣ недвижная, какъ истуканъ, на цѣлыхъ полчаса. Лицо ея было страшно гнѣвно. Этотъ гнѣвъ то проходилъ, то снова съ большей силой приливалъ и бушевалъ въ ней.

Но старуха теперь уже злобилась на себя самое. Она думала и передумывала, отчасти вспоминала и отчасти недоумѣвала, какъ могла она когда-то „открыться“ чужому человѣку и повѣрить ему то, что до нѣкоторой степени всегда скрывала даже отъ покойнаго родного сына, къ тому-же еще истиннаго владѣльца всего состоянія по закону.

Княгиня годами откладывала деньги, и при большихъ доходахъ, при отсутствіи какихъ-либо чрезвычайныхъ тратъ среди обыденной и простой жизни въ „Симеоновѣ“ на всемъ на своемъ, все, что скопила старуха, дошло почти до двухсотъ тысячъ рублей „ассигнаціями“.

Когда разразилась гроза и семья стала мужиками, все было отписано въ казну, но капиталъ, помѣщенный въ Опекунскомъ совѣтѣ, былъ безыменный, никому невѣдомый, и захватить его комиссія не могла. Старуха рѣшила продолжать молчать о немъ и только въ случаѣ явной близости смерти довѣрить тайну и передать документы старшему внуку Семену. Старуха соображала и надѣялась, что когда-нибудь государственные крестьяне Татевы, лишенные разъ всего состоянія дворянскаго, могутъ воспользоваться этимъ капиталомъ и выдать его за нажитый послѣ опалы или подаренный хотябы генеральшей Бокъ.

„Времена тоже перемѣняются,—думала княгиня. — Если объявятся деньги у невиноватыхъ внуковъ и правнуковъ виноватой, которыя у нихъ яко-бы ихъ собственныя, то ихъ не тронутъ“.

Но существованіе этого капитала было страшной тайной. Арина Саввишна одна знала про это... И вдругъ теперь оказывается другой человѣкъ, да еще совсѣмъ чужой, да еще враждебно настроенный, который тоже знаетъ все...

И старуха, злобясь, спрашивала себя и вспоминала, при какихъ обстоятельствахъ могла она повѣрить тайну Янковичу.

— Сатана! дьяволъ-искуситель!—шептала она.—Выманилъ тайну и вотъ выманиваетъ и деньги. Помнится, надо было спѣшить... а я хворала... и поручила ему... и не все разсказала, а онъ самъ въ Москвѣ все разнюхалъ.

Въ тотъ-же вечеръ новая горничная княгини Лукерья и уже ея любимица тайкомъ отъ всѣхъ передала доктору отъ княгини конвертъ, въ которомъ была квитанція на полученіе изъ ломбарда суммы въ двадцать тысячъ.

XIX.

Прошло около трехъ недѣль послѣ возвращенія Горста изъ города, и однажды онъ получилъ письмо отъ знакомаго чиновника канцеляріи губернатора, что въ маленькомъ имѣніи чиновника Полянскаго оказались нѣсколько цѣнныхъ вещей, одна картина и дорогой фарфоровый сервизъ. Сыщики, наряженные губернаторомъ, чрезвычайно хитро открыли это, а Полянскій, взятый врасплохъ, признался въ принадлежности всего Татевымъ, но увѣрялъ, что Семенъ Антоновичъ, хотя еще и не имѣлъ, какъ крестьянинъ, на то права, ему при описи все это подарилъ. Пріятель просилъ Горста пріѣхать въ городъ, если самъ князь не пожелаетъ ради разъясненія всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Разумѣется, старшій князь, узнавъ о томъ, что ему придется „мыкаться“ въ городѣ, бесѣдовать съ сутяжниками и стрекулистами, которыхъ онъ глуповато и суевѣрно боялся, отказался наотрѣзъ, умоляя Горста поѣхать вмѣсто него.

Княгиня рѣшила, что, дѣйствительно, лучше ѣхать Горсту, нежели князю.

— Мой Симеонушка такой увалень и такой разумомъ не скоробогатый, по-просту олухъ, что только навретъ и напутаетъ,—сказала она.

Горстъ согласился съ удовольствіемъ, но заявилъ:

— Я радъ, бабушка. Но моя поѣздка страсть дорого обойдется. Семенъ поѣдетъ — на постояломъ дворѣ рублей двадцать оставитъ, а я поѣду—у меня, кромѣ угощенія друзьямъ, еще тысяча рублей зря вылетитъ изъ кармана. И какъ у меня своихъ денегъ нѣтъ, то она вылетитъ изъ вашего кармана.

— Съ ума ты сошелъ?—удивилась старуха.

— Нѣтъ, бабушка. Послушайте! Поѣду я въ городъ, встрѣчу друга большого. Чрезъ день, два этотъ большой другъ попроситъ у меня на нѣсколько дней тысячу рублей, конечно, съ отдачей на томъ свѣтѣ угольками. Не дать ему ихъ, прямо нельзя.

Княгиня задумалась, а затѣмъ сказала:

— Отвѣчай по совѣсти: совсѣмъ этотъ князь Аникѣевъ хорошій малый, душевный, а только мотъ...

— Я вамъ, бабушка, тысячу разовъ сказывалъ, что онъ всѣмъ взялъ. Одна загвоздка или одинъ порокъ—заимообразіе любитъ,—разсмѣялся Горстъ.

— Что? что?

— Заимообразно деньги доставать и не отдавать... А во всемъ остальномъ душа человѣкъ.

— Видишь-ли, соколикъ, если онъ — человѣкъ намъ для нашего съ тобой „прожекта“ подходящій, то я ничего не пожалѣю для него. Понялъ ты? Пусть онъ у насъ хоть десять и болѣе тысячъ переберетъ. Если-же онъ не подходящій, то и сотни жаль. Платить ему за розыскъ нашихъ вещей тоже много нельзя, этакъ выйдетъ, что онѣ намъ какъ-бы покупкой достанутся. Да потомъ; если губернаторъ началъ сыскъ, то и будетъ его продолжать, давай, не давай денегъ его зятюшкѣ. Ну, а коли князь этотъ намъ совсѣмъ находка для Катюши, то я ничего не пожалѣю. Слышишь?.. Ну, а какъ это дѣло рѣшить? Находка онъ, аль дрянь сущая?

— Я-же вамъ, бабушка, говорю и васъ...

Но старуха не дала ему договорить.

— А мало что ты говоришь... Ты умница, а тоже сказывается, на всякаго мудреца довольно простоты. Можетъ быть, на мои глаза твой князь, твое золото червонное... мнѣ вотъ: тьфу!

Горстъ развелъ руками, не зная, что отвѣтить.

— Какъ тутъ быть?—продолжала княгиня. — Вдругъ окажется, что онъ ни гроша мѣднаго для меня не стоитъ? А денегъ отъ него назадъ не получишь. И буду я изъ-за тебя въ дурофьяхъ сидѣть. Я въ дурахъ бывала, знаю, каково это. Захворать можно со зла. Ну, отвѣтствуй!

— Ничего я, бабушка, отвѣтить не могу. Дайте мнѣ ваши глаза и уши, да и ваше разсужденіе, я ихъ съ собой въ городъ возьму, какъ очки берутъ люди близорукіе, — снова разсмѣялся Горстъ.

— Какъ тутъ быть? Рѣшай, разсуди, умная голова: надо мнѣ знать, что онъ за человѣкъ, и даже скажу, нетерпѣнье меня одолѣло оное знать.

— Такъ вотъ что, бабушка, — выговорилъ Горстъ, загадочно улыбаясь: — послушайтесь моего совѣта, что я надумалъ и вамъ предложу. Только не спѣшите дуракомъ обзывать, прежде подумайте.

— Ну, ну?

— Подумайте, прежде чѣмъ браниться.

— Да ну-же! Идолъ!—ласково сказала старуха.

— Поѣдемте въ городъ.

— Чего?

— Поѣдемте въ городъ. Соберитесь и поѣдемте. Вы, пріѣхавъ, отправитесь къ губернатору благодарить его за хлопоты по розыскамъ вещей, выразите желаніе познакомиться съ его супругой. Ну, васъ позовутъ въ гости кушать... Ну, и понятно, что будетъ. Дней пять-шесть то вы у нихъ, то они

у васъ. А князь около васъ вьюномъ отъ зари до зари. Вотъ вы и увидите и узнаете, годится онъ вамъ въ мужья или не годится. Не вамъ, то-есть, а Катюшѣ. Годится, то и начните его безбоязно золотить.

Арина Саввишна, озадаченная, широко раскрыла глаза, а затѣмъ тихо выговорила:

— Заднимъ умомъ мы съ тобой крѣпки. Простое дѣло, а не сразу надумали. Сколько разъ я такъ-то разсуждала: видѣть поскорѣе этого князя хочется, а позвать сюда изъ-за беременной Катюши нельзя. Вотъ и жди! А дѣло-то оказывается проще простого: самой собраться... Умница ты распроумница! Бѣги, объявляй во всю ивановскую въ домѣ и въ усадьбѣ: ѣдетъ въ городъ княгиня Арина Саввишна Татева! Сама, кричи, ѣдетъ! сама, своею персоною!

И старуха, веселая, довольная, даже черезчуръ радостная, поднялась и заходила по комнатѣ. Горстъ даже былъ нѣсколько озадаченъ успѣхомъ своей выдумки.

Разумѣется, когда черезъ часъ во всемъ домѣ и во всей усадьбѣ узналось, что старуха собралась въ городъ, то и семья, и дворовые люди, всѣ равно ахнули и оторопѣли.

— Зачѣмъ?—явился вопросъ на всѣхъ устахъ, отъ князей Семена и Рафушки до послѣдней судомойки.

— Это не вашего разума дѣло,—весело заявила княгиня.— Вотъ соколикъ нашъ знаетъ зачѣмъ. Онъ же, хитрая лиса, это и надумалъ меня тревожить и по большимъ дорогамъ трепать.

Но про себя Арина Саввишна прибавляла:

„Знаетъ, да не все, а все-то одна я знаю. Чужая душа— потемки, ну, а моя-то для васъ — прямо ночь непроглядная. Что дѣлать? Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Рада не рада, распинайся“.

Черезъ два дня весь домъ былъ на ногахъ съ ранняго утра, и всѣ были особенно оживлены отъ настоящаго событія.

— Сама бабушка, сама княгиня въ городъ ѣдетъ!

Созвавъ всѣхъ домочадцевъ въ диванную и разсадивъ ихъ по старшинству, то-есть Семена и Аришу по бокамъ себя, а Рафушку и меленькаго Савушку „на хвостахъ“, старуха велѣла также собраться и десятку старшихъ дворовыхъ обоего пола и стать въ два ряда около дверей. Затѣмъ княгиня объявила, что ѣдетъ въ городъ по важному дѣлу, и объявила такъ, какъ если-бы еще никто этого не зналъ.

— Восвояси буду, когда Богъ велитъ, — прибавила она, а затѣмъ, помолчавъ, заговорила:—теперь вы всѣ, внуки мои и правнуки, и вы всѣ, вѣрные холопы заслуженные, сказывайте, какой кому гостинецъ изъ города привезти, какой „блезиръ“. Начинай ты, Семенъ Антоновичъ, хорошій мой, какъ старшій въ роду.

— Все, что вы, бабушка, пожелаете, за все впередъ благодарствую и всѣмъ сердцемъ чувствую, — выговорилъ князь Семенъ, какъ заученное.

Онъ вспомнилъ, что прежде бывало, уже давно, когда его отецъ ѣздилъ въ столицы или когда посылали какого-либо довѣреннаго человѣка, то бабушка такъ-же опрашивала ихъ, кому что изъ столицы желательно получить въ подарокъ.

Разумѣется, всѣ всегда отвѣчали: „что изволите“, или „всѣмъ буду благодарствовать“.

Теперь послѣ отвѣта князя Семена, всѣ внуки отвѣтили на вопросъ старухи то-же самое. Дворовые, конечно, послѣдовали примѣру господъ.

— Ну, хорошо, сама я мыслями въ городѣ раскину, кому что пожаловать,—сказала Арина Саввишна.

Затѣмъ, посидѣвъ молча около минуты, всѣ поднялись по примѣру княгини и перекрестились, а затѣмъ стали подходить къ ручкѣ.

Большой новый возокъ, недавно выписанный изъ Москвы, былъ уже у подъѣзда. Его еще ни разу не запрягали, и теперь всѣ замѣтили, что какъ „ладно приключилось“, что возокъ „обновитъ“ сама бабушка. Всѣ одѣлись, такъ какъ на дворѣ было очень морозно, и высыпали на крыльцо провожать.

Послѣ долгой возни и суеты, пристраиванья подушекъ на сидѣньѣ, опросовъ и осмотра, все-ли взято да ничто не забыто, княгиня съ Горстомъ и съ Лукерьей разсѣлись по мѣстамъ, причемъ Арина Саввишна сѣла вглубь возка одна, а спутники предъ ней на переднемъ мѣстѣ. Послѣ полуминуты тишины и паузы княгиня произнесла:

— Съ Богомъ!

Красивый возокъ завизжалъ по крѣпкому снѣгу новыми полозьями, зазвенѣли бубенчики, залился басисто колокольчикъ на дышлѣ, и всѣ на крыльцѣ перекрестились, крича вслѣдъ:

— Счастливо оборотить!

XX.

Если въ „Симеоновѣ“ отъѣздъ старухи вызвалъ нѣкоторый переполохъ, то въ городѣ пріѣздъ старой княгини Татевой произвелъ тоже не малый эффектъ.

— Арина Саввишна сама пожаловала? Что за притча?— восклицали дворяне.

Толкамъ, догадкамъ и пересудамъ не было конца.

Разумѣется, тотчасъ-же у подъѣзда новой гостиницы, гдѣ остановилась княгиня, занявъ лучшія комнаты, появились экипажи дворянъ и стояли съ утра до вечера. Одни уѣзжали, другіе пріѣзжали, спѣша поздравить съ прибытіемъ и узнать о причинѣ.

Всѣмъ отвѣчала княгиня Татева одно и то-же:

— Благодарить губернатора явилась лично, за любезныя заботы и хлопоты по розыску разворованнаго у насъ Абдурраманчиковымъ и его присными.

Заявляя такимъ образомъ, старуха хотѣла дать понять всѣмъ, что она относится къ отцу навязанной ей внучки попрежнему враждебно.

Разумѣется, большинство дворянъ по дружбѣ и по секрету объявили княгинѣ, что ихъ новый губернаторъ прямо чуть не людоѣдъ, „мягко, стрaсть мягко стелетъ, а ляжешь — на рожонъ напорешься“.

— Все это пустое. Не вѣрю я,—отзывалась княгиня.—На васъ, вѣдь, не угодишь. Звѣревъ былъ баба, а вотъ этотъ, вишь, людоѣдъ. А я такъ отъ многихъ слышала, что губернаторъ—сущая прелесть!—лгала старуха, себѣ на умѣ.

На второй день по пріѣздѣ Арина Саввишна, ожидавшая новый „капоръ“ изъ магазина, чтобы ѣхать къ губернатору, была пріятно изумлена и польщена.

Около полудня щегольскія сани парой рысаковъ подкатили къ подъѣзду гостиницы. Вышедшій изъ нихъ и спрашивавшій княгиню Татеву, былъ самъ губернаторъ.

Принятый Ариной Саввишной, всегда со всѣми предупредительный и любезный Шверинъ, разумѣется, разсыпался в любезностяхъ, объясняя, что, узнавъ объ ея пріѣздѣ „въ мо городъ“ по дѣламъ, поспѣшилъ тотчасъ удостоиться чести познакомиться и засвидѣтельствовать почтеніе.

Разумѣется, просидѣвъ съ полчаса, Шверинъ сумѣлъ совершенно очаровать старуху. Онъ относился къ ней, какъ если-бъ она была прямымъ его начальствомъ, а судьба его въ ея полномъ распоряженіи. На заявленіе княгини, что она пріѣхала въ городъ исключительно, чтобы благодарить господина намѣстника за покровительство и заботы о розыскѣ похищеннаго у нихъ имущества, Шверинъ отвѣтилъ, что въ положеніи княгини никто, помимо самого монарха, покровителемъ ея быть не можетъ, а заботы и хлопоты его, губернатора, есть его обязанность.

— А посѣщеніе ваше, княгиня, меня, какъ начальника сего округа, меня только сконфузитъ,—сказалъ Шверинъ.— Сдѣлайте лучше мнѣ честь пожаловать къ моей женѣ въ гости и не иначе, какъ прямо къ столу и вмѣстѣ съ вашимъ внукомъ, то-есть мужемъ вашей внучки и къ тому-же большимъ другомъ моего зятя, князя Аникѣева.

Княгиня, конечно, сначала стояла на своемъ: явиться къ Шверину, какъ къ губернатору, но онъ объяснилъ, что губернатора цѣлую недѣлю, а то и мѣсяцъ дома не будетъ, а будутъ только Анна Дмитріевна Шверина и ея мужъ, равно какъ и братъ.

Княгиня поневолѣ обѣщалась пріѣхать прямо обѣдать на другой-же день.

Однако, въ тотъ-же день, часа черезъ два послѣ отъѣзда Шверина явился князь Аникѣевъ и, не найдя Горста дома, велѣлъ доложить о себѣ княгинѣ.

Едва только статный и красивый офицеръ вошелъ къ старухѣ, поцѣловалъ у нея ручку, сѣлъ предъ ней вѣжливо на кончикѣ стула и заговорилъ, Арина Саввишна чуть не помолодѣла отъ впечатлѣнія, которое этотъ князь произвелъ на нее сразу.

„Даже ошибло“!—думала она потомъ.

Взглядъ его, томный, глубокій и будто ласкающій, голосъ мягкій, звучный, будто поющій, всѣ его движенія и какое-то изящное почтеніе, съ которымъ онъ относился къ ней, все подѣйствовало на княгиню, „будто какая музыка“.

„Чистый принцъ изъ сказки“!—думала княгиня, слушая медоточивыя рѣчи князя и разглядывая его съ ногъ до пятъ.

Сплошь и рядомъ пожилыя женщины и даже старухи наивно и безсознательно влюбляются въ молодыхъ людей, даже доходя да обожанія, и подъ вліяніемъ чувства восхищенія, а затѣмъ и обожанія, бываютъ ослѣплены, по отношенію къ своимъ кумирамъ, еще пуще молодыхъ.

Арина Саввишна сразу почувствовала къ молодому князю Аникѣеву именно такое чувство, близкое къ влюбленности.

Когда князь уѣхалъ, старуха сама себѣ повторяла вслухъ:

„Что за прелесть! Батюшки! Свѣтики мои! Прямо королевичъ и принцъ, про коихъ только въ сказкахъ сказывается, а коихъ на свѣтѣ не водится“.

Когда Горстъ вернулся домой, княгиня встрѣтила его въ такомъ расположеніи духа, что онъ изумился и опѣшилъ.

— Что такое, бабушка? Что случилось?—воскликнулъ онъ, увидя на лицѣ старухи, что съ ней что-то произошло необычное.

— Вишь, прыткій какой! сейчасъ смекнулъ!—весело отозвалась она.

И она передала Горсту подробно все о двухъ посѣщеніяхъ и о приглашеніи, а затѣмъ кончила словами:

— Ну, соколикъ, впредь я теперь буду тебѣ еще больше вѣры давать. Умница ты!

— Это насчетъ князя Дмитрія Дмитріевича? — разсмѣялся Горстъ.

— Да. Бова-королевичъ онъ, а не князь Аникѣевъ! — воскликнула княгиня.—И теперь я скажу: умру, а его на Катюшѣ женю. Только вотъ надо мнѣ придумать, какъ и съ чего начать. Безотлагательно! съ мѣста вскокъ и во всѣ лопатки! Надумать надо и удочку, и червячка на этого пискаря.

И старуха разсмѣялась такъ радостно и добродушно, какъ съ ней рѣдко бывало.

На другой день княгиня и Горстъ, явившіеся къ губернаторскому столу, были встрѣчены хозяиномъ наверху лѣстницы. Шверинъ подошелъ къ ручкѣ, а затѣмъ объявилъ:

— Всегда буду помнить сей день, день, въ который первая и главнѣйшая дворянка моего намѣстничества сдѣлала мнѣ честь пожаловать моего хлѣба-соли отвѣдать.

Анна Дмитріевна ожидала гостью въ дверяхъ между прихожей и залой и заявила:

— Милости прошу, княгиня. Спасибо за великую честь...

И съ этой минуты вплоть до сумерекъ, Шверины, мужъ и жена, а равно и князь, будто сговорившись, чуть не съ ума свели умную старуху крайней любезностью, даже лестью и всяческимъ ухаживаньемъ.

Арина Саввишна, уѣзжая изъ губернаторскаго дома, сказала Горсту, тоже крайне довольному пріемомъ.

— Не помню я, кто меня когда этакъ принималъ и угощалъ. Тонкіе они люди, умѣютъ тебя усластить такъ, что будто ты отъ ушей до пятъ вареньемъ вымазанъ. Ну, а теперь мнѣ надо ловить этого молодца... Надо съ мѣста вскокъ. Закину я, знаю какую, удочку, и этотъ пискарь у меня не сорвется.

На утро губернаторша, конечно, отдала визитъ княгинѣ. Вслѣдъ за ней явился снова князь, яко-бы къ Горсту, но, не найдя его дома, спросилъ княгиню. И цѣлый день продержала старуха у себя своего „прынца“, какъ прозвала она князя уже и въ глаза. Горстъ пріѣхалъ, посидѣлъ и опять уѣхалъ, а старуха гостя не отпускала, а затѣмъ оставила чуть не насильно обѣдать. Князь былъ самъ не радъ, что заѣхалъ съ визитомъ. Но послѣ обѣда, бесѣдуя съ княгиней наединѣ, онъ вдругъ сталъ радостенъ, ожилъ, даже весь преобразился. Бесѣда эта началась со словъ или вопроса княгини:

— Не знаете-ли вы, князь, въ городѣ такого вѣрнаго человѣка, который-бы взялъ у меня взаймы деньги на малые проценты?

— Какъ, то-есть, княгиня? — спросилъ Аникѣевъ, боясь, что онъ не понялъ.

— Вы, молодой человѣкъ, въ дѣлахъ мало что понимаете,—заговорила старуха улыбаясь,— потому я вамъ поясню такъ вотъ, какъ малымъ дѣтямъ разсказываютъ сказки. Не обижайтесь на мои эти слова.

— Помилуйте, княгиня, какъ можно!.. Я дѣйствительно, въ денежныхъ дѣлахъ мало смыслю.

— Ну, вотъ. У меня деньги, десять-ли, двадцать-ли тысячъ—деньги лежатъ, не принося дохода. Въ Москву ѣхать не хочу. Поняли? Ну, вотъ я-бы желала ихъ отдать кому-нибудь здѣсь. Кто возьметъ, долженъ мнѣ платить въ годъ столько-то рублей на сто. Поняли?

— Понялъ, княгиня, отлично понялъ!—воскликнулъ князь, и лицо его сразу прояснилось.—Я могу вамъ сейчасъ найти такого человѣка.

— Сдѣлайте одолженье. Дамъ я деньги только на полгода, понимаете? Чрезъ шесть мѣсяцевъ ровно онъ долженъ ихъ отдать, если я потребую. Но я, понятно, требовать не буду и опять оставлю на полгода. Разумѣется, онъ долженъ выдать мнѣ гербовую бумагу во свидѣтельство законное того, что деньги отъ меня получилъ. Это всегда такъ дѣлается.

— Понятное дѣло! Это я знаю!—воскликнулъ князь.

— Ну вотъ. Найдите мнѣ такого человѣчка, и очень я вамъ буду благодарна. Вамъ-же я скажу по совѣсти... вамъ собственно одному... и по шепту, или подъ секретомъ, что я этихъ денегъ требовать назадъ не буду, пока жива. Плати онъ только каждый годъ аккуратно, что мнѣ слѣдъ. Четыре рубля на сто.

— А какую сумму желаете вы такъ дать?—какъ-то странно, будто робко спросилъ Аникѣевъ.

— Это все равно... сколько-бы ни было... Чѣмъ больше, тѣмъ лучше,—дѣланымъ, почти глуповатымъ голосомъ произнесла Арина Саввишна.

— Какъ-же такъ?—ахнулъ князь, но уже съ искреннимъ, естественно глуповатымъ оттѣнкомъ голоса.

— Сколько можно. Ну, что-ли, десять тысячъ. Захочетъ—двадцать, а то — сколько захочетъ. На первый разъ лучше только десять.

Князь сидѣлъ, выпуча глаза на старуху, но чрезъ нѣсколько мгновеній будто избавился отъ чувства изумленія отъ внезапности и снова заговорилъ бойко и ласкательно.

— Найду, княгиня, и завтра-же, въ эту пору вамъ найду! Даже... даже вы удивитесь, кого я вамъ предложу, и смѣю надѣяться, что вы согласитесь.

— Дворянинъ?—спросила старуха лукаво.

— Да-съ, да-съ, дворянинъ... и даже...

Но Аникѣевъ запнулся и не сказалъ: „даже князь“.

— Молодой или старый?

— М-м-молодой!—промычалъ князь, нѣсколько колеблясь.

— Ну и отлично. Не люблю я со старыми денежныя дѣла имѣть. Будь вотъ такой молодецъ, какъ вы... да я тридцать дамъ!

Разумѣется, благодаря ловкости старухи, не на другой день и не на утро, а въ тотъ-же вечеръ и у нея въ гостиницѣ дѣло было рѣшено и покончено.

— Только никому, князь, ни словечка! — строго сказала княгиня.—Чтобы никто не вѣдалъ... а то поссоримся!

Князь поклялся, что никому на свѣтѣ, даже сестрѣ родной, не обмолвится.

XXII.

Въ то самое время, когда Арина Саввишна закинула удочку, чтобы поймать пискаря, и дѣйствительно поймала его, Горстъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, неважнымъ, но для него любопытнымъ.

Собравшись въ городъ, онъ еще въ „Симеоновѣ“ рѣшилъ повидаться непремѣнно и примириться съ своей прежней возлюбленной, Ѳедоськой, которую считалъ, по совѣсти, имъ обиженной.

Горстъ былъ слишкомъ удивленъ заявленіемъ Янковича и не понималъ, зачѣмъ докторъ собрался жениться на личности, которая была для однихъ совершенно сомнительнаго поведенія, а для другихъ—несомнѣнно дурного... Равно не могъ онъ себѣ уяснить, почему и въ силу какихъ побужденій молодая и красивая женщина, не нуждавшаяся въ средствахъ, благодаря и тайнымъ друзьямъ и обожателямъ, рѣшилась выходить замужъ за человѣка безъ положенія, безъ средствъ, не только невѣдомаго происхожденія, но даже безъ опредѣленнаго мѣста жительства. Взаимная любовь Янковича и Кизильташевой, которая должна дыла привести ихъ къ вѣнцу, была для Горста забавной, даже смѣшной загадкой.

И ему захотѣлось разгадать эту загадку.

Онъ былъ увѣренъ, что послѣ ихъ ссоры столько воды утекло, что Ѳедоська охотно приметъ его и охотно согласиться помириться.

И онъ не ошибся... развѣ ошибся въ томъ смыслѣ, что ожидалъ быть принятымъ равнодушно, а былъ принятъ радостно. Кизильташева была собственно добрая дѣвушка, а къ нему, Горсту, была когда-то привязана всѣмъ сердцемъ. Извѣстнаго рода чувство и теперь осталось, не смотря на его измѣну и женитьбу. Но такъ какъ измѣнникъ поднялся выше въ смыслѣ общественнаго положенія, сталъ мужемъ княжны Татевой, а затѣмъ въ послѣднее время сталъ другомъ князя Аникѣева и дорогимъ гостемъ всякаго дворянскаго дома въ городѣ, то Ѳедоська какъ-бы гордилась своей прежней связью съ нимъ, когда онъ былъ мелкотою въ городѣ.

Когда Горстъ явился къ ней и началъ объяснять, что имъ врагами быть не изъ чего, то добродушная Ѳедоська прервала его и заговорила съ чувствомъ:

— Кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ. Ничего особливо худого я отъ васъ... или отъ тебя... не видѣла. Сама виновата скорѣе. Стало быть, нечего намъ и мириться, коли мы не ссорились взаправду. Любилъ ты меня, а тамъ полюбилъ Арину Антоновну и женился на ней. Что-же? На томъ міръ стоитъ. Романъ Романовичъ тоже меня обожалъ, выкралъ, а тамъ бросилъ.

Въ виду добродушно искренняго пріема, отчасти сердечнаго, Горстъ тоже сразу отнесся къ своей прежней возлюбленной иначе, то-есть, попрежнему.

„Она была права, когда мстила мнѣ, потому что мстила изъ-за ревности!“—подумалъ онъ.

И первымъ сердечнымъ движеніемъ Горста было покаяться ей, такъ какъ онъ теперь дѣйствительно раскаивался въ томъ, что дурно говорилъ о ней много разъ.

— Нѣтъ, Ѳедося, намъ надо мириться. И не ты, а я былъ виноватъ предъ тобой,—сказалъ онъ.—И не дальше, какъ на прошлыхъ дняхъ, когда нѣкій такой человѣкъ сталъ меня о тебѣ разспрашивать, я худо, очень худо о тебѣ отозвался. Ну, вотъ и прости меня за это.

— Понятное дѣло, прощаю,—отвѣтила Ѳедоська.—Ты ничего не прибавилъ, правду сказалъ. Что я за человѣкъ? Потерянная. И сколько человѣкъ меня обнимаютъ да цѣлуютъ, а за глаза дрянью зовутъ. Вы, мужчины, непонятный народъ. Почитаете иную нашу сестру собакой и у этой-же собаки ноги лижете. Романъ Романовичъ — умный человѣкъ и даже добрый, а когда былъ назначенъ сюда намѣстничать, хотѣлъ меня изъ города выгнать, какъ потерянную, соблазнъ развод-ящую. А кто меня потерялъ или помогъ потеряться? Была-бы по сю пору честной сѣнной или даже горничной дѣвушкой княгини Татевой, вышла-бы замужъ за какого дворового человѣка, была-бы довольна и счастлива, не видавъ ничего, кромѣ „Симеонова“. А теперь что я?.. Ни холопка, ни барыня. Мѣщанка городская съ барскими замашками, да еще не простая, а покупная...

И Кизильташева вдругъ измѣнилась въ лицѣ, стала грустна и, казалось, была готова заплакать.

Горстъ былъ изумленъ. Никогда прежде не говорила она о себѣ такъ, какъ теперь. Мысль, что ея образъ жизни позоренъ, а ея „ремесло“ низко и презрѣнно, казалось, ей и на умъ никогда не приходила. Теперь-же это соображеніе какъ-будто явилось ясно и удручало ее.

Горсту стало жаль добрую дѣвушку, которую онъ все-таки когда-то любилъ искренно, но сказать ей что-либо въ утѣшеніе не могъ. Она была права.

Однако, послѣ минутнаго молчанія Кизильташева вдругъ тряхнула головой, усмѣхнулась и выговорила весело:

— Ну, да скоро конецъ. Буде соблазнъ разводить и честныхъ людей тревожить! Буду барыней—и замужней, и богатой. Что? Дивишься? Не вѣришь?

— Нѣтъ, Ѳедося, не дивлюся! Знаю, что правду ты говоришь. Дивлюся только тому, какъ все это потрафилось и зачѣмъ, почему...

— Какъ зачѣмъ? Зачѣмъ я замужъ хочу? Я сейчасъ тебѣ это сказала. Буде срамно жить да смѣшки со всѣхъ сторонъ получать.

— Знаю, понялъ теперь... Понялъ твое желаніе. Ну, онъ-то? онъ зачѣмъ на такое идетъ?

— Зачѣмъ? Вотъ глупый-то. Затѣмъ, что полюбилъ меня шибко. А кто—онъ? То-то... Кто? Не знаешь, а судить принялся, разсуживать.

— Кто твой нареченный? Я его знаю, Ѳедося.

— Знаешь? Какими судьбами!—удивилась Ѳедоська.—Какъ тебѣ знать, когда оное только мнѣ да ему извѣстно и никому еще не открыто пока?

— Онъ открылъ... самъ... мнѣ.

Дѣвушка изумленными глазами уставилась на Горста, а ея красивый взглядъ сталъ сумраченъ и даже гнѣвенъ.

— Онъ самъ? Тебѣ? Кто-же онъ?

— Янковичъ.

— Правда! И открылся тебѣ, когда былъ теперь въ „Симеоновѣ“ по своему дѣлу у княгини. Ну, будь другъ, разскажи, какъ онъ взялся и зачѣмъ тебѣ открылся?

Горстъ подробно, но и правдиво передалъ ей свою бесѣду съ докторомъ и снова покаялся, что дурно отозвался объ ней.

— Даже стыдно мнѣ теперь,—прибавилъ онъ, —пуще, чѣмъ стыдно. Распинаюсь предъ самимъ собой. Стыдно мнѣ и обидно. Прости меня! облегчи совѣсть! Да и чѣмъ ты хуже его? Что онъ? Безродный шатунъ! Тебѣ не надо согласія давать... А коли щемитъ въ тебѣ это... заноза эта жжетъ, то обожди. Ты еще молода, красива изъ ряда вонъ. Можетъ еще выищется женихъ и почище Янковича.

— Нѣтъ, ужъ пускай такъ будетъ! — снова заговорила Ѳедоська, вздохнувъ.—Видно судьба... Этакое зря не бываетъ, суженаго конемъ не объѣдешь. А вотъ, что ты говоришь, зачѣмъ да почему таковое промежъ насъ съ нимъ потрафилось—я тебѣ поясню. Онъ въ меня втюрился, любитъ шибко... Коли ты самъ меня крѣпко жаловалъ, то не можешь

другихъ за это корить, не можешь и дивиться. Самъ въ томъ-же провинился. А зачѣмъ я за безроднаго шатуна, какъ ты его зовешь, собралась итти, — на это двѣ причины: первая будетъ та, что онъ первый мнѣ про бракъ заговорилъ; другіе многіе, да и ты промежъ ихъ, никогда о бракѣ и не заикались, да и впредь я таковаго, согласнаго найти не надѣюсь. Вторая причина будетъ, что онъ хоть и безъ роду и племени, „бѣгунъ съ перекрестка", но зато богатъ. И буду я богатой барыней, буду сытой и обутой на деньги честныя. Вотъ тебѣ все. Разсуди, правильно-ли я порѣшила или глупство одно?

— А коли онъ лжетъ Ѳедося, выдавая себя за богатаго?— замѣтилъ Горстъ.—И сдается мнѣ шибко, что онъ все лжетъ и обманомъ тебя хочетъ взять.

— Нѣтъ! Богатъ! Я тебѣ это сказываю. Я на вѣтеръ ничего не дѣлаю. Я знаю, видѣла своими глазами, что у него больше двадцати тысячъ... въ рукахъ, голубчикъ мой, а не на языкѣ.

— Да откуда-же?—ахнулъ Горстъ.—Видимое-ли дѣло, Ѳедося, чтобы знахарь-самоучка, безъ всякаго въ своей наукѣ документа—а онъ изъ такихъ—могъ сколотить такія деньги да еще въ короткій срокъ? Вѣдь, ему не шестьдесятъ или семьдесятъ лѣтъ. Онъ врачуетъ лѣтъ десять, ну, пятнадцать, а не полста лѣтъ. Откуда тогда?..

— Сказать я тебѣ этого не могу.

— Не знаешь?

— Пожалуй, что и не знаю... знаю откудова, да не пойму, какими способами... Думала, думала, и—хоть зарѣжь—не могу смекнуть. Одно чую, что это дѣло... темное, да прямотаки темное.

— Темное?—воскликнулъ Горстъ.—Укралъ, что-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ! Дали. По доброй волѣ дали ему, или, по совѣсти говоря, не по доброй волѣ, а скрѣпя сердце. А все-таки самолично дали. А кто далъ—не могу сказать. За что дадено эдакое имущество, на которое можно многое купить и всю жизнь безпечально прожить... за что? Это, голубчикъ мой, говорю тебѣ, хоть зарѣжь, я уразумѣть не смогла.

— Да самъ-то онъ какъ поясняетъ? заработалъ?

— Самъ онъ мнѣ сказалъ: брось, молъ, и думать! сто лѣтъ продумаешь, не отгадаешь, сто человѣкъ, сказалъ, сто лѣтъ продумаютъ и тоже не отгадаютъ.

— Славно! Понятно, темное дѣло!

— Я какъ-то ему сказала, что, молъ, Господь послалъ тебѣ за твою доброту, а онъ разсмѣялся ехидно и отвѣтилъ: „ну, нѣтъ, молъ, не Господь! А развѣ ужъ самъ врагъ человѣческій—дьяволъ"!

Горстъ покачалъ головой и задумался, Ѳедоська привела его въ себя словами, уже три раза повторенными:

— Ты все это про себя удержи.

— Вѣстимо. Зачѣмъ да и кому мнѣ болтать? — отозвался онъ.

— Обѣщайся все про себя удержать. Я по старой памяти съ тобой проболталась, да и потому еще,—грустно добавила дѣвушка,—что мнѣ не съ кѣмъ душу отвести, некому свои задушевныя дѣла да и мытарства сердечныя разсказать.

Горстъ простился съ Кизильташевой, обѣщаясь снова прійти, чтобы побесѣдовать по душѣ, а равно повидаться и съ ея нареченнымъ. Но, зайдя чрезъ день, онъ узналъ отъ Ѳедоськи, что Янковичъ не хочетъ съ нимъ видѣться. Она прибавила:

— Ну, и чортъ съ нимъ. Брось! Невидаль!

— Про жениха-то эдакъ сказывать? — замѣтилъ Горстъ.— Видимая причина не итти за него.

Ѳедоська махнула рукой... На этотъ разъ дѣвушка была настолько задумчива и не словоохотлива, что Горстъ вскорѣ-же простился съ ней, снова совѣтуя лучше обдумать роковой шагъ.

Въ тотъ вечеръ княгиня, проведя весь день въ магазинахъ, ради подарковъ, „блезировъ“ для своихъ, собралась обратно домой.

XXIII.

Прошло около мѣсяца послѣ поѣздки Татевой въ городъ. Жизнь въ „Симеоновѣ“ наладилась нѣсколько тише обыкновеннаго, такъ какъ гости одни за другими разъѣхались. Арина Саввишна, какъ тихонько объясняли въ домѣ, всѣхъ своихъ гостей „распугала“. Дѣйствительно, старуха была почему-то часто не въ духѣ и поэтому придиралась ко всѣмъ — и къ внукамъ, и къ гостямъ - одинаково; къ этимъ-же послѣднимъ еще рѣзче, чѣмъ къ своимъ.

Отъ чего зависѣло дурное расположеніе духа княгини, конечно, никто не зналъ. Предполагали, однако, что причиной прямой и единственной была „бабушка повитуха“.

Въ виду ожидаемаго со дня на день разрѣшенія отъ бремени Катюши, княгиня безъ конца выписывала изъ города и изъ намѣстничества повивальныхъ бабокъ, но каждая изъ нихъ, посидѣвъ и побесѣдовавъ съ строптивой старухой-барыней, „вылетала“ изъ „Симеонова“; давъ бабкѣ денегъ за безпокойство, Арина Саввишна каждой приказывала, „не медля ни мало, поворотить оглобли“ и въ усадьбѣ не задерживаться ни на часъ времени. Домашнимъ старуха объясняла:

— Ну, и опять дура! Добьюся своего, найду дѣльную и понятливую.

Но, однако, время шло и уходило, а дѣльная бабка не находилась. Женщинъ десять перебывало, и старыхъ и молодыхъ, и ни одна княгинѣ не понравилась. Такъ какъ въ селѣ была своя „повитуха“, служившая для дворовыхъ, съ прозвищемъ Турунтиха, женщина, знающая хорошо свое дѣло по долгому опыту, то Арина Саввишна рѣшила въ крайнемъ случаѣ обойтись съ ней одной, безъ помощи ученыхъ бабокъ.

Въ семьѣ не мало дивились заботамъ старухи о Катюшѣ и ея родахъ. Всѣ вспоминали, что, когда не разъ разрѣшалась отъ бремени княгиня Марѳа, то бабушка не только не озабочивалась и не хлопотала, даже не обращала ни малѣйшаго вниманія на приготовленія къ родамъ.

Теперь „нѣмая“ и даже ея мужъ были какъ-бы косвенно обижены. Князь Семенъ жаловался всѣмъ и объяснялъ:

— Да, вотъ.... Пріѣзжаютъ разныя. Была и нѣмка... дорогая... важная... А для Марѳуши моей когда хотѣлъ батюшка-родитель выписать изъ города повитуху предъ рожденьемъ Саввушки, то получилъ такую головомойку, что сутки, а то двое ходилъ вокругъ да около бабушки, боясь даже поздороваться и ручку попросить.

Менѣе всѣхъ обращала вниманіе на очередныхъ пріѣзжихъ бабокъ сама Катюша. Она, радостная, почти счастливая вновь, хотя на новый ладъ, спокойно ждала своего разрѣшенія.

За это время, когда вслѣдствіе „распуганныхъ“ гостей, стало тише въ домѣ и усадьбѣ, а семья пробавлялась разговорами и шутками насчетъ встрѣчаемыхъ и провожаемыхъ повитухъ, выпало, однако, три бурныхъ дня, бурныхъ сравнительно съ затишьемъ, царствовавшимъ въ „Симеоновѣ“.

Внезапно въ сумерки раздался звонкій колокольчикъ на деревнѣ, а затѣмъ на дворъ лихо вкатила красивая кибитка тройкой.

Арина Саввишна, сидѣвшая съ внукачи за чаемъ, при одномъ звукѣ бубенцовъ и колокола сразу насупилась. Это была, очевидно, не повитуха, а гости. А въ эти дни для нея всякій гость былъ, по ея словамъ, „бѣльмо на глазу“.

— Ну, приметъ-ли „его“ или „ихъ“ бабушка! Какъ куръ во щи шлепнется! — пошутилъ тихонько Рафушка, наиболѣе часто шутившій и острившій насчетъ Арины Саввишны.

Князь Семенъ, какъ старшій, вышелъ въ прихожую навстрѣчу къ гостю, но тотчасъ же вернулся въ столовую чуть не на рысяхъ и вскликнулъ:

— Я его не знаю, не знаю, никогда не видывалъ...

И, разумѣется, онъ, какъ всегда, обернулся къ Горсту, глядя ему въ лицо и вопросительно, и какъ-бы прося о помощи.

— Ступай!—приказала княгиня Горсту почти гнѣвно.— А вы всѣ—по вашимъ комнатамъ,— прибавила она внукамъ.— Если-же,—продолжала она,—увидишь, чужой да знакомиться пріѣхалъ, то гони вонъ...

— Помилуйте, бабушка...—воскликнулъ Горстъ.—Дозвольте хотя-бы...

— Впусти!—перебила старуха,—накорми, но ночевать не позволяй! А знакомиться я съ нимъ не стану. Пущай пріѣзжаетъ, когда Катюша разрѣшится...

И княгиня сердитая ушла къ себѣ, а Горстъ пошелъ въ прихожую. На порогѣ ему встрѣтился лакей, доложившій, что пріѣзжій проситъ именно его, господина Горста, выйти къ нему.

Горстъ, переступивъ порогъ передней, невольно ахнулъ. Предъ нимъ былъ князь Аникѣевъ.

Разумѣется, князь былъ тотчасъ принятъ весело и радушно. Друзья облобызались, и Горстъ послалъ доложить бабушкѣ, кто такой нежданный гость.

Арина Саввишна при извѣстіи и обрадовалась, и испугалась настолько, что какъ-бы окаменѣла. Придя въ себя, она трусливо крикнула Лукерьѣ:

— Бѣги! Живо! къ Катеринѣ Антоновнѣ... Скажи не смѣть изъ комнаты своей носу казать.

Затѣмъ, волнуясь и соображая, что именно слѣдуетъ предпринять, старуха чувствовала, что она „мысли растеряла“ и сразу ничего придумать не можетъ.

— Такъ-ли, сякъ-ли, а гнать, гнать! гнать! — шептала она себѣ самой, идя въ залъ.

Несмотря на свое смущеніе отъ невозможности сразу придумать, какъ поступить съ нежданнымъ гостемъ, княгиня все-таки была рада.

„Скажемъ—Катюша хвораетъ. Вотъ и все!“ — придумала старуха, уже входя въ залъ, гдѣ князь весело и громко болталъ съ Горстомъ.

— Добро пожаловать! Спасибо! Вотъ одолжили!—тоже весело воскликнула Арина Саввишна.

Князь хватомъ расшаркался, подошелъ къ ручкѣ, а затѣмъ, отступя, снова низко поклонился и, разведя руками, произнесъ:

— Не могъ, княгиня, не стерпѣлъ. Соскучился по васъ и вотъ по немъ. Привыкъ я къ вамъ и полюбилъ васъ.

— И я васъ также полюбила,—отвѣтила старуха.

— Если-же я у васъ теперь оказываюсь тѣмъ, чѣмъ я уродился, т.-е татариномъ — вѣдь, я изъ татарскихъ мурзъ происхожденіе веду—тогда прогоните, но не гнѣвайтесь.

Разумѣется, княгиня разсыпалась въ любезностяхъ. Проведя гостя въ портретную, самую красивую по убранству комнату, она приказала Горсту:

— Распорядись, соколикъ, наши новыя комнаты приготовить князю Дмитрію Дмитріевичу, какъ самому важному и именитому гостю. А потомъ сзывай домочадцевъ, чтобъ я ихъ всѣхъ дорогому гостю представила, кромѣ бѣдной хворой Катюши.

И Арина Саввишна объяснила, что ея внучка Екатерина заболѣла наканунѣ и лежитъ въ постели. Она даже вдалась въ разныя подробности, какъ-бы опасаясь, что князь не повѣритъ въ болѣзнь внучки и заподозритъ ее во лжи. Но князь не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на ея разъясненія и слушалъ съ такимъ видомъ, какъ если бы говорилъ:

„Ну, больна—такъ больна. Мнѣ-то что-же до этого?“

Арина Саввишна даже замѣтила это выраженіе лица гостя и подумала:

„И понятно! Вѣдь, онъ и въ умѣ имѣть не можетъ того, что мы съ внукомъ придумали насчетъ его и Катюши“.

Вся семья собралась и перезнакомилась съ гостемъ.

Поздно вечеромъ, когда всѣ стали собираться ко сну и прощались, то всѣ, даже Рафушка, даже нѣмая Марѳа, были ровно подъ очарованьемъ. Всѣхъ сумѣлъ расположить въ свою пользу красивый, сердечный князь.

— Душевный! Душа-человѣкъ! Сама прелесть—было общее мнѣніе.

Даже Марѳа, заговоривъ, сказала мужу, придя въ свои комнаты:

— Ничего. Нравится и мнѣ. Раскидистый.

Семенъ не понялъ выраженья жены, а она не сумѣла объяснить то, что хотѣла сказать.

Горстъ проводивъ гостя въ назначенные ему „покои“—двѣ комнаты, заново отдѣланныя, просидѣлъ у друга почти до полуночи, болтая о всякой всячинѣ. Прощаясь, онъ освѣдомился, надолго-ли Аникѣевъ, или „Аникушка“, къ нимъ пожаловалъ. Князь отвѣтилъ, что онъ радъ остаться „насколько угодно“.

— Останусь, пока вамъ не надоѣмъ.

Горстъ рѣшился и объяснилъ другу, что, въ виду довольно серьезной болѣзни Катюши, княгинѣ не до гостей и что князь хорошо сдѣлаетъ, если пробудетъ только дня два, а затѣмъ, когда Катюша выздоровѣетъ, можетъ опять пріѣхать и оставаться хотя-бы полгода.

Князь насупился и затѣмъ произнесъ.

— Что-же? Хорошо дѣлаешь, что говоришь прямо, какъ другу, безъ обиняковъ. Но видишь-ли...

Князь смолкъ, а затѣмъ, будто рѣшаясь на что-то непріятное или мудреное, рѣзко выговорилъ:

— Вотъ что, другъ. Можешь ты мнѣ одолжить не-на-долго три тысячи рублей? У меня петля на шеѣ. Если нѣтъ, попроси у своей бабушки. Ей это—пустяки, да она и добрая.

Горстъ былъ нѣсколько озадаченъ; однако, все-таки обѣщалъ на утро переговорить съ бабушкой.

— Устрой, Горсточка, будь другъ! А я какъ получу, такъ сейчасъ въ городъ. А потомъ, кагда вотъ будетъ все благополучно, опять пріѣду.

Когда на утро Горстъ все объяснилъ старухѣ, она покачала головой

— Ну, нѣтъ! Шалитъ сіятельный князь, сіятельная бочка бездонная...

И, подумавъ, Арина Саввишна прибавила:

— Вотъ что!.. Слушай! Не переври! Скажи ему, что теперь денегъ у меня нѣтъ. Не повѣритъ—скажи, что я съ придурью: не хочу — и шабашъ. Такой, скажи, теперь на меня стихъ нашелъ. А вотъ ежели онъ опять пріѣдетъ сюда, скажемъ, чрезъ мѣсяцъ или когда мы его сами позовемъ—вѣстимо, когда Катюша будетъ на ногахъ и оправится, похорошѣетъ,— ну вотъ тогда я ему сама дамъ, скажи не три, а хоть шесть. Понялъ?

— Понялъ, бабушка.

— Ну, а понялъ, почему я не даю теперь, а тогда дамъ?

— Чтобъ его сюда заманить; но онъ, бабушка, все-равно бы пріѣхалъ,—рѣшилъ Горстъ. — Дайте теперь три, да тогда еще три.

Арина Саввишна подумала и отвѣтила:

— Нѣтъ. Тогда всѣ пять или шесть. Вѣрнѣе! Онъ—вѣтрогонъ. Надо его держать за хвостъ.

И князь пробывъ въ „Симеоновѣ“ еще сутки, выѣхалъ менѣе веселый, чѣмъ пріѣхалъ, почти кислый. Зато онъ поклялся Аринѣ Саввишнѣ, что чрезъ три недѣли или мѣсяцъ непремѣнно опять пріѣдетъ. Прощаясь, онъ сказалъ:

— Все, что прикажете. Уѣду и опять пріѣду, хоть сто разъ сподрядъ.

„Сто—не знаю. А вотъ еще-то одинъ разъ ты навѣрное пріѣдешь!“ — подумала старуха, когда князь съ кисло сладкимъ лицомъ прикладывался къ ея ручкѣ и прощался со всей семьей.

Послѣ отъѣзда Аникѣева княгиня сказала любимцу-внуку.

— Устройся это наше дѣло, наша затѣя, стань Катюша княгиней Аникѣевой, то я обѣщаюсь... обѣщаюсь... Сама не знаю. Вотъ какъ скажу: готова помириться съ Абдурраманчиковымъ! Чего больше!

XXIV.

Наконецъ наступилъ давно ожидаемый день.

Однажды послѣ полуночи весь домъ поднялся на ноги, кромѣ дѣтей князя Семена.

Всѣ, покинувъ постели, одѣлись и сошлись въ столовой. Поднявшіеся люди были тоже въ домѣ для услугъ. Было рѣшено, что всѣ не лягутъ спать, пока все не кончится.

Катюшѣ пришелъ часъ разрѣшенія отъ бремени. Ученой повивальной бабки не было. Послѣдняя, пріѣзжавшая наканунѣ, съ очень хорошей рекомендаціей изъ сосѣдняго намѣстничества, была тоже „спроважена“, тоже „вылетѣла“ по приказанію княгини. На-лицо оказывалась одна своя повитуха Турунтиха. Впрочемъ, княгиня, а равно и Марѳа, были спокойны. Старуха объявила:

— Хоть Катюша и княжна, а родить будетъ такъ-же, какъ и молодуха-холопка: не по-княжески, а по-человѣчески и по-бабьему. Стало-быть, и Турунтиха годится и поможетъ.

Княгиня Марѳа заявляла:

— Пустяковое! Я хоть каждый мѣсяцъ стану рожать. Самое пустякое. Только тужься да не ори. Отъ оранья только хуже.

И, сказавъ такъ много словъ заразъ, Марѳа замолчала надолго.

Всю ночь Арина Саввишна пробыла около внучки, а семья просидѣла въ столовой, Семенъ съ женой, Горстъ съ Аришей и Рафушка. Роды оказались тяжелыми, трудными. Турунтиха хлопотала, сильно и громко сопѣла, но никому не отвѣчала ни слова на опросы: „Какъ да что?“.

На зарѣ, на строгій опросъ Арины Саввишны, крѣпостная баба отвѣтила угрюмо:

— На все воля Божья. А мы что-же? Мы—человѣки.

— Дура ты, дура! – огрызнулась старуха. — Нѣтъ, не всѣ человѣки. Вотъ хоть-бы ты на прикладъ. Осина.

Поутру, когда уже совсѣмъ разсвѣло и роженица начала черезчуръ мучиться, а крикъ ея раздавался на весь домъ, княгиня вдругъ немного струсила. Турунтиха объяснила наивно и глупо, что барыню Катерину Антоновну какой лихой человѣкъ сглазилъ, „потому что у младенчика охоты совсѣмъ нѣтъ рождаться“. Такого случая, увѣряла повитуха, у нея на глазахъ никогда не бывало.

— Что ты, осина, болтаешь? - крикнула на нее Арина Саввишна.—Какъ такъ охоты нѣтъ?

— Такъ, матушка-княгинюшка. Не желательно имъ. На свѣтъ, тоже сказать, выходить на жительство — не пряникъ ѣсть. Имъ оно...

— Кому имъ, осина?

— Младенчику-съ.

— Что-же тогда дѣлать, идолъ деревянный?—съ гнѣвомъ спросила княгиня.

Турунтиха развела руками, засопѣла еще пуще и ничего не отвѣтила, только промычала чуть слышно. И княгиня струсила...

„Если-бъ я не гоняла одну за другой ученыхъ бабокъ, которыхъ мнѣ присылали умные и вѣрные люди,—подумалось ей,—то теперь дѣло, быть можетъ, обстояло бъ иначе".

И старухѣ пришло на умъ, что вѣдь смерть при родахъ, особливо среди дворянокъ, не диковина... Вслѣдъ за этой мыслью явилась тотчасъ другая... Ей стало жаль, но жаль не молодую женщину-внучку, если ей суждено умереть, а жаль, что ея тайная затѣя не удастся: не будетъ въ домѣ внучки княгини Аникѣевой.

— Кабы родился задушенный мертвый ребенокъ, а Катюша осталась жива и невредима—вотъ была-бы истинная милость Божья! — воскликнула Арина Саввишна надъ самой головой внучки.

Катюша услыхала слова бабушки и ахнула, даже измѣнилась въ лицѣ...

— Нѣтъ! нѣтъ! неправда! неправда! Не хочу! не хочу!— вскрикнула Катюша и громко заплакала.— Умирать, такъ обоимъ. Обоимъ! обоимъ!

— Охъ, барыня-княгиня! — воскликнула и Турунтиха.— Нешто пужаютъ рожениць? Ушли-бы вы лучше. Ей Богу!

Арина Саввишна въ порывѣ сильнаго смущенія или, быть можетъ, сильнаго гнѣва на себя и на всѣхъ махнула рукой на родильницу и на повитуху.

— А ну васъ! Обѣ—дурофьи.

И старуха, быстро выйдя изъ комнаты, хлопнула дверью такъ, что Катюша встрепенулась и вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

Но едва старуха вошла къ себѣ и сѣла въ свое большое кресло, какъ поднялась снова...

— Ваше сіятельство, — ворвалась горничная Лукерья.— Кричитъ! кричитъ! Слыхать...

— Гдѣ? Что?.. Дура! Всю ночь ужъ она кричитъ...

— Нѣту, нѣту-съ... Младенецъ кричитъ, слыхать!

Арина Саввишна вскочила съ мѣста и, несмотря на свои годы и полноту, почти рысью направилась снова въ спальню внучки.

Еще предъ дверями комнаты она услыхала пронзительный визгливый, но сильный, получеловѣчій, полузаячій крикъ новорожденнаго.

Войдя, она увидѣла Турунтиху, которая прыскала холодной водой изо рта въ лицо родильницы.

Арина Саввишна, увидя лицо внучки, совсѣмъ растерялась и окаменѣла на мѣстѣ. Лицо было страшное, темно-синее, искаженное, какъ-бы съ безобразными чертами лица. Это была не внучка ея, Катюша, а какая-то другая...

И старуха отъ перепуга не имѣла даже силы спросить что-либо у бабки.

— Ничего. Авось, Богъ милостивъ!—заговорила сама Турунтиха.—Бываетъ, бываетъ такъ-то! Богъ, все Богъ, а мы что-же?

Княгиня стала предъ постелью истуканомъ.

— Прыскайте, прыскайте вы,—сказала наконецъ, повитуха, передавая стаканъ княгинѣ, и стала хлопотать съ новорожденнымъ.

Катюша все-же попрежнему лежала безъ сознанія и съ тѣмъ-же потемнѣвшимъ лицомъ. Княгиня, начавшая прыскать внучку холодной водой тоже изо рта, дѣлала это неумѣло, трусливо, то въ лицо, то ей на грудь, а то и просто отъ спѣха и смущенья глотала воду и поперхалась.

— Сама задохнешься изъ-за нихъ!—огрызнулась она, невѣдомо кому.

Между тѣмъ, въ столовой, семья, просидѣвшая ночь безвыходно, полусонная и нравственно усталая, уже успѣла обрадоваться и снова испугаться отъ вѣстей, приносимыхъ горничными.

Послѣдняя вѣсть, касавшаяся Катюши, всѣхъ страшно смутила, всѣ стали креститься.

— Это ужасно!—вскрикнулъ Горстъ.—Кабы бабушка не прогоняла отсюда...

И онъ смолкъ. Всѣ опустили головы, а столовая огласилась горькими всхлипываньями.

Плакала Ариша.

— Чудно! Нѣтъ ничего проще!.. Я-бы каждый мѣсяцъ...—заговорила Марѳа.

— Помолчи ужъ!—воскликнулъ князь Семенъ.

— И Катюшу бѣдную уморила!—воскликнулъ Рафушка со слезами на лицѣ, но, оглянувшись на всѣхъ онъ, потупился смущенно.

Несмотря на строгое приказаніе бабушки безвыходно сидѣть въ столовой, всѣ двинулись въ корридоръ и, остановясь, столпились у дверей спальни Катюши.

Крикъ ребенка былъ слышенъ съ перерывами... Но голосовъ Арины Саввишны и бабки было не слышно.

Наконецъ, всѣ услыхали голосъ бабушки и встрепенулись радостно.

— Хочешь водички испить?—говорила она.—Ну вотъ, ней... Ужъ и напугала ты меня, глупая! Непремѣнно захвораю отъ перепуга... Думали мы, ты померла.

Отвѣта Катюши никто не слыхалъ, но всѣ ожили и стали снова креститься, а затѣмъ, боясь разгнѣвать бабушку, быстро вернулись въ столовую и снова усѣлись на свои мѣста, какъ если-бъ и не двигались.

Не прошло полуминуты, какъ на порогѣ явилась Арина Саввишна съ торжественнымъ лицомъ и объявила:

— Ну, слава Богу, все обошлося. У васъ племянничекъ... черномазый, какъ цыганъ, живой тятенька. Ей Богу, живой Терентій. Да, помучилась, могу сказать! Въ мои лѣта эдакія встряски! Что-жъ я—наемная, что-ли, далася?

— Что Катюша?—первый заговорилъ Горстъ то, что было у всѣхъ на душѣ и на языкѣ.

— Вѣстимо, ничего. Было умопомраченіе и даже лицо перекошено было и изсиня-синее... Да я ее водой очухала. Теперь ничего, слава Богу! Можете вы двѣ итти къ ней, а мужчины пусть обождутъ, когда можно будетъ. А я пойду отдохну и авось отойду. Да ужъ вы, внуки, безпремѣнно меня уходите прежде времени.

Старуха двинулась къ себѣ и легла въ постель, описывая Лукерьѣ, что, кабы одна Турунтиха, кабы не она, то быть-бы бѣдѣ. Черезъ нѣсколько минутъ она уже спала крѣпчайшимъ сномъ и храпѣла какъ-то гнѣвно, даже будто грозно.

Марѳа и Ариша были около Катюши, которая, жалуясь на слабость, начала дремать. Ради ея спокойствія женщины взяли ребенка и унесли въ комнаты Ариши.

Новорожденный былъ красивый и здоровый звѣрекъ человѣчьей породы, съ задатками стать недѣли чрезъ двѣ-три красивымъ человѣкомъ. Сходство, однако, этого звѣрька съ его покойнымъ отцомъ бросалось въ глаза дѣйствительно.

— Господи Іисусе!—воскликнулъ Горсъ, увидя ребенка и невольно смѣясь.—Однако, какъ чудно это на свѣтѣ бываетъ! Поди, вотъ, разгадай да поясни. Тайна Божья!

Въ сумерки, проснувшись совсѣмъ и чувствуя себя совершенно бодрой, Катюша потребовала ребенка и встревожилась, что его унесли. Узнавъ, что ребенокъ у Ариши, она сразу успокоилась, но все-таки стала нетерпѣливо ждать, чтобы ей принесли „сыночка“, какъ выражалась Турунтиха.

И какъ странно, и какъ сладко, и какъ ново звучало это слово!

И Катюша чувствовала, что она снова счастлива, если не такъ-же много счастлива, какъ когда-то при жизни Терентія, то все-таки существованіе ея будто освѣтилось новымъ яркимъ лучемъ.

— Насъ теперь опять двое...—шептала она себѣ самой.

XXV.

Вѣсть о рожденьѣ трудномъ, но благополучномъ, сына любимой сестры, достигла Гаврика лишь черезъ нѣсколько минутъ.

Узнавъ ночью черезъ нарочнаго, посланнаго тайкомъ Рафушкой, что сестра должна родить, Гаврикъ тотчасъ-же въ маленькихъ санкахъ прилетѣлъ въ „Симеоново“ и остановился на деревнѣ у одного изъ мужиковъ. И здѣсь просидѣлъ онъ, волнуясь отъ вѣстей, приносимыхъ тайно изъ дому, точно такъ-же, какъ семья сидѣла и волновалась въ столовой дома.

Когда ребенокъ родился, а старуха ушла спать, изъ усадьбы на деревню пробѣжалъ единымъ духомъ, быть можетъ, самый счастливый въ эти минуты человѣкъ на все „Симеоново“, счастливый благополучнымъ разрѣшеньемъ Катюши и счастливый равно прибытіемъ Гаврика.

Это былъ Рафушка.

Братья бросились другъ другу въ объятья. Рафушка душилъ любимаго брата, повиснувъ у него на шеѣ, и наконецъ, слезы радости заструились у него на лицѣ. Разспросамъ и разсказамъ обоюднымъ не было конца. Если Гаврику хотѣлось узнать всякую мелочь про братьевъ, то и Рафушка, сильно полюбившій Елизавету, любопытствовалъ узнать о ней все доподлинно.

И онъ узналъ, помимо мелочей, и нѣчто очень важное. Елизавета уже нѣсколько времени была въ такомъ положеніи, что могла надѣяться тоже стать матерью.

— И радъ-же я, что уѣхалъ изъ „Симеонова!“—вдругъ воскликнулъ Гаврикъ, но сразу смолкъ, какъ если-бъ обмолвился невзначай.

На одинъ изъ вопросовъ Рафушки, скучаетъ-ли теперь Романъ Романовичъ, жалѣя свою намѣстническую должность и городскую жизнь, Гаврикъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не очень. Конечно, ему обидно, но онъ утѣшается тѣмъ, что все-таки мы съ Лизой—супруги. Да потомъ у насъ и не до того...

На разспросы и настоянія Рафушки—не изъ простого любопытства, а изъ участія—Гаврикъ объяснилъ, что не можетъ ничего разсказать.

— Чужая тайна, знаешь, свято должна соблюдаться. А это—чужая... не моя съ Лизой. А то-бы сказалъ тебѣ все. Скажу только что живется намъ не радостно... и именно изъза батюшки-тестя.

— Хворъ, что-ли? — спросилъ юноша.

— Нѣтъ, здоровехонекъ!.. Но нечего говорить объ этомъ!.. Слушай-ка лучше... Поцѣлуй ты всѣхъ отъ меня, особливо Катюшу. Скажи ей, что я тутъ въ избѣ ночь просидѣлъ и ужъ навѣрняка волосъ съ полдюжины сѣдыхъ себѣ насидѣлъ. Чего мнѣ изъ дома не приносили!.. Господи помилуй! Разъ принесли вѣсть, что младенецъ живехонекъ, а она уже померла!

Братья простились. Гаврикъ выѣхалъ домой, а Рафушка побѣжалъ въ усадьбу, радостный, что повидался съ братомъ.

Гаврикъ былъ тоже доволенъ и свиданіемъ, и хорошими вѣстями о сестрѣ. А въ послѣднее время жизнь въ „Кутѣ“ была, дѣйствительно, далеко не безпечная и, если мирная, то не радостная. Причиной былъ именно Абдурраманчиковъ.

Думая о томъ, что онъ разорился изъ-за безсмыслицы, изъ-за того, чтобы сохранить нежданно полученный чинъ генерала, Романъ Романовичъ горько раскаивался. Будь онъ теперь снова бригадиромъ или маіоромъ, или хоть разжалованнымъ въ сержанты, но богатымъ помѣщикомъ, то былъ-бы доволенъ и счастливъ.

Петербургскіе стрекулисты оставили ему генеральскій чинъ и обобрали до нитки, чуть не пустили по міру. И вотъ теперь генералъ Абдурраманчиковъ ступай жить въ маленькій домикъ уѣзднаго города, какъ мѣщанинъ.

Но ему все равно. Онъ старъ и скоро соберется и на тотъ свѣтъ. А Петръ? Онъ начинаетъ жить и, начиная, долженъ нищенствовать.

Выбраться изъ труднаго положенія и снова имѣть средства было мудрено, и даже невозможно.

Но вдругъ представилась совершенно нежданно возможность, если не стать богатымъ, то во всякомъ случаѣ удержать за собой дорогой и любимый „Кутъ“.

Какимъ способомъ? Самымъ страннымъ въ тѣ года, которые были уже на плечахъ: женитьбой на женщинѣ со средствами.

Все это произошло почти сразу. Романъ Романовичъ сначала самъ не вѣрилъ, правда-ли все происшедшее или пригрезилось.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ городъ, повидать тѣхъ лицъ, съ которыми онъ остался въ хорошихъ дружескихъ отношеніяхъ, Абдурраманчиковъ случайно встрѣтился съ знакомой, если не близкой, то все-таки такой, съ которой отношенія остались добрыми. Это была Роза Эриховна Шкильдъ.

Она очень обрадовалась встрѣчѣ съ генераломъ, позвала его къ себѣ въ гости. Абдурраманчиковъ подивился тому обстоятельству, что уже немолодая женщина, казалось, стала моложе и будто даже красивѣе... если-же не красивѣе, то виднѣе своей „добротностью“. Роза Эриховна объяснила Абдурраман-

чикову, что бывшій предъ нимъ намѣстникомъ Звѣревъ скончался и оставилъ ей по завѣщанію очень порядочное состояніе...

И три раза сподрядъ побывалъ Абдурраманчиковъ у „доброй“ шведки и просидѣлъ чуть не до полуночи.

Роза Эриховна говорила только объ одномъ предметѣ—о желаніи выйти замужъ, но не иначе, какъ за человѣка „особливаго“ или состояніемъ, или красотой и молодостью, или чиномъ.

На третій вечеръ шведка съ прозвищемъ „Рожа Ерниковна“, прямо заявила Роману Романовичу, что за него она съ удовольствіемъ пошла-бы замужъ, ради его чина,—„хоть вотъ сейчасъ!“

Абдурраманчиковъ былъ пораженъ не предложеніемъ, а тѣмъ, что изъ этого проистекло. Онъ сталъ размышлять и употребилъ на это около недѣли, а затѣмъ, собравъ свѣдѣнія о шведкѣ и узнавъ, что, дѣйствительно, она женщина теперь сравнительно очень богатая, задумался еще пуще, уже рѣшаясь.

Разумѣется, онъ рѣшился и объяснился съ Розой прямо и искренно.

— Надо выкупить „Кутъ“, а выкупивъ—отдать „на бумагѣ“, а не на словахъ только, его сыну Петру.

Роза Эриховна согласилась тотчасъ, но съ условіемъ—„не на бумагѣ“, а на словахъ,—что она, будущая генеральша Абдурраманчикова, будетъ жить зиму въ городѣ и „бывать въ гостяхъ“, а лѣто—у пасынка въ „Кутѣ“ и принимать гостей“.

Абдурраманчиковъ обѣщалъ, думая про себя:

„А кто насъ съ тобой къ себѣ пуститъ и кто къ намъ съ тобой пріѣдетъ— это не мое дѣло!“

Однако, все-таки самолюбивый старикъ долго боролся съ самимъ собой, колебался между чувствомъ любви къ сыну и рѣшеньемъ пожертвовать своимъ честнымъ и дворянскимъ именемъ, а съ другой стороны чувствомъ стыда.

Роза Эриховна была хорошо извѣстна въ намѣстничествѣ. Она была та-же почти Ѳедоська Кизильташева, „покупная“ красавица.

Когда Петръ узналъ о рѣшеніи отца, то, конечно, пришелъ въ ужасъ. Ему было и обидно, и грустно, что отецъ на старости лѣтъ осрамится на весь округъ. Петръ былъ, однако, увѣренъ, что отецъ дѣйствовалъ въ силу повѣрья и поговорки „сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро“. Онъ былъ убѣжденъ, что отцу нравится пожилая, полная и „авантажная“ шведка съ остатками или слѣдами прежней красоты. Молодой малый и не подозрѣвалъ, что отецъ стыдится еще сильнѣе и дѣйствуетъ, принося себя въ жертву ради него-же, Петра, чтобы сохранить ему вотчину.

Когда Гаврикъ и Елизавета узнали въ свой чередъ рѣшеніе отца, то, равно какъ и Петръ, загрустили. Имъ тоже стало стыдно за старика, они тоже поняли дѣло по своему и объяснили все дѣло старческой прихотью.

Однажды произошло между Романомъ Романовичемъ, вернувшимся изъ города послѣ недѣльнаго отсутствія, и его дѣтьми рѣшительное объясненіе.

Абдурраманчиковъ взялъ все на себя. Онъ взялъ на себя даже и обвиненіе, что онъ въ его годы увлекся женщиной неказистаго положенія и поведенія. Онъ не хотѣлъ, чтобы сынъ зналъ правду, зналъ, что эта „Рожа“ ему вовсе не нравится, что онъ уже не способенъ вообще на увлеченіе, и что вся сила совершенно въ иномъ, въ обезпеченіи сына, какъ будущаго владѣльца „Кута“.

„Вотъ когда обвѣнчаюсь съ этой срамнихой,—радостно думалъ Романъ Романовичъ,—да по документу передамъ Петрушѣ нашъ „Кутъ“ безъ единаго гроша долга, вотъ тогда всѣмъ имъ—Петру, Лизаветѣ и Гаврику—всю правду и вырѣжу. Вотъ тогда и имъ будетъ стыдно, что они меня винили да попрекали, на душѣ своей корили, что я на старости прыгаю, какъ теленокъ, задравъ хвостъ, закрутивъ голову въ ноги и тыкаясь мордой объ заборы да дерева. Нѣтъ, дѣтки, я не таковъ! Для васъ, и все для васъ! На убивство для васъ пойду!“

Однажды, по предложенію Гаврика, дѣти рѣшились всѣ втроемъ отчаянно приступить къ старику съ мольбой пожертвовать своимъ увлеченіемъ шведкою ради любви къ нимъ, такъ какъ соблазнъ и срамъ касается всей семьи.

Романъ Романовичъ не обмолвился ни словомъ о томъ, что „увлеченія“ съ его стороны нѣтъ. Онъ обѣщалъ только отложить свою свадьбу на нѣкоторое время. Однако, онъ обмолвился иначе, сказавъ:

— Вотъ женися Петруша на богатой приданницѣ, выкупи нашъ „Кутъ“... ну, тогда я, пожалуй, и не женюсь на Розѣ Эриховнѣ... чтобы срамнымъ бракомъ не помѣшать его браку!— прибавилъ онъ, спохватясь.

Молодые люди приняли эти слова, какъ указаніе, и стали совѣщаться о томъ, какъ бы Петру и въ самомъ дѣлѣ выискать скорѣе невѣсту, хотя-бы и съ небольшимъ приданымъ.

XXVI.

Маленькій человѣчекъ, явившійся на свѣтъ и въ большой домъ князей Татевыхъ, какъ-то удивительно повліялъ на житье-бытье. Все будто оживилось и смотрѣло празднично.

Когда рождались дѣти Семена и Мареы, этого не приключалось. Всѣ это замѣтили и всѣ дивились, но чему приписать такое обстоятельство, сами не знали. Дѣти, рожденныя Мареой, были, однако, князья и княжны, а сынъ Катюши былъ по закону въ самомъ странномъ положеніи, въ какомъ когда-либо бывалъ ребенокъ. Онъ былъ роднымъ племянникомъ троихъ князей Татевыхъ, правнукомъ Арины Саввишны и въ то-же время ихъ крѣпостнымъ холопомъ, какъ сынъ мужика Терентія. Исправить дѣло не было никакой возможности. Все, что было во власти Татевыхъ, заключалось въ ихъ правѣ „дать волю“ новорожденному, чтобы онъ хотя не числился крѣпостнымъ, а былъ вольноотпускнымъ.

При этомъ, конечно, всѣ вспомнили, что положеніе Катюши оставалось попрежнему двусмысленнымъ. Она была вдовой ихъ мужика и тоже ихъ крѣпостной женщиной. Сначала имъ обѣщали изъ Петербурга вернуть ей званіе и именованіе княжны Татевой, но затѣмъ Поповъ написалъ княгинѣ, что это дѣло немыслимое и было-бы насмѣшкой надъ законами не только человѣческими, но и божескими. „Замужняя — княжною, то-есть, дѣвицею—стать не можетъ!“—писалъ онъ.

Катюша на всѣ толки и разсужденія братьевъ и сестеръ только усмѣхалась и говорила весело:

— Мнѣ все-равно—мужичка я или дворянка. Вы, мои госиода, меня, вѣдь, въ Сибирь не сошлете, а въ солдаты сдать не можете. А моего махонькаго я такъ воспитаю, что онъ будетъ и умный, и ученый, и на всѣ руки мастеръ, и, можетъ быть, самъ собою въ дворяне произойдетъ.

На другой-же день послѣ рожденія малютки, въ виду предстоящаго крещенія его, возникло нѣкоторое недоразумѣніе съ княгиней.

Сначала и уже давно было рѣшено, что если у Катюши родится сынъ, то будетъ названъ Антономъ въ честь своего дѣда, а если дочь, то Ариной въ честь прабабушки и тётки.

Но теперь княгиня вдругъ невѣдомо почему взяла назадъ свое слово и заявила, что она не допуститъ, чтобы „холопъ“ носилъ имя ея сына.

— Антонами должны быть только сыновья троихъ князей и именоваться Семеновичемъ, Гавриловичемъ и Рафаиловичемъ. А Антона Терентьевича я дозволить не могу.

И было рѣшено, что малютка будетъ нареченъ Семеномъ въ честь прадѣда и дяди.

Крестины прошли особенно весело и оживленно. Крестными были Горстъ и Мареа. Арина Саввишна внезапно отказалась быть крестной матерью, хотя сначала тоже обѣщалась.

Все это дивило всѣхъ.

— Чудно!—говорили въ домѣ.—Прежде была Арина Саввишна расположена къ будущему ожидаемому жалюткѣ, а теперь будто озлилась, что онъ на свѣтъ пришелъ.

Отчасти это было и правдой. Всѣ замѣтили, что старуха только разъ глянула на новорожденнаго, черезъ часъ послѣ его рожденія, а затѣмъ ни единаго раза не подошла къ его люлькѣ. Когда-же кто-либо говорилъ ей о новорожденномъ, она отвѣчала:

— Ну его! Диковина будто далася вамъ, дуракамъ, носитесь съ нимъ, какъ дурни.

И, дѣйствительно, вся семья „носилась“ съ Семенушкой и на словахъ, и на дѣлѣ. Онъ переходилъ съ рукъ на руки. Всѣ поочереди находили удовольствіе въ томъ, чтобы брать его изъ люльки и подавать матери для кормленія, а затѣмъ укладывать спать. Одновременно вся семья толковала о Семенушкѣ, о томъ, что онъ удивительно здоровый и крѣпкій мальчикъ, замѣчательно красивый, особливо глазами, которые „вотъ такъ тебя наскрозь берутъ“.

Вдобавокъ сама Турунтиха заявила, что ребенокъ, во-первыхъ, родился „въ сорочкѣ“, во-вторыхъ, „не располагалъ выходить жительствовать“ на свѣтъ, и это хорошая примѣта на всю жизнь, а въ третьихъ, она нашла у мальчика „печать херувимскую“ подъ лѣвой лопаткой. Всѣ называли это родимымъ пятномъ, но повитуха отмахивалась отъ этого глупаго разсужденіи и стояла на своемъ.

— Печать херувимская! Родимыя пятна не такія бываютъ. Отъ того-то онъ все съ ними и пересмѣивается.

На вопросы удивленной этимъ разсужденіемъ матери повитуха объяснила:

— Теперь вы не видите. Когда кормите, ему не до того. Сосетъ — старается. А какъ въ люлькѣ, какъ заснетъ, такъ сейчасъ тебѣ смѣшки пойдутъ. А это извѣстно что? Съ херувимами пересмѣивается... А когда очень засмѣется и таково хорошехонько закричитъ — это съ самимъ своимъ ангеломъ-хранителемъ бесѣдуетъ. Эхъ, господа ученые! Меньше насъ вы знаете.

Дѣйствительно, вскорѣ поднявшаяся съ постели Катюша воочію убѣдилась, что Турунтиха не солгала ни единаго слова.

Семенушка почти не плакалъ, много спалъ, притомъ совершенно спокойно и крѣпко, а при этомъ постоянно разъ десять, а то и до четырнадцати разовъ—сосчитала мать—улыбнется... радостно, особенно радостно...

Катюша замѣтила даже, что лицо младенца въ эти мгновенія, не смотря на закрытые глаза, какъ-будто выразительнѣе, милѣе и умнѣе, чѣмъ когда онъ у груди и глядитъ во всѣ глаза съ большими зрачками, не то черными, не то темно-синими.

Катюша часто звала братьевъ и сестеръ къ люлькѣ убѣдиться въ ея открытіи. И всѣ соглашались невольно съ ней и съ Турунтихой.

— Чудно, диковинно усмѣхается! можетъ, и впрямь своему ангелу-хранителю!—говорили всѣ дяди и тетка.

Одна княгиня Марѳа будто завидовала, какъ мать, и не раздѣляла общаго мнѣнія, а объявила кратко:

— Завсегда это. Мои всѣ. Дался вамъ! Все-таки не князь.

И, такъ какъ въ домѣ съ каждымъ днемъ все больше „носились“ съ ребенкомъ и разсказывали про него всякія чудеса, то «нѣмая» уже начала видимо раздражаться и даже перестала подходить къ люлькѣ ребенка, а когда о немъ заговаривалъ мужъ, она огрызалась сердито:

— Ты на всякомъ хвостѣ завсегда! Подтягивай пѣвчимъ!

Наконецъ, однажды, когда князь Семенъ, придя отъ сестры, заявилъ женѣ про истинное чудо, что у Семенушки какъ будто оказывается зубокъ, съ которымъ онъ стало быть, и родился, княгиня Марѳа почему-то страшно вдругъ озлилась, чего съ ней никогда не бывало.

— Молчи! не смѣй!—вскрикнула она, подступая къ мужу чуть не съ кулаками.

Князь изумился и опѣшилъ.

Черезъ дней десять послѣ рожденья Семенушки, въ домѣ, однако, снова были всѣ унылы и разстроены. Катюша горько плакала въ своей комнатѣ, а ея братья и сестры бродили, сходились, перешептывались съ угрюмыми лицами.

Всѣхъ огорчила, но равно и удивила своимъ распоряженіемъ Арина Саввишна. Одинъ Горстъ не удивлялся, догадался, но никому ни слова не сказалъ. На опросъ жены, что онъ думаетъ, онъ отвѣтилъ:

— Это, Ариша, понятно. Бабушка права!

— Какъ права? Ей какое дѣло? Не ея это дѣло!

— Нѣтъ, ея дѣло, Ариша. Придетъ время, узнаешь ты эдакое теперь тайное дѣло и сама поймешь, и скажешь, что бабушка себѣ на умѣ и правильно поступила.

— Никогда я эдакого не скажу!—воскликнула Ариша внѣ себя. — Стало быть, и со мною бабушка эдакое-же учинитъ, когда мнѣ Господь пошлетъ малютку. И ты съ ней въ согласьѣ будешь! Тогда я тебя разлюблю! слышишь ты! Разлюблю!

— Полно! полно... — началъ Горстъ успокаивать жену.— Съ тобой этого приключиться не можетъ. И я на эдакое согласье свое бабушкѣ никогда-бы не далъ. Хоть ссориться съ бабушкой, а не пошелъ-бы на это. Но говорю тебѣ вѣрно: ты—иное дѣло, ты не Катюша, съ тобой такое не будетъ, не нужно.

— А Катюшѣ стало быть нужно?

— Нужно, безпремѣнно нужно! И бабушка поступаетъ умно. Дай срокъ и сама ты...

— Изъ ума ты ступилъ?!.

— Нѣтъ, Ариша въ полномъ разумѣ! — спокойно и улыбаясь отозвался Горстъ.—Обожди, все узнаешь и поймешь, и бабушку оправдаешь.

Ариша такъ привыкла вѣровать въ непреложность каждаго мнѣнія своего мужа, что успокоилась тотчасъ и только удивленными глазами глядѣла ему въ лицо, будто стараясь хоть что-либо разгадать.

Горстъ понялъ ея взглядъ и усмѣхнулся.

— Полно, не натуживайся. Отгадать нельзя, будь хоть семи пядей во лбу. Дай срокъ, узнаешь.

Дѣло, произведшее такой переполохъ въ домѣ, заключалось въ томъ, что княгиня вдругъ объявила, что запрещаетъ Катюшѣ кормить самой ребенка.

И приказъ найти мамку, молодую и здоровую, даже красивую, хотя-бы пришлось обшарить все намѣстничество, былъ уже отданъ.

И только одинъ Горстъ понялъ, въ чемъ суть дѣла.

XXVII.

Когда найденная кормилица появилась въ домѣ, а печаловавшаяся Катюша утѣшилась и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень оправилась отъ родовъ, вдругъ „расцвѣла“, по выраженію Горста, княгиня призвала его къ себѣ и спросила:

— Ну, что-же, Горсточка? Буду и я тебя звать такъ-же, какъ тебя князь Дмитрій Дмитріевичъ окрестилъ. Что-же? Цвѣтетъ наша Катюша?

— Да, бабушка.

— Стала краше, чѣмъ была въ дѣвицахъ?

— Да, пожалуй, что и такъ...—усмѣхнулся Горстъ.—Самъ я, бабушка, видѣлъ ее мало, когда она была еще дѣвицей. Но всѣ говорятъ этакъ.

— Стало быть, я правду сказывала тебѣ, что молодуха, родивъ, молодѣетъ, а не старѣетъ? Ну, что-же теперь? А?

— Что, бабушка?

— Что? что? Я буду говорить „что“, и ты будешь говорить: „что“? Эдакъ далеко не уѣдемъ. Глупая ты голова, говори, что теперь намъ дѣлать?

— Аникушку вызывать сюда!—громко разсмѣялся Горстъ.

— Ну вотъ! Слава Богу! Осилилъ премудрость!—усмѣхнулась и Арина Саввишна. — Ну, вызовемъ, и онъ ради полученія обѣщанныхъ денегъ прикатитъ горошкомъ. А потомъ что? Ну?

— Потомъ... потомъ мы... — началъ Горстъ весело и прибавилъ:—потомъ надо начинать стараться... Только, бабушка, это ужъ вы однѣ. Я въ эдакомъ вамъ помочь ничѣмъ не могу.

— Вотъ и врешь! Въ тебѣ вся сила! — воскликнула старуха.—Ты будешь его настраивать. А какое тебѣ слово кричать вмѣсто „ату его!“, я тебя сама научу. Ну, ступай и отписывай князю. Отпиши такъ: бабушка, молъ, удивительно въ хорошихъ чувствахъ, а Катюша выздоровѣла, и вотъ, молъ, ты, такой-сякой, немазаный, пріѣзжай сію минуту, если хочешь самое маленькое дѣльце съ бабушкой уладить. Понялъ-ли, глупая голова?

— Понялъ. Я напишу, а потомъ вамъ все-таки прочту свое письмо,—сказалъ Горстъ.

— Пустое. Ты ученый, а я неграмотная совсѣмъ, — серьезно произнесла княгиня, — какъ напишешь, такъ и ладно будетъ.

— Только вотъ что, бабушка, помяните мое слово,—подумавъ, произнесъ Горстъ: — князя уговорить жениться на Катюшѣ ничего не стоитъ, особливо, если потянуть съ него должекъ, коего онъ за всю свою жизнь уплатить не сможетъ. Да и Шверины рады будутъ породниться съ князьями Татевыми... Но дѣло это все-таки, боюсь, не выгоритъ.

— Что каркаешь, воронъ!

— Сдается мнѣ, будетъ препятствіе неодолимое...

— Гдѣ? въ чемъ?

— Въ комъ, спросите лучше.

— Въ комъ? Коли князь да и Шверины согласятся, то отъ кого-же тогда помѣшательство будетъ? Кто пойдетъ противъ? Да если такой и окажется, то намъ начхать, какъ говорилъ „персидъ“, то бишь — Абдурраманчиковъ. Обойдется и безъ противника. Пускай противничаетъ и идетъ въ поле на четыре вѣтра.

— Охъ, бабушка, удивительно мнѣ, — сказалъ Горстъ,— что у васъ и на умѣ нѣтъ, кто именно будетъ помѣшатель всему, противникъ и руками, и ногами, и всѣми чувствами.

— Катюша?!—воскликнула старуха.

— Вѣстимо, бабушка. И какъ еще!.. Ариша много разъ съ ней заговаривала о замужествѣ и объясняетъ мнѣ, что Катюша замужъ никогда ни за кого не пойдетъ.

— Да ты ей, глупая голова, развѣ открылъ нашъ прожектъ?

— Какъ можно! Что вы! Ариша ничего-то не знаетъ. Она съ Катюшей запросто о замужествѣ бесѣдовала, сказывая, что можетъ вдругъ, ну, черезъ годъ, а то и три, выискаться хорошій женихъ, а Катюша въ отвѣтъ на ея рѣчи только головой трясетъ или говоритъ грустно, что этакое только одинъ грѣхъ передъ покойнымъ.

Арина Саввишна разсмѣялась насмѣшливо.

— Ну, это, соколикъ мой, мое дѣло. Это я, Горсточка, на себя беру. Я не дура и я уже теперь вижу напередъ, какъ я примуся и какое колѣно отмочу. Катюша у меня не только къ аналою, а въ игольныя уши полѣзетъ, какъ начну я ее поталкивать на князя. Знаю, что дѣлать! Увидишь, какъ сверну все!..

Съ этого дня княгиня часто вызывала къ себѣ внучку, якобы просто побесѣдовать, но всякій разъ сводила разговоръ на необходимость всякой „молодухѣ-бабѣ“ имѣть мужа. Убѣждала старуха внучку, дѣйствительно, крайне искусно. Катюша поневолѣ внутренно соглашалась, что „бабушка правду сказываетъ“.

— Да, все такъ... Если-бы не бѣдный Терентій! — кончала она восклицаніемъ и про себя, и вслухъ.

Разумѣется, князь Аникѣевъ, обрадованный письмомъ Горста, отвѣчалъ съ тѣмъ-же гонцомъ, что пріѣдетъ черезъ день или два съ особливымъ удовольствіемъ. Разумѣется тоже, что главная причина, побудившая его скорѣе воспользоваться приглашеніемъ, была надежда получить снова большія деньги отъ „чудачки“-старухи.

А князь уже прозвалъ княгиню заглазно и втайнѣ „чудачкой“, не понимая, съ какой стати даетъ она ему деньги зря яко-бы изъ-за процентовъ.

Черезъ три дня послѣ письма князь, дѣйствительно, былъ въ „Симеоновѣ“, а на другой-же день напомнилъ Горсту объ обѣщаніи княгини насчетъ денегъ.

— Поживи у насъ, — сказалъ Горстъ, — а потомъ, когда соберешься уѣзжать, бабушка тебѣ ихъ и дастъ...

Князь наморщился. Ему подобное не нравилось. Старуха, приказавшая внучку такъ объясниться, предупредила его, что это князю не понравится, и отгадала.

— Видишь-ли, другъ, — заявилъ Аникѣевъ,—мнѣ деньги по-зарѣзъ нужны.

— Не здѣсь-же, въ „Симеоновѣ“?

— Нѣтъ. Надо уплатить въ городѣ. Я-бы съѣздилъ и вернулся, и пожилъ-бы уже тогда у васъ сколько хотите.

Горстъ взялся доложить бабушкѣ. Объясняя все старухѣ, онъ, однако, насмѣшливо ухмылялся, а Арина Саввишна стала смѣяться.

— Вишь, бестія какая!—сказала она,—да и насъ съ тобой тоже какими дураками почитаетъ. Ну, слушай, скажи ему такъ: хорошо, молъ, завтра.

— Дадите сейчасъ-же, бабушка?—удивился Горстъ.

— Завтра!.. Ну, а завтра скажешь опять „завтра“. Этакъ онъ у меня будетъ завтракать съ недѣльку, а за эти дни я уже непремѣнно увижу, что намъ дѣлать.

Когда князь познакомился съ Катюшей и первый разъ разговаривалъ съ ней, старуха, дѣлая видъ, что занята правнукомъ Саввушкой, приглядывалась и прислушивалась, стараясь отгадать, какое впечатлѣніе произвела внучка на гостя.

Но вывода никакого сдѣлать было нельзя, ибо князь, очевидно, отнесся къ красивой женщинѣ совершенно безучастно и равнодушно. Она-же сама была нѣсколько смущена, будто оробѣла. Ввечеру Горстъ, желая выпытать у друга хотя что-нибудь, заговорилъ о Катюшѣ и сказалъ:

— Правда, наша вдовушка очень красива?

— Всѣ, братецъ мой, бабы на одинъ покрой, — отозвался князь,—а для меня нѣтъ ни красивыхъ, ни дурныхъ. Я-бы на свѣтѣ отлично прожилъ безъ женщинъ. На кой прахъ онѣ нужны. На свѣтѣ нужны деньги, а остальное все—прахъ!

Не прошло трехъ дней, какъ Аникѣевъ былъ въ „Симеоновѣ“, но онъ оказался по русской поговоркѣ „ко двору“. Его присутствіе, какъ гостя, да еще важнаго, князя и родственника губернатора, никто не замѣчалъ. Какъ-будто давнымъ-давно былъ онъ въ семьѣ и былъ если не родня, то свой человѣкъ.

Съ Катюшей князь обращался такъ-же, какъ и со всѣми, добродушно-дружески. Катюша относилась къ нему тоже менѣе сдержанно, хотя будто попрежнему подозрительно... И „прожектъ“ Арины Саввишны, про который зналъ одинъ Горстъ, вдругъ сразу пришелъ на умъ всѣмъ членамъ семьи. Ариша, Рафушка, Семенъ съ женой одинаково, ни слова не перемолвивши между собой, думали про себя:

„Вотъ-бы парочка!.. Правда, она вдовая съ ребенкомъ, а онъ—женихъ хоть куда. Но все-таки этакое было-бы не диковиной“.

Но, если всѣмъ приходило это на умъ, то Катюшѣ оно на умъ не шло, а если иногда она начинала подозрѣвать со стороны бабушки, пригласившей этого гостя, то она только возмущалась, негодовала и робѣла.

Князь находилъ, что Катюша--вдовушка прелестная. Будь таковая въ городѣ, онъ-бы за ней „пріударилъ“, но, въ качествѣ внучки княгини Татевой, Катюша была для него „дамой неподходящей“ ни съ какой стороны.

Княгиня, зорко слѣдившая съ перваго-же дня за отношеніями внучки и князя, ловила внимательно каждое ихъ слово, даже каждый взглядъ и была недовольна. Не одна Катюша держала себя съ нимъ не только сдержанно, но даже будто опасаясь чего-то... но и князь относился къ молодой женщинѣ такъ „спустя рукава“, что старуха удивлялась.

„Точно будто она ему не баба, да еще молодая и красивая,—думала Арина Саввишна,—точно будто она ему парень, молодецъ, мужчина, хорошій товарищъ“.

Дѣйствительно, князь смотрѣлъ на Катюшу и обращался съ ней, какъ съ новымъ добрымъ знакомымъ, который можетъ современемъ сдѣлаться и близкимъ пріятелемъ. Между молодымъ человѣкомъ и молодой красивой женщиной не возникло именно того, что княгиня ожидала, понимала отлично, хотя выразить не могла, а возникли именно какія-то добрыя товарищескія отношенія.

— Какая она у васъ славная, ваша Катерина Антоновна!— сказалъ однажды князь старухѣ и такимъ голосомъ, что она опѣшила.

„Точно будто буфетчика моего Филиппа похваливаетъ!“— подумала она.

Прошла недѣля, и Арина Саввишна становилась все суровѣе.

Ея „прожектъ“ не только не переходилъ въ дѣйствительность, а проваливался совсѣмъ.

И не Катюша была помѣхой, какъ предсказывалъ Горстъ, а самъ князь глядѣлъ на эту красивую молодую женщину, какъ на какой-либо неодушевленный предметъ.

Разумѣется, старуха ежедневно совѣщалась съ Горстомъ, но всякій день разговоръ начинался и кончался одинаково.

— Какъ быть?—говорила княгиня.

— Какъ тутъ быть?!. Ничего нѣтъ! Ни она, ни онъ, другъ дружку будто не видятъ,- отвѣчалъ Горстъ,—далеки и отъ мысли, что одинъ—красивый мужчина, а другая—тоже красивая женщина. И разговариваютъ чудно, точно братъ съ сестрой. Удивительно!

— Надо намъ начать, заговорить.

— Да, бабушка. Надо попробовать. Только, по-моему, толку не будетъ, не только Катюша, но и Дмитрій Дмитріевичъ ахнетъ и вскинется, на дыбы станетъ. А если потребовать уплатить долгъ, то, пожалуй, онъ найдетъ деньги и уплатитъ, предпочитая этакое браку съ негожей.

— Какъ съ негожей? Катюша-то въ негожія у тебя попала?

— Сто разъ я вамъ, бабушка, сказывалъ и сто разовъ повторю, что Катюша прямо красавица и, что ни день, то краше, да ему-то она представляется чудно... Ему-то она, на его глаза будто не женщина... Что она, что Семенъ, одно!

XXVIII.

Наконецъ, однажды княгиня, страшно раздражительная и угрюмая въ послѣдніе дни, объявила Горсту, что онъ долженъ начать дѣйствовать и при этомъ „безъ всякихъ обиняковъ“ долженъ приступить къ князю Аникѣеву и все высказать ему прямо, „начистоту“.

— Надо намъ знать, что у него на умѣ! Если не желаетъ быть моимъ внукомъ и мужемъ богатой и красавицы, и все-таки по рожденію княжны, то пусть уѣзжаетъ, а затѣмъ готовитъ уплату того, что взялъ... всего... что на слово у тебя бралъ, чтобы тоже отдалъ. А то ты, скажи, пойдешь съ его шуриномъ объясняться и всему городу все разскажешь. Слышишь!

Горстъ нѣсколько смутился отъ этого рѣшенія старухи, хотя оно и не могло быть для него неожиданностью. Цѣлый день соображая и обдумывая порученіе бабушки со всѣхъ сторонъ, онъ совершенно не зналъ, какъ взяться за дѣло. Кончилось тѣмъ, что онъ рѣшился дѣйствовать именно такъ, какъ выразилась княгиня Арина Саввишна: „начистоту!“ Оставшись наединѣ съ Аникѣевымъ, онъ прямо спросилъ у него:

— Никогда ты, Аникушка, не подумалъ совсѣмъ въ серьезъ о томъ, чтобы жениться?

— Жениться?—воскликнулъ князь.—На кой прахъ?!.

Горстъ опѣшилъ сразу.

— Всѣ женятся. Нельзя-же этакъ вѣкъ свой холостымъ оставаться,—отвѣтилъ онъ, не зная, что сказать.

— Всѣ? Нѣтъ, не всѣ...

— Почитай—всѣ... А то этакъ-бы и міру конецъ, вывелись-бы люди!—разсмѣялся Горстъ неискренно.

— Вывелись-бы?.. И хорошее дѣло, кабы вывелись...

— Что-о?—протянулъ Горстъ, удивленный разсужденіемъ, которое показалось ему крайне страннымъ.

— Да. Ну, вывелись-бы... Намъ-то что-же? Мы не вѣкъ жить будемъ на свѣтѣ, помремъ. Какое-же намъ дѣло—будутъ послѣ насъ люди жить на свѣтѣ, или никого не будетъ?

Горстъ не зналъ, что отвѣтить. Разсужденіе князя его озадачило совсѣмъ своей правдой и простотой. Помолчавъ немного, онъ, однако, снова спросилъ:

— Стало быть, ты порѣшилъ весь свой вѣкъ оставаться холостымъ. Я не такъ думалъ. Ты мнѣ прежде сказывалъ одно, а теперь говоришь другое, что не надо совсѣмъ никому жениться.

— Зачѣмъ? Попадется подходящая... я женюся.

— А какая такая подходящая? Ты мнѣ разъ было сказывалъ, что женился-бы тотчасъ, если-бъ попалась богатая невѣста.

— Вѣстимо, богатая.

— А какая собою, все едино?

— Едино! Хоть чортъ... рожей, а не душой. Съ дьяволомъ жить мудрено! Самъ осатанѣешь!

— Ну, вотъ что, Аникушка... Слушай...—началъ Горстъ, но, рѣшаясь сразу высказаться, запнулся.

— Ну, слушаю. Что?

— У меня для тебя есть невѣста!—выпалилъ Горстъ.

— У тебя? Для меня?

— Да, есть. И красавица, и добрая, чистое золото... и богатая, самая богатая невѣста на все наше намѣстничество.

— Давай! Женюся! — разсмѣялся князь.—Ну, говори, кто такая?

Но вдругъ, ахнувъ, догадавшись, Аникѣевъ прибавилъ изумляясь:

— Ваша мужикова вдова? Твоя Катерина Антоновна?

— Да. Что-же?

— Ну, нѣтъ, братъ, благодарствую! — расмѣялся князь звонко и почти насмѣшливо.

— Чему ты?—опѣшилъ Горстъ отъ этого смѣха.

— Что ты, Горсточка, какъ можно? Что ты болтаешь? Подумай! Разсуди!

— Что? что?

— Какъ что! Да, вѣдь, твоя Катерина Антоновна... хоть она и княжна Татева, рожденная... но она была за крестьяниномъ, — она мужикова вдова, какъ я тебѣ сказываю. Да этобы еще ничего. А главная суть: у нея мужичекъ.

— Что?!

— У нея мужичекъ... при ней.

— Что ты городишь?!. — взбѣсился Горстъ, не понимая словъ князя.

— У нея ребенокъ, сынъ, мужиковой породы. Она — вдова съ приплодомъ, да еще какимъ,—разсмѣялся князь снова.— Отъ своего-же крѣпостного крестьянина родила и теперь при себѣ имѣетъ. Что ты? Богъ съ тобой! Вотъ невѣсту выискалъ! Ты не сердись, а ты дуракъ, ей Богу, совсѣмъ дуракъ!..

Горстъ глядѣлъ на Аникѣева, вытараща глаза, какъ-будто не понимая того, что онъ слышитъ. А, между тѣмъ, онъ понималъ отлично и совершенную полную неудачу порученія,

даннаго бабушкой, но, вмѣстѣ, съ тѣмъ, тоже полную справедливость и основательность разсужденій князя.

— Стало быть, по-твоему,—сказалъ онъ,—Катюша хоть и красивая, и очень богатая, самая богатая на весь округъ невѣста, не можетъ выйти теперь замужъ?

— Трудновато!—затрясъ Аникѣевъ головой.

— И все изъ-за ребенка?

— Я такъ разсуждаю, Горсточка, а иной кто, можетъ, совсѣмъ иначе дѣло разсудить. Всякъ молодецъ на свой образецъ.

И, помолчавъ, Аникѣевъ заговорилъ:

— На мой толкъ, видишь-ли, срамъ и стыдъ велики. Давай съ тобой философствовать. Вотъ выйдетъ Катерина Антоновна замужъ, будутъ у нея съ мужемъ дѣти, пройдетъ лѣтъ десять, а то и двадцать. Въ домѣ будетъ молодецъ, а тамъ взрослый совсѣмъ человѣкъ, мужу ея чужой, да къ тому-же еще холопъ... вольноотпускной князей Татевыхъ, что-ли, но мужикъ. А всѣ будутъ спрашивать: „Это, молъ, вашъ родной сынокъ, старшій всѣмъ?“ Вотъ и поясняй всѣмъ цѣлую исторію, какъ да что. А всякъ, все узнавъ, давай охать и ахать. Вѣдь, надоѣстъ это, Горсточка, согласися!

Горстъ не нашелся, что отвѣтить, тѣмъ паче, что доводы князя снова показались ему вполнѣ справедливыми.

— Стало быть,—рѣшился онъ вдругъ заговорить прямо,—если у меня было на умѣ, чтобы ты сталъ нашимъ родственникомъ, то приходится сводить дѣло со здравія на упокой?

— Это, голубчикъ мой, совсѣмъ невозможное дѣло,—холодно отвѣтилъ Аникѣевъ.

Наступило продолжительное молчаніе.

— Да, заговорилъ Аникѣевъ, — жаль! Я-бы радъ былъ эдакъ жениться на столбовой дворянкѣ, княжеской фамиліи и съ приданымъ. Поди, приданое-то не шуточное. Сколько за ней бабушка отвалитъ?

— Неизвѣстно никому, да и ей самой неизвѣстно,—отвѣтилъ Горстъ.

— Катеринѣ Антоновнѣ?

— Нѣтъ. Ей самой, бабушкѣ Аринѣ Саввишнѣ.

— Какъ такъ?

— Да очень просто. На бабушку во всемъ какой стихъ нападетъ, такъ она и поступитъ. Стало быть, она и сама не знаетъ, когда что сдѣлаетъ. Вотъ, къ примѣру, Катюшѣ, говоришь ты, какъ мужикой вдовѣ, трудно замужъ хорошо выйти,—ну. стало быть, надо прибавить, округлить ея чистоганъ. Кромѣ того, зависитъ многое и отъ того обстоятельства, за кого Катюша выйдетъ. Выйди она за человѣка, который бабушкѣ по душѣ—опять будетъ надбавка. А выйди Катюша вотъ именно за тебя, то, соображая, какъ Арина Сав-

вишна тебя въ свое обожаніе приняла, трудно даже себѣ представить, что она тебѣ или ей, какъ твоей женѣ, отсчитаетъ. Совсѣмъ несправедливо всѣхъ другихъ внуковъ обидѣть можетъ.

— Да, вѣдь, имѣніе отцово у васъ,—возразилъ князь,—у Арины Саввишны одна ея вдовья седьмая часть; она и распоряжаться можетъ только, пока Рафаилъ Антоновичъ въ совершеннолѣтіе не пришелъ.

— Это все по закону, сказалъ Горстъ, — а у насъ все обстоитъ по-семейному, по-любовному. Кто-же станетъ съ бабушкой тягаться, вздорить, дѣлиться, а то судиться? Она самими внуками, какъ въ бирюльки, играетъ, своимъ сыномъ, покойнымъ Антономъ Семеновичемъ, помыкала, какъ крѣпостнымъ дворовымъ. Такъ гдѣ ужъ толковать о вотчинахъ да доходахъ? Захочетъ—лишитъ наслѣдства... хоть-бы вотъ Гаврика; захочетъ—дастъ одному третью часть всего состоянія, а мы никто и не пикнемъ. Вотъ я и говорю, что дастъ бабушка, если Катюша вдругъ объявится твоей, къ примѣру, невѣстой. Она изъ-за своей любви къ тебѣ насъ всѣхъ обидитъ.

Горстъ замолчалъ, князь ничего не отвѣтилъ и глубоко задумался. Наступила снова длинная пауза.

— Да... что-жъ? скажу по совѣсти: жаль!—вымолвилъ, наконецъ, Аникѣевъ, какъ-бы себѣ самому.

— И очень жаль,—подхватилъ Горстъ.

— Вся бѣда въ этомъ мужичкѣ.

— Въ сынишкѣ?

— Да, вся бѣда въ немъ. Не будь у нея ребенка, все-бы ничего. Вдовство—салопъ: надѣлъ и опять снялъ, и была-бы княгиня Аникѣева, рожденная княжна Татева.

— Это вѣрно. Былъ-ли, не былъ-ли Терентій — никому и не видать,—усмѣхнулся Горстъ.

— Померъ-бы онъ, что-ли!—разсмѣялся громко князь.— Мало-ль новорожденныхъ помираетъ. Да и по самое отрочество дѣти, сказывается, ваши не ваши. Дунуло вѣтеркомъ— и нема. И крупъ, и скарлатина, и огневица, и родимчики, и столбнячки... А померъ-бы, отлично-бы было!

— Откуда ты это знаешь?

— Откуда? Насъ, братецъ, было у батюшки съ матушкой десять человѣкъ дѣтей. Остались вотъ Анна да я. Всѣ перемерли на разные лады еще въ малыхъ годахъ, дитятями, да и насъ съ Анной нѣмецъ-докторъ, искусникъ большой, отстоялъ. Я былъ при смерти, а Анну за мертвую уже почли и на столъ класть собрались. Вотъ-бы, ей-Богу, отлично было!— разсмѣялся снова Аникѣевъ.

— Что ты, Богъ съ тобой!—ахнулъ Горстъ.—Вѣдь, живую похоронили-бы ее.

— Кого? что ты? Я про мужичка этого опять сказываю, а не про сестру.

Молодые люди весело разсмѣялись.

XXIX.

Когда Горстъ передалъ старухѣ, чѣмъ кончилась его бесѣда съ княземъ, онъ даже изумился, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ неуспѣхъ на княгиню. Она была какъ-бы огорошена самой ужасной вѣстью.

Старуха ни слова не отвѣтила Горсту и даже не стала его разспрашивать о подробностяхъ разговора.

— Мужичекъ!—нѣсколько разъ повторила она себѣ самой.

Затѣмъ старуха опустила голову, насупилась, сдвинула свои и безъ того суровыя брови и сидѣла не шелохнувшись.

Горстъ и не воображалъ, чтобъ неудача настолько поразила Арину Саввишну.

— Ну, что-же. Я ничего не могу...—заговорила она, наконецъ.—А если я не могу наладить того, что желаю, то я могу только его въ бараній рогъ гнуть. Скажи, чтобы не мѣшкалъ здѣсь, а ѣхалъ въ городъ да готовилъ мои денежки мнѣ отдавать. Мнѣ нужда въ деньгахъ. Чтобъ на этой недѣлѣ отдалъ, или я въ судъ обращуся. Въ земскій, что-ли? Или какой теперь, новый...

— Что вы, бабушка?! Срокъ бумаги не вышелъ!—сказалъ Горстъ.

— Срока нѣту! Ты дуракъ и всѣхъ за дураковъ почитаешь...

— Вы сказывали, бабушка, что на шесть мѣсяцевъ даете ему...

— Что я сказывала, ему ли мнѣ извѣстно. А написано... Ничего, то бишь, не написано. Долженъ онъ мнѣ отдать тогда, когда я попрошу. Срока нѣту... и чрезъ десять лѣтъ, и чрезъ день, два...

— Что вы, бабушка!—ахнулъ Горстъ.

— То вы, бабушка!—передразнила старуха,—слышалъ, что я сказала? Ну, и скажи ему.

— Воля ваша, бабушка, а эдакъ нехорошо. Лучше немного обождать...

— Чего?

— Обождать требовать уплату. А то онъ пойметъ, что ему давали взаймы, чтобы его женить, непремѣнно поймете!—смущенно произнесъ Горстъ.

— И понимай!

— Нехорошо, бабушка. Стыдно какъ-то...

— А?! Ты вотъ какъ сталъ разговаривать? Ну, не надо. Я сама ему скажу.

— Я не отказываюсь,—встрепенулся Горстъ.—Что прикажете, то и сдѣлаю.

— Не надо! я сама все сдѣлаю.

Однако, послѣ объясненія Горста съ княгиней прошло нѣсколько дней, а новаго ничего не случилось. Арина Саввишна была попрежнему любезна съ Аникѣевымъ и попрежнему приглядывалась и прислушивалась къ его бесѣдамъ съ внучкой, будто все-таки надѣялась что-либо новое уловить.

И вдругъ однажды зорко наблюдавшей Аринѣ Саввишнѣ показалось, что князь относится къ Катюшѣ какъ-то иначе, съ большимъ вниманіемъ и даже какъ-будто съ нѣкоторой нѣжностью.

— Прозрѣлъ, что-ли—говорила себѣ старуха, — прозрѣлъ, что она—красавица, и прозрѣлъ, что на бумагѣ срокъ не прописанъ?

Но княгиня, ошибаясь во второмъ своемъ заключеніи, была права въ первомъ. Катюша послѣ своихъ родовъ и особенно съ того дня, какъ перестала кормить ребенка, хорошѣла не по днямъ, а по часамъ, и если никто изъ семьи, видавшій ее всякій день, этого не замѣчалъ, то князь отлично замѣтилъ и, дивяся, невольно увлекался женщиной.

Убѣдившись втайнѣ, что князь относится къ Катюшѣ уже иначе, „по-новому“, Арина Саввишна рѣшилась тотчасъ-же заговорить съ Аникѣевымъ сама, тѣмъ паче, что она начинала сомнѣваться въ томъ, сумѣлъ-ли ея „соколикъ“ объясниться, какъ слѣдуетъ, „начистоту“.

— Можетъ быть онъ мямлилъ, ну, и князь мямлилъ,— думала и говорила она самой себѣ.—А вотъ я заговорю какъ слѣдуетъ, безъ увертокъ, припру его къ стѣнѣ, онъ и запоетъ у меня не по-своему, а по-моему.

Но объясненіе рѣшительное съ княземъ было отсрочено и по причинѣ совершенно особой.

Въ домѣ произошелъ переполохъ. Случившееся было неважно, но настолько всѣхъ удивило и даже поразило, что всѣ, а въ томъ числѣ и старуха, забыли и думать о своихъ дѣлахъ. Всѣхъ поразила молчаливая, безобидная и безотвѣтная княгиня Марѳа, или „нѣмая“, какъ звала ее Арина Саввишна.

„Нѣмая“ вдругъ „заговорила“, то-есть вдругъ какъ-бы сошла съ ума, „взбѣленилась“ и предстала предъ всей семьей въ такомъ новомъ видѣ, что никто глазамъ своимъ не вѣрилъ, а затѣмъ не вѣрилъ и тому, что слышалъ.

Князь Семенъ рѣшилъ, что жена захворала и что ее, очевидно, кто-нибудь сглазилъ.

Виновникомъ, или причиной всего почти цѣлаго происшествія былъ младенецъ Семенушка. Семья продолжала „носиться“ съ ребенкомъ Катюши. Мальчикъ былъ настолько красивый и смышленый младенецъ, что всѣ — отъ Ариши и до послѣдняго дворового — только дивились и „ахали да охали“.

Разговоры и розсказни про то, чѣмъ „отличился сегодня“ маленькій Семенушка, все учащались. Даже князь Аникѣевъ, видѣвшій два-три раза ребенка, божился, что онъ эдакихъ младенцевъ никогда не видывалъ.

— Смотритъ на тебя прямо командиромъ!—говорилъ онъ, подражая, конечно, другимъ, а отчасти желая угодить всей семьѣ и особенно Катюшѣ.

И однажды изъ-за пустого случая произошла цѣлая сумятица, коихъ въ семьѣ Татевыхъ давно не бывало Болѣе всѣхъ была озадачена, но и разсержена сама старуха. Привыкши за много лѣтъ производить въ домѣ по своему желанію „и ведро, и непогоду“, она, конечно, не могла допустить и мысли, что кто-либо помимо нея можетъ переполошить всѣхъ по своей прихоти.

И вдругъ „непогоду“ произвело въ домѣ самое незамѣтное въ семьѣ существо—княгиня Марѳа. Она „съ безумныхъ глазъ изъ ума ступила и взбѣленилась“ изъ-за маленькаго Семенушки.

Однажды рано утромъ пріѣхала дорогая всѣмъ гостья, генеральша Бокъ. Такъ какъ она любила дѣтей, то, конечно, съ особой нѣжностью и лаской относилась къ дѣтямъ Семена и Марѳы. Пріѣзжая въ „Симеоново“, она всегда привозила имъ „гостинцы“—иногда вещи, иногда сласти, выписанныя ею, конечно, изъ Москвы, такъ какъ простого варенья и печенья было въ волю и дома.

На этотъ разъ, пріѣхавъ, Авдотья Евдокимовна прошла прямо на половину князя Семена и одарила дѣтей его. Марѳа обрадовалась пріѣзду генеральши, но тотчасъ начала ей жаловаться, насколько умѣла, отдѣльными словами и восклицаніями. Жаловалась она, разумѣется, на то, что семья сошла съ ума отъ новорожденнаго, въ которомъ-какъ есть ничего нѣтъ особливаго.

— Дите, какъ дите; вотъ... хуже моихъ... за Саввушку дюжину давай такихъ. Носятся! Одурѣли!

Ея генеральша выслушала жалобы Марѳы, какъ горничная позвала ее отъ имени Катюши.

— Барынѣ не терпится вамъ показать нашего Семена Терентьевича!—заявила она.

— Вотъ!—воскликнула Марѳа, вскочивъ съ мѣста, и, волнуясь, заметалась безъ толку по комнатѣ.

— Вишь, ревность материнская,—замѣтила Бокъ, смѣясь,— пуще супружеской ревности.

Авдотья Евдокимовна пошла въ комнаты Катюши, обѣщаясь Марѳѣ тотчасъ вернуться пить съ ней кофе. Однако, прошло много времени, а генеральша не возвращалась. Савушка, избалованный и капризный, началъ приставать къ матери, а затѣмъ и орать:

— Хочу енерайшу! Давай Ядакіевну!

Марѳа не выдержала и пошла къ Катюшѣ.

Она нашла всѣхъ въ сборѣ. Всѣ, съ Катюшей и кормилицей во главѣ, стояли полукругомъ около постели, гдѣ на подушкѣ лежалъ полуголый ребенокъ, плотный, смуглый и румяный, съ прелестными глазами...

Семенушка „пѣлъ и плясалъ", какъ говорили всѣ, то-есть, лежа на спинѣ, покрикивалъ весело, и трещалъ, и чирикалъ, и взвизгивалъ, какъ только могутъ и умѣютъ, на всѣ голоса и птичьи, и звѣриные, только одни крѣпкіе и здоровые младенцы. При этомъ ребенокъ двигалъ ножками, отчаянно, быстро и сильно взмахивалъ ими, колотя, по подушкѣ пятками, дергался, брыкался...

Разумѣется, красивый мальчикъ былъ забавенъ и этимъ веселымъ пѣніемъ, и этой здоровой пляской, избыткомъ жизни.

Катюша млѣла отъ счастья. Ариша восторгалась на всѣ лады. Горстъ и Рафушка хохотали... Юноша подставлялъ лицо свое подъ ножки племянника и получивъ толчекъ, кричалъ:

— Убилъ! убилъ! Семенушка, ты меня убилъ!

Ребенокъ, будто понявъ восклицаніе, переставалъ заливаться соловьемъ и танцовать и совершенно серьезно широко раскрытыми умными глазами приглядывался къ Рафушкѣ, будто удивленный, но затѣмъ, улыбнувшись младенческой, ангельской и безсмысленной улыбкой, начиналъ снова пѣть и плясать.

И всѣ были въ восторгѣ, повторяя:

— Ну, Семенушка. Каковъ? Вѣдь, понимаетъ! все понимаетъ.

Генеральша Бокъ, явившаяся по зову Катюши поглядѣть на Семенушку, уже застала и танцованіе младенца, и публику, имъ восхищавшуюся. Разумѣется, Авдотья Евдокимовна нашла то, что бросалось въ глаза, то-есть красиваго и здороваго ребенка, „кровь съ молокомъ", который былъ поэтому забавенъ, какъ и всякій младенецъ-звѣрокъ съ человѣческими задатками.

— Что? каковъ, Авдотья Евдокимовна? По совѣсти, каковъ?—окружили генеральшу всѣ съ вопросами.

— Что-жъ тутъ?—развела Бокъ руками.—Такая душка, что, коли пропадетъ вдругъ, то знайте впередъ—я уворовала и увезла.

Въ ту минуту, когда всѣ, гурьбой обступивъ постель, гдѣ пѣлъ и танцовалъ младенецъ, продолжали имъ забавляться отъ души, а Рафушка подставлялъ ему въ десятый разъ свой носъ, чтобы получить ударъ ноженкой и закричать: „убилъ!“— вдругъ раздалось полудикое восклицаніе:

— Олухи! прямые олухи! Чего нашли?!

Всѣ обернулись и увидѣли княгиню Марѳу, слегка блѣдную отъ волненія и съ лицомъ, нѣсколько искаженнымъ гнѣвомъ.

— Чего? чего?—вскинулась она на всѣхъ.—Олухи! Диковина! Удавить бы его!

— Ахъ!!—воскликнула отчаянно Катюша и, бросившись къ сыну, схватила его на руки.

Это материнское „ахъ“ прозвучало такъ странно, что всѣмъ стало жутко, какъ если-бы Марѳа въ дѣйствительности бросилась душить младенца.

— Безумная ты, что-ли?—закричала Арина внѣ себя.

„Нѣмая“ повернулась и быстро вышла изъ комнаты. Катюша съ ребенкомъ на рукахъ, который, будто понявъ происшедшее, сразу пересталъ пѣть, усѣлась въ углу и заплакала.

Всѣ стали, конечно, ее уговаривать и успокаивать.

Чрезъ минутъ десять горничная Лукерья уже знала все случившееся и уже докладывала княгинѣ. Арина Саввишна сначала приняла все со смѣхомъ, но потомъ тотчасъ задумалась.

Разумѣется, случай не прошелъ за-просто, безъ послѣдствій. Княгиня все-таки тотчасъ приказала позвать къ себѣ внука Семена и на всѣ его объясненія и извиненія отъ имени жены заявила:

— Я не могу позволить никому въ домѣ буянить, поэтому уйми свою дуру нѣмую. А если не можешь съ ней по-мужески справиться, то подумай, какъ тутъ быть, что выдумать...

Семенъ глядѣлъ на бабушку, не понимая того, что она хочетъ сказать.

— Что прикажете, бабушка?—сказалъ онъ.

— Знаю; безъ тебя знаю, что могу приказать.

— Точно такъ-съ!—глуповато проговорилъ Семенъ.

— Ну, вотъ я и приказываю. Уйми бѣленную бабу, а не можешь, то, ради моего спокойствія, бери жену и ребятъ и выѣзжай.

— Куда, бабушка?—ахнулъ князь.

— Куда? куда желаешь! На всѣ четыре стороны. Ну, въ городъ, что-ли.

— Что вы, бабушка, помилосердуйте,—чуть не всплакнулъ князь Семенъ.

— Нечего мнѣ милосердствовать! Твоя нѣмая стала буянить, я этого дозволить въ домѣ не могу, ну, вотъ и возьмися за нее, какъ мужъ, а не сможешь—то уѣзжайте изъ дому!

— Я ее уйму, бабушка!—совсѣмъ глупымъ голосомъ отвѣтилъ Семенъ.

— Какъ?

— Что-съ?

— Дуракъ! какъ ты ее уймешь? а? какъ?

— Какъ прикажете, бабушка.

Княгиня вздохнула, насупилась и послѣ краткаго молчанія выговорила чуть слышно:

— Пошелъ вонъ, дуракъ!

Князь Семенъ, разслышавъ только послѣднее слово, переспросилъ:

— Что изволите?

— Пошелъ вонъ!—вскрикнула старуха.

Семенъ не вышелъ, а какъ-бы шарикомъ выкатился изъ комнаты.

Княгиня осталась въ своемъ креслѣ, задумчивая, суровая, и, судя по ея лицу, казалось, что она обдумываетъ нѣчто крайне важное.

Придя въ себя, она снова глубоко вздохнула, провела рукой по лицу, потомъ зорко оглядѣлась, какъ-бы насторожилась, опасаясь, что кто-либо ее видѣлъ въ эту минуту молчанія и размышленія.

Убѣдившись, что она одна въ комнатѣ, старуха успокоилась и улыбнулась самодовольно.

XXX.

Вся семья настолько любила Катюшу и уже настолько привязалась къ ея ребенку, что выходка и „глупыя слова“ Мареы всѣхъ сильно разсердили.

— Пустомельство! — объясняла генеральша, добродушно улыбаясь,—и больше ничего! Съ глупа, а не со зла!

— И всѣ были согласны, что Мареа была женщина собственно добрая, но крайне ограниченная, а кромѣ того и нѣсколько странная. Выходка ея была, конечно, только глупой, а не злой.

Однако, все-таки всѣ цѣлый день косились на Мареу, желая ей показать, что сердятся на нее. И, къ удивленію всѣхъ, сама женщина тоже „дулась“ на всю семью, какъ если-бы всѣ ее самое обидѣли

На другое утро „нѣмая“, по приказанію мужа, но собственно благодаря увѣщаніямъ генеральши, пошла просить прощенія у Катюши за свои „глупыя слова“ по отношенію къ ребенку. Катюша, конечно, горячо расцѣловалась съ невѣсткой.

Затѣмъ Марѳа пошла просить прощенія у бабушки. Арина Саввишна только рукой махнула.

— Что съ тебя, дуры, спрашивать? Ты по глупости не только обругать, а убить можешь. Недаромъ тогда, когда померъ Терентій, умный человѣкъ Поповъ, приглядываясь къ тебѣ, вообразилъ, что ты его уходила зельемъ какимъ. Забыла?

— Не забыла,—отозвалась Марѳа.—Грѣхъ.

— Что грѣхъ?

— Грѣхъ, не я.

— Что „не я“? Не ты умертвила Терентія? Знамое дѣло—не ты. Надо такъ полагать. Только кто оный лиходѣй—такъ и осталось невѣдомо. Будешь ты эдакъ часто покрикивать: убью или удавлю, или что еще эдакое... то и впрямь начнутъ люди думать, что тебя на это станетъ. Да!

— Языкомъ что-же? не ножъ,—угрюмо отозвалась Марѳа.

— Языкомъ? Держи языкъ за зубами. Ну, ступай!

И отпустивъ „нѣмую“, Арина Саввишна ночему-то сдѣлалась особенно весела, особенно въ добромъ настроеніи духа.

Явившаяся къ ней генеральша Бокъ сразу замѣтила ея „добрый стихъ“ и заговорила улыбаясь.

— Вижу я, мать моя, княгиня, что вы совсѣмъ въ добромъ духѣ.

— Сказано было давно, Авдотьюшка, что мы будемъ другъ дружку звать крестными именами и обѣ „тыкаться“. А вотъ ты все по-старому „вы“ да „вы“.

— Привычка, родная моя! Не нудьте, не могу,—разсмѣялась Бокъ. — Буду стараться, и все ничего не выйдетъ. Два раза скажу „ты“, и опять на „вы“ пойду. Да это все-равно. Главное, что мы теперь взаправду повздорить не можемъ, какъ бывало прежде, потому что дружба наша стала много крѣпче.

— Ты—наша благодѣтельница.

— Ладно, слышала! И вотъ говорю: не можемъ мы поссориться напропалую никогда. Развѣ вотъ только теперь, черезъ день, два...

— Какъ такъ? Не пойму, — удивилась старуха. — Развѣ только теперь, говоришь. Почему теперь?

— Да. Теперь можемъ поссориться, а изъ-за пустяковъ.

— Никогда. Чтобы я на тебя за что обозлилась?.. Да пускай тогда меня Господь Богъ...

— Погоди! не клянися!—перебила Бокъ. — Говорю вамъ, можемъ поссориться.

— Изъ-за чего?

— А вотъ изъ-за чего. Хочу я поступить, какъ мнѣ сердце говоритъ, а вы будете противъ этого. А я все-таки поступлю по-своему. Ну, вы разгнѣваетесь... и будетъ ссора промежъ насъ кровная.

— Что? что? Говори...

— Хочу я поѣхать прямо отсюда въ гости къ Абдурраманчикову.

— Что-о?!—протянула изумленная Арина Саввишна.

— Да. Въ гости, въ „Кутъ“.

— Зачѣмъ?—вскрикнула старуха.

— Зачѣмъ? только затѣмъ, что хочу повидать двухъ любимыхъ мною, которыхъ сто лѣтъ не видала. А Романъ Романовичъ, я знаю вѣрно, приметъ меня любезно, вонъ не погонитъ. Ну, вотъ, княгинюшка, какъ хотите, а въ этомъ я вамъ не уступлю. Хочешь, не хочешь, мать моя, сердись, не сердись, а я ѣду въ „Кутъ“ дня на два. Ну, что скажешь?

Арина Саввишна сидѣла въ своемъ креслѣ, согнувшись, глядя въ полъ и молчала.

— Ну, что-же, дорогая моя?

— Ступай,—проговорила княгиня глухо.

— Ступай, молъ, а потомъ вотъ тебѣ Богъ, а вотъ порогъ. Сюда, молъ, не ворочайся. Такъ, что-ли, хочешь сказать?

— Нѣтъ, Авдотья Евдокимовна, нѣтъ! Ступай, погляди, какъ они живутъ. Да, ступай!

И старуха глубоко вздохнула.

Генеральша была сильно удивлена и согласіемъ княгини, и спокойствіемъ, но затѣмъ тотчасъ-же она изумилась еще болѣе.

Арина Саввишна заговорила о Гаврикѣ и его женѣ съ чувствомъ, сожалѣла, что она уѣхала, и кончила признаніемъ, что она раскаивается въ преслѣдованіи Лизаветы.

— Чѣмъ она виновата? Любила Гаврика давно, и онъ ее тоже...

Наконецъ, старуха заявила, не глядя пріятельницѣ въ лицо, будто стыдяся:

— Да я и къ самому „персиду“ теперь другое чувство питаю. Господь его прости за все, что онъ князьямъ Татевымъ натворилъ, настряпалъ...

— Вотъ это хорошо,—воскликнула Авдотья Евдокимовна,—вотъ это славно! Господь велитъ прощать враговъ. Если вы Романа Романовича простите отъ всей души, то, кромѣ счастія, ничего оно вамъ не принесетъ. Господь наградитъ!

— Хорошо-бы это было, милая моя,—отвѣтила княгиня.—Я даже больше тебѣ скажу: Господь, коли пожелаетъ, можетъ меня особливо наградить. Я, Авдотьюшка, обѣщаніе дала, что, если Господь дозволитъ мнѣ одно важное дѣло устроить... А Онъ можетъ, все въ Его власти... Тогда я въ благодарность тотчасъ примирюся съ Абдурраманчиковымъ совсѣмъ.

— Вѣстимо, такъ люди часто дѣлаютъ,—заявила генеральша.—Но все-же, княгиня милая, это грѣхъ.

— Какъ грѣхъ? Что грѣхъ?—удивилась старуха.

— Грѣшно съ Господомъ въ эдакій торгъ входить. „Если, молъ, Ты такъ, то я, молъ, эдакъ, а не сдѣлаешь Ты по-моему, то и отъ меня ничего не жди“. Совсѣмъ грѣхъ, милая.

Арина Саввишна начала весело смѣяться.

— Смѣйся! Ты всегда маловѣрна была,—сурово отозвалась Бокъ...

— Такъ какъ-же надо по-твоему-то, говори?

— Какъ? А просто! Помирися съ врагомъ, прости его отъ всего чистаго сердца и жди затѣмъ награду отъ Бога.

— А коли Богъ не наградитъ? Тогда, вѣдь, я въ дурахъ окажуся! – разсмѣялась опять княгиня.

Авдотья Евдокимовна махнула рукой и отвернулась.

— Что съ вами толковать—только грѣшить! — произнесла она кратко.

Разумѣется, когда вся семья узнала, что генеральша ѣдетъ въ „Кутъ“, и съ вѣдома бабушки, и что бабушка „ничего“, то всѣ изумлялись. А пуще всего рады были всѣ, что старуха какъ бы раскаивается, что преслѣдовала Лизавету.

Когда Бокъ выѣзжала со двора, вся семья радостно провожала ее, прося расцѣловать Гаврика и Лизу.

XXXI.

Милостиво отпустивъ генеральшу въ „Кутъ“, княгиня рѣшила тотчасъ взяться за Аникѣева.

— Надо прежде всего только попугать да пригрозиться, и обождать,—говорила она себѣ, — а если не устрашится, ну, тогда ужъ махомъ хватить, не откладывая и не раздумывая да и жалости не допускать. Да! Были мы съ Шверинымъ друзья-пріятели не долго. Впрочемъ, если я все... все оборудую, какъ полагаю, тогда и дѣло наладится.

Вызвавъ къ себѣ князя, старуха объяснила сразу и прямо, что вслѣдствіе одной случайности ей нужно собрать побольше денегъ и поскорѣе. Поэтому она проситъ Аникѣева тотчасъ возвратить ей небольшую сумму, которую онъ взялъ.

Князь былъ настолько пораженъ нежданнымъ и даже ни на мгновеніе, ни разу имъ непредвидѣннымъ требованіемъ долга, что онѣмѣлъ и окаменѣлъ. Сидя предъ княгиней, онъ глядѣлъ на нее совсѣмъ глупыми глазами, а ротъ разинулъ черезчуръ широко, вѣроятно, сравнительно съ тѣмъ ударомъ, который получилъ.

— Вы понимаете?—спросила княгиня, которой показалось, что Аникѣевъ даже не понялъ ея вполнѣ.

— По-ни-маю,—протянулъ князь.

— Такъ вотъ, пожалуйста, Дмитрій Дмитріевичъ, поспѣшите. Хоть я и рада вамъ, какъ гостю, а все-таки должна васъ отсюда гнать. Ступайте скорѣе домой за деньгами. Конечно, привозите ихъ сами, пріѣзжайте обратно къ намъ и тогда гостите у насъ сколько вамъ Богъ на душу положитъ.

— Да, конечно! Да!—безсмысленно отозвался князь.

— Такъ собирайтесь, дорогой мой, — ласково произнесла княгиня,—собирайтесь! Какъ вы думаете? ввечеру или завтра утромъ?

— Ужъ лучше... лучше завтра утромъ, — отвѣтилъ Аникѣевъ съ тѣмъ-же безсмысленнымъ оттѣнкомъ голоса.

— Я надѣюсь, что вы больше двухъ-трехъ дней отсутствовать не будете, даже и менѣе того. Вѣдь, вы, извините, вѣроятно у сестрицы попросите на время, чтобы скорѣе исполнить мою просьбу, а потомъ уже ей другими, найденными у кого-либо, отдадите. Такъ, вѣдь? у сестрицы?

— У сестрицы,—повторилъ князь.

— Вѣдь, у нея всегда такія малыя деньги найдутся подъ рукой, какъ сказывается—въ комодѣ подъ чулками.

— Да, да! подъ чулками!—произнесъ Аникѣевъ быстро и еще быстрѣе прибавилъ:—хоть и нельзя, а все-таки надо.

— Что надо?—спросила старуха.

— Да вотъ деньги.

— Конечно. Сдѣлайте милость, князь,—нѣсколько строго произнесла Арина Саввишна, какъ-бы замѣтивъ въ голосѣ Аникѣева, что онъ небрежно и равнодушно относится къ ихъ объясненію и ея требованію.

На дѣлѣ-же князь, взятый врасплохъ этимъ объясненіемъ, еще не пришелъ вполнѣ въ себя и былъ какъ-бы въ туманѣ. Онъ былъ похожъ на чижика, попавшаго въ западню. Отдать княгинѣ долгъ не было ни малѣйшей возможности. Полученное отъ нея было, конечно, давно истрачено, вдобавокъ, ѣдучи въ „Симеоново“ и надѣясь взять тотчасъ-же у старухи еще тысячи двѣ-три, онъ занялъ триста рублей на нѣсколько дней у нѣмца, содержателя новой гостиницы. Вернувшись въ городъ, слѣдовало подумать тотчасъ уплачивать, а не занимать вновь.

На вопросъ, мысленно задаваемый самому себѣ: „что дѣлать?“ Аникѣевъ тоже мысленно разводилъ руками.

Выйдя отъ княгини, онъ прошелъ къ себѣ и сѣлъ на первый попавшійся стулъ. Просидѣвъ неподвижно съ полчаса, онъ произнесъ вслухъ:

— Что-же тутъ? Нѣтъ—и конецъ! Хоть тресни!

Разумѣется, князь тотчасъ-же рѣшилъ итти къ Горсту и объясниться съ другомъ откровенно и попросить передать старухѣ, что ея желаніе неисполнимо. Но едва Аникѣевъ на-

чалъ объясняться съ Горстомъ, какъ этотъ его остановилъ словами:

— Нѣтъ, голубчикъ. Ты это все брось... Бабушка не такой человѣкъ. Сказала тебѣ: „отдай!“—ну, ты и отдай. Иначе она поѣдетъ просить твою сестру и губернатора не дѣлать соблазна... Вѣдь, она въ судъ обратится... Срамъ...

И на всѣ просьбы и увѣщанія князя Горстъ отвѣчалъ отказомъ и невозможностью помочь. А затѣмъ онъ выговорилъ.

— Вотъ что. Брось, ради Создателя! Прошу тебя меня въ это дѣло не путать. Говорю одно: ступай въ городъ, доставай деньги и привози бабушкѣ. Не можешь... ну, тогда она сама поѣдетъ въ городъ и подыметъ дымъ коромысломъ. И описать невозможно, что она и наговоритъ, и надѣлаетъ... Или твой зять ей свои отдастъ за тебя, или...

— Да у него нѣтъ такихъ денегъ!—закричалъ князь.

— Тогда тебѣ придется итти въ долговую яму и сидѣть, пока не отсидишь всего долга. Сидѣть не трудно, а срамъ и соблазнъ великъ.

— Это значитъ безъ ножа зарѣзать! — снова вскрикнулъ князь.

— Да, кому какъ! Иному оно хуже ножа,—холодно отвѣтилъ Горстъ.

— Вѣдь это хоть застрѣлиться! — проговорилъ князь, помолчавъ.

Горстъ-же думалъ про себя:

„Если такъ... то женится! Или забылъ! Память отшибло!“

И онъ собрался было напомнить рѣзко князю, какой имѣется въ его положеніи легкій и хорошій исходъ. Однако, поразмыслилъ, онъ рѣшилъ, что лучше промолчать. Аникѣеву самому поневолѣ придетъ это на умъ.

Князь, дѣйствительно, былъ въ ужаснѣйшемъ положеніи, безнадежномъ. Онъ уже давно и, конечно, еще въ Петербургѣ пріобрѣлъ привычку брать деньги въ займы безъ отдачи. Но это были не суммы, это была рѣдко сотня рублей, а по большей части десятокъ. Когда онъ пріѣхалъ въ провинціальный городъ, гдѣ зять былъ губернаторомъ, то, разумѣется, займы увеличились въ размѣрѣ, доходили до пятисотъ рублей заразъ. Достать сразу нѣсколько тысячъ ему и на умъ не приходило, и во снѣ не грезилось.

Нежданно-негадавно старая барыня, княгиня, „чудачка“, ни съ того ни съ сего почти сама предложила ему эту сумму. Онъ, ликуя, не вѣря своему счастью, взялъ эти деньги, которыя предполагалось отдать Богъ вѣсть когда, какъ говорила сама княгиня, и, конечно, быстро ихъ истратилъ, почти расшвырялъ. И вдругъ теперь ихъ надо отдавать по ея прихоти. Когда Аникѣевъ бралъ эти деньги, то онѣ ему казались все-

таки очень большой суммой. Онъ былъ увѣренъ, что ранѣе полугода ихъ не истратитъ, и былъ самъ удивленъ, что онѣ проскочили сквозь пальцы, какъ вода. Но теперь, когда надо было достать и отдать ту-же сумму, она казалась князю громаднѣйшимъ капиталомъ, чуть не милліономъ.

Достать ее было невозможно, хотя-бы даже изъ четырехъ рукъ, такъ какъ не было въ городѣ дворянина съ достаткомъ, которому Аникѣевъ не былъ долженъ. Предъ выѣздомъ въ „Симеоново“ онъ не могъ добыть ни гроша. Всѣ отказывали, кто любезно, а кто и насмѣшливо. Одинъ нѣмецъ, содержатель гостиницы, оказался наивенъ.

Наконецъ, явился вопросъ очень серьезный. Зять Шверинъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о дурной привычкѣ своего щеголя-шурина. Узнай онъ объ этомъ, онъ въ силу своихъ правилъ немедленно попроситъ шурина выѣхать изъ его дома и изъ губерніи, уже не бояся неудовольствія жены и покровителя. Да и самъ этотъ покровитель, крестный отецъ жены, не изъ тѣхъ людей, чтобы взять подъ свою защиту шалопая, кутилу.

Князь простился со всѣми въ „Симеоновѣ“ якобы на три, четыре дня и выѣхалъ за деньгами. На видъ онъ былъ совершенно покоенъ, но думалъ:

„Прямо въ Питеръ, что-ли, удрать?!“

И то, что казалось какъ-бы шуткой, на дѣлѣ было, пожалуй, единственнымъ исходомъ, единственнымъ, кромѣ женитьбы на красивой богатой вдовушкѣ стариннаго и именитаго происхожденія.

Но, какъ ни странно, Аникѣеву и на умъ не приходило то, что было на умѣ старухи и даже на языкѣ Горста до самой послѣдней минуты прощанья и отъѣзда.

„Что-же? прихлопнули!“ — мысленно говорилъ князь: — „хвачу въ Петербургъ, никому не сказавшись!“

Разумѣется, онъ зналъ отлично, что заимодавица добьется своего, „достанетъ“ его и на берегахъ Невы. Но сидѣть и отсидѣть долгъ въ ямѣ въ столицѣ, а не въ городѣ, гдѣ зять губернаторомъ, было благоразумнѣе, ибо, конечно, произведетъ менѣе шума и соблазна, будетъ не такъ замѣтно.

Всю дорогу князь былъ хмуръ и волновался, но, по безпечности характера и молодости, подъѣзая къ городу, уже подшучивалъ:

— Ну, братецъ Дмитрій Дмитріевичъ... гисторія! Вотъ такъ гисторія! Гишпанская гисторія, какъ говоритъ часто сестринъ крестный. Должно быть, въ Гишпаніи приключаются съ людьми особливо чудесныя обстоятельства, что эдакъ сказывать стали.

И вдругъ, по странной случайности, уже почти въѣзжая въ заставу города, князь вспомнилъ и ахнулъ.

— А жениться?!

И, подумавъ нѣсколько минутъ, онъ снова пріунылъ и вымолвилъ вслухъ:

— Нѣтъ. Мужичекъ! Онъ тебѣ всю твою жизнь горькой рѣдькой обернетъ. Не будь мужичка, такъ хоть вотъ сейчасъ въ храмъ. Она — прелестница, умница, душка. А мужичка, холопка въ пасынка получитъ, на всю жизнь посмѣшищемъ для всѣхъ станъ... Нѣтъ! нѣтъ!.. Въ Петербургъ безъ оглядки! А посадятъ тамъ... ну, и посижу... и отсижу,.. Ну, и искаріотка-же эта княгиня! Ну, старуха! н-ну, Татиха!

XXXII.

Пріѣздъ генеральши Бокъ въ „Кутъ“ произвелъ, разумѣется, переполохъ, но веселый, радостный.

Еще болѣе обрадовались всѣ и были счастливы, когда узнали, что генеральша пріѣхала почти съ разрѣшенія старухи-княгини.

Болѣе всѣхъ удивился и обрадовался самъ Романъ Романовичъ.

— Глазамъ и ушамъ своимъ не вѣрю!—повторялъ онъ съ сіяющимъ лицомъ.—Какъ бы я былъ счастливъ, если-бы княгиня гнѣвъ на милость положила, простила меня и обняла Лизавету, какъ подобаетъ бабушкѣ обнять добрую внучку. Я во всемъ этомъ дѣлѣ доноса и опалы былъ не при чемъ. Все настряпалъ Ѳома Галуша. Я виноватъ вотъ только въ ихъ счастіи.

И Абдурраманчиковъ показалъ на дочь и Гаврика.

Генеральша хотѣла пробыть въ „Кутѣ“ нѣсколько часовъ или до слѣдующаго дня, если ее будутъ удерживать, но семья задержала ее на нѣсколько дней. Бокъ рада была подольше повидать Гаврика, котораго она особенно любила, тѣмъ паче, что онъ долго считался нареченнымъ ея воспитанницы.

Гаврикъ тоже любилъ Авдотью Евдокимовну издавна и сталъ немного отдаляться отъ нея, а затѣмъ и относиться уже враждебно только тогда, когда рѣшилъ жениться на Лизаветѣ, а бабушка и генеральша собирались чуть не силой вѣнчать его съ Машей.

Съ дѣтьми Абдурраманчикова у генеральши были когда-то отличныя отношенія, и она любила красивыхъ и милыхъ Лизу и Петю, какъ умныхъ, ласковыхъ и „истинно дворянскихъ дѣтей, хотя и персидскаго урожденія“.

Когда Абдурраманчиковъ, прихотливый и горячій нравомъ, нехорошо, не по-дружески и сосѣдски поступилъ съ Татевыми, предполагая, что пустяковое дѣло сойдетъ съ рукъ просто, но

вмѣсто того сталъ уже врагомъ семьи, то конечно, и генеральша Бокъ сочла его врагомъ.

Когда-же Романъ Романовичъ женилъ Гаврика на дочери, а Маша поэтому лишилась своего давнишняго нареченнаго, генеральша не обвинила никого. Да она-бы и не рѣшилась выдать свою воспитанницу за крестьянина.

— Такъ, стало быть, и слѣдуетъ!—рѣшила она.

Теперь, когда Гаврикъ сталъ снова княземъ, генеральша тоже не могла очень жалѣть, что не выдала свою Машу за человѣка, давно и глубоко любящаго другую дѣвушку. Къ тому-же умная и справедливая во всемъ старуха, видѣла и понимала ясно, что ея Маша и Елизавета Абдурраманчикова равняться не могутъ, ни красотой, ни умомъ, ни характеромъ. Не даромъ она эту Лизу любила еще ребенкомъ! Она даже въ глубинѣ души вполнѣ оправдывала Гаврика, спасшагося бѣгствомъ отъ насильнаго брака съ нелюбимой.

Кромѣ того, у генеральши была довольно давно на умѣ одна мысль, которую она хранила въ тайнѣ безъ исключенія отъ всѣхъ. Мысль эту одно время она совсѣмъ покинула, когда Арина Саввишна надумала бракъ внука съ ея Машей, но затѣмъ, несмотря на враждебныя отношенія съ Абдурраманчиковымъ, Авдотья Евдокимовна послѣ женитьбы Гаврика снова вспомнила о томъ, что ей когда-то мерещилось и нравилось, было особенно по душѣ. Но обстоятельства или положеніе Абдурраманчикова настолько перемѣнились, что мечтать о томъ-же было нелѣпо. Когда-же Романъ Романовичъ потерялъ должность, а затѣмъ, какъ утверждали всѣ, разорился, Бокъ снова предалась своимъ мечтамъ, своей давнишней грезѣ.

А греза эта была выдать Машу за Петра Романовича.

Теперь дѣло казалось исполнимѣе, чѣмъ когда-либо прежде.

По пріѣздѣ въ „Кутъ“, генеральша чрезъ три дня ясно увидѣла, что въ семьѣ что-то не ладно, будто что-то приключилось.

Разумѣется, молодежь, въ которой Бокъ замѣтила нѣкоторую угрюмость и озабоченность, на вопросъ ея о причинѣ этого страннаго явленія, тотчасъ-же искренно повѣдала все. Гаврикъ первый заговорилъ, намекая на горестное положеніе ихъ, а затѣмъ жена его и Петръ пошли еще дальше. И генаральша узнала, какая нежданная бѣда свалилась на нихъ и тяготитъ ихъ: женитьба старика-отца и къ тому-же на „извѣстной“ особѣ. Конечно, Бокъ ахнула и тоже пришла въ ужасъ, такъ какъ тоже съ презрѣніемъ относилась къ пресловутой шведкѣ, любимицѣ не только Звѣрева, но и „иныхъ прочихъ“.

— Да неужто-же она, баба уже въ лѣтахъ, могла прельстить Романа Романовича?—спросила Бокъ, изумляясь.

— То-то, Авдотья Евдокимовна!—уныло отозвался Петръ,— даже и не это...

— Что-же тогда?

— Колдовство, или иное что—тайное,—сказалъ Гаврикъ.

— Чего тайное? зачѣмъ? Отъ Авдотьи Евдокимовны тайнымъ быть не должно,—вступилась Елизавета. — Просто потому, что Шкильдъ стала богата теперь.

— Такъ на деньги польстился Романъ Романовичъ?—еще болѣе ахнула генеральша.

— Да, Авдотья Евдокимовна, на деньги. Но спросите: зачѣмъ онѣ батюшкѣ?—сказалъ Петръ.—Въ сто лѣтъ не отгадаете, не зная нашихъ дѣлъ. За тѣмъ. чтобы оставить за собой, за мною, вѣрнѣе сказать, нашъ „Кутъ“. Вѣдь, мы разорены.

— Слыхала я это, милый мой, да все не вѣрилось.

— Да-съ, это — правда. Вотъ только женитьбой этой и можно батюшкѣ поправиться и „Кутъ“ сохранить.

— Что ты, помилуй!..—воскликнула генеральша.—Ему? въ его годы? Тебѣ-бы ужъ приличнѣе было эдакое.

— Какъ мнѣ? — удивился Петръ.—Что собственно? Жениться?

— Ну да! жениться на приданницѣ-дѣвицѣ, и на ея деньги вотчину и очистить отъ долга.

— Гдѣ-же эта невѣста?—разсмѣялся Петръ.—Найдите мнѣ такую, Авдотья Евдокимовна.

— И найду! Не будешь отпираться, коли найду?

— Если не злая и не особенно дурнорожа, то женюсь,— отвѣтилъ Петръ, смѣясь.

— Нѣтъ, молодецъ, давай говорить безъ смѣшковъ. Если ты любишь [illegible], то долженъ-бы жениться безъ оговорокъ и на злючей, и на уродѣ, вотъ что! коли желаешь отца отмолить а уберечь.

— Правда ваша, Авдотья Евдокимовна! — серьезно и съ чувствомъ вымолвилъ Петръ.

— Да не бойся, голубчикъ, не придется!—сказала Бокъ.— Я найду тебѣ богатую, но добрую и тихую, всѣмъ милую, найду такую, какую полюбишь самъ.

Молодые люди, совершенно не знавшіе, что Бокъ предназначаетъ своей Машѣ все свое состояніе въ обходъ законныхъ наслѣдниковъ и что сумма всего приданаго, скрываемая генеральшей, крайне велика, разумѣется, не могли догадаться, о комъ она теперь говоритъ.

Впрочемъ, объясненія дальше не пошли. Генеральша заявила только, что совершенно не шутитъ и невѣста-приданница у нея есть даже на примѣтѣ, а самое дѣло можетъ устроиться проще простого. Затѣмъ Бокъ вызвалась сама переговорить съ Абдурраманчиковымъ, усовѣстить его и передать свой соб-

ственный планъ. Сначала молодежь, озадаченная, было воспротивилась, боясь, что старикъ разсердится на нихъ за то, что они проболтались. Но послѣ краткаго совѣщанія всѣ трое рѣшили, что объясненіе генеральши съ отцомъ, кромѣ добра, ничего принести не можетъ.

— Только не ссылайтесь на насъ, Авдотья Евдокимовна,— сказала Елизавета.

— Скажите, что въ городѣ слышали обо всемъ,— рѣшилъ Петръ,—Я знаю, что Роза Эриховна уже начала хвастаться всѣмъ. Она не называетъ батюшку, но многіе догадываются, что это—онъ. Стало, вы и могли стороной узнать.

— Ни единымъ словомъ, милые мои, васъ не выдамъ,— объявила Бокъ.—Скажу, что сама была въ городѣ и узнала отъ друзей прямехонько, что Шкильдиха — невѣста Абдурраманчикова. Такъ, молъ, всѣ говорятъ и всѣ, молъ, очень соблазнились, что онъ на такой стыдъ идетъ.

На слѣдующій-же день, уже собираясь уѣзжать, генеральша заявила хозяину:

— Надо мнѣ вамъ особливую пару словъ сказать.

Абдурраманчиковъ удивился, затѣмъ разсмѣялся и пригласилъ генеральшу къ себѣ въ кабинетъ.

— Въ шутку или и въ правду дѣло у васъ до меня?— спросилъ онъ.

— Плохія шутки, Романъ Романовичъ! Прислушайте-ка вотъ. Не ради любопытства глупаго и не ради пустомельства хочу я отъ васъ узнать о важномъ дѣлѣ, а ради любви моей къ вашимъ дѣтямъ. Ну, вотъ и объяснит[illegible] правда или злоязычіе одно—то, что я въ городѣ слыша[illegible]?

И Бокъ, передавъ все, спросила:

— Женихъ вы въ ваши года, да еще с[illegible]ли все—выдумка злыхъ людей?

Абдурраманчиковъ виновато и отчас[illegible]но поникъ головой и выговорилъ глухо:

— Правда сущая, Авдотья Евдокимовна.

— И не грѣхъ вамъ? И не стыдъ вамъ?!

— Нѣтъ, и стыдъ, и грѣхъ—чувствую, я чувствую пуще кого-либо!—воскликнулъ Абдурраманчиковъ.—Хуже-то ничего не могло приключиться въ моей жизни. Что опала или разжалованье?! Около эдакаго всякая бѣда пустякъ!

— Такъ зачѣмъ-же? зачѣмъ тогда?..—спросила Бокъ, какъ если-бы ничего не знала, но отчасти желая провѣрить мнѣніе молодыхъ людей.

„А ну, вдругъ, онъ просто въ эту шведку „влѣпился“ на старости лѣтъ“?—думалось ей все-таки.

И она прибавила:

— Безъ памяти отъ нея что-ли? Такъ, вѣдь, эдакихъ, Романъ Романовичъ, немудрено и безъ бракосочетанія... Охъ, стыдно мнѣ сказать. И старая я, да все-таки стыдно.

— Понимаю! знаю!—уныло отвѣтилъ Абдурраманчиковъ.— Нѣтъ, слава Богу, я еще разума не лишился, и такія прелестницы, какъ Роза Эриховна, меня прельщать не могутъ...Иное тутъ замѣшалось. Извольте, ради вашей доброты и ласки я вамъ все разскажу.

И Абдурраманчиковъ передалъ генеральшѣ слово въ слово все то-же, что она уже узнала отъ его дѣтей. А затѣмъ она узнала и больше, узнала и то, чего они не знали.

Романъ Романовичъ объяснилъ, сильно волнуясь, что онъ презираетъ шведку, и что она ему и душевно и тѣлесно гадка и отвратительна.

— Ради Петра! ради „Кута“!—воскликнулъ онъ.

— Вѣрно? только ради этого?—спросила Бокъ.

— Вѣрно, родная моя.

— Побожитесь мнѣ, что, если я найду вамъ средство избавиться отъ Шкильдихи, обойтись безъ нея, чтобы сохранить сыну вотчину, то вы...

— Родная моя!—воскрикнулъ Абдурраманчиковъ,—и говорить вамъ не дамъ. Все! все, что хотите, на все согласенъ!.. Помогите! спасите! Спасите старика отъ срама.

— По рукамъ, Романъ Романовичъ! — заявила радостно генеральша.

— По рукамъ, дорогая моя.

— Я за все берусь! Я — стрекулистка и ходатайка не простая, не такія дѣла устраивала! Я до царя ходила, сами знаете. Слушайте меня, и все обойдется добропорядочно, на общее счастіе.

Авдотья Евдокимовна разсталась со всѣми радостная и, уже садясь въ экипажъ, тихо шепнула Гаврику, который поправлялъ ей подушку въ экипажѣ:

— Романъ Романовичъ обѣщался не жениться, если я инако дѣло устрою, а я Петра женю, вотъ тебѣ Богъ!

Послѣ отъѣзда генеральши въ „Кутѣ“ всѣ оживились и ободрились. Старикъ и молодежь ни словомъ не обмолвились между собой. Но, если Романъ Романовичъ удивлялся и недоумѣвалъ, отчего дѣти стали веселѣе, то молодежь, зная все, вѣрила въ это все.

— У Авдотьи Евдокимовны слово свято! — говорили они другъ другу.

XXXIII.

Прошло около мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ князь Аникѣевъ гостилъ въ „Симеоновѣ“, а затѣмъ выѣхалъ, вдругъ и поневолѣ, за деньгами, чтобы уплатить свой долгъ княгинѣ.

Снѣгъ уже сошелъ, и началась ясная, теплая весна. И, какъ всегда, какъ вездѣ, все оживало. Не только трава и деревья, но и люди смотрѣли иначе, будто временно пріободрившись, даже помолодѣвъ сравнительно.

Старуха Арина Саввишна, несмотря на свои года, тоже глядѣла бодрѣе, была въ хорошемъ расположеніи духа, добра и ласкова со всѣми. А когда бабушка бывала не сердита, то и всѣмъ въ „Симеоновѣ“ жилось легче.

А, между тѣмъ, самое главное дѣло княгини, ея „прожектъ“, про который зналъ Горстъ, не подвигался впередъ ни на шагъ.

Князь, живя въ городѣ, не подавалъ о себѣ никакихъ вѣстей. Горстъ, по приказанію княгини, собралъ свѣдѣнія о князѣ и его времяпрепровожденіи и узналъ, что Аникѣевъ живетъ себѣ попрежнему пріятно и весело, но нѣсколько тише въ смыслѣ затѣй и швырянія денегъ. Какъ онъ думаетъ о своемъ долгѣ княгинѣ и что собирается предпринять, было, конечно, неизвѣстно.

Когда-то, чрезъ недѣлю послѣ отъѣзда князя и его молчанія, княгиня савсѣмъ было собралась отрядить Горста въ городъ, чтобъ „начать дѣло“, то-есть заставить князя покориться ея волѣ: или сѣсть въ долговую яму, или свататься за Катюшу, но затѣмъ, будто перемѣнивъ свою точку зрѣнія на свой „прожектъ“, она заявила:

— Обождемъ Горсточка. Сказывается, что всякое, что желаешь взять, надо брать не мытьемъ, такъ катаньемъ. Вотъ мы пробовали мытьемъ, ничего не вышло, теперь попробуемъ катаньемъ.

Но на вопросъ, что будетъ дѣлать бабушка и что подразумѣваетъ она подъ „катаньемъ“, Арина Саввишна ничего не объяснила.

Во всякомъ случаѣ, Горстъ недоумѣвалъ, почему старуха, рѣшительно потребовавъ уплату денегъ, когда князь заявилъ, что Катюша для него не невѣста, благодаря ребенку, теперь въ виду молчанія и даже пренебрежительнаго образа дѣйствій князя ничего не предпринимаетъ.

— Онъ и ухомъ не ведетъ, бабушка,—говорилъ Горстъ, нѣсколько возмущенный безцеремонностью Аникѣева.

— Ну, и пускай его! Захочу—обоими ухами сразу насторожится... оба уха будутъ на макушкѣ, на чеку, — отвѣтила старуха.

Такъ прошло около мѣсяца. Жизнь въ „Симеоновѣ“ шла попрежнему тихо и однообразно. Главное занятіе семьи было все-таки, по выраженію княгини Марфы, „олуховствовать“.

Она, постоянно заявляла мужу угрюмо:

— Наши... когда очухаются? Что олухи зарядили! Все съ Сенькой... все Сенька. Буде олуховствовать!

— Не твое это дѣло,—заявлялъ князь Семенъ кратко, но все-таки нетерпѣливо.

— Нѣтъ, мое! нѣтъ, мое! нѣтъ, мое!..—упрямо, но глуповато повторяла жена.

Дѣйствительно, вся семья и даже самъ Семенъ продолжали носиться съ маленькимъ Семенушкой, то-есть брали его охотно на руки по очереди, удивлялись его понятливости, даже его уму, и попрежнему восторгались его „пѣньемъ и пляской“, когда кормилица, перемѣнивъ на немъ все бѣлье и покормивъ, клала его на тюфячекъ.

Теперь уже было давно рѣшено въ „Симеоновѣ“ и извѣстно по всей округѣ, извѣстно кой-кому даже въ городѣ, что такого ребенка, каковъ уродился у Катерины Антоновны, никогда еще на памяти людей въ намѣстничествѣ не рождалось.

Генеральша Бокъ не долго погостила у Татевыхъ послѣ своего посѣщенія Абдурраманчикова и собралась къ себѣ, ссылаясь на важное дѣло. Однако, она успѣла чуть не убѣдить друга, не откладывая, примириться не только съ внукомъ и его женой, но и съ самимъ давнишнимъ врагомъ, Романомъ Романовичемъ, который, говорила она, „нынѣ волкъ безъ зубовъ и хвостъ опустилъ“.

Княгиня отвѣчала только:

— Ладно! видно будетъ. Не надо спѣшить! Устройся одно мое дѣло, я не только съ „персидомъ“, съ самимъ чортомъ въ дружество и въ любовь полѣзу.

Уѣзжая, генеральша заявила пріятельницѣ, что у нея опять другой женихъ на примѣтѣ для ея Маши, и что на этотъ разъ, если все устроится, то она рѣшилась Машу выдать.

Княгиня насупилась.

— Ты обѣщала ждать!—проворчала она.

— Чего, родная? чего ждать?

— Обождать... не спѣшить.

— Да ты разсуди, чего мнѣ обжидать!—воскликнула Бокъ.— Вѣдь, нечего?

Княгиня ничего не отвѣтила и нѣсколько холодно или угрюмо простилась съ пріятельницей.

— Не злися, дорогая! будь разумна! За что Машѣ въ дѣвкахъ просидѣть по твоей прихоти?—сказала генеральша добродушно усмѣхаясь.

Наконецъ, однажды Арина Саввишна позвала Горста и спросила его:

— Есть мѣсяцъ, что твой Дмитрій Дмитріевичъ на три дня въ городъ уѣхалъ за деньгами? Мѣсяцъ минулъ?

— Нѣтъ, бабушка,—улыбнулся Горстъ.—Но скоро, пожалуй, и мѣсяцъ будетъ. Недѣли три навѣрное.

— Ну, вотъ видишь-ли... Пора опять его за бока. Это—безстыдство.

— Я вамъ, бабушка, это давно уже сказывалъ. И я удивляюсь, что вы не хотите его проучить за неблаговоспитанность. Не можетъ онъ найти денегъ, ну, напиши письмо, извинися... А онъ уѣхалъ, и какъ ни въ чемъ не бывало.

Арина Саввишна, какъ-бы соглашаясь съ внукомъ, кивнула головой и сердито произнесла:

— Ну, вотъ теперь я и собралась совсѣмъ его... его изъ-репенить. Да знаешь, какъ ребятъ репейникомъ порятъ. Много-полезно бываетъ.

— Это такъ говорится, бабушка,—разсмѣялся Горстъ,—крапивой много хуже, чѣмъ репейникомъ.

— А тебя сѣкли родители крапивой?

— Сѣкли, даже трехвосткой ременной.

— Оттого ты вотъ умница. Ну, слушай, умница! Собирайся въ городъ! Выѣзжай сегодня же и на одинъ день. Повидай князя и спроси: хочешь, молъ, отдать деньги? Отвѣтитъ: „не могу“ или отвѣтитъ: „обождите!“—скажи тогда, что если, молъ, не можешь отдать сейчасъ, послѣ пѣлаго мѣсяца проволочки, то сватайся за Катюшу. А не желаешь ни того, ни другого, то пожалуй насъ-садися въ яму. И какъ его отвѣтъ получишь, такъ сюда, не мѣшкая, назадъ съ докладомъ.

Горстъ желалъ отложить поѣздку на день или два, такъ какъ Аришѣ нездоровилось, но старуха гнѣвно заявила: „пустяки!“

Горстъ съѣздилъ въ городъ, повидалъ князя, котораго нашелъ „какъ ни въ чемъ не бывало“, и переговорилъ о долгѣ. Аникѣевъ заявилъ то же самое, любезно, весело и ласково:

— Сейчасъ не могу... Вотъ какъ только можно будетъ, такъ сейчасъ-же, „тую-же минутою“.

И онъ обнялъ Горста, смѣясь, и даже облобызалъ.

Горстъ, нѣсколько смущаясь, заговорилъ о Катюшѣ и о бракѣ его, который удовлетворилъ бы обѣ семьи: и Татевыхъ, и Шверныхъ.

Князь зажмурился, замоталъ головой, ничего не говоря, а затѣмъ на просьбу Горста отвѣтить толкомъ отозвался, шутя, нараспѣвъ:

— Мужичекъ! мужичекъ!

— Ребенокъ? Да... Ну, какъ знаешь... Прощай! Черезъ недѣлю я, вѣроятно, пріѣду опять по порученію бабушки и уже прямо отправлюсь говорить... но уже не съ тобой...

— Съ сестрой, что-ли?—немного насупился князь.

— Нѣтъ. Уже съ самимъ начальникомъ всякихъ здѣшнихъ людей и обстоятельствъ.

Друзья разстались нѣсколько сухо.

Когда Горстъ, по возвращеніи въ „Симеоново", передалъ княгинѣ, что Аникѣевъ „и въ усъ не дуетъ", старуха не отвѣтила ни слова и задумалась.

— Я ему сказалъ, бабушка, что, спустя мало, пріѣду снова въ городъ уже непремѣнно сажать его въ долговую яму, объяснивъ все напередъ самому Шверину.

— Ну, что-же онъ?

— Да ничего.

— А про Катюшу совсѣмъ ни разу не сказалъ, что она сама ему не по сердцу?—спросила старуха, помолчавъ.

— Нѣтъ-съ. Все то же... Заладилъ свое слово: „мужичекъ".

— Ну, что-же дѣлать! Видно, надо... Посадимъ его. Пускай отсиживаетъ мои денежки,—сказала Арина Саввишна и прибавила: — другого ничего сдѣлать нельзя. Я—дура... да, дура пѣтая! Дала деньги, а на умъ не пришло, что у нашей вдовушки, хоть и красавицы да богачки, да дитя въ утробѣ. Да еще какое? Онъ правду сказываетъ. Хоть и не семи пядей во лбу, а это раскусилъ.

— Что, бабушка? спросилъ Горстъ.

— А про мужичка,—отозвалась старуха угрюмо.

XXXIV.

Прошло еще дня три послѣ поѣздки Горста въ городъ, и княгиня, крайне сумрачная и озабоченная, не говорившая почти ни съ кѣмъ, на вопросы внучатъ, не хворость-ли какая у нея, отвѣчала коротко и угрюмо:

— Да, недужится.

О новой поѣздкѣ Горста въ городъ, ради объясненія съ Шверинымъ, она не говорила ни слова.

Однажды утромъ, вся семья узнала отъ Лукерьи, что княгиня не встала, а пожелала остаться въ постели, жалуясь на боли во всемъ тѣлѣ, особливо въ ногахъ, и на тяжесть въ головѣ.

Ариша, Катюша и Мароа тотчасъ отправились къ бабушкѣ. Старуха, лежа въ постели, объявила внучкамъ, что у нея ничего нѣтъ особо худого, но прибавила угрюмо:

— Года! Прежде и настоящія болѣзни на ногахъ спроваживала отъ себя. Болѣзни и хворости любятъ, когда человѣкъ валяется въ постели, и не любятъ, когда человѣку на нихъ наплевать и онъ ходитъ и дѣла свои справляетъ, какъ здоровый. Хворость сейчасъ тогда дралу изъ его тѣла. Но за это сила нужна. А я вотъ теперь стара стала и не могу такъ-то свои хворости выпугивать изъ себя.

И два дня пролежала старуха въ постели, особенно жалуясь на ноги. Раза три рѣшалась она съ помощью внучекъ попробовать встать съ постели и стать на ноги, но не могла.

— Отъ самой поясницы и до самыхъ пятъ не чую ногъ, и будто онѣ огнемъ горятъ,—заявляла она.

Горстъ предложилъ послать за докторомъ въ городъ, но Арина Саввишна даже разсердилась на это.

— Отродясь я со знахарями не зналась и имъ себя на издѣвательства, а то и мучительства не давала—объяснила она.—Бывали у насъ всякіе эдакіе морители, но для васъ, для вашего отца, для дворовыхъ людей тоже... А для меня, слава Богу, за всю мою жизнь въ нихъ нужды не было.

— Бабушка!—заявилъ Горстъ.—Въ ваши года такая неспособность быть на ногахъ—нехорошее дѣло. Вѣдь, эдакъ и параличъ ногъ приключиться можетъ.

— Типунъ тебѣ, дуракъ, на языкъ!—воскликнула старуха.—Гляди, черезъ недѣлю не пойду, а побѣгу...

Катюша, Ариша и Марѳа, чередовавшіяся у постели старухи днемъ, ради бесѣдованія съ ней, были того-же мнѣнія, что бабушка живо справится, такъ какъ на ихъ памяти никогда не болѣла, а тѣмъ паче никогда въ постели не лежала. На предложеніе дежурить имъ тремъ внучкамъ, по почамъ на случай какой нужды Арина Саввишна тоже разсердилась.

— Не только васъ мнѣ не надо, а и Лукерья моя не смѣетъ у меня по близости торчать,—отозвалась она гнѣвно.

— И дѣйствительно, несмотря на просьбы горничной оставаться на ночь при барынѣ въ спальнѣ на полу, княгиня постоянно отсылала ее спать къ себѣ наверхъ.

— Я не нынѣ-завтра совсѣмъ поднимуся, — объяснила она.—Мало, что ноги не хотятъ ходить, да я-то хочу и прикажу имъ, ну, и пойдутъ подлыя!

Горстъ, посовѣтовавшись съ женой и шуриномъ, рѣшилъ, однако, потихоньку отъ бабашки послать коннаго въ городъ, чтобы вызвать на совѣтъ лучшаго доктора.

— Янковича позвать, — сказала Катюша. — Онъ у насъ, вѣдь прежде жилъ и всѣхъ пользовалъ.

— Что ты? Богъ съ тобой!—отмахнулся Горстъ и засмѣялся.—Бабушка узнаетъ, что онъ тутъ, и отъ одного гнѣва хуже захвораетъ.

— Да, бабушка его теперь, не жалуетъ,—сказала и Ариша.

И Горстъ вмѣстѣ съ Семеномъ рѣшили, что если на утро старухѣ не будетъ лучше, то послать гонца за докторомъ и посовѣтоваться съ нимъ тайно отъ нея. Но на утро никому въ домѣ и на умъ не приходило посылать гонца. Даже всѣ будто забыли о томъ, что старуха хвораетъ и лежитъ въ постели. Всѣмъ было не до того.

Около трехъ часовъ, когда весь домъ спалъ и царила въ домѣ мертвая тишина, только одинъ человѣкъ не спалъ, ворочался съ боку на бокъ на своей постели и вздыхалъ, думая:

„Что за притча? Ни въ одномъ глазу сна нѣтути. Отъ кваса, что-ли?..“

Одолѣла безсонница, именно, кормилицу Семенушки. Поднявшись и покормивъ своего питомца передъ полуночью и уложивъ его въ люльку вмѣстѣ съ проснувшейся Катюшей, кормилица снова улеглась... Вскорѣ она убѣдилась, прислушиваясь, что и питомецъ ея, и молодая барыня крѣпко заснули... Сама-же она чувствовала себя, какъ среди дня. Вотъ хоть сейчасъ вставай. Среди этой безсонницы она поневолѣ размышляла о своихъ дѣлахъ и заботахъ, о своемъ Павлушѣ, котораго теперь тамъ, далеко, кормитъ сестра соской съ коровьимъ молокомъ, о своемъ мужѣ Ермолаѣ, который долго не хотѣлъ ее отпустить въ кормилицы и согласился только тогда, когда узналъ, что она будетъ взята въ домъ важныхъ, „почитай, первыхъ господъ“ во всей округѣ. Несмотря на любовь женщины къ своему питомцу въ силу, привычки, она все-таки мечтала и о томъ днѣ, когда вернется къ мужу и къ своему дѣтенышу.

„Родной-то все ближе всякихъ прочихъ“,—думала молодая женщина и по добродушію и прямотѣ нрава какъ-бы тайно каялась въ такихъ мысляхъ. Размышленья вперемежку съ полудремотой и съ грезами вдругъ были прерваны, какъ толчкомъ. Кормилица сразу сѣла на кровать и вымолвила:

— Кто-й-то?.. Чего?

Ей почудилось, что въ темной комнатѣ двинули стуломъ... Чрезъ мгновеніе она вымолвила тихо:

— Вы, что-ль, барыня?

Но Катюша не отвѣтила, и кормилица поняла, что ей, должно быть, просто все пригрезилось.

„Да, вѣдь, какъ это диковинно!—думала она, снова укладываясь.—Прямо вотъ тебѣ стуломъ ерзнули“.

И она вспомнила, что стулъ, на который молодая барыня клала свое платье на ночь и который обыкновенно стоялъ прислоненный къ ея постели, на этотъ разъ случайно остался „на дорогѣ“. Подымися она теперь въ темнотѣ на крикъ ребенка, то непремѣнно бы и сама наскочила на него.

Черезъ нѣсколько минутъ, кормилица уже спала въ свой чередъ и спала крѣпко, слегка прихрапывая.

Но въ это самое мгновенье Катюша начала шевелиться въ своей постели, затѣмъ поднялась и тоже сѣла въ постели, проводя рукой по головѣ и по лбу и озираясь среди полной тьмы комнаты.

„Какъ это чудно?—думалось ей.—Вотъ совсѣмъ какъ наяву".

Катюша видѣла во снѣ, что люлька ея Семенушки „поѣхала" по полу, скрипя и шумя, „подъѣхала" къ ея постели, а Семенушка будто вылетѣлъ изъ нея, прилетѣлъ къ ней на грудь, обнялъ ея шею обѣими руками и сказалъ: „Мамочка, пойдемъ гулять!" Катюша спросила: „Куда?" Семенушка, какъ большой человѣкъ, отвѣтилъ и много, много наговорилъ... Онъ разсуждалъ, разсказывалъ и вдругъ разсердился и сталъ корить и грозиться... Она стала просить прощенья, чувствуя себя во всемъ виноватой, но это былъ не ребенокъ ея, а Терентій... И онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, эдакое простить не можно, Богъ съ тобой!" И Катюша, сидя на постели, вспоминая этотъ удивительный сонъ, въ то же время чувствовала легкое смущеніе. Сонъ былъ простой. а будто страшный.

Сердце молотомъ стучало въ ней.

„Это отъ того, что „онъ" очень гнѣвенъ былъ?"—рѣшила молодая женщина, которая мысленно никогда не называла по кончинѣ мужа по имени. Терентій былъ въ ея мысляхъ „онъ". Только теперь, съ тѣхъ поръ, какъ явилось на свѣтъ другое столь-же близкое ей существо, она начала путаться. Думая про своего мальчика, она поневолѣ иногда называла его тоже „онъ".

Посидѣвъ нѣсколько мгновеній въ постели, Катюша перекрестилась, чтобы успокоиться совсѣмъ, и снова легла, закрываясь одѣяломъ.

Но въ ту же минуту Семенушка запищалъ.

— Спи, почивай, родной!—тихонько проговорила Катюша.

Зная, что новорожденный ничего не понимаетъ, она, тѣмъ не менѣе, съ перваго дня его рожденія обо всемъ и много разговаривала съ нимъ.

Семенушка запищалъ громче и, наконецъ, заплакалъ.

Хотя и крѣпко, но чутко спавшая кормилица тотчасъ-же очнулась и шевельнулась. Катюша позвала ее, и женщина вскочила на ноги.

— Аль кушать захотѣлъ? Иди, мой родной, иди, золотой!..

Кормилица взяла ребенка изъ люльки на руки. Катюша, снова вспомнивъ свой сонъ, не легла, а зажгла свѣчку и стала разсказывать кормилицѣ, что ей привидѣлось.

Но едва только начала она подробно разсказывать про удивительное летаніе Семенушки изъ люльки къ ней на постель и его удивительныя рѣчи, какъ самъ настоящій Семенушка прервалъ разсказъ матери.

Припавъ къ груди мамки, онъ сначала только изрѣдка отрывался, вскрикивалъ жалобно и опять хваталъ ротикомъ грудь, но затѣмъ, продолжая сосать, онъ началъ уже горько плакать и поперхаться .. Наконецъ, онъ оторвался совсѣмъ и сталъ крикливо плакать все громче и громче...

Вскорѣ отчаянные вопли малютки раздавались уже на весь домъ.

Онъ бился на рукахъ кормилицы, какъ-бы въ судорогахъ.

XXXV.

Когда стало разсвѣтать, то въ домѣ и во всей усадьбѣ, даже на всемъ почти селѣ было извѣстно, что „маленькій барчукъ“ кончается.

При первыхъ лучахъ восходящаго весенняго теплаго солнца, малютка еще наканунѣ здоровый, крѣпкій, красивый, веселый, забавный—лежалъ бездыханнымъ трупикомъ—и неузнаваемымъ, почернѣлымъ и скорченнымъ.

Вся семья, конечно, съ ночи была на ногахъ. При первомъ крикѣ ребенка, который не походилъ на обыкновенный плачъ, первая проснулась, поднялась и прибѣжала Ариша.

Она нашла сестру въ состояніи какъ бы столбняка. Катюша сидѣла на постели кормилицы около ребенка, который, лежа на тюфячкѣ, страшно дергался, дико, хрипливо кричалъ и корчился .. Катюша, глядя на ребенка, не двигалась, ничего не предпринимала и повторяла безъ конца:

— То-же... Вотъ... то-же...

Ариша стала хлопотать вмѣстѣ съ кормилицей и дѣлать горячія припарки на животъ ребенка. Вскорѣ прибѣжала полусонная и перепуганная Марѳа, за ней Лукерья и другія горничныя...

Затѣмъ поднялись и пришли въ свой чередъ озабоченные Семенъ, Рафушка и Горстъ, проснувшійся послѣднимъ и болѣе всѣхъ смущенный.

Всѣ, равно, помимо Марѳы, были будто перепуганы собственнымъ предчувствіемъ. Всѣмъ, равно, сразу показалось, что положеніе ребенка не простая хворость. Всѣ подумали одно и то-же:

— Смерть!

Мать, окаменѣвшая отъ того, что происходило на ея глазахъ, уже давно безсмысленно повторяла то-же самое:

— Нечего! нечего! Конецъ! То-же... вотъ то-же...—произносила она тихо, но грубо и будто озлобленно.

Но Катюша была въ такомъ состояніи, что почти не сознавала окружающаго, будто не видѣла всѣхъ хлопотавшихъ въ комнатѣ, не слышала словъ, обращенныхъ къ ней.

Когда ребенокъ смолкъ послѣ своего послѣдняго, ужаснаго вздоха-вопля, или, скорѣе, пронзительнаго крика, эхо котораго пронеслось по всему дому, то всѣ поняли, что онъ скончался. Одна Катюша, продолжавшая присматриваться къ ребенку, произносила:

— Прошло, что-ли?....

Всѣ молчали и не двигались...

Тронувъ сына два раза рукой, она слегка вздрогнула, потомъ обвела всѣхъ глазами и встала съ постели кормилицы, гдѣ просидѣла, не двигаясь, въ той-же позѣ часа четыре... Но ставъ на ноги, Катюша зашаталась и, неподдерживаемая никѣмъ, повалилась пластомъ на полъ.

Когда ее привели въ чувство, она оглядѣлась на всѣхъ другими, будто болѣе спокойными, но въ сущности какъ-бы остеклѣлыми глазами, и тихо произнесла:

— Бабушка!

Никто не понялъ, чего она хочетъ.

— Бабушка!—повторяла Катюша.

— Бабушка хвораетъ, въ постели,—сказала Ариша.—Хочешь дойти къ бабушкѣ, а? Желаешь?

— Что?—проговорила Катюша, вопросительно глядя сестрѣ въ лицо.

— Хочешь итти къ бабушкѣ? Пойдемъ!

— Охъ, нѣтъ!—вскрикнула и слегка вздрогнула молодая женщина.

Затѣмъ она взяла себя за голову и прошептала:

— Да какъ же это такъ? Что-же это такое? Зачѣмъ не меня?

Между тѣмъ, Горстъ былъ позванъ къ княгинѣ, которая чрезъ Лукерью знала все, что происходитъ у Катюши, и узнала равно о смерти ребенка. Впрочемъ, послѣдній крикъ мальчика почти достигъ спальни старухи, такъ какъ пронесся по всему большому дому.

— Скажи, говори!..—взволнованно встрѣтила Арина Савишна Горста, полулежа въ постели.—Почему? Что собственно?

— Невѣдомо, даже непонятно!—произнесъ Горстъ, странно косясь и не глядя прямо на старуху.

— Да что-же это? почему? что приключилось? Родимчикъ?

— Нѣтъ, бабушка, не родимчикъ...—глухо произнесъ Горстъ.—Совсѣмъ непонятно... Сразу захватило и вотъ... конецъ. Вотъ, какъ Терентія...

— Какъ Терентій?!—громко вскрикнула Арина Савишна и сѣла на постель, какъ-бы пораженная.

— Да-съ.

— Что какъ Терентій? Почему? Кто говоритъ?—страннымъ голосомъ произнесла старуха, будто не понимая.

— Мнѣ такъ сдается... Да и Катюша это сказываетъ... сто разъ сказала... Семенъ такъ думаетъ. Почернѣлъ бѣдный... корчило...

Наступило молчаніе. Наконецъ, княгиня вымолвила спокойнѣе:

— Кто помираетъ, того завсегда корчитъ. Дураки вы!.. мало бѣды, надо еще народъ мутить. Вы опять скажете... опять теперь начнете кого въ сомнѣніе братъ... Марѳу?..

И княгиня сурово покосилась въ сторону Горста. Онъ сразу двинулся, будто вздрогнулъ, и пытливо глянулъ старухѣ въ лицо. Его будто огорошили ея послѣднія слова, и онъ собрался тотчасъ сказать и признаться въ томъ, что странное сомнѣнье его уже тревожитъ... Но Арина Саввишна вдругъ заговорила:

— Царство небесное! Жаль мальчика! Славненькій мальчуганъ былъ. Ну, да дитя безгрѣшное—прямо къ Богу, а Катюшина жизнь вся впереди... Нѣтъ худа безъ добра.

— Бабушка!—воскликнулъ Горстъ, — бываетъ такъ худо, послѣ котораго никакому добру радъ не будешь. Вы насчетъ того хотите сказать, что теперь возможно...

— Ну, ступай утѣшать Катюшу!—перебила старуха суровѣе.—Мнѣ отъ всего этого опять словно похудшало.

Горстъ, насупившись, вышелъ изъ комнаты и прошелъ снова къ Катюшѣ.

Мертвый ребенокъ былъ уже положенъ въ люльку. Горстъ глянулъ на него, и сердце сжалось въ немъ. Черный трупикъ былъ страшенъ. Не простая, а насильственная смерть казалась дѣломъ совершенно яснымъ.

„Что-же это, Господи?“—шепнулъ онъ самъ себѣ.

Катюша лежала на своей постели, глядя вверхъ, въ потолокъ, широко раскрытыми, но безсмысленно остановившимися на одной точкѣ глазами.

Рафушка сидѣлъ на краю постели сестры и глубоко задумался. Когда Горстъ вошелъ, онъ поднялся, обнялъ его и заплакалъ горько.

— Да, жаль, — чуть слышно вымолвилъ Горстъ почти на ухо юношѣ.

— Охъ, не то...—шепнулъ Рафушка.—Да, вѣстимо, жаль Семенушку... А только все-таки...

— Что? что-же еще?

— Охъ, не знаю. Страшно, такъ-то... страшно.

И Рафушка заплакалъ еще пуще.

— Я боюсь... я къ Гаврику... убѣгу отсюда. Страшно такъ жить... Въ домѣ... смертоуб...

— Съ ума ты сошелъ?!. — ахнулъ Горстъ и, обхвативъ юношу, быстро вышелъ съ нимъ изъ комнаты Катюши.

Между тѣмъ, старуха приказала позвать къ себѣ княгиню Марѳу, а любимицѣ, горничной Лукерьѣ сказала:

— Ты будь тутъ... прислушай! Я буду Марѳу пытать. Одолѣли меня худыя мысли... Ну, вотъ я погляжу... Да ты прислушай да погляди. Одна голова — хорошо, а двѣ головы лучше... Поняла?

— Никакъ нѣтъ-съ, матушка-княгиня! —отвѣтила Лукерья.— Не поняла я ничего то-ись.

— Померъ младенецъ сразу? среди ночи? Семенушка нашъ?

— Да-съ. Какъ вы изволите сказывать.

— А кто обѣщался его придушить по зависти, забыла?

— Охъ, Господи!—воскликнула Лукерья. — Да неужто-же эдакое? Господи, сохрани и помилуй!

— Кого? Его, что-ли? Онъ уже померъ. Ее, что-ли, — сурово произнесла Арина Саввишна и хотѣла что-то объяснить, но въ эту минуту въ дверяхъ появилась Марѳа.

Неразумно, отчасти удивленно, отчасти робко глядѣла на старуху, женщина вошла, подошла къ креслу бабушки и стала какъ-то странно, именно испуганнымъ, а не живымъ человѣкомъ.

— Марѳа, я хочу у тебя спросить...—заговорила княгиня не глядя на внучку.—Какъ ты теперь полагаешь быть?.. Опять пойдутъ суды да пересуды. Поняла? Отвѣчай-же?

— Какіе? — глупо вымолвила Марѳа.

— Какіе? Померъ Семенушка?

— Померъ.

— Сразу. Былъ здоровъ и въ немного времени свернулся. Даже удивительно! совсѣмъ какъ его отецъ Терентій... Оба на одинъ ладъ померли? отвѣчай!

— Д-да... Оба...

— А кто грозился Семенушку удушить?

Марѳа подняла глаза на бабушку и долго глядѣла ей въ лицо, будто соображая что-то... Затѣмъ она ступила шага два на старуху и вскрикнула:

— Не смѣй! не смѣйте! Опять на меня... Я Терентія... уходила? я и Семенушку?.. Охъ, что вы! Да я тогда сейчасъ... Вотъ какъ передъ Богомъ!..

И Марѳа взмахнула руками не старуху, какъ если-бъ собиралась ее ударить.

— Полно! Знаю, что ты не при-чемъ! — заговорила княгиня,—но пересуды пойдутъ безпремѣнно. Такъ я тебя предупредить хотѣла... Ну, ступай.

Марѳа быстро повернулась, вышла изъ комнаты и, что-то ворча себѣ подъ носъ, пошла по дому, всюду ища мужа.

— Конечно, она не при чемъ, — сказала старуха. — Какъ ты?

— Вѣстимо, матушка, не при чемъ! — робко отозвалась Лукерья; однако, въ тотъ-же вечеръ вся дворня перешептывалась, поминала „молодую“ княгиню и вздыхала, говоря.

— Какъ можно? помилуй Богъ! Вотъ дѣло-то...

XXXVI.

Прошло двѣ недѣли со смерти ребенка, глубоко поразившей всѣхъ до послѣдняго крестьянина на селѣ... О „диковинности“ самой болѣзни толковали даже въ намѣстничествѣ. Княгиня поправилась, поднялась съ постели, была въ добромъ духѣ и была почти недовольна тѣмъ, что семья черезчуръ близко къ сердцу принимаетъ смерть „махонькаго“ дитяти-ребенка. Она замѣтила, что дѣти мрутъ чаще взрослыхъ и что мало-ли померло за годъ эдакихъ Семенушекъ новорожденныхъ „на селѣ и въ околоткѣ“, но, несмотря на увѣщанья старухи, семья продолжала быть сдержанно печальна и даже будто сильно озабочена.

Разумѣется, не столько потеря красиваго и забавнаго мальчика, общаго любимца, сколько положеніе бѣдной матери его наводило на всѣхъ уныніе. Къ тому-же Ариша по секрету передала мужу и Рафушкѣ, что Катюша рѣшила итти въ монастырь и, обождя мало, намѣрена твердо заявить объ этомъ бабушкѣ. Конечно, вскорѣ-же, помимо Горста и юноши-брата, вся семья узнала про намѣреніе молодой вдовы, а затѣмъ, невѣдомо какъ, узнали объ этомъ и дворовые люди, узнало и и все село.

Не знала ничего одна княгиня. Ея любимица Лукерья, передававшая барынѣ малѣйшія мелочи, толки и даже выдумки обитателей дома и усадьбы, на этотъ разъ не посмѣла заговорить. Ариша, а за ней и Горстъ пригрозились Лукерьѣ, говоря:

— Тебѣ-же худо будетъ. Мы всѣ отопремся, что знали, да и Катюша скажетъ, что ей самой оное на умъ не приходило, а коли гласъ народа, то, стало быть, и гласъ Божій. Лукерья, молъ, меня, стало быть, на умъ наставляетъ.

Среди печальнаго затишья, царившаго въ домѣ, выдался только одинъ нежданный случай, который, однако, сталъ извѣстенъ Горсту, и по его докладу и княгинѣ. Остальные члены семьи не узнали ничего, даже и женѣ Горстъ не сказалъ ничего.

Въ вотчину явился скороходъ съ письмомъ отъ князя Аникѣева, который спрашивалъ друга, правда-ли, что ребенокъ Катюши умеръ. „Если таковое совершилось, — писалъ онъ, — то надо намъ, Горсточка, сказывать: видно, судьба сама". А затѣмъ князь спрашивалъ, когда и гдѣ онъ можетъ повидаться съ другомъ, „чтобы конечное разсужденіе имѣть о нѣкоторомъ важномъ обстоятельствѣ".

Княгиня, разумѣется, обрадовалась этому письму, но заявила Горсту, что не надо спѣшить, надо дать время Катюшѣ „очухаться и отплакаться".

Горстъ хотѣлъ было доложить бабушкѣ, какія у Катюши намѣренія, идущія совершенно вразрѣзъ съ ихъ „прожектомъ", но у него не хватило храбрости.

„Пускай сама скажетъ",—рѣшилъ онъ.

Прошла еще недѣля, а Арина Саввишна, убѣдяся или вообразивъ, что Катюша стала на видъ спокойнѣе и „глядитъ свѣтлѣе", рѣшила заговорить съ внучкой.

— Сначала начну съ ней стороною, обиняками, — сказала она Горсту, — а тамъ и прямо объясню, что у меня и женихъ припасенъ. Тогда мы его сейчасъ-же выпишемъ, и будетъ у насъ и впрямь — „тянъ, ляпъ и корапъ". А на этомъ кораблѣ мы поѣдемъ въ городъ звать Шверинныхъ и все дворянство. И такую я тебѣ, Горсточка, закачу свадьбу, что стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такихъ свадебъ нигдѣ не бывало. Музыкантовъ для бала изъ Москвы выпишу, на одно веселье трехдневное отпущу мало тысячъ пять или всѣ десять — чтобы сто лѣтъ помнили въ намѣстничествѣ, какъ рожденная княжна да мужицкая вдова за князя замужъ шла по милости... по милости своей бабушки Арины Саввишны.

Разумѣется, первое-же объясненіе бабушки съ внучкой было началомъ смуты въ домѣ. Едва старуха заговорила съ Катюшей о томъ, что она молода настолько, что не должна сидѣть вдовой и что, когда вскорѣ минетъ годъ смерти ея мужа, она должна подумать о новомъ замужествѣ, конечно, по влеченію сердца—Катюша тотчасъ-же заявила бабушкѣ о своемъ непреложномъ рѣшеніи „уйти изъ міра".

Арина Саввишна сначала смутилась, оторопѣла, какъ-бы услыхавъ нѣчто совершенно невѣроятное, небывалое, даже срамное. Но чрезъ нѣсколько минутъ она оправилась и, улыбаясь, объяснила внучкѣ, что всѣ-то дѣвки и бабы всегда этакъ заговариваютъ на первыхъ порахъ гореванія.

— Если-бы всѣ, собиравшіяся въ монастырь.—засмѣялась даже старуха,—и въ самомъ дѣлѣ постригались, то на матушкѣ Россіи и монастырей-бы не хватило.

Послѣ перваго неудачнаго объясненія послѣдовало второе и третье... всѣ одинаково безплодныя. Катюша кратко, но твердо стояла на своемъ. Княгиня начала раздражаться и,

наконецъ, пришла въ такое состояніе духа, что житье въ домѣ стало уже всѣмъ не сладко.

Однажды старуха заявила, что она не позволитъ внучкѣ постричься, а хоть силкомъ выдастъ ее замужъ, за кого захочетъ. Катюша отвѣтила, что она „убѣжитъ“ такъ-же, какъ ея братъ Гаврикъ съ Лизаветой, и никто не узнаетъ, въ какой она обители находится, пока не совершится постриженіе.

Старуха смутилась. Эта угроза могла быть легко исполнима, а законъ и власти, конечно, не могли ей помочь противъ внучки и ея „богоугоднаго“ поступка.

И Арина Саввишна настолько растерялась, что захворала снова, и была въ крайнемъ раздраженіи.

— Вотъ тебѣ и строительница, — бурчала она себѣ подъ носъ.—Уже и крышу на домѣ своемъ выводить принялась, да выстроила ты все на водѣ, старая дурафья. Крыша готова, а „фандаменту“ нѣтъ! Домъ-то твой и сѣлъ лепешкой, какъ яблочное пирожное!..

Убѣдясь, что Катюша на всѣ ея увѣренія не только не сдается, но относится къ ней самой съ сдерживаемой ненавистью, съ какимъ-то особеннымъ озлобленіемъ, старуха обратилась къ внукамъ за помощью.

Арина Саввишна заговорила о Катюшѣ по-свойски — энергично.

— Я ничего не могу. Она на меня окрысилась и съ дуба рветъ. Подумаешь, я виновата, что она овдовѣла, а теперь похоронила и ребенка. Это — ваше родное и кровное дѣло. Вы должны, любя ее, за нее взяться и ее усовѣстить не губить себя затворничествомъ.

И вся семья, вполнѣ согласная съ бабушкой, рѣшила „взяться“ за Катюшу,

Прежде всѣхъ принялась за мудреное дѣло самое ей близкое существо—сестра.

Ариша надѣялась убѣдить сестру въ силу ихъ дружбы съ первыхъ лѣтъ жизни. Но на всѣ увѣщанія сестры, Катюша отвѣчала одно:

— Моя жизнь въ міру конченая. Былъ любый мужъ—извели. Родила дитя—извели. Не хотятъ. Зачѣмъ дѣло стало? Я воистину рада буду, коли почую вдругъ, что ко мнѣ смерть пришла.

— Богъ съ тобой! Кто такіе эти они? Какъ это эдакъ сказывать? Несчастье, а ты говоришь то же, что болтаютъ разные долгоязычные въ намѣстничествѣ,—объяснила Ариша.—Что-же, я, что-ли, Агаѳона своего уходила? Длинные языки разное выдумываютъ и клевещутъ, а ты тоже за ними.

— Полно, полно, сестра! Не говори такъ! Вѣдь, сама ты знаешь, что и Агаѳонъ твой, и мой бѣдный Терентій, и бѣдный ангельчикъ Семенушка не просто померли.

Ариша вздохнула и промолчала.

— Все-таки скажу, — заговорила она снова, — тебѣ еще можно жизнь свою наладить на счастіе и благополучіе. Ты молода еще, ты — красавица, съ мужемъ жила недолго... Ты-бы могла еще разъ выйти замужъ. А, проживъ лѣтъ десять со вторымъ мужемъ, тебѣ первое супружество покажется краткимъ сновидѣньемъ. Да и дѣти отъ второго мужа пойдутъ, и тогда... тогда...

— Кто тебѣ обучилъ всѣмъ этимъ словамъ?—воскликнула Катюша.—Не твои это слова!

— И мужъ, и я такъ то вѣримъ!—горячо отвѣтила Ариша.

— Ну, стань ты на мое мѣсто! Твоего мужа изведутъ, а потомъ придутъ тебѣ сватать другого... Что бы ты сказала?

Но Ариша на этотъ аргументъ ничего не нашлась отвѣтить.

Послѣ сестры къ молодой женщинѣ стали „приставать“ и братья, и даже „нѣмая“, но Катюша съ ними и говорить не стала, а заявила, что не нынче, завтра „убѣжитъ“ изъ дому въ первую попавшуюся обитель.

Княгиня была, быть можетъ, впервые въ жизни, совсѣмъ озадачена, окончательно не зная, „съ какого конца взяться“. Она съ ужасомъ увидѣла, что сломить упорство внучки, прежде всегда послушной ея волѣ, теперь невозможно. И она раскаивалась, что круто взялась. Она сообразила теперь, что было-бы умнѣе и цѣлесообразнѣе пріучить Катюшу къ мысли о замужествѣ исподволь. Размышляя, старуха пришла къ убѣжденію, что она „совсѣмъ маху дала“, ибо слѣдовало и „не заикаться“ никому въ домѣ о второмъ замужествѣ Катюши, а, напротивъ, говорить, что „ея пѣсенка спѣта“, но одновременно снова позвать Аникѣева въ „Симеоново“ и, конечно, „наускивать“ ихъ другъ на дружку. А въ крайнемъ случаѣ надоумить князя да и помочь ему „силкомъ полюбиться дурашной бабѣ“!

И при этомъ образѣ дѣйствій, который бы старуха повела одна „себѣ на умѣ“, безъ всякихъ „давѣренныхъ“ и „помогателей“, былъ бы полный успѣхъ.

— Да и теперь еще не поздно,—вдругъ рѣшила княгиня.— Скажу—согласна, пускай постригается. Только, молъ, обожди, дай толкомъ все благопристойно приготовить: первымъ дѣломъ, сговорившись съ архіереемъ, якобы выбрать первостатейный монастырь, а тамъ, сговорившись съ игуменьей, начать якобы строить келью, особенную... цѣлый домикъ... И вотъ здакъ тянуть да тянуть, а пока князю помочь-таки обернуться съ ней, какъ то и дѣло видимъ на свѣтѣ. Бабы — дуры... Съ вечера шибко поетъ одно, а по утру затянула другую пѣсню.

И старуха тотчасъ-же, не откладывая ничего въ долгій ящикъ, позвала внучку и изъявила свое согласіе на ея

постриженіе. Катюша со слезами радости на глазахъ, съ сіяющимъ лицомъ стала благодарить бабушку, но когда княгиня потянулась расцѣловаться съ внучкой, лицо Катюши слегка потемнѣло.

Однако, молодая женщина не согласилась и на послѣднюю благоразумную просьбу бабушки: не спѣшить и все сдѣлать благопристойно. Напротивъ, Катюшѣ именно спѣшить и хотѣлось.

— Не могу я, томитъ меня!—заявила она.

И старуха должна была обѣщать, что будетъ спѣшить и тотчасъ напишетъ архіерею, въ какой монастырь приличествуетъ поступить монахиней женщинѣ-дворянкѣ, рожденной княжнѣ Татевой. Но въ тотъ-же день княгиня написала нѣсколько безграмотное письмо, скорѣе краткую записку, и чрезъ любимицу Лукерью тайно отъ всѣхъ послала гонца въ городъ, конечно, къ князю Аникѣеву.

Она писала князю, чтобы онъ тотчасъ-же пріѣзжалъ въ „Симеоново“ и никому, „ниже Горсточкѣ“, не говорилъ, что она сама его вызвала.

Дня черезъ два Лукерья заявила княгинѣ, что молодая барыня Катерина Антоновна укладываетъ у себя кой-какія вещи въ сундучекъ. Княгиня встревожилась.

„Вдругъ убѣжитъ да невѣдомо куда“!—пришло ей на умъ.

И старуха, тотчасъ позвавъ Горста, поручила ему постараться усовѣстить Катюшу, а, главное, вывѣдать тайныя мысли и намѣренія ея, для того, чтобы принять мѣры предосторожности.

Горстъ еще ни разу серьезно не говорилъ съ невѣсткой о ея рѣшеніи, понимая, что трудно, почти невозможно ее отговорить, однако, съ радостью взялся за порученіе бабушки. Войдя къ Катюшѣ и поговоривъ о пустякахъ, онъ, наконецъ, вымолвилъ съ чувствомъ:

— Катюша! я къ тебѣ, чтобы съ тобой потолковать по душѣ.

— Говори!—тихо отозвалась она.

— Подумай... одумайся... обожди постригаться. Это—дѣло важное. Разъ пострижешься, нельзя опять въ мірское положеніе вернуться.

— Ты отъ бабушки пришелъ говорить,—догадалась Катюша.—Ей сказали, что я сундучекъ укладываю. Такъ это все не моя, а Семенушкина одеженка. А бабушка испугалась, что убѣгу, и тебя отрядила.

— Нѣтъ, Катюша. Я свое говорю и отъ всего сердца. Обожди, не спѣши,—отвѣтилъ Горстъ.

— Чего я буду ждать? скажи!

— Подумаешь — можетъ быть, и раздумаешь... А такъ сгоряча нельзя отъ міра отказываться. Скажу то-же, что и

Ариша тебѣ говорила не разъ, — что если ты потомъ спохватишься, раскаешься, да поздно будетъ.

— Охъ, Господи! Что вы за люди, что вы за народецъ! Неужели вы не понимаете? И Аришѣ я говорила, и тебѣ скажу, чего я буду ждать? Какая моя жизнь? Былъ у меня любый мужъ — опоили, умертвили, умеръ онъ страдальчески! Родила я сынка и думала жить на свѣтѣ съ этимъ утѣшеніемъ — и его нѣтъ, и онъ померъ чудно, лиходѣйски.

— Зачѣмъ эдакое говорить? — тихо произнесъ Горстъ, вздохнувъ.

— Говорю, что на сердце. Чудна мнѣ смерть моего Терентія, еще чуднѣе смерть дитяти.

— Это такъ съ горя сдается... Всѣ мы, Катюша, подъ Богомъ ходимъ. Нынче живъ — завтра померъ, — проговорилъ Горстъ страннымъ голосомъ, который звучалъ фальшиво.

— Ахъ, полно, полно! знаю я это! — воскликнула молодая женщина. — Такъ сказывается, такъ бываетъ — правда! Но какъ померъ Терентій? Всѣ говорятъ — непостижимо. Былъ лиходѣй! было смертоубійство! Какъ померло мое дитя? Тоже непостижимо. Правда?

Горстъ не отвѣтилъ. Катюша, помолчавъ, продолжала рѣзчѣ:

— Нечего тутъ разсуждать! Видно, моя судьба такая. Надо мнѣ въ монастырь, и вы не можете мнѣ это запретить. Это — моя воля, никто не можетъ помѣхой стать.

— Никто и не хочетъ тебѣ мѣшать, — отвѣтилъ Горстъ, — тебя только просятъ обождать. Ради тебя-же, пойми! Кому какое дѣло, что ты запрешься въ кельѣ? Твое это дѣло и твоя забота. Но мы всѣ просимъ тебя изъ любви, чтобы ты подумала хоть малое время, а не спѣшила...

— А пуще всѣхъ бабушка проситъ. Чего ей еще нужно? Довольно съ нея!

— Чего? чего довольно? — ахнулъ Горстъ.

— Всего довольно, вдосталь довольно! — вскрикнула Катюша и заплакала.

Горстъ поглядѣлъ въ лицо молодой женщины и затѣмъ, опустя голову, задумался.

XXXVII.

Однажды среди дня во дворъ „Симеонова“ въѣхали два экипажа одинъ за другимъ. Первый—была очень изящная коляска четверней красивыхъ лошадей, за ней была бричка тройкой наемныхъ ямскихъ лошадей.

Всѣ, увидавъ эти два экипажа, удивились, такъ какъ гостей никто не ждалъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ вся семья обрадовалась одному гостю и непріятно изумилась появленію другого.

Первый былъ князь Аникѣевъ, явившійся по приглашенію самой старухи и поэтому веселый, радостный, сіяющій довольствомъ. Такъ какъ его всѣ дѣйствительно полюбили за время его пребыванія въ „Симеоновѣ“, то теперь встрѣтили отъ нечаянности еще горячѣе и сердечнѣе.

Горстъ, ничего не знавшій про письмо бабушки, понялъ и преувеличилъ значеніе пріѣзда Аникѣева.

„Согласился сразу!—подумалъ онъ.—Впрочемъ, такъ и должно было случиться. Вѣдь, мужичка больше нѣтъ“.

Пріѣхавшаго князя тотчасъ повели къ княгинѣ, которую уже предупредила Лукерья. Старуха просіяла при извѣстіи.

Но, пока Семенъ и Ариша вели гостя къ бабушкѣ, Горстъ остался въ столовой съ другимъ нежданнымъ гостемъ и, холодно встрѣтивъ его, сдержанно и даже нѣсколько холодно сталъ говорить съ нимъ. Необъяснимо непріятное чувство сказалось на сердце Горста, когда онъ увидѣлъ этого пріѣзжаго. Чувство это походило какъ-бы на тяжелое предчувствіе чего-то худого.

Гость былъ докторъ Янковичъ, объяснившій буквально такъ-же, какъ и въ прошлый свой пріѣздъ, что онъ является по своему дѣлу, касающемуся до княгини.

— Опять дѣло?—сказалъ Горстъ.—Удивительно это мнѣ! Я думалъ, что вы тогда все покончили съ бабушкой, а теперь другое дѣло опять...

— Другое-съ. Впрочемъ, если желаете, можно выразиться, что дѣло мое все то-же самое,—отвѣтилъ Янковичъ тоже какъ и прежде, загадочно ухмыляясь.

— Я доложу бабушкѣ сейчасъ,—сказалъ Горстъ, — какъ только отъ ней выйдетъ князь Аникѣевъ. Но я вполнѣ увѣренъ, сударь, что бабушка не пожелаетъ васъ видѣть, попроситъ васъ ея не тревожить никакими дѣлами.

— Это вы говорите, поэтому я вамъ ничего и не отвѣчу. Но, когда вы мнѣ отъ княгини вынесете такой отвѣтъ, то я вамъ дамъ свой отвѣтъ, который попрошу опять ей тотчасъ передать. И вотъ тогда, имѣя сей мой отвѣтъ, Арина Сав-

вишна, если она еще не совсѣмъ выжила изъ ума, и если гнѣвъ не можетъ ее ослѣплять до крайности... до забвенія осторожности... забвенія опасности... ну, тогда она меня тотчасъ приметъ и выслушаетъ.

— Хотя вы изволите выражаться очень невѣжливо и слѣдовало-бы... но все-таки поневолѣ я долежу...—сухо отвѣтилъ Горстъ.—Пока пройдите въ гостиную.

И не обиженный, а крайне смущенный и озадаченный грубостью и почти нахальствомъ доктора, Горстъ пошелъ въ комнаты княгини. Онъ нашелъ Аникѣева весело болтающимъ а Семена и Аришу громко смѣявшимися, очевидно, тому, что онъ разсказывалъ. Старуха такими радостными глазами смотрѣла на князя, какъ если-бы произошло что-нибудь особенно счастливое.

Смѣхъ бесѣдующихъ поразилъ Горста, и онъ не сразу догадался, почему онъ пораженъ. Но тотчасъ-же онъ вспомнилъ, что это былъ „первый" смѣхъ въ домѣ со дня смерти бѣднаго мальчика.

Едва только онъ сѣлъ около старухи, какъ она спросила:

— Князь говоритъ, за нимъ всю дорогу ѣхалъ какой-то баринъ и сюда къ намъ пріѣхалъ. Кто такой?

Горстъ поколебался нѣсколько мгновеній, глянулъ вопросительно на князя Семена и, замѣтивъ его оробѣвшее лицо, понялъ, что Семенъ, узнавшій Янковича въ передней, солгалъ уже бабушкѣ на тотъ-же вопросъ.

— Да развѣ Семенъ вамъ еще не доложилъ?—отвѣтилъ онъ вопросомъ.

— Говоритъ, не призналъ, или кто вновѣ къ намъ пріѣхалъ?—сказала княгиня.

— И правда,—отозвался Горстъ, успѣвшій сообразить, какъ дѣйствовать.—Это, бабушка, одинъ человѣкъ, на подобіе стрекулиста, котораго я нанялъ въ городѣ одно дѣло вести. Вотъ онъ ко мнѣ пріѣхалъ. Я съ нимъ перетолкую и его отпущу.

Княгиня зорко приглядѣлась къ лицу любимца, котораго давно привыкла видѣть насквозь и всегда поэтому знала, когда онъ лжетъ. Впрочемъ, отчасти оно было и не трудно, такъ какъ Горстъ совершенно не умѣлъ лгать. Но старухѣ было теперь не до того. Она обратилась къ князю съ вопросомъ и будто робко ожидала отвѣта.

— Надолго-ли вы къ намъ? Погостите-ли у насъ?

Князь, видимо, смутился, лицо его вдругъ стало серьезнѣе, и онъ не сразу заговорилъ, слегка волнуясь:

— Какъ позволите... Если... если не прогоните, то я готовъ загоститься, хоть безъ конца.

Этотъ отвѣтъ ясно сказалъ княгинѣ, а равно и Горсту, что Аникѣевъ является, рѣшившись на важный ими желаемый шагъ.

Старуха сильно двинулась въ креслѣ, а лицо ея настолько засіяло, глаза настолько засверкали, какъ у молодой, что Арина, изумленно поглядѣвъ на бабушку, вопросительно оборнулась въ сторону мужа.

— Вотъ такъ-то славно! — воскликнулъ Горстъ и стукнулъ Аникѣева по плечу.—Вотъ умница! Давно-бы эдакъ...

Князь сильно покраснѣлъ, казалось, отъ неожиданности. Онъ такъ-же, какъ княгиня и Горстъ, вдругъ понялъ, что въ простыхъ словахъ, ими сказанныхъ, былъ другой особый смыслъ и многозначущій.

„Вамъ-то что!—подумалъ онъ,—а вотъ мнѣ каково?..“

Дѣйствительно, Аникѣевъ, согласившись на приглашеніе старухи пріѣхать, двинулся въ „Симеоново“, сильно смущенный этимъ роковымъ въ его жизни шагомъ. Онъ утѣшалъ себя дорогой:

— „Чего ты, Дмитрій Дмитріевичъ? Вѣдь, еще не обвѣнчали. Тонешь, но еще не утопъ“.

Теперь, по пріѣздѣ въ усадьбу, видя, съ какой радостью вся семья его встрѣтила, Аникѣевъ нѣсколько успокоился и ободрился.

„Они всѣ хорошіе, добрые“...—думалось ему.

Вопросъ княгини, долго ли онъ останется въ „Симеоновѣ“, и похвала Горста, что онъ пріѣхалъ надолго—стало быть, для окончательнаго рѣшенія дѣла,—все-таки сразу смутили и взволновали его, потому что ему показалось, что онъ половину рокового шага уже сдѣлалъ и возврата уже почти нѣтъ.

Видя нѣкоторое смущеніе друга и желая скорѣе рѣшить вопросъ о появленіи Янковича, Горстъ предложилъ князю пойти въ его комнаты прибраться и отдохнуть послѣ дороги.

Семенъ пошелъ проводить князя до тѣхъ комнатъ, въ которыхъ онъ уже жилъ, лучшихъ изъ всѣхъ тѣхъ, что отводились гостямъ, а Горстъ остался со старухой и заговорилъ:

— Вамъ непріятную вѣсть надо узнать, бабушка, но вы воздержитесь и послѣ своей болѣзни себя не разстраивайте гнѣвомъ.

— Что такое?—насупилась сразу Арина Саввишна.

— Пріѣхалъ сюда и собственно къ вамъ и по дѣлу ненавистный вамъ человѣкъ. Будьте равнодушны и не гнѣвайтесь. Не стоитъ онъ вашего гнѣва.

— Кто такой? Ненавистный? У меня таковыхъ нѣтъ, кромѣ Абдурраманчикова. Не онъ-же пріѣхалъ... Да, впрочемъ, я теперь къ нему...

Старуха запнулась и вдругъ вскрикнула:

— Янковичъ?..

— Отгадали, бабушка... Но прошу васъ, не тревожить себя гнѣвомъ...

— Какъ онъ смѣлъ!—вскрикнула снова Арина Саввишна.— Зачѣмъ вы его пустили! Гони его вонъ! Ступай! Гони! Не пойдетъ—людей позови и вели въ спину, въ шею... Пошелъ! Бѣги! Гони!

И въ порывѣ крайняго пыла гнѣва княгиня поднялась съ кресла и махала руками.

— Сейчасъ-же все исполню, прямо выгоню. Но ради Создателя, успокоитесь! Не стоитъ онъ...

И Горстъ направился, чуть не радостный, въ гостиную, гдѣ сидѣлъ Янковичъ.

— Отвѣтъ бабушки короткій, господинъ докторъ,—заявилъ онъ нѣсколько насмѣшливо.—Она проситъ васъ сейчасъ-же... насъ покинуть... не медля!

— Приказала гнать вонъ?—спросилъ Янковичъ спокойно и улыбаясь.

— Да-съ... Если вы желаете такими словами...

— Дѣло не въ словахъ. Дѣло всегда въ дѣлѣ... Я лишнихъ словъ не люблю... не люблю и подставныхъ или поддѣльныхъ словъ. Не все-ли равно крикнуть: „Пожалуйте вонъ отсюда!“— или тихо сказать: „Проваливай къ чорту!“

И Янковичъ разсмѣялся.

— Такъ вотъ-съ...—началъ Горстъ.—Я и прошу васъ покорно, не медля...

— Такъ вотъ-съ...—прервалъ, будто подражая его голосу, Янковичъ.—Я и прошу васъ покорно, не медля... прошу передать крягинѣ, что если она меня не приметъ, то я, вернувшись въ городъ, отправлюсь прямо къ господину намѣстнику и передамъ ему все касающееся до .—вотъ ужъ и не знаю, какъ объяснить?—все касающееся до неправильнаго пользованія княгинею тѣмъ, что я довѣрилъ ей на храненіе. Впрочемъ, скажите коротко, чтобы не напугать: Янковичъ, молъ, намѣревается объяснить губернатору, что такое „тютька“ и что отъ нея бываетъ, и что отъ нея было...

— Что? что?—произнесъ Горстъ, изумляясь.

— Тютька! Да-съ, такое слово, такое прозвище. Скажите княгинѣ: или она меня сейчасъ приметъ, или завтра-же губернаторъ узнаетъ все про тютьку.

И Янковичъ снова разсмѣялся, но уже нѣсколько раздражительно и даже взволнованно, какъ если-бы высказалъ сейчасъ нѣчто имѣющее огромное значеніе.

Горстъ стоялъ, не двигаясь, и колебался... Онъ не зналъ, долженъ-ли онъ непремѣнно ради важности дѣла итти снова къ бабушкѣ, или сейчасъ-же, не слушая всякаго вздора исполнить ея строгое приказаніе.

Янковичъ будто отгадалъ его мысли и быстро произнесъ:

— Вы не имѣете права не передать мой отвѣтъ или, лучше сказать: мою угрозу. Вы возьмете на себя всю отвѣтственность. Бабушка васъ не поблагодаритъ. Идите, докладывайте!..

Горстъ сразу, молча, двинулся и, уже будучи въ дверяхъ, услыхалъ сзади голосъ:

— Не забудьте словечка: „тютька“.

XXXVIII.

Едва Горстъ переступилъ порогъ комнаты, какъ старуха, будто прочтя и узнавъ многое по его смущенному виду, произнесла, видимо, сдерживаясь:

— Не прогналъ?

— Бабушка, онъ такое городитъ... Я не рѣшился безъ доклада вамъ на себя принять...

— Какъ ты смѣлъ меня ослушаться? пошелъ! Гони!

— Бабушка. Онъ къ Шверину хочетъ завтра-же,—почти воскликнулъ Горстъ,—и говоритъ—жаловаться... Понять нельзя... Вы, говоритъ, можете понять... Онъ говоритъ, какая-то тютька.

Старуха взяла себя за лицо и замотала головой, какъ-бы отъ боли.

— Ахъ, мерзавецъ .. Да и дуракъ, и дуракъ! Не понимаетъ, что я не дура. Ахъ, если-бъ Катюша была уже замужемъ. Не его, дурака, я боюся... Глупости! Шверина боюся. Разстроится свадьба... Тютька? Ахъ, идолъ деревянный.

И, помолчавъ, Арина Саввишна снова заговорила, но ослабѣвшимъ послѣ гнѣва голосомъ.

— Не хочу я его видѣть... Ты самъ все сдѣлай.

— Слушаюсь!.. все что прикажете,—отозвался Горстъ, недоумѣвая и соображая, что уже второй разъ сильный гнѣвъ старухи на доктора и всяческія угрозы все-таки кончались тѣмъ, что она уступала, будто струсивъ.

Княгиня достала изъ-за пазухи шнурокъ и потянула. На концѣ его оказался пучекъ или связка: два маленькихъ образка, крестикъ, ладонка изъ замасленной замши и два ключика.

Она сняла шнурокъ съ себя, выбрала одинъ ключикъ и, передавая Горсту, выговорила рѣзко, будто злобясь, но какъ-то иначе, чѣмъ за мгновеніе назадъ.

Это былъ не пылъ гнѣва, а какое-то ехидное озлобленіе:

— Отопри,—показала она на небольшой окованный сундучекъ, всегда стоявшій днемъ въ ея комнатѣ, а ночью около постели.

Горстъ исполнилъ приказаніе.

— Направо въ углу, въ синей бумагѣ. Дай сюда! — такъ-же рѣзко и злобно произнесла старуха.

Развернувъ поданный пакетъ, гдѣ были „ассигнаціи“, она отдѣлила три толстыхъ пачки, а остальныя приказала снова положить назадъ. Когда сундучекъ былъ снова запертъ, а связка на шнуркѣ снова спрятана за пазуху, она сунула деньги Горсту и выговорила, съ трудомъ переводя дыханіе отъ сильнѣйшаго приступа злобы:

— Отдай мерзавцу... отъ меня! Скажи, три тысячи. Если скажетъ—мало, то, не отдавая, гони вонъ, людей позови, гони! Если не прогонишь, то не смѣй переступать вотъ этого моего порога. Не шути со мной. Я тебя люблю... но не шути. Все потеряешь. Прогоню вмѣстѣ съ Аришей отсюда.

Горстъ ни слова не отвѣтилъ, ясно видя, что старуху снова одолѣваетъ сильнѣйшій приливъ гнѣва. Онъ быстро прошелъ всѣ комнаты и, найдя Янковича спокойно разглядывавшимъ въ очки большую картину, холодно, рѣзко и рѣшительно произнесъ:

— Вотъ отвѣтъ бабушки. Это — три тысячи. Если вамъ кажется мало, то мнѣ строжайше приказано васъ просить тотчасъ-же...

— Гнать? И безъ денегъ? — разсмѣялся Янковичъ сухимъ смѣхомъ.—Ужъ лучше взять. Пожалуйте!

Онъ взялъ пачку изъ рукъ Горста, положилъ въ карманъ и выговорилъ рѣзко:

— Хорошо-съ! Три, такъ три... Не скажите княгинѣ, что я считаю это грошевой подачкой и поэтому... поэтому прошу ее спуся мало—двѣ недѣльки, что ли—прислать мнѣ остальные семь тысячъ въ городъ. Чрезъ мѣсяцъ сроку, но не болѣе, если я не получу ничего, я отправлюсь къ господину намѣстнику для объясненія ему того, какое употребленіе сдѣлала княгиня изъ довѣренной ей мною на храненіе тютьки. Передайте ей слово въ слово сію мою угрозу.

И Янковичъ снова громко и весело расхохотался.

Чрезъ четверть часа онъ уже садился въ свою бричку, но, прежде чѣмъ отъѣхать отъ крыльца, сталъ разговаривать съ двумя дворовыми людьми, которые вышли его провожать и сажать, какъ гостя.

Горстъ, глядѣвшій въ большое окно столовой, выходившее во дворъ, недоумѣвалъ, о чемъ можетъ докторъ говорить съ людьми, какъ будто выспрашивая ихъ и крайне внимательно выслушивая ихъ отвѣты.

Едва бричка съѣхала со двора, какъ Горстъ вышелъ въ прихожую и, найдя обоихъ лакеевъ, спросилъ старшаго изъ нихъ, о чемъ собственно болталъ имъ уѣхавшій гость.

— Опрашивалъ насъ насчетъ махонькаго Семена Терентьевича — какъ онъ померъ, отчего, да скоро-ли? кричалъ-ли шибко? —отвѣтилъ лакей.

— А еще о чемъ?

— Больше ни о чемъ.

— Только объ одномъ Семенушкѣ? — удивился Горстъ,— не можетъ быть! Вы долго говорили.

— Все о барчукѣ-съ. Больше ни о чемъ-съ, ей-Богу-съ! Онъ все выспросилъ, до ниточки, какъ есть все. И когда померъ—днемъ-ли, ночью-ли? Гдѣ почивалъ? Въ спальнѣ съ самой Катериной Антоновной или со своей кормилицей въ особой, стало быть дѣтской? Да мало что! Всего и не упомню. Чисто вотъ стрекулистъ. То-же самое, какъ насъ пытали, когда здѣсь все описывали.

Горстъ тихо направился къ бабушкѣ, размышляя и стараясь сообразить, зачѣмъ понадобились Янковичу подробности совсѣмъ не любопытнаго для него происшествія въ ихъ семьѣ. Нѣкоторые-же вопросы доктора, заданные людямъ, его изумили. Они были по его мнѣнію, или безсмысленны, или полны загадочнаго смысла. Когда онъ передалъ бабушкѣ слова доктора, Арина Саввишна усмѣхнулась и выговорила:

— Ладно. Чрезъ мѣсяцъ Шверинъ будетъ у меня въ карманѣ.

Но если старуха быстро успокоилась, то Горстъ, наоборотъ, чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ болѣе тревожился. Уже вечеромъ, передавъ все женѣ, онъ прибавилъ:

— Одолѣваетъ меня все это, Ариша, лѣзетъ въ голову такое, что и вымолвить страшно.

— Почему? Богъ съ тобой—сказала Ариша.

— Да такъ... Трудно даже все это словомъ пояснить. Не люблю я тѣхъ людей, которыхъ нельзя знать, про которыхъ нельзя имѣть сужденія. Говорится: чужая душа—потемки. Оно правда, но не совсѣмъ. Во всякой душѣ все-таки немного видать, какая она. А есть такія люди или такія души, что совсѣмъ тьма кромѣшная, ни зги не видно. И вотъ этихъ людей я смерть не люблю и даже, скажу, боюся я ихъ.

— Про что ты? про кого?

— И дѣлъ темныхъ я не люблю, — продолжалъ Горстъ, какъ-бы не слыхавъ вопроса жены.—Жить около темнаго дѣла жутко. Хочется знать, кто такой это дѣло сдѣлалъ, чтобы держаться отъ него подальше, ради своей безопасности... Ну, вотъ... А у насъ, Ариша, темныя дѣла совершаются и, стало быть, люди такіе опасные, лихіе водятся... И близко они, близко. И становится жутко, какъ ночью въ лѣсу, гдѣ за всякимъ кустомъ сидитъ, можетъ быть, разбойникъ съ ножемъ за голенищемъ. Ты идешь, ничего не знаешь, не видишь, а онъ уже ножище изъ за сапога тащитъ, уже на тебя намѣтился, чтобы тебя зарѣзать...

— Охъ, что ты!.. Даже страхъ беретъ, что ты болтаешь зря!—воскликнула Ариша робко.

— Не зря, то-то и бѣда, что не зря!—вздохнулъ Горстъ.— А эдакъ, Ариша, жить нельзя. Вотъ Гаврикъ предъ своимъ отъѣздомъ отсюда тоже меня напугалъ. Рафушка тоже, хоть и молодъ, рѣчами своими чудными меня дивитъ. Онъ будто что-то такое лихое вѣрно и хорошо знаетъ, да сказать боится, вокругъ да около ходитъ. Ну, про Катюшу, понятно, и говорить нечего. Она тоже, какъ и братья. А вотъ все то, что они всѣ не хотятъ вымолвить, тебѣ-то самому на умъ тоже приходило... Самъ ты тоже смыслилъ и такія мысли отъ себя отгонялъ, какъ безбожные да какъ дурашныя... А другой человѣкъ вдругъ самъ по себѣ то же эдакъ-же думаетъ, что и ты... Онъ молчитъ и ты молчишь. И вотъ еще страшнѣе отъ этого.

— Ничего я не пойму, — отозвалась Ариша. — Поясни, родной.

— Увидишь. Разрѣшится, такъ длиться не можетъ. Всему на свѣтѣ конецъ—и хорошему, и худому... Разрѣшится! ну, и узнаемъ... все узнаемъ. Только скажу, загодя жутко, на сердцѣ морозъ.

XXXIX.

Княгиня, отлично понявъ значеніе пріѣзда Аникѣева, на другое-же утро наединѣ переговорила и объяснилась съ нимъ прямо и откровенно объ ея сердечномъ желаніи „назвать его своимъ внукомъ“. Разумѣется, старуха при этомъ обѣщала золотыя горы въ приданое невѣстѣ, понимая, что князь движимъ страстью не къ молодой и красивой женщинѣ, а страстью къ тому, что любилъ болѣе всего, и въ этомъ признавался.

— Я буду счастливъ, — заявилъ Аникѣевъ прямо,—если это можетъ устроиться, если Катерина Антоновна, переставъ горевать, возможетъ меня... ну, хоть просто, не полюбить, а на меня особливое вниманіе обратить.

— Ну, это, родной мой, Дмитрій Дмитріевичъ, такое дѣло, которое всегда отъ мужчины зависитъ,—заявила Арина Савишна.

— Какъ-же такъ-съ? Все-же, если женщина не желаетъ...

— Пустое! Пустое! Не болтай пустяковъ! Захоти князь Аникѣевъ, красивый да умный и все такое прочее, то сейчасъ голову вскружитъ любой молодухѣ. А, вѣстимо, сама наша сестра не можетъ лѣзть первая и на шеѣ повиснуть. Небойсь, вы сами это понимаете, какъ бабьихъ дѣлъ мастеръ. Сколько, поди разовъ вы нашу сестру смущали, завертывали, чтобы заполучить.

Князь вдругъ покраснѣлъ при этихъ словахъ старухи, хотѣлъ что-то сказать, но запнулся и потупился. Княгиня даже удивилась, что этотъ веселый, бойкій говорунъ и любезникъ можетъ иногда такъ сконфузиться.

— Отчего это вы? Что такое? Что вы хотите сказать? Будьте со мной—душа на ладони. Лучше будетъ, — ласково сказала она.

И князь, смущаясь, заявилъ, что онъ прытокъ во многомъ, но по отношенію къ женщинамъ неопытенъ, какъ малый ребенокъ. Любезничать онъ съ ними умѣетъ, но ни разу еще не былъ влюбленъ и не былъ любимъ и, вообще, въ этомъ отношеніи равенъ младенцу... Все, что про него разсказывали въ Петербургѣ и теперь разсказываютъ въ городѣ,—однѣ выдумки.

— Что вашъ Рафушка, что я — все одно, княгиня,—прибавилъ онъ конфузливо.

— Да не можетъ быть?—воскликнула старуха, всплеснувъ руками.

— Божуся вамъ Богомъ... Никогда ни одной женщины не зналъ я. А вотъ Катерину Антоновну я будто, сдается мнѣ, могъ-бы полюбить. Только сумѣть что-либо предпринять, чтобы ее, какъ вы сказываете, завертѣть—это ужъ никогда. Рафушка искуснѣе меня въ этомъ найдется.

Княгиня задумалась и, помолчавъ, выговорила:

— Ну, такъ я сама за все возьмуся. Только вы обѣщайте мнѣ слушаться. Что прикажу, то и дѣлать, что-бы то ни было. что-бы я ни приказала.

Князь обѣщался и побожился „слушаться безпрекословно и закрывъ глаза“, но прибавилъ:

— Только все-таки скажу, княгиня, мудрено тронуть сердце такой женщины, котораи все плачетъ по мужѣ и по дитяти.

— Ахъ, полно!.. Молодо-зелено!—воскликнула старуха.— Катюша слишкомъ молода, чтобы долго хныкать. У нея теперь только и свѣта, что изъ трещины въ стѣнѣ. А вы, возьми, да эдакое окошко открой. Не поняли? Ну, я васъ научу, какъ ее въ часъ времени... заполонить. Только будьте поазартнѣе... Въ случаѣ чего, поймите, князь, что она ко мнѣже жаловаться на васъ побѣжитъ, а не въ Петербургъ... А я только посмѣюся и скажу: „Милая моя, я-же его на тебя и науськала. Стало быть, бѣги на меня жаловаться... А кому? Ужъ твое дѣло!“ Ну, а притомъ намотайте себѣ на усъ, что Катюша теперь и днемъ, да наипаче ночью, одна одинешенька въ своей комнатѣ пребываетъ, въ томъ-же корридорѣ, что и вы, а дверь къ ней, голубчикъ мой, совсѣмъ не подалеку отъ вашей. Стало быть, когда-бы вы по нечаянности къ ней ни забрели, всегда ее одну найдете и никто вашей бесѣдѣ помѣхой не будетъ. Поняли?

— Понялъ,—тихо отозвался князь, потупляясь отъ смущенія.

— Да хорошо-ли ты, дорогой мой, понялъ?—вдругъ перешла старуха на „ты“ ласковымъ голосомъ.

— Понялъ-съ,—снова повторилъ князь едва слышно.

Пока княгиня объяснялась съ Аникѣевымъ и вступала съ нимъ какъ-бы въ заговоръ противъ внучки, сама Катюша будто снова, еще яснѣе, понявъ, зачѣмъ появился князь въ усадьбѣ, готовилась къ отпору всего, что станетъ помѣхой въ ея рѣшеніи постричься.

На другой-же день по пріѣздѣ князя, Катюша собралась къ бабушкѣ спросить, когда-же она напишетъ архіерею по ея дѣлу, насчетъ выбора обители.

Но едва молодая женщина начала говорить, какъ княгиня прервала ее словами:

— Я уже написала архіерею, да написала тоже Авдотьѣ Евдокимовнѣ. Около ея вотчины хорошій богатый монастырь, и игуменья изъ знатнаго княжескаго рода. Вотъ это прямо для тебя приличествуетъ. Обожди недѣльку отвѣта и соберемся. Я тебя сама свезу.

Катюша настолько удивилась, что даже не обрадовалась. Она предполагала, что еще съ мѣсяцъ, если не долѣе, придется бороться съ бабушкой, чтобы поставить на своемъ... А тутъ вдругъ чрезъ недѣлю она можетъ быть уже послушницей монастырской.

И, не догадываясь, что старуха прямо лжетъ, Катюша успокоилась вполнѣ. Теперь она не имѣла повода подозрѣвать смыслъ пріѣзда князя и сторониться отъ него. Онъ сразу сталъ славный, добрый бабушкинъ гость, простой гость.

Старуха перехитрила внучку.

Одновременно она объявила Горсту:

— А ты помогай! И тѣломъ и душой. Пили своего князя и толкай въ спину, пусть дѣйствуетъ. Я – баба и мнѣ неловко. Помни, что у насъ времени нѣту: и Катюша можетъ вдругъ убѣжать и, спрятавшись въ монастырѣ, постричься, да и самъ онъ можетъ какъ на грѣхъ раздумать вдругъ. У васъ, молодыхъ мужчинъ, семь пятницъ на недѣлѣ! Пили и толкай... на всякое, азартное... Ты вотъ съ Аришей сумѣлъ небось...

Горстъ, конечно, съ радостью обѣщался всячески помогать тому, что онъ почти первый-же и придумалъ. Однако, дня черезъ три послѣ пріѣзда князя явился скороходъ изъ города и принесъ письмо на его имя. Письмо поразило его... Оно было кратко, но было отъ Ѳедосьи Ивановны Янковичъ. Прежняя Ѳедоська умоляла Горста ради ихъ прежней связи и любви, ради ея любви къ семьѣ князей Татевыхъ немедленно пріѣхать въ городъ. Разумѣется, Горстъ понялъ, что Янко-

вичъ, уже ея мужъ, припомнилъ или собирается припомнить свою угрозу: итти объяснять губернатору...

— Но что? что объяснять?

И Горстъ отвѣчалъ себѣ:

— Охъ, конечно, худое, конечно, бѣдовое! Ѳедоська хочетъ предотвратить бѣду по добротѣ сердечной и по памяти. Она, вѣдь, до глупаго бѣгства къ Абдурраманчикову любила всѣхъ Татевыхъ.

И онъ рѣшилъ тотчасъ непремѣнно ѣхать, но не зналъ, сказать-ли все бабушкѣ, или не сказать настоящую причину своей поѣздки. Обсудивъ дѣло со всѣхъ сторонъ, онъ рѣшилъ ничего старухѣ не говорить.

И на это была прямая причина, важная и вполнѣ разумная: не брать княгиню врасплохъ. Янковичъ ничего собственно ему не объяснилъ, а бабушка и того менѣе. Все, что между ними происходитъ—загадка.

Ѳедоська, умная, тонкая, отчасти и лукавая женщина, заставивъ Янковича на себѣ жениться, очевидно, руководитъ имъ, вертитъ имъ, какъ хочетъ. Стало быть, она знаетъ все, что знаетъ, что думаетъ ея мужъ. Онъ даже дѣлаетъ, вѣроятно, все, что ей вздумается. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта Ѳедоська была недавно для Горста такой близкой личностью, такъ любила его, что и теперь еще кой-какіе слѣды этого прежняго чувства остались.

И вотъ эта женщина не только все скажетъ ему, все объяснитъ, хотя-бы даже тайно отъ мужа, но, кромѣ того, она—если есть дѣйствительно какая бѣда—поможетъ семьѣ, которая была и осталась для нея близкой.

И, объяснивъ бабушкѣ, что его вызываютъ въ городъ ради вновь найденнаго имущества, когда-то выкраденнаго, Горстъ собрался на зарѣ выѣзжать.

Но наканунѣ вечеромъ онъ объяснился съ княземъ насчетъ Катюши уже напрямки и довольно рѣзко. Онъ совѣтывалъ „не зѣвать“ и „скрутить все“.

— Помилуй, Горсточка,—отозвался Аникѣевъ нѣсколько смущаясь.—И ты, и бабушка ваша, вы удивительно судите. Эдакъ, я думаю, никогда на свѣтѣ не приключалось, чтобы жениха эдакъ натравливали, что-ли сказать. Что-жъ силкомъ, что-ли, ее заставить согласиться за меня замужъ итти?

— Бабушка прямо сказала: пускай дѣйствуетъ онъ, то-есть ты, азартно. Понялъ? Азартно! Бабушка увѣрена, что при эдакомъ, что-ли, приключеніи между вами, у Катюши монастырь сразу изъ головы выскочитъ.

— Не могу, милый мой... воля ваша,—отвѣтилъ князь, подумавъ.—Я буду просто съ ней ласковъ и нѣженъ, потому что она мнѣ очень по сердцу. А тамъ уже—что Богъ дастъ.

Горстъ махнулъ рукой.

— Какъ знаешь!—рѣшилъ онъ.—Проморгаешь и красавицу-жену, и богатое приданое, и насъ всѣхъ, какъ родню и семью, которая тебя полюбила. Я на твоемъ мѣстѣ... я вотъ завтра-же былъ-бы... объявленымъ нареченнымъ.

XL.

По пріѣздѣ въ городъ Горстъ, конечно, собирался прямо отправиться къ новобрачной госпожѣ Янковичъ.

Но, много поразмысливъ дорогой обо всемъ, что происходитъ страннаго и загадочнаго между прежнимъ домашнимъ врачемъ Татевыхъ и княгиней, онъ рѣшилъ, что надо повидаться съ губернаторомъ, прежде нежели узнать что-либо отъ Ѳедоськи или отъ самого Янковича, который, конечно, пожелаетъ тоже лично объясниться съ нимъ.

„Быть можетъ, онъ уже былъ у Шверина“, — думалъ Горстъ.—Тогда, если Шверинъ заговоритъ со мной о жалобѣ или о „дѣлѣ“ Янковича, мнѣ выгоднѣе ничего не знать, быть въ сторонѣ и не лгать увѣряя: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. А онъ непремѣнно заговоритъ со мной, если Янковичъ у него уже побывалъ!“

Горстъ былъ принятъ Шверинымъ крайне любезно, а равно и Анной Дмитріевной. Они, конечно, разспросили его, что Аникѣевъ, дѣлая видъ, что ничего не знаютъ объ его намѣреніяхъ.

„А, можетъ быть, онъ ничего имъ и не сказалъ?—подумалось Горсту.—Недаромъ онъ, оказывается, красная-дѣвица“.

Изъ разговоровъ со Шверинымъ онъ тотчасъ-же убѣдился, что Янковичъ своей угрозы еще не исполнилъ.

Разумѣется, отъ губернатора онъ направился къ прежней пріятельницѣ. Доктора не было дома, а Ѳедоська заявила, здороваясь:

— Какъ хорошо! Мы одни поговоримъ. Мужъ ранѣе сумерекъ не вернется.

Затѣмъ она заявила, что у нея такое дѣло, что Горстъ и не воображаетъ и даже перепугается. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была, видимо, смущена предстоящимъ объясненіемъ.

— Вотъ видите-ли я вамъ особеннаго ничего не скажу: буду только просить васъ...—начала Ѳедоська и тотчасъ заикнулась, не зная, какъ продолжать.

— Ты уже на „вы“ перешла,—сказалъ онъ, улыбаясь.

— Да. Надо привыкать,—усмѣхнулась она,—надо говорить такъ на „вы“, а то и при мужѣ обмахнешься, скажешь „ты“. А онъ у меня ревнивецъ страшный и считаетъ, что

я... что я—вдовой послѣ Абдурраманчикова и, кромѣ него, никого не знаю. Онъ вѣдь, на иное—мастеръ, а на иное—малый ребенокъ.

— Скажи, довольна ты, счастлива, что за него пошла?—почти воскликнулъ Горстъ, забывъ про свое дѣло.

— Довольна, что замужняя, понятно,—отвѣтила Ѳедоська.

— И полюбила его? любишь?

— Ахъ, полно!.. что зря болтать языкомъ! Ты меня знаешь. Ну, стало быть, знаешь, могу-ли я... Ну, да что объ этомъ! Это—все не стоющее разговора. Слушай... слушайте! у мужа есть дѣло съ Ариной Саввишной, важное дѣло, даже страшное дѣло. Какое—я знаю, но не скажу, а только скажу тебѣ, то-есть, вамъ, что мужъ хочетъ имѣть или получить съ княгини десять тысячъ, а она должна ихъ дать... даже, кажется, и меньше десяти.

— Семь,—усмѣхнулся Горстъ.

— Можетъ быть, и семь это—не мое дѣло. Но только смѣшного, ей-Богу, тутъ ничего нѣтъ. Морозъ по кожѣ пробираетъ, а когда подумаешь, что это все такое. Ну, и вотъ прошу я васъ Христомъ и Богомъ усовѣстить Арину Саввишну эти деньги ему отдать. Если она ихъ не дастъ то будетъ бѣда, никѣмъ неслыханная.

— Да? Онъ пойдетъ жаловаться губернатору?

— Да, непремѣнно!

— И что-же онъ ему скажетъ?

— Что?!.

— Да, Ѳедосьюшка, что?

— А то все... что кончится бѣдой... страшной бѣдой да и страшнымъ срамомъ на все намѣстничество, на всю Россію.

— Вотъ какъ! даже на всю Россію!—воскликнулъ Горстъ, смѣясь, но смѣхъ его былъ вполнѣ неестественный, какой-то дѣланный, такъ какъ смущенье уже замѣтнымъ образомъ начинало одолѣвать его.

— Охъ, голубчикъ мой! Вѣрь тому, что я говорю! Я знаю все... онъ мнѣ все разсказалъ!—произнесла Ѳедоська съ чувствомъ.—И мнѣ жалко, всѣхъ васъ жалко... Да и ее... да и Арину Саввишну жалко.

— Такъ и прикажи своему мужу молчать! — вскрикнулъ Горстъ.

— Не могу! То-то не могу! Все могу съ нимъ подѣлать, могу во всемъ понукать имъ, а этого не могу. Начнетъ онъ объ этомъ говорить, то въ звѣря какого- то преобразуется. Кричитъ: „пускай заплатитъ! десять тысячъ — грошъ при ея деньгахъ“!

— Да за что? за что, Ѳедосьюшка? Я, вѣдь, не знаю, ты не сказала.

— И не могу сказать. Вѣрь мнѣ на слово.

— И буду вѣрить, но пальцемъ не двину ,— выговорилъ онъ рѣшительно.

— Какъ такъ?

Горстъ пожалъ плечами и отвѣтилъ Ѳедосьѣ:

— Мало-ли что твой Янковичъ могъ выдумать и тебѣ наболтать всякій вздоръ? Ты повѣрила, но мнѣ не сказываешь. Можетъ быть, все это—глупое лганье.

— Лганье?! А за что она, Арина Саввишна, ему уже десять тысячъ дала?

— Дала? когда?

— Когда—не знаю. Мѣсяцъ, два-ли тому назадъ, но онъ говоритъ, что дала. А теперь онъ еще хочетъ.

— За тютьку!—вдругъ выговорилъ Горстъ и присмотрѣлся къ лицу Ѳедоськи.

— Ты знаешь,—тихо произнесла она, —какъ-же ты разспрашиваешь? Арина Саввишна сама тебѣ все разсказала?

— Да, бабушка мнѣ сказала... Но она говоритъ... говоритъ, что тютька не стоитъ того... Она говоритъ про твоего муженька: „Дуракъ онъ, потому что полагаетъ меня за дуру". Ну, а она, знаешь, Ѳедосьюшка, далеко не дура.

— Такъ ты все знаешь?

— Все знаю,—рѣзко и рѣшительно солгалъ Горстъ.

— И ты полагаешь, что если мужъ объяснитъ все губернатору, то ничего не будетъ ей?

— Ничего! Понятно... уже и потому ничего, что Шверинъ намъ не нынче-завтра родней окажется.

— Какими судьбами?

— Такими! сказать тебѣ сейчасъ не могу. Будетъ родней! оченъ просто даже!

Ѳедоська широко раскрыла глаза.

— Да... если такъ...—произнесла она, помолчавъ,—если такъ, то, понятно, какъ губернаторъ, отстоитъ Арину Саввишну... Но трудно... трудно... Можетъ, какъ Романъ Романовичъ, должности лишиться. Мужъ, вѣдь, не изъ таковскихъ. Онъ тогда въ столицу хватитъ и высшимъ властямъ доносъ подастъ. Тогда Шверинъ за укрывательство потеряетъ мѣсто, а княгиня все-таки въ Сибирь пойдетъ, въ каторгу.

— Въ Сибирь? въ каторгу?!—закричалъ Горстъ.

— А то какъ-же? Ты какъ-же думалъ? Что ты, глупѣе меня, что-ли? И я, баба, а это понимаю.

Горстъ перемѣнился въ лицѣ и, тяжело переводя дыханіе, молчалъ. Ѳедоська вдругъ вымолвила, глядя на него:

— Да ты вралъ! ты ничего не знаешь, ничего она тебѣ не сказала!..

— Я думалъ, Ѳедосьюшка...—продолжалъ онъ глухимъ голосомъ,—думалъ, что это не такое уже важное дѣло. Янко-

вичу такъ сдается, но онъ ошибается. Я хорошо знаю, что бабушка считаетъ его за дурака, стало быть...

Ѳедоська презрительно присмотрѣлась къ лицу Горста и спросила:

— Скажи мнѣ... отвѣтствуй одно только: что такое тютька?

Горстъ понялъ значеніе вопроса и молчалъ.

— Ну, что-же? говори! Коли ты все знаешь, коли тебѣ Арина Саввишна все повѣдала, такъ ты долженъ хорошо знать, что за тютька такая. Собака, что-ли? Собакъ часто эдакъ прозываютъ.

Горстъ молчалъ.

— Ну, вотъ ты, стало быть, меня чуть было не словилъ...— задумчиво произнесла Ѳедоська.—Впрочемъ, ты и словилъ. Я, вѣдь, тебѣ сказала, что это дѣло Сибирью пахнетъ.

— Ахъ, Ѳедосьюшка!—вдругъ вскрикнулъ Горстъ, вставая съ мѣста, и, хвативъ себя за голову руками, онъ зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.—Ничего ты мнѣ не сказала,— проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ,—и она ничего не сказала... она, бабушка... Но я все знаю! я все вотъ понялъ... Скажи мнѣ... тютька эта... Что отъ нея?.. помираютъ?

Ѳедоська потупилась.

— Говори, ради Создателя... Я все улажу... Помираютъ? зелье это?

— Да,—глухо выговорила Ѳедоська.

Горстъ сѣлъ, опустилъ голову на руки и чувствовалъ, что въ немъ совершается именно то, что выражается поговоркой: „умъ за разумъ зашелъ“. Все, что онъ внезапно узналъ, онъ отлично и ясно понималъ, а въ то-же время совсѣмъ не понималъ ничего. Затѣмъ ему представилось, что онъ ничего новаго не узналъ, что все это онъ давно думалъ или угадывалъ, или предчувствовалъ. Но тотчасъ-же онъ будто испугался и сталъ себя убѣждать, что „такового страшнѣющаго“ никогда не предполагалъ и не могъ предугадать...

„Были дѣла темныя у насъ... но не бабушка... а теперь выходитъ—все она, она!—говорилъ онъ самъ себѣ.—Какія страсти! Господи помилуй! И какое окаянное поступленіе!..“

И вдругъ новая внезапная мысль озарила его, какъ молнія, блеснула въ головѣ:

„Если-бы не эдакое, то и я не былъ-бы мужемъ Ариши, а былъ-бы попрежнему наемнымъ подъячимъ въ канцеляріи...“

Ѳедоська прервала его бурныя размышленія словами:

— Ну, что-же? Уладишь ты это бѣдовое дѣло?

— Да! да! непремѣнно!—воскликнулъ Горстъ.—Скорѣе въ „Симеоново!“

И, все еще не вполнѣ придя въ себя, онъ простился съ женщиной и вышелъ отъ нея, какъ въ чаду.

XLI.

Въ „Симеоновѣ“ всѣ видѣли или чаяли, что совершается нѣчто очень важное, всѣми желанное. Вся семья, а равно вся дворня, были заняты однимъ вопросомъ: „заупрямится вдовушка или сдастся?“

Горстъ, вернувшись, нашелъ всѣхъ довольными, весело настроенными. А счастливѣе всѣхъ была сама княгиня. Горстъ еще въ городѣ размышлялъ, какъ ему быть и что предпринять—смущался и робѣлъ, а по пріѣздѣ уже совершенно растерялся. Къ бабушкѣ приступу не было съ ужаснымъ дѣломъ,—настолько сама она была радостна. И, волнуясь, собираясь всякій день заговоритъ, онъ молчалъ и выжидалъ минуты.

Всеобщее радостное настроеніе явилось изъ-за князя, который былъ сильно увлеченъ Катюшей. Это увлеченіе было искреннее, пылкое и сказывалось въ немъ ярко во всякомъ взглядѣ, во всякомъ словѣ, къ ней обращенномъ.

Аникѣевъ даже самъ себѣ дивился, самъ себѣ задавалъ вопросы, на которые отвѣчать не могъ. Онъ не комедіанствовалъ и не притворялся. Катюша съ каждымъ часомъ становилась ему милѣе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ убѣжденъ, что молодая женщина страшно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ онъ впервые ее увидѣлъ. Тогда она была „пригожей и не хуже другихъ“, а теперь она для него была и красива, и умна, и прелестна, какъ еще ни одна женщина не бывала.

Сама Катюша, собираясь ежедневно, чуть не ежечасно, въ монастырь, не чуждалась князя. И онъ ей тоже сталъ нравиться понемногу все болѣе и болѣе. Но нежданно, непонятно какъ, явилось нѣчто новое, что стало смущать и дѣтски-наивную неопытную натуру, которой не было еще и двадцати полныхъ лѣтъ. Она увидѣла около себя нѣчто, чего еще никогда не видала — молодого и красиваго человѣка, который былъ, очевидно, къ ней неравнодушенъ и даже болѣе. Когда-то Терентій, дворовый, полукрестьянинъ любилъ ее, любилъ такъ-же, какъ любилъ, когда и онъ, и она были дѣтьми. Это былъ добрый пріятель, братъ, то-же что и Семенъ, то-же что и Ариша. Бѣда, приключившаяся со всей семьей, разжалованье въ податное состояніе, повернуло все на особый ладъ: дворовый, ея пріятель, товарищъ еще дѣтскихъ игръ, сталъ ея мужемъ, и она стала счастлива, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей постоянно чудилось, что чего-то въ ихъ счастьѣ не хватаетъ. И вдругъ теперь явился около нея другой, второй, который тоже полюбилъ ее, но полюбилъ совсѣмъ иначе. Чего не хватало въ Терентіи, теперь даже въ глаза бросается.

Когда князь Аникѣевъ впервые гостилъ у нихъ, то нравился ей, какъ веселый болтунъ, занятный посторонній человѣкъ. Только Ариша могла выдумать, что будто онъ ей въ женихи и въ мужья годится, ей-же самой онъ былъ совсѣмъ чужой человѣкъ. Теперь что-то перемѣнилось... Въ его глазахъ, когда онъ говоритъ съ ней, въ его взглядѣ — чудится нѣчто другое. Онъ совсѣмъ перемѣнился за малое время, или она перемѣнилась. Въ ней самой возникло что-то, дотолѣ незнакомое, неиспытанное.

— Диковинно и чудно это все! — рѣшила Катюша и прибавляла:—поскорѣе-бы собраться въ монастырь. Эти мысли — грѣхъ одинъ и предъ Терентіемъ, и предъ бѣднымъ Семенушкой. Я отпѣтая теперь. Мнѣ одно: келья да службы церковныя.

Прошло еще около недѣли, что князь былъ въ „Симеоновѣ", и вся семья окончательно рѣшила, что все происходящее между нимъ и Катюшей прямо ведетъ къ браку.

Ариша лучше всѣхъ и совершенно вѣрно опредѣлила мужу отношенія молодыхъ людей:

— Аникушка твой — что паукъ, а Катюша — мушка. Она отбивается, а онъ, знаетъ, путаетъ да путаетъ. И, что больше она бьется, то пуще захлестывается въ паутинѣ.

Однажды поздно вечеромъ, когда весь домъ уже ложился спать, а кой-кто уже давно крѣпко спалъ, князь вошелъ въ комнату Катюши и смущенный, взволнованный, сталъ робко и страстно, какъ юноша, объяснять, что онъ безъ ума отъ нея, жить безъ нея не можетъ и готовъ руки на себя наложить... Перепуганная Катюша дрожала всѣмъ тѣломъ, но, потупясь, стояла недвижно, молчаливо и не гнала его... Онъ приблизился, взялъ ее за руки, она не шелохнулась. Онъ обнялъ ее — она не оттолкнула его и, наконецъ, на горячіе поцѣлуи отвѣтила тихими слезами и дѣтской покорностью. Его слово—было закономъ... Что и какъ? Женщина не разсуждала, а слѣпо повиновалась. „Колдовство",—думалось ей.

Дня черезъ три послѣ этого, Катюша пришла поутру къ старухѣ смущенная, но не робѣя, а какъ-бы крайне стыдясь. Она, видимо, собиралась заговорить о чемъ-то важномъ, но заглядывала въ глаза бабушкѣ, волновалась и вдругъ, будто рѣшившись, заговорила... но о совершенно другомъ, о пустякахъ.

Старуха все видѣла и все понимала, что было и не мудрено, такъ какъ она черезъ своего сыщика и соглядатая Лукерью знала все, все до мелочей, знала столько-же, сколько сама внучка.

Наконецъ, Аринѣ Саввишнѣ стало не въ мѣру терпѣть. Она разсмѣялась радостно и выговорила:

— Ахъ, вы, молодежь!.. Ахъ, ты, глупая голова... Ну, говори ужъ, говори! Вѣдь ты пришла мнѣ объяснить удивительное такое да нежданное такое, что я ахнуть должна. Ну, и сказывай... Только, знай, я не ахну...

— Я, бабушка...—начала Катюша, вспыхнувъ и потупляясь,—я и вправду пришла вамъ эдакое пояснить удивительное... Но что-же тутъ подѣлаешь? Я не виновата. Я виновата, да только... Я ничего не могу. Грѣхъ, я знаю, да что-же подѣлаешь?!.

И молодая женщина тихо заплакала.

— Что ты! Богъ съ тобой!—неожиданно для себя удивилась княгиня, такъ какъ слезъ она никакъ не ждала и не понимала. — О чемъ-же ты плачешь? Тебѣ радоваться, а ты плачешь... Ну, ну, говори! А то я въ самомъ дѣлѣ съ толку собьюся. Развѣ ты не о Дмитріѣ Дмитріевичѣ пришла говорить?

— Да, бабушка,—едва слышно произнесла Катюша.

— Вы другъ дружкѣ приглянулись... ты ему давно, а онъ тебѣ, стало быть, теперь?

— Да, бабушка.

— И ты отложила свое монашество?

— Да, бабушка.

— И больше ничего? Еще-то ничего нѣту, худого?

— Нѣтъ, бабушка, помилуй Богъ!

— Такъ и слава Создателю! О чемъ-же плакать? Для меня это—такое благополучіе, что и словъ-то не найдешь сказать.

— Грѣхъ это, бабушка, да я... я сама ничего не понимаю, какъ все это приключилось. Колдовство! Все перевернулось да и въ головѣ-то все кверху ногами...

— Не бойсь, не бойсь!.. Все наладится еще лучше прежняго. Поцѣлуй меня!

И Арина Саввишна, видимо, волновалась.

— Слава Богу,—заговорила она, расцѣловавшись съ внучкой. — Да, хоть и дорого ты, бѣдная, заплатила, да Господь тебя вознаградитъ сторицею радостями за прошлыя горести. А на душѣ у тебя чисто и легко, ничего нѣту, никакой тягости. И будешь ты счастлива, а другіе прочіе, глядя на твое счастье, будутъ стараться изъ своего ума вышибать, съ души тяготу сбросить, коли таковая есть... Ну, зови ко мнѣ этого озорного... Вишь, времена какія! Теперь сами безъ насъ, старшихъ, все порѣшаете—и пустое и первостатейное. Даже мужей и женъ выбираете сами. Ну, зови!

— Бабушка... увольте... Я не могу!.. ей Богу!—воскликнула Катюша, какъ бы перепугавшись.

— Что не можешь?—оторопѣла и старуха при видѣ смущенья внучки.

— Онъ не знаетъ. Какъ-же я пойду его звать?

— Чего не знаетъ?—уже вскрикнула Арина Саввишна.

— Да что я пошла вамъ сказаться. А я не могла эдакъ оставаться... въ сомнѣньѣ! Чего-же хорошаго? Вѣдь, онъ... онъ, бабушка... онъ... Оно такъ приключилось, что онъ уже все одно, что мужъ мой...

Катюша произнесла слова такъ тихо, что старуха скорѣе догадалась, нежели разслышала ихъ.

Наступило молчаніе. Княгиня ухмылялась и послѣ мгновеннаго смущенія, въ которое привела ее внучка, была еще радостнѣе, еще болѣе сіяла. „Теперь даже долженъ жениться!“— думалось ей.

И, отпустивъ Катюшу, она велѣла позвать къ себѣ князя, объявивъ ему: „по важному обстоятельству перетолковать желаютъ“.

Аникѣевъ тотчасъ явился, и по его бодрому и довольному виду княгиня увидѣла, что онъ самъ радъ предстоящему объясненію.

Старуха поглядѣла на него пристально, долго, а затѣмъ разсмѣялась и, шутливо грозясь, спросила:

— Что? набѣдокурилъ, озорникъ? кайся!..

Князь улыбнулся, но потупился не хуже Катюши.

— Что-же теперь дѣлать, озорной? Вѣнчаться надо. Хочешь—не хочешь, обвѣнчаю.

— Да, княгиня... я хотѣлъ самъ вамъ доложить... Да, слава Богу, Катерина Антоновна согласилась, и я очень, очень счастливъ. Я ее очень люблю, да и въ первый разъ въ жизни. У меня, княгиня, все въ головѣ...

— Вверхъ ногами!

— Да-съ.

— Такъ-же, какъ и у Катюши,—улыбнулась старуха.—Ну, поцѣлуй меня и ты... А теперь позови старшаго въ домѣ, князя Семена Антоновича, для приказаній.

Черезъ часъ, Семенъ, веселый и довольный, обѣжалъ весь домъ и объявилъ всѣмъ—и семьѣ, и людямъ—приказъ бабушки собираться въ диванной, какъ бывало всегда при всѣхъ важныхъ или исключительныхъ случаяхъ.

Всѣ догадались, въ чемъ дѣло и что произойдетъ. Только одна „нѣмая“ сказала мужу:

— Въ городъ ѣдетъ?

— Кто?

— Бабушка... опять?.. зачѣмъ?..

Князь Семенъ побоялся сказать правду и только рукой махнулъ.

Черезъ часъ вся семья и всѣ старшіе дворовые собрались въ диванной и, ожидая выхода княгини, радостно переглядывались, а затѣмъ искоса поглядывали на того, единственнаго изъ всѣхъ, человѣка, который впервые находился тутъ въ средѣ семьи.

Княгиня вышла, сѣла на свое обычное мѣсто и, сказавъ нѣсколько словъ о милости Божьей, о великомъ счастіи, о неисповѣдимыхъ путяхъ, о суженомъ неминучемъ, объявила, что князь Дмитрій Дмитріевичъ Аникѣевъ „проситъ за себя“ внучку ея Катерину, а она на это изъявляетъ согласіе.

И княгиня нѣсколько взволнованнымъ голосомъ прибавила, окидывая всѣхъ отчасти суровымъ взглядомъ:

— Бывали у насъ тутъ бѣды многія и многія... бывали напасти и горести всякія, чего, чего не бывало. Начнешь считать да поминать, что за одинъ годъ приспичило сразу, то душа мятется отъ страха... даже не вѣрится: не сновидѣніе-ли все, что мы въявѣ здѣсь видѣли... Ну, и смилостивился надъ нами Господь.. Теперь все стало ладиться и совсѣмъ еще пуще наладится...

Княгиня довольная, въ добромъ духѣ, очевидно, собиралась сказать длинную и „красную“ рѣчь, но вдругъ раздался колокольчикъ въ усадьбѣ и, гулко зиливаясь, зазвенѣлъ еще громче во дворѣ и смолкъ у подъѣзда.

— Гость! Ну, что-же? И кстати, — сказала княгиня. — У насъ праздникъ. Иди, Семенъ, проси сюда прямо! поздравлять нареченныхъ. Ну, вы, всѣ, цѣлуйте будущаго родного и невѣсту.

Князь Семенъ пошелъ въ прихожую, а всѣ поднялись и стали поздравлять Катюшу и князя, горячо и радостно обнимаясь.

— Хорошо, кабы это моя Авдотья Евдокимовна,—заявила княгиня, нетерпѣливо глядя въ двери.

Наконецъ, на порогѣ появился Семенъ и, съ лицомъ нѣсколько оробѣвшимъ, доложилъ:

— Изъ города... отъ губернатора, бабушка, чиновникъ... Говоритъ дѣло у него до васъ наипервѣйшей важности и проситъ принять его единолично, чтобы все объяснить вамъ, да не при всѣхъ, а только наединѣ безъ постороннихъ.

XLII.

Въ одинъ день въ „Симеоновѣ“ произошло столько неожиданнаго и важнаго, что всѣ обитатели, ложась спать, не вѣрили, прошелъ-ли одинъ этакій день или цѣлая недѣля. Но подъ впечатлѣніемъ событій они не предвидѣли, что вслѣдъ за тѣмъ пройдетъ недѣля, которая покажется имъ всѣмъ цѣлымъ полугодомъ.

Въ этотъ день въ нѣсколько часовъ семья Татевыхъ пережила больше, нежели иная за цѣлый годъ.

Поутру явилась къ княгинѣ внучка объяснить, что покинула мысль итти въ монастырь, а, напротивъ, собралась итти замужъ.

Затѣмъ Аникѣевъ, вызванный къ старухѣ, какъ-бы посватался. И тотчасъ-же совершилось торжественное семейное засѣданіе... И оно еще не кончилось, какъ княгинѣ пришлось принять старика-чиновника, посланца губернатора, и имѣть съ нимъ наединѣ такое объясненіе, послѣ котораго онъ тотчасъ-же уѣхалъ, а старуха заперлась у себя на ключъ, никого не желая видѣть. Подобнаго никогда не бывало, и всѣ внуки перепугались, не понимая ничего. Одинъ Горстъ совершенно понялъ все и глубоко раскаивался, что не заговорилъ со старухой ранѣе, тотчасъ по пріѣздѣ изъ города. Онъ бродилъ по дому темнѣе ночи, сильно перемѣнившись въ лицѣ, и не отвѣчалъ на вопросы семьи. Женѣ, приставшей къ нему съ вопросомъ, что съ нимъ дѣлается, онъ крикнулъ, какъ еще никогда не кричалъ на нее:

— Отстань! Банный листъ!

Горстъ ждалъ, чтобы старуха отперла свою дверь, и едва только узналъ онъ, что Лукерья была ею позвана, пошелъ къ княгинѣ, чтобы объясниться.

Онъ нашелъ ее нѣсколько блѣдной и тревожной, хотя прошло послѣ ея бесѣды и отъѣзда чиновника часа три.

— Бабушка,—сразу рѣшившись, заговорилъ онъ.—вы мнѣ ничего не скажете?

— Чего тебѣ?—глухимъ голосомъ отозвалась старуха.

— Зачѣмъ пріѣзжалъ этотъ... отъ губернатора, что онъ вамъ передалъ? Скажите! тогда и я вамъ скажу, что...

— Не твое это дѣло!—отрѣзала Арина Саввишна.

— Стало быть, вы ни о чемъ не желаете со мной переговорить?

— Спятилъ ты, что-ли?!.

— Я, можетъ быть, могъ-бы вамъ быть въ помощь и могъ-бы...

— Молчи!—вскрикнула вдругъ старуха. — Набрался важности... Смотри! Я съ тебя эту важность живо спущу!

И послѣ наступившаго краткаго молчанія княгиня вымолвила крайне строго и гнѣвно:

— Распорядись, скажи всѣмъ! Завтра на зарѣ всѣ ѣдемъ въ городъ. Понялъ? Всѣ, кромѣ Мареы съ ребятами. Чтобы все на зарѣ было къ отъѣзду готово, все! Ступай!

— Слушаюсь,—отвѣтилъ Горстъ и быстро вышелъ, но уже менѣе смущенный.

„Бабушка сама за себя постоитъ!“—думалось ему.

И всѣ, ложась спать, уже знали, что съ княгиней что-то приключилось, что чиновникъ недаромъ пріѣзжалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ уже спѣшно распорядились, уложились и были готовы завтра на зарѣ садиться въ экипажи и ѣхать въ городъ, гдѣ не бывали съ тѣхъ поръ, какъ ихъ, еще „крестьянъ Татевыхъ“, вызвала туда судная комиссія, пріѣхавшая изъ Петербурга.

Князю Аникѣеву было объявлено, что онъ поѣдетъ не на своихъ лошадяхъ, а вмѣстѣ съ Катюшей въ каретѣ княгини.

При отъѣздѣ старуха была спокойна, а усадивъ противъ себя на переднемъ мѣстѣ жениха и невѣсту, стала даже весела и заявила шутя, что никогда еще въ такой „пріятной компаніи“ въ дорогѣ не бывала.

Прощаясь съ Мареой и правнуками, на капризный вой Саввушки, требовавшаго тоже ѣхать въ „гоядъ“, княгиня сказала:

— Не плачь! Пріѣдешь тоже скоро съ матерью. Если сейчасъ-же скрутимъ свадьбу тети Кати, то отпразднуемъ ее въ городѣ, а не здѣсь.

Дорогой старуха, думая все объ одномъ и томъ-же — о своемъ разговорѣ съ чиновникомъ,—не вытерпѣла и сказала князю:

— А знаешь-ли ты, Дмитрій Дмитричъ, кто меня изъ „Симеонова“ поднялъ? Твой-же зятюшка. Да. Онъ прислалъ мнѣ сказать, что по одному особому и важному дѣлу хорошо-бы я сдѣлала, если-бы пріѣхала...

— Опять какія вещи наши нашлись?—спросила Катюша.

— Д-да... И, кромѣ того, дѣло есть... важное! — отвѣтила старуха и обратилась снова къ князю: — скажи, любитъ тебя твой зять много... или такъ себѣ, середка на половинѣ?

— Любитъ,—отозвался Аникѣевъ такимъ голосомъ, который ясно доказывалъ, что поговорка была къ мѣсту. — Но сестра, конечно, любитъ больше, и много. Я у нея одинъ, вѣдь, братъ, какъ-же не любить?

— Ну, а правда, что она изъ мужа и дрова рубитъ, и лучину щипитъ, и веревочки вьетъ?

— Да,—усмѣхнулся князь,—но только въ малостяхъ, а въ важныхъ обстоятельствахъ она себя держитъ въ сторонѣ и, что не бабье дѣло, въ то не ступается.

— А рада твоя сестра будетъ, что ты женишься вотъ на ней?

— Да, понятно! Даже очень рада!

— Не захочетъ она, чтобы бракъ вашъ разстроился вдругъ?— продолжала старуха разспрашивать нѣсколько даже сурово.— Если будутъ вдругъ какія препятствія, станетъ-ли она за тебя хлопотать? Насядетъ ли на мужа?

— Да онъ, княгиня, тоже будетъ доволенъ и мѣшать не станетъ, стало быть...

— Ты отвѣчай, что спрашиваютъ. Вдругъ случится такое обстоятельство, что ваше бракосочетаніе отложится на невѣдомо какое время, а то и совсѣмъ пойдетъ по-боку... да придется все ладить уже не намъ, а твоей сестрѣ... Представь, что твой зятюшка вскинулся противъ брака, а сестра должна будетъ его взнуздать да осадить... Можетъ-ли она эдакое ради любви къ тебѣ?

Князь развелъ руками и вымолвилъ:

— Не знаю-съ, даже я совсѣмъ не понимаю ваших словъ. А для меня сестра, знаю, на всякое готова. Что другое, а меня, къ примѣру, въ обиду ему на дастъ. Она говоритъ, что и его любитъ, и меня любитъ одинаково, а только къ тому еще говоритъ: онъ-то ей чужой, а я—та-же кровь.

— Вотъ какъ! — воскликнула Арина Саввишна и повеселѣла.—Ну, стало быть, авось, вашъ бракъ и состоится... Только я вамъ, дѣти мои, скажу, что крутить хочу. Я, чаю, вы противъ сего не пойдете.

— Что вы, бабушка!—воскликнула Катюша.—Мы ужъ говорили. Дмитрій Дмитричъ говоритъ—хоть на этой-бы недѣлѣ вѣнчаться. Правда, вѣдь?—обратилась она къ жениху.

— Нѣтъ, зачѣмъ?—отвѣтилъ Аникѣевъ усмѣхаясь. — По-моему, не на этой недѣлѣ, а завтра утромъ-бы.

И всю дорогу, послѣ каждой паузы, княгиня начинала почти тотъ-же разговоръ, желая вполнѣ убѣдиться, что сестра Аникѣева имѣетъ достаточное вліяніе на мужа, чтобы явиться въ истинную помощь брату.

— Да какія-же могутъ быть помѣхи?—спросилъ раза два князь, но получилъ въ отвѣтъ:

— Да хоть-бы вотъ сплетни и пересуды какіе, худые слухи о насъ, и обо мнѣ, что-ли... Вотъ твой зять и упрется.

— Онъ, княгиня, не такой человѣкъ, чтобы людскими пересудами заниматься,—отвѣтилъ Аникѣевъ.

Подъѣзжая къ городу, старуха снова насупилась, какъ если-бы ея тайныя размышленія стали тяжелѣе и темнѣе.

Едва всѣ размѣстились въ новой нѣмецкой гостиницѣ, рекомендованной Аникѣевымъ, какъ княгиня послала лакея на квартиру Янковича просить его прибыть тотчасъ-же къ ней.

Дворовый человѣкъ вернулся и передалъ отвѣтъ доктора на словахъ.

— Сказали они: „доложи княгинѣ, что повидать мнѣ ихъ ни зачѣмъ не нужно“.

— Что-о?—протянула старуха.

Лакей глуповато повторилъ тѣ-же слова.

И Арина Саввишна просидѣла одна у себя въ номерѣ, задумавшись, до полуночи, а затѣмъ плохо проспала ночь. Она просыпалась, бредила и разговаривала сама съ собой, засыпала и снова просыпалась, и снова разговаривала вслухъ; чаще всего она повторяла все одно и то-же.

— Упряма ты! упряма не въ мѣру! Уперлась—вотъ теперь и карабкайся изъ ямы наружу.

И, будто въ отвѣтъ на упреки, которые она себѣ дѣлала, старуха иногда восклицала:

— А гдѣ-же-бы предѣлъ ждать? Онъ-бы эдакъ и сто тысячъ перебралъ. Всю жизнь ему повинуйся, какъ холопка!

Уже подъ утро, лежа снова съ открытыми глазами, княгиня шепнула, вздохнувъ:

— Ну, и сто. Что дѣлать? По міру не пошла-бы. А теперь что?..

Поднявшись, какъ всегда, довольно рано, старуха имѣла не то озабоченный, не то усталый видъ. Ей предстояло прежде всего собираться съ визитомъ къ губернатору по дѣлу.

При другихъ обстоятельствахъ она дождалась-бы посѣщенія самого Шверина съ женой, какъ „стороны“ жениха, которая должна сдѣлать по обычаю первый шагъ.

Князь, еще вчера отправившійся по пріѣздѣ прежде домой, конечно, тотчасъ объявилъ своимъ о сдѣланномъ предложеніи, а затѣмъ, вернувшись къ нимъ ввечеру въ гостиницу, былъ какъ-то не по себѣ. Княгиня замѣтила, что онъ не такъ веселъ, какъ былъ дорогой. Разспросивъ его, не стѣсняясь, она узнала нѣчто, чего князь уразумѣть и объяснить не могъ, но что она сама сразу поняла.

Оказалось, что сестра Аникѣева была въ восторгѣ отъ его брака, а зять былъ очень удивленъ и отнесся странно.

— Да какъ? какъ?—допрашивала княгиня.

Но Аникѣевъ отвѣчалъ все то-же:

— Да не знаю и не понимаю, и сестра не понимаетъ. Онъ будто и радъ, и не радъ... Такъ, какой-то растерянный. Ей-Богу!

И это опредѣленіе „растерянный“ княгиня тоже поняла, то-есть сумѣла себѣ объяснить причину.

XLIII.

Княгиня около полудня, разодѣтая, готовая садиться въ карету, все-таки ждала, что родственники жениха появятся у подъѣзда гостиницы. Прошелъ полдень, а она все еще надѣялась и рѣшила ждать до часу.

— Это ихъ долгъ — къ роднѣ невѣсты первыми ѣхать, а не насъ ждать,—сказала она Аришѣ.

Внучка посовѣтовала „сидѣть и ждать хоть три дня", чтобы дать понять Шверинымъ, что имъ надо пріѣхать.

Горстъ, слышавшій этотъ разговоръ, сурово замѣтилъ.

— Всякій обычай соблюдается, смотря по обстоятельствамъ. Бываютъ такія обстоятельства, что все идетъ навыворотъ.

— Это почему-же?—почти гнѣвно спросила княгиня.

— Можетъ быть, они и не желаютъ теперь брака Аникѣева,—отвѣтилъ Горстъ нѣсколько рѣзко и особенно упирая на слово „теперь".

Арина Саввишна, какъ-бы вообще недовольная Горстомъ въ послѣднее время, говорила и обращалась съ нимъ холоднѣе, а на каждое его разсужденіе, часто рѣзкое, отзывалась гнѣвно, „вскидывалась" на него, по выраженію ничего не понимавшей и гадавшей Ариши.

— Теперь! теперь!—воскликнула княгиня, сердито наступая на Горста.—Почему это—теперь? Другой вѣтеръ подулъ, что-ли? Какой?

— Ахъ, бабушка... Радъ-бы я радехонекъ, кабы никакого вѣтра не подуло!—воскликнулъ Горстъ.—Годъ цѣлый вы моихъ совѣтовъ сами просили во всемъ, а нынѣ я у васъ... вотъ то-же, что Семенъ... А дѣла наши не хороши, совсѣмъ худы. Позвольте мнѣ хоть съѣздить, повидать одного человѣка отъ вашего имени и... задобрить его.

Княгиня косо глянула на любимца, помолчала, а затѣмъ выговорила:

— Что-же? Ступай! Что дѣлать? Я за нимъ посылала, да онъ, проходимецъ, посмѣлъ...

— Знаю, все знаю, бабушка! Дозвольте, я сейчасъ къ нему поѣду и все улажу.

— Ступай и обѣщай, что попроситъ. Что-же противъ рожна прати? Неразумно!

И чрезъ нѣсколько минутъ княгиня выѣзжала, угрюмая и озабоченная къ губернатору, а Горстъ почти радостный отправился на квартиру Янковича, расчитывая на личное объясненіе и свое краснорѣчіе.

Чрезъ полчаса Горстъ уже стоялъ предъ Ѳедоськой взволнованный, блѣдный, почти пораженный.

Молодая женщина, встрѣтивъ его, заявила тоже тревожно, что ея мужъ еще за ночь сразу собрался и выѣхалъ въ столицу.

— И ничего почти не объяснилъ,—прибавила она; — онъ сказалъ только, что въ городѣ прошелъ вѣрный слухъ, что князь—женихъ Катерины Антоновны, а что если это—правда и княгиня изъ-за этого пріѣхала въ городъ со своей семьей, то ему больше и дѣлать нечего, какъ ѣхать въ Петербургъ...

— Начинать дѣло, доносить?.. на бабушку да и на Шверина!—воскликнулъ Горстъ.

— Не знаю, онъ не сказалъ.

— Да сама-то ты что думаешь?

— Ей-Богу, не знаю. Пожалуй, что и такъ...

— Что-же его укусило? Откуда такой спѣхъ? Почему онъ запрыгалъ, будто боясь, что не успѣется... Вѣдь, я вотъ пріѣхалъ съ нимъ все порѣшить по его желанію. Что-же онъ взбѣленился?

Ѳедоська молчала, потомъ развела руками, хотѣла будто что-то сказать и остановилась.

— Говори! Ради Создателя! Чего онъ запрыгалъ?

— Запрыгаешь... — вымолвила Ѳедоська угрюмо. Губернаторъ-родственникъ—уже другой губернаторъ. Свадьбѣ, вѣстимо, радъ, а тутъ мѣшаетъ маленькій человѣкъ. Надо его запрятать! Ты знаешь, какъ люди пропадаютъ? Вотъ былъ, а вотъ и нѣтъ, а гдѣ — никому невѣдомо. Вотъ онъ и посторонился.

— Охъ, Господи! — съ отчаяніемъ воскликнулъ Горстъ.— Все-бы это совсѣмъ иначе кончилось... сегодня-же, чейчасъ вотъ. Я за этимъ и пріѣхалъ...

— Чего-же ты... или вы съ княгиней мѣшкали? Зачѣмъ ты вчера по пріѣздѣ сейчасъ его не повидалъ? А теперь онъ, поди, уже за сто верстъ скачетъ.

Горстъ, все стоявшій предъ женщиной, двинулся, сѣлъ и, опустивъ голову, уткнулся лицомъ въ ладони.

Въ эти-же самыя минуты княгиня, вошедшая въ кабинетъ Шверина, нѣсколько тревожная, сидѣла предъ нимъ довольная, почти радостная. У нея совсѣмъ отлегло отъ сердца.

Шверинъ принялъ княгиню, объяснилъ ей прежде всего, что собирался сейчасъ къ ней ѣхать, чтобы расцѣловать будущую близкую родственницу, невѣсту зятя, но затѣмъ онъ тотчасъ-же прибавилъ:

— Хорошо вы сдѣлали, княгиня, что тотчасъ-же пріѣхали въ городъ. Лично переговоривъ, скорѣе и легче всякое дѣло можно сдѣлать.

— Я и такъ собиралась... ради внучки... А узнавъ, что вы желаете со мной поговорить объ одномъ болтунѣ, сейчасъ-же собралась.

Да, княгиня, дѣло очень... очень непріятное. Я даже не знаю, какъ мы его уладимъ. Вамъ извѣстно черезъ моего чиновника, что нѣкій Янковичъ, когда-то жившій у васъ домашнимъ врачемъ, былъ у меня и... разъяснилъ мнѣ... Цѣлое происшествіе сочинилъ мнѣ. Можете-ли вы, княгиня, болѣе или менѣе представить, что онъ сочинилъ?.. Я затрудняюсь самъ все это разсказать вамъ. Очень уже оно... невѣроятно и вамъ оскорбительно.

— Да. Дѣйствительно...—отвѣтила старуха. — Невѣроятно потому, что уже очень глупо... очень дерзновенно. Этотъ Янковичъ былъ недавно у меня въ „Симеоновѣ“, прося денегъ... и большихъ денегъ... взаймы. Я наотрѣзъ отказала. Онъ обозлился и объяснилъ мнѣ, что онъ на меня взведетъ и распуститъ такой поклепъ, что все намѣстничество ахнетъ. Я его, недолго думая, и прогнала изъ вотчины. Вотъ онъ въ отмѣстку и придумалъ теперь...

Княгиня смолкла, и Шверинъ, внимательно ее слушавшій, тотчасъ-же спросилъ:

— Но что? что именно, вамъ извѣстно? Онъ вамъ сказалъ, что именно онъ распуститъ? въ чемъ васъ начнетъ обвинять?.. Извѣстно вамъ?

— Да, дѣло мудреное. Извольте выслушать, — холодно отвѣтила старуха.

И она разсказала подробно все, что приключилось съ ея семьей... благодаря врагамъ. Шверинъ, конечно, зналъ все такъ-же хорошо, какъ и она, но не мѣшалъ ей разсказывать и про опалу, разжалованье семьи князей Татевыхъ въ крестьяне, и слѣдствіе, и прощеніе съ возвратомъ состоянія.

Разсказавъ все подробно, княгиня закончила:

— Въ то-же время, какъ вамъ извѣстно, у насъ были двѣ смерти прямо удивительныя. Умерли оба мужика-мужа моихъ двухъ внучекъ, умерли прямо удивительно, какъ отравленные... даже на одинъ ладъ. Никакіе сыски и розыски ни къ чему не повели. Такъ дѣло и осталось... Теперь-же умеръ у насъ младенецъ, сынокъ невѣсты князя Дмитрія Дмитріевича, какъ часто мрутъ младенцы, сразу, въ одну ночь. Полагаю, у него былъ родимчикъ, эдакое у насъ на селѣ сплошь и рядомъ бываетъ... И вотъ этотъ мерзавецъ-докторъ пріѣхалъ ко мнѣ вскорѣ послѣ смерти моего правнука, сталъ просить денегъ, и я его прогнала... А онъ мнѣ пригрозился, что онъ распуститъ слухъ, что, изволите видѣть, сама-то я и опоила, и умертвила всѣхъ—и обоихъ мужей моихъ внучекъ, и даже этого младенца правнука... А я, кстати сказать, въ ту пору хворала и безъ ногъ лежала въ постели. Ну, вотъ и распустилъ... и вамъ даже посмѣлъ это свое сочиненіе объяснить. Дворянство только посмѣялось, а вы...

— Да, княгиня...—усмѣхнулся Шверинъ, которому вдругъ показалось все дѣло большой нелѣпостью,—но только изволите видѣть,—вспомнилъ онъ:—Янковичъ говоритъ, что онъ, покидая вашъ домъ, оставилъ вамъ какой-то страшный ядъ для собакъ... что у васъ въ ту пору было въ окрестности много бѣшеныхъ собакъ и онъ вамъ для истребленія ихъ оставилъ этотъ ядъ... а что вы будто... извините... оно очень глупо, я понимаю... вы именно этимъ ядомъ умертвили и этихъ двухъ крестьянъ, и даже новорожденнаго младенца.

— Именно такъ...—холодно и отчасти гордо отозвалась старуха.—Онъ, покидая свою должность въ „Симеоновѣ“, конечно, мнѣ оставилъ цѣлую аптеку, въ коей было, да и теперь есть, три-ли, четыре-ли снадобья, отъ которыхъ сейчасъ смерть, коли много дать заразъ. Есть одно, которое онъ зоветъ „тютькой“, которое, говорилъ онъ мнѣ, страшное зелье, и совѣтовалъ держать особо на случай, если будутъ бѣшеные псы... Оно и теперь у меня хранится. Не оставь онъ мнѣ этой аптеки, такъ онъ и не могъ-бы весь этотъ поклепъ подлый и ужасный на меня взвести... Но, вѣдь, языкъ безъ костей, все можно про всякаго сочинить. Про кого не распускаютъ страшныхъ небылицъ, тамъ гдѣ уже намъ, маленькимъ людямъ, отъ клеветниковъ себя уберечь и отъ клеветъ избавиться?

— Да. Это—правда ваша, княгиня!—отвѣтилъ Шверинъ, уже совсѣмъ веселый и довольный; не столько объясненіе старухи, сколько ея спокойно-горделивый видъ подѣйствовалъ на него какъ-бы отрезвляюще.—Одно только меня въ этомъ нахалѣ удивило,—снова вспомнилъ Шверинъ,—одно: его увѣренность, твердость во лжи, а, главное, его обѣщаніе, что онъ все, что говорилъ, можетъ доказать.

— Доказать?

— Да-съ. Говоритъ: „у меня улики найдутся налицо“.

— Какимъ способомъ? Богъ съ вами!—воскликнула Арина Савишна.—Какія-же улики? Что у меня въ аптекѣ есть смертельныя зелья? Такъ я сама это объявляю...

Шверинъ опять немного замялся, но потомъ затѣмъ отвѣтилъ:

— Этого онъ не объяснилъ мнѣ, не захотѣлъ сказать ни слова. Онъ повторялъ: въ свое время, когда будетъ нужно, все докажу, и такъ, молъ, докажу, что всякій, хоть простой мужикъ, смекнетъ, что я правду говорю, а просвѣщенные люди за меня божиться и клясться будутъ, что я правъ... Вотъ это, княгиня, меня удивляетъ и даже... какъ-бы выразиться вамъ?.. это меня страшитъ, въ особенности теперь, когда мы съ вами должны породниться.

— Такъ, стало быть, этотъ безродный проходимецъ, — вскрикнула старуха,—докажетъ, что я... я!.. я, княгиня Арина Саввишна Татева... я—лиходѣйка, смертоубивица. Вотъ такъ блинъ! Вотъ такъ славно!

И старуха начала громко и весело смѣяться. Шверинъ поглядѣлъ на не и началъ тоже смѣяться. И вдругъ ему стало какъ-бы стыдно.

Какъ же онъ, намѣстникъ края, завѣдующій судьбами тысячъ людей, вершающій всякія разнообразнѣйшія дѣла, иногда головоломныя, вдругъ, какъ малый ребенокъ, былъ озадаченъ и встревоженъ болтовней какого-то именно безроднаго проходимца. Пришелъ какой-то прощалыга и объявилъ, что первая по имени и по состоянію дворянка края не что иное, какъ злодѣйка-отравительница, и онъ, намѣстникъ, встревожился, смутился... Явился шуринъ и объявилъ, что онъ—женихъ внучки этой самой лиходѣйки, и онъ еще болѣе встревожился, растерялся, не зная, что дѣлать!

„Ну, просто срамъ! - думалъ Шверинъ про себя.—Прямо стыдъ и срамъ. Мальчишка—ты, а не сановникъ. Да! И пусть будетъ это урокомъ тебѣ. Урокъ тебѣ далъ этотъ прощалыга, безродний бѣгунецъ“.

И вдругъ, озлившись самъ на себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на Янковича, онъ прибавилъ мысленно:

„Ну, погоди-же! Я тебя проучу. Покажу я тебѣ, какъ въ шуты рядить другихъ, да еще намѣстниковъ!“

И, проводивъ княгиню до лѣстницы, пообѣщавъ быть у нея тотчасъ съ женой, губернаторъ не медля приказалъ, чтобы на утро вызвали къ нему врача Янковича, а вмѣстѣ съ тѣмъ „заготовили перекладную съ парой ямскихъ и провожателя изъ солдатъ“.

Это была административная ссылка „въ предѣлы сибирные“, которая производилась постоянно по усмотрѣнію и единичной волѣ всякаго губернатора съ тѣмъ, что впослѣдствіи...

— Тамъ, поди, жалуйся!

Ввечеру чиновникъ канцеляріи доложилъ губернатору, что Янковича въ городѣ нѣтъ, что онъ наканунѣ получилъ „подорожную“ и выѣхалъ.

— Куда?

— Подорожная выдана въ городъ Санктпетербургъ,—объяснилъ чиновникъ.

Шверинъ задумался, а затѣмъ успокоилъ самого себя:

„Напуталъ и удралъ. Изъ Питера махнетъ въ Польшу, и ужъ, конечно, въ мои края его калачомъ не заманишь“.

XLIV.

Городъ опять заволновался, но весело.

Причиной волненія была все та-же семья князей Татевыхъ. Обыватели вспомнили, чего только не перевидали они, благодаря этой семьѣ, за какихъ-нибудь полтора года времени.

Давно-ли въ правленіе Звѣрева всѣхъ переполошило извѣщеніе княгини, что она не желаетъ лично присутствовать на торжествѣ празднованія восшествія на престолъ государя Павла Петровича, а, отсуживъ заупокойную литургію по Великой императрицѣ, предается съ членами своей семьи, крѣпостными и дворовыми не веселію, а гореваніямъ.

И чего только не приключилось послѣ этого? Какихъ перемѣнъ и превращеній не было?.. Даже двѣ княжны успѣли выйти замужъ, овдовѣть и вторично... одна выйти, а другая собирается замужъ.

Объявленіе о свадьбѣ „мужицкой“ вдовы, выходящей за зятя губернатора, произвело большое впечатлѣніе. Всѣ еще помнили удивительную смерть красиваго крестьянина Терентія, совсѣмъ не походившаго на крѣпостного холопа. Всѣ помнили и отчаяніе молодой женщины, вдругъ странно овдовѣвшей, помнили, что, если-бы ея сестра запоздала подоспѣть во время, то она-бы покончила съ собой.

Городъ особенно всполошился потому, что предстояли свадьба и всякія празднества и увеселенія вслѣдствіе того, что женихъ и невѣста были люди не простые, а „изрядные“—зять самого намѣстника и дочь богачки „Татихи“.

Теперь княгиню Арину Саввишну иначе никто не называлъ. Кто пустилъ это наименованіе въ ходъ, было неизвѣстно, но оно скоро привилось. Умная, энергичная, важная и гордая со всѣми, крайне богатая и крайне независимая старуха какъ-бы сама просилась на эдакое прозвище.

Шведку Розу Эриховну, помимо другихъ разныхъ прозвищъ, звали часто и „Шкильдиха“. Но это прозвище звучало презрительно. Новое наименованіе княгини, пущенное недавно, быть можетъ, тѣмъ-же княземъ Аникѣевымъ, звучало совершенно иначе, звучало какъ-бы „Марѳа посадница“.

Говорившимъ „Татиха“ представлялось нѣчто далеко не заурядное, а „изрядное“, важное, такой человѣкъ, котораго и „рукой не достанешь“.

Въ городѣ стало извѣстно тотчасъ-же, что княгиня наняла на мѣсяцъ домъ уѣзднаго предводителя, отправившагося почти при смерти лѣчиться на заграничныя воды. Свадьба предполагалась вскорѣ, конечно, съ обѣдами и балами, какъ у Та-

тевыхъ, такъ равно и губернатора. Сначала всѣ ждали празднествъ, недѣли черезъ три, но едва только княгиня съ внуками переѣхала изъ Нѣмецкой гостиницы въ домъ предводителя, какъ разнесся слухъ, что старуха, невѣдомо почему, страшно спѣшить со свадьбой.

Дѣйствительно, не прошло недѣли, какъ день бракосочетанія былъ назначенъ.

За нѣсколько дней до этого момента, когда во всѣхъ дворянскихъ домахъ всѣ готовились, кто повеселиться, кто пофрантить, кто хорошо покушать и выпить — вдругъ разнесся слухъ, поразившій всѣхъ безъ исключенія.

Въ городъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ семьей бывшій намѣстникъ и врагъ „Татихи“, самъ Абдурраманчиковъ, и пріѣхалъ не просто на побывку, а тоже изъ-за свадьбы своего сына Петра на воспитанницѣ генеральши Бокъ и для примиренія съ Татевыми.

И всѣмъ невольно приходила на умъ россійская поговорка: „Чудеса въ рѣшетѣ“!

Давно-ли Татевы, попавъ въ опалу, были въ качествѣ крестьянъ преслѣдуемы намѣстникомъ Абдурраманчиковымъ, а генеральша Бокъ, хлопоча за нихъ, своихъ близкихъ друзей, доѣхала до Петербурга и „дошла до царя“, чтобы все устроить, а намѣстникъ изъ-за нея-же, если не прямо, то косвенно потерялъ свою должность?

И вдругъ теперь злѣйшіе враги и „супротивники“ мирились и даже роднились.

Женитьба Петра Абдурраманчикова на воспитанницѣ генеральши была еще, пожалуй, не такъ удивительна, какъ было невѣроятно, поразительно и умопомрачительно примиреніе княгини съ давнишнимъ врагомъ семьи.

А, между тѣмъ, на глазахъ у всѣхъ Романъ Романовичъ и Арина Саввишна расцѣловались и обѣщали: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“.

Однако, не мало всѣхъ удивляло, что виновница будущихъ празднествъ, выдававшая свою внучку замужъ за брата самой губернаторши, была какая-то чудная, странная, была далеко не весела и довольна, а будто, напротивъ, не въ духѣ, сумрачна и раздражительна. „Ей-бы радоваться“, — соображали всѣ, — „а она ежится, косится и съ дуба рветъ“!

Дѣйствительно, княгиня имѣла видъ совсѣмъ не праздничный и радостный, а озабоченный и сердитый.

Однажды, за недѣлю до дня, назначеннаго для бракосочетанія внучки, она вызвала къ себѣ и приняла тайно отъ всѣхъ такую личность, что весь городъ, все-таки узнавшій, кто посѣтилъ княгиню, ахнулъ. Это была госпожа Янковичъ, то-есть та самая ея крѣпостная „дѣвка“, которую когда-то „выкралъ“ Абдурраманчиковъ и изъ-за которой весь „сыръ-боръ загорѣлся“ и все многое смутное и пагубное воспослѣдовало.

Княгиня вызвала къ себѣ Ѳедоську чрезъ Горста, но объяснялась съ ней наединѣ.

Она узнала отъ женщины, что ея мужъ, дѣйствительно—какъ уже ходилъ слухъ—находится въ Петербургѣ и началъ какое-то дѣло—не то ходатайство, не то ябедничество противъ княгини Татевой.

Арина Саввишна унизилась до того, что приняла какъ гостью и какъ равную, свою крѣпостную и не „вольноотпущенницу“, а „бѣглянку“, не освобожденную ею самой отъ крѣпости, а выкраденную сосѣдомъ. Но этого мало. Княгиня стала просить ее уладить глупое дѣло, написать и усовѣстить мужа перестать „путать“, а вернуться тотчасъ и получить большую сумму.

— Соблазнъ будетъ, а толку никакого!—говорила княгиня.

Ѳедоська, тронутая лаской своей бывшей барыни, плакала и повторяла:

— Поздно! Ничего я не могу. Зачѣмъ вы раньше съ нимъ не поладили.

И она объяснила княгинѣ, что, судя по послѣднему письму мужа, „дѣло пошло въ ходъ“—дѣло объ его доносѣ „касательно смертей въ семействѣ князей Татевыхъ“.

Послѣ свиданія и объясненія Арины Саввишны съ Ѳедоськой день бракосочетанія Аникѣева и Катюши снова перемѣнили и еще болѣе приблизили.

Княгиня знала, что дѣлала и почему спѣшила. Шверины нѣсколько удивлялись, но не перечили. Что сейчасъ, что черезъ полгода—не все-ли равно! А такъ какъ Аникѣевъ былъ радъ и счастливъ, что свадьба не откладывается, то тѣмъ лучше для всѣхъ.

И однажды весь городъ съ ранняго утра поднялся на ноги. Всѣ приглашенные,—а приглашены были всѣ дворяне безъ исключенія,—собирались въ церковь Преображенія.

Въ полдень храмъ былъ переполненъ, а кругомъ него улица и переулки биткомъ набиты народомъ, сбѣжавшимся поглазѣть, увидѣть, „глянуть хоть однимъ глазкомъ“ на жениха, „братца намѣстниковскаго“, и на невѣсту, бывшую княжну и „мужикову вдову“.

Затѣмъ въ продолженіе трехъ сутокъ послѣ вѣнчанія длились празднества, обѣды и вечера, и балы въ домѣ, занимаемомъ князьями Татевыми, и въ домѣ губернатора.

А на четвертый день праздновалась свадьба сына бывшаго намѣстника Абдурраманчикова, и снова пошли обѣды и балы... и толки о томъ, что „отвалила“ генеральша Бокъ въ приданое за воспитанницей.

XLV.

Спустя недѣлю послѣ свадьбы и визитовъ въ городѣ князя и княгини Аникѣевыхъ, въѣхалъ въ городскую заставу большой экипажъ—„берлина“, запряженный „курьерскими“ ямскими лошадьми. Пріѣхалъ важный сановникъ прямо изъ Петербурга, проѣхалъ въ Нѣмецкую гостиницу, а черезъ часъ уже былъ у губернатора ради объясненій по важнѣйшему дѣлу.

Съ первыхъ словъ объясненія, Шверинъ измѣнился въ лицѣ и долженъ былъ начать оправдываться въ томъ, что по невѣдѣнію породнился съ личностью, которую приходилось „вторично“ привлекать къ суду.

Сановникъ объяснилъ, что по Высочайшему повелѣнію присланъ произвести слѣдствіе по доносу нѣкоего врача Янковича, обвиняющаго мѣстную дворянку княгиню Татеву въ умерщвленіи при помощи ядовитаго зелья двухъ мужчинъ и ребенка, мужей своихъ внучекъ изъ крестьянъ и своего правнучка, новорожденнаго младенца. Доказательства преступленія не существуютъ, но могутъ быть добыты „чрезвычайнымъ“ и „новымъ“ способомъ, на который имѣется Высочайшее разрѣшеніе, а именно: „вырытіемъ изъ могилъ погубленныхъ, для нахожденія въ ихъ тѣлахъ самаго яда“!

И, какъ страшный ударъ грома, разнеслась вѣсть по городу...

„Княгиня Арина Саввишна обвиняется въ тѣхъ самыхъ удивительныхъ смертяхъ, о которыхъ давно всѣ знали и давно гадали, не разгадавъ ничего“.

Князья Татевы, Горстъ съ женой и князь Аникѣевъ съ женой остались надолго въ нанятомъ домѣ, а ихъ бабушка „Татиха“ была взята подъ стражу и содержалась въ двухъ комнатахъ, или въ „дворянскомъ отдѣленіи“ городского острога.

Дѣло, конечно, затянулось, началась „волокита“, и городъ раздѣлился на два лагеря—одни стояли за княгиню противъ проходимца-клеветника, другіе были противъ старухи и говорили:

— Обождите! Слѣдователи держатъ что-то въ сугубомъ секретѣ и все обѣщаютъ не нынѣ-завтра оповѣстить. А когда сіе въ тайнѣ содержимое оповѣстится — то всякъ живъ человѣкъ ахнетъ и перекрестится отъ страха.

И однажды тайна стала извѣстна.

Доноситель и обвинитель, врачъ Янковичъ, заявилъ съ самаго начала, что онъ передалъ княгинѣ сильнѣйшее ядовитое снадобье, имъ самимъ составленное изъ трехъ ядовъ, имъ какъ-бы сочиненное, причемъ просилъ „о вырытіи тѣлъ покойниковъ“, въ коихъ непремѣнно найдется тотъ-же ядъ, имъ изобрѣтенный и нигдѣ въ продажѣ въ аптекахъ не существующій, ниже въ столицахъ. И будетъ это улика полная.

Тѣла двухъ крестьянъ и тѣло младенца были секретно вырыты и разслѣдованы докторами, и указаніе Янковича подтвердилось совершенно.

Разумѣется, Арина Саввишна отвѣчала на все только одно:

— Поклепъ, напраслина, клевета.

Но приключилось нѣчто необъяснимое, но часто на свѣтѣ бывающее. Раздался „гласъ народа“, а извѣстно, что онъ — „гласъ Божій“ и, стало быть, сама правда-истина.

Гласъ народа былъ: „Татиха! Она! никто другой“!

Всѣ повѣрили тому, что рѣшили и сказали слѣдователи и судьи, а эдакое не зачастую на Руси бывало.

И не только дворянство намѣстничества, но и другія сословія, купечество, даже крѣпостные холопы села „Симеонова“—всѣ равно „вѣру дали“ тому, что судьи открыли. Никто не обвинялъ „стрекулистовъ“ и „волокиту“ въ неправедномъ погубленіи сановитой дворянки-княгини.

А пуще всего было важно печальное молчаніе и горестная покорность судьбѣ самой семьи князей Татевыхъ. Вся семья тоже „вѣру дала“ всему, что рѣшилъ судъ. „Разсужденье“ дѣла для всѣхъ—отъ князя Семена и до юнаго Рафушки—казалось правымъ. И имъ казалось даже, что будто все это имъ довно чудилось, ими чуялось. И они горько жалѣли старуху-бабушку. Они повторяли и спрашивали и себя, и постороннихъ:

— А что, бабушка для себя все натворила? для самоличнаго счастья? А что Ариша и Катюша—несчастныя горемыки теперь?

Вмѣстѣ съ ними и всѣ дворяне разсуждали такъ-же и тоже жалѣли „Татиху“.

XLVI.

Прошелъ годъ, и приговоренная въ „рудники“, но помилованная и сосланная на простое поселеніе Арина Татева была уже на окраинѣ, въ глуши Тобольской губерніи, „въ предѣлахъ сибирскихъ“. Родственникамъ было дозволено посылать ссыльной средства на существованіе „безбѣдное“.

Все намѣстничество, а затѣмъ и столицы, узнали послѣднія слова старухи, когда она прощалась съ внуками:

— Не поминайте меня лихомъ! Если я васъ строго содержала, то ради вашей-же пользы. Если грозна была—простите... каюсь. Я — человѣкъ, одинъ Богъ безъ грѣха! Въ смертоубійствѣ каюсь, но не раскаиваюсь. Знаю хорошо и чувствую душевно, что я задумала, какъ сказывается, Шемякинъ судъ. Невиновные пострадали... но я отвѣтила тѣмъ-же! Васъ — внучекъ Арину и Катерину погубили, а я спасла, умертвили и я оживила... И себя въ жертву тоже обрекла. Будьте счастливы и меня лихомъ не поминайте... Часто бываетъ такъ: то, что человѣкъ осудилъ, Богъ простилъ!.. — И вотъ, чаю, и меня Богъ проститъ... Я злодѣйствовала не для себя...

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

Slav 4353.62.17
Shemiakin sud;
Widener Library
006857993
3 2044 085 532 935